
М. ГАСПАРОВ ЗАПИСКИ И ВЫПИСКЫ

М.: Новое литературное обозрение, 2001

Михаил Леонович Гаспаров — крупнейший отечественный филолог, литературовед, переводчик, член-корреспондент Российской Академии наук, лауреат Государственной премии России (1995), автор многочисленных трудов по античной литературе, поэтике и стиховедению. Широко известны его работы «Античная литературная басня» (1971), «Современный русский стих. Метрика и ритмика» (1974) и др. Его перу принадлежат ставшая бестселлером книга «Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре», сборник «Избранные статьи», получивший Малую премию Букера (1997) за значительный вклад, внесенный в историко-философские и культурные исследования по русской литературе. Новая книга М.Л. Гаспарова — причудливый сплав дневниковых заметок, воспоминаний и литературно-критических эссе. Часть текстов печаталась в журнале «Новое литературное обозрение», вызвав большой интерес у читателей, и была удостоена премии имени Андрея Белого (1999).

Художник Д. Черногаев.

В оформлении книги использован дружеский шарж Э. Станкевича и рисунок Сольми.

[Оригинальные номера страниц поставлены в квадратные скобки.]

- [Михаил Леонович Гаспаров](#)
-
- [I. От А до Я](#)
- [II](#)
 - [ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ](#)
 - [ОБЯЗАННОСТЬ ПОНИМАТЬ](#)
 - [ФИЛОЛОГИЯ КАК НРАВСТВЕННОСТЬ](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЕ ПСЕВДОФИЛОСОФСКОЕ](#)
 - [ПРОШЛОЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ](#)
 - [КРИТИКА КАК САМОЦЕЛЬ](#)
- [III. От А до Я](#)
- [IV](#)
 - [ВЕРЛИБР И КОНСПЕКТИВНАЯ ЛИРИКА](#)
- [V. От А до Я](#)
- [VI](#)
 - [ВРАТА УЧЕНОСТИ](#)
 - [АНТИЧНОСТЬ](#)
 - [СТИХОВЕДЕНИЕ](#)
 - [ПЕРЕВОДЫ](#)
 - [КРИТИКА](#)
 - [СЕМИОТИКА: ВЗГЛЯД ИЗ УГЛА](#)
 - [ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «МЕДВЕДЬ»](#)
- [VII. От А до Я](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

Михаил Леонович Гаспаров

Записи и и выписки

М·ГАСПАРОВ
ЗАПИСИ·И
ВЫПИСКИ

I. От А до Я 7

«Ода на победу» М. Тарловского — 31. Gesta Romanorum — 44. Моя мать, мой отец, мое детство, война и эвакуация, школа. «Ликид» — 71

II.

Интеллигенция и революция 84

Примечание филологическое 88

Примечание историческое 91

Обязанность понимать 95

Филология как нравственность 98

Примечание псевдо-философское 100

Прошлое для будущего 102

Примечание педагогическое 106

Критика как самоцель 109

III. От А до Я 113

Письмо из Италии — 126. Сны О. Седаковой — 137. Пандемониум Иеронима Нуля» В. Маккавейского — 145. Из разговоров С. С. Аверинцева — 164. Юбилей — 186.

IV

Верлибр и конспективная лирика 189

Верхарн — 194. А. де Ренье — 202. Мореас — 209. Приложение: Поль Фор — 212

V. От А до Я 220

Сказка о мешке — 233. Письмо из Вены — 237. ИМЛИ, Сучков. Самарин, Соболевский — 250. «Фауст» Овчинникова — 272

VI

Врата учености 305

Античность 309

Стихование 314

Переводы 319

Критика 326

Семиотика: взгляд из угла 329

Ответы на анкету журнала «Медведь» 332

VII. От А до Я 336

Dies irae — 353 «Отрывок из греческой трагедии» — 358. Воспоминания о Сергее Боброве — 385

У меня плохая память. Поэтому когда мне хочется что-то запомнить, я стараюсь это записать. Запомнить мне обычно хочется то же, что и старинным книжникам, которых я люблю: Элиану, Плутарху или Авлу Геллию, — интересные словесные выражения или интересные случаи из прошлого. Иногда дословно, иногда в пересказе; иногда с сокращенной ссылкой на источник, иногда — без. Сокращений я здесь не раскрывал: занимающимся историей они понятны, а остальным безразличны. Я не собирался это печатать, полагая, что интересующиеся и так это знают; но мне строго напомнили, что Аристотель сказал: известное известно немногим. Я прошу прощения у этих немногих. Эти записи и выписки печатались в журнале «Новое литературное обозрение». Для книги я добавил к ним несколько статей на ненаучные темы — писанные по заказу, они тоже когда-то кого-то интересовали — и несколько экспериментальных стихотворных переводов, сделанных для себя.

М. Л. Гаспаров

Дядя мой однажды занемог...

А. С. Пушкин

У этой книги 200–300 авторов, из которых я выбрал фразы, показавшиеся мне справедливыми.

Стендаль, «Жизнь Наполеона»

Разночинцу не нужна память, ему достаточно рассказать о книгах, которые он прочел, — и биография готова.

О. Мандельштам, «Шум времени»

А «Если ты сказал «А» и видишь, что ошибся, то говорить «Б» не обязательно», — говорит персонаж у Брехта (кажется, в «JaSager»). — Не надо делать культа даже из верности самому себе. Впрочем, еще раньше говорилось: сказав А, не будь Б.

Автор «Сочинение Ферфассера» было напечатано на переводном романе 1810 г. (РусСт 59, 1888, 126). Ср. ИГРОЛОГИЯ.

Автопародия У Пушкина в «Оде Хвостову» стих «А ты глубок, игрив и разен» копирует собственное «К морю»: «Как ты, могущ, глубок и мрачен».

Автопародия («Онегин» как автопародия южных поэм итд). Не казался ли Пушкину «Беппо» автопародией «Дон-Жуана»?

Авария «Христианство, а потом раскольниковство начинались в расчете на скорый конец света, а потом переходили на аварийный режим: это и был мораторий страшных судов».

Ад На обсуждении диссертации в отделе теории ИМЛИ было сказано: «Так как Блейк был порождением ада, то не следует изображать его вдохновителем английского романтизма». Мне показалось, что это всерьез.

Адам В начале XVIII в. объявили, что нашли список сочинений Адама, и среди них — «Всемирную историю». [7]

Авторитарность Когда Бахтин пишет «Тургенев не понимал, что такое настоящий роман»; это похоже на марксистское «Пугачев не понимал, что такое настоящая революция». Авторитарной была память Н. Я. Мандельштам.

Анаграмма «Поиски анаграмм — художественная работа: нужно, чтобы после тебя уже нельзя было ее не заметить», сказал О. Ронен (по поводу того, что «Анчар» — сублимация от «саранча», на которую его послал «князь» Воронцов).

Была детская игра: из букв длинного слова составлять короткие слова, кто больше составит. (М. Ю. Лотман сказал, что у них в школе такая игра называлась «словяга».) Сколько можно составить слов в 4 и более букв из слова «Электростанция»? Более 200. Поэтому мне не казалось странным, что из любого четверостишия можно вычитать какую угодно анаграмму. Однако думалось, что не зря же этим увлеклись большие ученые; хотелось проверить. В. С. Боевский написал мне, что готовит для блоковской конференции доклад об анаграммах у Вл.

Соловьева. Я спросил «По каким стихотворениям? хочу попробовать сам, а потом свериться». Он назвал. Я взялся за первое (не помню какое), стал высчитывать особо частотные буквы, и из них безоговорочно сложилось слово «масло». Тут я понял, что хоть анаграмма, может быть, и великое дело, но мне оно противопоказано. (Работа Боевского напечатана: сб. «Целостность худож. произведения и проблемы его анализа...», Донецк, 1977; ср. «Блоковский сб.», Ш. Это была та самая конференция, где Тименчик сказал: «если наша жизнь не текст, то что же она такое?» — см. ВЗГЛЯД ИЗ УГЛА. Что анаграмма все-таки великое дело, меня обнадеживает Свифт, который в 3 части «Гулливера» уже издевался над этим методом; а Свифт гениально выбирал для издевательств только самые перспективные идеи во всех науках: всемирное тяготение, кибернетические машины, хлорофилл, мозговые полушария...

В детской книжке были головоломки: слова с переставленными буквами, восстановите слово — что такое «сляратюк», «цинемаль»? и особенно «кечелов»: человек...

кстати сказать
сукин ты сын
кто тебе сказал
что ты
текст?
Вс. Некрасов

Ананас был нецензурным словом после одного манифеста ок. 1900 г., где абзац начинался: «А на нас Господь возложил...» (Ясинский, 297).

Анакреон («А мне бы стать рубашкой, Чтоб ты в меня оделась, А мне бы стать водицей, Чтоб мною ты умылась...»): ему подражала Цветаева: Штейгер был богат, но она купила и послала ему куртку с запиской «я хотела бы быть этой курткой» (С. Карлинский). [8]

Аполлон «Слог пиитический и аполлиноватый» хотел видеть в поэзии В. Тредиаковский. См. АПОЛЛОН же.

Аристид «За Ельцина так агитируют, что к нему уже хочется относиться, как к Аристиду», — сказал И. О. (в 1988): см. Плутарх, Ар., 7.

Аристотель «Нехорошо читать опровержения Маймонида на Аристотеля, потому что человек засыпает над Аристотелем, не дочитав до опровержений». Эту хасидскую мудрость учитывали и при советской власти, но тоже непоследовательно.

Архив Человек — точка пересечения социальных отношений: Вяземский об этом сказал: «Бог не дал мне фасы, а дал много профилей». Виднее всего это в архиве, где образ человека вырисовывается из писем к нему от разных лиц. Повесть об этом написал Апухтин. Человек в литературе — совокупность фрагментов, соответствующих этим отношениям. В традиционалистической литературе они располагались синхронистической мозаикой, в так называемой реалистической стали располагаться в диахронической перспективе: «Блажен, кто смолоду был молод...» итд. Это было названо Bildungsroman (см.).

Архипелаг Э. Панофский писал: образованность немецкого студента — архипелаг цветущих островов, разъединенных безднами невежества; образованность американского — мощное сухое плоскогорье.

Архипелаг «Жаботинский, как Гарибальди, представлял человечество архипелагом, где каждый народ — отдельный остров».

Архаисты и новаторы Жуковский раздражал Тынянова тем, что был новатором, не будучи архаистом, а провинциал Тынянов ценил архаизм.

Ассигнации Щедрин писал в письме (цит. по памяти): «Говорят, будут продавать ассигнационную говядину, которая будет относиться к настоящей так же, как ассигнационный рубль к настоящему. Но если мы и дальше будем печатать ассигнационные стихи г-на Боровиковского, то журнал наш долго не продержится» итд

Актуализация второстепенных значений слова, по Тынянову это все равно что читать книгу, при каждом слове вспоминая весь набор его значений из толкового словаря. Приблизительно так работают искатели подтекстов. А еще более современные вместо толкового словаря смотрят в «Мифы народов мира».

Акцент Н. Трубецкой говорил: идеи Марра становятся менее бредовыми, если читать его статьи с грузинским акцентом. (А Э. Чансес говорила, что «Улисс» понятнее с ирландским [9] акцентом.) — А. Долинин: «Набоков отгораживался от американской культуры: в магнитофоне у него британский акцент попеременно с русским».

Аутентичность Набоков вносил изменения в свои поздние английские автопереводы и объявлял их самыми аутентичными, чтобы они быстрее нашли разноязычных переводчиков, чем если бы с русского. А. Н. Толстой переделывал «Гиперболоид» (и пр.) для каждого переиздания ровно настолько, чтобы получить гонорар, как за новый текст. Когда планировали объем нового академического издания А. Н. Т. со всеми вариантами, об этом никто не подумал.

Анекдот Я сказал сыну: я — тот козел, которого в анекдоте вводят в тесную комнату, чтобы потом выгнать, и людям стало бы легче. Сын, хоть и привыкший ко всему, сказал: «Никогда не мог подумать об этом с точки зрения козла!»

Анна Каренина «А ты трудись, я тебе помогу, вон Анна Каренина семь раз переписывала «Войну и мир»...» (Л. Рахманов, 1988, 686). Естественно, потому что эквиритмично; знаменитую хабаровскую жел. дор. станцию Ерофей Павлович я оплошно называл «Ерофей Маркович» (а собеседники мои — «Ерофей Петрович»).

Аттицизм Д Мирский: «Пушкинская проза — русский аттицизм». «Если Мериме — мумия, то Пушкин — скелет». «Но русская проза пошла не за Пушкиным и Гоголем, а за Жорж Занд (Тургенев), Бальзаком (Достоевский) и Стендалем (Толстой)».

Ахилл Издательская марка на книге А. Петровой: черепаха, а вокруг по кругу: «Следом следует Ахилл».

Афоризм «Мысли вприкуску». (Источника не помню.) Жанр, в котором великие люди состоят при собственных изречениях.

Благоутробие

Повсюду зрятя новы дома,
Благоутробию блюдомы...
(Е. Костров)

Благоутробие «С цесарекралеvским благоутробным дозволением» — подзаголовок в «Славеносербских ведомостях».

Благо Во благоприсноувеселении и во всяких присноденственных благоключимствах с благопрозябшими от тебя чады твоими благодетельми моими во многочисленные веки здравствуй. (Письмо 1695 г. из Азовского похода: РСт 74, 1894, 247).

Благо А местный священник даже всенародно однажды выразился, что душа ее всегда с

благопоспешением стремится к благоуте[10]шению ближнего, а десница никогда не оскудевает благоготовностью к благоукрашению храмов Божьих Но Марья Петровна и сама знает, что она хорошая женщина (Щедрин, 6, 357).

Бедный из статьи о нем: «Упрощенность стихов Демьяна Бедного превзойдена лишь упрощенностью обычного изучения их».

Бедный Слонима называли Мирским для бедных. «Для очень бедных», — поправлял Адамович.

Белый («Тристр. Шенди», V, 43) И. Аксенов (в письме к С. Боброву): когда был у Пикассо, то сказал: Что ж вы меня не спрашиваете о белых медведях, вы ведь полагаете, что они у нас по улицам бегают? — Нет, не полагаю, тогда бы их шкуры дешевле стоили; а то я хотел подарить одной даме, но цена — не подступишься! — И, помолчав, с надеждой: Ну, а волки-то хоть бегают?

Белый РГБ 25.23-6, письмо Веры Станевич: мы с подругами на спиритическом сеансе вызвали ваш дух, он продиктовал нам стихи <очень плохие>, авторизуйте. «Люблю солнце, Шопэна, Пшибышевского и шоколад. Когда встречаю Вас на улице восклицаю: это Андрей Белый!» Потом приходила к нему под видом своей сестры, потом присылала открытку (л. 76) «22-го. Отчего? — Вера» итд (Указано Н. А. Богомоловым). Это напомнило мне рассказ Н. Вс. Завадской о том, как она познакомилась с Пастернаком «на пари: "А вот слабо тебе позвонить Пастернаку, Шервинскому или Любошицу!" — сказала Ксения Коган; я тут же позвонила, сказала: я не могу сейчас объяснить, почему я вам звоню, но потом объясню». Потом разминовались; вернувшись из Марбурга, он сказал ей: «Знаете, боюсь, что вы опоздали»; и потом: «Выходите за Костю Локса, он очень хороший человек». Потом они дружили: когда начинался дождь, Пастернак звонил ей, и они выходили гулять по Пречистенскому бульвару. Локсу был посвящен «Близнец в тучах», «Поллукс» — его анаграмма.

Брюсов-критик умел откликаться даже на книги, которых не было: «Вчера, сегодня и завтра...» (VI, 507): «как стихотворец решительно ниже себя во всех своих новых стихах был и А. Белый («Королевна и рыцари» 1921, «Первое свидание» 1921, «Зовы времен», Б., 1922 и др.)».

Умер великий Брюсов,

Но он оставил в жизни много плюсов.

(Рабкоровские стихи, цит. в «На лит. посту» за 1925)

Бабочки «Его эпитеты и метафоры, как бабочек, можно накалывать на булавки», — рец. на Набокова в СЗ 59, 517. В «Strong Opinions» он отмечает, что бабочек коллекционировал Марат. Я вспом[11]нил апокрифический херсонский сборник футуристов «Бабочки в колодце» / «Рыбочки в колодце».

Башня «Не поэты, а публика живет в башне из слоновой кости», — цитирует Берберова Кл. Брукса.

Башня «По-французски — башня из слоновой кости, а по-русски — келья под елью», — переводил М. Осоргин.

Безукоризненно Стихи харьковского поэта: «Хотел бы написать стихи я Безукоризненно плохие, Чтоб Раскин написал пародию И тем прославился в народе я». В самом деле, какая редкость — безукоризненно плохие стихи! Впрочем, Ахматова говорила, что из каждого поэта можно отобрать книжечку безукоризненно плохих стихов. Подразумевала ли она исключение для себя?

«**Безнаказанность** — промежуток между преступлением и наказанием» (А. Бирс).

Белесоватый Последние слова Тургенева: «Прощайте, мои милые, мои белесоватые». А у Толстого: «Не понимаю». (Есть варианты). Ибсен, пролежав несколько лет в параличе, привстал, сказал: «Напротив!» — и умер. О. Люмьер, в 92 года (1954): «Моя пленка кончается». Кант «Das ist gut». Ср. у Юшневского на могиле в Иркутске: «Мне хорошо. — Последние слова покойного». Наоборот, Ахматова, после камфоры: «Все-таки мне очень плохо». Н. Я. Мандельштам к сиделке: «Да ты не бойся». Последние слова Эйнштейна остались неизвестны, потому что сиделка не понимала по-немецки.

Белка «Я готов быть белкой в колесе, но не в ста колесах» (из письма).

Белка «Как живете?» — Как все. — «Полоса черная, полоса белая?» — Нет, пожалуй, колесо так быстро вертится, что они сливаются в очень серое.

Бердяева Набокова и Камю сотрудница купила в селе Ночной Матюг близ Мариуполя. Был 1989 г. «Населенные пункты, названия которых можно произносить разве что в Государственной думе», говорилось в фельетоне «Летописи» 1916.

Bildungsroman Считается, что развитие личности пришло в литературу с христианством: обращение преображало человека. Однако такое преображение было уже у Светония: приход к власти изменял Августа и Тита к лучшему, а Тиберия и Домициана к худшему. А есть ли развитие героя в «Гэндзи», где он все время движется по служебной лестнице и меняет именованья? [12] («Римляне открыли понятие карьеры, — сказал В. Смирин, — афинянин к каждой новой должности шел от нуля, римлянин от предыдущей должности»). Для Бахтина, конечно, нет, а для японца?

Болезнь «Чтобы болезни не очень мешали работе, а работа болезням» (из новогоднего письма А. К. Г.). — «Болезни земли» Пастернака — от сентенции «Earth has many diseases, one of them is Man» (читано у St. Graham, но откуда?).

Сон в Петрозаводске. На букинистическом прилавке — книги: сборник Юнны Мо риц, изданный за год до ее рождения; однотомник Мандельштама в изд. «Федерация», 1933, со статьей Тарасенкова, оранжевая серийная обложка, крупный шрифт, последнее стихотворение — «Держу пари, что я еще не умер...»; «Под сенью девушек в цвету», роман Милонии Пац, переплет желтый; П. Тычина, «Заметки о переводческом мастерстве: литературные курьезы, часть 3»; Ю. Герман, «Рассказы о майоре Г.», Л., «Совписатель», 1940. Я стою перед этим прилавком рядом с майором Г, он обменивается с продавцом непонятными словами о том, что, по моему разумению, должен знать и сам; а его вспомогательный лейтенант в это время за окном идет по следам неизвестного преступника, только что на наших глазах купившего в соседней лавке бидон керосину, чтобы поджечь в гавани шлюп «Диана», отправляющийся в кругосветное путешествие...

Бог Добрая старушка, умирая, говорила: «Да будет вознагражден Господь Б. за его милости ко мне» (Вяземский, СтЗК).

Бог В. В. Розанов одним и тем же инициалом обозначал Бога и Боборыкина.

Бог В кружке Н. Грота и Вл. Соловьева тайным голосованием решали, есть ли Б.; большинство было в один голос (Письма Вл. С).

Бог Воспоминания С. Соловьева, поэта: «Видел во сне Бога, он похож на тетю Любу, в зеленой шубе, и играл на скрипке» (ОР РГБ). Люб. Серг. Соловьева была необъятная молчаливая эротоманка.

Бог «Пора не о человеке, а о Боге подумать». А Ему это нужно? тогда я готов. Но если бы я был Богом, я не хотел бы, чтобы обо мне думали. — Так рассуждал Эпикур.

Бог Киплинг после «Recessional» боялся, что его поймут как проповедь мирной политики, — как Цветаева в «Бог прав <...> Вставшим народом» сказала больше, чем хотела, и делала испуганную приписку, что понимать надо наоборот.

Боз «Слово», 1989, 12, ст. С. Куняева про Л. Войно-Ясенецкого, «окончившего свой путь в бозе и в звании архиепископа [13] Крымского» — судя по маленькой букве, это не Бог, а что-то другое. В той же статье была фраза (с. 6): «но в ответ, несмотря на новые времена, опять услышал постылые кивки в прошлое».

Брадобрей Знаменитый стих Мандельштама «Власть отвратительна, как руки брадобрея» идет от зачина «Прекрасный херувим с руками брадобрея...» из не вполне приличного сонета Рембо в пер. Б. Лившица. А «Твой зрачок в небесной корке» и «Полюбил я лес прекрасный» расходятся от С. Парнок (которой он терпеть не мог): «Смотрит радостно и зорко твой расширенный зрачок, и в руке твоей просфорка — молодой боровичок» итд

Бюхер Неизданная эпиграмма Б. И. Ярхо:

Отец у танца — ритм, а мать его — работа;
Работа, следственно, есть бабушка фокстрота.

Базаров Ю. Даниэль говорил: «Чем же плохо, что из человека будет лопух расти? Большой сочный лопух, которым прикроет голову от солнца красивая женщина». А Чуковскому в детстве мать сказала, когда он потерял ее рубль: «Что ж, подумай, как обрадуется тот, кто его найдет» (Дн., 348).

«Берберова не любила Пушкина». — Несмотря на Ходасевича? — «Именно из-за Ходасевича» (с О. Роненом). «Она очень заботилась идти в ногу с временем: даже Ходасевича не объявляла великим поэтом, пока к ней сами не потянулись интересующиеся. Но неприязнь к Пушкину была прочна».

Буйвол В репинских «Пенатах» на двери, похожей на окно, была надпись «Здесь дверь» (восп. Ал. Вознесенского).

Верблюд «Ulbandus Review», славистический журнал Колумбийского университета: заглавие — готское слово, которым Ульфила обозначал слона, а в славянском оно дало верблюда. К символике взаимопонимания России и Запада.

Верлибр «Гитара спасла русскую поэзию от верлибра», — сказал В. М. Смирин.

Вера В «Соврем. идиллии» Редедя рассказывает о Египте: арабы верят в аллаха, а феллахи — во что прикажут. Точно таково было государство и у Платона и у св. Владимира.

Вкус З. Гиппиус писала Адамовичу: «Сирина я, извините, не читала: отчасти по недостатку времени, отчасти из страха: а вдруг мне понравится? Понимайте это, как знаете». Сам же Набо[14]ков (будто бы) считал первоклассными писателями Ильфа с Петровым, Зощенко и Олешу, а второсортными — Элиота и Паунда (Strong Opinions). А в письмах хвалил Багрицкого и Сельвинского.

Власть Первым стихотворением Брюсова, которое я прочитал, было: «Власть, времени сильней, затаена В рядах страниц, на полках библиотек...» Когда в «Мастерах перевода» выходил сборник Брюсова и нужно было название из автора, я предложил: «Власть, времени сильней». С. Щуплецов сказал: «Нет, про власть не надо». Под стеклом на столе у него лежали фотография Солженицына и надпись: «Моя дочь, уезжая, сказала: не могу жить в стране, где жестоко относятся к животным и к людям». Сборник озаглавили «Торжественный привет» — хотя это было из перевода французского стихотворения Тютчева, которое кончалось: «Торжественный привет идущих умирать».

Волость Modern parochial states, выражался Тойнби; волостная великодержавность — вот чего хочется некоторым деятелям. (Журнал «Слово», 1989, 12, с налетом на Сахарова, вышел через несколько дней после его смерти. «Они не знали, что управились и без них», сказала А).

Вигель «Дневник Кузмина — вроде Вигеля», говорила Ахматова Л. Чуковской.

Внешторг был при Петре, ГПУ при Малюте, колхозы при Аракчееве, комсомольцы и выдвиженцы образовывали служилое сословие, а запрет на выезд был и при Грозном, и при Николае I (В. Вейдле).

Вийон А вдруг Вийонова прекрасная кабатчица, плачущая о молодости, вовсе никогда и не была прекрасной, и это плач о том, чего не было? Так Мандельштам, по Жолковскому, пьет за военные астры, зная, что вина у него нет.

Вождь (Б. Горовицу). Гершензон не «вождь», он не вел, а слушал: не авторитарный Платон, а самоотрекающийся Сократ, не хозяин в центре салона, а собеседник с каждым гостем один на один: точка пересечения общественных отношений. Не философ, а филолог-просветитель: философ предлагает нам Паскаля или Киркегора, растворенного в Шестове, филолог — Гершензона, растворенного в Огареве или Чаадаеве, и если Огарев или Чаадаев оказываются от этого окрашены по-гершензоновски, то потому, что так насыщен раствор. Поэтому Г. не выстраивал себя в учение, годное для проповеди, и не боялся противоречий: «Если личность, душа в человеке есть — [15] она почувствуется и без самоутверждения». Только в революцию он стал выдавать лирико-философские книжки, но тогда уже и вести было некого.

Вождь Д Мирский о Брюсове: он знал все о стихотворной технике, но хранил про себя, как тайну, и стал учителем, когда перестал быть вождем. (СЗ 22, 1924; и далее: конечно, Сологуб более значительный поэт, но оттого, что Сологуб занес бы нам несколько звуков райских, никто не стал бы писать лучше, — а от Брюсова стали). Его первые стихи — «пропедевтика к символизму».

Возведение в степень «Что отличает человека от животного? Being aware of being aware of being» (Набоков, «Strong Opinions»). Больше всего это похоже на парафразу Декарта у малоуважаемого Бирса: «Я мыслю, будто я мыслю — стало быть, я мыслю, будто я существую».

Ворону хвалит мир,
Когда у ней во рту бывает сыр.
Граф Хвостов

Возраст У внучки — кризис трехлетнего возраста. — «А у нас говорят о horrible two's». — Это Россия, как всегда, отстаёт в онтогенезе, как в филогенезе. (Впрочем, по нынешним психологам, у детей нет года без кризиса.)

Война «Для Ленина, по Клаузевицу, политика — продолжение войны другими средствами» (М. Вишняк в СЗ 50–51).

Война «Революция завершает неудачную войну, война удачную революцию» (Проповедь классицизма в «Лирическом круге»).

Воскресенье «.. Архангельский и Воскресенья Просвечивают, как ладонь, — Повсюду скрытое горенье, В кувшинах спрятанный огонь...» Ни один комментатор не отмечает, что в Кремле нет собора Воскресенья, а была церковь Вознесенья, надтеремная, многоголовчатая. Точно таким же образом Мандельштам озаглавливает «Равноденствие» стихи о несомненном солнцестоянии, у него «Моисей водопадом лежит» (контаминируясь с «Ночью» и микельанджеловским четверостишием о ней), а Елену сбондили греки, а не троянцы: по-видимому, это методика.

Время В тюркских языках будто бы есть время: недостоверное прошлое.

Время Сабанеев, вспоминая «башню» В. Иванова, удивленно писал: «...по-видимому, у всех нас было много свободного времени». [16] Степун подтверждал (СЗ 62, 230): «...у писателей, поэтов, публицистов, профессоров, присяжных поверенных и артистов было очень много свободного времени». М. Е. Грабарь-Пассек, дивясь толстым томам патрологии Миня, говорила: «Как только они успевали? впрочем, у них не было заседаний...» Я отвечал: «Зато какие долгие службы приходилось отстаивать!»

Временное правительство Это от его времени осело в языке выражение «постольку, поскольку» («Евразия», 1, 1928). Правильное произношение — «временнОе», «а не «врЕменное», как языком чесали» (Ремизов).

Высокомерие «Смотреть на всех снизу вверх — это очень большое высокомерие», — сказал мне А. Я. Гуревич.

-вцы «Не случайно ведь толстовцы были, а Достоевцев не было» (СЗ 30).

(Из Г. Гросса, конспективный перевод):

*Пророки сидели по тюрьмам.
Саранча летела и села.
Наступил экономический кризис.
Тут вспомнили про мед и акриды.
Пророков выпустили на волю.
Их было три тысячи триста.
Они говорили речи,
Утоляя голод саранчою,
А народ их трепетно слушал.
Скоро кризис был ликвидирован,
И пророков вернули в камеры.*

Гален писал: старику вреднее всего молодая жена и хороший повар.

Галстук Не «столыпинский галстук», а «столыпинский галстух», сказал Родичев (В. Марков).

Гадания К. вырезывал из газетных объявлений слова, склеивал в непонятные фразы, приклеивал на стенах комнаты, из-под потолка висела стрелка на нитке, каждое утро он раскручивал ее и вдумывался в фразу (Белоусов, «Лит. Москва», 133).

Гегель Сухово-Кобылин в старости не узнавал родственников, но о Г. говорил не сбиваясь (Изм., Л. О., 436).

Гендер Именно в такой форме это слою вступило в русский язык (кажется, в сб. «Рус. литер. XX в. в работах американских ученых», 1994?), рискуя спутаться с gander, гусак. [17]

Гений Моцарт говорил о Бомарше: «Он же гений, как ты да я», а Пастернак писал Д. П. Гордееву о Божидаре: «Он же ничтожество, как вы да я».

Герб Сын сказал: гербом Москвы был, собственно, не св. Георгий, а «московский ездец» без нимба, чтобы не сквернить святое государственным (сейчас чувства противоположны); потом, что меньше известно, обелиск Свободы на Скобелевском месте (см. ГРУДЬ); теперь, в 1990-м, среди проектов — памятник Долгорукому. «В девизе можно написать: свято место не бывает пусто». — «Ленинградцы обидятся», — ответил сын.

«Гигес пораздумал и предпочел остаться в живых» — самая психологически богатая фраза Геродота (1, 11).

Гусиные перья: ими писали еще Клемансо и Анатоль Франс.

Грех «А какой самый большой грех, по-вашему? — Самосовершенствование, — сказал гнутый, — без боли другому не обходится» (Ремизов, «Мартын Задека»).

Грех Е. В. А спрашивала знакомого священника (он же библиограф по призванию), с какими грехами люди приходят на исповедь. Он ответил: «Один сказал: накричал на канарейку...»

Горло Она же: от отвычки к русским разговорам у нее болит горло; а когда привыкала к французскому языку, болели лицевые мышцы.

Грудь Смерть спасла Гумилева от участи Брюсова, которому кусали грудь оттого, что зубки выросли. «"Памятник" Брюсова напоминает мне памятник Скобелеву», — писал И. Аксенов С. Боброву.

Голова Выписка Эйзенштейна из Гране: в Китае человек называет свой рост только по плечи, потому что на плечах поклажа, а голова солдату не нужна.

Гроб (В. Алексеев:) в Китае на гробовых лавках написано: «Товар долговечности».

«Гюисманс Севера» — называл Ключева Мирский.

*По горам Валдайским ходил Аполлон,
Играл лучше в гусли, нежели в лиол.
Песнь*

«Да! — сказала она с мукой. — Нет! — возразил он с содроганием. — Вот и весь ваш Достоевский!» — говорил Бунин Адамо[19]вичу. О. Ронен сказал: «Вы думаете, Набоков написал «Дар» ради Чернышевского? Ему интересно было, почему вся Россия любила убогого Чернышевского, — чтобы понять, почему вся Европа любит убогого Достоевского». (А потом в свой решающий момент он сам воспользовался приемом Достоевского. В русской эмиграции он был элитарный писатель, а в Америке такой элитарностью никого было не удивить. Тогда, как Достоевский взял криминальный роман и нагрузил психологией, так Набоков взял порнографический роман и нагрузил психологией; получились «Лолита» и слава.)

Дальтонизм Николай I не различал некоторых цветов: на чертеже он спутал Днепр с шоссе, а Клейнмихель за это кричал на инженеров (РСт 66, 302).

Долой «Революцию я встретил стихотворением «Долой меня»» (автобиогр. Ал. Вознесенского, РГАЛИ, 2247.1. 22). «Не верь сначала старой няне, потом учителю не верь, потом писателю в романе, и самому себе — теперь».

Дата «Итак, немного о себе. Я родился около середины века, в 1932 году...» (В. Цыбин, «О своем». Избр. произв., 1989, т. 1, с. 5).

Дата К. Пигарев доказывал, что такое-то стихотворение Тютчева написано летом, потому что в нем описано лето. Хотя Фет, по точным датам, писал о весне в январе, а у Ахматовой «Мартовская элегия» написана в феврале.

Двадцать Жирмунский говорил, задумавшись среди лекции: «через 20 лет пошлость становится стилем» <хочется добавить: а стиль пошлостью> (от А. Долинина). Таков сейчас сталинский соц-арт.

Дворянство Гете: его «уездная жизнь предводителя литературного дворянства», выражение Алданова.

Дебелые хозяйства немцев-колонистов: сначала Потемкин хотел было заселять Новороссию импортными английскими каторжниками, вместо их Ботани-бея (Кизев., Ист. силуэты, 117).

Декабрь «После первого залпа на Сенатской площади было странно тихо: с близкого расстояния картечь поражала смертельно, без стога».

«**Дележ** бывает опасен: вот если бы св. Мартин разрубил не плащ, а штаны...» — сказал И. О.

Дети Анахарсис на вопрос, почему не заводит детей, сказал: из любви к детям (Стобей, III, 120). [19]

Дети У А. Б. Куракина от разных любовниц было их около 70 (РСт 61, 213). Филарет за это отказался от похвального слова над ним.

Дети Отцу новорожденного дают каши перловой с горчицею, перцем, хреном, солью, уксусом по ложке под сахаром, чтобы несколько помучился, как роженица. (А. Терещенко, Быт русского народа). Родители крещаемого не присутствуют при крещении. («Почему?» — спросил некто. «Должно быть, чтобы совесть не зазрила», — отвечал священник. — Вяз., СтЗК.)

Дети Меншиков говорил о Клейнмихеле: достроенный Исаакиевский собор мы не увидим, но дети увидят, мост через Неву мы увидим, но дети не увидят, а железную дорогу — ни мы, ни дети (Вяз., 8, 219).

Дети З. Гиппиус писала: кроме отцов и детей всегда есть дядья и племянники — не детьми же были Блок и Белый Брюсову и Бальмонту, а Есенин с Маяковским — Блоку (СЗ 23, 1924).

Дети М. Цветаева (по Белкиной, 322): вначале дети родителей любят, потом дети родителей судят, потом они им прощают. О том, как сама М. Ц. повторяла свою мать, — книга Л. Файлер.

Для «Пишу это для Вас, а не для читателей. Пусть для них я останусь посрамленным. Это делу не вредит». Б. Томашевский — С. Боброву, май 1916 (РГАЛИ, 25541.66). Ср. А. П. Квятковский в письме 26.3-1948 о своем «Словаре»: «...пусть уж бьют меня, меньше тумачков достанется другим, кто втянется в это малоблагодарное дело».

Деррида: «Риторика научного региона против философии научного интернационала», «национал-философизм». («Библейское ощущение избранного народа», сказал С. А.)

Диалог — быстрые обмены ролями между камнем и скульптором: то я его — долотом, то он меня — долотом.

Диалог Для меня в диалоге межсубъектного нет: я в диалоге только быстро меняюсь из субъекта в объект и обратно. При этом я — субъект, когда слушаю и от этого преобразовываюсь, — а не когда говорю и влияю. Так же можно преобразовываться и в общении с камнем или уважаемым шкафом.

Диалектика «Так как Н. был диалектиком, т. е. хорошо понимал разницу между трупом и не-трупом, то он побежал по улице зигзагами и пригибаясь» (С. Бобров, «Восстание мизантропов». Моя дочь, 10 лет, услышав это, сказала: «Неправда, при мизантро[20]пах ружей не было». Она имела в виду питекантропов. Декан филфака в Киеве имел прозвище: псевдантроп).

Диалог со студентом: он распускает хвост, я подставляю ему зеркало.

Диалог Книги А. Зиновьева — образцовая модернизация жанра платоновского диалога. Как она непохожа на то, что под этим имел в виду Бахтин.

Дисциплина партийная. Когда Якобсона спрашивали: кто пять лучших поэтов после Блока? — он говорил: Хлебников, Маяковский, Мандельштам, Пастернак, — а пятый? — и потуплялся: «Асеев; но кто скажет Кузмин, не буду спорить». (От К. Тарановского и О. Ронена.)

До Д. Мирский: «...у Бабеля, Маяковского, Пастернака корни в дореволюционной России, как у Толстого и Достоевского — в дореформенной России». Ср., напротив, Кузмин в «Условностях», 23, о том, что писатель бывает современником не современникам своим, а потомкам.

Добрый Алданов о Прусте: мемуаристы в голос пишут, какой он был добрый, но, прочитав его, уже не думаешь, есть ли на свете хорошие люди, а только — есть ли нормальные (СЗ 22, 1924). — «Зло, безнадежно, безысходно добр» был Добычин (Каверин, «Эпилог»).

Добрый «Время такое, что легче быть талантливым, чем добрым».

Добродушный С. П. Бобров в «Инт. лит.» 1940, 7–8, 266, цитирует предисловие Фета к Катулли — как Пушкин «сам добродушно признавался»: «и меж детей ничтожных мира всех, может быть, ничтожней он» — «кто сейчас мог бы расслышать в этом «добродушие»?!»

Доброжелательный Ибсену поклонился незнакомый молодой человек на улице, Ибсен сказал: «Юноша, я вас не знаю, но по лицу вижу вашу великую будущность». На другой день молодой человек опять его встретил и радостно поклонился, Ибсен сказал: «Юноша, я вас не знаю...» итд

Добродетель «Человеку добродетельному и то нужна накидка в дождь». Варрон, Мениппеи, 571.

Долг Орден Марии-Терезии, который дается тем, «кто исполнил больше, чем свой долг» (упом. у Алданова).

Дом Утомительно-разнообразные домики из утомительно-однообразных кубиков по краям американских дорог. [21]

Дон Что было награблено Наполеоном, то было отграблено и пошло на Дон.

Дочка Липочка «Мало ли что я знаю еще и о чем умолчал в "Петербургских зимах"», — писал Г. Иванов, НЖ 43 и 46.

«Друг ли вы самому себе?» «Есть ли у вас друзья среди мертвых?» (из вопросника М. Фриша). Были логические головоломки: «Александр, Борис, Владимир. Григорий — летчик, доктор, учитель и садовод; кто есть кто, если Александр дружит с доктором, Борис играет в теннис с садоводом итд? У меня они не разгадывались, потому что дружба казалась мне актом односторонним: если Александр дружит с доктором, это не значит, что доктор дружит с Александром. Если бы я был старше, я сказал бы «как и любовь» и процитировал бы эпод Горация.

Душа «Гиря на душе все та же, но хоть твердо стоит и не ерзает» (из письма).

Душа Стихи — это выражение того, что на душе? да нет, это мы на душе у языка, и очень тяжелым камнем.

Душа «Некоторые колдуны устраивают настоящие убежища для блуждающих душ, и если кто-нибудь потерял свою душу, то он может за установленную плату достать здесь другую» (Фрэзер).

Душа Карманы — «большие, накладные, глубокие — до дна души!» — заказывала М. Цветаева на пальто перед Россией (письма к А. Берг, 28 янв. 1938).

Душа «НН ходит ко мне в душу, как в собственный ватерклозет», — жаловался кто-то в мемуарах акад. А. Н. Крылова.

Духом перегибателен фразеологизм.

Дуэль Из-за музыки Листа у двух поклонниц чуть дело не дошло до дуэли. (РСт 1885, 1, восп. Галахова о П. Н. Кудрявцеве. Я вспомнил, как М. Шагинян вызывала Ходасевича биться на шпагах).

Дурак закричал попугай; солдат вытянулся и ответил: виноват, ваше благородие, я думал,

что вы птица.

Духовность «Что такое духовность? — Это когда нет и хлеба единого» (И. О). «Декоративная духовность» — выражение О. Хрустальной в 1989 г. для поколения Евтушенко и Вознесенского; увидела бы она, что будет потом! [22]

*Не вовсе чуя бога света
В моей неполной голове...*
Языков

Евграф Бухарин при Мандельштаме и Пастернаке — это какой-то благодетельный брат-Евграф русской литературы, стилистически отличный от доброго барина Луначарского.

Евреи «М. К Тихонова сказала о Тынянове: он сделал Грибоедова евреем» (записи Л. Я. Гинзбург). «Так он и Пушкина сделал евреем!» — воскликнул О. Ронен. Лишь потом (МН, 1996, июнь) со слов Харджиева было напечатано, что любимым раздумьем Тынянова было: кто из русских писателей насколько был евреем?

«Епиходов формальног о метода» — писал Вс. Рождественский о Н. Заболоцком (Е. Архиппову, РГАЛИ 1458. 1. 164, л. 70, к выходу «Столбцов»). А «Козлиная песнь» — «мухомор».

«Если бы проглоченный кролик мог написать воспоминания об удаве...» — начала дочь.

Ё («заяшный сказ»). Пушкин писал через ять: «ВсѢ те же ль вы» (не менялся ли ваш состав?); без ятя же, несмотря на отсутствие точек над «ё», единодушно читается: «Всё те же ль вы» (по-прежнему ли вы такие, как были?). В «Анне Карениной» только точками над «ё» можно заставить читать имя «Левин».

Женитьба Пал. Ант., VII, 309:

Шесть десятков прожив, здесь я сплю, Дионисий из Тарса.
Сам я не был женат. Жаль, что женат был отец.

Ср.: «Я бездетный. Это наследственное. Бабушка была бездетная, мать бездетная...» Откуда же вы? «Я из Минска».

Женитьба Бедуина спросили: «Почему ты не женишься?» Он ответил: «Потому что для этого нужно сперва развестись с самим собой». — Ср. в ЛГ юмор к 8 марта: «От себя не уйдешь, кроме как к другой».

Жизнь Воспоминания Н. Ге (младшего): гуляя вечером по Хамовникам, Толстой остановился у неплотно прикрытого ставня, постоял, подсматривая, сказал: «Как интересна жизнь» — и пошел дальше (СЗ 64).

Жизнь Рассказ в НЖ 3 (1942): записка самоубийцы: «В жизни моей прошу никого не винить». [23]

Жизнь Записи Л. Гинзбург. Она сказала Олейникову, что Брики страстно стремятся доказать, что они живы: Маяковский умер, а они живы. Олейников задумчиво ответил: «А ведь, в сущности, это так и есть...»

Жизнь И. Эренбург, «Виза времени», 245, закарпатские вывески: «Великое похоронное предприятие». «Продажа виктуалов». «Торговля жизненными потребностями и прочим мешаным обходом».

Жизнь Он же, там же, о последнем цадике. Рай — это память о добрых делах, а ад — это стыд. Всюду солдат учат по-своему, но всюду «раз-два»; но плох солдат, который в войну не

забывает «раз-два». А что вся жизнь, как не война?

Заикание (pro domo mea). «Шкловский из своего умственного заикания создал жанр и стиль» (записи Л. Я. Гинзбург). — «У него мысли как булавки, натканные в подушечку», говорила Э. Триоде (восп. В. Кат, 105).

Заповедь Serena Vitali о М. Цветаевой: она грешила не против седьмой заповеди, а против первой: «не сотвори себе кумира». <И против первой-«а»: не разрушай его>.

Звезда (с звездою?). В архиве я читал пустозвездные стихи.

Здравствовать Б. Томашевский — С. Боброву, 12 авг.1949: «Жалею Слонимского... Он, как говорится, опоздал на празднество Расина, но все еще не желает с этим считаться. Его темы тяжелее Ваших, и в них не наздравствуешься» (РГАЛИ).

Здоровье «Относитесь к вашему телу, как к автомобилю, — сказали мне. — Если будете заботиться — далеко уедете; если захотите таскать на себе — недолго пройдет».

Злоба дня (Б. Нольде, «Далекое и близкое»). В начале 1913 г., отделив Монголию от Китая, русские поручили буряту Джамсаранову издавать в Урге газету. В первом номере было написано о земном шаре, частях света, молнии и грома, формах правления, русско-монгольском договоре и пр. Номер бурно раскупался, потребовалось второе издание, а ламы жаловались хутухте, что круглая земля — это ересь.

Злоба дня За пастернаковским «Беспечно мчатся тильбюри, Своя довлеет злоба дневи» («Бальзак»), кроме 6-й главы от Матфея, — письмо Л. Толстого Фету, 12 нояб. 1873: «Заботливы мы слишком оба, Пускай в грядущем столько бед, — Своя довлеет дневи злоба: Так лучше жить, любезный Фет». [24]

Знамение В Кампании заговорил бык; для отвращения беды его поставили на общественное довольствие (Ливии, 41, 13).

Звериное число А сколько строк в печатном листе, нормальных строк по 60 знаков? 666, звериное число. И 6 десятых.

Иверская, или **Интервал междуударный** экспериментальный пример В. Шершеневича («2x2=5», с. 25):

Повесил на дверь я вывеску,
Выгравированную параоксифениламидобензойной кислотой.
Пойду, помолюсь у Иверской
За пример огромный такой!

Интеллигенция «Не хочу умирать, хочу не быть» (Цветаева в записях 1940 г.). А Кузмин писал, что не хотел бы делаться католиком (или старообрядцем?), но хотел бы им быть. Был юбилей Эразма Роттердамского, И. И. Х. сказал: «Ваш Эразм — воплощение интеллигентского отношения к действительности: пусть все будет по-новому, только чтоб ничего не менялось».

Инфлюэнтик А Л. Андреев кричал Бунину: вся интеллигенция разделяется на три типа — инфлюэнтик, неврастеник и меланхолик!

«Идеи, как и вши, заводятся от бедности», — говорил К. Зелинский А. Квятковскому (РГАЛИ 391.1.20, письма Квятковского Пинесу). «Идеологическая малярия», писал сам Квятковский. «За отсутствием крови пишем чернилами».

Интерпретация «Ты слушай не то, что я говорю, а то, что я хочу сказать!» — говорит жена мужу в анекдоте. Любители чтения между строк воображают такими всех классиков.

Интерпретация есть не что иное, как построение тезауруса: три разных интерпретации —

это три по-разному рубрицированных тезауруса (доклад Д. Исхаковой). «Понимание» — это то, что можешь пересказать, «восприятие» — то, чего и не можешь; принимать одно за другое опасно.

Интуиция Можно читать на неизвестном языке, подставляя под звуки и буквы чужих слов похожие из своего языка. В «Вестник древней истории» самоучка прислал расшифровку этрусского языка: этруски значит «это русские» (как же иначе), поэтому их греческие буквы нужно читать, как русские; надпись на вазовом рисунке (буквы: хи, коппа, дигамма, эта, пси, йота...) читается: «хрен жили русы». (И редакция должна была подробно объяснять, почему это не может быть напечатано). Когда я смотрю на дерево, или здание, или стихотворение без подготовки и пытаюсь понять их интуитивно, мне все время [25] кажется, что это я его толкую на манер «хрен жили русы». Когда я читаю деконструктивистский анализ — тоже.

Рассказывал Ю. Шичалин. На вступительном экзамене девочка изумительно прочла «Пророка». «А кто такой серафим?» — «Херувим». (Я бы удовлетворился). «А что такое зеница? десница?» Не знает. Ш. обращается к ожидающим очереди: «Есть ли кто-нибудь, кто знает, что такое десница?» Мрачное молчание и из угла унылый голос: «Я знаю, только объяснить не могу».

Интернационал в пер. Колау Чернявского («Письма», Тифл., 1927):

Вот роковая борьба.
Сгрудимся все побороть.
Завтра людская толпа —
Международь.

Встань от расправы земли, Встань ты от голода-каторги, Лавы последней разлив, Грохоты разума в кратере. Наголо сбреем бывшее, Валом вздымайся, раб. Прочь мировые устои. Все — ты, ничто — вчера итд.

Интернационал Вишняк говорил, что при разгоне Учредительного собрания его пели и разгонявшие и разгоняемые.

Иммиграция Внутренний иммигрант — это значит карьерист.

Инстинкт «Я, конечно, не люблю ее, а тянусь все тем же своим инстинктом — давать счастье» (Дневник А. И. Ромма, РГАЛИ 1495, 1, 80).

Имя Консула 169 г. звали: Кв. Помпей Сенецион Росций Мурена Секст Юлий Фронтин Силий Дециан Гай Юлий Еврит Геркуланий Луций Вибулий Пий Августин Альпин Беллиций Соллерт Юлий Апр Дуций Прокул Рутилиан Руфин Силий Валент Валерий Нигер Клавдий Фуск Сакса Урутиан Сосий Приск (Фридд, р. п. 114).

Имя А «своенравное прозвание» Настасьи Львовны, о котором Баратынский написал небесные стихи, было «Попинька». Ср. у Вяземского в эпиграмме: «Его не попинькой, а Пыпинькой зовут».

Имя А у молодого Уайльда была пьеса из жизни русских нигилистов, где действовали Царь Иван, Принц Петрович, Алексей Иванасьевич, Полковник Котемкин и Профессор Марфа.

Имя Прокофьев в детстве сказал матери: «Мама! я написал рапсодию-Листа». Федр озаглавливал свои стихи: «Эзоповых басен книга такая-то». А у Шенгели есть четверостишие под названием «Стихи Щипачева» (РГАЛИ): [26]

Вот дуб. На нем могла б сидеть ворона,
Приподымая черный лоб.
Однако не сидит. Так в чем же суть закона?
Не все бывает, что могло б.

Инверсия (гистеросис): «И звуков и смятенья полн» — это не замечалось, пока Цветаева во французском переводе не переставила «... Смятения и звуков», и все выровнялось и побледнело, смятение сперва, звуки потом.

Инверсия (с В. Ляпуновым). «Видение» Тютчева начинается парадоксом; живая колесница мироздания (целое!) катится в святилище небес (часть!). А кончается двусмысленностью: лишь Музы (подлежащее?) девственную душу (объект?) в пророческих тревожат боги снах: правильное осмысление — лишь в предпоследнем слове. Есть ли этот синтаксис — иконическое изображение непостижимости мира?

Инерция «Портрет портретыч», называл Серов свои рядовые работы. Доклад докладыч, Статья статьинишна.

Интенция Когда деструктивисты вместо статической «техники» писателя говорят об интенциональной «стратегии» писателя, он у них похож на Ленина, которому важнее была победа, чем истина.

Интересный Когда при мне говорили «интересная женщина», я не понимал. Мне объяснили: «Вот о Кирсанове ты ведь не скажешь: великий поэт, — ты скажешь: интересный поэт. Так и тут». Тогда я что-то понял. Кажется, теперь это словосочетание выходит из употребления.

«Историзм могли выдумать лишь те европейские нации, для которых история не была непрерывным кошмаром» — М. Элиаде.

Информация А. Н. Колмогоров любил Евтушенко больше, чем Вознесенского: информативнее. А Солженицына критиковал слева: за непростительное большевикам (Восп. об АНК, 46 1 сл.).

Искусство «Любишь ли ты музыку?» — спросил Ребиков мужика. «Нет, барин, я непьющий» — ответил тот (Лет. 1916, 2, 178). Ср. разговор извозчика с Шалапиным: «Чем занимаешься?» — «Пою». — «Да нет, чем занимаешься?» — итд

Искусство Текстология — убедительная подача последовательности зачеркнутых вариантов а, б, е. — это тоже не наука, а искусство: Томашевский владел им гениально, я бездарно, а иные даже не знают о его существовании. [27]

Искусство «Построить искусство легко просыпаться от сна» предлагал Хлебников (V.158).

«Испанцы суть умеренны и трезвы, выключая только простой народ. Также постоянны, искренни, глубокомысленны, горды, тщеславны, ленивы и сребролюбивы» (Ремизов, «Россия в письмах.»). См. РУССКАЯ ДУША

Изъявление Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттух «был человек неизъявительный и довольно робкий».

Игра «Чехов притворялся не-новатором, как другие притворяются новаторами».

История «Как же подданному знать мнение правительства, пока не наступила история?» (К. Прутков, «Проект...»).

История Эдисон предложил Эйнштейну свои тесты: сколько километров от Нью-Йорка до Нью-Орлеана, какова температура плавления иридия и пр. Эйнштейн сказал: «Не знаю, посмотрю в справочнике». Современной культуре нужна не память прошлого, а справочник, в

котором можно найти прецеденты на все случаи будущего. Такой справочник пробовал сделать Тойнби.

История современная В школьную программу ее ввели при Наполеоне III. «Угодничество сделано предметом школьного изучения» (Дневник Гонкуров, окт. 1863).

Разговор с О. Роненом. «Гуманитарии боролись за свободу слова — и когда ее дали, то оказалось, что у них заготовлены впрок издания и Гумилева, и Клюева, и пр. Если бы юристы вот так же предложили конституцию и набор кодексов, а экономисты программу развития!» — Они и предложили, только в нескольких взаимоисключающих вариантах. — «Тогда, пожалуй, о филологах можно сказать то же самое...»

Каббала «Каббалпромстрой» — расшифровывается как «кабардино-балкарский».

Как таковое «Вы женщин любите? — Вы с похабством спрашиваете или без похабства? — Без похабства. — Если вы про товарищеские чувства — не знаю, что и ответить. Женщину как таковую я наблюдал мало» (А. Адалис, «Вступл. к эпохе», 65).

Качели Жаботинский взял себе псевдоним по недоразумению, думая, что Altalena — это подъемник, а оказалось — это качели.

Калоши в армии разрешалось носить только с полковничьего чина (восп. Милашевского). [28]

Календарь Белый, «Автобиографич. материал...» под 1893: «31 июня влюбляюсь в Маню Муромцеву...» У него как будто все годы состояли из одних мартобрей.

Козьма Прутков Курс лекций «Античность в русской поэзии конца XIX — начала XX в.» приходилось начинать «Спором философов об изящном», а кончать «Древней историей по Сатирикону»: вся поэзия укладывалась в эти рамки. «Голливудская античность», сказал завкафедрой. Пушкин написал «Феб однажды у Адмета близ угрюмого Тайгета», и отсюда явился Тайгет у Мандельштама, хотя от Адмета до Тайгета — как от Архангельска до Керчи. («Ассоциация со словом "тайга"», сказал О. Ронен.) — На Козьму Пруткова очень похожи листовки С. Шаршуна.

Канцелярия Император Леопольд в год осады Вены подписал 8256 бумаг (ИБ 1916, 2, 612).

Колумбов день — первый понедельник октября: в справочнике написано: этот праздник — не для того, чтобы вспомнить открытие Америки, за которое нам так стыдно перед индейцами, а для того, чтобы полюбоваться красками осенней листвы.

Кольцовский стих «О душа моя, / О настрой себя / К песнопениям, / Полным святости, / Ты уйми слепней / Матерьяльности...» (пер. О. Смыки из Синесия, «Ант. гимны», 283).

Комментарии Приятно писать в примечаниях: «Яссин — объяснить не можем»: как будто расписываешься в принадлежности к роду человеческого. Комментарий нужен, чтобы читатель знал, чего он имеет право не понимать. (И, стало быть, что обязан понимать.) Ср. ТАКОЕ.

(«...Хрупкую ладью человеческого слова в открытое море грядущего, где унылый комментарий заменяет свежий ветер вражды и сочувствия современников» — «О природе слова».)

Коммунизм «Примечания показались мне утопически подробными, какой-то коммунизм ученых мнений, где только поэзии нету места» (письмо А. К. Гаврилова о М. Альбрехте).

Коммунизм По Бабефу, кто работает за четверых, подлежит казни как заговорщик против

общества.

«**Красная** Касталия», сказал С. Ав. о первых проектах нынешнего РГГУ. «Сотрудники Академии наук просят освободить их от Академии наук».

Компиляция «Христос у меня компилятивный», сказал Блок Б. Зайцеву, тот предпочел не понять. [29]

Крутой характер в значении «трудный» — метафора; крутой человек в значении «с твердым характером» — метонимия. Я додумался до этого словоупотребления, переводя Ариосто; а через несколько лет это слово разлилось по всему разговорному языку (видимо, как калька с tough guy). Вероятно, в применении к паладинам оно стало звучать комично. — Первое употребление, как кажется, в: «Старик Моргулис зачастую Ест яйца всмятку и вкрутую. Его враги нахально врут, Что сам Моргулис тоже крут». В МК 19.09.96 было: в 1-м классе дали задание составить фразу из слов: малыш, санки, горка, крутой, съехать. Все написали: «Крутой малыш съехал на санках с горки».

Кряду Толстой восхищался Щедриным (за «Головлевых»), но добавлял: «Кряду его, однако, читать нельзя» (восп. И. Альтшуллера). А Кони он говорил: Щедрин пишет для страсбургских гусей, которых раздражают, чтобы печень разрослась для паштета. (Как налима розгами.)

Кто кого У Бортов кота и кошку зовут «Кто» и «Кого». «Вот разница языков: Wer и Wem было бы хуже, а Qui и Quam лучше».

Кто о ком «Огонек» напечатал Ходасевича со статьей о нем Вознесенского. Как легко представить, что написал бы Ходасевич о Вознесенском. Или Гракх об Авле Геллии, или Авл Геллий обо мне.

Для вечера о Ходасевиче. Ходасевич — поэт, но едва ли не большего уважения, чем поэзия, заслуживает его отказ от поэзии. Его последнее десятилетие было не внутренним засыханием и не досадным следствием внешних обстоятельств, оно было — как и конец Блока или Цветаевой — логическим выводом сознательно принятой позиции. Он считал, что поэзия — это не вещание всемирных истин и тем более личных страстей, а это изготовление зеркала, чтобы, заглянув в него, увидеть свое ничтожество. Это орудие нравственности в мире без бога. Когда ты увидел себя со стороны (об этом раздвоении Ходасевич писал не раз) и что мог — исправил, а перед тем, чего не мог, — опустил руки, то остается только умереть или замолчать. Отказавшись от поэзии, он хоронит себя и свою эпоху в прозе. Он не консервирует свои чувства и приемы, он не плачется о прошлом и не заигрывает с будущим (или наоборот), а судит о них вневременно, как покойник, как житель некрополя: исчужа, холодно и сухо. Его мерило — Пушкин; а чтобы иметь право мерить Пушкиным, нужно объединиться с ним в смерти, потому что объединиться с Пушкиным в жизни может только Хлестаков. Он не считает, что с ним погибла вся вселенная. Он знает, что культура работает, как мотор, в котором должны быть вспышка за вспышкой, но такие, чтобы не взрывали машину. Если ты сам не можешь вспыхивать и не хочешь взрывать, то следи, как механик, чтобы машина хорошо работала, — а для этого имей трезвую и беспристрастную голову. Именно за эту трезвость Мирский его обозвал: «любимый поэт всех, кто не любит поэзию». (То есть, в частности, филологов.) Он учит умирать мужественно, потому что нехорошо, когда эпоха умирает с эгоцентрическим визгом Такой урок всегда своевременен итд [30]

Культура С. Ав. на цветаевской конференции сказал: для предыдущих поколений любовь к Цветаевой была делом выбора, для нас она заданность. Та же тема, что и у Ю. Левина, когда тот отказался делать доклад о Мандельштаме, потому что Мандельштам уже не ворованный воздух.

Курганова письмотвник Фразы, которых я не мог разъяснить И. К. «Мне любезнее отказаться от всего аристотического трибала, нежели подумать открыть столь важную тайну... Я нахожусь, как Андрофес, в сладчайших созерцаниях толиких дивных изрядств... Он говорил по-гречески, по-латыне или по-маргажетски...»

Количество и качество В. Перельмутер — о том, что не удастся издать М. Тарловского. Сидел ли? Сидел, но меньше года. Раньше говорили: вот видите, сидел; теперь говорят: вот видите, меньше года. Он писал:

Мы все расстреляны, друзья,
Но в этом трудно нам признаться.

РГАЛИ 2180. 1.51: Марк Тарловский, упражнение на тройные рифмы, ради которого он совместил несовместимое: октавы с пародией на Державина. Вот истинная преданность поэзии: ради красного словца он не пощадил не то что родного отца, но и себя, потому что не мог не понимать, что хотя бы от 10-й строфы уже вела прямая дорога к стенке. А был, говорят, большой трус.

Ода на Победу

*Лениноравный маршал Сталин!
Се твой превыспренний глагол
Мы емлем в шелестах читален,
Во пчельной сутолоке школ,
Под сводами исповедален,
Сквозь волны, что колеблет мол...
Се — глас, в явлениях Вселенной
За грани сущего продленный.*

*Тобой поверженный тевтон
Уже не огонь, а слезы мечет,
Зане Берлин, срамной притон,
Возжен, чадящ и головецат,
Зане, в избыве от препон,
Тебе природа дланьми плещет.
О! сколь тьмократно гроздь ракет
Свой перлов благовест лиет!*

*За подвиг свой людской осанной
Ты зиждим присно и вовек,
О муж, пред коим змий попранный
Толиким ядом преистек,
Сколь несть и в скрыне злоуханной,
В отравном зелье ипотек!
Отсель бурлить престанут тигли,*

Что чернокнижники воздвигли.

*Се — на графленном чертеже
Мы зрим Кавказ, где бродят вины,
Где у Европы на меже
Гремят Азийские лавины:
Сих гор не минем мы, ниже
Не минет чадо пуповины;
Здесь ты, о Вождь, у скал нагих
Повит, как в яслях, в лоне их.*

*Восщелком певчим знаменитым
Прославлен цвет, вельми духмян;
Единой девы льнет к ланитам
Пиита, чувствием пиян;
А мы, влеченны, как магнитом,
Сладчайшим изо всех имян,
Что чтим, чрез метры и чрез прозу,
Как Хлою бард, как птаха розу? [31]*

*О твердь, где, зрея, Вождь обрел
Орлину мощь в растворе крыши,
Где внял он трепет скифских стрел,
С Колхидой сливши дух ковылий,
Где с Промифеем сам горел
На поприще старинных былей,
Где серебрян Терека чекан
Виется, жребием взалкан!*

*В дни оны сын Виссарионов
Изыдет ведать Росску ширь,
Дворцову младость лампионов,
Трикраты стужену Сибирь,
Дым самодвижных фаетонов
И тяготу оковных гирь,
Дабы, восстав на колеснице,
Викторны громы сжать в деснице.*

*Рассудку не простреться лъзя ль
На дней Октябrevых перуны?
Забвенна ль вымпельна пицаль,
Разряжена в залог Коммуны?
Иль перст, браздивший, как скрижаль,
Брегов Царицыновых дюны?
Нет! Ленин рек, очьми грозя:
Где ступит Сталин, там стезя!*

*Кто вздул горнила для плавлен
Кто вздвиг в пласты ребро мотык,
Кем злак класится изобилен,
С кем стал гражданствовать мужик,
Пред кем, избавясь подзатылин,
Слиян с языками язык?
За плавный взлет твоих ступеней
Чти Сталинский, Отчизна, гений!*

*Что зрим на утре дней благих?
Ужели в ночи персть потопла?
Глянь в Апокалипсис, о мних:
Озорно чудище и обло!
Не зевы табельных шутих —
Фугасных кар отверсты сопла!
Но встрел геенну Сталин сам
В слезах, струимых по усам!*

*Три лета супостат шебаршил,
И се, близ пятого, издох
В те дни от почвы вешний пар шел,
И мир полел чертополох.
И нам воздравил тихий Маршал
В зачине лучшей из эпох.
У глав Кремля, в глуши Елатьмы
Вострубим всюду исполать мы.*

*Коль вопрошить, завидна ль нам
Отживших доля поколений,
Что прочили Сионов храм
Иль были плотью римских теней,
Иль, зря в Полтаве Карлов срам,
Прецедрой наслаждались пеней, —
Салют Вождя у Кремлих стен
Всем лаврам будет предпочтен.*

*Нас не прельстит позднейшей датой
Веков грядущих сибарит,
Когда, свершений соглядатай,
Он все недуги истребит
И прошмыгнет звездой хвостатой
В поля заоблачных орбит!
Мы здесь ответствовали б тоже:
Жить, яко Сталин, нам дороже.*

*Итак, ликующи бразды
Вкрест, о прожекторы, нацельте,*

*Лобзайте Сталински следы
У Волжских круч и в Невской дельте,
Гласите, славя их труды,
О Чурчилле и Розевельте,
Да досягнет под Сахалин
Лучьми державный исполин!*

*В укор нейтральным простофилям
Триумф союзничьих укреп.
Мы знаем: Сатану осилим,
Гниющ анафемский вертеп.
Да брызжет одописным штилем
Злачена стилоса расщеп! —
Понеже здесь — прости, Державин! —
Вся росность пращурских купавен.
9-13 мая 1945*

Ламарк «А японцы после войны выросли в среднем на 10 см: чтобы не страдать неполноценностью в мировом сообществе. Ла[32]маркисты говорят от волевого напряжения; а дарвинисты: оттого, что кушать лучше стали, благодаря японскому чуду».

Лаз Я беспокоился, что, переводя правильные стихи верлибром, открываю лаз графоманам. Витковский сказал: «Не беспокойтесь: графоманы переводят только уже переведенное, им этот лаз не нужен». «Делают новые переводы Кипплинга на старые рифмы».

Латынь Сборник 1990 г. назывался «Quinquagenario Alexandri Iliushini oblata» (вместо Iliushino): в сознании составителей был лотмановский сборник «Quinquagenario» без мысли о падежах. Так Л. Толстой писал, будто злые римляне в амфитеатре кричали «Pollice verso!» («Пальцем книзу!»), потому что помнил заглавие романа Лугового-Тихонова «Pollice verso! (Добей его!)».

Латынь «Кокто переложил "Эдипа" на телеграфную латынь» (В. Вейдле. СЗ 52–53).

Lectio difficilior текстологический мазохизм.

Легковооруженный арьергард национальной классики, уже ощутимо инородный, — таковы кажутся Чехов и Анатолий Франс.

Легкий О. Сedaкова была секретарем у поэта К., нужно было готовить однотомник. Он был алкоголик, но легкий человек: лежал на диване и курил, а она предлагала сокращения. «Ну, сколько строчек стоит оставить из этого стихотворения?» Одну. «Это неудобно, давайте четыре». Смотрел с дивана на обрезки на полу и говорил: «Другой бы на это дачу выстроил».

Ленинизм Ходасевич в дискуссии об эмигрантской литературе писал: будущее русской поэзии — «сочетание русской религиозности с американской деловитостью». Это почти точная копия последнего параграфа «Вопросов ленинизма», «Стиль»: «сочетание русского размаха с американской деловитостью».

Лесков показывал Измайлову иерусалимский крест из слоновой кости, а в середине стеклышко с непристойной картинкой (СЗ 46). «В том, что делаю дурного, не нахожусь на своей стороне» (Толстому, 12.7.1891): «нехорошо иметь неопрятное прошлое» («Юдоль»).

Литература Пятница так объяснял Робинзону, какая религия у его племени: надо

взобраться на самую высокую гору и крикнуть: «О!»

Литературная экология «Лучше уж написать историю советской заплечной критики (включая хедер имени Марселя Пруста, там тоже стояла дыба): [33] тогда литература сразу явится как нечто производное. А что непроизводное — восхвалим, ибо это и есть ценность».

Лимерик сочинения И. О.

Жил да был человек в Мелитополе,
Утверждавший, что он-де vox populi;
Повторял эту фразу
Он по сотому разу,
И тогда его только ухлопали.

Личность «И бог призвал слона, всем-слонам-слона, и сказал ему: играй в слона. И всем-слонам-слон стал делать, что приказано» (Киплинг, Сказки).

Лоб Предмет «труд» в школьной программе: «это чтобы не камнем, а лбом орехи расшибать» (Б. Житков, письма, РГАЛИ 2185, 1,4).

Логика В восп. Чуковского. Мережковский сказал: «Люди делятся на умных, глупых и молдаванов; ваш Репин — молдаван». Гиппиус из соседней комнаты крикнула: «И Блок тоже молдаван!» Самое замечательное: «В ту минуту мне показалось, что я их понял».

Логика Виды медов были: вишневый, смородинный, мозжевельный, обварный, приварный, красный, белый, белый-паточный, малиновый, черемховый, старый, вешний, с гвоздикой, княжий и боярский. (Терещенко, Быт рус. народа, 204). («Квас черствый, квас сладкий, квас выкислый» перечислял Ремизов в «Учителе музыки»).

Логика Был тест на классификацию карточек с картинками, дерево и таракан оказались в одной группе. Испытуемый объяснил: потому что никто не знает, откуда взялись деревья и откуда взялись тараканы. (Рассказывала Б. Зейгарник) Неизвестно, читал ли он обэриутов.

Логика «Не ищите логики там, куда вы ее не клали», сказали мне, когда я слишком долго старался понять статью НН.

Логика сочинительная В водевиле Ильфа и Петрова персонаж боится ревнивого мужа: «Он ведь еврей, а это почти караим, а это почти турок, а это почти мавр, а мавр — сами знаете!» На это похожа система доказательств в интерпретациях разных поэтов у К.

Летний сад Все удивлялись, что герцог Лейхтенбергский женился на Н. С. Акинфиевой. «Это все равно, что купить Летний сад, чтобы иметь право в нем прогуливаться», — сказал Тютчев (Феокт., 77). [34]

Любовь «С получением сего предлагается Вам в двухчасовой срок полюбить человечество» (С. Кржижановский, о проблемах викариата чувств).

Любовь Т. Масарик напоминал: сен-симонисты, чтобы теснее связать человека с человеком и приучить людей к любви, рекомендовали, напр., пришивать пуговицы у сюртуков сзади, чтоб брат брату помогал при застегивании. И все мы с удовольствием пришиваем своим братьям пуговицы сзади, чтобы они никак не могли их сами застегнуть, итд (СЗ 65, 172).

Любовь Он любит Мандельштама без взаимности; я тоже, но хотя бы стараюсь эту любовь заслужить.

Любовь В. Вейдле: французская литература была для Пушкина родителями, которых не выбирают, а женой, которую выбирают по любви, была английская.

Любовь «Цветаева, видимо, любила своих любовников по обязанности поэта, а мужа — по-

настоящему», — сказала НН. Шкловский говорил Л. Я. Гинзбург «Лиля Маяковского ненавидит за то, что гениальный человек он, а не Ося». Так Брика она любит? «Разумеется».

Макиавелли Г. Федотов о Ключевском: «Какой огромной выдержкой, почти макиавеллистической, нужно было обладать, чтобы читать курс одновременно в духовной, военной и университетской аудитории, сорок лет увлекая студентов и не навлекая подозрительности начальств» (СЗ 50–51).

Мать Б. Хелдт: «Мария Шкапская, как настоящая мать на суде Соломона, предпочла спасти свою поэзию, отрекшись от нее». «Самая неоцененная поэтесса».

Матизмы термин из немецкой монографии о русской матерной лексике. Е. Солоновича просили перевести сонеты Аретино, он ответил: «Не получится, там все необходимые слова свои, а у нас какие-то неестественные, как будто из тюркских пришли». Оказывается, нет. никаких тюркских корней, только название главного органа почему-то из албанского. Впрочем, это оспаривается. См. MUTTERSPRACHE.

Материальный стимул Уточкин на стадионах летал не выше двух метров от земли, чтобы из-за заборов не глазели неплатившие.

Маркс Критик сказал, что «Приглашение на казнь» — это «Мы» в постановке братьев Маркс («Strong opinions»).

Маяковский «У Данте все домашнее, как у Маяковского, а у Петрарки и Тассо уже отвлеченное», — говорила Ахматова Чуковской. [35]

Медведь До 1815 г. Россия и Польша барахтались на Восточной равнине, как два медведя в одной берлоге, царапаясь, но чувствуя, что они одной породы. И за сто лет потом возненавиделись до потери породы больше, чем при любых самозванцах.

Мафия Вор ворует, мир горюет, вор попал, а мир пропал (пословицы Симони).

Метатеза О. Б. Кушлина заметила, что «Ночь, улица, фонарь, аптека» сделано по образцу того стихотворения Бальмонта из «Хоровода времен», которое пародировал Благов: «Тюлень. Пингвин. Глупыш... Глупыш. Пингвин. Тюлень... Тюлень. Глупыш. Пингвин...» В таком случае общий их предок — эпиграмма Пушкина на «Шихматов, Шаховской, Шишков» и ее французские образцы, исследованные Томашевским. Кроме трагического и комического аспекта, есть и лирический: застывающая концовка «Канута» А. К. Толстого — «...Шиповник пахучий алеет... Шиповник алеет пахучий».

Мещанство Ренан восторгался г-ном Омэ: «Если бы не такие, нас всех давно бы сожгли на кострах».

«Что такое poshlost'? подражания подражаниям, фрейдистские символы, траченные мифологии, "момент истины", "харисма", "диалог", абстракционизм роршаховских пятен, рекламные плакаты и "Смерть в Венеции"». «Когда мне станут подражать, я тоже стану пошлостью, но еще не знаю, в каком контексте». — Набоков, Strong opinions.

Мидас Поэт — это «царь Мидас, <который> бреется сам и сам бежит к камышовой кочке» (письма Шенгели к Шкапской, РГАЛИ).

Минин Это Мельников-Печерский открыл, что его звали Сухорук (ОЗ 1842, 8).

Мир Ощущение перед миром: «у нас этого не проходили» (письма А. Квятковского к Д. Пинесу).

Всё, что создано, мне ясно,
Темно всё, что рождено.

«Мистический имажинизм» — называл Милюков аргументацию Вл. Соловьева.

Может быть Адамович о Пушкине: «бессмертья, может быть, залог» — осторожность, кружится голова от неизвестности, тогда как Лермонтов с бессмертьем неразлучен и панибратствует. Считать ли подтекстом Пушкина «великое peut-etre»? [36]

Молодость «Что молодость? конец хазовый жизни!..» — Ф. Глинка, «Таинств. капля», I, 167.

Молодость кончалась лет в 25: «Ты молода и будешь молода еще лет пять иль шесть», говорят осмнадцатилетней Лауре. В «Кн. Литовской» о 25-летней сказано: еще не совестно волочиться, уже трудно влюбиться (заметил Адамович). Лаврецкий был «старик» в 43 года, Ленин имел прозвище «Старик» в 34: где средняя жизнь недолга, стариками кажутся рано (Валентинов). «По дурную сторону тридцати» назывался пожилой возраст в XVIII в. Ленин говорил Кржижановскому: «Худший из пороков — быть старше 55 лет».

Млекопитающие Есть икона: Богоматерь Млекопитательница.

Метод «Этот метод тем полезнее, что сказать нам нечего, а говорить надо». — Квинтилиан, VII, 1, 37.

Мороз Потоптал мороз цветочек, и погибла роза. Жалко, жалко мне цветочка, жалко и мороза (Шевченко).

Могила Дорошевича на Волковом кладбище — рядом с Белинским. С Белинского началось заселение Литературных мостков, справа лег Добролюбов итд.; а потом оказалось вакантное место слева и пригodiлось Дорошевичу.

Мораль «Есенин занял место Надсона: не любить его — признак моральной дефективности. У Надсона — болезнь силы, у Есенина — болезнь веры» итд. (Мирский, 211). До Есенина самоубивались на могиле Чехова.

Мудрость русского народа: формулой ее Лесков считал пословицу: «Гнем — не парим, сломим — не тужим» (XI, 560). «Стараться, так всю, а что выйдет или не выйдет, не наше дело» (Ремизов, «Петерб. буерак»).

Муха-цокотуха Б. Житков, письмо к Бахарева 31.9.1924: «По поводу Мойдодыра один здешний композитор говорит, что здесь все судьбы русской интеллигенции за последнее время. Умывание — это омовение от прошлой идеологии; упорствующие остались без брюк — <а> стоило пойти навстречу, как и прозодежда и бутерброд».

Мысль «Я хочу высказать несколько мыслей», — начинает оратор. — «...Стоял на чтении словес Божиих, да не утолстеют мысли» (Ремизов, Подор., 212).

«Мышеловка не бегаёт за мышью. Мышеловка стоит и ждёт. Мышь приходит сама». (Из анекдота.) [37]

Сон А.: кладбище, конторская изба, на подоконнике блюда с пеплами, и начальница говорит: «Вы можете послать вашему покойнику письмо, у нас есть компьютер». — ? — «Вам же, наверное, хочется что-то сообщить о том, что было без него!»

Народность: «У нас дважды два тоже четыре, да выходит как-то бойчее». Православие: «Если бога нет, то какой же я штабс-капитан?» Для Самодержавия формулу русской классики я пока не смог найти.

Народный язык (volgare): см. у А. Егунова (Николева) в «По ту сторону Тулы» рассказ о

петербургском митрополите, который будто бы для привлечения слушателей стал в Казанском соборе служить литургию по-французски, был сослан на Камчатку и там проповедью по-камчадалски на 1 Кор. 13, 1 «если любви не имею...» поднял рождаемость в вымиравшем населении. Но в 1845 г. действительно был проект при одной из церквей Бердичева учредить православную службу на идиш для привлечения прозелитов; отложили, потому что накладно было обучить попов языку и перевести молитвенники (СЗ 67–68).

Народ «Пока народ безмолвствовал, можно было верить, что он народ, а как заговорил — расползся на социальные группы» (ЛГ 17.05.1989).

Начальство Статья в РМ 1913, после балканских войн: у русского солдата кроме общеизвестных его боевых качеств есть еще одно: неприхотливость к начальству. Это значит если над французским солдатом офицер дурак, то боеспособность солдата падает до нуля, а у русского только вдвое. А сказала: это относится не только к солдату.

Нарцисс «Шершеневичу не хватало самовлюбленности, и он ее нервно компенсировал. Вообразить его поступки у Северянина немыслимо» (разговор с О. Б. К.).

Настрой вм. настроение: это слово («настрой души») было уже у Анненского в статье о Бальмонте. А загадочное «никчемный» вм. никчемный — у Пяста, 82. Ср. ВОЛНИТЕЛЬНЫЙ.

Национализм С. П. Бобров пересказывал английский роман: кто-то умирает и чувствует, что растворяется, как сахар в воде, в потоках света; ему не хочется растворяться, он начинает мысленно ругаться и богохульствовать, и действительно, свет отступает — но как только он останавливается, наплывает опять итд. (Очень похоже на Поплавского — «не религиозный опыт, а религиозные опыты», «не просто святость, а интересная святость», писал о нем Бердяев, — он хотел сохранять индиви[38]дуальность хотя бы ценой рембообразного зла.) Так и современным культурам не хочется растворяться в мировой, и они националистически ругаются. Ср.:

Пальмстрему так хочется покоя!
Раствориться бы, как соль в стакане,
Предпочтительно перед рассветом, —
А потом, по минованьи ночи,
Выкристаллизироваться наутро,
Как Венера Анадиомена.
(Хр. Моргенштерн)

Naturgefühl Заболоцкий ужасался, как безобразна бабочка с близкого взгляда. Дневн. Пришвина: «Как трудно птицам небесным: шишки под крыльями, высиживай, таскай червей... Мы можем любить природу <с тех пор, как> мы больше ее: любим и не спрашиваем о взаимности». Так пейзаж с горами и морями вошел в моду лишь после того, как альпийские обвалы и средиземные бури стали безопасны новым дорогам и кораблям. Точно так же лишь после того, как историзм отделил человека от прошлого, стало возможно это прошлое не спокойно связно переосмыслять, а эмоционально-прерывисто перепереживать: появилась романтическая автобиография. Кажется, об этом страхе времени писали меньше, чем о страхе пространства. Я смотрю по сторонам на людей и вещи, как античный человек на природу: как на потенциальную угрозу.

Naturgefühl «Хороши у Господа декораторы» (В. Ж., «Пятеро»). К красоте природы я невосприимчив, но мне всегда казалось, что если бы я мог поговорить с Богом и расспросить его, какие горы и долины было легче делать и какие труднее, то я научился бы что-то

воспринимать.

Негроторговец «Научиться у меня можно лишь одному: не любить свои стихи и с зоркостью негроторговца разглядывать по статьям чужие; и то и другое — штука невеселая» (письма Шенгели к Шкапской, РГАЛИ).

Нейтральный Авангардистская невнятность содержания текста и понятные пятна на непонятном фоне — это вывернутая наизнанку старая практика, где фон был понятен, а наиболее важные моменты отмечались необычной приподнятостью, т. е. невнятностью. Точно так на стилистическом уровне выделяются сгущения — или разрежения! — тропов и фигур, а на фоническом — аллитерации.

Необходимость «Не полная, не худая, так только, необходимого виду» (восп. Т. Чурилина, РГАЛИ). [39]

Несостоявшийся талант великого полководца (встретил в раю капитан Сторм филд), нереализовавшийся талант великого подлеца. Стремление не быть «добровольцем оподления» (Лесков), молитва: «Дай, боже, прежде умереть, чем...» Солон говорил: не называй никого счастливым прежде смерти; так и здесь: не называй никого порядочным прежде смерти.

«Не судите, да не...» Притча Ремизова: во сне ругателю архангел показывает душу ругаемого: куда скажешь, туда и пойдет, в ад или рай. «Нет казни больше, чем судить».

Не у нас «Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны» (Пушкин, по поводу «Истории поэзии» Шевырева).

Ничего Л. Леонов справил 94-летие, его спросили, что он мог бы сказать современным писателям, он сказал: «Ничего».

Ничего Лучше ничего не сказать, чем сказать ничего (будто бы Сковорода. Кони, III, 214).

Никогда Ван Гог часто вспоминал египетскую надгробную надпись: «Феба, дочь Тмуи, жрица Осириса, никогда ни на кого не жаловавшаяся».

Никогда Никогда не случается неожиданного, никогда не сбываются предчувствия, никогда не верны заведомые известия (Тургенев — Полонскому, 6 сент.1882, предсмертные уроки. Ср. пословицу: хорошее случается, а худое сбывается).

Нужный «Не уезжаю, потому что я там не нужна, здесь я тоже не нужна, но здесь все мы не нужны, а там...» Ср. в анекдоте: «Зачем мне уезжать? Мне и здесь плохо».

Ногти Адамович откуда-то помнил: Пл. Зубов, уже в 1820-х, рассказывал, что когда шел к Екатерине, у него «ногти тряслись от отвращения». Алданов умолял найти источник, но не удалось (НЖ 66).

Ностальгия У Гомера любовное обилие подробностей — от ностальгии по недавнему, но невозвратному прошлому; ближайшая аналогия — «Пан Тадеуш», но в нем ностальгия больше по пространству, чем по времени. В. Смирин добавил: так в I главе «Онегина» — ностальгия по петербургскому пространству, в VIII главе — по молодому времени; они перекликались темами большого света (в начале иронически, в конце уважительно, потому что за пределами «Онегина» ему уже грозит новое мещанство), темами хандры и книг. См. ИКОНИКА. [40]

Ночь В «Горных вершинах», несмотря на «тьму ночную», являются зрительные образы «не пылит дорога» и, видимо, «не дрожат листья». В оригинале, наоборот, ночь складывается только из осязания (Nauch) и слуха (schweigen), а по имени не названа.

Аннотация для Ленинской библиотеки: печатные карточки с такими аннотациями рассылались по областным, городским и сельским библиотекам, чтобы библиотекари знали, какую книгу ставить на выставку в день моряка, а какую в день рыбака. А. Чепуров. «Еще биография пишется...» Л., 1983. «Я знал человека — на вид неказист, по сути — большой,

рядовой коммунист...» «Кому — летать, кому — ходить, кому дорога — море. Соединяет жизни нить и радости и горе...» «Люблю я русскую природу, люблю, не чаю в ней души и в ясный день, и в непогоду, в открытом поле и в глуши...» «Мы произносим имя Ленин — и словно дружим с высотой Весь шар земной, весь мир овеян его прекрасною мечтой...» «Вновь пугают, грозятся, метят в самое сердце огнем. А чего мне бояться — я живу в государстве своем!..» Такими стихами, простыми, прямыми и патетичными, выражает здесь свои мысли и чувства лауреат Государственной премии РСФСР, ленинградский поэт Анатолий Чепуров, чей поэтический путь начался на приневском фронте, и до сих пор — «еще биография пишется...». В новую книгу поэта вошли стихи о временах года, о казахской степи, о Пушкине («Уж с той поры я с ним знаком, когда под стол ходил пешком...»), «Поэмы из дальневосточной тетради» и публицистический цикл «Слушая будущее».

Опа Шенгели в рабочей тетради набрасывает на полях рифмы (РГАЛИ 2861, 1, 10, л.87 об): капитана Боппа, крика и вопа, прыга и гопа, Родопа, Эзопа, подкопа, раскопа, окопа, скопа, копа, Перекопа, микроскопа, (теле-, спектро-, стерео-, хромо-, перископа), холопа, безблочно и бесклопо, антилопа, Пенелопа, остолопа, эскалопа, галопа, циклопа, Канопа, протопоп, Партенопа, укропа, стропа, метопа, филантропа, мизантропа, оторопа, Меропа, потопа, топа, Каллиопа, гелиотропа, ослопа, салопа, салотопа, поклепа, тропа, Антропа, эфиопа, Синопа, сиропа, притопа-прихлопа, Степа, растреп, питекантропа, пироп, землекопа, рудокопа, недотепа, Конотопа, губошлепа, хвостотрепа... У Брюсова, Багрицкого, Цветаевой тоже бывали такие заготовки рифм на полях.

Опиум В приютах его давали шалунам перед приходом знатных посетителей (РСт 65, 1890, 330).

Обязательный «За невольный грех и бог не взыскивает... Одно слово: обязательное было время» (Мамин-Сибиряк, «Варнаки»).

Обезьянствовать «Француз играет, немец мечтает, англичанин живет, а русский обезьянствует» («Гоголь в письмах и восп.», 1931, 419).

Обличать М. Салтыков-Щедрин, письма Николая I к Поль де Коку. «Любезный статский советник Поль де Кок! Получив ваше пись[41]мо, что мне, как неограниченному повелителю миллионов, полезно по временам выслушивать обличения, я сейчас же послал за протоиереем Баженовым и, когда тот явился, приказал ему обличать меня. Но посмотрите, что он сказал: армия твоя наводит страх на всех твоих врагов, флоты твои по самым дальним морям разносят славу твоего имени, а чиновники с кротостью и любовью пасут вверенное им стадо. Судите сами по этим словам, как трудно управлять таким государством, как Россия!»

Обелиск «Элен Терри на рисунке Бердсли похожа на египетский обелиск, только в складочку» (И. О.).

Обломов — по нему Рильке учился русскому языку, а Цветаева потом негодовала.

Общение Яновский спросил Шестова: «Почему вы читаете лекции по писаному?» Шестов ответил: «Нет сил смотреть на лица». С. М. Соловьев тоже читал лекции, закрыв глаза.

Ожидание эстетическое «Классицист вызывает читательские ожидания и удовлетворяет их, а романтик вызывает и не удовлетворяет» (Т. Шоу). А дальше, вероятно, возникает ожидание неудовлетворения, и чтобы обмануть его, нужно удовлетворить его итд. Как М. Дмитриев объяснял спор романтиков с классиками — см. СМЕНА ФОРМ.

Озвучивать Катулл, 34, гимн Диане: «Чтоб владычицей гор была, И хребтов зеленеющих, И укромных хребтов вдали, И озвученных речек». Пер. Н. Шатерникова, РГАЛИ, 613-8.1743.20. А неверный друг у него — «Иуда».

Опасность «Революция толкнула С. Булгакова на опасный путь осознания происходящего» (восп. Локса).

Опояз Чуковский цитирует С. Джонсона: Ричардсон смотрит на часы и видит, как они сделаны, а Филдинг смотрит и видит, который час.

Оценочность Стихи делятся не на хорошие и плохие, а на те, которые нравятся нам и которые нравятся кому-то другому. А что, если ахматовский «Реквием» — такие же слабые стихи, как «Слава миру»? См. ПОЭЗИЯ.

От и До План воспоминаний Г. Шенгели: «Северянин, Волошин, Мандельштам, Дорошевич, Багрицкий, Брюсов, Бальмонт, Белый, В. Иванов, Рукавишников, Грин, Ходасевич, Цветаева, Есенин, Шершеневич, Маяковский, Пастернак, Антокольский, Аксе[42]нов, Бобров, Петников, Гатов, Кузмин, Нарбут, Ахматова, Адалис, Шишова, Олеша, Катаев, Ильф, Арго, Бурлюк, Бунин, Л. Рейснер, Рыжков, <нрзбр>, Шкловский, Шкапская, Хлебников, Глаголин, Ходотов, Мурский, Дядя Ваня, А. Литкевич, Сюсю, Француз». То же в ямбах: «Он знал их всех и видел всех почти: Валерия, Андрея, Константина, Максимильяна, Осипа, Бориса, Ивана, Игоря, Сергея, Анну, Владимира, Марину, Вячеслава И Александра: небывалый сонм, Четырнадцатизвездное созвездье!» Велимира и Федора в стихах нет. Ср. ИМЯ.

Орфография Александр I жалел о невозможности запретить указом букву ять. (Греч, 319) Кажется, это реминисценция из разговора императора Тиберия с грамматиком, который сказал: «Ты пишешь законы Рима, а не законы языка».

Откуп Л. Гинзбург уволили из Петрозаводска — «за то, что я отдавала на откуп буржуазному Западу наш реакционный романтизм».

Отче наш было напечатано в конце передовицы «Биржевых ведомостей» — никто не заметил (Ясин., 287).

Отец Массон о гвардейском офицере, который в 25 лет продал всех мужиков и оставил баб, чтобы заселять поместье собственными силами (Мельгунов, 7).

Отечество Один перчаточник, изобразив на вывеске огромную ручищу, просил подписать стих из «Димитрия Донского»: Рука Всевышнего отечество спасла. — Неизвестно, разрешили ли (Вяз., 8, 252).

Отечество «Великая всемирная Отечественная война» было написано на обложке песенника 1914 г.

Отцеубийство Александр I не любил Кутузова не только из-за Аустерлица, но и потому, что накануне 14 марта Кутузов с женой тоже были на ужине Павла I.

«Отцеубийство — это воздаяние добром за зло» (записи Хаусмена). Я вспомнил начало рассказа Бирса: «Однажды я убил моего отца, и по молодости лет это произвело на меня сильное впечатление. Я пошел посоветоваться к полицейскому начальнику. Он меня понял: он и сам был отцеубийцей с большим стажем...»

Отцеубийство В Китае, писал Марко Поло, за все уголовные преступления можно от смертной казни отплатиться деньгами, кроме трех: отцеубийства, матереубийства и не по форме вложенного в конверт казенного письма. [43]

Отказ Выписка из К. Ф. Мейера в дневнике А. Е. Дорофеева (РГАЛИ): легче отказаться от желаний совсем, чем наполовину. Зощенко повторял: не так важно исполнять желания, как иметь их.

Оптимизм Агитстихи З. Гиппиус 1917–1919 гг. удивительно похожи на людоедские стихи В. Князева того же времени и на «Убей его» Симонова. Если люди в войну нуждаются в таких лютых стимулах, чтобы убивать друг друга, то, право, о человечестве можно думать лучше, чем обычно думают.

Оптимизм Самая оптимистическая строчка в русской поэзии, какую я знаю и вспоминаю в трудных случаях жизни, это в «Коринфянах» Аксенова. Медея зарезала детей, сожгла соперницу, пожар по всему Коринфу, Ясон рассылает пожарников «и на Подол, и на Пересыпь», хор поет гимн огню со строчкой «укуси? укуси? укуси?», вестники браво рапортуют, что все концы выгорели дотла, — и Ясон, выслушав, начинает финальный монолог словами:

Но не в последний раз горит Коринф!

«Gesta Romanorum», «Римские деяния» с «прикладами» и «выкладами»: я вспомнил о них, читая современные мифопоэтические анализы русской классики: А. Ковач кажется пародией на Е. Фарыно, а Е. Фарыно на В. Н. Топорова. Но в «Римских деяниях» тексты переводились только на один мифологический язык, а теперь сразу на несколько: «в солярном коде данное стихотворение значит то-то, а в акватическом то-то». Может быть, опыт «Римских деяний» (не говорю о канонической 4-степенной аллегорике!) мог бы дисциплинировать интерпретаторскую мысль. Мы с М. Е. Грабарь-Пассек переводили их для сборника «Памятники латинской литературы XIII в.», который три раза проходил через издательство «Наука», но на всякий случай так и не вышел.

33. О тщеславии. Повествует Валерий о том, что некий муж по имени Ператин сказал со слезами сыну своему и соседям: «О горе, горе мне! есть у меня в саду злосчастное древо, на коем повесилась моя первая жена, потом на нем же вторая, а ныне третья, и посему горе мое неизмеримо». Но один человек, именуемый Аррий, сказал ему так: «Дивно мне, что ты при стольких удачах проливаешь слезы! Дай мне, прошу тебя, три отростка от этого дерева, я хочу их поделить между соседями, чтобы у каждого было дерево, на котором могла бы удавиться его жена». Так и было сделано.

Нравоучение. Любезнейшие! Сие древо есть крест святой, на коем был распят Христос. Сие древо должно быть посажено в саду человека, дондеже душа его хранит память о страстях Христовых. На сем древе повешены три жены человека, сиречь гордыня, вожделение плоти и вожделение очей. Ибо человек, идя в мир, берет себе трех жен: первая — дочь плоти, именуемая наслаждение, другая — дочь мира, именуемая алчность, третья — дочь диаволова, именуемая гордыня. Но если грешник по милости Божией прибегает к покаянию, то сии три жены его, не домогшись взыскуемого, удавляют себя. Алчность удавляется на вервии милосердия, гордыня — на вервии смирения, наслаждение — на вервии воздержания и чистоты. Тот, кто просит себе отростки, есть добрый христианин, который и должен домогаться и просить доброго не только для себя, но и для ближних своих. Тот же, кто плачет, есть человек несчастный, возлюбивший плоть и все плотское паче, нежели то, что от Духа Святого. Однакоже и его человек добрый часто может наставлением повести по верной стезе, и войдет он в жизнь вечную.

68. О том, что не должно умалчивать правду даже под угрозой смерти. В царствование Гордианово был в его державе некий благородный рыцарь, имевший красавицу жену, которая почасти изменяла в верности мужу своему. Однажды пустился супруг ее в долгое странствие, а она немедля призвала к себе своего любовника. А была у нее служанка, разумевшая язык птиц. И когда тот любовник пришел, в то время были во дворе три петуха. В полночь, когда любовник возлежал с госпожою, пропел первый петух, и услышав это, госпожа спросила служанку:

«Скажи мне, дражайшая, что сказал петух своим криком?» Та ответила: «Сказал он, что ты дурно поступаешь пред господином своим». Госпожа сказала: «Пусть убьют того петуха!» Так и сделали. В положенный срок пропел второй петух, и спросила госпожа служанку: «Что сказал петух своей песнею?» Та ответила: «Сотоварищ мой умер за правду, и я готов смерть принять за правду его». Госпожа сказала: «Пусть убьют петуха!» Так и сделали. А потом запел и третий петух, и спросила госпожа служанку: «Что сказал петух своим голосом?» Та ответила: «Слушай, смотри, но ни слова, чтоб жить подобру-поздорову!» Я сказала госпоже: «Этого петуха не убивать!» Так и сделали.

Нравоучение. Любезнейшие! Сей царь есть Отец наш небесный; сей рыцарь — Христос; супруга его — души, с коею он вступил в брак чрез крещение; соблазнитель же ее — диавол, завлекший ее обманами мирскими; почему, всякий раз, как мыуступаем греху, мы изменяем Христу. Служанка же есть твоя совесть, ибо она негодует на грех и непрестанно побуждает человека к добру. Первый пропевший петух есть Христос, ибо Он первый поборол грех; видя сие, иудеи его убили, как и мы ежечасно убиваем его подобным образом, когда предаемся греху. Под вторым пропевшим петухом разумеются святые мученики и иные многие, проповедавшие Его путь и учение; и они тоже ради имени Христова были убиты. Под третьим же петухом, сказавшим «Слушай, смотри...» и прочее, можно разуметь проповедника, которому должно печься о возвещении истины, но в сии дни он не осмеливается ее гласить. Потщимся же паки страшиться Господа и возвещать истину, тогда придем мы ко Христу, который есть истина.

106. О том, что следует бдительно противостоять козням диавольским. Жили некогда три товарища, и пустились они в странствие. Случилось так, что не оказалось у них никакого пропитания, кроме лишь хлебного ломтя, а были они весьма голодны; и сказали они друг другу: «Если разделим этот хлеб на три части, ни единый своей частью не насытится; давайте же здесь возле дороги ляжем спать, и кто из нас увидит самый удивительный сон, тот и возьмет весь хлеб». И легли. А тот, кто подал совет, встал и, пока они спали, съел весь хлеб и ни крошки товарищам не оставил. Пробудившись, сказал первый: «Дражайшие! видел я, будто с неба спустилась золотая лестница, и ангелы по ней нисходили и восходили, и душу мою на небо вознесли, и узрел я и Отца, и Сына, и Духа Святого, и велико было в душе моей веселие». Второй же сказал: «А я видел, как демоны железными и огнен[45]ными крючьями извлекли душу мою из тела и жестоко ее мучили, говоря: доколе Бог царит в небеси, доколе ты здесь будешь пребывать». Третий же сказал: «Мне же привиделось, будто некий ангел предстал и молвил: хочешь ли видеть, где суть твои спутники? И я ответил: даже очень хочу, ибо страшусь, не похитили бы они хлеб наш насущный. И привел он меня к вратам небесным, и по его велению просунул я голову сквозь те врата и увидел тебя восседающего на златом престоле, а пред тобой яства и вина в изобилии. А засим привел он меня к вратам преисподним, и там увидел я тебя казнимого и спросил, доколе тебе сие, а ты мне ответил: во веки веков! поспеши же съесть наш хлеб, ибо ни меня, ни друга нашего ты более не увидишь. Тогда встал я и по слову твоему съел наш хлеб».

Нравоучение. Любезнейшие! под сими тремя спутниками надлежит понимать три рода человеков. Под первым — сарацинов и иудеев, под вторым — богатых и сильных мира сего, под третьим — людей совершенных и богобоязненных; хлеб же сей есть царство небесное, и по заслугам каждого сему дается больше, иному меньше. Первые, сиречь сарацины и иудеи, спят во грехах своих и верят, будто обладают небесами, сарацины по слову Магометову, иудеи же по закону Моисееву, но вера сия есть не более, нежели сновидение. Вторые, сиречь богатые и сильные мира сего, хоть и знают без сомнения от своих проповедников и исповедников, что, скончавшись во грехах без покаяния, низойдут они в геенну на муки вечные, однакоже, невзирая

на сие, грехи грехами умножают, как и в Писании сказано: «где сильные мира сего, кои с псами и соколами забавлялись? мертвы они и в преисподнюю низошли». Третий же сотоварищ, кто ни во грехах, ни в вере ложной не вкушает сна, но бдит, совершая дела добрые, совет ангела выполняя, сиречь дары Духа Святого приемля, тот жизнь свою таким путем направляет, что хлеб, сиречь царство небесное, обретает.

П Лингвистическая статистика: «набравшие покойного М. П. Погодина знали, что для статей его нужно запастись в особенном обилии буквой П» (Восп. Гилярова-Платонова, I, 220). Теперь это называли бы гипограммой собственного имени.

Павлик Морозов Не забывайте, что в Древнем Риме ему тоже поставили бы памятник И что Христос тоже велел не иметь ни матери, ни братьев. Часто вспоминают «не мир, но меч», но редко вспоминают зачем.

Паганель Брюсов говорил о Бальмонте: «...когда захотел переводить Ибсена, стал изучать шведский язык» (Восп. Ал. Вознесенского).

«Панегирик — дурацкое слово, вроде пономаря» (Цветаева в письмах).

Паркет Разговор с С. А. «Когда Мандельштам обзывал Ахматову паркетной столпницей за однообразие словаря, то ведь собственный его словарь в это время был едва ли не беднее...» — «Ну, это просто значило, что он перешел на другую паркетину».

Парадигма «Я спросила на экзамене: а кто такой Барбюс? — «Imparfait du conjonctif». — Проспрягайте. — «Que je barbusse, que tu bar[46]busse, qu'il barbu...» Я не останавливала: не ошибется ли в 3 лице?»

Пародия Всякий конспект может быть воспринят как пародия полноты: даже Пушкин как конспект мировой культуры.

Пародия Полежаев — пародия на Овидия, как Николай I пародия на Августа.

Пародия А. Платонов в некрологе Архангельскому писал, что пародия — это путь к обновлению языка. Не ключ ли это к стилистике Платонова?

Партийность «Пастернак по натуре был беспартийным, как Маяковский — партийным, а Мандельштам — надпартийным» (В. Марков).

Мне позвонили из «Сов. энциклопедии» и предложили сделать одностомный словарь по поэтике, в одиночку или с кем хочу. Я задумался: про пиррихий, антиметаболу и даже ретардацию я напишу, а вот про партийность или народность? Но, задумавшись, придумал определение: партийность — верность идеологии, которую не сам выработал. Коммунистическая П. советской литературы, а еще лучше — христианская П. средневековой литературы. (Потом я нашел у Брехта обратное: «Для искусства беспартийность означает принадлежность к господствующей партии».) Словарь не вышел: в поисках соавторов я написал Жолковскому, он ответил письмом на латинской машинке, chto vskorom vremeni uezzhayet. Это единство содержания и формы произвело на меня впечатление, и я прекратил поиски, а «Энциклопедия» скоро передумала.

Перестройка «В машине есть мертвые точки, которые надо проскакивать, а не проскочишь — стоп». «Европы сразу не заведешь» — «люди лыковой культуры». «А я себя чувствую, как на корабле с течью» (Б. Житков, письма 1921 г., РГАЛИ 2185, 1, 4). Осебе: «Всех хочу сделать счастливыми, а характер аракатеевский». С Лениным он виделся, стажирясь в Копенгагене, тот расспрашивал о положении в России.

Память Письмо от М. Червенки: «Благодарю Вас за второй экземпляр Вашей книги и за все

следующие, если Вы захотите их прислать: видимо, у нас с Вами общая не только любовь к стиху, но и забывчивость — о моей я мог бы рассказать много анекдотов, но уже их забыл».

«Переводы — Сибирь советской интеллигенции» (Кл. Браун в книге о Мандельштаме). Иначе: «Бежать в служенье чужому таланту из собственной пустоты» (Дневн. А. И. Ромма, РГАЛИ).

Переводы Тайна русского народа была бы понятнее иностранцам, если бы они могли читать не только Достоевского, а и Щедрина. [47] Но Достоевский переводим (как детектив и как философский трактат), а Щедрин непереволим, и не из-за реалий и аллюзий, а потому что стилистическое богатство его ехидства абсолютно непередаваемо. Передать исхищенную точность щедринских слов мог бы разве Набоков, но для Набокова Щедрин не существовал. (А ведь было у них общее свойство: способность уничтожить одним словом.) Их сравнивал еще Бицилли в СЗ 61.

«Искусство тяжелая проблема вообще. А искусство перевода вообще тяжелая проблема», — пародическая речь в воспоминаниях Е. Благиной. См. СВОБОДА.

Перевод К. не мог напечатать статью против переводов Маршак; тогда он стал рассуждать: «Маршак — еврей, кто у нас против евреев?» — и напечатал ее в альм. «Поэзия», номер такой-то. Хотя сам был еврей с отчеством Абович.

Перевод «Кто дает буквальный перевод Писания, тот лжет, а кто неточный, тот кощунствует». — Иехуда бен Илаи, цит. в предисловии к переводу Новалиса, а оттуда цит. в эпиграфе к переводу Моргенштерна.

Перевод Самая переводимая книга — Микки-Маус, затем Ленин, затем Агата Кристи; Библия отодвинулась на четвертое место (данные на 1988 год).

Перевод нужен отдельный не только для чтения и для сцены, но и для каждой постановки. Козинцев ставил не «Гамлета», а пастернаковский перевод подставить под его кадры перевод Лозинского невозможно.

Перевод Самый точный стихотворный перевод, который я сделал, — это автоэпитафия Пирона:

Ci-git Piron. Il ne fut rien:
Pas un academicien.

Здесь спит Пирон. Он был никем:
Ни даже а-ка-де-ми-кем.

Пирон Я пересказывал историю, как Пирон будто бы вдруг подал на вакансию в ненавистную ему Академию. Друзья удивлялись, он говорил: «А вот меня выберут, произнесут в честь меня речь, будут ждать ответной, а я вместо этого только скажу: «Спасибо, господа!» — и послушаю, как они мне ответят «Не за что...» Л. И. Вольперт сказала: «А вы понимаете, в чем здесь пуант? Вообразить, что Пирона примут в Академию, — возможно; а вот вообразить, что, принятый, он обойдется без ответной речи, — это уже невозможно». С такой структурой есть английские анекдоты о чудаках. [48]

Песня Н. Я. Мандельштам пишет запевами и припевами: в конце каждого абзаца об О. М. или о чем угодно у нее следует суждение о нашей подсоветской жизни, как сентенция в конце античного монолога.

Петля «Он изобрел пуговицу, а петлю-то изобрел я». И вы поссорились? «Конечно» (А. Жид, «Новая пища»).

Ну уж, ладно! Коль от петли
Недалеко до петли —
Так сначала не запеть ли:
Ай люли?
(Г. Оболдуев, 89)

Пилос Есть знаменитое стихотворение: «... Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал», автор — К. Петерсон. Е. О. Путилова установила, что это был тайный советник, пасынок Тютчева, а потом уточнила, что это был другой К. Петерсон, не тайный, а титулярный советник. Так Воейков о некотором тщеславном литераторе поместил объявление: «у действ. ст. сов. такого-то пропала собака» итд, а в следующем номере исправление опечатки: «следует читать: у губ. секр. такого-то»; Пушкин считал это лучшей сатирой Воейкова (Вяз., 8, 505). Я вспомнил греческую пословицу: «Есть кроме Пилоса Пилос, но есть еще Пилос и третий».

Пляж Цветаева считала, что «пляж» вместо «плаж» — вульгаризм (письма Шаховскому). Это понятно, «плаж» архаичнее: при Мятлеве рифмовали «par la — орла», в XX веке «voilà — земля». У Брюсова есть стих. «На пляже»; напрасно издатели, очень бережные даже к брюсовской пунктуации, все-таки переделали его в «На пляже».

Плюрализм — против чего? Против сингуляризма? Русский плюрализм с дитей без глазу.

Подлинность Интервью С. Ав., «Ог.», 1986, 32: уважать старину и ценить подлинность. Мне, не имея отца и деда, трудно понять первое и, будучи переводчиком (как и С. Ав), трудно понять второе. Подлинность подлинна только тогда, когда не замечается. О. Седакова сказала: а Умберто Эко в докладе, наоборот, очень пространно и патетично рассуждал, что никакой подлинности на свете нет и быть не может. Но когда пошли обедать, он так вдумчиво вникал в меню, что я подумала: нет, кое-что подлинное для него есть.

Подтекст «Каждое честное клише мечтает кончить жизнь в знаменитых стихах» — цитируется у К. Келли, 220. [49]

Подтекст «Раскрывать подтексты собственной эрудиции».

Понимание Из хасидских хрией: «Вы мою проповедь не поймете, но все равно слушайте, потому что когда придет Мессия, вы его тоже не поймете, поэтому привыкайте». Ср. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Понимание «Все простить значит ничего не понять» (Степун, «Из писем прап.»).

Пополам Если разрезать Суллу пополам, то получатся Помпей и Антоний.

Порядок Восп. дочери о Шолом-Алейхеме: «Когда все у него на столе расставлено в порядке, он не пишет сидит и любителю на порядок».

Поэзия — «исповедь водного животного, которое живет на суше, а хотело бы в воздухе». — К. Сандберг, цит. в словаре Роже.

Порнография Лев Толстой порицал за порнографию «Последнюю любовь» Тютчева (Н. Гусев, 320). А у Брюсова «Ennuie de vivre» понравилось ему больше «Каменщика».

Правда «Говорить всегда правду — это тоже эстетская прихоть», — говорил Олейников (в тех самых разговорах, в которых Заболоцкий сказал: хочу взять фамилию «Попов-Попов», — вероятно, вспомнив генерала Май-Маевского). А Аксенов говорил: «На всякий вопрос можно ответить так, чтобы это было правдой» («Благородный металл»).

Право «В связи с посмертной реабилитацией восстановить тов. Введенского А. И. в правах члена СП СССР с 27 сентября 1941». Подлинный документ от 1906.1964. А то еще было постановление: в уважение к заслугам посмертно принять М. Кульчицкого, П. Когана и др. в члены Союза писателей. Какое самоуважение нужно для такого почета!

Предки «Старец Шварец» Саши Черного — некролог о нем недавно переиздан отдельной книгой — был правнуком знаменитого масонского святого.

Предки У Белинского прадед неизвестен, дед — сельский священник, отец — военный лекарь с репутацией вольнодумца, мать — мелкая дворянка: как у всех русских пишущих людей, замечает Михайловский: «немножко дворянства, немножко поповства, немножко вольнодумства, немножко холопства» (А. Волынский, Р. кр., 36). [51]

Предки «Кто твой отец?» — спросили мула. — «Я от кобылы-одиночки», — ответил мул. Нынешнему возрождению русского дворянства следовало бы взять девизом «Наши предки Рим спасли». Генеалогическое дерево, генеалогический пенъ.

Предки «Истинный мистик, как истинный джентльмен, никогда не теряется: ряд перевоплощений так же бодрит, как ряд предков» (Биография Йейтса; транскрибировать ирландскую фамилию биографа не могу).

Поколение Три поколения русских мужиков: косноязычные с междометиями, говоруны-краснобаи и уклончиво молчащие (Тургенев у Гонкуров, 1 февр. 1880).

Сон сына: как русская литература строила теремок Лев Толстой стены клал, Достоевский балки накладывал (голос: «С петельками!»), Островский столпы становил, Некрасов гвоздики забивал, А. К. Толстой генералов на стенки вешал, Чехов лавочки ладил, Лесков печку клал (голос: «А Ремизов в трубу вылетал!»), Блок стекла стеклил, Брюсов конька на крышу ставил, Гиппиус щели конопатила, Есенин лики писал, Горький огород городил (голос: «А Скиталец в ворота стучал!»), а Маяковский пришел и все разорил.

Престиж Н. Я. Мандельштам писала, что строку «А тополь встал самолюбиво» О. М. хотел изменить, чтобы «тополь» был в женском роде, «как у Тютчева». У Тютчева тополь не упоминается ни разу. Имелись в виду стихи А. К. Толстого: «О друг, ты жизнь влачишь, без пользы увядая, Пригнутая к земле, как тополь молодая...», но А. К. Толстой был неуважаемым именем, и память (ее или его?) сделала ошибку. У Пушкина тоже был «Лишь хмель литовских берегов, немецкой тополью плененный», но спутать Пушкина с Тютчевым было труднее.

Престиж Концовка стих. «Что поют часы-кузнечик..» отмечена нарушением рифмы («... ничем нельзя помочь — сердце теплое еще»). И. Альми отметила, что это напоминает концовку пушкинских «Стихов во время бессоницы» «хочу — смысла я в тебе ищу». Собственно, гораздо ближе концовка Саши Черного «кровь, любовь, морковь... носки!», но он не престижен.

Престиж Цветаева цитировала гумилевское «О тебе, о тебе, о тебе — Ничего, ничего обо мне» как стихи Блока. Оказывается, и современная критика воспринимала это стихотворение как «блоковское», и Вяч. Вс. Иванов во «Взгляде», 1988, 341 указывал блоковские подтексты. На самом деле здесь в подтексте — С. Городецкий, стихотворение из «Лукоморья», 1916, № 29:

О тебе, о тебе, о тебе
Я тоскую, мое ликование!
Самой страшной отдамся судьбе,
Только б ты позабыла страданье. [51]

И т. д.: «...Скорбь моя, как огонь, вырастает. Вот она охватила сады И зарю у озер погасила, Оборвала лучи у звезды, У вечерней звезды белокрылой. Ало-черным огнем озарен, Страшен свод. Но, смеясь и сияя, В высоте, как спасительный сон, Ты стоишь надо мной, дорогая...» и пр. Отсюда же размер (редкий) «Определения поэзии» Пастернака и потом «Розовея озерами зорь... Соловей! Россиньоль! Нахтигаль!..» Асеева.

Прозимий Н. Брагинская заметила: во II Тыняновских чтениях ни одна статья не кончается заключением с выводами, всюду написано: «это уже выходит за пределы...» или «...открывает перспективу дальнейших исследований». Это акт ораторского извинения за слабость своих сил перемещается из зачина речи в конец.

Проза «Что такое проза?» — спросили Л. Г. М. на встрече с юными читателями. Она ответила: «Вот однажды я потеряла страницу рукописи, пришлось восстанавливать несколько дней, потом нашла прежнюю, и оказалось: слово в слово».

Проза «Мужчинам Цветаеву нужно начинать с прозы», сказала при мне веская писательница. Я долго думал почему, но ничего не придумал.

Прогресс В младших классах меня били, в старших не били, поэтому я и уверовал в прогресс.

Прогресс Читатели нового времени удивлялись: почему Эдип, получив пророчество, что убьет отца, не стал избегать любого убийства или хотя бы столкновения с любым стариком, а вместо этого сразу подрался с незнакомым Лаием? Ответ просто в Греции невозможно было прожить жизнь, никого не убивши, хотя бы ополченцем в будничной межевой войне. Вот что такое прогресс.

Прогресс Для вас прогресс банальность? Но только благодаря прогрессу мы с вами и разговариваем: тысячу лет назад мы бы оба умерли во младенчестве.

Прогресс Цитируя трогательные слова Достоевского о слезинке ребенка, забывают, что столетием раньше они не имели бы никакого смысла: детская смертность была такова, что жалость к ребенку была противоестественна. В середине XVIII в. в Англии, а затем во всей Европе начался демографический взрыв (одни говорят — от успехов медицины, другие — от улучшившегося питания), и чувства переменились. Ср. РОМАНТИЗМ.

«Прогресс не выдумка, потому что для позднего человека открыта возможность общения с гораздо более широким кругом "вечных спутников"» (Бицилли, СЗ 62, 385). [52]

Психоанализ Его формула: «Стоит ли мучиться, что ты хуже других, только оттого, что это правда?» (откуда?). На вопрос «что тебе дала философия?» стоик отвечал: «С ней я делаю добровольно то, что без нее делал бы подневольно». См. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ.

Понимание Шел Клодель по улице, увидел в витрине книгу «Клодель как комический поэт», обрадовался: «Наконец-то меня поняли». Подошел, перечитал, но там стояло: «как космический поэт». Рассказывал С. Аверинцев; по этой же схеме была запись у Ильфа «Шел Маяковский ночью по Мясницкой...».

Понимание «Ты пойми нас, а не то мы тебя поймем!» — говорят у А. Платонова: общество разговаривает с человеком так, как до него разговаривала природа.

«Политиколепная Апофеозис» назывался панегирический сборник в честь Петра I в 1709 г. Ср. «Царь Максимилиан, зверолепный и богометный».

«Политика ж. греч. наука гос. управления; виды, намеренья и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые. *Политика тухлое яйцо*, Суворов. Вообще уклончивый и samotный образ действий. ПОЛИТИК, м., умный и тонкий (не всегда честный) гос. деятель, вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать. ПОЛИСТАВРИЙ, -рион, крещатые

архиерейские ризы, фелонь», итд. (Даль).

Попыхи «Признаться, самому до смерти Мне надоели попыхи: Куда тебя ни сунут черти, Весь мир исполнен чепухи» (Фет, 527).

Публицистика «Чехов относился к России, как врач, а на больного не кричат» (Ремизов, «Петерб. буерак», 242).

Профессионализм «Профессиональная красавица», хочется сказать о С. Андрониковой или Глебовой-Судейкиной. А о Вознесенском: профессионально молодой.

Профиль «Вы говорите в профиль», — говорил Волконский Цветаевой. «Одиночество, но только публичное: когда она окажется не на людях, она не сможет жить» (Саакянц, 489).

В университете под большим портретом Ломоносова в фойе неизвестный человек меня спросил: «А почему он всегда изображается в таком, повороте? нет ли профилей?» Я объяснил. «А то я пишу фигурные стихи, на машинке, цветными лентами (так трудно достать!) — и в профиль получается узнаваемо, а в фас — вот я только что делал Горбачева, очень трудно!» [53]

Революция Каменную старуху Веру Фигнер робко спросили: «А если бы вам удалось победить — что тогда?» Она ответила: «Созвали бы земский собор, учредительное собрание, оно приняло бы конституцию — убогую, скардную, мещанскую; и мы бы поклонились и отошли прочь, потому что это и была бы народная воля». Щедрин, отвечая благодарностью на известную аллегорическую картинку, поднесенную студентами к юбилею, писал: «Только вот на горизонте у вас просвет виднеется; я понимаю, что это по жанру так положено, но мы-то с вами знаем, что на самом деле никакого просвета нет». Если не помнить об этом чувстве обреченности, нельзя понять русскую революцию.

Революция В «Лит. учебе» была статья о том, что Николай II был прав даже в 1914 г., потому что для искупления Россия нуждалась в войне. «Может быть, и в революции?» Пожалуй, но чтобы во главе ее были истинно православные. «А, это как в Иране».

Ремарка «Нынешняя революционная поэзия — это ремарка поведения статистов резолюции, а высоких зрелищ зритель молчит и думает про себя» (А. Ромм, «Поэзия ремарки» РГАЛИ 1525. 1. 128, в «Гиперборее», рядом со ст. Б. Грифцова «О необязательности литературы»).

Разночтения Замечалось ли, что «Двенадцать» с рисунками Анненкова напечатаны не так, как в газете, а с выравниванием строк на середину, как в каменной надписи? Разница впечатления — несомненная; следует ли перепечатывать такой набор в разделе «Другие редакции и варианты»? У Анненского есть записи своих стихов, различающиеся только продуманной пунктуацией: один раз с обилием многоточий, другой раз восклицаний. Приводить ли эти разночтения?

Расстрел Курочкин сказал о Плещееве, что с 1848 года он так и ходит недорасстрелянный (Скабич., 307).

Редактор «По редакторскому опыту я могу по переводу сказать, добрый переводчик или злой», — говорила Ольга Логинова.

Риторика Напрасно думают, что это — умение говорить то, чего на самом деле не думаешь. Это — умение сказать именно то, что ты думаешь, но так, чтобы не удивлялись и не возмущались. Умение сказать свое чужими словами — именно то, чем всю жизнь занимался ненавистник риторики Бахтин. Музы в прологе к «Феогонии» говорят:

Мы знаем, как сказать много неправд
Похожими на правду,
Но и знаем, как выговорить правду,
Когда хотим. [54]

Издавали «Историю всемирной литературы», я писал введение к античному разделу. Н. из редколлегии в яркой речи потребовал приписать, что Греция создала тип прометеевского человека, который стал светочем для прогрессивного человечества всех времен. Я выслушал, промолчал и написал противоположное — что Греция создала понятие закона, мирового и человеческого, который выше всего итд, — но пользуясь лексикой, свойственной Н-у. И Н., и все в редколлегии остались совершенно довольны. Кто хочет, может прочитать в I томе ИВЛ.

Ритм Два главных гимнических ритма, Aeternae rerum conditor и Pange, lingua, gloriosi, в точности соответствуют двум русским, «Идет коза рогатая» и «Прилетели две тетери, поклевали, улетели».

Рифма Триссино положил начало белому стиху «Италией, освобожденной от готов»: поэма об освобождении от готов пишется стихом, освобожденным от «готической гремушки» рифм (замечено М. Ю. Лотманом).

Рифма Сельвинский говорил: «Асеев прочитал по рифмам мой «Пушторг», и он ему не понравился».

Родительного падежа Открытка 1964 г., с картинкой: «Наилучших пожеланий в Новом году!» (в архиве Квятковского).

Романтизм был последствием демографического взрыва, который начался в середине XVIII в. в Англии, а потом волнами разошелся по Европе. (Раньше считали — от успехов медицины; теперь считают — от улучшения питания.) До этих пор человечество много тысяч лет боролось с природой за выживание, и большие эпидемии или неурожаи могли уничтожить его даже не вполовину, а целиком. Чтобы выстоять, оно спланивалось в общество. Ситуации борьбы были однообразные, важно было копить опыт и хранить традиции. В XVIII в. стало ясно, что победа одержана, человечество спаслось от вымирания. Борьба с природой из оборонительной стала наступательной, ситуации ее сразу сделались гораздо менее предсказуемыми, коллективного опыта для них было уже недостаточно. Говорят, в звериных стаях есть особи-маргиналы с нестандартным поведением: их держат в унижении и пренебрежении, однако не убивают. А когда стая оказывается в нестандартной опасной ситуации, их выпускают вперед: если погибнут, не жалко, а если не погибнут, то, может быть, отыщут выход. Вероятно, в человеческой стае тоже есть такие маргиналы с таким отношением к ним; теперь спрос на них вырос, они и стали романтическими героями. От них требовалась только нестандартность поведения — любая: можно было быть святым или злодеем, в новом мире мог пригодиться и тот и другой. Двоемирие и пр. было обоснованием постфактум; житейское по[55]ведение, «романтизм и нравы», бравада необычностью ради необычности итд были следствиями; романтизм начала XIX в. и модернизм начала XX в. были двумя волнами («почему я должен рассуждать, как отцы?» — «почему я должен рассуждать, как профессора химии?»). Все очень стройно, лишь одно заставляет сомневаться: в середине XVIII в. был не один, а два демографических взрыва, второй — в Китае, и ни индивидуализма, ни романтизма там не произошло. Почему бы это?

Рынды При Канси для безопасности государя его телохранители при троне были

вооружены деревянным оружием.

Рубик В принстонской библиотеке старая часть расставлена по одной классификации, новая — по другой, и кусочки этих частей растасованы по шести этажам в непредсказуемом расположении: больше всего похоже на кубик Рубика.

Е. Витковский сказал «Передо мной положили два текста перевода Семенова-Тян-Шанского из Горация, такие, что я спросил: это разные?». Я объяснил: это я редактировал старые переводы для однотомника 1970 г, в некоторых текст со всем исчезал за правкой, и лишь, словно в окошечках, виднелись первоначальные слова. — «Да, знаю; я однажды редактировал Эйхендорфа, так там и окошечек не осталось». — Когда дело дошло до верстки, я заметил, что в одном стихотворении в окошечках уже не те слова; посмотрел в оглавление, там другая фамилия — это соредактор поставил вместо старого перевода молодой. Я рассказал об этом случае Т. Луковниковой из секции переводчиков, она сказала: «А вот у нас был переводчик — процитировал четверостишие в чужом переводе, изменив одно слово, а потом, при переиздании того перевода, потребовал подписать его двумя именами». — «Назвала?» — Нет, я честно не интересовался — «Это М., а правил он перевод Н.»

Сам «НН слишком рано пошел своим путем, пренебрегая сделанным другими» (слова А. Н. Колмогорова).

Само «Раздел 7. Нечто о средствах к устранению самоповешения у народов финского племени». Вестн. Имп. Р. Геогр. Об-ва, 1853, 3, 19.

Сатирик Надпись Б. И. Ярхо Ф. А. Петровскому на издании 1924 г.:

Mundum ad interitum festinare credo:
Quisque civis furcifer, quisque servus praedo.
Unum mini gaudium, una est dulcedo —
Quando de ambrosia veterum comedo.

Modernorum respuo pocula cauponum,
Ex antiquo calice vinum sumo bonum.
Ergo, frater, accipe caritatis donum,
Ut mearum particeps fias potionum. [56]

Сахара Гумилев говорил Г. Иванову: я ее не заметил, я сидел на верблюде и читал Ронсара. Так Кусиков, когда его устыдили, что нехорошо жить в Париже и не видать Версаля, поехал в Версаль, просидел полный день в трактире и вернулся в Париж.

Совесь «Впрочем, попы стыдились таких проповедей, но не совестились» (Гиляров-Плат, II, 205). Я вспомнил знаменитую статью В. Н. Ярхо «Была ли у древних греков совесть?».

Сверху Александр I в 1814 г. в Лондоне просил у вига Грея доклад о средствах создания в России оппозиции (СЗ 62).

«**Свобода** нужна не для блага народа, а для развлечения», говорил Б. Шоу.

Свобода Гиппиус — Ходасевичу, 22.09.1926: «...пишущий должен знать, что ему предоставлена свобода самому ограничивать свою свободу, а достоин ли он такой свободы, — это редактор, конечно, решает...» Берберовой, 27.08.1926: свобода ни с чем не считается — «это, скорее, рабство и покорность желанию собственной левой ноги».

Свобода На чукотском языке нет слова «свободный», есть «сорвавшийся с цепи»; так

писали в местной газете про Кубу. Поэт М. Тейф говорил переводчикам: «Даю вам полную свободу, только чтобы перевод был лучше оригинала» (восп. Л. Друскина).

Свобода собраний Петровский указ — фендриков разгонять фухтелями, понеже что фендрик фендрику может сказать умного? (Письма Шенгели к Шкапской, РГАЛИ).

Здесь каждый охотно встретить готов
Свободу мышей при свободе котов.
(И. Сельвинский, «Улялаевщина-2»)

Сон сына, самый главный. Книга в серии сказок издательства восточной литературы: «Эскимосский Христос — Фрол Иванович Дрохва-Тетерников: местные сказки и предания. К 150-летию со дня рождения». В начале — запись автобиографии. Ему смолodu было предсказано погубить девять душ. Впрямь был буен, секом, при крепостном праве убил деревенского соседа, сдан в солдаты, шестерых убил горцев, за храбрость взят в денщики сибирским губернатором, зарезал его восьмым и бежал к эскимосам вместе с другим денщиком, Петрушкою, взяв лишь Библию и букварь, а был неграмотен. Перекамливал насмерть главного шамана, женился на белой куропатке, его вдове, воспевался под именем тетерева на разных диалектах («взлетел на ветку и стал гласить нагорную проповедь...»), переложил Библию на эскимосский язык: «царь Соломон ушел от дел, эхой! и тогда пришли тулы, эхой! и опережали зайцев, эхой! и прыгали через костры, эхой!» Когда приехала ревизия, назвался миссионером, стал читать попу свою Библию; на II кн. Царств поп сказал: «А ведь это ересь!», но эскимосы его отстояли. Друг его Петрушка, записывавший его учение, вдруг объявил, что Фрол — это Бог-Отец, а Христос — он [57] сам; Фрол распял его на льдине, это был девятый. Женившись на оленухе и на нерпе, объединил тундровых и приморских эскимосов; укрывал беглых политкаторжан, и они через год были неотличимы. Когда на его девятом десятке случилась революция и пришли комиссары, то политкаторжане вышли навстречу с бубнами и дудками, Фрола как героя отвезли в Ленинград консультантом при Институте народов Севера, но Библию как дурман изъяли и сожгли, все цитаты из нее — по американскому изданию. Умер в 1930 г, дети его попытались явиться в Ленинград, но скоро были отправлены под конвоем обратно.

Святой На вечере памяти М. Е. Грабарь-Пассек С. Аверинцев начал так «Лесков говорил, что в России легче найти святого, чем честного человека, — так же можно сказать, что легче найти гения, чем человека со здравым смыслом и твердым вкусом...» итд. Ср. УТИЛИТАРНОСТЬ.

Связность текста (лингв.). У А. М. Топорова, «Крестьяне о писателях», 1930, о поэме Пастернака: «Связанных слов нисколько нетуги. Добрый человек скажет одно слово, потом завяжет его, еще скажет, опять завяжет. Передние, средние и задние — все завяжет в одно. А в этом стиху слова, как сквозь решето, сыпятся и разделяются друг от дружки». (Книга, очень похожая на «Народ на войне» Федорченко.)

Северянин Пастернак о нем говорил: «тургеневщина». А он о Пастернаке: «Он украл у меня много стихотворных схем» (А. Ранниту в 1937; имелись в виду «Воробьевы горы» и пр.). Если в «Сестре моей — жизни» отслоить метафорические, привнесенные образы, то их пласт окажется очень северянинский: трюмо, рюмки, рислинг, запонки, купе, канапе... Кажется, Шершеневич (Егух) попрекал Пастернака северянинством в ПЖРФ.

Селянка Мережковский приставал к Чехову с вечными вопросами, а тот говорил: не забудьте, что у Тестова к селянке большая водка нужна. «Надо было наговорить столько лишнего, сколько мы наговорили, чтобы понять, как он был прав, когда молчал» (Алданов). Это А. Лютер сказал, что у Достоевского люди не едят, чтобы говорить о Боге, а у Чехова обедают, чтобы не говорить о Боге (СЗ 26–27).

Сердце «У Цветаевой блеск от ума, а у Антокольского от сердечного жара», — 20.05.1920, дневник А. Ерофеева, мужа Веры Звягинцевой. РГАЛИ, 1720.1.504, л. 253: потом перерыв до 1944 г. и дальше выписки из Джинса и писем Флобера к Л. Коле.

Середина странствия земного «В 35 плюс-минус два года люди или умирают, или меняют жизнь, бросают работу и жен и т. п.», — объясняли мне. Даже Высоцкий сочинил про это песню. У Петра I в этом возрасте была Полтава, у Цветаевой — ее звездный 1926 год, когда она [58] лихорадочно дирижировала двумя великими поэтами. Блок весной 1918 часто повторял, что ему 37 лет (восп. Книпович). А Жуковский, верный себе, в 37 лет написал: «Победителю-ученику от побежденного учителя».

Синоним В. Марков комментирует стих Бальмонта из «Зарева зорь»: «Твой поцелуй — воистину лобзание» — «строка, которую должны бы цитировать специалисты (но не цитируют)».

Ситуация В. Холшевников сидел, ждал электричку, подошел пьяный: «Вы интеллигентный человек, и я интеллигентный человек, вы меня поймете: я артист, мой отец у Соколова перед Распутиным пел, а теперь от нас образованности требуют. Ну скажите, зачем интеллигентному человеку образованность? артисту не образованность, а талант нужен!» итд, а в конце сказал загадочную фразу «Ситуация превосходит сибординацию!!»

Скелет Емельянов-Коханский, автор «Обнаженных нервов», хотел выпустить и вторую книгу, «Песни мертвеца», с новым своим портретом в виде скелета, но встретились цензурные трудности (Бел., Л. С., 114).

Скверное «Как о человеке, обо мне может рассказать Экстер, как о собеседнике — Бердяев, а все самое скверное — это тоже бывает нужно — Эльснер», — писал Аксенов Боброву.

Об Эльснере рассказывал А. Е. Парнис. Эльснер был с Аксеновым шафером на киевской свадьбе Гумилева и Ахматовой и уверял, что это он научил Ахматову писать стихи. (Аксенов потом собирался писать параллельный анализ сочинений Ахматовой и Вербицкой под заглавием «Писарство и чистописание») Почему не эмигрировал? — «хотел посмотреть, чем кончится». В Тифлисе имел хобби: жениться и отсылать жен за границу (как?). Зарабатывал сочинением диссертаций для грузин. Последняя вдова настаивала, чтобы его похоронили на Мтацминде — но пока грузины об этом советовались, перевезла прах в Москву и похоронила... (в кремлевской стене? подымай выше!) в Переделкине рядом с Пастернаком.

Слово «Теперь я буду говорить не для того, чтобы нечто сказать, но дабы не умолчать», — говорил пр. Сергиевский, приступая к догмату св. Троицы (ГМ, 1926, 2, 144). Ср. МЕТОД.

Слава Бальмонт об автобиблиографии Брюсова: делопроизводитель собственной славы (Е. Архиппов — Альвингу, РГАЛИ, 21.1.11). Твардовский о Маршаке: крохобор собственной славы (Зн 1989, 8). А потом — юбилейная речь.

Слава Флобер восхвалял «Войну и мир» (это цитируется), но признавался, что не дочитал до конца ее философию: мировая слава пришла к Толстому, когда он начал тачать сапоги (Алданов). [59]

Славянство «День святителей Кирилла и Мефодия был отпразднован обедом, данным в

залах Дворянского собрания. Против царской ложи была водружена хоругвь, принесенная в дар слепцом-писателем Ширяевым. Меню было составлено из одних исключительно славянских названий. Посреди него была изображена географическая карта славянских земель с надписью: «Одним бы солнцем греться нам» (Неведомский, 350).

Слон В Париже в 1945 г. выходила русская газета «Честный слон». «Отчего такое веселое название?» — спросил я. «Ну, все-таки война кончилась...» — ответил Л. Флейшман. Ср. ЛИЧНОСТЬ.

«**Странно**, право, что эти люди ничего не понимают, но гораздо страннее, что это для меня странно» (Фет — Л. Толстому, 21.01.1879).

Сложность Дневник А. И. Ромма (РГАЛИ 1495.1.80), о Пастернаке: «...и у него сложные отношения с женой, которая любит музыку Прокофьева и такие слова, как "яркое переживание"». Ср. НЕСЛЫХАННАЯ ПРОСТОТА.

Служба Юродивый Никитушка за вызов к Александру I получил чин 14-го класса (Мельг., 69).

Служба М. Ф. Андреева спросила Муромцеву-Бунину: «Сколько лет вы служите Ивану Алексеевичу?» Муромцева, однако, обиделась. Е. Архиппов писал Альвингу (РГАЛИ): «Чем живете, чему поклоняетесь? Какое имя владеет Вами?»

Сократ Сын Н. Ж. мечтал изобресть лекарство «сократин», чтобы можно было не болеть, но сократить жизнь с конца за счет невыполненных болезней.

Сократ «Познай самого себя»: гусеница, которая познает себя, никогда не станет бабочкой (А. Жид, «Новая пища»).

Спарта Александр I: «способность относиться к себе со спартанской суровостью умиляла его до слез» (Ходасевич, «Державин»).

Страховование «Нигде высшую церковную иерархию не встречали в качестве преемников языческих волхвов с большим страхованием, как в России, и нигде она не разыгрывала себя в таких торжественных скоморохов, как там же. В оперном облачении с трикирием и дикирием в храме, в карете четверней с благословляющим кукишем на улице <и т. д>, со смиренно-наглым и внутрь смеющимся подобострастием перед светской властью, она, эта клобучная иерархия, всегда была тунейдней молью всякой тряпичной совести русского православного слюнтяя» (Ключевский, Письма, 1968, 312). [60]

Спонтанный «Вы не позволяете себе спонтанных движений». Мои спонтанные движения всегда кого-нибудь ушибают. Самое безобидное мое спонтанное движение — считать рифмы Мариенгофа.

Смерть «Просить Господа Бога, чтобы снял меня с иждивения» (Цветаева — Пастернаку). «Умер, как большая, отслужившая вещь» (она же).

Сталин «В Европе XV века власть почти повсюду принадлежала Сталиным» (Алданов, «Юность П. Строганова»).

Старое и новое Ларошфуко: «Многие борются против нового не оттого, что привержены к старому, а оттого, что первые ряды поборников нового уже заняты, а быть во вторых они не хотят». — «Это о нашем НН.», сказала И. Подгаецкая.

Стихосложение А. Парщиков спросил меня: какой стихотворный размер был у нас государственным? не 5-стопный ли ямб? (Это было ему важно для темы «Диссидентство в поэзии»). «Нет, если бы я был государство, я предпочел бы 4-стопный ямб: он завершен классиками и скуднее вариациями, в нем легче выследить неположенное. Но я, наверное, был бы плохим государством, поэтому не полагайтесь на меня. Но что в 1950—1980-х гг. 5-стопный ямб вытеснял 4-стопный — это знак того, что государство слишком беспечно

относилось к стихотворным размерам». — А к белому стиху? — «Подозрителен как симптом буржуазного разложения, поэтому преследовался; допускался в больших формах, как у Луговского, где можно статистически уследить, случайны или тенденциозны отклонения от оптимизма» итд. А ведь будь я постструктуралист, я всерьез бы напечатал об этом статью «Стих и насилие».

Стул «Нашествие французов и за ним последовавшее нашествие крестьян на ту же Москву с целью грабежа» впервые вынесло в провинцию стулья вместо лавок (Гиляров-Плат., I, 55).

Статуя командора гладит меня по голове.

*Каждый здесь проходящий
Мнит, что он — судия,
В нем весь смысл настоящий,
В нем венец бытия
Но из сфер, где собака
Тумбы правит закон,
Выбегают из мрака
Сто таких же, как он.*
Борис Лапин, «Ода». [61]

Стиль И. Тронский говорил В. Ярхо: нельзя ради стиля переводить коров Гелиоса быками Гелиоса — какой дурак станет держать быков стадами?

Стиль «Ввиду моего стиля, который мне противен, но от меня не зависит...» (письма И. Аксенова к С. Боброву). «Стиль Мове Гу» из «Бани» Маяковского — шутка, записанная еще Д. Философовым, Ст. и. н., 89: «стиль мове гу, как выразился один столяр».

Стиль «По сторонам от дороги, вправо и влево, волочились горемычные облака; исподволь угнетали душу убогие ужасы предместья; ныли телеграфные столбы, и качался, тужился против ветра, виляясь в педалях, упрямец велосипедист». «Но тут, буравя мозги, заверещал мстительный — за вчерашнее с криком ковыряние в его спине — будильник, к нему тупо подтопали, цапнули за плотку, он брызнул по пальцам душителя предсмертным клетотом и затих. В одеяльное шерстяным рупором ущельице гляделось скудное утро. Я думал тихо: умереть бы». Это не Набоков; угадайте, кто?

Судьба И. О.: «На Олимпе было решено, что греки и троянцы взаимоистребятся, но не было решено, кто кого; поэтому боги разделились в поддержках» итд. А Троя потом продолжала существовать незримо, как град Китеж.

Судьба «В книгу вошли произведения более ста поэтов только с законченными судьбами» («Песнь любви», 1988).

Суздаль «Ударя с тыла в табор их с дружиной суздальцев своих» — но суздальцы, как и нижегородцы, на Куликовом поле не были, а держали тылы. Москва пересилила Тверь денежной помощью Новгорода, который дружил через соседа.

Сурков Стенич говорил о Гумилеве: если бы был жив, перестроился бы и сейчас был бы видным деятелем ЛОКАФа. (Восп. Н. Чуковского).

Структурализм «Итоги», 1996, 26, интервью с дизайнером А. Логвином. «Только ясность оправдывает провокацию, ясность на уровне структуры, а не на уровне вкуса. Как с женщиной: приводишь, она вроде вся офигительная. Ложишься в постель и понимаешь, что на самом деле она вся совершенно деструктурная. Чего-то много или мало. Что-то тебя обламывает, и понимаешь, что надо уходить из койки». — Можно это оставить в тексте? — «Конечно. У меня

как раз очень структурная жена».

Суффикс «А. Н. Толстой очень любит слово задница и сетует о его запретности: прекрасные исконно русские слова — горница, гор[62]лица, задница...» (Записи Л. Я. Гинзбург, НМ 1992, 6). По-японски задница называется «ваша северная сторона».

Счастье Филологический анекдот из сб. Азимова. Отплывает пароход, в последнюю минуту по трапу вносят старшего помощника, мертвецки пьяного. Проспавшись, он читает в судовом журнале: «К сожалению, старший помощник был пьян весь день». Бежит к капитану, просит не портить ему карьеру. «Поправки в журнале не допускаются, но сделаю, что могу». На завтра читает: «К счастью, старший помощник был трезв весь день».

Счастье «Подумайте, нет ли у вас садомазохизма», сказал психотерапевт. — Конечно, Поликратов комплекс: за счастье нужно платить, итд — «А вы уверены, что вы счастливы?»

Свеж металлический ветер осенью. Росинки нефритовы и жемчужно круглы. Светлый месяц чист и ясен. Красная акация душиста и ароматна. Надеемся, что вы процветаете в постоянном благополучии...

Китайское деловое письмо, Зв 30, 2, 163.

Там «А у вас там, под Москвой, говорят, война идет?..» — говорили архангельские мужики Н. Я. Брюсовой в 1904 г.

Тот «Если есть тот свет, то там только наслаждаются природой и искусством, а кто не натренирован к этому и больше любил выпить, покурить да в кино, тому скушно, вот и все наказание» (И. С. Ефимов, «Об иск. и худож», 77). Похожим образом Эриугена истолковывал ад.

Тезаурус В 4-язычном разговорнике Сольмана общие категории — размеры, формы, вес, вид — оказываются подрубриками раздела «Одежда».

Температура «Каковы ваши жгучие несчастья?» — спрашивало доброе письмо из-за границы. А у меня нет жгучих, у меня холодные.

Тень Д. Н. Бразуль, зав. худ. отделом «Рабочей газеты», пил только пиво, но так, что пытался открывать дверь редакции, хватаясь за тень от ручки. Кожебаткин (уже в изд. МТП), грузный и беззубо улыбающийся орел-стервятник в пенсне, носил женские чулки, потому что в них теплее, а в портфеле имел любые книги, серебряный набалдашник без трости, подвязки и всегда бутылку вина. В. А. Попов, редактор «Вокруг света» и «Следопыта», вылечился от запоя новым способом, «электричеством через женщин», но как — не говорил (Восп. Д. Дарана, РГАЛИ, 2436.1.42). [63]

Тень У Алданова слова не отбрасывают тени, — вежливо выражался Набоков.

Техника «Акмеизм обрек себя на поощрение бездарности, ибо всякая школа, желающая сделать поэзию трудной, делает ее легкодоступной» (Мирский).

Totentanz Из Триция Апината, XVI в. (найден в цитате):

Если мертвый приходит к живым — он приходит с улыбкой,

Мертвый может быть добр — даже добрее живых, итд.

«**Трагедия** есть лишь недоудавшаяся комедия» эпиграф у К. Келли к главе о Тэффи.

Традиция Жалобы на искусственную прерванность русской культуры неуместны: культурная традиция не задается, а создается, сочиняется заново каждым писателем или группой. Об этом — книга С. Savannagh о Мандельштаме. Сейчас у русской литературы сколько угодно традиций, от Хармса до Хомякова. В том числе и прерванность традиций: это тоже традиция.

Традиция «Искусство Г. Адамовича и Г. Иванова — аптекарское: смешивают в новых

дозировках и комбинациях влияния старых поэтов» (восп. Н. Чуковского).

Традиция М. Пруст серьезно называл себя последователем Дж Эллиот (упом. у Алданова).

«**Традиций** не рвать, идей не водить, святынь не топтать» — из С. Кржижановского (там, где дальше про Словарь умолчаний).

Три желания И. О: «Первое желание Тесея — для спуска к Посидону; Минотавра он убивал без молитв; второе — против Ипполита; третье осталось неиспользованным, потому что из аида он не хотел спасать себя без Пирифоя, а Геракл пришел к нему тоже без молитв. А то как бы ругались потом Нептун с Плутоном! Один: у меня орбита шире! другой: зато ты от солнца дальше! А на Скиросе у Ликомеда был черный ход в аид: потом по нему сходила Фетида к Стиксу купать Ахилла».

Тринадцать: дурная слава этого числа — недавняя, от контрреформации XVII в., по месту Иуды среди апостолов (В. Марков).

Тютчев «Для служилого дворянства Россия была государством, и пейзажи могли быть европейские; для отстраненного — поместьем, и природа в них — только собственного имени. Как непохоже на пейзажное западничество Тютчева и Пушкина цветущее евразийство поэта петровской индустриализации [64] Ломоносова и поэта тропически-агрессивного екатерининского крепостничества Державина» (Д Мирский в «Евразии» 1928).

Тюфяк Мандельштамовское «Страшен чиновник; лицо как тюфяк»: английский переводчик перевел «the face like a gun» и сделал примечание про «тюфяк» по-турецки и по-гречески.

Убийство «Нам с ней не котят крестить», выражение Ремизова («Петерб. буерак»). Из жалости топить котят в теплой воде — это не выдумка «Записей Ковякина», это было и в мемуарах: не у Шкловского ли? Топившая хозяйка могла ответить на попреки: «А если б вас самих топили, вам все равно было бы, да?»

Угадайка Литературные премии, эта игра в угадайку с будущим. Или благодарность живым за то, что им уже некуда меняться.

Уже Когда Цезарь был еще в Александрии, ему уже был назначен нумидийский триумф.

Уже В Енисейске хозяйка спрашивала: «Убил, что ли, кого?» Нет. «Украл?» Нет. «Так за что же это тебя?» Я поляк. «Такой молодой, а уже поляк!» (ГМ, 1914, 7, 147). Так Федор Сологуб говорил дочке Кривича: «Такая маленькая, а уже внучка Анненского!» Анненского он не любил.

Упругость (СЗ за 1935). Показатель моральной упругости армии — при каком проценте потерь она ощущает свое поражение? У турок в Плевне — 20 %, у итальянцев при Кустоце — 4 %.

Упругий нрав находил Ермолов у адмирала Чичагова (РСт 1886, 2, 238). Ср. «с верною супругой Под бременем судьбы упругой»: эвфемизм вместо «упрямый». «Упругая литературная карьера Набокова».

Ушлый Опустя пору учиться, что по ушлому гнать. (Даль).

Учение Мандраит сказал Фалесу «Проси чего хочешь за то, что научил меня этому расчету». — «Прошу: когда будешь учить ему других, не приписывай его себе, а назови меня» (Апул., «Флор», 18).

Утешение Изменил и признаюсь, виноват перед тобой. Но утешься, я влюблюся, изменю еще и той. — Стихи Магницкого-душителя из «Аонид», цит. у Вяз., 8, 200.

Сон. Дом престарелых актеров, морицинистый старик представляет меня величавой паралитической старухе: «Он молодой, но все знает про наше время». От такой гиперболы я замираю, но старуха только спрашивает: «А он не еврей?» [65]

Фамилия Полковник Чеботарев в «Игроках» в цензуре стал Чемодановым, а то фамилия не дворянская (С. Аксаков — Гоголю, 6 февр. 1843).

Фамилия Приснилось, что меня зовут Михаил Леонович Рава-Русская.

«Фанатик» Я за всю жизнь не встречал ни одного фанатика — таково уж было невезение» (Алданов в очерке об убийце Троцкого).

Феминизм в литературе мог бы быть полезнее всего, если бы взялся переписывать мировую литературу с женской точки зрения, в переводе на женский язык: «Подлинная Анна Каренина» и пр. В таком случае первым феминистом мог бы оказаться Овидий в «Героинях»: Троянская война с точки зрения Брисеиды. Что говорят феминистки об Овидии? приветствуют или разоблачают? («Анна Каренина»? — может быть, уже была, — сказал А. Осповат — Митчелл написала «Унесенных» после того, как в 1932-м вышел новый перевод «Карениной», и она вошла в ее колледжную программу. Я просил студентов поискать, не обыгрывается ли у нее поезд — кажется, нет. В Америке читать лекцию о «Карениной» идешь как на убой: тут тебе не позволят рассуждать о поэтике, а потребуют однозначно оценить ее поступок).

Феминизм В Rus. Review 1996 было заглавие: Superfluous man and necessary woman.

Фестшрифт Якобсон сказал: «Белич делает свой фестшриф периодическим изданием, а свой журнал («Южнословенский филолог») фестшрифтом» — там в каждом номере появлялись ему комплименты (от О. Ронена).

Философия У НН талант исследовательский, а душевный склад творческий: не филолог помогает философу, а философ давит филолога.

Формализм «Типот подарил трехлетней дочери книжку о животных, она равнодушно перелистала львов и тигров, а о зебре спросила: это еще что за ерунда?» (записи Л. Гинзбург, НМ, 1992, 6).

Figura etymologica «Считать дело окончательно конченным» — начертал Александр III на прошении Миклухо-Маклая об основании русского фаланстера на Новой Гвинее.

«Функционирование государства отвратительно, но не более, чем функционирование человеческого организма». Е. Лундберг, Зап. писателя.

Флот В «Русском вестнике», 1902, 2, 185, в исторической статье была фраза: «Главным врагом русского военного флота всегда было море». [66]

Школьный вечер в Принстоне, дети сочиняли истории и рассказывали родителям. «Жили и дружили девочка Дженни и мальчик Альфред. У Дженни на шее всегда был зеленый бантик; Альфред спрашивал, почему? а Дженни отвечала: не скажу. Они выросли, поженились, состарились, и Альфред все спрашивал, а Дженни отвечала: не скажу. А когда Дженни стало совсем плохо, она сказала Альфреду: вот теперь развяжи мне бантик, и ты кое-что поймешь. Он развязал, и у Дженни отвалилась голова». Идиллическая страшилка.

Хелефеи и фелефеи Я раскрыл Библию, открылась 2 Царств, 20, 7: «И вышли за ним люди Иоавовы, и хелефеи и фелефеи, и все храбрые пошли из Иерусалима преследовать Савея, сына Бихри». Я обрадовался и написал открытку В. П. Григорьеву: вот какой хлебниковский (или хармсовский) язык я нашел в Писании. Он ответил: «Вы правы, это не хлебниковский язык, потому что звука «ф» в Звездном языке не было».

Хорей 5-стопный («Выхожу один я на дорогу» итд, по Тарановскому). Гумилев объяснял ученикам, что всегда, когда поэту нечего сказать, он пишет «Я иду...» (Восп. Н. Чуковского). Тогда считалось, что самоед, везя этнографа на нартах, поет «Я еду...»

Хорошо «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» — Лук 6, 26. Ср. ВСЕ.

Ходить «Розанов входил, семена и перебирая руками, Мережковский, как гроб, Гиппиус — на костях и пружинках, Вяч. Иванов, танцуя, а Горький, урча» (Ремизов, «Петерб. буерак», 173).

Хотеть «Все можно сделать, если захотеть, только захотеть нельзя, если не хочется» (Дневн. А. И. Ромма, РГАЛИ). Ср. ОТКАЗ.

Хоть Последняя книжка М. Шкапской называлась «Человек идет на Памир». О. К. сказала: «Можете подавать заявку в Душанбе: издадут любую избранную Шкапскую, как издали Липскерова». — «Хоть Памир там и не значит ничего хорошего?» — «Хоть».

Храбрость «За два года стали храбрее в смысле способности все перенести и трусливее в смысле нежелания что-либо переносить». Ф. Степун, «Из писем прапорщика», 150.

«Царь Додон погиб, и преемником посмертно был избран царь Горох». — И. О.

Цветаев И. В. был хорошим ученым, автором свода италийских диалектных надписей, но отказался от большого научного будущего ради просветительского дела. Дочь прославляла его, но этого — главного! — поступка его жизни она не заметила. Потому что ампула в ее воспоминаниях были расписаны твердой рукой, и вся жертвенническая часть была отведена матери. [67]

Чай Константин и Николай подносили друг другу Россию, как чай, от которого отказываются (СЗ 26, 252).

Чайник Когда начиналась мировая война, и Германия уже объявила войну России, был момент а вдруг Франция дрогнет и не вступится за Россию? Мольтке пришел в ужас, сказал, что план войны разработан на два фронта, и менять его на ходу — смерти подобно; тогда в ноте Франции написали «а если и не будет воевать, то пусть для гарантии впустит в Туль и Верден немецкие гарнизоны», и война пошла своим чередом (Лиддл-Харт). Это напоминает анекдот о математике: «Как вскипятить чайник? — Налить и поставить на огонь. — А как вскипятить налитой чайник? — Вылить воду, и тогда задача сводится к предыдущей». Психологи говорят, что мы всю жизнь сводим новые задачи к предыдущим именно таким образом. Когда Фоменко (см. УКАЗАТЕЛЬ) начинает с «предположим, что мы не знаем того, что знаем» о древней истории, то мы тоже присутствуем при энергичном выливании воды из исторического чайника.

Черт В Москве Филарет запретил магазинную вывеску Au pauvre diable: осталось Au pauvre и точки (Вяз., 8, 152).

Чихнуть «Только славянофилы сидели в позе человека, который собрался чихнуть, да никак не чихнет» (Энгельс, II, 211, о 1868 годе).

*Имущий злато век робеет,
Бои́тся ближних и всего;
Но тот, кто злата не имеет,
Еще нещастнее того.
Во злате ищем мы спокойства;
Име́в его, страдаем век;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!*
Херасков, с. 92

Человек И. М. Брюсова сказала Д. Е. Максимова, выслушав об Андрее Белом: «Я его знаю, он может быть и человеком». В. П. Григорьев сказал: «Я как лингвист ручаюсь: написать такую

книгу, как «Мастерство Гоголя», не имея словаря языка Гоголя, невозможно; а Белый написал. Могу только предположить, что, когда он писал, он помнил собрание сочинений Гоголя наизусть от переплета до переплета». Я ответил: «А я как стиховед ручаюсь: написать за два месяца словарь рифм на «-ар-», не имея обратного словаря русского языка, невозможно; а Белый написал», итд.

Честь «Всем людям свойственно, потерпев крушение, вспоминать о требованиях долга и чести» (Плутарх, «Антоний», 17). [68]

Честь «Из чести лишь одной я в доме сем служу», — говорит девка в «Опасном соседе». «Теперь бы сказали: на общественных началах», — сказала А.

Чин М. Поляков хотел быть наследником А. Дымшица в чине генерала от предисловия.

«Что делать?» была последняя книга, которую читал Маяковский перед самоубийством (ДН 1989, 3, 209).

Шаг вправо, шаг влево «Орвеллом трудно восхищаться не потому, что его антиутопия для нас привычный быт (так Вересаев, побывавший на войне, не мог восхищаться «Красным смехом»: «Андреев забыл, что есть такая вещь — привычка»), а еще и потому, что его и наш быт мало чем отличается от всевропейской казармы. Просто там дан приказ: «Шаг вправо, шаг влево — обязательны, за неисполнение — моральный расстрел», и все засуетились». Когда был отдан такой приказ? Наверное, при Руссо. См. РОМАНТИЗМ.

Школа О школах, «где учат технике страдания», мечтал Ал. Вознесенский (РГАЛИ, 2247, 1, 22). «И, грозный вождь на многолюдьи, ты так направил все мечи, что палачей не судят судьи, а судей судят палачи».

Штука «Что Россия — шестая часть света (в смысле: шестой континент), сказал еще Краевский, а «Эта штука сильнее «Фауста» Гете» — Гоголь, по поводу пушкинской сцены из Фауста» (?).

Сон сына: фейерверк в 75 залпов к юбилею Ленинской библиотеки и вислоусый пиротехник из Лихтенштейна, который говорил: «Ваша держава слишком велика, чтобы быть счастливой», а потом, напившись прохладительных напитков: «...слишком велика, чтобы быть великой».

Экология Когда осуждают хорошего писателя за то, что он нехороший человек — это все равно, что осуждать завод за то, что он дымит и лязгает.

Экономика Всякая дешевизна — перед дороготнею (Поел. XVII в., изд. Симони, 87).

Экзамены Лисы-оборотни в Китае тоже сдают экзамены; за 500 лет успешной практики они получают вечное блаженство.

ЭА и АИ «Будь счастлива» по-марсиански будет «Evaì divine» (Вест. ин. лит. 1900, 4, 283, о швейцарской галлюцинатке). У Гумилева это — из фантазий Руссо, будто первоначальные языки были [69] пением гласных, и лишь потом в них вторглись артикулирующие согласные.

Элита (животноводч). Стихи из радиопьесы А. Володина: «Между сытыми, мытыми извиваюсь элитами, свою линию гну: не попасть ни в одну».

Эма С. Ф. Гончаренко эмоционему допускает, но эстетему нет: это частный случай итд.

Эпиграфика С. А. рассказывал: в клозетах библиотеки Британского музея он впервые увидел надписи со ссылками на источники. Несмотря на обильные надписи, чтобы не делать надписей.

Error букв. «непутевость». EVENTUS AMBIGUUS, «как бы чего не вышло».

Этика Эйхенбаум был не менее этически озабочен, чем Бахтин, но Бахтин решал свои

этические проблемы на поступках литературных героев («это живые люди...»), а Эйхенбаум — на поступках их авторов.

Эфир Из письма Н. В. Завадской: «Не упоминается ли у Локса Эсфирь Шуб? Он был в нее влюблен и говорил, что поведение у нее было трудное, и приходилось иногда бить мокрым полотенцем. Наверное, была наркоманкой. Локс тоже склонялся, и мне тоже предлагал эфир: говорил, что будут очень интересные цветные видения. Но я дольше двух минут не выдержала, банку выбросила за окно, а ему сказала, что лучше сама выдумаю все цветные видения, чем нюхать такую гадость. И он перестал, даже с некоторым облегчением. Что он Станевич не любит — понятно: была страшна собой и умна и остра для компенсации. А Анисимов был бедный и вызывал жалость».

Юбилей (От А. В. Лаврова). Был опрос к 200-летию, какие стихи Пушкина знают люди. На первом месте оказалось «Ты еще жива, моя старушка?», на втором «Выхожу один я на дорогу», на третьем «У лукоморья дуб зеленый». (Адамович, I, 338): «Помните рассказ Толстого о саратовском мещанине, помешавшемся на том, что не мог понять, чем так знаменит и славен Пушкин?»

Überstehn ist alles «Какая у человека XX века может быть гордость? Только сопротивляемость».

Ять В. Виноградов: «Убирайся ты к матери на ять голубей гонять», загадочный источник фразеологизма. [70]

Языкознание После смерти Ланского Екатерина в свои 50 с лишним лет была в такой горе, что излечилась только попыткой составить сравнительный словарь всех языков по Кур де Жабелену, исписала гору бумаги без всякой научной пользы, однако исцелилась (РА, 1877, 4, 425 сл.).

Язык «Как хорошо было бы перевести Бодлера на церковнославянский язык, как бы он зазвучал!» — говорил Ю. Сидоров Локсу.

Язык Знание французского языка развивает самонадеянность, а греческого — скромность, — доказывали Николаю I члены ученого комитета, вырабатывавшего гимназическую программу; но Уваров понимал нереальность, а Пушкин писал о ненужности, и греческий не ввели.

Язык Уваров послал Гете свою немецкую статью, тот написал: «Пользуйтесь незнанием грамматики: я сам 30 лет работаю над тем, как бы ее забыть» (Опять из Алданова).

Я Восп. Н. Русанова начинаются: «У Паскаля сказано: "Я" вещь ненавистная...»

Я Ghetto of himself (было сказано о С. Эфроне). Кто исследовал авторское «я» Козьмы Пруtkова? Мимоходом у А. Жолковского: «Ролевая клавиатура Ахматовой более богатая, чем у кого бы то ни было, за исключением разве Козьмы Пруtkова...»

Я «Что б я ни делал, всегда нахожу что-нибудь между истиной и мною: это нечто — сам я; истина сокрыта мне одним мною. Есть одно средство увидеть истину — удалить себя, почаще говорить себе, как Диоген Александру: отойди, не засти солнца». Чаадаев, 1913, 1, 158.

Я «Мое физическое «я» оказывается ненужным и неудобным приложением к моей работе. Между тем, без него обойтись нельзя» (О. Мандельштам к Н. Тихонову, март 1937).

Я «Господи, избавь меня от меня» (Т. Browne).

По-английски говорят self-made man. Тургеневский Базаров переводил это: «самоломный человек». Моя мать была self-made man; сказать self-made woman было бы уже неточно.

Я не люблю называть себя интеллигентом, но иногда приходится говорить: «интеллигент во втором поколении». В первом была она. Ее мать, моя бабушка, была из крепких мещан заволжской Шуи; в церкви из их семьи поминали «рабов божиих Терентия, Лаврентия, Федора, Вассу, Харлампия...». Эту кондовую Шую она ненавидела всей душой. Чтобы выбраться оттуда, она вышла замуж за моего деда — шляпа-котелок, усы колечка[71]ми, непутевый шолом-алейхемовский тип, побывал в Америке, работал гладильщиком в прачечной, не понравилось. До революции служил коммивояжером (дорожные открытки с видами самых захолустных российских городов кипами раздували старый альбом), после революции — аптекарем или провизором по таким же городам, вроде Решмы и Вичуги. Если первым предметом ненависти для бабушки была Шуя, то вторым был он. Когда в семьдесят лет он приехал передохнуть в Москву, бабушка сказала матери: «покупай ему билет куда угодно, или я натолку стекла ему в кашу». «И натолкла бы», — говорила мать.

Бабушка не работала, от деда помощи был о мало, мать начала зарабатывать в старших классах школы: брала править корректуры. В Москве был о два университета, на всякий случай она подала заявления в оба, сдала экзамены и в оба прошла. В 1926 году для человека из нерабочей семьи это было почти невысказуемо. Филологических факультетов не было, был «факультет общественных наук», там изучали все на свете, в том числе узбекский язык и артиллерию. Потом пошла мелким сотрудником в газету «Безбожник», орган Союза воинствующих безбожников под началом Емельяна Ярославского. Подшивки «Безбожника» я листал в детстве — о мракобесии и растленных нравах церковников, со свирепыми карикатурами. Душевных сомнений ни у кого не было: даже бабушка на моей памяти ни разу не вспоминала о церкви. Здесь, в «Безбожнике», мать встретила моего отца.

Семейная жизнь детей часто складывается по образцу родителей: бабушка прогнала своего мужа, мать — своего. Она была замужем за горным инженером Лео Гаспаровым, из Нагорного Карабаха. «Карабах — это вверх по степи от Баку, а потом плоскогорье, как гриб, а на нем, как в осаде, одичалые армяне». Знакомый журналист отыскал даже остатки его деревни, напротив «страшного города Шуши». Гаспаров возил туда мать показывать родным: он и не понимали по-русски, она по-армянски. Она сбежала через неделю. Всю жизнь они жили врозь; я не удивлялся, горный инженер — значит, в разъездах. Только в первую зиму войны мы жили и у него в Забайкалье, и мать каждую неделю ходила по битой дороге за несколько верст на почту за письмами от моего отца.

После войны она работала редактором на радио и ненавидела его так, что радио дома всегда было выключено. Потом, много лет — редактором в Ленинской библиотеке. Нужно было зарабатывать на бабушку и меня. Днем на службе, вечером под зеленой лампой за пишущей машинкой; каждый вечер я засыпал под ее стук. Я видел ее только работающей. За мною присматривала бабушка. О бабушке я ничего не скажу: она умерла, когда мне был о четырнадцать, но на месте памяти о ней у меня сразу осталось белое пятно. Лицо ее я помню не живое, а по фотографиям: довоенное, круглое и деловитое, над чашкой чая, — и послевоенное, изможденное, волосы клочьями и взгляд в пространство. Маленьким, над книжкой про летчиков, я спросил ее, что такое «хладнокровный»? Она ответила: «Вот мать твоя хладнокровная, а я нет».

Мне до сих пор трудно понять, что такое эдиповский комплекс: отец и мать для меня слились в матери. Жизнь сделала ее решительной: она всегда знала, что нужно сделать, а обдумать можно будет потом. Она любила меня, но по поговорке: «застегнись, мне холодно». Когда я познакомился с моей женой, я сказал о матери: «Если бы она захотела, чтобы я убил

человека, я убил бы: помучился бы, но убил». Жена не поняла. Потом перевела на свой язык и сказала: «Да: если бы она сказала, чтобы ты на мне не женился, ты помучился бы, но не женился».

Ей было тридцать семь, когда оказалось, что в нашей стране нет науки советской психологии. Учредили Институт психологии и объявили прием в аспирантуру без ограничения возраста. Она пришла и сказала: «Я никогда в жизни не занималась психологией, но я умею работать; попробуйте меня». Институтом заведовал С. Л. Рубинштейн, в молодости философ, учившийся в Марбурге с Пастернаком. Он понял ее, дал пробную работу и принял в аспирантуру. Диссертация была о борьбе физиолога Сеченова в 1860-х гг. за материалистическую психологию. Она вышла книгой, стиль правил мой отец. Потом мать перешла на работу в институт, защитила докторскую, выпустила еще две книги по истории русской психологии. В них все было по-марксистски прямо, материализм против идеализма, идеализм чуть-чуть что не назывался поповщиной и мракобесием. «Ина[72]че уже не могу», — говорила она. Но Рубинштейна она любила безоговорочно всю жизнь. После смерти отца смерть Рубинштейна была для нее самым тяжелым ударом.

Наступала усталость: сын, который молчал, невестка, которую приходилось терпеть, внучка, а потом и правнучка, на которых приходилось кричать. Я уже не боялся ее, я жалел ее, но так же молча и бездейтельно. Когда я с удивлением стал членом-корреспондентом, мне сказали: «Если бы вы знали, какая это радость для вашей матери». Она тяжелела и слабела. Стала изредка говорить о прошлом (но никогда — об отце): чаще о дедовом семействе, чем о бабушкином. («Жили в городе Бердичеве два брата Ниренберги, оба лавочники, Исай богатый, а Абрам бедный...» — сродни Исаевичам были художник Нюренберг и писатель Шаров, из Абрамовичей вышел только мой дед). Больше всего врезалось в память, как в десять лет в южном городке Ейске, где было посытнее, но нечего читать, она нарочно читала, держа книгу вверх ногами, чтобы на подольше хватило: это был «Фрегат "Паллада"» Гончарова.

У нее был рак горла, но к врачам она не хотела. Сперва вспухла шея, потом пропал голос, остался только свистящий шепот, потом стало невозможно дышать. В больнице она металась тяжелым телом по постели, раскрывая красный рот и умоляя об обезболивающем. Когда она умерла, тело ее, как полагалось, выставили в морге, чтобы собравшиеся сослуживцы и родственники сказали добрые слова. Служитель в белом халате спросил: «Партийная?» — Я ответил: «Нет». Тогда он, не спрашивая, накрыл ее не красным, а белым покрывалом с вышитыми черными крестами и молитвенной вязью по краям. В газете «Безбожник» это называлось мракобесием, но уже начинались годы, когда на это перестали обращать внимание.

Мой отец

На моей памяти он работал редактором в издательстве Академии наук. Когда он умер, византилисты из Института истории выпустили свою очередную книгу — перевод византийской хроник и — с посвящением ему на отдельном листе: «Светлой памяти такого-то». Он не был византинистом, просто он был очень хорошим редактором.

О том, что он — мой отец, мать сказала мне, только узнав о его смерти: высохшим голосом и глядя в пространство. Я ответил: «Да, хорошо».

В сочинениях Пушкина печатается портрет Дельвига: мягкое лицо, гладкие волосы, спокойный взгляд из-под маленьких очков. Однажды я сказал бабушке: «Как он похож на Д. Е.». Она ответила: «Что ты вздор несешь, это на тебя он похож». Наверное, чтобы задуматься, чей я

сын, был о достаточно и этого. Или прислушаться к женщинам во дворе («К вам отец приходил, никого не застал и ушел»). Но я не то чтобы ни о чем не догадывался, а просто запретил себе об этом думать, если мать, по-видимому, не хочет, чтобы я думал.

Он был не «наш знакомый», а «ее знакомый». Приходил несколько раз в неделю, медленный и мягкий, здоровался с бабушкой и со мной, закрывалась дверь в комнату матери, и за дверью было тихо. Иногда подолгу звучал рояль, это играл он. Возле рояля лежали ноты: сонаты Бетховена, романсы Рахманинова, советские песни («Вышел в степь Донецкую парень молодой»). Мать потом сказала, что в этом подборе все имело свой понятный им смысл.

Я рос с ощущением, что отца у меня нет. Таких семей был о много вокруг: те разошлись, а те погибли. У меня был о твердое представление, что отец в семье — нечто избыточное, вроде опорного согласного при рифме. Для самоутверждения я привык думать, что наследственность — вещь если не выдуманная, то сильно преувеличенная. Генетика в то памятное время была лженаукой. Только теперь, оглядываясь, я вижу в себе по крайней мере три вещи, которые мог бы от него унаследовать. Три и еще одну.

Первая — это редакторские способности. Я видел правленные им рукописи моей матери. Это была ювелирная работа: почти ничего не вписывалось и не зачеркивалось, а только заменялось и перестраивалось, и тяжелая связь мыслей вдруг становилась легкой и ясной. Когда я редактировал переводы моего старого шефа Ф. А. Петровского из [73] Цицерона и Овидия, превращать их из черновиков в беловики приходилось мне. (И не только его). Мне кажется, моя правка имела такой же вид. Однажды в разговоре с одним философом я сказал: «Я хотел бы, чтобы на моей могиле написали: он был хорошим редактором». Собеседник очень не любил меня, но тут он посмотрел на меня ошалело и почти с сочувствием — как на сумасшедшего.

Второе — это вкус к стилизаторству. Еще до войны, служа в «Безбожнике», отец сочинял роман XVIII в.: «Похождения кавалера де Монроза, сочинение маркиза Г**, с французского переведены студентом Ф. Е., часть осьмая, Санктпетербург, 1787». Это была действительно часть осьмая, без начала и конца, поэтому появления лиц («Одноглазой», дюк Бургонской...), свидания, поединки, похищения, погони были сугубо загадочны. Язык был изумительный, каждая машинописная строчка была унижена поправками от руки, на оборотах выписывались слова и сочетания для дальнейшего использования: «Ласкосердой читатель!..» В шкафу у нас долго лежал и грудой отработанные им книжки: «Омаровы наставления», «Князь тьмы», «Золотая цепь» — до войны они были недороги. «Письмовник» Курганова я читал и помнил страницами, как Иван Петрович Белкин. Я вспоминал об этом, став переводчиком.

Другой его стилизацией был роман «Сокровище тамплиеров, в 3 частях с эпилогом, сочинение сэра А. Конан-Дойля, 1913» — с Шерлоком Холмсом, индийской бабочкой «мертвая голова», убийством на Риджент-стрит, чучелом русского медведя, лондонским денди, шагреновым переплетом и иззубренным кинжалом. Его он сочинял в эвакуации и посылал по несколько страниц в письмах к моей матери («песни в письмах, чтобы не скучала»). Военная цензура удивлялась, но пропускала.

Третье, что я от него унаследовал, — это вкус ко второму сорту, уважение к малым и забытым, на фоне которых выделяются знаменитые. Не только к советским песням рядом с Бетховеном: моя мать была воспитана на Бахе и Моцарте, а он, познакомившись с ней, осторожно учил ее любить и Чайковского и Верди, на которых тоже полагалось смотреть свысока. Это не был о эстетской причудой, это был разночинский демократизм: все в культуре делают общее дело. Я много занимался второстепенными поэтами: мне хотелось, чтобы первостепенные не отбивали у них нашей благодарности. Когда сейчас не любят Брюсова или Маяковского (или Карла Маркса), мне тоже хочется, любя или не любя, за них заступиться — просто как за обижаемых.

Я не знаю, почему он с моей матерью не были женаты, не знаю, кто были жена и сын моего отца. Когда нам с женой сказали, что он умер («потянулся за книгой и умер»), моей матери не было в Москве — прежде, чем сказать ей, нужно было проверить, не ошибка ли это. Мы метались в издательство, в справочное бюро, по полученному домашнему адресу, — дверь на темную лестничную площадку приоткрылась, в щели мелькнул молодой человек и сказал нам: «Да». Он был моих лет.

Самые, наверное, точные слова о нем написала мне много лет спустя старая женщина Н. Вс. Завадская, приятельница молодого Пастернака, знавшая их еще по «Безбожнику» («когда он сказал мне: «у Елены Александровны родился сын», у него был о такое лицо, какого я никогда не видела...»). Она написала: «В нем была доброжелательность к людям без внимания к их жизни». Доброжелательность без доброты — таким помню его и я. Таким, к сожалению, я чувствую и себя.

Она пишет: любил Гейне, читал Берне, берег «Красное и черное», но больше всего им владел один роман Золя — о машинисте на поезде, который потерял управление и мчится неизвестно куда. Этот паровоз из «Человека-зверя» помнят все читавшие. О том, что его спокойствие, медлительность, мягкость были не от природы, а от самоукрощения, я, конечно, не знал; думаю, что знали немногие.

Откуда он родом, мать не знала сама. Отец его служил в провинциально м банке и ездил по южной России. Украинский язык он знал хорошо; мать говорила, что в нем была то ли сербская, то ли болгарская кровь, еврейскую отрицала, но я не очень этому верю. В Москву он приехал в двадцать лет из города Ромны. Высшего образования у него никогда не было (и он всегда чувствовал эту ущербность): всему, что знал, он научился [74] сам. Мне предлагали навести справки о его однофамильцах в южной России, но мне он понятнее таким: без роду, без племени. Когда он умер, ему было 53 года. Я сейчас старше.

Мое детство

«Ваше первое воспоминание?» — спросили меня. Я ответил: «Лето, дача, терраса, ступеньки вверх на террасу. Серые, потрескавшиеся, залитые солнцем. На верхней ступеньке стоит женщина, я вижу только ее босые толстые ступни. А перед террасой слева направо опрометью бежит рябая курица».

(При желании, наверное, из этого можно сразу вычитать многое. Например, страх перед женщиной: я боюсь поднять глаза на ее лицо. А из этого вывести многое другое в моей жизни. Не знаю только, что бы здесь означала курица.)

Перед террасой была хозяйская клумба. Однажды я сорвал на ней цветок. Этого делать было нельзя. Мать спросила меня: «Какая у тебя любимая игрушка?» Я показал ей на лошадь-качалку. Она подошла и отстригла ей ножницами хвост.

Говорят, когда меня оставляли одного в комнате, то чтобы я ничего не повредил, меня привязывали на длинную ниточку к ножке стула. Я этого не помню: вероятно, это было слишком неприятно. Моя большая дочь, психолог по детскому возрасту, узнавши об этом, взмахнула руками и воскликнула: «И они еще думали, что у них вырастет нормальный ребенок!» Мне кажется, я с тех пор всю жизнь чувствовал себя несвободным — не на цепи, а на вот такой длинной ниточке.

Мне в первый раз дали в руки ножницы: вырезать бумажные фигурки. Это было интересно. Захотелось попробовать, можно ли так же резать и материю. Я разрезал край

скатерти, и сразу стало страшно. Когда это увидела мать, она а отобрала у меня ножницы, оттянула пальцами джемпер у меня на груди и одним взмахом вырезала в нем дыру размером с пятак «Вот теперь всю жизнь будешь так ходить!» Самое ужасное было, что всю жизнь. Я помню этот джемпер, как сейчас: со спины голубой, спереди полосатый, черный с желтым, как насекомое брюшко. Он был крепкий, его потом зашили и носили еще лет десять. Мне казалось, я грудью чувствую то место, где была дыра.

Когда я делал что-нибудь не так, мне говорили: «Что о тебе люди подумают!» и «На тебя смотреть противно!» Первого я не понимал: не все ли равно, что подумают чужие люди, если так плохо думают свои — те, которые могут сделать со мной что хотят? А что на меня смотреть противно, я запомнил на всю жизнь. Я сказал, что любимой игрушкой моей была лошадь-качалка. Кажется, черная. Но я ее почти не помню, не помню и других игрушек. Помню только кубики с буквами. Не те, большие, где при «А» был нарисован арбуз, а при «Б» барабан, а другие, маленькие, серые с черными буквами, где ничто не отвлекало внимания. Было интересно, что А-М — это одно, а М-А — это совсем другое. Бабушка вспоминала, как я позвал ее: «Посмотри, что получилось!» Выложилось слово «Хвалынский». Это из советской сказки: жил в городе Хвалынске старик, и послал он трех своих сыновей узнать, что на свете самое прекрасное. Один стал танкистом, другой летчиком, третий моряком, и все трое сказали, что самое прекрасное на свете — наша советская страна.

Я играю с кубиками в углу, косой пыльный свет падает из окна, бабушка у стола что-то произносит, я переспрашиваю: «Кто это — Пушкин?» — «Как, ты не знаешь, кто такой Пушкин!» Через несколько месяцев я говорил Пушкина часами наизусть: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...» Только что прошел тридцать седьмой год, год больших расправ и пушкинского юбилея. О расправах я не знал, а от юбилея остались книжки с картинками, конфетные коробочки в виде томиков с бакенбардами на обложке, лото «Сказки Пушкина». Будь я старше, это могло бы погубить для меня любую поэзию, но мне было четыре года.

Мы жили в двух комнатах коммунальной квартиры, в коридор меня не выпускали, соседей я даже не знал в лицо. Я рос при бабушке. Чтобы ей было легче, меня отдали в детскую группу: утром отвести, вечером привести, днем десятков детей из средних семей играет и занимается под присмотром пожилой степенной женщины с румяными щека[75]ми. Я в первый раз оказался среди детей — я забился в угол, под рояль, и плакал с ревом целый день. Больше меня туда не отводили.

Во второй детской группе, куда я попал, было легче. Это там, за игрой в песок, я вдруг понял, что все, что мы делаем, может быть уложено в слова и фразы, закругленные, как в книге. Опираясь животом на перила, я говорил: «Опираясь животом на перила, он говорил: "Несомненно, людоед не смог бы ворваться в замок..."».

Солнце бьет сквозь деревья, мы играем во дворе, один мальчик принес модель аэроплана, сколоченную из дощечек вкривь и вкось, она не летает, я с азартом ее ругаю. Меня окликают, я бегу к скамейке, где сидят взрослые, мне говорят «А ты не критикуй, а посоветуй, как лучше». Я мчусь обратно и с ходу кричу: «А лучше попробовать поставить крыло вот так...» Слышу за спиною смех и удивляюсь старшим: сами велели и сами смеются?.. Но запомнил. Потом началась война.

Война и эвакуация

В витрине соседнего магазина среди зигзагов лиловых тканей стояли две большие японские

вазы с гнутыми красавицами. Бабушка, остановившись, сказала: «Война с Японией — это еще ничего, а вот с Германией...» Ночью я проснулся с криком, сбежались взрослые, желтый свет: «Боюсь войны с Германией». Меня успокаивали: войны не будет, а если и будет, то наша армия сильная, итд.

Война началась через несколько месяцев. Небо было серое, мы шли с матерью по дачной тропе через кустистый луг, навстречу бежала молодая незнакомая женщина, голова закинута, волосы по ветру: «Вы не знаете? война! Молотов выступал по радио!» И мы заспешили домой.

Стали шуршать газеты. Была фотография первого немецкого перебежчика и бодрый разговор с ним. «Мама, кто такой Гитлер?» В Москву меня перевезли за два дня до отъезда; улицы глядели ослепшими окнами в косых бумажных крестах, чтоб не сыпались стекла. «Если будет воздушная тревога, не пугайся и не плачь, спокойно пойдем в бомбоубежище». Но в эти два дня тревоги не было. День отъезда был 6 июля, на отрывном детском календаре — шуточная картинка с мальчиком в панамке, заблудившимся в лесу: «Мама, где я?» Бескрайний асфальт предвокзальной паперти, тесные кучки ждущих на чемоданах и узлах. Это здесь мне показалось, что подменили мать: будто она отошла на десять минут, а вернулась чужая женщина, похожая на нее.

Первый переезд — провал в памяти. Только конец его: высадка, ночь, тьма, под ногами путаница станционных рельсов выше щиколотки, непровеянный сон в голове; потом — серое утро в чужой квартире и, с высоты откоса, серая Волга до горизонта: город Горький.

Зной, пыльная медленная дорога, мы в телеге, лошадиный хвост качается, как маятник, а по сторонам пустые поля.

Вокзальные залы, бескрайние, низкие, с тусклым душным воздухом, плотно усиженные тесными семьями на кучках узлов или в оградах чемоданов. «Не ходи туда, тот мальчик очень грязный!» Оттого что нельзя было перейти через зал, он казался еще больше.

Поезда, медленные и тряские, где трудно повернуться среди сидящих и лежащих, а по проходу пробирается молодой хрипящий и трясущийся нищий, и из розового обрубка руки торчит белая кость. («Только бы не теплушка!» — говорила бабушка). Бесконечно-гулкий мост над серой ширью за окном, это — Обь. По вагону ходит мятая газетная вырезка, два мелких столбца стихов и картинка сверху, и пожилой сосед серьезно передает ее семилетнему мне. Это «Жди меня», и запоминаются непонятные «желтые дожди».

Забайкалье: складки холмов, щетиныщихся хвоями, окаменелые глиняные колеи и колдобины на дороге, бревенчатые избы по сторонам, в одной живем мы. Это называется Шахтама, ударение на последнем слог. Мерзлые стекла, в раскрытую дверь входит пар, а потом человек в ватнике. «Товарищ...» — говорит ему заискивающе мать. «Я гражданин, а не товарищ», — отвечает он. [76]

Канторская комната набита народом, светло от законного снега и лило о от махорочного дыма. Мать наклоняется ко мне: «По радио будет Сталин, сейчас ты услышишь его голос» — и голос сквозь треск, спокойный и со странным выговором: это ноябрь 1941. Через месяц, ночью, из постели за белой перегородкой слышу тонкое радио: «освобожден Можайск» — и облегченно вздыхаю в подушку: о Можайске взрослые тревожно говорил и каждый день.

Опять поезд и холмистые скаты за окном, бурые лбы скал под вздыбленными елками и соснами, — Урал; и я у окна ловлю в них декорации сцен бесконечной сказки, которую я сочиняю, засыпая.

Тесная комната, дотемна разгороженная шкапами, — это Свердловск; белый квадратный фасад ввысь — это под Свердловском Асбест, до неба — горы мелких сухих камней, пересыпающихся под ногами, по ним лезешь вверх и вверх, а все ни с места, — это отвалы шахт, это под Асбестом поселок Изумруды. (Правда изумруды: соседкина дочь показывает мне

камешек с блестящей зеленой крупинкой, найденный там, в отвале.) Сперва низкий барак, почти пустая комната, кровать поперек, бурьян за окном; потом — единственное в поселке двухэтажное здание, внизу контора (там машинисткой работает моя мать), перед домом на солнце чертежные листы, где калька превращается в синьку. В жилой комнате бочка с черной водой, воду носят ведрами. Отлом и на стене кусок штукатурки — под ним казарменно-ровными рядами коричневые спины ждущих своей ночи клопов.

За углом двухэтажки — желтая глиняная яма среди мокрой густо-зеленой травы. Стоя у стены, я разминаю тугой комок глины и вдруг впервые понимаю, что этот комок — одно, а цвет его — другое, а тугое ощущение в пальцах — третье. Этот момент понимания запомнился тревогой на всю жизнь. Глина была желтая и резалась перочинным ножом.

Самое частое слово в разговорах — Сталинград. «Так немцы взяли Сталинград?» — «Нет, они воюют и воюют в городе». Когда началась победа, учредили новые мундиры с погонями, фотографии их были напечатаны на непривычных к тому газетных листах. (А в учебнике русского языка еще писалось: «суффикс *-ье-*, вороньё, офицерье».) Это было уже зимой, и слепящий снег был так тверд, что из него можно был о не лепить, а высекать.

Я был тихий, местные в насмешку спрашивали: в Забайкалье: «Ты девчонка или парнишка?», на Урале: «Ты девка или парень?» Соседка по бараку, тяжелая и твердая, сказала матери: «Он у вас все фразы договаривает до конца».

Школа

До войны в школу шли с восьми лет, в войну стали идти с семи. Мы возвращались из эвакуации в Москву, в первом классе я не учился, а пошел в Москве сразу во второй: непривычный среди привычных.

Школа обдала шквалом многоголовья, многоголосья, людovorота по трем этажам — в вихрях пыли, исполосованной рыжим солнцем сквозь тусклые стекла. Было тесно и бедно. Потертые куртки, заплатанные локти, осунувшиеся лица, хваткие глаза: все разные и все на одно лицо. Все движенья быстрые, все слова непонятные, все порядки неизвестные. Все мои ответы невпопад, а за это бьют. Бьют по правилам, и этих правил они всегда знают больше, чем я. Штукатурка сыплется с отсырелых стен на мусорный пол, и когда падаешь, то видишь, какой он грязный и затоптанный.

Между переменами были уроки. Сидели по трое на двухместных партах, крашенных черным по изрезанному дереву; в дырке одна на троих жестяная чернильница с лиловой водицей. Впереди — черная исцарапанная доска, на которой почти не виден бледный мел. Накануне на фронте взяли четыре города, их названия нужно было записать в тетрадку. Я пишу: Ельня, Глухов, Севск, Рыльск — так радиоголос перечислял их в приказе. На меня посмотрели странно: на доске он и были названы в другом порядке. Оказа[77]лось, что я близорук: все видят доску, а я не вижу. Через месяц я стал носить очки: «Очкарик! четырехглазый!» На перемену нужно было их снимать: собьют.

Потом хаос теснящихся лиц стал рассыпаться на роли: мрачный силач, вертлявый крикун, забияка, блатной, увалень, шут. Когда я через год перевелся в другую школу, я увидел вокруг те же маски, и между ними был о уже легче найти себ е место.

Я бреду из школы по слякотному переулку, меня нагоняют ражие и зычные старшекласники. Один уже заносит руку меня ударить. Другой говорит «Не тронь, я его знаю, он хороший парень: вот я ему скажу, и он у меня наземь сядет, — а ну, сядь!» Я подсовываю под

себя в грязь облупленный портфель и сажусь на него, думая только об одном: как бы он не сказал: «Чего жульничаешь? не на портфель, а на тротуар!» — а на тротуаре липкая черная слякоть. Но нет, сегодня он не злой, и парни, хохоча, проходят мимо.

Уроки, тесные и душные, были передышками между драчливой толчеей перемен; болезни — передышками между обреченностями на школу. Свинка, ветрянка, краснуха: не поворотить шею, не почесаться под повязками. Тетка на работе, троюродный брат до поры в школе; придет злой, начнет командовать, будет плохо. Но пока можно долго лежать под комковатым одеялом и читать Жюль Верна в старой книжке узким газетным шрифтом с ятями. Тихо. Краем глаза я вижу под столом черный комочек с хвостиком; не успел я подумать «мышь», он уже мелькнул и исчез.

Наше разоренное жилье в Замоскворечье привели в порядок в окнах уже не фанера, и в щелях не свистит ветер. В третий класс я иду уже в другую школу. Здесь спокойнее, и я уже привык. Но все так же тесно, занятия идут в две смены, и когда мы во второй, то на уроках сумерки, а на лицах усталость. В голове пусто, слова учительницы шелестят мимо слуха, взгляд бродит по карте мира на стене, где среди лиловой и серой Африки одиноко надписан город Мурзук. Возвращаюсь домой по переулкам, от фонаря к фонарю, и вдруг понимаю: вот сейчас я вспоминаю Жюль Верна, а на прошлом углу я думал о чем-то другом, уже не помню о чем, но мысль не прерывалась; наверное, если ее всю, от утра до вечера, вытянуть и записать, то это и буду настоящий я, а остальное неважно.

Тяжелей всего было в пятом классе. Начинается созревание, в ребятах бродят темные гормоны, у всех чешутся кулаки подраться. Я ухожу в болезнь: у меня что-то вроде суставного ревматизма, колени и локти как будто скрипят без смазки. Врачи говорят: это от быстрого роста. Больно, но не очень; однако я притворяюсь, что не могу ходить, и восемь месяцев лежу на спине, не шевеля ногами. Изредка из школы приходят учителя, и я отвечаю им про Карла Великого, водоросль вольвокс и лермонтовские «Три пальмы». Видимо, я хорошо выбрал время: когда кончился этот год и я пошел в седьмой класс, то меня уже не били. Возрастной перевал остался позади.

Моего школьного товарища звали Володя Смирнов; он утонул на Рижском взморье, когда нам было двадцать лет. Он был сын Веры Вас. Смирновой, критика, и Ив. Игн. Халтурина, детского писателя (того, который сделал книгу В. К. Арсеньева «Дерсу Узала»). Я сказал: «Нас не очень сильно били: нас было неинтересно бить», Ив. Игн. откликнулся: «Ты всю жизнь себе так построил, чтобы тебя было неинтересно бить». Наверное, правда.

Потом, на четвертом курсе университета, у нас была педагогическая практика: по два урока русского языка и словесности в средней школе. Это было несерьезно: постоянная учительница сидела на задней парте, под ее взглядом ребята смирно и нехотя слушали неумелых практикантов. Но мне не повезло: нам с напарницей достался как раз пятый класс, в котором как раз заболела учительница, и мы должны были целый месяц управляться одни. Это было адом: я как будто опять тонул в кипящем буйстве гормонального возраста. Потом по ночам мне долго снились кричащие головы на грядках парт.

Это были дети 1945 года рождения, потом мне было забавно думать, что самые близкие мои товарищи по науке — тоже 1945 года рождения, и могли быть среди них.

Я сказал Нине Брагинской: от меня требуют воспоминаний, а они мне мучительно даются. Она ответила: «И понятно: как ученый вы стараетесь быть стеклом, чтобы видно было не вас, а только ваш предмет; а мемуарист, о чем бы ни [78] писал, всегда в конечном счете пишет о себе». Я сказал: я не помню и не люблю детства, а в воспоминаниях возвращаюсь именно к нему. Она ответила: «И это понятно: воспоминания о детстве никто не может

проверить, а в воспоминаниях о зрелом возрасте всегда приходится оглядываться, что об этом написали или напишут другие. Посмотрите мемуары НН: интересный человек, необычная жизнь, но так скован образом русского интеллигента, что в толстой книге нечего читать». Я вспомнил, как Веру Вас. Смирнову уговаривали написать воспоминания о Пастернаке, а она отговаривалась: «Сперва покажите мне воспоминания Зинаиды Николаевны». Она тоже жила в Ирпени летом 1930, и З. Н., стоя у плиты, радостно рассказывала ей, как Б. Л. только что в лесу встал перед нею на колени в хвою и объяснился в любви, и не передать ли ей Генриха Густавовича Вере Васильевне, как в хорошие руки? Но у Веры Вас. была своя трудная жизнь, и было не до того. Воспоминаний Зинаиды Николаевны ей не показали, и поэтому своих она не написала.

Здесь мне нужно написать о моем товарище, который утонул: я, ничего не зная, приехал в Дубулты, стал искать Веру Васильевну, мне сказали: «а, это у которой несчастье!» не «с которой», а «у которой», и все стало ясно. Но я не могу этого сделать: об очень хороших людях писать слишком трудно. Пусть вместо этого здесь будет перевод чужих стихов. Мы с ним любил и английские стихи и греческие мифы.

Джон Мильтон. Ликид

«В этой монодии сочинитель оплакивает ученого друга, несчастным образом утонувшего в плавании из Честера чрез Ирландское море в год 1637. По сему случаю предсказывается конечное крушение развращенного клира, бывшего тогда в силе».

Вновь, о лавры,
Вновь, о темные мирты
И ты, неопалимый плющ,
Я срываю плоды ваши, терпкие и горькие,
И негнущимися пальцами
5 До срока отрясаю вашу листву.
Едкая нужда,

Драгоценная мне скорбь
Не в пору гонит меня смять ваш расцвет:
Умер Ликид,
До полудня своего умер юный Ликид,
Умер, не оставив подобных себе,
10 И как мне о нем не петь?
Он сам был певец, он высокий строил стих,
Он не смеет уплыть на водном ложе своем,
Не оплаканный певучею слезою.

15 Начните же, сестры,
Чей источник звенит от Юпитерова трона,

Начните, скользните по гулким струнам!
Мнимо-уклончиво, женски-отговорчиво
Так да осенит удавшимся словом
Нежная Муза
20 Урну, назначенную и мне!
Пусть оглянется он в своем пути [79]
И овеет миром черный мой покров,
Ибо вскормлены мы с ним на одном холме,
И одно у нас был о стадо, и ручей, и сень, и ключ;
25 С ним вдвоем, когда вышние пажити
Открывались разомкнутым векам солнца,
Шли мы в поля и слышали вдвоем
Знойный рог кружащего шмеля
И свежею росой нагуливали стада
30 Подчас до поры, когда вечернюю звезду
Вносил поворот убегающих небес,
А в сверленном стволе
Не молкли луговые напевы,
И сатир шел в пляс, и двухкопытный фавн
35 На ликующий тянулся звук,
И старик Дамет любил наши песни.

Но все уже не так. Тебя нет, тебя нет,
И больше не будет никогда.
О тебе пастухи, о тебе леса, о тебе
40 Опустелые пещеры, заросши е тимьяном и лозой,
Плачут глухими отголосками.
Ива и зеленый орешник
Больше твоим
Не повеют нежным песням радостными листьями.
45 Как розе тля,
Как ягненку на пастбище язвящий клещ,
Как мороз цветам в наряде их красы
Той порой, когда белеет боярышник, —
Такова, Ликид,
Пришлась пастухам твоя утрата.

50 Где вы были, нимфы, когда невнемлющая глубь
Обомкнула любимого Ликида?
Не играли вы на той крутизне,
Где покоятся бывшие барды и друиды,
Ни на вздыбленных высях Моны,
55 И у Дэвы, плещущей вещей волной, —
Но к чему мечта?
Разве были бы вы сильны помочь ему?
Нет, — как Муза, как Орфеева мать,
Не сильна была чародеющему сыну

60 В час вселенского плача природы,
Когда с черным ревом неистовый сонм
Бросил вплавь окровавленный его лик
Вниз по Гебру и к Лесбийскому берегу.

Зачем он неутомимо

65 Правил пастушью свою долю,
Острый ум устремляя к нещедрым Музам,
А не так, как все,
Под сенью резвился с Амариллидою
Или с прядями кудрявой Неэры?
7 °Слава, [80]

Последняя слабость возвышенного ума,
Шпорит ввысь благородный дух
От услад к трудам,
Но когда уже светлая награда впереди
Ждет взорваться стремительным сиянием, —
75 Слепая Фурия постылым резакom
Рассекает тонкую пряжу жизни.
Но нет —

(Это Феб звучит в трепетном слухе моем) —
Слава — цветок не для смертных почв:
80 Не в мишуре идет она в мир, не в молве она стелется вширь,
А живет в выси
В знаке ясных очей всерассудного Юпитера,
И каков его последний обо всем приговор,
Такова и слава ждет тебя в небесной мзде.

85 Верь, чтимая Аретуза,
И тихий Минций в венце певчих тростников:
Это высочайшая прозвенела мне струна!
Но дальше, моя свирель!
90 Вот морской трубач предстал во имя Нептуново
Вопросить волны, спросить преступные ветры:
Что за невзгода
Нежному была погибелью пастуху?
И каждый из крутокрылых,
Дующих с каждого острия суши,
95 Ответил ему: «Не знаем!»
Мудрый Гиппотад
Принес их ответ, что ни единый порыв
Не вырвался из его узилища,
Что тих был воздух,
И скользкая Панопея
С сестрами играл а на кромке песка.
100 Это челн,
Роковой и вероломный,

В час затмения сколоченный, черными проклятьями снащенный,
В бездну погрузил священное твое чело.

Следом медленной стопой притекает чтимый Кэм,
Плащ его космат, из осоки его колпак,
105 Смутные образы на нем, а по краям
Выписана скорбь, как на том кровавом цветке;
«Кто отнял, — воззывает он, — лучшую надежду мою?»
И последним шел и пришел
Галилейский кормчий,
110 Ключарь о двух мощных ключах
(Отворяет золотой, замыкает железный) —
Он сотряс свои увенчанные кудри,
Он сказал:
«Рад бы я сберечь тебе юного,
115 Видя тех, кто чрева ради вкрадывается в стадо,
Кто рвется к пиру стригущих,
Оттирая званных и достойных, [81]
Чьи губы слепы,
120 Кто не знает ни держать пастуший посох,
Ни иного, что довлеет верному пастырю!
Что нужды им и до чего нужда им?
Песни их, скудные и нарядные,
Чуть скребутся сквозь кривые их свирели,
125 Овцы их, голодные, смотрят в небо,
Пухнут от ветра и гнилого тумана,
И зараза, выедаю их, расходится вширь,
А черный волк о скрытых когтях
Походя пожирает их день за днем,
130 И двурукое оружие у двери
Готово разить, но никого не разит!»

Воротись, Алфей,
Грозный глас, претивший тебе, умолк.
Воротись, Сицилийская Муза:
Воззови к долинам, и пусть он и принесут
135 Цветы в стоцветных венчиках лепестков.
Вы, низины, нежным полные шепотом
Листьев, непутевых ветров, льющихся ручьев,
Свежих, редко зримых смуглой звезде, —
Бросьте сюда
Ваши очи, яркие, как финифть,
140 Из зеленой травы пьющие медовый дождь,
Вешним цветом обагряющие землю:
Торопливый первоцвет, умирающий забытым,
Хохлатый лютик и бледный ямин,
Белую гвоздику и сияющую фьялку,

145 В черной ряби анютин глазок.
Душистую розу и нарядную жимолость,
Томные буквицы с поникшей головой,
Каждый цветик в своем пестром трауре.
Пусть померкнет амарант,
150 Пусть наполнится слезами нарцисс,
Устилая лавровое ложе Ликида,
Пока тщетная наша мысль
Меж неверных отдыхает догадок
Где прах твой,
155 Дальними омываемый морями, гремящими в берега?
У бурных ли Гебрид
В обымающей волне
Нисшел ты к глубинным чудам,
Спишь ли, неподвластный слезным зовам,
160 Под древним сказочным Беллером,
Где мощный лик с хранимой им горы
Взирает туда, где Наманка и Байонна?
О архангел, оборотись и тронься!
О дельфины, вынесите злополучного на свет!

165 Не плачьте, скорбные пастыри, не плачьте!
Он не умер, Ликид, наша горесть,
Он скрылся под гладью вод, [83]
Как солнце скрывается в океане,
Чтобы вскинуть вновь поникшую голову,
170 Просветлеть лучами и в новом золоте
Запылать на челе заревых небес, —
Так и Ликид
Доброй мощью Грядущего по волнам,
Опустясь на дно, вознесся в ту высь,
Где иные рощи, иные реки,
175 Где чистый нектар смочит ил с его кудрей,
И невыразимо зазвучит ему брачная песнь
Во блаженном царстве радости и любви.
Там приветил его чтимый строй угодников,
180 Там певучие сонмы движутся во славе своей,
И в очах навек высыхают слезы.
Не плачьте же, пастыри, о Ликиде:
Щедрая тебе мзда,
Дух твой отныне
Будет блюсти этот берег,
185 Осеняя странников опасных пучин.

Так пел неумелый пастух
Дубам и ручьям
В час, когда рассвет шел ввысь в седых сандалиях.

На тонких скважинах свирельных стволов
Страстной думой ладил он дорийский лад
190 И вот солнце простерлось по холмам,
И вот кануло в западные моря,
И он встал, окинувшись в синий плащ:
С новым утром к новым рощам и новым пажитям. [83]

Вопросник журнала «Знамя»

1. Считаете ли вы, что русская интеллигенция — с момента своего возникновения — являлась инициатором всех общественных движений и революций в стране?

Прежде всего: что такое интеллигенция? (И считаю ли я себя интеллигентом?) По общеевропейскому пониманию, это слой общества, воспитанный для того, чтобы руководить обществом, но не нашедший для этого вакансий и предлагающий обществу свою критику или свои предложения со стороны. Если так, то принадлежность к интеллигенции решается внутренним чувством; «чувствуешь ли ты себя призванным руководить обществом?». Я не чувствую: я знаю, что если меня поставить президентом, то я с лучшими намерениями наделаю много фантастических глупостей. Поэтому я предпочитаю называть себя работником умственного труда.

Затем: с какого момента возникла интеллигенция? Вероятно, с того момента, когда люди почувствовали, что они живут нехорошо и что обществу нужно какое-то руководство, чтобы жить лучше. Тогда первыми пришлось бы назвать религиозных учителей, Будду и Христа. Думаю, что говорить об этом нелепо. Взглянем поуже: когда Россия почувствовала, что завтрашний день не должен повторять вчерашний, а должен быть новым? В XVII–XVIII вв., после Смуты и Петра I. Можно ли сказать, что идеи князя Хворостинина оказали влияние на Разина, а идеи вольтерьянцев на Пугачева? Смешно и думать. Общественные движения — результат стихийных, массовых социальных сдвигов, и искать для них инициаторов — это значит ставить небезынтересный, но практически праздный вопрос, кто первым сказал «ату!».

Интеллигенция была осознateлем общественных движений, но не инициатором их.

2. Существует ли некая граница между интеллигенцией и народом? если да, то где она пролегает? Или духовные прозрения и духовные болезни интеллигенции являются лишь отражением (усиленным) прозрений и болезней народа?

Видимо, ответ вытекает из сказанного: интеллигенция есть часть народа, чувствует то же, что и народ, но в силу лучшего образования лучше это осознает и дает этому выражение. Граница пролегает по уровню образования. Усиленное это выражение или нет — это вопрос к статистике, которой в общественных науках всегда трудно. Погибло ли жертвой коллективизации два, пять или десять миллионов крестьян, можно ли говорить, что отношение наше к этой трагедии преувеличено?

Хотелось бы уточнить, что такое «духовные болезни» интеллигенции и народа, но для ответа это, кажется, несущественно. [84]

3. В какой степени творцов русской классики можно причислить к интеллигенции?

Вероятно, по сказанному: если у них есть законченная программа общественного переустройства, то можно. Толстого можно: устроить русскую жизнь по Генри Джорджу, и все вопросы решатся. Чернышевского тем более можно. (Только считают ли его авторы анкеты «творцом русской классики»?) А вот Лермонтова или Гончарова, наверно, нельзя.

4. Можно ли считать, что русская классика и русская интеллигенция обладали принципиально различными мироощущениями? Народолюбие интеллигенции и народолюбие русской классической литературы — явления разные?

Может быть, высокие слова «русская классика» и «русская интеллигенция» лучше заменить более внятными «русская литература» и «русская публицистика»? Тогда окажется, что литература, как это ей и положено, изображает жизнь как она есть (с той стороны, которая доступнее писателю), а публицистика — какой она должна быть (по мнению пишущего). Чем ближе глаз к картине, тем народолюбие конкретнее, чем дальше — тем абстрактнее; промежуточных ступеней — бесконечное множество, а явление — одно и то же. Вот когда крайности того и другого рода совмещаются, — как иногда у Достоевского, — то это всего интереснее для изучения. «Народолюбие» — тоже не совсем точный термин. Ник. Успенский любил свой народ до жестокой ненависти.

5. Можно ли говорить о слепом, культовом преклонении творцов русской культуры перед народом и о том, что этот культ стал причиной будущей гибели русской классической культуры?

Во-первых, я не вижу гибели русской культуры. Кончается одна ее форма (которую нам сейчас угодно называть классической) — начинается другая, менее привычная и потому менее симпатичная нам, но которая станет «классической» для наших детей. Обычное течение истории, никакой катастрофы.

Во-вторых, я не вижу преклонения творцов культуры перед народом. Ломоносов, Пушкин, Гоголь преклонялись перед народом? Щедрин, Лесков, Горький говорили народу: «Ты нищ и невежествен, поэтому ты лучше нас?» Нет, они говорили: «Пусть нищета и невежество перестанут душить твои способности и душевные качества — и ты увидишь, что ты не хуже, а то и лучше нас».

В-третьих, когда я вижу человека, который ничуть не хуже меня, а живет много хуже, и испытываю из-за этого угрызения совести, — можно ли их называть «слепым, культовым преклонением»? Не думаю.

6–7. Какие произведения классики объективно способствовали развитию революционных настроений? Может быть, «Отцы и дети», «Гроза», «Мертвые души» превратно понимались как призыв к насильственному переустройству мира? Каков механизм подобного неадекватного восприятия и где корни такого узкореалистического, прагматического подхода к литературе?

Тем, что речь идет не о бытии, а о сознании, понятие «объективно» исключается: все воспринимается только субъективно. Даже воля автора здесь не указ: Шекспир не вкладывал в «Гамлета» и сотой доли того, что вкладываем мы. А характер субъективного прочтения вещи определяется общественной обстановкой. Если художественное произведение говорит «наша жизнь нехороша» (а это говорит каж[85]дое честное художественное произведение), то у многих слушателей естественно встанет вопрос: «а как ее исправить?», и ответы могут быть самые неожиданные. В Писании нет призывов к революции, но от Дольчино до Кромвеля все революционные движения начинались с Библией в руках. В чеховской «Палате № 6» нет ничего революционного, а Ленину она помогла стать революционером.

8. В какой степени революционные идеи шли из верхнего слоя общества в народ и в какой — из народа «вверх»? Возникали ли революционные настроения больше от субъективного восприятия действительности или от реальных бедствий народа?

Вопрос повторяет предыдущие. Психология всякой жалости: человек видит чужое несчастье, примеривает на себя, прочувствует и обращает свое чувство к ближнему. Из народа вверх шло страдание, сверху вниз — сознание необходимости покончить с этим страданием («лучше был бы твой удел, когда б ты менее терпел»). Каким образом покончить с этим

страданием — здесь уже начинаются тактические разногласия революционеров.

9. В какой мере русская классика объективно готовила потрясения 1825 г, народовольчества, 1905 г, Февраля, Октября?

Не «готовила», а «помогала предвидеть», причем с все большей точностью: 1825 год вообще не был «потрясением» шире Петербурга, готовность народа к агитации 1870-х гг. была преувеличена, а дальше разрыв между прогнозом и реальностью был не так уж велик.

10. Русская идея, народное эсхатологическое сознание и их революционное применение?

Не могу ответить, плохо знаю материал. «Уход от земного зла» и «борьба с земным злом», конечно, противоположны, но на практике легко могут смыкаться и питать друг друга. «Русская идея» в смысле «опыт истории России» мне здесь мало известна (расколом я не занимался); а «русскую идею» в смысле «грядущее призвание России» я пойму только тогда, когда мне объяснят, например, что такое «шведская идея» или «этрусская идея».

Насколько я знаю, национальную идею изобрел Гегель: восточная идея — тезис, греко-римская — антитезис, германская синтез, а все остальные народы к мировой идее отношения не имеют и остаются историческим хламом. России было обидно чувствовать себя хламом, и она стала утверждать то ли что она тоже причастна к романо-германской идее (западники), то ли что она имеет свою собственную идею, не хуже других (славянофилы). Кто верит, что в мировой истории есть народы избранные и народы мусорные, пусть думает над этим, а для меня это неприемлемо.

11. Личность и свобода в русской классике и революционных теориях?

Тоже вопрос не для меня. Личность я понимаю только как точку пересечения общественных отношений, а свободу — как осознанную необходимость: ошейник, на котором написано, неважно, чужое или мое собственное имя. К счастью, машина взаимодействия этих необходимостей разлажена, и временами в образовавшийся зазор может встать чей-то личный выбор — т. е. такой, в котором случайно перевесит та или другая детерминация. [86]

12. Место культуры в русском обществе прежде и сейчас? Стремление русских писателей выйти за пределы литературы, борьба с «художественностью»?

Культура — это все, что есть в обществе: и что человек ест, и что человек думает. Нет «места культуры» в обществе, есть «структура культуры» общества. Конечно, некоторые предпочитают называть «культурой» только те явления, которые нравятся лично им, а остальные именовать «бескультурностью» или «одичанием», но это несерьезно. Описать структуру современной нашей культуры с ее сосуществованием пластов, идущих от митрополита Иллариона и от вчерашних газет, я не берусь. Современный ее кризис — в том, что ответ на вопрос «что делать, чтобы лучше жить?», предлагавшийся во многих подновлениях коммунистической идеологией, оказался несостоятельным и оставил после себя идейный вакуум, в котором сейчас кипит хаос. Конечно, литературу тоже втягивает туда, и ей хочется сбросить «художественность» и стать публицистикой. Каждому Гоголю когда-нибудь кажется, что «Выбранными местами из переписки» он нужнее людям, чем «Мертвыми душами». Об этом самоубийственно хорошо написал Пастернак в середине «Живаго».

13. Существует ли «светская линия» в русской культуре? если да, то что она собой представляет и в чьем творчестве выражена?

Не понимаю противопоставления. Чему противопоставляется «светская линия»? «Церковной

линии»? Тогда на «светской линии» будет стоять вся русская литература без исключения во главе с Львом Толстым, официально отлученным от церкви. А на церковной останутся какие-нибудь «Кавалеры Золотой Звезды» церковного производства, которых я, к сожалению, не читал. Или, может быть, «религиозной линии»? Тогда придется вспомнить, что еще Чехов, кажется, говорил, что между верой и безверием — широкое поле, и это только русские люди умеют видеть лишь два его края и не видеть середины. Давайте тогда составим карту, где каждый писатель располагается в этом пространстве, — исходя, разумеется, не из деклараций писателей, а из их художественных текстов. Придется работать с очень малыми величинами — так, было подсчитано, что процент строк, из которых явствует всего-навсего, что автор «Песни о Роланде» — христианин, равен около 10 %. Такое исследование будет очень полезно — не меньше, чем, например, о том, насколько какой писатель чувствителен к оттенкам цвета, вкуса и запаха.

14. Была ли русская литература XIX в. преддверием Церкви — или заменителем Церкви, «альтернативной религией», на смену которой могли прийти иные «религии» — коммунизм, национализм, социалистический реализм?

Насколько я понимаю, «религией» в кавычках здесь называется идеология — т. е. комплекс идей, не самостоятельно выработанных человеком, а навязанных ему традицией или окружением. Таких идеологий может быть очень много, и сосуществовать в одном сознании они могут очень причудливо (например, национализм с христианством или с коммунизмом). Единство вкуса, это тоже идеология, объединяющая общество; единство вкуса к русской классике — в том числе. К счастью, эта идеология менее догматизирована, чем другие, и от нас не требуют обязательно считать Гоголя выше Лермонтова, или наоборот. Поэтому надеюсь, что господствующей эта идеология не станет, а вспомогательной она может оказаться при любой другой: двадцать лет назад мы читали Пушкина за оду «Вольность», а теперь, кажется, чтим за «Отцы пустыnnики и жены непорочны» и за «Тень Баркова». Пред[87] шественницей социалистического реализма русская классика была во всяком случае: писателям полагалось учиться у Льва Толстого, а не у Андрея Белого.

15. Как показывает опыт, наша культура расцветает под гнетом, а при самой малой свободе исчезает, оставляя дешевую масскультуру, запоздалое подражание Западу и заумное эстетство. Может быть, отечественная культура несовместима со свободой?

А когда у нас была «самая малая свобода»? При Екатерине II? При «Войне и мире»? После 1905 года? Неужели можно сказать, что культура в эти годы «исчезала»? Кроме того, «расцвет» культуры и «формирование» культуры — годы разные: Пушкин был сформирован общественным подъемом 1812–1815 гг., а писал под общественным гнетом 1820—1830-х гг. Далее, в Европе, где (считается) свободы было больше, в 1860—1870-х гг. царило эпигонство и «масскультура», а эксперименты импрессионистов и Сезанна встречались насмешками. При всяком режиме существует искусство серийное и искусство лабораторное, загнанное в угол, где и вырабатываются новые формы; а «новые», в понимании нашего века, и есть «хорошие», «настоящие».

16. Можно ли считать, что миновало время идеологизированной, учительной литературы и она сможет, наконец, стать «чисто художественной»?

Это зависит не от писателей, а от читателей: захотят ли они учиться, т. е. усваивать готовую идеологию в готовом виде? Если общественные условия дают, то учительной литературой может оказаться и поваренная книга. И наоборот, когда отойдут современные политические

проблемы, то Солженицына будут читать не как ответ на животрепещущие вопросы, а как чистое искусство. «Георгики» Вергилия были агитационной поэмой за подъем римского сельского хозяйства, а кто сейчас, читая их, помнит об этом?

17. Индивидуализм (гражданские права, парламентское устройство), коллективизм и соборность — какой путь лучше для России и каково место литературы в жизни общества в каждом случае?

Вопрос не для меня. Прав человека я за собой не чувствую, кроме права умирать с голоду. Коллективизм и соборность для меня одно и то же — между сталинским съездом Советов и Никейским собором под председательством императора Константина для меня нет разницы. Я существую только по попущению общества и могу быть уничтожен в любой момент за то, что я не совершенно такой, какой я ему нужен. (Именно общества, а не государства: такие же жесткие требования ко мне предъявляет и дом и рабочий коллектив). Я хотел бы, чтобы мне позволяли существовать, хотя бы пока я не мешаю существовать другим. Но я мешаю: тем, что ем чей-то кусок хлеба, тем, что заставляю кого-то видеть свое лицо... Впрочем, это уже не ответ на поставленный вопрос.

У слова «интеллигенция» и смежных с ним есть своя история. Очень упрощенно говоря, его значение прошло три этапа. Сперва оно означало «люди с умом» (этимологически), потом «люди с совестью» (их-то мы обычно и подразумеваем в дискуссиях), потом просто «очень хорошие люди». [88]

Слово *intelligentia* принадлежит еще классической, цicerоновской латыни; оно значило в ней «понимание», «способность к пониманию». За две тысячи лет оно поменяло в европейской латыни много оттенков, но сохранило общий смысл. В русский язык оно вошло именно в этом смысле. В. Виноградов в «Историк слов» (М, 1994, с. 227–229) напоминает примеры: у Тредиаковского это «разумность», у масонов это высшее, бессмертное состояние человека как умного существа, у А. Галича «разумный дух», у Огарева иронически упоминается «какой-то субъект с гигантской интеллигенцией», и даже (Тургенев, 1871) «собака стала... интеллигентнее, впечатлительнее и сообразительнее, ее кругозор расширился». Позднее определение Даля (1881): «Интеллигенция — разумная, образованная, умственно развитая часть жителей». Еще Б. И. Ярхо (1889–1942) во введении к «Методологии точного литературоведения» держится этого интеллектуалистического понимания: «Наука проистекает из потребности в знании, и цель ее (основная и первичная) есть удовлетворение этой потребности... Вышеозначенная потребность свойственна человеку так же, как потребность в размножении рода: не удовлетворивши ее, человек физически не погибает, но страдает порой чрезвычайно интенсивно. Потребностью этой люди одарены в разной мере (так же, как, напр., сексуальным темпераментом), и этой мерой измеряется степень «интеллигентности». Человек интеллигентный не есть субъект, много знающий, а только обладающий жаждой знания выше средней нормы». (Писаны эти слова в 1936 г. в сибирской ссылке.)

Наступает советское время, культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает. По иным причинам, но то же самое происходит и в эмиграции: вспомним горькую реплику Ходасевича, что скоро придется организовывать «общество людей, читавших "Анну Каренину"» и пр. (Г. П. Федотов вполне серьезно предлагал подобные меры для искусственного создания «новой русской элиты», которая затем распространила бы свое культурное влияние на все общество итд.) Казалось бы, тут-то и время, чтобы интеллектуальный элемент понятия «интеллигенция» повысился в цене. Случилось обратное: чем дальше, тем больше подчеркивается, что образованность и интеллигентность вещи разные, что можно много знать и не быть интеллигентом, и наоборот. Окончательный удар по этому интеллектуалистическому понятию интеллигенции нанес А. И. Солженицын, придумав слово без промаха: «образованщина». Конечно, для порядка образованщина противопоставлялась истинной образованности. Но было ясно, что главный критерий здесь уже не умственный, а нравственный: коллаборационист, который несет свои умственные способности на службу советской власти, — он не настоящий интеллигент.

Теперь зайдем с другой стороны — от производного слова «интеллигентный». При Тургеневе, как мы видели, оно означало лишь умственные качества — хотя бы собаки. Для Даля оно еще не существует, около 1890 г. оно ощущается как новомодный варваризм. Слово «интеллигентный» — производное от «интеллигенция» (сперва как «умственные способности», потом как «совокупность их носителей»). Близкое слово «интеллигентский» — производное от более позднего слова «интеллигент». Как «интеллигенция», так и «интеллигент» — слова, с самого начала не лишённые отрицательных оттенков значения: «интеллигенция» (в отличие от «людей образованных») охотно понималась как «сборище недоучек», примеры тому (в том

числе из Щедрина) подобраны у Виноградова. Но на производные прилагательные эти отрицательные оттенки переходят в разной степени.

Слово «интеллигентский» и Ушаков и академический словарь определяют «свойственный интеллигенту» с отрицательным оттенком: «о свойствах старой, бур[89]жуазной интеллигенции» с ее «безволием, колебаниями, сомнениями». Слово «интеллигентный» и Ушаков и академический словарь определяют: «присущий интеллигенту, интеллигенции» с положительным оттенком: «образованный, культурный». «Культурный» в свою очередь здесь явно означает не только носителя «просвещенности, образованности, начитанности» (определение слова «культура» в академическом словаре), но и «обладающий определенными навыками поведения в обществе, воспитанный» (одно из определений слова «культурный» в том же словаре). Антитезой к слову «интеллигентный» в современном языковом сознании будет не столько «невежда», сколько «невежа» (а к слову «интеллигент» — не «мещанин», а «хам»). Каждый из нас ощущает разницу, например, между «интеллигентная внешность», «интеллигентное поведение» и «интеллигентская внешность», «интеллигентское поведение». При втором прилагательном как бы присутствует по незрелости, что на самом-то деле эта внешность и это поведение напускные, а при первом прилагательном подлинные. Мне запомнился характерный случай. Лет десять назад критик Андрей Левкин напечатал в журнале «Родник» статью под заглавием, которое должно было быть вызывающим: «Почему я не интеллигент». В. П. Григорьев, лингвист, сказал по этому поводу: «А вот написать: "Почему я не интеллигентен" у него не хватило смелости».

Попутно посмотрим на еще одну группу мелькнувших перед нами синонимов: «просвещенность, образованность, воспитанность, культурность». Какие из них более положительно и менее положительно окрашены? «Воспитанность» — это то, что впитано человеком с младенческого возраста, «с молоком матери»: оно усвоено внутрь прочнее и глубже всего, однако по содержанию оно наиболее просто, наиболее доступно малому ребенку: «не сморкаться в руку» заведомо входит в понятие «воспитанность», а «знать, что дважды два четыре» — заведомо не входит. «Образованность» относится к человеку, уже сформировавшемуся, форма его совершенствуется, корректируется внешней обработкой, приобретает требуемый образ («ображать камень» — «выделывать вещь из сырья», пишет Даль) — образ, подчас довольно сложный, но всегда благоприобретенный трудом. «Просвещенность» — тоже не врожденное, а благоприобретенное качество, свет, пришедший со стороны, просквозивший и преобразовавший существо человека; здесь речь идет не о внешних, а о внутренних проявлениях образа человека, поэтому слово «просвещенный» ощущается как более возвышенное, духовное, чем «образованный». (Слово «просвещенцы» менее обидно, чем «образованцы»). Наконец, «культурность», слово самое широкое, явным образом покрывает все три предыдущие и лишь в зависимости от контекста усиливает то или другое из их значений. Самым молодым и активным в этой группе слов является «культурность», самым старым и постепенно выходящим из употребления — «просвещенность». Понятие о просвещенности как свойстве более внутреннем, чем образованность, и более высоком, чем простая воспитанность, исчезает из языка. Освободившуюся нишу и занимает новое значение слова «интеллигентность»: человек интеллигентный несет в себе больше хороших качеств, чем только воспитанный, и несет их глубже, чем только образованный.

Таким образом, понятие «интеллигенции» в русском языке, в русском сознании любопытным образом эволюционирует: сперва это «служба ума», потом «служба совести» и, наконец, если можно так сказать, «служба воспитанности». Это может показаться вырождением, но это не так. Службу воспитанности тоже не нужно недооценивать: у нее благородные предки. Для того, что мы называем «интеллигентностью», «культурностью», в

XVIII веке синонимом была «светскость», в сред[90]ние века — «вежество», куртуазия, в древности — *humanitas*, причем определялась эта *humanitas* на первый взгляд наивно, а по сути очень глубоко: во-первых, это разум, а во-вторых, умение держать себя в обществе. Особенность человека — разумность в отношении к природе и *humanitas* в отношении к обществу, т. е. осознанная готовность заботиться не только о себе, но и о других. На *humanitas*, на искусстве достойного общения между равными держится все общество. Не случайно потом на основе этого — в конечном счете бытового — понятия развилось такое возвышенное понятие, как «гуманизм».

И, заметим, именно эта черта общительности все больше выступает на первый план в развитии русского понятия «интеллигенция, интеллигентный». «Интеллигенция» в первоначальном смысле слова, как «служба ума», была обращена ко всему миру, живому и неживому, — ко всему, что могло в нем потребовать вмешательства разума. «Интеллигентность» в теперешнем смысле слова, как «служба воспитанности», «служба общительности», проявляется только в отношениях между людьми, причем между людьми, сознающими себя равными («ближними», говоря по-старинному). Когда я говорю «Мой начальник — человек интеллигентный», это понимается однозначно: мой начальник умеет видеть во мне не только подчиненного, но и такого же человека, как он сам.

А «интеллигенция» в промежуточном смысле слова, «служба совести»? Она проявляет себя не в отношениях с природой и не в отношениях с равными, а в отношениях с высшими и низшими, с «властью» и «народом». Причем оба эти понятия, и власть, и народ, достаточно расплывчаты и неопределенны. Именно в этом смысле интеллигенция является специфическим явлением русской жизни нового времени. Оно настолько специфично, что западные языки не имеют для него названия и в случае нужды транслитерируют русское: *intelligentsia*. Для интеллигенции как службы ума существуют устоявшиеся слова: *intellectuals*, *les intellectuels*. Для интеллигентности как умения уважительно обращаться друг с другом в обществе существуют синонимы столь многочисленные, что они даже не стали терминами. Для «службы совести» — нет. (Что такое совесть и что такое честь? И то и другое определяет выбор поступка, но честь — с мыслью «что подумали бы обо мне отцы», совесть — с мыслью «что подумали бы обо мне дети»). Более того, когда европейские «*les intellectuels*» вошли недавно в русский язык как «интеллектуалы», то слово это сразу приобрело отчетливо отрицательный оттенок: «рафинированный интеллектуал», «высоколобые интеллектуалы». Почему? Потому что в этом значении есть только ум и нет совести, западный «интеллектуал» — это специалист умственного труда и только, а русский «интеллигент» традиционного образца притязает на нечто большее.

ПРИМЕЧАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ

Было два определения интеллигенции — европейское на слово *intelligentsia*, «слой общества, воспитанный в расчете на участие в управлении обществом, но за отсутствием вакансий оставшийся со своим образованием не у дел», — и советское, «прослойка общества, обслуживающая господствующий класс». Первое, западное, перекликается как раз с русским ощущением, что интеллигенция прежде всего оппозиционна: когда тебе не дают места, на которое ты рассчитывал, ты, естественно, начинаешь дуться. Второе, наоборот, перекликается с европейским ощущением, что интеллигенция (интеллектуалы) — это прежде всего носительница духов[91]ых ценностей: так как власть для управления нуждается не только в полицейском, но и в духовном насилии над массами (проповедь, школа, печать), то она с готовностью пользуется пригодными для этого духовными ценностями из арсенала интеллигенции. «Ценность» — не абсолютная величина, это всегда ценность «для кого-то», в том числе и для власти. Разумеется, не всякая ценность, а с выбором.

В зависимости от того, насколько духовный арсенал интеллигенции отвечает этому выбору, интеллигенция (даже русская) оказывается неоднородна, многослойна, нуждается в уточнении словоупотребления. Можем ли мы назвать интеллигентом Льва Толстого? Чехова? Бердяева? гимназического учителя? инженера? сочинителя бульварных романов? С точки зрения «интеллигенция — носительница духовных ценностей» — безусловно: даже автор «Битвы русских с кабардинцами» делает свое культурное дело, приохочивая полуграмотных к чтению. А с точки зрения «интеллигенция — носитель оппозиционности»? Сразу ясно, что далеко не все работники умственного труда были носителями оппозиционности: вычисляя, кто из них имеет право на звание интеллигенции, нам, видимо, пришлось бы сортировать их, вполне по-советски, на «консервативных», обслуживающих власть, и «прогрессивных», подрывающих ее в меру сил. Интересно, где окажется Чехов.

«Свет и свобода прежде всего», — формулировал Некрасов народное благо; «свет и свобода» были программой первых народников. Видимо, эту формулу приходится расчленить: свет обществу могут нести одни, свободу другие, а скрещение и сращение этих задач — действительно специфика русской социально-культурной ситуации, порожденной ускоренным развитием русского общества в последние 300 лет.

При этом заметим: «свет» — он всегда привносится со стороны. Специфики России в этом нет. «Свет» вносился к нам болезненно, с кровью: и при Владимире, когда «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем», и при Петре, и при Ленине. «Внедрять просвещение с умеренностью, по возможности избегая кровопролития» — эта мрачная щедринская шутка действительно специфична именно для России. Но — пусть менее кроваво — культура привносилась со стороны и привносилась именно сверху не только в России, но и везде. Петровская Россия чувствовала себя культурной колонией Германии, а Германия культурной колонией Франции, а двумя веками раньше Франция чувствовала себя колонией ренессансной Италии, а ренессансная Италия — античного Рима, а Рим — завоеванной им Греции. Как потом это нововоспринятое просвещение проникало сверху вниз, это уже было делом кнута или пряника: Петр I загонял недорослей в навигацкие школы силой и штрафами, а Александр II загонял мужиков в церковноприходские школы, суля грамотным укороченный срок солдатской службы.

В России передача заемной культуры от верхов к низам в средние века осуществлялась духовным сословием, в XVIII веке дворянским сословием, но мы не называем интеллигенцией ни духовенство, ни дворянство, потому что оба сословия занимались этим неизбежным просветительством лишь между делом, между службой Богу или государю. Понятие

интеллигенции появляется с буржуазной эпохой — с приходом в культуру разночинцев (не обязательно поповичей), т. е. выходцев из тех сословий, которые им самим и предстоит просвещать. Психологические корни «долга интеллигенции перед народом» именно здесь: если Чехов, сын таганрогского лавочника, смог кончить гимназию и университет, он чувствует себя обязанным постараться, чтобы следующее поколение лавочниковых сыновей могло быстрее и легче почувствовать себя полноценными людьми, нежели он. Если и они [92] будут вести себя, как он, то постепенно просвещение и чувство человеческого достоинства распространится на весь народ — по трезвой чеховской прикидке, лет через двести. Оппозиция здесь ни при чем, и Чехов спокойно сотрудничает в «Новом времени». А если чеховские двухсотлетние сроки оказались нереальны, то это потому, что России приходилось торопиться, нагоняя Запад, — приходилось двигаться прыжками через ступеньку, на каждом прыжке рискуя сорваться в революцию.

Русская интеллигенция была трансплантацией: западным интеллектуальством, пересаженным на русскую казарменную почву. Специфику русской интеллигенции породила специфика русской государственной власти. В отсталой России власть была нерасчлененной и аморфной, она требовала не специалистов-интеллектуалов, а универсалов: при Петре — таких людей, как Татищев или Нартов, при большевиках — таких комиссаров, которых легко перебрасывали из ЧК в НКПС, в промежутках — николаевских и александровских генералов, которых назначали командовать финансами, и никто не удивлялся. Зеркалом такой русской власти и оказалась русская оппозиция на все руки, роль которой пришлось взять на себя интеллигенции. «Повесть об одной благополучной деревне» Б. Бахтина начинается приблизительно так (цитирую по памяти): «Когда государыня Елизавета Петровна отменила на Руси смертную казнь и тем положила начало русской интеллигенции...» То есть когда оппозиция государственной власти перестала физически уничтожаться и стала, худо ли, хорошо ли, скапливаться и искать себе в обществе бассейн поудобнее для такого скопления. Таким бассейном и оказался тот просвещенный и полупросвещенный слой общества, из которого потом сложилась интеллигенция как специфически русское явление. Оно могло бы и не стать таким специфическим, если бы в русской социальной мелиорации была надежная система дренажа, оберегающая бассейн от переполнения, а его окрестности — от революционного потопа. Но об этом ни Елизавета Петровна, ни ее преемники по разным причинам не позаботились.

Западная государственная машина, двухпартийный парламент с узаконенной оппозицией, дошла до России только в 1905 г. До этого всякое участие образованного слоя общества в общественной жизни обречено было быть не интеллектуальским, практическим, а интеллигентским, критическим, — взглядом из-за ограды. Критический взгляд из-за ограды — ситуация развращающая: критическое отношение к действительности грозит стать самоцелью. Анекдот о гимназисте, который по привычке смотрит столь же критически на карту звездного неба и возвращает ее с поправками, — естественное порождение русских исторических условий. Парламентская машина на Западе удобна тем, что роль оппозиции поочередно примеряет на себя каждая партия. В России, где власть была монопольна, оппозиционность поневоле стала постоянной ролью одного итого же общественного слоя — чем-то вроде искусства для искусства. Даже если открывалась возможность сотрудничества с властью, то казалось, что практической пользы в этом меньше, чем идейного греха — поступательства своими принципами.

Может быть, нервничанье интеллигенции о своем отрыве от народа было прикрытием стыда за свое недотягивание до Запада? Интеллигенции вообще не повезло, ее появление совпало с буржуазной эпохой национализмов, и широта кру гозора давалась ей с трудом. А

русской интеллигенции приходилось преодолевать столько местных особенностей, что она до сих пор не чувствует себя в западном интернационале. Щедрин жестко сказал о межеумстве русского человека: в Европе ему все кажется, будто он что-то украл, а в России — будто что-то продал. [93]

«Долг интеллигенции перед народом» своеобразно сочетался с ненавистью интеллигенции к мещанству. Говоря по-современному, цель жизни и цель всякой морали в том, чтобы каждый человек выжил как существо и все человечество выжило как вид. Интеллигенция ощущает себя теми, кто профессионально заботится, чтобы человечество выжило как вид. Противопоставляет она себя всем остальным людям — тем, кто заботится о том, чтобы выжить самому. Этих последних в XIX в. обычно называли «мещане» и относились к ним с высочайшим презрением, особенно поэты. Это была часть того самоумиления, которому интеллигенция была подвержена с самого начала. Такое отношение несправедливо: собственно, именно эти мещане являются теми людьми, заботу о благе которых берет на себя интеллигенция. Когда в басне Менения Агриппы живот, руки и ноги относятся с презрением к голове, это высмеивается; когда голова относится с презрением к животу, рукам и ногам, это тоже достойно осмеяния, однако об этом никто не написал басни.

Отстраненная от участия во власти и не удовлетворенная повседневной практической работой, интеллигенция сосредоточивается на работе теоретической — на выработке национального самосознания. Самосознание, что это такое? Гегелевское значение, где самосознание было равнозначно реальному существованию, видимо, уже забыто. Остается самосознание как осознание своей отличности от кого-то другого. В каких масштабах? Каждый человек, самый невежественный, не спутает себя со своим соседом. В каждом хватает самосознания, чтобы дать отчет о принадлежности к такой-то семье, профессии, селу, волости. (Какое самосознание было у Платона Каратаева?) Наконец, при достаточной широте кругозора, — о принадлежности ко всему обществу, в котором он живет. Можно говорить о национальном самосознании, христианском самосознании, общечеловеческом самосознании. Складывание интеллигенции совпало со складыванием национальностей и национализмов, поэтому «Интеллигенция — носитель национального самосознания» мы слышим часто, а «носитель христианского самосознания» (отменяющего нации) — почти никогда. А в нынешнем мире, расколотом и экологически опасном, давно уже стало главным «общечеловеческое».

Когда западные интеллектуалы берут на себя заботу по самосознанию общества, то они вырабатывают науку социологию. Когда русские интеллигенты сосредоточиваются на том же самом, они создают идеал и символ веры. В чем разница между интеллектуальским и интеллигентским выражением самосознания общества? Первое стремится смотреть извне системы (сколько возможно), второе — переживать изнутри системы. Первое рискует превратиться в игру мнимой объективностью, второе замкнуться на самоанализе и самоумилении своей «правдой». В отношениях с природой важна истина, в отношениях с обществом — правда. Одно может мешать другому, чаще — второе первому. При этом сбивающая правда может быть не только революционной («классовая наука», всем нам памятная), но и религиозной (отношение церкви к системе Коперника). «Самосознание» себя и своего общества как бы противопоставляется «сознанию» мира природы. Пока борьба с природой и познание природы были важнее, чем борьба за совершенствование общества, в усилиях интеллигенции не было нужды. Сейчас, когда мир, природа, экология снова становятся главной заботой человечества, должно ли измениться место и назначение интеллигенции? Что случится раньше: общественный ли конфликт передовых стран с третьим миром (для осмысления которого нужны интеллигенты-общественники) или экологический конфликт с природой (для понимания которого нужны интеллектуалы-специалисты)? [94]

«Широта кругозора», сказали мы. Просвещение — абсолютно необходимая предпосылка интеллигентности. Сократ говорил «Если кто знает, что такое добродетель, то он и поступает добродетельно; а если он поступает иначе, из корысти ли, из страха ли, то он просто недостаточно знает, что такое добродетель». Культивировать совесть, нравственность, не опирающуюся на разум, а движущую человеком непроизвольно — опасное стремление. Что такое нравственность? Умение различать, что такое хорошо и что такое плохо. Но для кого хорошо и для кого плохо? Здесь моральному инстинкту легко ошибиться. Даже если абстрагироваться до предела и сказать: «хорошо все то, что помогает сохранить жизнь, во-первых, человеку как существу и, во-вторых, человечеству как виду», то и здесь между этими целями «во-первых» и «во-вторых» возможны столкновения; в точках таких столкновений и разыгрываются обычно все сюжеты литературных и жизненных трагедий. Интеллигенции следует помнить об этимологии собственного названия.

Русское общество медленно и с трудом, но все же демократизируется. Отношения к вышестоящим и нижестоящим, к власти и народу отступают на второй план перед отношениями к равным. Не нужно бороться за правду, достаточно говорить правду. Не нужно убеждать хорошо работать, а нужно показывать пример хорошей работы на своем месте. Это уже не интеллигентское, это интеллектуальское поведение. Мы видели, как критерий классической эпохи, совесть, уступает место двум другим, старому и новому: с одной стороны, это просвещенность, с другой стороны, это интеллигентность как умение чувствовать в ближнем равного и относиться к нему с уважением. Лишь бы понятие «интеллигент» не самоотождествилось, расплываясь, с понятием «просто хороший человек». (Почему уже неудобно сказать «я интеллигент»? Потому что это все равно что сказать «я хороший человек».) Самоумиление опасно.

(«Путь к независимости и права личности» — дискуссия в журнале «Дружба народов»)

Я — человек. Считается, что уже поэтому я — личность. Если я — личность, то какие я чувствую за собой права? Никаких. Я не сам себя создал, и Господь Бог не трудился надо мной, как над Адамом. Меня создало общество — пусть даже это были только два человека из общества, отец и мать. Зачем меня создало общество? Чтобы посмотреть, что из меня получится. Если то, что ему на пользу — хорошо, пусть я продолжаю существовать. Если нет — тогда в переплавку, в большую ложку Пуговичника из «Пер Гюнта».

Почему я не чувствую за собой права на существование? Потому что мне достаточно представить себя на необитаемом острове — в одиночку, как самодовлеющую личность. Выживу ли я? От силы два-три дня. Голод, холод хищные звери, ядовитые травы — нет, единственное мое заведомое личное право — умирать с голо ду. Все остальные права — дареные. (Триста лет назад, когда общество еще не было таким дифференцированным, может быть, выжил бы. И Дефо написал бы с меня «Робинзона Крузо», изрядно идеализировав. Но времена робинзонов, которые будто бы сами творят цивилизацию (а не она — их), давно прошли. Кстати, Робинзон с Пятницей — кто они были: нация? народ? этнос? с этническим большинством и этническим меньшинством?) [95]

Есть марксистское положение: личность — это точка пересечения общественных отношений. Когда я говорил вслух, что ощущаю себя именно так, то даже в самые догматические времена собеседники смотрели на меня как на ненормального. А я говорил правду. Я зримо вижу черное ночное небо, по которому, как про жекторные лучи, движутся светлые спицы социальных отношений. Вот несколько лучей скрестились — это возникла личность, может быть — я. Вот они разошлись — и меня больше нет.

Что я делаю там, в той точке, где скрещиваются лучи? То, что делает переключатель на стыке проводов. Вот откуда-то (от единомышленника к единомышленнику) послана научная концепция — протянулось социальное отношение. Вот между какими-то единомышленниками протянулась другая, третья, десятая. Они пересеклись на мне: я с ними познакомился. Я согласовываю в них то, что можно согласовать, выделяю более приемлемое и менее приемлемое, меняю то, что нуждается в замене, добавляю то, что мой опыт социальных отношений мне дал, а моим предшественникам не мог дать; наконец, подчеркиваю те вопросы, на которые я так и не нашел удовлетворительного ответа. Это мое так называемое «научное творчество». (Я филолог — я приучен ссылаться на источники всего, что есть во мне.) Появляется новая концепция, новое социальное отношение, луч, который начинает шарить по небу и искать единомышленников. Это моя так называемая «писательская и преподавательская деятельность».

Где здесь место для прав личности? Я его не вижу. Вижу не права, а только обязанность, и притом одну: понимать. Человек — это орган понимания в системе природы. Если я не могу или не хочу понимать те социальные отношения, которые скрещиваются во мне, чтобы я их передал дальше, переработав или не переработав, то грош мне цена, и чем скорее расформируют мою так называемую личность, тем лучше. Впрочем, пожалуй, одно право за собой я чувствую: право на информацию. Если вместо десяти научных концепций во мне перекрестятся пять, а остальные будут перекрыты, то результат будет гораздо хуже (для общества же). Вероятно, общество само этого почему-либо хотело; но это не отменяет моего права искать как можно более полной информации.

Я уже три раза употребил слово «единомышленник». Это очень ответственное слово, от его понимания зависит все лучшее и все худшее в том вопросе, который перед нами. Поэтому задержимся.

Человек одинок. Личность от личности отгорожена стенами взаимонепонимания такой толщины (или провалами такой глубины), что любые национальные или классовые барьеры по сравнению с этим — пустячная мелочь. Но именно поэтому люди с таким навязчивым пристрастием останавливают внимание на этой пустячной мелочи. Каждому хочется почувствовать себя ближе к соседу — и каждому кажется, что для этого лучшее средство отмежеваться от другого соседа. Когда двое считают, что любят друг друга, они не только смотрят друг на друга, они еще следят, чтобы партнер не смотрел ни на кого другого (а если смотрел бы, то только с мыслью «а моя (мой) все-таки лучше»). Семья, дружеский круг, дворовая компания, рабочий коллектив, жители одной деревни, люди одних занятий или одного достатка, носители одного языка, верующие одной веры, граждане одного государства — разве не одинаково работает этот психологический механизм? Всюду смысл один: «Самые лучшие это мы». Еще Владимир Соловьев (и, наверное, не он первый) определил патриотизм как национальный эгоизм. [96]

Ради иллюзии взаимопонимания мы изо всех сил крепим реальность взаимонепонимания — как будто она и так не крепка сверх моготы! При этом чем шире охват новой сверхкитайской стены, тем легче достигается цель. Иллюзия единомыслия в семье или в дружбе просуществует не очень долго — на каждом шагу она будет спотыкаться о самые бытовые факты. А вот иллюзия классового единомыслия или национального единомыслия — какие триумфы они справляли хотя бы за последние два столетия! При этом природа не терпит пустоты: стоило увянуть мифу классовому, как мгновенно расцветает миф националистический. Я чувствую угрызения совести, когда пишу об этом. По паспорту я русский, а по прописке москвич, поэтому я — «этническое большинство», мне легко из прекрасного далека учить взаимопониманию тех, кто не знает, завтра или послезавтра настигнет их очередная ночь длинных ножей. Простите меня, читающие.

У личности нет прав — во всяком случае, тех, о которых кричат при постройке новых взаимоотношений. У личности есть обязанность — понимать. Прежде всего понимать своего ближнего. Разбирать по камушку ту толщу, которая разделяет нас каждого с каждым. Это работа трудная, долгая и — что горше всего — никогда не достигающая конца. «Это стихотворение хорошее». — «Нет, плохое». — «Хорошее потому-то, потому-то и потому-то». (Читатель, а вы всегда сможете назвать эти «потому-то»?) — «Нет, потому что...» итд. Наступает момент, когда после всех «потому что» приходится сказать: «Оно больше похоже на Суркова, чем на Мандельштама, а я больше люблю Мандельштама». — «А я наоборот». И на этом спору конец: все доказуемое доказано, мы дошли до недоказуемых постулатов вкуса. Стали собеседники единомышленниками? Нет. А стали лучше понимать друг друга? Думаю, что да. Потому что начали — и, что очень важно, кончили — спор именно там, где это возможно. (Читатель, согласитесь, что чаще всего мы начинаем спор именно с того рубежа, где пора его прекращать. А ведь до этого рубежа нужно сперва дойти.) Я нарочно взял для примера спор о вкусе, потому что он безобиднее. Но совершенно таков же будет и спор о вере. Кончится он всегда недоказуемыми постулатами: «Верю, ибо верю». А что постулаты всех вер для нас, людей, равноправны — нам давно сказала притча Натана Мудрого.

Если такие споры никогда или почти никогда не приводят к полному единомыслию, то зачем они нужны? Затем, что они учат нас понимать язык друг друга. Сколько личностей, столько и языков, хотя слова в них сплошь и рядом одни и те же. Разбирая толстую стену взаимопонимания по камушку с двух сторон, мы учимся понимать язык соседа — говорить и

думать, как он. Чувство собственного достоинства начинается тогда, когда ты растворяешься в другом, не боясь утратить собственную «самость». Почему Рим победил Грецию, хотя греческая культура была выше? Один историк отвечает потому что римляне не гнушались учиться греческому языку, а греки латинскому — гнушались. Поэтому при переговорах римляне понимали греков без переводчика, а греки римлян — только с переводчиком. Что из этого вышло, мы знаем.

Сколько у вас бывает разговоров в день — хотя бы мимоходных, пятиминутных? Пятьдесят, сто? Ведите их всякий раз так, будто собеседник — неведомая душа, которую еще нужно понять. Ведь даже ваша жена сегодня не такая, как вчера. И тогда разговоры с людьми действительно других языков, вер и наций станут для вас возможным и успешнее.

И последнее: чтобы научиться понимать, каждый должен говорить только за себя, а не от чьего-либо общего лица. Когда в гражданскую войну к коктебельско[97]му дому Максимилиана Волошина подходила толпа, то он выходил навстречу один и говорил: «Пусть говорит кто-нибудь один — со многими я не могу». И разговор кончался мирно.

Нас очень долго учили бороться за что-то: где-то скрыто готовое общее счастье, но его сторожит враг, — одолеем его, и откроется рай. Это длилось не семьдесят лет, а несколько тысячелетий. Образ врага хорошо сплачивал отдельные народы и безнадежно раскалывал цельное человечество. Теперь мы дожили до времени, когда всем уже, кажется, ясно: нужно не бороться, а делать общее дело — человеческую цивилизацию: иначе мы не выживем. А для этого нужно понимать друг друга.

Я написал только о том, что доступно каждому. А что должно делать государство, чтобы всем при этом стало легче, я не знаю. Я не государственный человек.

ФИЛОЛОГИЯ КАК НРАВСТВЕННОСТЬ

(дискуссия в журнале «Литературное обозрение». Эту заметку не хотели печатать, но оказалось, что именно ее выбрал для официального обличения М. Б. Храпченко, — пришлось напечатать)

Филология — наука понимания. Слово это древнее, но понятие — новое. В современном значении оно возникает в XVI–XVIII вв. Это время, когда складывалась основа мышления современных гуманитарных наук — историзм. Классическая филология началась тогда, когда человек почувствовал историческую дистанцию между собою и предметом своего интереса — античностью. Средневековье тоже знало, любило и ценило античность, но оно представляло ее целиком по собственному образу и подобию: Энея — рыцарем, а Сократа — профессором. Возрождение почувствовало, что здесь что-то не так, что для правильного представления об античности недостаточно привычных образов, а нужны и непривычные знания. Эти знания и стала давать наука филология. А за классической филологией последовали романская, германская, славянская; за филологическим подходом к древности и средневековью — филологический подход к культуре самого недавнего времени; и все это оттого, что с убыстряющимся ходом истории мы все больше вынуждены признавать близкое по времени далеким по духу.

Признание это дается нелегко. Мышление наше эгоцентрично, в людях других эпох мы легко видим то, что похоже на нас, и неохотно замечаем то, что на нас не похоже. Гуманизм многих веков сходил на том, что человек есть мера всех вещей, но когда он начинал прилагать эту меру к вещам, то оказывалось, что мера эта сделана совсем не по человеку вообще, а то по афинскому гражданину, то по ренессансному аристократу, то по новоевропейскому профессору. Гуманизм многих веков говорил о вечных ценностях, но для каждой эпохи эти вечные ценности оказывались лишь временными ценностями прошлых эпох, урезанными применительно к ценностям собственной эпохи. Урезывание такого рода — дело несложное: чтобы наслаждаться Эсхилом и Тютчевым, нет надобности помнить все время, что Эсхил был рабовладелец, а Тютчев — монархист. Но ведь наслаждение и понимание — вещи разные. Вечных ценностей нет, есть только временные, поэтому постигать их непосредственно нельзя (иначе как в порядке самообмана), а можно, лишь преодолев историческую дистанцию; и наводить бинокль нашего знания на нужную дистанцию учит нас филология. [98]

Филология приближает к нам прошлое тем, что отдаляет нас от него, — учит видеть то великое несходство, на фоне которого дороже и ценнее самое малое сходство. Рядовой читатель вправе относиться к литературным героям «как к живым людям»; филолог этого права не имеет, он обязан разложить такое отношение на составные части — на отношение автора к герою и наше к автору. Говорят, что расстояние между Гаевым и Чеховым можно уловить интуитивно, чутким слухом (я в этом не уверен). Но чтобы уловить расстояние между Чеховым и нами, чуткого слуха уже заведомо недостаточно. Потому что здесь нужно уметь слышать не только Чехова, но и себя — одинаково со стороны и одинаково критически.

Филология трудна не тем, что она требует изучать чужие системы ценностей, а тем, что она велит нам откладывать на время в сторону свою собственную систему ценностей. Прочитать все книги, которые читал Пушкин, трудно, но возможно. А вот забыть (хотя бы на время) все книги, которых Пушкин не читал, а мы читали, гораздо труднее. Когда мы берем в руки книгу классика, то избегаем задавать себе простейший вопрос: для кого она написана? — потому что знаем простейший ответ на него: не для нас. Неизвестно, как Гораций представлял себе тех, кто будет

читать его через столетия, но заведомо ясно, что не нас с вами. Есть люди, которым неприятно читать, неприятно даже видеть опубликованными письма Пушкина, Чехова или Маяковского: «ведь они адресованы не мне». Вот такое же ощущение нравственной неловкости, собственной неуместной навязчивости должно быть у филолога, когда он раскрывает «Евгения Онегина», «Вишневый сад» или «Облако в штанах». Искупить эту навязчивость можно только отречением от себя и растворением в своем высоком собеседнике.

Филология начинается с недоверия к слову. Доверяем мы только словам своего личного языка, а слова чужого языка прежде всего испытываем, точно ли и как соответствуют они нашим. Если мы упускаем это из виду, если мы принимаем презумпцию взаимопонимания между писателем и читателем, мы тешим себя самоуспокоительной выдумкой. Книги отвечают нам не на те вопросы, которые задавал себе писатель, а на те, которые в состоянии задать себе мы, а это часто очень разные вещи. Книги окружают нас, как зеркала, в которых мы видим только собственное отражение; если оно не всюду одинаково, то это потому, что все эти зеркала кривые, каждое по-своему. Филология занимается именно строением этих зеркал — не изображениями в них, а материалом их, формой их и законами словесной оптики, действующими в них. Это позволяет ей долгим окольным путем представить себе и лицо зеркальных дел мастера, и собственное наше лицо — настоящее, неискривленное. Если же смотреть только на изображение («идти по ту сторону слова», как предлагают некоторые), то следует знать заранее, что найдем мы там только самих себя.

За преобладание в филологии спорят лингвистика и литературоведение, причем лингвистика ведет наступательные бои, а литературоведение оборонительные (или, скорее, отвлекающие). Думается, что это не случайно. Филология началась с изучения мертвых языков. Все мы знаем, что такое мертвые языки, но редко думаем, что есть еще и мертвые литературы, и даже на живых языках. Даже читая литературу XIX века, мы вынуждены мысленно переводить ее на язык наших понятий. Язык в самом широком смысле: лексическом (каждый держал в руках «Словарь языка Пушкина»), стилистическом (такой словарь уже начат для поэзии XX в.), образном (на основе частотного тезауруса: такие словари уже есть для нескольких поэтов), идейном (это самая далекая и важная цель, но и к ней сделаны подступы). [99] Только когда мы сможем опираться на подготовительные работы такого рода, мы сможем среди умножающейся массы интерпретаций монолога Гамлета или монолога Гаева выделить хотя бы те, которые возможны для эпохи Шекспира или Чехова. Это не укор остальным интерпретациям, это лишь уточнение рубежа между творчеством писателей и сотворчеством их читателей и исследователей.

И еще одно есть преимущество у лингвистической школы перед литературоведческой. В лингвистике нет оценочного подхода: лингвист различает слова склоняемые и спрягаемые, книжные и просторечные, устарелые и диалектные, но не различает слова хорошие и плохие. Литературовед наоборот, явно или тайно стремится прежде всего отделить хорошие произведения от плохих и сосредоточить внимание на хороших. «Филология» значит «любовь к слову»: у литературоведа такая любовь выборочней и пристрастнее. От пристрастной любви страдают и любимцы и нелюбимцы. Как охотно мы воздаем лично Грибоедову и Чехову те почести, которые должны были бы разделить с ними Шаховской и Потапенко! Было сказано, что в картинах Рубенса мы ценим не только его труды, но и труды всех тех бесчисленных художников, которые не вышли в Рубенсы. Помнить об этом — нравственный долг каждого, а филолога — в первую очередь.

Ю. М. Лотман сказал: филология нравственна, потому что учит нас не соблазняться легкими путями мысли. Я бы добавил: нравственны в филологии не только ее путь, но и ее цель: она отучает человека от духовного эгоцентризма. (Вероятно, все искусства учат человека

самоутверждаться, а все науки — не заноситься.) Каждая культура строит свое настоящее из кирпичей прошлого, каждая эпоха склонна думать, будто прошлое только о том и заботилось, чтобы именно для нее поставлять кирпичи. Постройки такого рода часто разваливаются: старые кирпичи выдерживают не всякое новое применение. Филология состоит на такой стройке чем-то вроде ОТК, проверяющего правильное использование материала. Филология изучает эгоцентризмы чужих культур, и это велит ей не поддаваться своему собственному: думать не о том, как создавались будто бы для нас культуры прошлого, а о том, как мы сами должны создавать новую культуру.

ПРИМЕЧАНИЕ ПСЕВДОФИЛОСОФСКОЕ

(из дискуссии на тему «Философия филологии»)

Прежде всего, мне кажется, что формулировка общей темы парадоксальна. (Может быть, так и нужно.) Филология — это наука. А философия и наука — вещи взаимодополняющие, но несовместимые. Философия — это творчество, а наука — исследование. Цель творчества — преобразовать свой объект, цель исследования — оставить его неприкасаемым. И то и другое, конечно, одинаково недостижимо, но эти недостижимые идеалы диаметрально противоположны.

Философия филологию может только разъесть с тыла. Точно так же, впрочем, как и филология философию. Тот тыловой участок, с которого филология разъедает философию, хорошо известен: это история философии, глубоко филологическая дисциплина. Не случайно оригинальные философы относятся к истории философии с нарастающей нервностью, потому что на ее фоне любые притязания на оригинальность сразу выцветают. Поэтому естественно, что и философия ищет для себя в тылу науки такой же надежный плацдарм. Он и называется «философия филологии», «философия астрономии» и т. д., по числу наук. Располагая таки[100]ми позициями, философия и филология могут сплетаться садомазохистским клубком сколь угодно долго. Очень хорошо — лишь бы на пользу.

Есть предположение, что филология не просто наука, а особенная наука, потому что предполагает некоторое интимное отношение между исследователем и его объектом. Об этом очень хорошо писал С. С. Аверинцев. Я думаю, что это не так. Конечно, интимное отношение между исследователем и его объектом есть всегда: зоолог относится к своим лягушкам и червякам интимнее, чем мы. Вот с такой же интимностью и филолог относится к Данту или Дельвигу, но не более того. Самый повседневный опыт нам говорит, что между мною и самым интимным моим другом лежит бесконечная толща взаимонепонимания; можем ли мы после этого считать, что мы понимаем Пушкина? Говорят, между филологом и его объектом происходит диалог: это значит, один собеседник молчит, а другой сочиняет его ответы на свои вопросы. На каком основании он их сочиняет? — вот в чем должен он дать отчет, если он человек науки.

Филология — это «любовь к слову». Что такое слово? Мертвый знак живых явлений. А явления эти располагаются вокруг слова расходящимися кругами, включающими и биографию писавшего, и быт, и систему идей эпохи — все, что входит в понятие «культура». Каждый исследователь выбирает то направление, которое его интересует. Но вначале он должен правильно понять слово: «в таком-то написании, в таком-то сочетании, в таком-то жанре (оды или полицейского протокола), в такой-то стилистической традиции это слово с наибольшей вероятностью значит то-то, с меньшей — то-то, с еще меньшей — то-то, итд.» А эту наибольшую или наименьшую вероятность мы устанавливаем, подсчитав все контексты употребления слова в памятниках данной чужой культуры. С чего начинается дешифровка текстов на мертвых языках? С того, что Шампольон подсчитывает, как часто встречается каждый знак, и в каких сочетаниях, и в каких сочетаниях сочетаний. С этого начинается и филология, поскольку она хочет быть наукой. В этом фундаменте филологических исследований, как мы знаем, сделано пока ничтожно мало. Поэтому жаловаться на «исчерпанность филологической концепции слова» никак нельзя. Жаловаться нужно на то, что практическое развертывание филологической концепции слова еще не начиналось. Когда оно произойдет, тогда мы и увидим, на что способна и на что неспособна филология.

В частности, «способна ли филология производить новые смыслы, новое знание или только устанавливать уже существующие смыслы текстов»? Ровно в такой же степени, как всякая наука. Планета Нептун существовала и без Леверье, Леверье ее только открыл: было ли это установлением уже существующего или производством нового знания? Семантика пропусков ударения в 4-ст. ямбе Андрея Белого существовала, хотя он сам себе не отдавал в ней отчета; ее открыл Тарановский — было ли это установлением существующего или производством нового? Новое знание и новые смыслы — разные вещи. Новое знание — область исследовательская, этим занимается наука; новые смыслы — область творческая, этим занимается критика. Это критика вычитывает из Шекспира то проблемы нравственные, то проблемы социальные, то проблемы психоаналитические, а то вовсе выбрасывает его за борт, как Лев Толстой. Наука рядом с нею лишь дает отчет, какие из этих смыслов вычитываются из Шекспира с большей, меньшей и наименьшей вероятностью. Такая охрана памятников старины — тоже нужная вещь. Понятно, при этом критика как область творческая работает в задушевном альянсе с философией, а [101] наука держится на дистанции и только следит, чтобы они не применяли неевклидовы методы к таким словесным объектам, для которых достаточно евклидовых.

Творческий деятель стремится к самоутверждению, исследователь — к самоотрицанию. Мне лично ближе второе: мне кажется, что в самоутверждении нуждается только то, что его не стоит. Творчество необходимо человечеству, но при полной свободе оно просто неинтересно. В материальном творчестве нужное сопротивление материала обеспечивает сама природа, а законы ее формулирует наука естествознание. В духовном творчестве эти рамки для свободы полагает культура, а обычаи ее формулирует наука филология. Диалог между творческим и исследовательским началом в культуре всегда полезен. (Конечно, — как всегда — диалог с предпосылкой полного взаимонепонимания.) По-видимому, таков и диалог между философией и филологией. Пусть они занимаются взаимопоеданием, только так, чтобы это не отвлекало их от их основных задач: для творчества — усложнять картину мира, для науки — упрощать ее.

ПРОШЛОЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО

(для журнала «Наше наследие»)

Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий.

В. О. Ключевский

Словосочетание «Наше наследие» означает «наследие, полученное нами от предков» и — «наследие, оставляемое нами потомкам». Первое значение — в сознании у всех, второе вспоминается реже. На то есть свои причины.

Спрос на старину — это прежде всего отшатывание от настоящего. Опыт семидесяти советских лет привел к кризису, получилось очевидным образом не то, что было задумано. Первая естественная реакция на этот результат — осадить назад, вернуться к истокам, все начать заново. Как начать заново — никто не знает, только спорят. Но что такое осадить назад, очень хорошо представляют все: техника таких попятных движений давно отработана русской историей.

На протяжении нескольких поколений нам изображали наше отечество по классической формуле графа Бенкендорфа (только без ссылок на источник): прошлое России исключительно, настоящее — великолепно, будущее — неописуемо. В том, что касается настоящего и будущего, доверие к этой формуле сильно поколебалось. Зато в том, что касается прошлого, оно едва ли не укрепились — как бы в порядке компенсации. Нашему естественному сыновнему уважению к прошлому велено обратиться в умиленное обожание. А это вредно. Далеко не все в прошлом было исключительно, не все заслуживает поклонения, не все необходимо для будущего, о котором как-никак приходится заботиться.

У Пушкина есть черновой набросок, ставший одной из самых расхожих цитат: *Два чувства дивно близки нам, В них обретает сердце пищу — Любовь к родному пепелищу: Любовь к отеческим гробам. [На них основано от века, По воле Бога самого, Самостоянье человека, Залог величия его.] Животворящая святыня! Земля была б без них мертва, Как... пустыня И как алтарь без божества.* При этом почему-то охотнее всего цитируется среднее четверостишие, зачеркнутое самим [102] Пушкиным, — вероятно, цитирующим льстят слова «самостоянье» и «величие». Не знаю, задумываются ли они, хорошо ли знал сам Александр Сергеевич, где погребен «отеческий гроб» его родного деда Льва Александровича Пушкина, и если знал, то часто ли навещал могилу.

Куль «нашего наследия» становится составной частью современной массовой культуры. Исторические романы пользуются небывалым спросом. В. Пикуль въехал в беллетристику на белом коне. Десять с лишним лет назад была элитарная Тыняновская конференция в Резекне, местный книжный магазин предложил ей все свое самое лучшее, в том числе последний роман Пикуля, и он был расхвачен мгновенно. («Чтобы дарить вместо взяток», смущенно объясняли купившие.) Сам Пикуль честно сказал в каком-то интервью: люди читают меня, потому что плохо знают русскую историю. Он был прав: лучше пусть читатель узнает о князе Потемкине из Пикуля, чем из школьного учебника, где (боюсь) о нем вообще не упомянуто. Массовая культура — это все-таки лучше, чем массовое бескультурье.

В Москве перекрасили старый Арбат под внешность 1900 года. Реставрации не получилось:

В новом московском контексте вместо старой улицы появилась очень новая улица со своей внешностью и своим бытом — весьма специфическим и весьма органичным, как знает каждый москвич. В Москве этот Арбат останется выразительным образчиком советской культуры 1980-х гг. Потом заново выстроили храм Христа Спасителя — здание, которое лучшие художественные критики считали позором московской архитектуры. Получилась такая же картонная имитация, как новый старый Арбат, только вдесятеро дороже. Теперь призывают заново построить Сухареву башню. Я бы лучше предложил поставить на Сухаревской площади памятник Сухаревой башне — насколько мне известно, памятников памятникам в мировой истории еще не было, так что это, помимо дани уважения к старине, может оказаться еще и любопытной зодческой задачей.

Не стоит забывать, что та старина, которой мы сегодня кланяемся, сама по себе сложилась достаточно случайно и в свое время была новаторством или эклектикой, раздражавшей, вероятно, многих. Попробуем представить, что было бы, если бы в XVIII веке Баженов реализовал свой проект перестройки Кремля — со сносом московецкой стены, с парадным, во всю ширь, спуском к Москве-реке итд? В центре Москвы появилось бы нечто совсем не похожее на то, что мы видим сегодня, но мы умилились бы этому точно так же, как сейчас — существующим стенам и башням, ибо они освящены стариной. Не исключено, что когда-нибудь те наши постройки, которым сейчас принято ужасаться, тоже станут высоко ценимыми памятниками прошлого.

Историки античности знают: когда Афины были сожжены персами, то афиняне не захотели реставрировать свои старые храмы, свезли их камни для укрепления крепостных стен, а на освободившемся месте стали строить Парфенон, который, вероятно, казался их старикам отвратительным модерном. Греческая эпиграмма, которой мы любимся, для самих греков была литературным ширпотребом, а греческие кувшины и блюда, осколки которых мы храним под небьющимися стеклами, — ширпотребом керамическим. Жанр романа, без которого мы не можем вообразить литературу, родился в античности как простонародное чтиво, и ни один уважающий себя античный критик даже не упоминает о нем. Массовая культура нимало не заслуживает пренебрежительного отношения. Как она преломляет стихийную общественную потребность «осадить назад» — это тема для исследований, которые многое откроют потомкам в нашей современности. [103]

Но сейчас наша массовая культура — явление неуправляемое и непредсказуемое (хотя она вполне поддается управлению, и на Западе это хорошо знают). Как сквозь нее профильтруется культура прошлого, чтобы влиться в культуру будущего, — это вопрос без ответа. Подумаем лучше о том, как должна относиться к «нашему наследию» обычная культура (именующая себя иногда «высокой»), заинтересованная не только в том, чтобы воспроизводить самое себя, но и в том, чтобы порождать новое — то, что нужно будет завтрашнему дню.

Какова будет эта культура завтрашнего дня, я знаю не больше всякого другого, — могу лишь гадать. Самыми несомненными ее особенностями покамест кажутся две: она будет эклектична и плюралистична.

Эклектична она будет потому, что эклектична всякая культура: только издали эпоха Эсхила или Пушкина кажется цельной и единой. Если бы нас перенесло в их мир и мы бы увидели его изнутри, у нас бы запестрело в глазах: так трудно было бы отличить «самое главное» от пережитков прошлого и ростков нового. В наше время история движется все быстрее, и наследие прежних эпох напластовывается друг на друга самым причудливым образом. Купола XVII века, колонны XVIII века, доходные глыбы XIX века, сталинское барокко XX века смешиваются в панораме Москвы. Чтобы разобраться в этом и отделить перспективное от пригодного только для музеев (этих кладбищ культуры, как называл их Флоренский), нужно

разорвать былые органические связи там, где они еще не разорвались сами собой, и рассортировать полученные элементы, глядя не на то, «откуда они», а на то, «для чего они». Так Бахтин во всяком слове видел прежде всего «чужое слово», бывшее в употреблении, захвачанное руками и устами прежних его носителей; учитывать эти прежние употребления, чтобы они не мешали новым, конечно, необходимо, но чем меньше мы будем отвлекаться на них, тем лучше.

«Эклектика» долго была и остается бранным словом. Ей противопоставляются цельность, органичность и другие хорошие понятия. Но достаточно непредубежденного взгляда, чтобы увидеть: цельность, органичность и пр. мы видим, лишь нарочно закрывая глаза на какие-то стороны предмета. Мы любим Тютчева, не думая, что он был монархист, и любим Эсхила, не думая, что он был рабовладелец. Последовательные большевики отвергали Толстого за то, что он был толстовец, и Чехова за то, что он не имел революционного мировоззрения, — разве мы не стали богаче, научившись смотреть на Толстого и Чехова не с баррикадной близости, а так, как смотрим на Эсхила и Тютчева? Борис Пастернак не мог принять эйзенштейновского «Грозного», чувствуя в его кадрах сталинский заказ, — разве нам не легче оттого, что мы можем отвлечься от этого ощущения? Песня может быть враждебной и вредной от того, о чем в ней поется; но если песня сложена так, что она запоминается с первого раза, то это хорошая песня (скажет всякий фольклорист). Уже здесь, внутри творчества одного автора, в границах одного произведения, мы отбираем то, что включаем в поле своего эстетического восприятия и что оставляем вне его. «Отбираем» — по-гречески это тот самый глагол, от которого образовано слово «эклектика».

Для нескольких поколений Фет и Некрасов, Пушкин и Некрасов были фигурами взаимоисключающими: кто любил одного, не мог любить другого. Теперь они мирно стоят рядом, под одним переплетом. Как происходит это стирание противоречий, этот переход от взгляда изнутри к взгляду издали? Мы не можем это описать: это дело социологической поэтики, а она у нас так замордована эпохой социалистического реализма, что не скоро оправится. Но этот «хрестоматийный [104] глянец» — благое дело, несмотря на всю иронию Маяковского, сказавшего эти слова. Культура — это наука человеческого взаимопонимания: общепризнанный культурный пантеон, канон классиков, антологии образцов, обрастающие комментариями и комментариями к комментариям (как в Китае, как в Греции), — это почва для такого комментария.

Но этот общепризнанный и общеизученный канон классиков лишь фундамент взаимопонимания, на котором возводится надстройка индивидуальных вкусов. На эклектике общей культуры зиждется плюрализм личных предпочтений. От культурного человека можно требовать, чтобы он знал всю классику, но нельзя — чтобы он всю ее любил. Каждый выбирает то, что ближе его душевному складу. Это и называется «вкус»: в XVIII веке это было едва ли не центральное понятие эстетики, сейчас оно ютится где-то на ее окраине. Вкус индивидуален, потому что он складывается из напластований личного эстетического опыта, от первых младенческих впечатлений, а состав и последовательность таких напластований неповторимы.

Хочется верить, что культура будущего возродит важность понятия «вкус» и выработает средства для его развития применительно к душевному складу каждого человека. Многие, наверное, знали старых библиотекарей, которые после нескольких встреч с читателем уже умели на его расплывчатое «мне бы чего-нибудь поинтереснее...» предложить ему именно такую книгу, которая была бы ему интересна и в то же время продвигала бы его вкус, подталкивала бы интерес немножко дальше. Сколько читателей, столько и путей от книги к книге — от букварных лет до глубокой старости. Это как бы сплетение лестниц, по книжкам, как по ступенькам, ведущих выше и выше: они сбегаются к лестничным площадкам и разбегаются от них вновь, и в этом высотном лабиринте каждый нащупывает для себя ту последовательность

пролетов, которая для него естественнее и легче. Хорошо, кому поможет в этих поисках старая библиотечарша или старая учительница, имеющая к этому талант от бога. Но талант редок, поддержать или заменить его должна наука, называемая «психология чтения», а она у нас с рубакинских времен давно заглохла.

Говоря о высотном лабиринте выработки культурных вкусов, подчеркнем еще одно: путь по нему бесконечен, нет такой ступеньки, на которой можно было бы остановиться с гордым чувством, что она последняя и выше ничего нет. Это важно, потому что советская школа семьдесят лет исходила из противоположного: подносила учащимся только бесспорные истины. Они менялись, но всегда оставались истинами в последней инстанции — будь то в физике или истории, в математике или литературе. Школа изо всех сил вбивала в молодых людей представление, что культура — это не процесс, а готовый результат, сумма каких-то достижений, венец которых — марксизм. А когда человек с таким убеждением останавливается на любой ступеньке и гордо смотрит сверху вниз, то это уже становится общественным бедствием: ему ничего не докажешь, он сам всякому прикажет. Подчеркиваю, на любой ступеньке: застынет ли человек в своем развитии на Агате Кристи, или на Тургеневе, или на Джойсе, это все равно. Такая школа была порождением своего общества. Старая гимназия готовила питомцев к университету, а затем к служебной карьере, новая готовила (и готовит) их неизвестно, для чего. Наше хозяйство никогда не знало, сколько каких ученых сил ему нужно сию минуту, а подавно через десять лет. Какая может быть полнота раскрытия индивидуальных вкусов и склонностей выпускника, который будет брошен общественной необходимостью неведомо куда? В бенкендорфовские времена Нестор Кукольник со скромной гордостью говорил: «Прикажут — буду акушером». Было время, когда с таким акушер[105]ским энтузиазмом можно было чего-то достичь даже в культуре; но оно давно прошло, а школа (и не только школа) этого не заметила.

Почему именно сейчас так остро стоит вопрос об освоении прошлого, о приобщении к культуре? потому что наше общество выходит, по-видимому, на полосу большого культурного перелома. Распространение образования (т. е. знакомства с прошлым, своим и чужим), развитие культуры — процесс неравномерный. В нем чередуются периоды, которые можно условно назвать «распространение вширь» и «распространение вглубь». «Распространение вширь» — это значит культура захватывает новый слой общества, распространяется в нем быстро, но поверхностно, в упрощенных формах, в элементарных проявлениях — как общее знакомство, а не внутреннее усвоение, как заученная норма, а не внутреннее преобразование. «Распространение вглубь» — это значит, круг носителей культуры остается тот же, заметно не расширяясь, но знакомство с культурой становится более глубоким, усвоение ее более творческим, формы ее проявления более сложными.

XVIII век был веком движения культуры вширь — среди невежественного дворянства. Начало XIX века было временем движения этой дворянской культуры вглубь — от поверхностного ознакомления с европейской цивилизацией, к творческому ее преобразованию у Жуковского, Пушкина и Лермонтова. Середина и вторая половина XIX века — опять движение культуры вширь, среди невежественной буржуазии; и опять формы культуры упрощаются, популяризируются, приноравливаются к уровню потребителя. Начало XX века — новый общественный слой уже насыщен элементарной культурой, начинается насыщение более глубинное — русский модернизм, время Станиславского и Блока. Наконец, революция — и культура опять движется вширь, среди невежественного пролетариата и крестьянства. Сейчас мы на пороге новой полосы распространения культуры вглубь: на периферии еще не закончилось поверхностное освоение культуры, а в центре уже начались новые и не всем понятные попытки переработки усвоенного: они называются «авангард».

Взаимонепонимание такого центра и такой периферии (не в географическом, конечно, а в социальном смысле) может быть очень острым, и в современных спорах это чувствуется. В таком взаимонепонимании массовая культура опирается на (еще плохо переваренное) «наше наследие» прошлого, а авангард как ему и полагается, демонстративно от него отталкивается (на самом деле, конечно, тоже опирается на прошлое, только на иные его традиции). Поэтому нам и пришлось начинать разговор с вопроса «наследие прошлого и массовая культура», а конец такого разговора, понятным образом, теряется в гаданиях о тех путях, по которым пойдет развитие культуры ближайшего будущего.

Школа должна воспитывать вкус: здесь происходит борьба за школьника между высокой культурой и массовой культурой. Вы предостерегаете против культа прошлого и заступаетесь за массовую культуру. Почему?

Вероятно, я по складу характера не склонен к конфронтации. Что такое борьба между высокой и массовой культурой, я понимаю, но предпочитаю, чтобы она велась не силою. Когда прошлое борется с будущим, то всегда побеждает будущее, но [106] при этом не отторгает прошлое (даже если очень того хочет), а вбирает его в себя. Поэтому плодотворнее было бы подумать, как ценимому нами прошлому выгоднее проникнуть в будущее и прорасти в нем. А для этого один из путей — массовая культура, заведомо живая и распространенная. Если в борьбе за молодежь она — соперник школы, то соперника нужно знать. Кто лучше поймет своего соперника, тот и выигрывает спор.

«Массовая культура лучше, чем массовое бескультурье», говорили вы. А что, если массовая культура — это лишь амбиции бескультурья?

Бескультурья не бывает, бывает только чужая культура (или субкультура). Что такое культура? Это пища, одежда, жилище, хозяйство, семья, воспитание, образ жизни, нормы поведения, общественные порядки, убеждения, знания, вкусы. Зачем существует культура? Чтобы человек на земле выжил как вид — то есть сам уцелел и другим помог уцелеть. Речь идет не о бескультурье, а о чужой культуре, которая нам непривычна и потому не нравится. Грекам не нравилась варварская культура, христианам мусульманская, нашим дедам негритянская; теперь мы научились ценить и ту, и другую, и третью. Пушкин свысока смотрел на лубочные картинки; теперь мы называем их «народная культура», и для нашего понимания прошлого она дает не меньше, чем та, к которой принадлежал Пушкин. Наши внуки будут ценить нынешние эстрадные песенки наравне со стихами Бродского, как мы ценим наравне Пушкина и протопопа Аввакума — а ведь это тоже взаимоисключающие культурные явления.

Высокое искусство, проходя через массовую культуру, упрощается — оттого, что к искусству относятся как к развлечению: хорошо ли это?

Не хорошо и не плохо. Воспитательного значения искусство от этого не теряет. Можно взять дамский роман или эстрадную песню, и окажется, что в них те же моральные основы, что и в высокой классике: нужно делать хорошо и не делать плохо. Даже если певец кричит, что хотел бы взорвать и растоптать весь мир, — право, и у Лермонтова такое бывало. А результат один и тот же: агрессивные чувства, пройдя сквозь стиль и ритм, гармонизируются и становятся общественно безвредными. Мы с благоговением говорим, что высокое искусство приносит людям катарсис, очищение. Но ведь для Аристотеля искусство, которое приносит катарсис, даже не было самым высоким. Насколько можно понять (не из его «Поэтики», а из его «Политики»), самым высоким искусством он считал поучающее — вероятно, гимны богам; ступенькой ниже ставил очищающее — трагедию и эпос; а еще ступенькой ниже ставил развлекающее, дающее отдых — комедию. И все три нужны для правильной организации чувств человека и гражданина.

Все мы читали и «Гулливера», и «Робинзона», и греческие мифы в детских пересказах раньше, чем прочесть в подлинном виде. Высокая книжная культура всегда опускается в массы, эпический герой становится персонажем лубочных картинок, и это ничуть его не позорит. Когда-то у меня был разговор с С. С. Аверинцевым: я говорил о необходимости и пользе вот этой культурной программы-минимум, упрощенной до массовых представлений, а ему это не

нравилось. «Послушайте, — сказал он, — был такой фильм с Брижит Бардо, «Бабетта идет на войну»: там героиню легкого поведения готовили быть великосветской шпионкой и учили ее: «Запомните: Корнель — это сила, Расин, это высота, Франс — это тонкость...» Вам не кажется, что вы зовете именно к такому уровню?» — «Господи! — сказал я. — Да [107] если бы у нас все усвоили, что Корнель — это сила, а Франс — это тонкость, разве это не было бы уже полпути к идеалу!» Он улыбнулся и не стал спорить.

В самом деле, он ведь сам не раз употреблял сравнение, которое я люблю: с чужой культурой мы знакомимся, как с чужим человеком. При первой встрече ищем, что у нас есть общего, чтобы знакомство стало возможным; а потом ищем, что у нас есть различного, чтобы знакомство стало интересным. Детские, народные и масскультурные адаптации именно и должны помогать этой первой встрече.

Помочь первой встрече с культурой, стало быть, нетрудно; а как помочь второй, как добиться продолжения знакомства?

Когда мои дети были в том возрасте, когда увлекаются детективами, я говорил: «Смотри, какие они все одинаковые: пять мотивов, двадцать пять комбинаций, да и те не все используются, — ты и сам сумеешь так сочинить». То есть переключал интерес с потребительского на производительский. Иногда помогало: появлялся интерес к чему-нибудь новому. Мой знакомый преподаватель рассказывал, что приохочивал школьников к Достоевскому, объявляя: «Преступление и наказание» — образцовый детективный сюжет, но посмотрите, насколько он становится еще интереснее от тех идей и переживаний, которые на него навешены!» — и, говорит, это действовало.

К счастью, кроме потребности в привычном у человека есть и потребность в непривычном: она называется любопытство, а вежливее — интерес. Ребенку скучно читать про то, что он и так каждый день видит вокруг, и он ищет мир, где все гремит, сверкает и стреляет. А когда он привыкнет к этому искусственному миру, то ему оттуда может показаться экзотикой тот реальный мир, в котором мы живем. Если педагог сумеет этим воспользоваться, то дорога к высокой классике будет открыта. Гончаров и Тургенев будут интересны не как отражение какой-то действительности, которой давно уже нет, а как очередная экзотика, в которой, однако, действуют не правила стрельбы, а правила психологии. Школьники смеются над Татьяной, которая не уходит от нелюбимого мужа? Нечего смеяться, просто в той пушкинской экзотике были такие правила игры: странные, но связные. В самом деле, ведь реализм XIX века на самом деле привлек когда-то читателей не «правдой жизни», а экзотикой психологической и экзотикой социальной: диалектикой душевных движений и картинками быта тех слоев общества, с которыми читатели романов в жизни очень мало сталкивались.

И все-таки, есть ли такие понятия, как дурной вкус и хороший вкус?

О дурном вкусе обычно говорят пошлость, вульгарность, тривиальность. Я не против, только давайте помнить, что все это понятия не абсолютные, а относительные. То, что для начитанного человека — пошлость, для неначитанного может быть откровением. Маленькому ребенку нравятся картинки яркие, как цветные фантики (или нынешние рекламы). Он подрастает, яркость прискучивает, и он начинает искать в картинках чего-то другого. Для него яркость стала пошлостью, а для его соседа — еще нет. Когда меня спрашивают «Вам нравятся вот эти стихи?» — мне трудно ответить. Мне хочется сказать: «В пять лет мне они бы не понравились (были бы непонятны), а в пятнадцать бы понравились (пришли бы в самый раз), а в тридцать нравились бы меньше (прискучили бы). Интересно, будут ли они мне нравиться в восемьдесят лет вдруг я увижу в них что-нибудь новое? А нравятся ли они мне вот сейчас, на

перегоне между прошлым и будущим, это, право, несуще[109]ственно». Если бы я был критик, я, наверное, в каждом возрасте абсолютизировал бы свой тогдашний вкус, а обо всем, что мне не нравится, говорил бы: пошлость. Или постарался бы застыть на каком-то вкусе и больше никогда не меняться. Мне не хочется ни того, ни другого — поэтому, наверное, я и не гоюсь в критики.

Стало быть, вкус, по-вашему, — это, так сказать, предпосылка творческого отношения к миру, а знания — средства выработки вкуса Но почему за вкус приходится бороться, и с таким трудом?

В этой борьбе есть обстоятельство, о котором часто забывают. Массовому вкусу школьника учат сверстники, учат равные: если он читал меньше модных триллеров, чем они, — он знает, что стоит ему приналечь, и он сравнивается с ними, а то и превзойдет их по части приобщения к их культурным ценностям. Высокому же вкусу школьника учат взрослые, и держатся они так важно, что подростку неминуемо приходит в голову: «Сколько я ни старайся разбираться в их книгах и симфониях, все равно не смогу так, как они, — так лучше уж не буду и пробовать». Когда я был школьником, то думал: «Моя мать знает и умеет много такого, чего я никогда не осилю; но вот языков она не знает, буду же читать по-английски, чтоб хоть в чем-то ее превзойти». Сыну я говорил: «Вот и исландские саги, говорят, это очень интересная законченная культура, но у меня на них в жизни так и не хватило времени; попробуй ты». И он вырос не профессионалом, но очень хорошим знатоком самых разных традиционных словесностей — к своему и к моему удовольствию. А когда мне приходилось навязывать трудные книги, я это делал не как хозяин культуры, а как такой же ее подданный. Я говорил: «Тебе не понравилась эта книга? Это не важно; важно, чтобы ты ей понравился. Нравлюсь ли ей я — не знаю; понравился ли ей ты — посмотрим».

Молодым (и инфантильным) не нравится весь мир взрослых, и его официальная культура в частности. Понять их можно: наш мир и вправду скверно устроен. А отвечать им приходится так «Ты не век будешь молодым — в удобной роли иждивенца, брюзжащего на тот мир, который тебя содержит. Ты вырастешь, и тебе придется самому налаживать и перелаживать этот взрослый мир. Для этого нужно иметь общий язык не только со сверстниками из своего квартала, а и со многими другими, и старшими и младшими. Язык понятий и язык вкусов: пусть не родной тебе язык, но общий. Скажи «он — как Обломов», и все тебя поймут, очень сложная совокупность черт характера, мыслей и чувств выражена одним словом. Вот поэтому и полезно знать, кто такой Обломов и кто такой Аполлон Бельведерский: это как бы слова того языка нашей общей культуры, на котором ты будешь говорить людям все, что сочтешь нужным. Не самоцель, а средство взаимопонимания». Чем убедительнее это скажут родители и учителя, тем легче всем нам будет завтра.

КРИТИКА КАК САМОЦЕЛЬ

(для дискуссии о литературных репутациях в журнале «НЛО»)

Говорят, что царю Птолемею показалось трудным многотомное сочинение Евклида, и он спросил, нет ли более простого учебника. Евклид ответил: «В геометрии нет царских путей». Но в филологии царский путь есть, и называется он: критика. Критика не в расширительном смысле «всякое литературоведение», а в узком: та [109] отрасль, которая занимается не выяснением, «что», «как» и «откуда», а оценкой «хорошо» или «плохо». То есть устанавливает литературные репутации. Это не наука о литературе, а литература о литературе. Б. И. Ярхо писал: «Можно и цветы расклассифицировать на красивые и некрасивые, но что это даст для ботаники?» Для ботаники, конечно, ничего, а для стихов и прозы о цветах — многое. Это форма самоутверждения и самовыражения: статьи Белинского о Пушкине и Баратынском очень мало говорят нам о Пушкине и Баратынском, но очень много — о Белинском и его последователях. Так и здесь, вероятно, разговор о литературных репутациях должен быть средством не столько к познанию, сколько к самопознанию.

Однажды мне случилось сказать: «Не потому Лермонтов нам нравится, что он велик, а наоборот, мы его называем великим потому, что он нам нравится». Мне казалось, что это банальность, но В. В. Кожина это почему-то очень возмутило. Мне и до сих пор кажется, что наше «нравится — не нравится» — недостаточное основание, чтобы объявить писателя великим или невеликим. Я бы предпочел считать, что тот писатель хорош, который мне не нравится, который выходит за рамки моего вкуса: ведь я не имею права считать мой вкус хорошим только потому, что он мой. Еще лучше было бы вместо своей эгоцентрической точки зрения реконструировать чужую, заведомо достойную уважения: а что сказал бы о таком-то современном поэте Мандельштам? Пушкин? Овидий? Такие гипотетические суждения, наверное, были бы интереснее; но обычно об этом не задумываются, вероятно, предчувствуя: ничего хорошего они бы не сказали.

Вопрос «хорошо» или «плохо» всегда предполагает сравнение: «лучше» или «хуже» кого-то или чего-то другого. Когда такие сравнения делаются в пределах одной культуры, они бывают изящны: кто лучше, Эсхил или Еврипид, Корнель или Расин, Евтушенко или Вознесенский? Думаю, однако, что гораздо интереснее были бы сравнения между разными культурами, хотя их обычно избегают из-за трудности: кто талантливей, Дельвиг, Шершеневич или Юрий Кузнецов? А интереснее такие сравнения вот почему. Нам ведь только кажется, будто мы читаем наших современников на фоне классиков, — на самом деле мы читаем классиков на фоне современников, и каждый из нас в своей жизни раньше знакомится с Михалковым, чем с Пушкиным, и с Пушкиным, чем с Гомером. Отдавать себе отчет в том, где здесь прямая перспектива и где обратная, было бы очень полезно. И это относится ко всем векам: когда римляне осваивали греческую культуру, они заставляли себя читать Каллимаха, а уважать Гомера. Это очень мешает строить систему вкуса: в лучшем случае получается сознательное лицемерие, а в худшем бессознательное. Сейчас сопоставительное чтение одного текста на фоне другого полюбили постструктуралисты и деструктивисты. Но они не ставят целью выяснение генезиса собственного вкуса: они вместо этого создают художественные произведения и выдают их за научные. Где-то у Борхеса предлагается вообразить (кажется), что «Дао дэ-цзин» и «1001 ночь» написаны одним человеком, и реконструировать душевный облик этого человека. А у Ст. Лема предлагается литературная игра «Сделай сам»: можно поженить Гамлета с Наташей Ростовской и посмотреть, что из этого выйдет. Постструктуралисты занимаются почти тем же

самым — только они реконструируют облик не одновременного писателя, а одновременного читателя таких про изведений, т. е. наш собственный (по большей части — малопривлекательный). Ничего нового здесь нет. Классики потому и считаются классиками, что каждое поколение смотрится в них, как в зеркало; а кто больше озабочен своей наружностью, смотрится сразу в два зеркала, это только естественно. Хуже то, что они уверя[110]ют нас, будто это их отражение и есть самое главное в зеркале классической литературы.

Постструктурализм и деструктивизм — нарциссическая филология. Да, они справедливо напоминают, что филология нам дает не описание произведения, а описание взаимодействия произведения с исследователем. (Это взаимодействие любят называть «диалог»; об этой сомнительной метафоре — чуть дальше.) И они справедливо ссылаются на физику, которая признает, что прибор дает нам показания не об объекте, а о своем соприкосновении с объектом. Но что делает физик? Он старается выяснить специфику возмущающего влияния прибора (в какую дурную бесконечность уводит это выяснение — вопрос отдельный), чтобы потом вычестить ее из операций и по возможности сосредоточиться на объекте. А что делает филолог донаучной или посленаучной эпохи? Он сосредоточивается именно на взаимодействии между собой и произведением — на том взаимоотношении, которое честно формулируется словами «нравится — не нравится», а прикровенно — словами «хорошо — плохо». То есть на игре собственных эстетических переживаний. Право, если бы физику термометр начал изъяснять переживание им собственной ртути, то физик такой термометр выбросил бы. Когда мы говорим «хорошо — плохо», этим мы проясняем себе (и другим) структуру нашего вкуса. Это очень важный предмет, и самопознание очень благородное занятие. Но не нужно выдавать его за познание предмета, с которым мы имеем дело.

Критик справедливо напоминает ученому, что не все можно взять разумом, а иное только интуицией. Но он забывает напомнить, что и наоборот, не все можно взять интуицией: она действует только в пределах собственной культуры. Попро буем перенести методы французских постструктуралистов с Бодлера и Расина хотя бы на Горация (не говорю: на Ли Бо), и сразу явится или бессилие, или фантасмагория. Они исходят из предпосылки: раз я читаю это стихотворение, значит, оно написано для меня. А на самом деле для меня ничего не написано, кроме стишков из сегодняшней газеты. Чтобы понять Горация, нужно выучить его поэтический язык. А поэтический язык, как и английский или китайский, выучивается не по интуиции, а по учебникам (к сожалению, для него не написанным).

Если стихи классиков писаны не для нас, то что означает обычное наше ощущение: «я понимаю это стихотворение»? То же самое, как когда мы говорим: «я знаю этого человека». Этот человек заведомо создан не для меня, и я заведомо не притязаю читать у него в душе, я только представляю себе, каких неожиданностей от него можно ждать, а каких можно не ждать: набросится ли он в следующий миг на меня с кулаками и пойдет ли он на следующий день на меня с доносом. Вот так и филологическое понимание есть лишь самозащита от нападения на нас непонятого нам мира в лице такого-то стихотворения. Только в этом смысле я согласен с тем, что искусство есть насилие, и понимаю постмодернистских критиков, которые с этим насилием борются. Но мне хотелось бы бороться не встречным насилием.

Для меня в этом мире не создано и не приспособлено ничего: мне кажется, что каждый наш шаг по земле убеждает нас в этом. Кто считает иначе, тот, видимо, или слишком уютно живет (замечает те книги, какие хочет, и не замечает тех, каких не хочет), или, наоборот, так уж замучен неудобствами этого мира, что выстраивает в уме воображаемый и считает его единственным или хотя бы настоящим. Так что вместо «нарциссическая филология» можно сказать «солипсическая филология». А я привык думать, что филология — это служба общения.

[111]

Общение это очень трудное. Неоправданно оптимистической кажется мне модная метафора, будто между читателем и произведением (и вообще между всем на свете) происходит диалог. Даже когда разговаривают живые люди, мы сплошь и рядом слышим не диалог, а два нашинкованных монолога. Каждый из собеседников по ходу диалога конструирует удобный ему образ собеседника. С таким же успехом он мог бы разговаривать с камнем и воображать ответы камня на свои вопросы. С камнями сейчас мало кто разговаривает — по крайней мере, публично, — но с Бодлером или Расином всякий неленивый разговаривает именно как с камнем и получает от него именно те ответы, которые ему хочется услышать. Что такое диалог? Допрос. Как ведет себя собеседник? Признается во всем, чего домогается допрашивающий. А тот принимает это всерьез и думает, будто кого-то (что-то) познал.

Когда мы читаем старые «Разговоры в царстве мертвых» — Цезарь со Святославом, Гораций с Кантемиром, — мы улыбаемся. Но когда мы сами себе придумываем разговор с Пушкиным или Горацием, то относимся к этому (увы) серьезно. Мы не хотим признаться себе, что душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки. Вопросы, которые для нас главные, для него не существовали, и наоборот. Мы не только не можем забыть всего, что Пушкин не читал, а мы читали, — мы еще и не хотим этого: потому что чувствуем, что из этих-то книг и слагается то драгоценное, что нам кажется собственной на шей личностью. Оттого мы и предпочитаем смотреть на дальние тексты сквозь ближние тексты, будь то Хайдеггер или Лимонов.

Максимум достижимого — это учиться языку собеседника; а он такой же трудный, как горациевский или китайский. Конечно, это меня просвещает и обогащает — но ровно столько же, сколько обогащает изучение китайского языка. (Можно ли говорить о диалоге с учебником китайского языка?) Как разговариваем мы с живыми людьми? В любом так называемом диалоге поток мыслей моего собеседника начался до меня, я обязан поймать их на лету, угадать самоподразумевающееся для него, поддержать, не понимая, и обогатиться ненужным, а его отпустить довольным. Что ж, согласовывать наши языки хотя бы на материале литературных репутаций — это совсем не так плохо. Это все равно что составить многостолбцовый словарь: что значит «хорошо», «плохо» и все оттенки между этими краями для такого-то, и такого-то, и такого-то критика. Все равно наука всегда начинается с интуиции: с выделения того, что нам интуитивно кажется заслуживающим изучения. В нашем случае — хороших и плохих литературных произведений. А потом уже происходит проверка разумом: почему именно такие-то тексты вызвали именно такие-то интуитивные ощущения. Но этим обычно занимается уже не критика. [112]

*Дайте волю человеку,
Я пойду в библиотеку:
Я в науку ухожу,
Мысли удочкой ужу.*

Т. Бек

Модное изобилие цитат — чрезвычайно раздражительное явление, ибо цитаты — вексель, по которым цитатчик не всегда может платить.

В. Набоков, в рецензии

...Пиши мне: мне всегда очень нужен кто-нибудь, кто бы меня понимал, хотя бы неправильно.

И. Оказов. «Неотправленное письмо».

От графа Сен-Жермена к Агасферу

А «Чарушин писал просто, как будто врачу говорил «а»». (Дневник Е. Шварца).

Аббревиатура Дочь организует группу Психологической Реабилитации Детей Трудного Поведения, сокращенно «предтруп».

Ад, Адам Христос сходит в ад, но Адам не хочет выходить, он хочет отстрадать свое сам. Христос говорит: не впадай в гордыню, и тот смиряется (Апокриф).

Аскетизм «Фиваидские кинонии были школой смирения личности, как огромная коммунальная квартира», — сказала Т. М.

Альтернативная поэзия — это И. Долгоруков, возникший параллельно с Карамзиным; его стиль — прообраз Шумахера и, если угодно, Саши Черного. В лирике его бытовой реализм не удержался, зато оплодотворил поэму, вплоть до «Онегина».

Анаколуф «Приказываю дать Каткову первое предостережение за эту статью и вообще за все последнее направление, чтобы уговорить его безумие и что всему есть мера». Резолюция Александра III (Феоктистов, 253). Надпись в гостинице: «Не разрешается пребывание в комнате без разрешения коменданта в свое отсутствие посторонних лиц, а также давать посторон[113]ним лицам ключи от комнаты». Маяковский: «Москва не как русскому мне дорога, а как боевое знамя».

Анапест Стихотворение Анненского «День был ранний и молочнопарный...» написано 5-ст. хореем, но должно было называться «Анапесты» — РГАЛИ, 6. 1. 21, 105.

Апо «Мне писала как-то киевская неизвестная поэтесса: все бы ничего, да вот не могу довести себя до апогея...» (Гиппиус — Ходасевичу, 1.10.1926).

Анти «Это не религиозные стихи, а антиантирелигиозные: это разница», — сказал (кажется) О. Р. — В. Парнах печатал антитеррорные стихи Агриппы д'Обинье как антифашистские (Агриппу у нас знали по Г. Манну), а «Еврейских поэтов — жертв инквизиции» — как антирелигиозные. Одновременно в 1934 г. «Песни I французской революции» вышли едва

ли не ради десяти страничек «Ямбов» А Шенья в переводе Зенкевича (в приложении): эзопов язык переводчиков.

Антипугало Вот уже второй человек и по другому поводу говорит мне: «Если бы не вы, я бы бросил эту (такую-то) затею».

Агностицизм Г. Шенгели в воспоминаниях о Дорошевиче пишет: Хейфец, у которого тот печатался в Одессе, сказал: «Знаете, какая разница между Дорошевичем и проституткой? он получает за день, а она за ночь». Дорошевич, узнав, спросил: «А знаете, какая разница между Хейфецем и проституткой?» — Не знаем. — «И я не знаю». — Больше Хейфец не острил.

Артист Слова Блока — вслед за Ницше — о человеке-артисте будущего нельзя правильно понять, не помня его анкету в 18 лет ваш идеал? — Быть актером императорских театров. — На ночь он мазал губы помадой и лицо борным вазелином (ЛДБ).

Аристократизм тяга к нему — как Бальзак похож этим на Игоря Северянина! (Разговор с И. П.)

Артикль «Ce n'est pas un sot, e'est le sot», — говорил Талейран. Точный русский перевод «тот еще дурак». Заглавие Мопассана «Une vie» переводили «Жизнь» или «Одна жизнь»; точнее всего было бы: «Жизнь как жизнь».

Аннотация для библиотечной карточки к книге «Избранное», 1978 (цит. с. 132, 153, 198). «Валентин Сорокин — поэт русской души. Он пишет о горчавой полыни, о том, как хрупят пырей хамовитые козы, когда дует сивер и у работника зальделый бастрик прислонен к дровнику. Он любит: «И заёкают залетки, зазудятся кулаки, закалякают подметки, заискрятся каблукки!» Он просит за себя: «Не сте[114]гайте меня ярлыком шовиниста, — кто мешает нам жить, тот и есть шовинист!..»» Вообще говоря, аннотаторам полагалось такие книги отбраковывать и писать скучные мотивировки их непригодности для районных, городских и областных библиотек. Но я предпочитал писать честную аннотацию, чтобы начальство посмеялось и отбраковало книгу само.

Баранки Шестьдесят лет Вяч. Иванову: «Поди, пришел сосед Муратов, поставили самовар, попили чаю с римскими баранками, попели орфические гимны и разошлись» (Ремизов, «Петерб. буерак», 110).

Благодарность «Обе книги заслуживают похвалы, обе заслуживают благодарности, и обе — больше благодарности, чем похвалы». Отзыв Хаусмена о двух изданиях Луцилия.

Благодарность Как пруссаки ненавидят нас за свое спасение в 1813, так мы — весь Запад (Вяз. ЛП, 299).

Близнец С. И. Гиндин сказал: половина «Близнеца в тучах» о дружбе и близнечестве — при переработке отпала потому, что Пастернак стал терять друзей. Обходиться без людей, потом обходиться без книг — как трагично это засыхание человека, который продолжал верить, что поэзия — это губка. Письма его многословны, как у молодого Бакунина с друзьями: чем больше он чувствовал себя равнодушным, тем больше старался быть деликатным. См. ВАТА.

Бострог На кафтан или зипун надевали ферязь или терлик, а поверх того охабень или бострог (А. Терещенко, Быт...)

Бихевиоризм Бихевиористская проза: поступки без психологии. Ее классики — Хармс, Хемингуэй и Николай Успенский.

Бейлис В Киеве была конференция к 80-летию дела Бейлиса, Ю. Ш. написал мне: «Бейлис умер, но дело его живет».

Булгарин У Фейхтвангера в каждом романе есть отрицательный персонаж с квакающим

голосом, у Тынянова — брызгающий слюной. Я спросил Л. Я. Гинзбург, нет ли сведений, с кого он списывал Булгарина. Она ответила: «Были разговоры о том, что Т. изобразил Оксмана, с которым дружил. Очевидно, подразумевалось соотношение: Грибоедов — Булгарин... Не достоверность, а сплетня 1920-х гг.; впрочем, на Юр. Ник это похоже» (письмо 25. 06.1986).

Булгаков Из письма К.: «Я нашла в Булгакове точное описание булгаковедения. В «Роковых яйцах» в «красной полосе» шла борьба за существование. «Побеждали лучшие и сильные. И эти луч[115]шие были ужасны». Поэтому постараюсь больше о Булгакове не писать».

Большевики не исправили Россию за 70 лет, а христианство — за 1000 лет.

Бы Бродский писал: позднего Мандельштама мог бы перевести поздний Йейтс. Вероятно, и наоборот: как «Улисса» мог бы перевести только А. Белый, никогда никого не переводивший. История упущенных невозможностей. (А от Б. В. Казанского я слышал: «Ах, если бы Ахматова перевела Сапфо, а Пастернак Алкея!»)

Бы Рассказ С. Кржижановского об артиллеристе, среди гражданской войны остановившем татар при Калке. Но там нет продолжения: и вот России подарили 700 свободных лет, и как она в них путалась, чтобы в конце концов уткнуться в ту же революцию и гражданскую войну. Кажется, на такую тему была пьеса Фриша под названием «Биография».

Быть Когда Иван Грозный отменял опричнину, он прежде всего запретил упоминать, что она была: за упоминание — батоги (Штаден).

Брегет «Желудок — верный наш брегет» — Uterus erat solarium, говорит парасит у Плавта (Гелл. III, 3, 5).

«Что вы за человек?» — спросил я Дантеса. — «Что за вопрос!» — сказал он и начал врать. (В. Соллогуб, «Воспоминания»)

Все Николай I сказал генералу Назимову, попечителю Московского округа: «Я прочитал все книги по философии и убедился, что все это только заблуждение ума» (Феокт., 88).

Все М. К. Морозова в своем философском салоне, может быть, понимала не все, но понимала всех (Степун, I, 260).

Все «Здесь все стихи мне! почти все!» — говорила Анна Ахматова голосом Ноздрева у Л. Чук, 4X1.1962.

Всякий «Считал ничтожеством всякого, кто соглашался, и наглым ничтожеством — всякого, кто не соглашался» (Дневник А. И. Ромма, 1939, РГАЛИ).

Варяги «А вы знаете, как звали деда Гамлета? Рюрик», сказала Н. Брагинская, переводя Саксона Грамматика для «Гамлета» в «Литературных памятниках». См. РЮРИК.

Время В деревне, где летом живет О. С., восстанавливают церкви. Она спрашивала стариков: а когда ломали, то как по приказу, по [116] мобилизации? «Нет, сами». А почему? «Такое время было». Это напоминает апокрифический разговор: «Дедушка, а Христос был еврей?» — «Еврей, детка, еврей. Тогда все были евреями: такое время было». (Ср. в «Сумасшедшем корабле» про А. Волынского: «он еврей, но, как апостолы, русский»).

И еще напоминает мою любимую сомалийскую сказку из статьи Жолковского. Был новый год, племя послало жреца гадать в лес, навстречу выползла змея и сказала: «Будет засуха, запасайте еду». Запасли, выжили; жрец пошел с подарками благо дарить змею, но у самой норы раздумал и повернул прочь. На второй год змея сказала: «Будет война, собирайтесь с силами». Собрались, победили; жрец пошел благодарить змею, но когда она выползла из норы, то передумал и хотел ее растоптать, но змея скрылась. На третий год змея сказала: «Будет

большой урожай, готовьтесь к сбору». Приготовились, собрали, жрец пошел с тройными подарка ми благодарить и просить прощения. Но змея сказала: «Прошное — не вина, а щедрость — не заслуга. Было бесхлебье — и ты пожалел мне корма. Была война — и ты хотел меня убить. Теперь всего много — и ты несешь мне подарки. Каково время, таковы и мы».

Время «Днесь приходит время злое, время злое, остальное. После будет время злее, время злее, остальнее». Духовный стих, который любит С. Е. Никитина.

Время Записки О. Фрейденберг: будто мрамор из самолюбия недоволен, что время вырубают из него статую, а он может только сопротивляться, — и начинает рубить себя сам, да еще кричит.

Вера «Не вера стоит на сомнении, а сомнение на вере», — сказали медику, исключая его из духовной семинарии.

Вера «Нас, символистов, обвиняют в религиозной писаревщине...» — писал А. Белый (Тид, 1912, 1, 20).

Вера Я не был близок с Ю. М. Лотманом, но однажды, когда мне было трудно жить, решил: спрошу его — может быть, он мне скажет какое-нибудь главное слово. Не удалось: поездка была короткая, а встречи многолюдные. Прощаясь, я сказал: хотелось кое о чем спросить, не получилось; может быть, в другой раз... Он посмотрел на меня и сказал: знаете, нужнее всего верить самому себе. Вот когда на фронте ты идешь со взводом из окружения, а навстречу тебе целый полк так и валит в окружение, очень трудно не повернуть и не пойти вместе со всеми. — Я уехал, и потом оказалось, что именно это мне и нужно было услышать. Л. Н. Киселева сказала: «У Ю. М. все фронтовые эпизоды начинаются: «когда мы драпали...»»

Век А. К. Толстой говорил мысли XIX века языком XX века (лучшая его проза — в письмах жене, этой героине Достоевского, [117] которую Тургенев называл гренадером в юбке), а Случевский наоборот.

«Важно не то, что важно, а то, что неважно, да важно, вот что важно» (слышано в детстве). Какая это риторическая фигура?

Вдохновение О посредственности — запись в дневнике А. И. Ромма, РГАЛИ 1495.1.80, 73 об.: Ne pouvant se croire grande, elle s' imagine les autres mesquins pour les predominer... C'est comme cela qu'un imitateur litteraire ne croit pas a l' inspiration».

Воспитание Там же: «С 6 лет меня воспитывали в мысли, что никогда из меня ничего не может выйти. И всех прочих я в грош не ставил (по существу) именно потому, что никто из прочих этого не думал». Ср. Волошин о мемуарах Боборыкина: «у Б. есть наивная убежденность в том, что из всех тех, кто были с ним знакомы, ничего порядочного выйти не может» (1989, 459).

Вечный Дневник Веселовского: «Рим никогда не дает того, чего ожидаешь, потому что дает больше: вечный город — потому ли, что долго живет, потому ли, что долго умирает».

Вот так и Заседание с отчетом общества (такого-то): такой хаос, что по здравому смыслу такая организация ни секунды существовать не может, однако существует и даже чаем поит. Значит, может существовать и дальше, но как — прогнозированию не поддается. А мы здесь почему-то занимаемся именно планированием. Вот так и весь мир — существует лишь в порядке фантастического исключения, а мы стараемся отыскать в нем правила и законы. (Ср. ИМЯ, цитата «Стихи Щипачева».)

Верлибр «А «свободный стих» — это слюна, на которую обращаешь внимание только тогда, когда она — бешеная» (Пастернак, ВП 1982, 475: вариант из «Неск. положений»).

Свободным стихам, переделанным из прозы, закончил П. Бессонов 10-й том Песен, собр. П. В. Киреевским (1874, с доп. титулом «Наш век в русских исторических песнях»). С. 490–491: «Конечно, и в помянутой, доступной нам области появляются своего рода «богатыри», и здесь веет духом или складом «эпическим», оживляющим Историческую Песню. Что, напр., может быть сходнее с народным богатырем, с его известными подвигами на лоне природы внешней на пользу исторической жизни, как не следующее объявление, довольно недавно (в 1869 г.) появлявшееся в газетах (печатаем стихами, близко напоминающими Ивана Осиповича <книжку о Ваньке Каине> в нашем 9-м выпуске):

Управляя имениями отсутствующих владельцев,
Я получаю за труд 10 % с рубля.
Усадьбам даю вид и доходность ферм.
Восстанавливаю запущенные поля [118]
Средствами искусственных удобрений, 5
Весьма дешево стоящих владельцу.
Ведя хозяйство на новых основаниях,
Обработку земель ввожу товариществами —
Благонадежных крестьян.
Привожу в доходность отрезные, 10
Оставшиеся за наделом крестьян.
Действия мои по управлению имений,
Отрезных земель и лесных дач
Сосредоточиваю в Костромской
И смежных с нею губерниях* 15
Особенное внимание обращаю на ЛЕСА**
И бездоходность их обращаю в непрерывный доход.
В лесах истощенных,
Большую часть вырубленных
И не имеющих сплава, 20
Еще большую доходность доставляю
Сухою перегонкою дерева и пеньев.
Во всех имениях,
Поступающих в мое управление,
Я произвожу межевания, 25
И вообще ходатайствую по всем делам.
Некоторые имения продаю
По воле владельцев.
Желающих прошу обращаться ко мне письменно***...
Итп.

* Т. е. имеется даже центр эпоса, в роде Киева, Новгорода, Москвы, и является возможность местного цикла; или определяется. месторождение богатыря, как в древности Муром, Рязань, Суздаль, Ростов.

** Это напечатано крупно: вспомним, что подобным образом сосредоточивал подвиги на лесах, начиная с Муромских, Илья, рубил, выворачивал пенья, губил на сени дубах Соловья-разбойника итп.

**** Ср. древние надписи при перекрестках, адреса к богатырям или соб твенные их приписки итп). Но и здесь нельзя еще определить, старая ли это песня в повторении или это стихи для новой в будущем. В других однородных опытах еще менее определенных признаков для нашего дела».*

В XVIII в. было переложено в 6-ст. ямбы прошение о вспоможении к Фридриху Великому с перечнем доходов и расходов в талерах и грошах, у нас его напечатал Курганов, и ему подражал Добролюбов. Вспоминал ли об этом Бессонов?

Воздух «Россия — страна обширная, но не великая, у нас недостаточно даже воздуха для дыхания» (Адм. Чичагов, РСт 1886, 2, 477).

Взгляд «Смотреть на вещи свежим взглядом — все равно, что питать сознание сырой пищей».

Вата «Вашей мягкостью, как ватой, вы затыкаете наносимые вами раны» — тоже Цветаева Пастернаку. [119]

«Вина личности перед обществом за свое существование — это, может быть, и вина души перед телом за то, что мешает ему жить?» Жить? «Ну, мешает ему умирать, разлагаться».

«Верность — это инстинкт самосохранения», — писала Цветаева же Ланну Верность себе — обычно это псевдоним инертности. Не будем делать из нее культа.

Возраст «Пушкин относился к Катенину со снисхождением младшего к старшему (1812 год как рубеж поколений), а к Баратынскому — нет, только с радостью» (В. См.).

Возраст у Н. уже тот, когда приходится считать раны и искаженные надежды. Потребность в сочувствии, но такое самолюбие, при котором малейшая видимость сочувствия — уже оскорбление. Похоже на знаменитую кинематографическую задачу: очная ставка, крупный план лица, и нужно, чтобы зрители увидели, что этот человек узнал другого, но чтобы поверили, что следователи этого не поняли.

Вольтер «Все методы хороши, кроме воинствующих» (М. Эпштейн, ВЛ, 1988, 12).

Впятеро А. Н. Попов должен был читать нам методику преподавания латинского языка. Он пришел и сказал: «Я должен читать вам методику, но не буду, потому что полагаю, что науки методики нет. А чтобы хорошо учить, нужно знать впятеро больше, чем говоришь, и тогда никакие методики тебе не потребуются». Чтобы хорошо учить — знать впятеро; а чтобы хорошо творить? чувствовать впятеро? Выборку из переводимого поэта можно делать, только переведя впятеро и выбрав из получившегося — потому что переводимое никогда не равно переведенному. В Худлите меня мобилизовали на переводы для антологии современной немецкой поэзии и дали список стихов Э. Майстера. (Почему именно этого исковерканного мироненавистника, я не знаю: одни говорили: «по сходству с вами», другие: «по противоположности с вами»). Я перевел впятеро, принес и уныло сказал: «Вот, отбирайте, пожалуйста». Там долго удивлялись.

Встреча

Ведь не может никогда ягода встретиться

С породившим ее цветком.

(В. Шершеневич, РГАЛИ, 2145 1.1)

В-третьих! — начал свою первую на памяти А. Ф. Кони лекцию Ф. Буслаев. — Заболоцкий считал себя вторым поэтом XX в. после Пастернака: «Блока, во-первых, не любил, во-вторых, не

признавал, в-третьих, считал поэтом XIX в.» [120]

Выпукльгй Катков не читал статей, на которые возражал: их ему пересказывали, он просил отметить такие-то выпуклые пункты и читал только их, чтобы не терять сосредоточенности (Н. Любимов, 123).

Выпуклый «Я — выпуклая фигура, как же меня не предать истории?» — говорил генерал Новоселов. (Ясин., 116).

Вчера Ю. Манин в REtSl 55 (1983): «Может возникнуть концепция передового человека, т. е. человека, позавчера питавшего те иллюзии, которые рухнули только вчера». Ср. Х. Пьонтек «Я хочу такого Завтра, у которого не было бы Вчера».

Впережаб — чтобы получился перехват, пережабинка. Барыня впережаб затягивается» (Даль).

Врио по-русски — подставное лицо. Я — временно исполняющий обязанности человека. Время кончилось, обязанности — нет.

«— Ответь мне, ты есть Вау или Вай? — Туземец ответил очень внятно: Грдлбз чквртсм жрпхкс иооооксиу! — Очень хорошо, отвечал путешественник; только этого мне и не хватало!»

РГАЛИ 2554.2.272, л. 188: С. П. Бобров, заготовки эпитафий

Главное «Трудно написать биографию, даже свою, когда нет самого главного — смерти» (М. Козырев, в 30 лет, расстреляли его в 49).

Геометрия Катет — имя праримлянина, от которого родились Латин и Салий, а от отца похищенной им жены потекла река Анио (пс. Плут., «Паралл.» 40).

Геометрия Каждый параллелограмм жалеет не о том, что он не прямоугольник, а о том, что перекошен не в ту сторону.

Геометрически проволоочный стиль Кржижановского ближе всего к Замятину, только не с бунтом, а с приятием действительности — конечно, обреченным.

Грамматика Ривароль: «NN a passe sa vie entre le supin et le gerondif». Не отсюда ли мандельштамовское «Ты в каком времени хочешь жить... славный латинский герундиум — это глагол на коне», /от суфф. -nd- итд/.

Гибридизация И. Грузинов называл И. Аксенова: помесь Тредиаковского и Малларме.

Годовщина «День каждый, каждую годину Привык я думой провожать, Грядущей смерти годовщину Меж них стараясь угадать». В [121] Пушкинском словаре это значение не комментируется, — а ведь здесь предполагается обратное движение времени, счет от будущего, как в римском календаре или в числительном «девяносто». Хочется считать свои годы уже не вперед от рождения, а назад от смерти, а дата предстоящей смерти расплывчата, и это нервирует. С другого конца то же чувство вспоминал Мандельштам: «О как мы любим лицемерить И забываем без труда, То, что мы в детстве ближе к смерти, Чем в наши зрелые года». (Стихотворение это — с двумя равноправными концовками, оптимистической и пессимистической; но это уже другая тема). Честертон писал: взрослый человек живет после конца света, а подросток — перед; отчаяние — это возрастное состояние.

Годовщина Город Козельск, оказывается, ежегодно празднует свое падение перед татарами.

Гордость «Архиерейская гордость напоминала дамскую»: не гордость, а опасение неприличного плюс привычка быть предметом ухаживания (Гиляров-Плат., 11, 250).

Грех Гладстон сказал: ирландцам досталась двойная доза первородного греха. См. ГРЕХ.

«Ольгу Мочалову губят грехи, а Фейгу Коган — добродетели», — говорил Вяч. Иванов (РГАЛИ, 273, 2, 21).

Где нас нет там по две милостыни дают (Пословицы, изд. Симони, 90).

Героиня «Ваша любимая героиня в романах?» — Осинка в «Трех смертях» Толстого (Ответ Фета в альбомной анкете).

Гласность — это значит, что можно говорить о том, что нужно делать (ЛГ, 1988, 1).

Гласность Муж, явно творяй правду и твердый в правилах своих, допустит всякий глагол о себе. Он ходит во дни и творит себе на пользу клевету своих злодеев. Откупы в мыслях вредны. (Радищев).

Омри Ронен предсказал Якобсону за три недели пражское восстание, тот не поверил «Это вы, венгры, сумасшедшие, а чехи рассудительны». Потом отказывался это вспоминать: по Эренбургу, о своих несбыточных прогнозах говорил «Это была рабочая гипотеза». А неудобозабываемое объявлял диалектическими звеньями в структуре своего развития: строил свою биографию, <как А. Белый>.

Детерминизм А ведь я усомнился в сквозном детерминизме всего сущего только на мысли: не могла же от начала мира быть запрограммирована такая тварь, как я! [122]

Детерминизм Я объяснял сыну: в жизни нет цели, а есть причины. НН ска зал: «Ну, в вашей-то жизни цель есть». А причин нет.

Детерминизм Тынянов говорил: я детерминист, я ощущаю, как меня делает история (зап. Л. Гинзбург). И: «Если бы у меня не было детства, я не понимал бы истории, если бы не было революции — я не понимал бы литературы» (В. Каверин). Ср. «время ломает меня, как монету».

Детерминизм «Все происходит не случайно, а по тем или иным причинам, обычно по иным».

Детектив Лирическая композиция у темных поэтов XX в. требует, что бы читатель реконструировал ситуацию высказывания из рассеянных, перепутанных и нарочито незаметных мелочей.

Детектор лжи Сын в детстве спрашивал: «Это значит человек лжет, а он краснеет?»

Дети Маяковский писал будто бы для пролетарских детей, но начинал (по традиции?): «Вот няня. Няня гуляет с Ваней».

Дети И. П. сказала: «По «Живаго» видно, что Пастернак не любил детей — они были для него только отяготителями женской доли, на которой он только и был сосредоточен («в браке дети теребят»)). Я вспомнил, как В. В. Смирнова была недовольна мимолетностью фразы: «Они поженились, и у них пошли дети».

Дети «Малые детки поспать не дадут, а с большими детками сам не уснешь» (Даль).

Дети М. Гершензон писал: когда дети кончают университетский курс, то и родители их кончают родительский курс. — И какой начинают?

Жене приснилось: малолетнему сыну дали пачку бумаги рисовать, он рисует, это разноцветные орнаменты, но вдруг, всмотревшись, видно: за ними мелкие фигурки, они складываются в картинки мировой истории — неолит, Фермопилы, крестовые походы, вот уже наше время, а рисунки еще не кончились, и тут приходят люди, печатают квартиру, вход по пропускам, посетители только на черных «Волгах» и по красным коврам, а мы живем на асфальтовом дворе в шалаше, и жена тихо бранит сына, что это все из-за него.

«Дистилинированный энтузиазм», возбуждаемый монархом в русском народе, — выражение Н. Данилевского.

Добрый «Настолько занят своими писаниями, что не хватает времени подумать плохо о других писателях; зато все считают его добрым» (С. Маковский об Алданове, НЖ 177, 247). [123]

Добро «Я ничего ему не сделал доброго, за что же он против меня?» — говорил Александр П. (Мещерский, П, 513).

Демократия «О демократии прошу не говорить: раз вопрос поставлен, то это уже демократия» (Заседание отделения АН).

Демократия Нынешние лисы говорят, что мы зелены для винограда (Вяз., ЛП, 63).

Дружба Люди могут дружить, только пока они друг другу ничего не сделали. («Никомахова этика»).

«Джон Джонсон может быть уверен хотя бы в одном: что никто лучше его не сумеет быть Джоном Джонсоном» (Честертон). Так сказать, профессионально быть самим собой. Да я-то сомневаюсь, не по ошибке ли я числюсь Джоном Джонсоном. И утомительно сдаю сам себе экзамены на самого себя.

Девиз Когда-то очень давно С. Ав. сказал мне не без иронии: «Если бы у вас был герб, вы могли бы написать в девизе: «о чем нельзя сказать, следует молчать». Я знал эту сентенцию Витгенштейна, но отдельно она казалась мне тривиальной, а в «Трактате» непонятной. Понял я ее, когда в какой-то популярной английской книжке нашел мимоходное пояснение: «...а не следует думать, что об этом можно, например, насвистать». Тут сразу все стало ясно, потому что свиста такого рода все мы наслушались-перенаслушались. Теперь я знаю даже научное название этого свиста: метаязык. Впрочем, предтечей Витгенштейна был Ривароль, сказав: «Разум складывается из истин, о которых надо говорить, и из истин, о которых надо молчать».

Дон-Жуан Ахматова твердила, что за всем Гумилевым одна непреходящая любовь к ней: чем больше бабник, тем легче к нему присочинить такую легенду. Встретились в таверне Дон Жуан Тенорьо и Дон Жуан де Маранья, один искавший женщин, другой бежавший от женщин, и оба понимают, что скоро их будут смешивать — даже полицейские.

Достойно Молитва Саади: «Дай мне то, что достойно Тебя, а не то, что достойно меня» — от рассказа о даре Александра Македонского.

Достаточно Маршак говорил: «Я достаточно известен, чтобы меня теребили, но недостаточно, чтобы меня берегли».

Дышать «Если б я так думала о людях, я бы не могла дышать» — запись М. Шкапской в дневнике после рассказа Бианки о Маршаке (РГАЛИ, 2182, 1, 155, 1939 год). [124]

Двойчатки мандельштамовские с противоположными выводами из одинаковых зачинов — их образец у Козьмы Пруtkова, «Когда в толпе ты встретишь человека, Который наг (вар.: на коем фрак)». (Ближайший аналог: «Чтоб горло повязать, я не имею шарфа» — «И горло греет шелк щекочущего шарфа»). Или, если угодно, у Пушкина: «Народ безмолвствует» — «народ: Да здравствует царь Димитрий Иванович!». Сам Мандельштам мотивировал их еще в «Виллоне»: «Лирический поэт по самой природе своей двуполое существо, способное к бесчисленным расщеплениям во имя внутреннего диалога».

Друзья навзрост, их не хватало в детстве моему сыну.

Сон сына: играет на лире старый Амфион, от его звуков оживают фигуры фриза на соседней церкви Крестовоздвиженья, их нужно зарегистрировать и прописать Говорят они по-русски, хоть и с примесью церковнославянского (наслаивались). Амфион заикнулся, что,

собственно, это евреи и греки, но в милиции ему сказали: не будьте садистом. Записали их туркменами.

«Дело» Сухово-Кобылина. (Со слов Р.) А. И. Доватур считал, что это было самоубийство чужими руками: француженка наняла убийцу, так как умереть хотела, а убить себя боялась. Такие-де случаи бывали. (Это — сюжет романа Жюль Верна «Бедствия китайца в Китае».)

Диалог как не право, а обязанность. «Все, чем мы жили, чем тлели, для них темно и мертво, как Розеттский камень, и обязанность наша умереть так, чтобы им не потребовалось столетиями дожидаться новых Шамполионов» (Г. Блок, «Одиночество», 118).

Дискурс Рапсоды собирали свой эпический текст из готовых блоков, как В. Синявский складывал незабываемые футбольные репортажи из «обводит одного, другого, третьего», «навешивает на штрафную площадку», «надо бить!», «мяч уходит на свободный...». Я не знал, что все это такое, но слушал радио не отрываясь, и из фраз складывались картины, фантастические, но разнообразные. Когда наступил телевизор и мне показали, как выглядит футбол на поле, я не понимал решительно ничего. По Тынянову, это называется: разница между сукцессивным и симультанным восприятием. Сукцессивность, однолинейность — это и есть дискурс. Когда я приезжаю в новый город, я прежде должен прочесть строчка за строчкой все вывески, афиши и прочие малые уличные жанры и лишь потом начинаю замечать двухмерные фасады и трехмерные здания, на которых эти жанры висят. А в словосочетания «дискурс власти», «филологический дискурс», «эротический дискурс» и пр. я стал подставлять вместо «дискурс» слово «разговорщина» — и смысл оказался вполне удовлетворительный. [125]

Диссидент По анкете «Моск. новостей», 32 % опрошенных не слышало слова «диссидент». Тогда же (1991), по «Комс. правде», многие поступавшие в вузы считали, что Солженицын и Сахаров один и тот же человек. Я рассказывал сказку маленькому мальчику, на середине скуки он с отчаянием спросил: «А что такое царь?»

«Древняя советская литература» называла З. Г. Минц детские книги, о которых писала кандидатскую. И. Чернов писал о ней: «Человек, окруженный системой и преодолевший ее». Не решился сказать: «порожденный и преодолевший». Как Сократ.

Слава моряку

Колумбу Христофору!

Открыл Аме-ри-ку

Для большего простору!

Иртышская частушка у М. Шкапской, «Сама по себе»

Диатриба среди жанров — расшатанная, как дольник среди метров.

Долг «Платеж долгом красен» (черен?). «По чувству рабства, принимая его за чувство долга» (Ф. Степун, Из писем прап., 163).

Дорога На меня много влияли, поэтому я очень не хочу ни на кого влиять, никого не сбивать на свою дорогу, поэтому суечусь, чтоб с каждым во время разговора пройти кусочек его пути, а потом по междорожью, спотыкаясь, возвращаюсь на свой.

Душа «Чем больше я всматриваюсь в доктора, тем больше мне кажется, что его душа — это общественный магазин, принадлежащий всем классам и сословиям. Каждый берет свой любимый товар и уходит удовлетворенный. А интеллигентная докторская совесть стоит за прилавком и следит за тем, чтобы не было отказа покупателям. В один прекрасный день все товары будут разобраны. Докторская совесть, в сознании исполненного долга, радостно

улыбнется, оглянется по сторонам и тут только заметит, что самого-то доктора нет в магазине, да никогда и не было» (Фельетон в «Летописи», 1916, 2, 240).

Дуплет Ахматова сказала вдове Гумилева: «Вам нечего плакать, он не был способен на настоящую любовь, а тем более к вам» (НГ: иссл. итд., 462). Так Хаусмен в предисловии (кажется) к Ювеналу писал: «Что касается такой-то немецкой диссертации о Ювенале, то могу лишь сказать, что она хуже такой-то немецкой диссертации о Манилии, и это единственная вещь, о которой можно это сказать».

Дорогая Ирина Юрьевна,

пишу Вам с трети моего пути, из пастернаковского города Венеции. Встречает меня на вокзале здешний мой приглашатель, говорит: «Рад вас видеть в золотой [126] голубятне у воды...»; «...в размокнутой каменной баранке», отвечаю я. Знаете, почему каменная баранка? Поезд подходит к Венеции по длинной дамбе через лагуну (по дороге в Крым точно такая дамба лежит через Сиваш, Гнилое море). И виднеющийся берег Венеции издали надвигается выпуклым полукругом с низкими смутно-каменными строениями по ободу; а вокруг по лагуне маячат редкие камышовые островки, как крошки вокруг баранки. Вот какой реальный комментарий везу я для нашего издания.

К сожалению, этот комментарий — весь прок от Венеции. Оказалось, что доклад мой здесь отменен, и я должен пробыть два дня праздным туристом, а я этого не умею. Весь день меня водили по городу два слависта. Помните ли Вы, что у Пастернака есть второе стихотворение о Венеции: «Венецианские мосты», перевод из Ондры Лысогогорского, перечитайте, оно хорошее. А потом вспомните, пожалуйста, Марбург; сузьте мысленно его переулочки до шага поперек; на перекрестках вообразите эти самые венецианские мосты, утомляюще-горбатые, а под ними «голубое дряхлое стекло», которое на самом деле зеленое и очень мутное; и считайте, что Вы побывали в Венеции. В довершение домашности через город течет москворецким зигзагом Каналь-Гранде шириной с ту Канаву, что возле Болотного сквера, а по ней ходят речные трамвайчики, только почаще и почище, чему нас. Ходят медленно-медленно, чтобы люди смотрели по сторонам на замшелые мраморные бараки. Домам в городе тесно, они сплюсцивают друг друга до остроугольности, а каждый дворик называется «площадь».

Чего нет в Марбурге и Москве, так это собора св. Марка, но это очень хорошо. Он страшен патологическим великолепием. Он огромен, под пятью куполами, и каждой белой завитушке фасада сидит по святому. В куполах вытянутые золотые византийские святые, а под ними барочные фрески с изломанными телами и выющимися плащами. Посредине — православный иконостас, а на нем католичнейшие черные скульптуры двенадцати перекрученных апостолов. Центр внимания — византийская доска в 80 икон, еле видных из-под сверкающего оклада с таким золотом и камнями, что за поглядение на них берут добавочную плату. Огромный храм так загроможден алтарниками и амвончиками, что в нем не повернуться, и тесная толпа туристов бурлит по нему, как перемешиваемая каша. Туристы это стада школьников с цветными рюкзаками и сытые иностранцы. Я вспомнил римского св. Петра — единственное, что я там видел четыре года назад. В нем только голые мраморные стены, уходящие в неоглядную высь, и такой светлый простор, что даже туристические толпы теряются, как на площади

Предыдущий город, Болонья, почти гордится тем, что он не туристический. В нем улицы — как переулки, вдоль всех по сторонам — серые аркады с портиками, радующими мои античные привычки, а между ними протискиваются рыжие автобусы. Тяжеловерхий романский собор сросся из нескольких церквей и похож на темную коммунальную квартиру

четырех святых. Над городом, как двузубая вилка, стоят две квадратные серые башни, одна прямая, другая наклонная, и на ней надпись из Данте: «Антей стоял в огненной яме, наклонясь, как болонская башня».

В главном моем городе, Пизе, наоборот, Пизанская башня только притворяется падающей: чуть заметно. А рядом с ней стоит, шокированный ее кокетством, гораздо более привлекательный собор: чинный, угловатый, но весь покрытый колонночками и арочками, как тюлем. Небо синее, трава зеленая, а собор белый. У него купол, как голубая лысина, а рядом на земле стоит другой купол, побольше и попышней, как будто собор снял шапку от жары: это баптистерий. [127] Внутри собора все только светло-серое и темно-серое, как на доцветной фотографии, и от этого ярче маленькие витражи; на одном — ярко-синий бог держит желтую солнечную систему, вероятно — птолемею. Сам же город потертый и облезлый, и дом, где кафедра славистики, с виду — как каменный сарай. За углом, в ряду других, — рыжий трехэтажный домик: «это все, что осталось от башни Уголино, вот мемориальная доска, а теперь тут библиотека».

«Итальянские студенты, — говорят, — прилежные: это в них официально насаждаются угрызения совести за то, что со времен Данте Италия ничего не сделала в словесности, а только в живописи и в музыке». Мой старый корреспондент, комментатор «Облака в штанах», то ли нервный из почтительности, то ли почтительный из нервности, взял у меня на день две машинописи на свои темы и вернулся в отчаянии: потерял их, забыв в телефонной будке вместе с грудой собственных бумаг. Я в тысячный раз вспомнил незабвенные слова Аверинцева после первой его стажировки: «Миша! непременно поезжайте в Италию, там такая же безалаберщина, как у нас». Кстати, каждый собеседник непременно говорит: «Берегите деньги! здесь Лотмана обокрали, Мелетинского обокрали: это уже традиция».

Венецианский Марк был (как будто) золоченый, пизанский собор — белый, флорентийский — серый (и небо над ним серое единственный раз за две синих недели). Светло-серый, выложенный темно-серым, — говорят, весь тосканский камень такой. Он — как огромная умная голова над городом, на восьми крепких плечах во всю площадь. Купол словно расшит бисером по тюбетеечным швам, но так высок и важен, что этого не замечаешь. Баптистерий, тоже серый по серому, — как восьмигранный мраморный кристалл, а узкая белая колокольня — как четырехгранный карандаш. Все очень знаменитые и присутствуют во всех историях искусства. А на соседней площади стоит очень маленький белый микельанджеловский Давид (копия). Маленький, потому что за его спиной огромный бурый фасад ратуши, плоский и островерхий: он при ней, как привратник. А что копия, так это ничего: неподалеку стоит домик Данте, весь построенный сто лет назад. Рядом через переулок — вход, как в лавочку, и надпись: «Это церковь, где Данте встретил Беатриче Портинари».

Вот в таких и подобных декорациях я был на двух ученых конференциях. Одна, по европейскому стилю, была в белом монастыре над Флоренцией: покатым деревянный потолок, временами над ним колокольный звон. Я понимал, о чем говорят, но не понимал, что говорят. (Впрочем, потом мне сказали, что часто и понимать было нечего.) Другая была в Риме, где делал доклад Успенский. Потом командир итальянских славистов принимал нас дома <...> «Здесь все начальники такие?» — «Нет, есть еще один, он — вальденец». — «??» — «Да, как в XII веке: у них свои центры по всей Италии». — «А чем он занимается?» «Издает «Тень Баркова» с комментариями».

За две недели я чувствовал себя человеком шесть дней: три лекции, две конференции и один день взаперти в гостиничном номере. Хотел разобраться в кирпичной каше родного римского форума, но уже не хватило духу. (Хозяевам сказал: «Там все постройки — императорские, а для меня это уже модерн») Зато, проезжая, видел вывески: улица Геродота, улица Ксенофана,

улица Солона, улица Питтака, кафе «Трималхион». И возле куска древней Китайгородской стены стояла узким серым клином пирамида Цестия — чье-то необычное надгробие, античный конструктивизм. [128]

Дважды два четыре Я всю жизнь старался, чтобы наука твердо опиралась на дважды два, но никогда не считал «четыре» объективностью: просто видел, что насчет дважды два люди лучше всего сумели сговориться между собой (кроме человека из подполья). Но когда я сказал врачу, что так же можно было бы договориться и о том, что дважды два пять, он встревожился обо мне больше, чем когда-нибудь.

Довлеть в значении «тяготеть» уже стоит в словаре с примером из К. Федина. У А. Прокофьева (БП, с. 515) есть строчка «И ты ко мне всегда довлей»: значит, в подтексте уже не «давить», а именно «тяготеть». А «конгениальный» в остапбендеровском значении встретилось в статье А. Битова. (Ср. правильно: «А. В. <Звенигородский> всецело принял Ахматову, говоря, что она ему конге ниальна» — Д. Усов Е. Архиппову, РГАЛИ, 1458, 1, 78, 146 об.) А Льва Толстого «великим иересиархом» назвал Ю. Нагибин в предисл. к.: Н. С. Лесков, Рассказы, М., «Сов. Россия», 1976, с. 6.

Деформация речи в стихе, по ранним формалистам: кто помнит войну, тот помнит, как Левитан читал концовки сталинских приказов — с паузами не логическими, а ритмическими: «Вечная слава героям, / павшим в борьбе за свободу / и независимость нашей Родины».

Ефрем Сирин Власть грешила любоначалием, а интеллигенция празднословием (Ф. Степун, I, 307).

Евреи (Рассказывала М. Климова в Худлите.) В электричку сел пьяный парень и стал поносить евреев. Соседняя старушка спросила: «И Горбачев еврей?» — И Горбачев, и Раиса. — «И Лигачев?» — И Лигачев. — «А ты сам?» — Не еврей, но хочу в Израиль.

Еще «Ты молодая, а я — еще молодая», — говорила Пыжова Никритиной (восп. Мариенгофа, 429). Ср. у С. Крж: «Еще не уже, но уже не еще».

Если Завещание пожизненного президента Урхо Кекконена начиналось словами: «Если я умру...»

«Вы живы?» — «Приходится».

Из разговора

«**Жизнь** — усилие, достойное лучшего применения». — Карл Краус.

Жизнь «А пребывание наше здесь — не жизнь, не житие, а только именно пребывание — ...» (Лесков, письмо 2309.1892).

Жизнь «Не могу же я относиться к этому, как к литературе, — только как к жизни, то есть бесчувственно. Или хотя бы: бессловесно». [129]

Жизнь Увайсу предложили денег, он отказался: «Не надо, у меня есть одна монета». — Надолго ли? — «Поручитесь, что я проживу дольше, и я приму ваш подарок». Суфийская притча.

Жизнь Комс. правда от 15 дек 1990: в Чите организовано общество «За выживание» в помощь бедствующей советской медицине. Можно было бы расширить смысл названия и вступать в него поголовно.

«**Жить** по слабости — по крепости — по оплоту — по пуге»: рассказывала С. Никитина о тувинских старообрядцах. («Мы — старообрядцы, староверы — это евреи».)

Жанр Афиша, художественное чтение: «О. Мандельштам. *Раковина*. монолог в трех субстанциях». Афиша, спектакль: «Ч. Айтматов. *И дольше века длится день*: метафора в двух

частях»).

Жанры Целтыс был Сумароковым от Ренессанса.

Жена «The most basic of the support systems Russian poetry has used over the years: wives» — начинается рец. Дж. Смита на издание семейной переписки Северянина. «Наслоения жен», выражение Ахматовой. «Очередное междуженье», выражение артиста Козакова. НН., будучи женат три раза, перед разводом каждую жену учил переводить для заработка; при его жизни они друг друга ненавидели, а после смерти скооперировались и монополизировали переводы такого-то французского ходового автора. «Первая вдова», «вторая вдова».

Жена Из вопросника М. Фриша: «Что побудило вас к женитьбе: ...з) виды на наследство, и) надежда на чудо, к) мысль, что это чистая формальность? — Хотели бы вы быть вашей женой?» — Жена НН. — единственная женщина, которой я сочувствую больше, чем своей жене.

Женщина Дочь сказала: «Гумилев — поэт для женщин, он пишет так, как будто на него смотрит женщина». Она не знала, что Блок будто бы сказал об Ахматовой: «...как будто на вас смотрит мужчина, а нужно — как будто смотрит бог». Степун добавлял: «А Цветаева — как будто на нее смотрит Гете или Гельдерлин». Не думаю: если бы она чувствовала взгляд Гете, она бы не написала многого из того, что написала.

Журчание К. Чуковский писал: «Как хорошо, что у нас есть Борис Зайцев, и какой это был бы ужас, если бы вокруг были только Борисы Зайцевы». Наверное, это можно сказать о любом писателе. [130]

Заглавие и однострочное стихотворение К. Лемминг:

К ВОПРОСУ О ВЫМИРАНИИ

Хорошо вымирать в дурной компании.

Заглавие Е. Г. Эткинд коллекционирует заглавия, изъятые из Пастернака: «По живому следу», «Глухая пора листопада», «Это было при нас» и даже «La mise a mort» («гибели всерьез»). Первый выпуск сб. «Пастернаковских чтений» велели назвать цитатой: «ну вот как о Мандельштаме — «Сохрани мою речь»». Значит — «Быть знаменитым некрасиво» или «Ты вечности заложник». (Предпочли первое: пикантнее.) Посмотрев на содержание, я предложил: «Какая смесь одежд и лиц», К. Поливанов поправил: «Сколько типов и лиц...» Ср. ВЛАСТЬ.

Заглавие Звонит Т. Б. Князевская: затевается сборник к юбилею Д. С. Лихачева, примите участие и подумайте о заглавии. С. Ав. предложил «Венок». Говорю: «хорошо», а потом соображаю, что это скорее подошло бы для покойника. Посылаю статью «Иноязычная фонетика в русском стихе». Через неделю узнаю: Л. хотел бы, чтобы название было «Русское подвижничество». Господи, думаю, и под такое-то заглавие — мои выписки из мадам Курдюковой?..

Заглавие Оказывается, молодым поэтам нельзя было называть книгу просто «Стихотворения», требовалось особое разрешение свыше: это было что-то вроде заявки на мемориальную доску.

Заглавие К. заметила, что роман «Чего же ты хочешь?» продолжает традицию не только «Кто виноват?» и «Что делать?», но и «Чей нос лучше?». Была книга «Пудренное сердце» В. Курдюмова и «Сердце пудренное» Л. Моносзона. Были сборники стихов «Третий глаз» и «Третье око».

Заглавие В. Звягинцевой в гимназии задавали сочинение на тему «А звуки все лились, и звуки все рыдали» (РГАЛИ, 1720, 1, 64).

Зайцы и лягушки басня. Оскар Уайльд собирался топиться в Сене, увидел человека у

парапета. «Etes-vous aussi un desespere?» — «Non, monsieur, je suis un coiffeur». Тогда Уайльд раздумал. Ср. примеч. О. Гильдебрандт к дневнику Кузмина 1934: С. Бамдас хотел кончать с собой, она ему сказала: «Моня, купите сперва новую шляпу», он купил и передумал.

Знак (В. Калмыкова:) «Семиотически выражаясь, Ахматова стала вывеской самой себя». [131]

Звук Итальянец ругался на извозчика: «Четырнадцать!», будучи уверен, что такое созвучие может быть лишь страшнейшим ругательством (В. Соллогуб, 444).

Зекундерлитератур Когда С. А. настаивает на подлинности, — может быть, это недоверие к Sekundarliteratur? А я ею дорожу, потому что подлинный текст я вижу только своими глазами, а через Sekundar — разными. «Если мне что-то кажется — значит, это не так».

Запятая «Я — запятая, а вы угадайте, в каком тексте» (А. Боске).

Загон В Псковской губ. еще в конце XIX в. крестьяне в голодные зимы впадали в спячку, экономя силы: просыпались раз в день съесть кусок хлеба и напиться, иногда протопить печь; называлось это «лежка» (СЗ 46; так Шенгели студентом в Харькове от голода жил лежа).

Закон Профессору Вахтеру в Дерпте говорили: «Herr Dr. Wachter, Sie sind dummer, als die russische Gesetze dieses erlauben». Он отвечал: «Herr NN, ich kenne die russische Gesetze nicht» (Пирогов).

Зависть 17.11.1982 в передовице «Правды» было написано: «Советский народ с завидным спокойствием встретил известие о кончине...»

Заумь Слово «кварк» физики взяли из «Финигана» Джойса как заумное, но это оказалось венское жаргонное словечко от славянского «творог» (от «творить», как fromage от formare) (от В. Вс. Ив.).

Злободневность Катаев написал на книжке «Изразец» Шенгели: «Я глупостей не чтец, а пуще — изразцовых». Шенгели, узнав об этом через двадцать лет, написал в тетрадь эпиграмму на Катаева — РГАЛИ 2861. 1. 10.

Задача «Если один человек выкопает яму за сто минут, значит ли это, что сто человек выкопают эту яму за одну минуту?» Можно жить, когда работу троих нужно сделать за один месяц, но трудно — когда за один день.

Свидетелем настоящего чуда я был один раз в жизни. У Державина есть знаменитое восьмистишие: «Река времен в своем стремленьи...» Глядя на эти стихи, я однажды заметил в них акростих «РУИНА», дальше шло бессмысленное «ЧТИ». Я подумал: вероятно, Державин начал писать акростих, но он не заладил, и Державин махнул рукой. Через несколько лет об этом акростихе появилась статья М. Холле: он тоже заметил «руину» и вдобавок доказывал (не очень убедительно), что «чти» [132] значит «чести». Я подумал: вот какие бывают хозяйственные филологи: заметил то же, что и я, а сделал целую статью. Но это еще не чудо. У хороших латинистов есть развлечение: переводить стихи Пушкина (и др.) латинскими стихами. Я этого не умею, а одна моя коллега умела. Мы летели с ней на античную конференцию в Тбилиси, я был еще кандидатом, она — аспиранткой, ей хотелось показать себя с лучшей стороны; сидя в самолете, она вынула и показала мне листки с такими латинскими стихами. Среди них был перевод «Реки времен», две Алкеевы строфы. Я посмотрел на них и не поверил себе. Потом осторожно спросил: «А не можете ли вы переделать последние две строчки так, чтобы вот эта начиналась не с F, а с T?» Она быстро заменила flumine на turbine. «Знаете ли вы, что у Державина здесь акростих?» Нет, конечно, не знала. «Тогда посмотрите ваш перевод». Начальные буквы в нем твердо складывались в слова AMOR STAT, любовь переживает руину. Случайным совпадением это быть не могло ни по какой теории

вероятностей. Скрытым умыслом тоже быть не могло: тогда не пришлось бы исправлять stef на stat. «Чудо» — слово не из моего словаря, но иначе назвать это я не могу. Перевод этот был потом напечатан в одном сборнике статей по теории культуры в 1978

Иконостас Богатая рифма (с опорным согласным) во французской поэзии ценится, а в немецкой считается смешной. Я обнаружил, что когда в русской поэзии нач. XX века стала возрождаться богатая рифма, то первым ее вводителем был Вяч. Иванов, казалось бы, человек не французской, а немецкой культуры. Я сказал об этом С. Аверинцеву, он ответил: «Знаете, бывает, что в иконостасе у человека стоят одни иконы, а молится он совсем другим...» Заглавие его альманаха «Кошница Ор» — перевод заглавия «La corbeille des Heures» Анри де Ренье, которого Иванов никогда в жизни не афишировал.

Интеллектуализм Померанц сказал на конференции Г. Левинтону: «Интерпретация без онтологической основы ведет к бездуховному интеллектуализму». Теперь я знаю, кто я такой: я бездуховный интеллектуалист.

Интеллигенция (Е. Путилова): «Сидоров начал говорить: Я, как интеллигентный человек... Я сказала: Я уже знаю все, что вы скажете».

Интеллигенция Л. Толстой получил письмо за подписью «гражданка»: «Если народ будет благоденствовать, что тогда делать интеллигенции?» (Маков. I, 392). См. LARMOYANT.

Ижица

Начертили журавли
В тучах ижицу.
Тучи сели до земли,
К лесу лижутся.
(*Стихи рабкора, КрН 1926, 3, 235*)

Индивидуальность Хорошим в искусстве нам кажется золотая середина (для каждого своя!) между привычным и непривычным: сплошь [133] привычное — «плохая поэзия», сплошь непривычное — «вообще не поэзия». Пародия пародирует или крайности привычного (тогда она жанрово-стилевая — лучше сказать «родовая»), или крайности непривычного (тогда она индивидуальная). Горький пародировал общесмертнический стиль, а Ф. Сологуб принял это за индивидуальную пародию, переоценивая свою неповторимость.

Интерпретация Не спешите по ту сторону слов! несказанное есть часть сказанного, а не наоборот.

Интерпретация Обычно вольные интерпретации стихов Пушкина сводят их к экзистенциальным отвлеченностям или сексуальным непристойностям. Было бы проще теми же приемами свести их, скажем, к выбранным наудачу стихам Лермонтова. Или к собственным стихам интерпретатора, потому что Пушкин, конечно, хотел писать именно так, но не мог.

Изнанка «Я всегда говорил, что у каждой изнанки есть свое лицо», — сказал мне В. Холшевников. А Ю. Т. говорил: любишь саночки возить, люби и кататься.

Игра «Современный читатель не хочет читать классиков: жизнь была тяжка, и для социально безопасного проигрывания ее эмоций была придумана литература, — теперь сама эта литература стала тяжка, и для проигрывания ее придуманы легкие суррогаты» (вариация мысли И. Аксенова, слышанная на конференции в Таллинне ок. 1982 г.). «Что такое история — скверная или мировая? Игра умных с умными в дураки» (С. Крж, «Писаная торба»).

Идея «Если голова, придумавшая идею, недостойна ее, идея отбрасывает голову» (С. Крж,

там же). Так в Спарте, когда в собрании (итд; см. КТО?).

«Изгнание» — не то место, где можно отучиться от высокомерия», говорит Ду Фу у Брехта.

Ich und du «Ты — это я, но я — отнюдь не ты» — строчка из пародии Суинберна на философию Теннисона («The higher Pantheism in a Nut-shell»). Если был поэт, самым богом назначенный, чтобы его переводил Бальмонт, так это Суинберн; но Бальмонт не перевел из него ни строчки и предпочитал Теннисона. Даже скандалы у них были одного стиля. Когда после смерти Суинберна разобрали его бумаги, Хаусмен сказал: что ж, мазохизм по крайней мере дешевле, чем садизм.

Имя Ю. Минералов говорил о современной поэзии: фамилий много, с именами — осечка. [134]

Иконика невидимая — в концовке «Онегина»: «Итак я жил тогда в Одессе... [Но мы забыли о повесе...]». «Повеса» — из I главы, которую там начинал писать Пушкин; для Пушкина вычеркивание этой строки было материализацией ее содержания — забвения. (Замечено В. Смирным, см. НОСТАЛЬГИЯ).

Изм Классицизм в школе (в вузе?) следовало бы изучать по Сумарокову, романтизм по Бенедиктову, реализм по Авдееву (самое большое — по Писемскому), чтобы на этом фоне большие писатели выступали сами по себе.

Искренность Красивым считается то, что редко; искренним — тоже. Пример Б. Ярхо: у скальдов канонизировалась панегирическая песня, а любовная выживала только личным талантом автора, у трубадуров — наоборот. Поэтому у скальдов нам кажется искреннее мансанг, а у трубадуров — сирвенты. А у Катуллы?

Институт мировой литературы (и не только), памятные коллективные труды: «Цусимский принцип, — говорил Н. И. Балашов, скорость эскадры определяется скоростью самого медленного корабля». Ак. Тарле, когда его часть в каком-то коллективном труде редактировали и унифицировали, говорил: почему это, когда постное попадает в скоромное, то не страшно, а если скоромное в постное, то нехорошо? (Тарле, 292).

История не телеологична и не детерминированна, это бесконечная дорога в обе стороны до горизонта, русский проселок под серым небом.

История — это область, в которой никогда нельзя начать с самого начала (Я. Буркхард).

«История» принадлежит поэтам, потому что из нее ничто не вытекает» (П. Сухотин. «Перчатка: записки русского кота». Альм. «Ветвь»).

История Стиховед Р. Папаян был выдвинут в депутаты Верховного совета Армении, соперниками были три директора и начальник тюрьмы, в которой Папаян сидел когда-то за армянский национализм. (Лотман, у которого он учился, воскликнул: «Вот за что я люблю историю!») На встречах с избирателями того спрашивали, какого он мнения о Папаяне; у того не хватило умения ответить «примерного поведения», и он отвечал: «Много их проходило, не упомнишь».

Изоляция В 1916 в Галиции город Чертков был закрыт, как необитаемый остров; как жили — неизвестно; а что делали — известно: штудировали каждый день старую «Киевскую мысль» и [135] учили наизусть Шиллера и Гете, старые и молодые, — своего рода спорт. (Восп. Ан-ского — Рапопорта, НЖ 86, 1967).

Интонация Бунин говорил: начал читать Мережковского об ап. Павле, заснул, а проснувшись, увидел, что читает о Наполеоне. А может быть, это были Жанна д'Арк и Дант (восп. Бахраха).

Интертекстуальность Эпиграф к ней: «Никто-никогда-ничего-не сказал в первый раз». В соответствии с сентенцией, не помню ее автора.

Интертекстуальность А чем, собственно, интертекстуальная интерпретация лучше психоаналитической или социологической? Те вычитывают в тексте эдиповы и классовые комплексы, а эта — всю мировую литературу, существовавшую до (а иногда и после) этого текста.

Интим Вен. Ерофеев был антисемит. Об этом сказали Лотману, который им восхищался. Лотман ответил: «Интимной жизнью писателей я не интересуюсь».

Информация А. Устинов рассказывал: еще до Интернета американские слависты организовали общую сеть e-mail для профессиональных справок. Сразу поступили два запроса: откуда это: «Мы все глядим в Наполеоны» и «Одна, но пламенная страсть»?

ИНТЕРВЬЮЕР говорил «А вот интересно...» и, порассуждав, сходил на нет. Я спрашивал «Как, значит, вы формулируете свой вопрос?», хватал бумагу и писал ответ письменно: вероятно, казалось, что это разговор глухого с немым. Кончив, я спросил, почему он так бессвязен? «А я работал в Независимой газете». И кого интервьюировали? «Л. Рубинштейн, Сорокин, Пригов...» «Все ясно, это люди творческие, они, наверное, как Зюганов, который, о чем ни спроси, начинает отвечать свой символ веры, — так и они на любой вопрос начинают самовыражаться. Они творческие, им есть о чем самовыразиться, а я — нет, поэтому я с большим уважением отношусь к вашим вопросам» итд. Он не возражал. («Жаль, что вы не отвечали устно: в разговоре приходят интересные вопросы». — «А мне не приходят интересные ответы».)

Кто? «Для Бахтина мысль неотделима от личности». Есть садистическая игра: предложить собеседнику несколько малоизвестных стихотворных строк и допрашивать его: хорошо или плохо? Мало кто догадается перевести ответ в «мне нравится» или «я равнодушен» — даже хорошие ценители отвечают «Вы сперва скажите, чье это...» (При мне В. Рогов перед коллегами-переводчиками с сокрушительным пафосом прочитал несколько стихотворений и требовал оценки; но даже Левик отвечал: «Скажите, чьи...» Это оказались стихи Агаты Кристи.) Об этом есть известная формула: «неважно, что, и неважно, как, а важно, кто!» Я прочитал ее в старом «Крокодиле», но [136] то же самое, оказалось, говорил художник Ренуар. Не правда ли, есть разница в авторитетности? — Так в Спарте, когда в собрании дурной человек подал хорошую мысль, ему велели сесть, а хорошему человеку — повторить эту мысль.

Кто (см. выше). «Нам нужны не великие потрясения, но великая Россия» — первым сказал не Столыпин, а член совета Мин. внутр. дел по фамилии И. Я. Гурлянд («Отеч. ист.», 1992, 5, 166).

Кукушка и петух Пастор, венчая двух непригожих молодых, напутствовал их так: Любите друг друга, дети мои, потому что если не будет в вас взаимной любви, то кой черт вас полюбит (Вяз., 8, 179).

Коловратность В Ереване над городом высился памятник, его сняли, а что поставили? Ничего. Сын сказал: надо кубик с надписью «Неведомому богу».

Китч Гурджиев — философский китч, сказал М. Мейлах. Может быть, так можно сказать про всю так называемую философскую поэзию?

«**Каянья** много, обращенья нет» (Даль, 203).

Кумиры современные. «Не поклонюсь твоим коммерческим богам» — было в некоторых записях «Максимилиана» задолго до перестройки.

Красота как целесообразность без цели (НМ, 1986, 7). Писатель Гайдар зашел в парикмахерскую: «А вы можете сделать меня брюнетом?» — покрасили; «а кудрявым?» —

завили; «ну, а теперь, пожалуйста, наголо!» — и, расплачиваясь: «Интересно же!»

Красота Фотография Бальмонта с надписью А. Н. Толстому: «Красивому — красивый» (РГАЛИ, 2182. 1. 140–141).

Красота Гумилев говорил жене: «Помолчи: когда ты молчишь, ты вдвое красивее» (НГ: иссл., мат., библи., 425).

Серия снов О. Седаковой. «Как убили Мандельштама». Мы идем по Манежной площади — очевидно, с Н. Як. Впереди, за три шага О. Э. Подойти к нему нельзя. При этом мы знаем условие, при котором его заберут, а он нет. Условие — если он остановится у ларька. Ларьков очень много: сладости, сигареты, открытки. Он все время заглядывается, а мы внушаем на расстоянии: иди, иди, иди. Но напрасно. Он остановился, и его увели. Мы выходим на Красную площадь. Там парад. Генералразводит войска. Войска исчезают, как дым, во все четыре стороны. Тогда по пустой площади очень громко он подходит к Н. Я, отдает честь и вручает «Репорт»: «1) Удостоверяю, что Ваш муж бессмертен. 2) Он не придумал новых слов, но придумал новые вещи, 3) Поэтому не кляните меня. — Генерал». — Мы оказыва[137]емся в ложе роскошного театра. На сцене — Киев. Лежит мертвый О. Э, а над ним растрепанная женщина кричит: Ой, який же гарний!

«Как болела Ахматова». Ахматова лежала посреди комнаты и болела. Другая Ахматова, молодая, ухаживала за ней. Обе были не настоящие и старались это скрыть, то есть не оказаться в каком-то повороте, — поэтому двигались очень странно. Появился Ю. М. Лотман, началась конференция, и было решено: «Всем плыть в будущее, кроме Н, у которого бумажное здоровье».

«Как Пастернака отправили по месту рождения». Пастернака я встретила на лестнице, он был очень взволнован: «Подумайте, меня заставили заполнить анкету. Место рождения. Ну какое же у меня может быть место рождения? Я и написал Скифо-Сарматия. А теперь всех высылают по месту рождения».

«Бродский». Бродский приехал из Америки в Одессу покататься на трамвае. Трамвай шел по воздуху над морем цвета чайной розы. Было очень приятно.

«Чехов». На переходе «Парка культуры» возле неработающих автоматов стоял Чехов и глядел на толпу таким взглядом, как будто он Христос.

«Шостакович». Шостаковичу я сдавала экзамен по древнерусской литературе. Он поставил на пюпитр натюрморт и сказал: пожалуйста. Я, притворяясь, что все остальное мне понятно, спросила: А сколькими пальцами играть? — Конечно, как при Бахе. — Откуда-то я вспомнила, что восьмью, но это оказалось очень трудно, потому что я загибала не большой палец, а безымянный. Когда натюрморт кончился, оказались обыкновенные ноты. Но я рано обрадовалась: эти ноты были вишни, и если ближние можно было сыграть, то дальние никак Я придумала, наконец, и клавиатура стала круглой, так что дальние ветки оказались внизу. Но на следующей странице появилась уже гроздь — не то винограда, не то сирени, бесконечно многомерная. В отчаянье я отрываю руки от клавиш и шевелю в воздухе — и звучит невероятная, божественная трель. Это телефонный звонок.

Катарсис И. Бабель к А. Слоним 26 дек 1927: «Мой отец лет 15 ждал настроения, чтобы пойти в театр. Он умер, так и не побывав в театре».

Канонизация При отборе в классики XIX в. в 1920-е годы чаще спрашивали «а ваши кто родители?», а в 1930-е — «чем занимались вы до 1917 года?»

Каракатица — о Горьком в «Сумасшедшем корабле»: «...не хлопотал о собственной биографии, не подчищал с осторожностью каждый жест, чтобы привести его в согласование с

предыдущим, не выбрасывал скепсис перед каждым явлением, чтобы дать возможность и время своему суждению отстояться...»

«Кирилов вам нравится только потому, что он тоже заикается», — сказала Р. Я перечитал главы о нем: нет. Пьет чай, забавляет дитя мячом, благодарен пауку на стене, говорит «жаль, что родить не умею». Уверяют, будто Достоевский обличал: «Если Бога нет, то все дозволено, и можно убивать старушек»; нет, самый последовательный атеист у Достоевского утверждает своеволие, убивая себя, а не других, и не затем, чтобы другие тоже [138] стрелялись, а чтобы оценили себя, полюбили друг друга и стали счастливы. И уважает Христа, который (понятно) в Бога тоже не верит, но учит добру. Такой его Христос похож не только на горьковского Луку, но и на Великого инквизитора: после этого понятнее, почему Христос его поцеловал.

Кстати «У кого Бог в душе, тому все дозволено» — смысл надписи Б. Пастернака к дочери Л. Гудиашвили ок.1959 (восп. В. Лаврова, ОГ 140396). Вот тебе и нигилизм.

Кукольник его романс «Как сон неотступный и грозный...» («Я стражду!..»), скрестясь с некрасовским трудовым амфибрахией «Мороза Красного носа», породил «Армению» Мандельштама: «Как бык шестикрылый и грозный...»

Кутерьма — от тюркского кутерьмек, обряд при выборах хана, когда его поднимали на войлоке, как на щите. Теперь мы знаем этимологию политических событий.

Кухня Когда в МГУ приезжал Якобсон, Ахманова из тревожной осторожности представила его: «Американский профессор Р. Джекобсон». Як. начал: «Собственно, меня зовут Р. О. Я., но моя американская кухарка, точно, зовет меня м-р Джекобсон».

Культура Дочери была нужна нервная разрядка, она пошла в магазин и встала в очередь. Сказала соседке: «Крыса!» Та ей: «А еще в очках!» Пришлось ответить: «Сама культурная!» — и та смолкла.

«Культура зависти» выразился Х. Смит о помехах перестройке.

Киллер Романист в «Московском листке» за каждое убийство брал сверх гонорара 50 рублей, а за кораблекрушение с тысячей жертв просил по полтиннику, но тут Пастухов его прогнал (НЖ 171, 263).

Класс Гражданская война началась и кончилась крахом классового чувства перед национальным: началась чехословаками, а кончилась Польшей.

Комментарий — для какого читателя? Давайте представим себе комментарий к Макаину, написанный для Пушкина.

Континуум по-русски — «сплошняк».

Компромат (Дн. М. Шкапской, 1939): Вал. Герасимова сказала: опять нач нут обливаться друг друга заранее заготовленными помоями. М. Левидов ей: в английском языке есть 86 синонимов драки, [139] но нет помоев. — А. С. Петровский говорил, что, когда его хвалят, ему кажется, что его обливают теплыми помоями (Мин. 6, 31).

Коллективный труд — три горы родили треть мыши. (Кажется, сказал З. Паперный.) См. также ИНСТИТУТ...

Коллективный труд «Такая орфографическая ошибка, которую под силу сделать разве что вчетвером» (Дневник Гонкуров, 23 дек 1865).

Коллега «Потом я узнал, что картежные шулера тоже говорят друг другу: коллега» (восп. Милашевского).

Константинополь В августе 1914 Турция предлагала России тайный союз — но мы уже мечтали о Константинополе и даже не сообщили об этом предложении союзникам. В 1915 Греция предлагала России совместный удар на Константинополь — но мы не могли вступать в Константинополь вместе с какими-то греками.

Кирпич Постмодернизм — поэтика монтажа из обломков культурного наследия: разбираем его на кирпичи и строим новое здание. У этой практики — неожиданные предшественники: так Бахтин учил обращаться с чужим словом, так поздний Брюсов перетасовывал в стихах номенклатуру научно-популярных книг. В конце концов, и Авсоний так сочинял свой центон. Когда я учился в школе, мы с товарищем выписывали фразы для перевода из английского учебника («У Маши коричневый портфель») и пытались собрать их в захватывающую новеллу; теперь я понимаю, что это тоже было постмодернизмом.

Еще к постмодернизму: эпиграфы вместо глав в кульминации повести С. П. Боброва «Восстание мизантропов». Гл. XII, конец: ...Так как еще старая фернейская обезьяна писала об ЭТИХ: «главное безумие их состояло в желании проливать кровь своих братьев и опустошать плодородные равнины, чтобы царствовать над кладбищами». — Гл. XIII, эпиграф. Наши философы воткнули ему большое дерево в то место, которое д-р Свифт, конечно, назвал бы точным именем, но я не назову из уважения к дамам (Микромегас). Две строчки точек — Гл. XIV, эпиграф. Привели волка в школу, чтобы он научился читать и сказали ему: говори А, Б. Он сказал: «ягненок и козленок у меня в животе». (Хикар). Две строчки точек — Гл. XV, эпиграф. Была раскинута сеть на мусорной куче, и вот один воробей увидел эту сеть и сказал: «что ты здесь делаешь?» Сеть сказала: «я молюсь Богу». (Текст). — Две предыдущие главы хороши главным образом тем, что никак не утомят читателя, дополнившего до них. Это их главное достоинство. Автор понимает это. Кроме того, они освящены авторитетами и нимало не запятнаны личными опытами автора. Шутнику остается только сказать своей даме, что это самые интересные главы в повести и что жаль, что таких глав только две, — но так как такие-то главы он и сам может сочинять в любом количестве, то и предоставим ему это приятное занятие. Мы же обращаемся к серьезным людям. Мы, правда, не осмелились сказать это ранее пятнадцатой главы... итд. [140]

Larmoyant «Наша традиционная лармуаянтность», сказал С. А. на дискуссии о роли интеллигенции в (итд).

Лаиса имя, бывшее в распространении среди греческих гетер и ставшее нарицательным для женщин с независимым понятием о моральном кодексе» (Е. Боратынский, «Стих. и поэмы», «Совр.», 1982, с. 214, «словарь устаревших слов»).

Латынь *Tertia vigilia* точно переводится «собачья вахта» (Лица, 5, 266).

Любовь Боккаччо в «Филоколо» различает любовь к Богу, любовь-страсть и любовь продажную: о первой умалчивает, третью презирает, а от второй предостерегает начало ее — страх, середина — грех, а конец — досада.

Любовь «Сухая любовь», платоническая (Даль). «Любовь вперевой», заглавие раздела в «Частушках» Симакова.

Любовь «Хороший шахматист умеет играть, не глядя на доску, хороший влюбленный — любить, не глядя на женщину» (С. Кржижановский, 1991, 104).

Любовь Н. Н. остался душеприказчиком большого филолога; тот, зная цену точным фактам, позаботился оставить у себя в архиве собственноручный донжуанский список. Я не удержался и спросил: «Аннотированный?»

Любовь «Если управлять людьми как добродетельными, они будут любить ближних; если как порочными, они будут любить эти порядки» (Шан Ян, V в. до).

Любимые авторы Льва Толстого — Тютчев и Буренин, его «Стрелы» — «стихотворения прекраснейшие» (Маков., 1, 328). Любимым поэтом Льва Толстого был Беранже, любимым

прозаиком Б. Пастернака был Голсуорси (В. Шаламов, Зн. 1995, 6). «Гренада» Светлова лучше всего Есенина, писала Цветаева Пастернаку.

Лягушка, на поле увидевши быка,
Влюбилась в его широкие бока.
Граф Хвостов

Личность Я — ничто как личность, но я — нечто как частица среды, складывающей другие личности.

Личность — скрещение социальных отношений. Такова была купчиха Писемского, любившая мужа по закону, офицера из чувства и кучера для удовольствия.

Личность Раньше я называл себя «скрещение социальных отношений», теперь — «стечение обстоятельств». [141]

Личность Комментарий к Авсонию, конечно, весь компилятивный (см. ИМПОРТНЫЙ), но я и сам ведь весь компилятивный (к сожалению, не импортный, а очень среднерусский). Б. Ярхо писал в письме: «Люди все чаще кажутся мне книгами, и порой я становлюсь в тупик перед замыслом их сочинителя». Так что мое дело как филолога — разобраться в источниках себя.

Ломовая мышь — родная мне порода. Стать бы чеширской мышью — ломовой улыбкой без плоти.

Логика «Можно ли сомневаться в искренности крещения Мандельштама, если он в это время писал: В спокойных пригородах снег сгребают дворники лопатами?..» Говорилось на конференции «Кризис России XX в.», что заседала под путч 1991 г. Нехорошо мне ходить на совет благочестивых.

Литература факта «Первым лефовским сочинением было «Земледелие» Катона», сказал В. Смирин.

Лепетация слово в дополнениях к Словарю языка Пушкина (по черновикам). Сокровищем родного слова (Заметят важные умы) Для лепетации чужого Безумно пренебрегли мы.

Лыжи Старый Прозоровский и после Аустерлица считал Кутузова мальчиком, «а этот мальчик (прибавлял Ермолов) и сам уже ходил как на лыжах» (Вяз., 8, 170).

Сон в больнице. Голубой гроб, но вместо крышки — голубая же клеенка, приколотая кнопками; надо его выносить, но я замечаю под клеенкой шевеление, вынимаю кнопки из изголовья — из щели, змеясь, вылезает Евгений Онегин в цилиндре, отряхивается и говорит: «Надо что-то делать с Пушкиным».

Марр Набоков и Гете сходны естествоиспытательским взглядом на мир (только Н. приравнивает живое к неживому, а Г. наоборот); а Белый и А. Н. Толстой схожи выведением всего на свете из жеста. Когда критиковали марровский «язык жестов», кто-то сказал: «Да как же в труде мог родиться язык жестов, если руки были заняты?»

Мы Старый Оксман в письме Чуковскому цитирует «Нас мало, да и тех нет».

Мировоззрение «Рок — не музыка, рок — мировоззрение», сказали мне. Я вспомнил, что еще в 1972 г. была конференция о том, что верлибр — это тоже мировоззрение. А для некоторых буква ять — тоже мировоззрение. Г. Н. Пospelов говорил, что мировоззрение у него марксистско-ленинское, миросозерцание [142] чиновничье-бюрократическое, а мироощущение голодранческое (5 Тын. чт., 434).

Метафизика Карлейль, «Философия свиньи»: «Кто сотворил свинью? Не известно. Может быть, колбасник?»

Мозг не есть орган мышления, а орган выживания (говорит биолог А. Сент-Дьердь). Он устроен таким образом, чтобы заставить нас воспринимать как истину то, что является только преимуществом.

«**Мир начинался страшен и велик**» Мандельштаму пеняли за апологию большевика, он отвечал: ««Угольный мозг» — разве это комплимент?» Да, комплимент, потому что он — от «донецких, горючих и адских». Ср. МЕТОНИМИЯ.

Математика «Без меня народ неполный»? Нет, полнее, чем со мной: я — отрицательная величина, я в нем избыточен.

Математика В американском докомпьютерном анекдоте университетский завхоз жалуется на физиков и биологов, которым нужны приборы: «То ли дело математики — им нужны только карандаши и резинки». И мечтательно: «А философам даже резинок не нужно...» Если философия есть философствование, то да. Эйнштейн о философях: «Как будто у них в животе то, что не побывало во рту».

МАТЕМАТИКА. «Когда число слушателей меньше одного, я отменяю лекцию», — говорил А. Есенин-Вольпин. В университете нам, второсортным отделениям — античникам, восточникам, славистам — русскую литературу второй половины XIX века читал А. А. Сабуров, автор книжки о «Войне и мире». Читал он так, что от раза к разу аудитория пустела. Он, бросая взгляд с кафедры, изящно говорил: «Наш круг час от часу редеем?..» Наконец, в амфитеатре оказался только один слушатель (это был я) — отменил ли он лекцию, я не помню. Потом в блоковском «Литнаследстве» я прочитал дарственный инскрипт Блока Андриюше Сабурову, одиннадцатилетнему: он был племянником Метнеров. А мы и не знали.

Миф «Война с Телефом перед Троянской войной — это что-то вроде финской кампании», — сказал И. О.

Мысль изреченная есть ложь, но из этого еще не следует, что мысль неизреченная есть истина. «Между пифагорейцами, которые умели познавать и молчать, и Аристотелем, который умел говорить и сообщать познанное, за спиною у Платона, который с героической безнадежностью бьется вместить в слово [143] полноту молчания, стоит Сократ, который умеет умолкать — подводить словами к молчанию, передавать труд от повитухи-речи — роженице-мысли».

*Ты помнишь, жаловался Тютчев:
Мысль изреченная есть ложь?
Ты не пытался думать: лучше
Чужая мысль, чужая ложь.....
И было в жизни много шума,
Пальбы, проклятий, фарсов, фраз,
Ты так и не успел подумать,
Что набежит короткий час,
Когда не закричишь дискантом,
Не убежишь, не проведешь,
Когда нельзя играть в молчанку,
А мысли нет, есть только ложь.
И. Эренбург, 1957*

Минута молчания (когда все встают со стульев: «конский пиетет», выражался Розанов) в 1960–1990-е гг. в среднем длилась 20 секунд. В «Затмении» Антониони незабываемая минута молчания среди биржи длилась все-таки 30 секунд. Когда в античном секторе ИМЛИ мы поминали ушедших, то я никого не поднимал с мест, но за полнотой минуты следил по секундной стрелке. Со стороны это должно было выглядеть отвратительно, но время ощущалось не символическое, а настоящее.

Матрешки стали вырабатываться в России с начала XX в. по японскому образцу, первым взялся за это и дал им название один из учеников Поленова.

Метонимия в строке Мандельштама «Зеленой ночью папоротник черный» — простейший обмен красками создает устрашающий эффект. Его тянуло к этой гамме, ср.: «И мастер и отец чернозеленой теми».

Minorities «В Америке негры и евреи борются за место морально-привилегированного меньшинства; а когда изобрели ликвидацию глухонемых дорогостоящим вживлением аппарата в череп, то союз глухонемых протестовал против попытки оторвать человечество от сокровищ культуры глухонемых». (Слышано от Т. Толстой.)

Миссия Самое знаменитое место Вергилия в VI кн.: «Другие будут лучше ваять статуи и расчислять звездные пути, твое же дело, римлянин: править народами», потому что к этому ты лучше приспособлен, чем другие. У Киплинга из этого вышло «Бремя белых» (ср. БРЕМЯ), а у Розанова: «Немцы лучше чемоданы делают, зато крыжовенного варенья, как мы, нипочем не сварят». Щедрин (в «Благонам. речах») выразился еще ближе [144] к первоисточнику: «Грек — с выдумкой, а наш — с понятием». Правда, у него «наш» — это Дерунов.

Мессианство «Весьма ненавидят разговаривать о настоящих делах, всегда говорят о предбудущих, редко о прешедших» (Кантемир, утешное критическое описание Парижа и Французов, с итал.).

Молоко Водку с молоком пил А. Разоренов (Белоусов, ЛМ, 25).

Мемуары Вечер был чудный, мягкий, теплый, душистый. Полная луна кидала свой свет блестящей полосой по морю, и поверхность воды искрилась жемчужными чешуйками. Воздух был весь насыщен запахом цветущих лимонов, роз и жасмина (Е. Матвеева. «Восп. о гр. А. К. Толстом и его жене». ИВ 1916, 1, 168).

Мороз Французов в 1812 губил не столько мороз, сколько еще раньше — жара и понос от русской пищи (Уэствуд), особенно тяжелый для конников — вспомним надпись Александра Македонского «...разбил и преследовал до сих мест, хотя страдал поносом». Русская армия в преследовании от Тарутина до Вильны сама от мороза потеряла две трети.

Музыка У Толстого реакция на музыку была физиологическая: плакал от одного пробного звука «нижнего до 32-футовой октавы» нового консерваторского органа (восп. Сабанеева, СЗ 69, 1939, Сабанеев студентом сам показывал Толстому этот орган).

Мужество Н. И. К.-Л., видевшая войну, говорила: «Мужество — это у командира, который отсылает солдат и остается погибать у пулемета. И у его солдат, которые слушаются и уходят. Но не у того, который бросается погибать на амбразуру».

Мертвым хоронить мертвецов В Вермонте на кладбище есть надпись «ум. ок. 1250 до Р. Х.» — это египетская мумия, ее купил коллекционер, а она подпала под закон штата, запрещающий не хоронить покойников.

Милость Господи, помилуй, да и нешто подай (Пословицы Симони, 92).

А. Е. Парнис прислал мне неизданную поэму Вл. Маккавейского с вопросом, что общего между Иеронимом и нулем. Поэма мне понравилась, и он разрешил мне ее здесь напечатать.

Владимир Маккавейский
ПАНДЕМОНИУМ ИЕРОНИМА НУЛЯ
(Метафизическое обозрение)

*1. Не понимать меня неловко
Ввиду того, что я умен —
Поэт врожденных заголовков
И архаических имен.
На деле ж я немногим нужен,
И вероятие жемчужин
В среде, похожей на навоз, —
Невыгодный самогипноз, [145]
Но, в тяготении к вершинам
Усматривая ремесло,
Я примиряюсь тяжело
С авторитетами петушиным...
Скажу без иностранных слов:
Я не француз и не Крылов.*

*2. Слова! ужель они все колки!
Скажу, как Чацкий. Очень жаль,
Что до сих пор для пыльной полки
Подержанный не куплен Даль.
У Грибоедова в опале
По очереди ли трепали,
Увы, не Даля, а Лярусс
Хохол, кацап и белорус,
Не знаю. Нашею ухою
Покуда брезгает Демьян, —
Не трону родины бурьян
Я Лукиановой сохою,
Но, за морем нашед приют,
Скажу: лежачего не бьют.*

*3. Возьми ж, возьми меня за ворот,
Апаш от «Черного Кота»...
А университетский город,
Где даже суета не та, —
Впустую попираешь устала
Стопа, алкая пьедестала,
Тропы, где б не росла трава,
И города, где есть Нева...
И сколько б ни казалась веской
Замоскворецкой речки брань, —*

*Не нас обрадует герань
За ситцевую занавеской,
Узорчатые рукава,
Разрыв-трава и трын-трава.*

*4. Взбодрит ли истовых мониста
Иссякший вдохновеньем Блок,
Мой рок на гибель букиниста
Меня на запад уволок
Все величины переменны
На левой набережной Сены,
Где и Новалис и Катулл
Найдут прилавок или стул,
И о каком бы там предмете
Ни ныла скрипка бытия,
Любых любовниц воробья
Системой четких междометий
Готов, как на печи сверчок,
Подать Парнасу мой смычок.*

*5. Но ах, Парнасским пустосвятом
Не стал Севильский брадобрей.
Мой каждый вал бывал девятым
Вдали Гомеровских морей.
Не диалог Архипелага,
Где лал, и радуга, и влага
Вместили ивы и маис,
И Мореас, и Пьер Луис.
Апрели севера, о Эллин,
От ноябрей не убегут:
Берез глумливый гуммигут
В дежурный день ажурно зелен,
А завтра — горе от ума,
Зима, тюрьма или сума.*

*6. Вчера ли мелос был интимен,
О, Велиаре нежных бар,
Чьих велеречий глас прокимен
Круглился лунами лабар?
Но все заемное поблекло
И, черноземно сладкой свеклой
Питая тлеющую клеть,
О мятных запахах не спеть.
С тех пор, как прокричал трикраты
Петух Святого Четверга,
Наитствований жемчуга
Мы стали мерить на караты,*

*При звуке же вчерашних фраз
Кричим, что слышим в первый раз.*

*7. Идя прямым путем, подспорье
Находишь и в родной земле:
Колдунья бардов Беломорья
На подседельном помеле —
В зенит, «причалов жалких мимо»,
Сохой Микулиной стремима;
А там и пушкинский гусар
Пленился б ярмаркою чар.
Мне скажут: я сужу по-детски,
Что новоявленная даль
Толковей, чем толковый Даль,
Чем Ремизов и Городецкий.
А сердца — в избяной печи —
Рассудка отрок — не ропщи. [146]*

*8. Телячьей кожей и саженым
Пером хронографа ценим,
Востоку явленный блаженным
Христианин Иероним,
Любимый в миме, как патриций,
Привыкший ежедневно бриться,
Творец епистол и вульгат
Был независим и богат;
Богат — отсюда независим
Ни от богов, ни от людей,
Смирению проповедей
Предпочитая форму писем,
Чьи мысли по сей день гnevят
Того, кто в самом деле свят.*

*9. В начале мира было Слово —
Не то ли, что солжет в конце,
Генисаретским рыболовом
Прикидываясь в гордеце?
Но одаренный Иппокреной,
Патриция судьбой смиренной,
Доколе злат земной зенит,
Почтить не чает и не мнит.
Господней армии когорта,
Пожалуй, даже не одна,
Была в команду отдана
Противнику хромого черта,
Что, оппонируя, рога
Сломал на черепе врага.*

10. Но не рогов бесовских паре, —
Тому, что Божье в письменах,
Обязан славой комментарий
И преподобием монахов.
А бес, величием Вульгаты
Затмен, — безрадостно-рогатый,
И эпизодом пренебречь
Патериков дерзает речь;
А то, что северного солнца
Лучом сквозь пестрое окно
Пятно чернил освящено
В чертоге мудрого саксонца, —
Не к чести скромных лютеран:
Евангелие — не коран.

11. Но тем, чьи помыслы устали
От объективно-бодрых фраз,
О бесоборческой детали
Не сразу надоест рассказ.
И нас никто не обесславит
За мнемонический алфавит,
За суть звериного числа
И нуль во образе осла.
Свидетельство Гастон Париса
Вчерашний воскрешает день,
Эзотерическую ж тень
От пальмы или кипариса
Над мыслью, мелкою, как Нил,
Сам автор трезво обвинил.

12. Прошли года. Но Рудольф Ойкен
В былое прорубил окно;
Я удален трактирной стойки,
Я трезв давно. Мне все равно.
Вчерашним только и пьянея,
Воспоминания Минея,
Погружена в Платонов сон,
Бредет мытарствами времен.
Из золотого оловянным
Когда латинский стал глагол.
Агглютинировал монгол
В степи, отписанной славянам, —
И усложнилась маета
Вкруг апостолии Христа.

13. А Бог-Отец, людского срама

Не поощряя, хмурит бровь
На темя головы Адама,
Долбя тонзуру, каплет кровь,
И обоих воров стигматы
Еретику казались святы,
Ловцов же Божьих невода
Гноила теплая вода.
Над нищим буднем висли цехи,
Сударыни Венеры грот
Кладоискателю щедрот
Запретных продавал утехы —
И, по уплате в счет греха,
Цвели досрочно посоха.

14. Была печаль. Печаль начала
Всю ночь он не снимал очков,
И ничего не означала
Гора худых черновиков.
Искал он сведений, не веря;
Шифрованное имя зверя [147]
Чего-то в силу между тем
Не покидало круга тем.
И он сказал: Господь возвысил
В окне луну, как некий нуль.
Читать ли? Отойти ко сну ль,
В забвении всех прочих чисел,
Коль тайну этих трех шести,
Как тайну Троицы — не найти?

15. Святой зевнул и, против правил
Себя смиренным возомня,
Сам раздевался и оставил
Два неразвязанных ремня
Изволил улыбаться странно,
Припомнив речь Иоканаана —
(Как будто речь не о Христе,
А о его как раз пяте).
Он лег. И вдруг в руке монаха
(Рука не то же, что пята)
Явился альманах Гота —
Другого нету альманаха.
На книжке не было числа,
И вместо даты — лик осла.

16. Осла. Тут — ушки на макушке —
Он засмеялся, как змея:
«Ужель не стоит ни полушки

Величие небытия?.
Веданта, Гартман и Нирвана...
Довольно странно... очень странно
И Валаам, и Апулей,
И Ариель, не без нулей...»
А сам — перед глухой стеною
Прелиминарно все ж учел,
Что этот нулевой осел
Был, вероятно, сатаною.
Покуда дальше не пойду,
Скажу, что было все в бреду.

17. И рек осел: Столь нарочито
Я отдан быту потому,
Что здесь ослиное копыто
Дробит египетскую тьму;
Само того не понимая,
Мутит баранов Адоная,
За что (как за свои грехи)
Поплатятся лишь пастухи.
Коль Логос — фабрика проклятий,
Всех подсудимых ждет скамья;
Змея ж из книги Бытия
Эммануилу на осляти
Покорна свято и давно:
Отсюда наше домино.

18. Боюсь, я сделаю вам больно,
Сказав, что в рыцаре на час,
В осленке Бога подседельном
Идея та же, что и в нас.
Вы скажете, что это подло,
Ослы — не более чем седла,
Идеи — нет ни там, ни тут...
Отвечу: трезвые учтут,
Что из любого Назарета
В Сион чредою дольных сел
Столь величаво, как осел,
Не довезет вас и карета,
Не говоря уже о том,
Что надо ехать за Христом.

Я написал Парнису письмо: «.. По «Золотой легенде», у св. Иеронима был осел, доставлявший хворост из лесу, и Иероним отпускал его пастись под присмотром своего льва — того, что рядом со святым на всех картинках. Однажды лев не уследил, как осла увели проезжие торговцы, и за это время сам некоторое время таскал хворост из лесу, но потом

отбил осла у тех торговцев на обратном пути, и все пошло по-старому. Никаких других переключек с Маккавейским нет. «Нуль» напоминает о средневековых пародийных житиях «Никто, муж всесовершеннейший» (см. «Поэзия вагантов», 581–582); если М. пишет вместо Нето — Nullus, то ради анахронизма, хорошо понимая, что арабские цифры с нулем пришли в Европу много после Иеронима. Для собственного упражнения пересказываю поэму по строфам, как я ее понял. (1) Я — жемчужина в навозе, ценю себя и не согласен с петухом, что я «вещь пустая». (2) Не буду за это издеваться над отечеством (ле[148]жачего не бьют), тем более что и оно уже от Даля тянется к Ларуссу, на запад. (3) Я тоже хочу в Париж или хотя бы в Петербург: университетский Киев и даже Москва мне постылы. (4) И я наострился писать на парижский лад [о реальном пребывании М. в Париже, кажется, сведений нет?] — (5) но даже парижская античность далека от настоящей архипелажской, а наша северная — тем более. (6) Раньше и у нас нежно пели нежным барам (Велиар — не Шалыпин ли?), над богослужебным (или оперным?) пением веяли знамена-лабары, круглясь, как луна (первый намек на будущий нуль!); но с тех пор это стало редкостью. (7) Можно найти поэзию и в русском колорите, но не там мое сердце. [Конец затянувшегося — как в «Домике в Коломне» или «Езерском» — вступлению]. (8) Иероним (для Запада святой, для Востока блаженный), в противоположность автору, независим и не смиренен. (9) Не ему бы, гордецу, писать о Христе, но и не поэту его судить. Бог хранил его от бесовских соблазнов, (10) и ему не приходилось даже швырять в черта чернильницей (это слишком вещественно — как Коран, перекликающийся с лунами лабаров). (11) Мы, однако, изложим один такой бесоборческий эпизод, ссылаясь на Гастона Париса [не поискать ли в его книгах ключ к М.?]. (12) Сложился он уже в средние века (тема Ойкена), когда историческая память заснула, латынь стала вульгарной, славяне попали под монголов, (13) писались иконы с Адамовой головой, а мир погрязал в грехах, оплачиваемых индульгенциями. (14) Но до этого было еще далеко; Иероним разгадывал смысл числа 666, но усилия его сводились к нулю. (15) Он отошел ко сну (помянув тех, кто недостойны развязать ремни его сандалий), как вдруг увидел Готский альманах, но без даты, т. е. изданный после конца света, когда времени не стало — оно стало нулем. На месте этого нуля был лик осла — которому, по мнению римлян, поклонялись евреи в своей святой святынь. (16) Так совместились небытие, нуль и осел (Ариэль — видимо, по ошибке вместо Оберона с ткачом Основой); для простоты Иероним решил, что осел — это сатана, и все тут. (17) Осел возразил: нет, он несет Бога Слово, несет свет в тьму, превращает простых иудеев в будущих христиан, а их пастырей, книжников и фарисеев, шлет на скамью подсудимых (цепь причин и следствий названа «домино», потому что выкладывается в форме змеи, но безвредно?). (18) Так и мы несем в себе и на себе Бога, следуя в Сион; нуль, выходит, не дьявольствен, а божествен. Впрочем, двусмысленность остается. Небезразлично, наверное, что «Осел» называлась поэма Гюго, скептическая и загроможденная такими же темными учениями — как автопародия. А какими амплификациями М. разворачивает эту цепочку мыслей и какими играет реминисценциями, об этом нужно писать особо. Простите и пр.» Импровизируя этот комментарий, я вспомнил немецкую антологию по XVII в, где составитель с порога предупреждает: «от разъяснения стихов Квирина Кульмана мы отказываемся». Это тот Кульман-пророк, которого сожгли на Москве в Немецкой слободе; от султана ушел, от Москвы не ушел. («Я Циннапоэт, я Цинна-поэт!» — «Разорвать его за его дрянные стихи! разорвать его за его дрянные стихи!»)

Нить На открытии памятника Жукову Говоров зычным 90-летним голосом говорил: «Жуков красной нитью проходит через всю войну...» А повар Смольного вспоминал по телевизору, как в блокаду Говорова и Жданова обслуживали маникюрщицы, а врачам, лечившим

их штат от обжорства, разрешали брать объедки, которыми те подкармливали вымирающих. [149]

Нибудь Самая знаменитая фраза К. Леонтьева: «Ибо не ужасно и не обидно ли... что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник... для того только, чтобы буржуа в безобразной и комической своей одежде благодушествовал бы на развалинах» итд. Замечательно, что это точный стиль почтмейстера из Гоголя, а Леонтьев Гоголя ненавидел. Ср. ХРИСОЭЛЕФАНТИННАЯ ТЕХНИКА

Не «Я никого не предал, не клеветал — но ведь это значок 2 степени, и только» (дн. Е. Шварца, б89). А Ахматова писала «Знаю, брата я не ненавидела и сестры не предала» с гордостью.

Не Лучшей рекламой для компьютеров по американскому конкурсу оказалось: «Они не так уж переменят вашу жизнь!»

Не «Как вы сами определили бы свою болезнь?» — спросил врач. «Душевная недостаточность», — ответил я.

Немоложавая женщина — выраж. Н. Штемпель, 48, об упоминаемой Мандельштамом воронежской Норе. «Женщина неочевидной молодости» было где-то в другом месте.

Национальность «Я по специальности русский, раз пишу на русском языке» — ответ С. Довлатова в интервью. Русские — это только коллектив специалистов по русскому языку. Если мне запретят говорить и думать по-русски, мне будет плохо. Но если не запретят, будет ли другим хорошо?

Национальность Фет на анкетный вопрос, «к какому народу хотел бы принадлежать», ответил: «Ни к которому».

Нравы и обычаи (от И. Альтман). Киев работает под флагом благожелательности, киевлянка скажет «Но ведь недостатки всюду можно найти!», а киевлянин: «Может быть, надо помочь?» Одесса хочет, чтобы все за нее работали, потому что она так уж за всех печется и за всех страдает, — этого много у Ахматовой, хоть она и рано покинула Одессу. А Днепропетровск хочет, чтобы все за него работали, просто потому, что никаких других желаний ни у кого и быть не может. Это по поводу того, что очередной кандидат в директоры института — из Днепропетровска.

Ненависть Эренбург говорил Шкапской: «Война без ненависти так же отвратительна, как сожительство без любви. Мы ненавидим немцев за то, что должны их убивать» (Дневник 1943 г.).

Ненависть «Я никогда не думала, что ненавидеть так утомительно», сказала дочь о свекрови. [150]

Ненависть «У Ю. Самарина ненависть была от недостатка любви к человеку, у Достоевского — от избытка любви к идеалу». (В. Мещерский, Восп., 11, 180).

Ненависти предмет «Аскету снится пир, от которого бы чревоугодника стошнило» («Дар», о революционно-демократической критике. Кто-то применял эту фразу к изображению светского застолья в «В круге первом»).

Не дотягивать Бродский о сталинской оде Мандельштама: для Сталина это было слишком хорошо, власть любит оды, которые до нее не дотягивают. Так Ахматова предпочитала портреты, которые не дотягивают, и Альтмана не любила. Египетской собачине у Мандельштама противопоставлен Вийон, который тоже ведь мог бы написать оду — и, пожалуй, без недотягивания. Бродский сказал: «Сумасшествие Мандельштама — игра: знаю по своему опыту у Кащенко» (откуда пошел «Горбунов и Горчаков», этот обэриутский амфир).

Наука «Смешивать любовь к науке с любовью к ее предмету» недопустимо: искусствовед «должен любить Рафаэля не более, чем врач красивую пациентку». «Ученый в жизни не должен быть тем же, что в науке: жизнь есть воля, а наука — подчинение (мысли — материалу)». В. Алексеев, «Наука о Востоке», 82, 338, 340.

«**Наука** не может передать диалектику, а искусство может, потому что наука пользуется останавливающими словами, а искусство — промежутками, силовыми полями между слов» (Разговор с Г. Кнабе?).

Науки по Магницкому, делились на положительные (богословские, юридические, естественные, математические) и мечтательные (все остальные).

Фундаментальная наука: во-первых, с одной стороны, это очень инерционная система. Даже совсем прекратить финансирование — она очень долго будет самоликвидироваться.

В. Булгак, вице-премьер по науке (ИТ. 22.07.97)

Нингра Это заузное звуко сочетание мне по-северянски нравилось; поэтому мне не хотелось, чтобы Ленинград переименовывали обратно в Петербург. (Уверены ли мы, что св. Петр дороже нам, чем Ленин?) Ленинградцам я говорил: «До имени петербуржца надо еще дорасти...» Если мы печемся о преемственности культуры, то историю переименований нужно записывать на уличных досках. Маяковскому в фильме на сю[151]жет «Клопа» нужно было одним кадром показать, что прошло сто лет, он показал угол дома с табличкой «97-я улица — б. 19 сентября — б. Луначарская — б. Архиерейская».

Неологизм «Какое-то новое слово «бой»: раньше говорили «сражение», говорил Л. Толстой (Маков., I, 198) вопреки всякой очевидности.

Нравственность «Он считал, что не крадет и не убивает лишь потому, что ему незачем красть и убивать» («Гарпагониада»).

Не опечатка «Всем, кто попал под молох истории» — крупное заглавие в газ. «Карьера», 1991, февр., 3, с. 14. Ср. «...науку, чей качественный статус всегда западал между молохами неизбежной междисциплинарности предмета и неизбежной идеологической ангажированности» — М. Колеров в «Сегодня», 9-12.1995).

Смесь латинского с нижегородским: в пер. Ламарка 1911 названия представителей всех разрядов животных (в подлиннике по-французски, переводчик дознавался до латинского названия, а потом искал, что есть в русских словарях). Инфузории: монада, вольвокс, калита (bursaria), церкария, тонкохвостик (tricho cercus). Полипы: плюматилла, уксусничник, пробчак (alcyonium), флюстра, струночка (funiculina), энкрин. Лучистые: пузырьник, огнетелка, экворея. Черви: аскарида, крылохвост (flssula), ремнец. Насекомые: конопс, ктырь (asilus), жужжало, комар, алеурод, плавт (paucoris), адела, муравей, левкопсис, тощанка, немюра, клепка, клитра, головопрат, медляк (blaps), скавр, коссиф, притворяшка (ptinus), инс, рытельница, бихорх (galeoaes), кивсяк, телифон. Ракообразные: козочка, зозя, постоялец (pinnotheres), гранс, ногозорка, каляппа. Моллюски: просверлинка, устрица, хама, дутлик, пандора, воловье-сердце (isocardia), венерино-сердце, канса, байдарка (chiton), конхолепас, скоблюша, рогатик, крылатик. Рыбы: рохля (rhinobatus), пегас, бекас, овоид, ошибенъ, тениоид, хахалча японская, барабаничик, лейогнат, златик-пестух (gallus), омпок, аргентина, сиг, односкважножаберник, мормир итд. Я вспомнил Конселя у Жюль Верна и вспомнил, как я переводил списки рыб у Овидия и Авсония, калькируя непонятные имена с латинского в рассуждении, что в каком-нибудь диалекте и найдется рыба с таким названием.

Опечатки в «Рус. стихосложении» Б. Томашевского 1923: «Стр. 18, 48, 55, 62, 63, 64, 87, 88 напеч. Бог, следует: бог. Стр. 53, 88 напеч. Господь, следует господь» итд. Ср. примеч. к «Мистериям» Байрона 1933 г.: «Господь и пр. пишутся с большой буквы только как выступающие и невыступающие персонажи; отступления просим считать опечатками». Акад. Александров сказал: они пишут Бога с маленькой буквы, потому что боятся, вдруг с большой он начнет существовать. (Когда вернули на антирелигиозную доработку том «Средневековые литературные теории», сын, вспомнив Лескова, спросил: «Это чтобы вместо «богородица» писать «пуговица»?»). Возникают неправильные [152] понимания: «...я червь, я бог» (a god) — правильно, а «...я червь, я Бог» — кощунственно.

Орфография «Одним из требований орфографического режима является унифицированное и грамотное оформление школьной документации» (Сб. приказов и инструкций Мин. просвещения, 1983, № 9, с. 30).

«Образины» — замечательно перевел И. Коневской заглавие «Гротесков» Э. По.

Остряк *Summum fastigium* в «Энеиде», II, 458, Фет переводил «высший остряк».

Оригинальность «С замечательной оригинальностью он воспевал звучным стихом красоту природы и человеческую душу, бичуя в то же время сатирой людские пороки и общественную лживость» (ИВ 1916, 143, 319, некролог Ф. В. Черниговца-Вишневого).

Обварить То, что сделал Грозный с Василием Шибановым: технический термин для начала допроса (РСт 62, 190).

Объем В «Лит. памятники» прислали перевод «Опыта о человеке» Попа:

Что знаем мы о человеке, кроме
Его названья, чтоб судить в объеме?..

Я вспомнил об этом, когда в программе путча 19 авг.1991 оказалось объявлено: «Восстановить в полном объеме честь и достоинство советских граждан».

Оглавление В плане сочинения по «Труженикам моря» были пункты: «Первое щупальце», «Второе щупальце» итд. Это выглядело ничуть не хуже, чем оглавления типа: глава первая, глава вторая... (Рассказывал К. Д. Вишневский.)

Отупение Мысли, встретясь, прежде чем связаться друг с другом, постоят лоб ко лбу, как бараны.

Ohrenphilologie На большой конференции во время доклада погас свет. Все замерли: будет или не будет продолжать докладчик? в какой культуре мы живем, слуховой или зрительной? Но свет быстро зажегся, и проблема осталась проблемой.

Опыт «Не религиозный опыт, а религиозные опыты», — писал Бердяев о дневниках Поплавского с их поиском святости через необыкновенность.

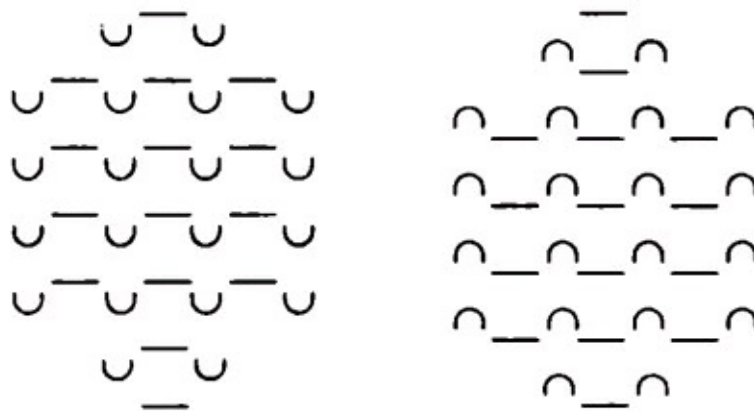
Освобождение К. Эмерсон: «Освободить настоящего Мандельштама нужно от Н. Я. М., а настоящего Бахтина — от Бахтина же: слишком [153] обычен аргумент «Он сам мне говорил», а говорил он разное — по забывчивости, по переосмыслению, а то и по мистификации».

Патент Когда задумывался биографический словарь «Русские писатели» и в словнике малых и забытых имен странно выглядели Пушкин и Толстой, то А. П. Чудаков хотел предложить вообще пропустить десять крупнейших писателей, дав на них только библиографию. Какой спор был бы за последние места в этом патентнике на великость!

Патриотизм фонетический Андре Вейль, математик, брат Симоны, оскорблялся, когда его

фонетический произносили: Вайль. В. Вейдле макаронически подписывался W. Weidle — видимо, оскорбляясь, если его называли Вейдль.

Перевод М. Knight, переводя Fisches Nachtgesang Моргенштерна, перевернул его чешуйки вверх ногами:

Прогресс Замечание Наполеона на «Записки» Цезаря, попутно: «как фантастичен Вергилий, у него Троя будто бы сгорела за одну ночь, а Москва горела неделю». (Слышано от Е. В. А.)

Прогресс это как поэт, который для должной картины под стихами похуже ставит старые даты, а под стихами получше — недавние. Маяковский и Есенин делали наоборот, демонстрируя свое вундер-начало.

Правда «Зачем вы всегда кричите, когда говорите правду?» (Ж. Ренар, Дневник).

Правда Д. Самойлов (ЛО 90, 11, 102): «Поэт, желающий участвовать в реальном общественном процессе, не может быть стопроцентно правдив, но зато обязан сознавать всю меру неправды, которую несет его поэзия».

Педагогика «Уроки истории могут стать полезны, только когда мы сами перестанем поучать историю». [154]

Поручения дамские из Смоленской губернии, выписанные в дн. М. Шкапской (РГАЛИ 2182.1.55) из РСт 1891. Увалочку полушелковую модного цвета, чулки ажурового цвета с цветочками, кружева на манер барабанных (брабантских), лорнетку — я близкоглаза. Еще купить хорошего кучеренка да тамбурную полочку. Узнать, почем животрепещущая малосольная рыба, а будете в городе, спросите, который час.

Психоз «Ощущение сделанности, смоделированности окружающего мира — признак тяжелого психического заболевания». А Божье сотворение мира?

«Психоанализ все возводит к сексуальным побуждениям, кроме самого себя». — Карл Краус.

Переписка К стиху Авсония (Посл. 26, к Павлину, 30) «Чем стыднее молчать, тем труднее нарушить молчанье» комментатор цитирует Вуатюра: «Я не писал тебе шесть месяцев — первый месяц по небрежности, остальные от стыда». «Аграфия», деликатно говорила о себе Ахматова, боявшаяся письмами скомпрометировать себя перед потомством. Ср. И. Коневской Брюсову 305.1900: «Простите мне, В. Я., продолжительную бесприветность: все последнее время чувствовал большой упадок деятельных сил в некоторых орудиях своего живоустройства,

который происходил, конечно, от чрезвычайного раздражения и перенапряжения чувствительных нитей...»

Просвещение Л. Соболева вписала в глоссарий к своей поэме про Дедала слово «вепрь». Зачем, ведь все знают! Спросила одного соседа, сказал «еж», другого — «медведь». А по данным «Лит. газеты» (ноябрь 1985), из двух десятков людей с высшим образованием только один мог правильно объяснить, почему меняются времена года.

Просвещение Заболела такса, послали телеграмму о лекарствах знакомым в Венгрию: «У Кафки чума итд.» Телеграфистка вернула: «Не правильно, чума — это у Камю».

Я попробовал перевести китайское цю — с двойного подстрочника (пословный и пофразный), для передачи специфики языка не допуская личных форм глагола:

*В западном городе — ивы весной, гибкие ветки.
Горше разлука,
Не сдержат слез.
Памятна та любовь, тот причал вернувшейся лодки:
Красный мост, зеленый дол, добрый день;
Теперь — ничего.
Напрасна река. [155]
Вешний цвет — не для юных лет.
Долгая тоска:
Когда конец?
Время вянуть цветам, облетать сережкам, всходить на башню.
Вешняя река, будь вся она из слез,
А все не истечь
Такой тоске.*

Получилось больше всего похоже на «Знакомый дом, зеленый сад и нежный — взгляд».

Перевод «Читать Мопассана в переводе — это все равно что читать «Евгения Онегина» в пересказе Скабичевского» (Тарле, 261). Я вспомнил об этом, когда поднялся крик против издания дайджестов всемирной литературы, подменяющих великие подлинники итд. Кричали те, кто читал великие подлинники, конечно же, в переводах. Бунин едва знал французский язык, Мопассана ценил именно в переводе, а при столкновениях с полицией тыкал себя в грудь и кричал: «Prix Nobel!» (В. Яновский, Поля Елис.).

Перевод «Автор гораздо меньше думает о читателях, чем переводчик». Потому что переводной текст самим фактом перевода повышенно престижен: это средство иерархизации культуры, и переводчик чувствует свою повышенную ответственность.

Перевод «Подражают, как хотят, переводят, как могут», формула Фета (Катулл, с. IX).

Припек — переводческий термин, означающий неизбежный прирост объема в переводе с любого языка на любой, даже с длиннословного русского на краткословный английский. У меня он меньше, чем у других, от привычки к стихам. Мне пришлось переводить одну биографию Плутарха взамен старого перевода — у меня получилось на четверть короче прежнего. Цицерон при таком переводе невольно превращается в Тацита. Шекспир в равнострочных переводах тоже превращается в Тацита. А Поп, который и был Тацитом, отчаянно пустеет.

Перевод «...имея кормление от толмачного дела».

Перевод Реплики на вечере переводчиков. Первая сказала: «Мы переводим с космического языка на космический, потому что Земля — это культурный пласт Вселенной, но я волнуюсь, потому что у других уже книги, а у меня еще нет». Ее прогнали аплодисментами. Следующий пожурил, что не сумели перевести с ее языка на свой, и начал: «Культура — суррогат экзистенции, поэтому надо переводить не слова, а состояния...» [156]

Переводчик «У всех переводчиков есть и настоящие, душевные стихи, — кроме настоящих переводчиков».

В суд меня вызывали пока один раз в жизни. Дело было так. Я перевел басни Федра и Бабрия. Бабрия раньше никто не переводил, а Федра переводил известный Иван Барков: два издания, второе в 1787. В городе Ярославле, на одном чердаке (именно так) эта книжка 1787 г. попала местному графоману, фамилии не помню. Он рассудил, что такая старая книга могла сохраниться лишь в единственном экземпляре и что такой ценный перевод необходимо довести до советского читателя — конечно, отредактировав. У Баркова было написано: «Плешивой дал себе горазду апляху, Хотев убить его куснувшу в темя муху» — он переделал «горазду» на «огромну оплеуху». Свою переработку он послал в Академию наук с приложением других своих сочинений: стихи, басни, теоретический трактат, поэма «Юдифь», трагедия «Враги». Никакого ответа, но через полгода в издательстве Академии выходит тот же Федр в переводе Гаспарова. Понятно: переводчик познакомился с его трудом и присвоил его плоды, иначе откуда он мог узнать о баснях Федра? Иск о плагиате, доверенность на привлечение к суду по месту жительства. Районный суд был в замоскворецком переулке, вход через подворотню, тесные коридоры углами, зимняя грязь на рассевшихся полах. Заблудившись, я попал в зал заседаний: дело о разводе, у молодого мужа оглохла жена и стала бесполезна по хозяйству, она измученно смотрела на судью и отвечала невпопад. Когда я нашел нужную дверь, меня дольше всего спрашивали, правда ли я переводил стихами прямо с латинского, не ужели знаю язык. Ярославскому истцу назначили адвоката — торопливую завитую женщину. Сели в коридоре, я положил перед ней перевод истца и свой перевод. Она сравнила две страницы, вскочила и побежала отказываться от защиты. Потом истец прислал еще письмо: «Враги мои, стремясь навязать мне в соавторы некоего Гаспарова и застравав адвоката такую-то... но я не остановлюсь, еще грознее станут мои басни, еще страшнее мои трагедии». Прилагалась басня: «Соавтор и бандит». «Злодей, увидев человека, — подстерег и задержал; и, ручек у него найдя на четверть века, — как кудесник, угадал, — что перед ним Соавтор оказался. Злодей был добр и мигом рассмеялся...» итд, — конец: «но берегись вперед — и знай, с кем ты имеешь дело!» Стиховедчески интересный текст: свободное чередование ямбов и хореев. Судья — прямая и сухая женщина без возраста — с досадой в голосе сказала мне, что суд закрывает дело за недоказанностью обвинения.

Право Сыну в периодике попала статья: «Правовые средства защиты от наводнений».

Право на существование — а то еще бывает обязанность существования, с отношением к этому как к обязанности — с отвращением.

Право на существование Ты не имеешь права на существование? Пусть так, но заслужил ли ты право на несуществование? Единственный дозволенный тебе вид самоубийства — сгореть на работе. Не можешь? То-то.

Право «После успехов Кира и Камбиса Персия могла бы воспользоваться заслуженным правом на упадок, но смена династии [157] помешала осуществиться этой закономерности...» (комментарий к историческому атласу Мак-Эвиди).

Препятствовать Начальник немцев Ламсдорф обещал передаться Лжедимитрию со всей дружиною, но пьяный забыл о сем уговоре и не препятствовал ей отличиться подвигами. Карамзин, XII, 2.

Пантагрюэль (как его лечили от несварения желудка). К юристу пришла пенсионерка с жалобой: «в меня вселилась кибернетическая машина, как вышла на пенсию — стала писать стихи; понимаю, что плохие, а не могу бросить». Читайте хороших критиков итд. Читает, приносит новые стихи, безукоризненно стилизованные под каждого классика. «Ну, читайте хороших критиков: Белинского и пр.» Читает, приносит прекрасно написанные разносные рецензии на собственные стихи. «Тогда напишите рецензии на собственных рецензентов». Написала и помогло: перестала писать. (От Н. И. Катаевой-Лыткиной.)

Подвиг По поводу доклада «Христианское видение Мандельштама» Бродский сказал: «Такой-то столпник в день отбивал тысячу поклонов — страшно не это, а то, что кто-то рядом стоял и считал».

Пробирка «Трудности современного христианства повсеместны и объективны. Как объяснить «Царю небесный» и «Отче наш» человеку немонархического столетия, выращенному в пробирке?» (Сказал Н. Котрелев на «толковище» — на конференции «Кризис России XX в.» под самый путч 1991).

Прихотливость «Чем плохи олени, так это неприхотливостью: ничего не хотят, кроме ягеля» (К. Симонов, РДВ, 2, 411).

Перестановка слагаемых Оглавление сб. «Стихи о музыке», 1982: Байрон Джордж Гордон, Бальмонт Константин, Баратынский Евгений, Белинский Яков, Беранже Пьер-Жан... Мандельштам Осип, Мартынов Леонид, Маршак Самуил, Матвеева Новелла, Мачадо Мануэль, Маяковский Владимир... Крупный шрифт, как переключка в юнкерском училище.

Плеяда Декретное формирование плеяд началось семью седмицами Варрона и, кажется, еще не кончилось «Поэтами тютчевской плеяды» В. Кожина.

Платон Видимо, мой детский мир с его «разрешается быть только хо рошим» напоминал фашистское государство Платона, оттого-то я Платона и не люблю. «Нынешняя русская мода на Плато[158]на установилась не без моего участия, — говорил С. А, — мне совестно, и я хотел бы написать апологию Аристотеля».

Питать «Усталый, я лежал на кровати и питал грустные мысли» (А. Миропольский-Ланг, РО РГБ).

Надежды юношей питают,
Светлы младенческие сны,
Цыплята осенью считают,
Что их оставят до весны
(Е. Лозинская, из «Антологии Голубой лагуны»)

Подтекст Л. Охитович перевела в «Атта Тролле» парафраз из Шиллера парафразом из Брюсова «Может быть, все в жизни средство Для певуче-ярких строф», Д. С. Усов сомневался, стоит ли (ар хив ГАХН).

Подтекст Народная русская песня (М. Ожегова) «Потеряла я колечко» происходит от арии Барберины «Потеряла я булавку».

Путь (*дао*: «что есть дорога, то не есть путь»). «До Египта недалеко: далеко до Южного вокзала». — Карл Краус.

Путь «Нельзя тебе идти путем спасенья, пока ты сам не станешь тем путем», ранние стихи В. Меркурьевой. (От Блока: «пока не станешь сам, как стезя»).

Дорога искала дорогу,
Покуда ей не сказали:
«Нет для тебя дороги,
Ты сама дорога и есть».

Дорога была дорогой,
Пока она не сказала:
«Я напролет истоптана,
Больше я не могу».

«Что ж, — сказали дороге, —
Если ты больше не можешь —
Вот для тебя дорога:
Встань по ней и ходи».

Только топтать оказалось
Хуже, чем быть истоптанным:
Дорога пошла по дороге
И стала искать обрыв.
(*Ранние стихи К. Л.*)

Пресекать В нацистских инструкциях по проведению собраний говорилось: если будут попытки петь «Deutschland uber alles», то пресекать, потому что опыт показывает, что никто не помнит больше одной-двух стрóf.

Природа Дочь персидского посла, учившаяся в МГУ в 1947, стоя перед «Явлением Христа народу» в Третьяковке, говорила: вот у нас всегда такая погода (Расск. Е. В. Старикова).

Палиндром моностих Авсония *Prima urbes inter, divum domus, aurea Roma* Брюсов перевел «Рим золотой, обитель богов, меж градами [159] первый» — в точности обратный порядок слов. Как ни странно — вероятно, случайность.

Да, вот на деле Дантов ад!
Кот учен, но как он нечуток!
Надо логики: голоден.
Наворован доход, наворован.
Палиндромы из газет

Перспектива Из письма: «Не так важно, любим ли мы Пушкина и Овидия, как — заслужили ли мы, чтобы они нас любили. И тогда ясно: не только они нас не любят, но больше: Овидий недоумевал бы на Пушкина, а Пушкин смотрел бы на Блока, как на Жюль Жанена. Под взглядом в прошлое культура срастается в целое (идиллия волков и ягнят на одном хрестоматийном лугу), под взглядом из прошлого — рассыпается на срезы. Как одесская лестница: снизу — сплошные ступеньки, сверху — сплошные площадки». См. КОММЕНТАРИЙ.

Польза С. Липкин о М. Шагинян: «сумасшедшая в свою пользу». Я случайно столкнулся с нею в Гослите, ее вели по коридору, бережно поддерживая с двух сторон, оплывшую, похожую на пикового туза.

Позитивизм Я чувствую себя принадлежащим не себе, а низшим и неизвестным силам и ищу знания их. А другой чувствует себя принадлежащим не себе, а силам высшим и ищет веры им.

Последствия АКТ в письме извинялся занятостью: «Страдаю от последствий своих филологических флиртов». Я тоже плачу алименты по четырем научным темам.

Поэт Высоцкий говорил, что первым, кто назвал его поэтом, был врач-гинеколог в лекции о вреде алкоголя: «Поэт Высоцкий недаром сказал: Нальем стаканы, зальем желанья...»

Полифония Сейчас труднее всего для перевода стиль без стиля, прозрачный, бескрасочный, показывающий только свой предмет, — стиль рационалистов XVIII века, Вольтера, Свифта, Лессинга, которого так искал Пушкин. Романтическая полифония рядом с ним ужасает именно своим эгоцентризмом.

«Повесились Цветаева и Санникова» — запись в дневнике Шкапской военных лет. Санникова, жена поэта Гр. Санникова, с первых дней Чистополя была вне себя, кричала о всеобщей гибели и в каждом пролетавшем самолете видела немецкий. Цветаева была у нее прежде, чем уехать из Чистополя; Вера Вас. Смирнова до конца жизни не сомневалась, что это было предпоследним толчком к цветаевской петле. [160]

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ГЕОГРАФИЯ. Сыну снились совмещенные Греция и Америка: на дальнем Западе правил царь Пирр, от Афин до Фтии царь Петр Великий, в Коринфе на перешейке — Васко Нуньес Бальбоа, к югу — бразильские тропики, к северу — канадская тайга. Всюду греческое безводье, Ахелой пересыхает, только в Коринфе бьет Пиренский источник. Сойдясь на конгресс, два царя идут отвоевывать питьевую воду, Бальбоа уходит на юг в сказочные пелопоннесские леса, и действительно, открывает там реку Амазонку с чудовищами по берегам. Пирр шлет за ним войско, но оно засыпано где-то в эолийской пустыне, Петр шлет наемного убийцу, но убийцу съедает лернейская гидра... Кажется, у сюрреалистов в одном альманахе была похожая карта мира.

«Притоны ангелам своим» отвел Аллах на Чатырдаге, Лерм., II, 116.

Приставка «Вычеркнули из истории, а потом опять вчеркнули». «Вкус — это выученное в тебя в отличие от выученного тобой».

Петров В Петрозаводске в 1982 устраивали юбилейное заседание памяти протопопа Аввакума; для начальства было сказано: русского писателя А. Петрова.

Пересказ Пастернак пересказывал письма и речь Шмидта точь-в-точь как Некрасов — записки Волконской (впрочем, с голоса Волконского-сына, потому что по-французски не читал).

Половина НН делала антисемитский доклад о Мандельштаме. И. Ю. сказала: «Как, вы, наполовину еврейка...» — «Когда наполовину, то яснее выбираешь точку зрения»; — «Тогда поздравляю с умелым выбором». Так и я удивился, узнав, что русскофамильный автор книги о Ганнибале (антисемит не хуже Каршtedта) — еврей; мне сказали: «Это в вас типичный индоевропейский предрассудок».

Пословица К сожалению, нужно сперва сесть в сани, чтобы убедиться, что они не твои.

Психоррея изливание души, термин С. Кржижановского («Автобиография трупа»).

«Паламед изобрел грамоту не только для того, чтобы писать, а и для того, чтобы

соображать, о чем писать не надо». Жизнь Аполл. Тианского, IV.33. См. ДЕВИЗ.

Работа У моего шефа Ф. А. Петровского над столом была приклеена надпись: «Сущность научной работы — в борьбе с нежеланием работать. — И. П. Павлов». Туган-Барановский начинал свой курс словами: «Труд есть дело более или менее неприятное...» Ср. в записях К. Федина: «Если хочешь из легкой работы сделать трудную — откладывай ее». [161]

Работа Когда не хочется работать, можно сказать: «у меня санитарный день» или «переучет».

Развитие по формалистам: с оглядкой через голову отцов на дедов или дядей. Но у русской культуры развитие сверхускоренное, в XX в. мы пропустили несколько ступеней и запутались, хвататься ли нам за память о дедах или прадедах.

Рецепт Дубельт писал: «В распоряжении ученых есть и целительные средства и яды, поэтому они должны отпускать ученость только по рецептам правительства».

Режим Э. Юнгер на фронте спросил пленного офицера: как вы относитесь к советскому режиму? Тот ответил: «Такие вопросы с посторонними не обсуждают» (ИЛ 1990.8).

Рифмы — мужские, женские, а дактилические по-сербски называются «детскими» (сказал В. Сонькин). Женские рифмы, прикрытые согласным («правиЛ-заставиЛ»), Подшивалов предлагал называть девическими рифмами: вот куда проникала эротика задолго до Ермакова.

Рифма Д. Самойлов говорил О. Седаковой: если вам за перевод платят 1 р. 20 к. за строчку, то на рифму из этого идет 20 к. Вот такие рифмы им и выдавайте: за «-анье-енье» в самый раз.

Рифмы ради «Я была на Патмосе, уверяю вас: «Над этим островом какие выси, какой туман» — это насмешка, туман на Патмосе немыслим».

Редупликация (Лит. Киргизст. 1982.4.93 со сс. на Г. Бабаева): стихотворение С. Вургуна «Кавказ» в 1948 (при жизни!) в переводах Ю. Фектистова и А. Адалис вошло в «Избранные стихотворения» как два разных, а в 1960 оба разных вдобавок были переведены для болгарского издания.

Редакция Психолингвисты отмечают, что склонность к переработке текста — черта душевнобольных. Предлагался отрывок прозы (из С.-Экзюпери): «что можно сделать с этим текстом?» Нормальные даже не понимали вопроса, а те тотчас начинали редактировать (иногда очень тонко), пересказывать от первого лица и пр. (Слышано от С. Золяна). Собственно, это черта не только редакторов, а и писателей итд.

Риторика (Из дневника М. Шкапской в РГАЛИ). Ольга Форш ждала трамвая, пропустила четыре, прыгнула в пятый; ее снял молодой милиционер, сказавши: «Вы, гражданка, не столь мо[162]лоды, сколь неразумны». Она пошла прочь, растроганная, и лишь потом сообразила, что он попросту сказал ей старую дуру.

Революция За два дня до Февраля у Керенского собрались товарищи и согласились, что революция в России никак не возможна (Палеолог, 422).

«**Революцию** делают не голодные люди, а сытые, которых один день не покормили» (Авторханов, ВИ 1992, 11/12, 105).

Революция Афиша: «Кино французской и советской новой волны; весь доход от фестиваля пойдет на уличную съемку первого фильма о будущей революции».

А. Э. Хаусмен. РЕВОЛЮЦИЯ. (Last poems, 1922).

Ямб и рифмы не сохранены.

Катится на запад черная ночь.

Лучшееся знамя вскидывает восток.

*Призраки и мороки страшных снов
Золотым потоком захлестывает день.*

*Но над сушей и морем, все дальше от глаз,
Скользит над миром туда, за океан,
Свернутая в конус вечная тьма,
Дурацкий колпак, задевающий луну.*

*Смотри: вот солнце вздыбилось над головой;
Слушай: к полдню гремят колокола;
И мрак по другую сторону земли
Миновал надир и всплывает ввысь.*

Революция Запись Ф. Вермеля о перестрелке в Москве в декабре 1905: «как будто ковры выколачивают».

Революция «У нас не может быть революции ради идеи, а только во имя лица» (Вяз., Зап. кн., 84).

Род «Fatum опутало меня цепями», — писал еще Ал. Григорьев почти как «это есть великое проблема» в «Восковой персоне». Ф. А. Петровский уверял, что в молодости видел парикмахерскую с надписями: «мужской зал», «женская зала», «детское зало».

Россия и Запад классическая формула Щедрина: у русского «перед иностранцами чувство, будто что-то украл, перед своими — будто что-то продал». У кого это чувствуется в каждой строке, так это у [163] Блока. На вокзале мне приснилась фраза: «NN, когда его секли, становился совсем западный».

«Разорвись на-двое, скажут а что не на-четверо?» (Даль). «Увидим, сказал слепой; услышим, сказал глухой; а покойник, на столе лежа, прибавил: до всего доживем».

С «Шла машина темным лесом за каким-то интересом. Интеринтер-интерес — выходи на букву эс» (Лойтер 734).

Самое «Что самое удивительное? — То, что завтра будет завтра». (Из арабского катехизиса, вроде Голубиной книги).

Сад Саади в русских переводах XVII в. назывался «Кринный дол» и «Деревной сад».

Семь Л. Вольперт рассказывала, как принимала первые экзамены и еще не знала, за какое незнание что ставить. Пришел пожилой заочник и сказал: «Семь». Она не поняла. (Десяток? бутылок?). Он сказал: «Семь детей». — «Ну, отвечайте только на один вопрос». (Я не удержался и спросил: «он сказал: три с половиной?»). Все кончилось благополучно.

Семь Уже трудно жить, семь раз отмеривая: к седьмому отмеру забываешь первый.

Связь событий «Я могу понять, как ваша связь продолжалась, но не могу — как началась», — сказал N. «А я могу — как началась, но не могу — как продолжалась», — ответила M. (Вяз.).

Разговоры эти начались сорок с лишним лет назад. Я учился на последнем курсе классического отделения, а он на первом. Ко мне подошел высокий застенчивый человек и спросил моего мнения, почему имя такого-то пифагорейца отсутствует в списке Ямвлиха. Я честно сказал, что никакого мнения на этот счет не имею. Знакомство состоялось, рекомендации были предъявлены самые авторитетные — от Пифагора. Как этот первый разговор продолжался дальше, я не помню. Второй разговор, несколько дней, был проще: собеседник попросил помочь перевести ему фразу с первой страницы латинского учебника. Это была строчка из «Энеиды»: *Nan ignara mali, succurrere disco*. Я ее очень люблю, он оказался тоже к ней неравнодушен. Думаю, что это единственный раз я в чем-то помог Аверинцеву: потом уже помощь была от него — мне.

Когда-то мы обещали друг другу написать некрологи друг о друге. Мне бы очень не хотелось выступить в этом жанре преждевременно. Поэтому я хотел бы только пересказать кое-что из его суждений на разные темы — то, что запомнилось или записалось. Односторонний интерес к темам — целиком на моей совести. Стил — это не стенограммы, а конспекты. Сенеке случалось мимоходом пересказывать несколько фраз Цицерона (специалисты знают эти места), — так вот, стил этих записей [164] относится к настоящему стилю Аверинцева так, как стил Сенеки к стилю Цицерона. Кое-что из этого вошло потом в опубликованные им работы. Но мне это запомнилось в том виде, в каком проговаривалось в беседах или докладах задолго до публикаций.

«Античная пластика? Пластика — совсем не универсальный ключ к пониманию античности, скорее уж ключ — это слово. Средневековые из античной культуры усваивало именно словесность. Это теперь античность — зримая и молчащая, потому что туристов стало больше, а знающих язык — меньше».

«Романтизм насильственно отвеял из античности ее рационалистичность, и осталась только козмопрутковская классика: «Древний пластический грек», «Спор древних греческих философов об изящном»». (Теперь мне самому пришлось читать курс «Античность в русской поэзии конца XIX — нач. XX в. — и начинать его именно со «Спора философов об изящном»).

Еще об античном рационализме. «Вот разница между современностью и актуальностью: Платон современен, а Аристотель актуален. Мне так совестно тех мод, которые пошли от меня, что я хотел бы написать апологию Аристотеля».

«Пушкин стоит на переломе отношения к античности как к образцу и как к истории, отсюда — его мгновенная исключительность. Такова же и веймарская классика».

«Мы уже научились легко говорить «средневековый гуманист»; гораздо труднее научиться говорить (и представлять себе): «ренессансный аскет». Как Томас Мор».

«Риторика есть продолжение логики другими средствами». (Да: риторика — это не значит «говорить не то, что думаешь»; это значит говорить то, что думаешь ты, но на языке тех, кто тебя слушает. Будем ли мы сразу подозревать в неискренности человека, который говорит по-английски? Некоторым хочется.)

«Пока похвала человеку и поношение человека розданы двум собеседникам, это риторика; когда они совмещаются в речи Гамлета, они уже не риторика».

«Вердену была нужна риторика со свернутой шеей, но все-таки риторика».

«История духа и история форм духа — разные вещи: христианство хотело быть новым в истории духа, но нимало не рвалось быть новым в истории таких его форм, как риторика».

«Время выражается словами чем дальше, тем косвеннее: о чем лет двадцать назад возмущались словесно, сейчас возмущаются в лучшем случае пожатием плеч. — А в прошлом? — «Может быть, все Просвещение, *erklähne Aufklärung*, и было попыткой высказать

все словами».

«Новаторство — это традиция ломать традиции».

«В «Хулио Хуренито» одно интеллигентное семейство в революцию оплакивает культурные ценности, в том числе и такие, о которых раньше и не думали: барышня Леля — великодержавность, а гимназист Федя — промышленность и финансы. Вот так и Анна Ахматова после революции вдруг почувствовала себя хранительницей дворянской культуры и таких традиций, как светский этикет».

«А у Надежды Яковлевны точно таким же образом слагался ретроспективный миф о гимназическом образовании, при котором Мандельштам даже с фрагментами Сапфо знакомился не по переводам Вяч. Иванова, а прямо на школьной скамье».

«Мне бы хотелось написать рефутацию историософии Пастернака в «Охранной грамоте»: венецианская купеческая республика осуждается человеком 1912 г., окруженным Европой 1912 г., то есть той самой разросшейся купеческой республикой, с выводом: к счастью, искусство к этому не имело никакого отношения».

«Как Пастернак был несправедлив к Венеции и буржуазии, так В. Розанов — к журналистике: не тем, что бранил ее, а тем, что бранил ее не как журналист, а как некто высший. Каждый из нас кричит, как в «Русалке», «я не мельник, я ворон!» — поэтому ворОн летает много, а мельница не работает».

«Дорнзайф говорил: писать скучно — это особый талант, он не всякому дается». (Но когда дается, то уж в такой сверхмере!) [165]

«Как писать? Мысль не притворяется движущейся, она дает не указание пути, а образец поступи. Хорошо, когда читатель дочитывает книгу с безошибочным ощущением, что теперь он не знает больше, чем он не знал раньше».

«Когда я кончаю лекцию или статью, мне всегда хочется сказать: «А может быть, все было как раз наоборот». (Понимаю; но мало иметь такое право, нужно еще иметь обязанность сказать: «а из двух «наоборот» я описал именно этот вариант потому-то и по тому-то»)

«А когда разговариваю, то иной раз получается токование на здравом смысле: рулада и контррулада».

В. С. сказал о нем: «С. А. по-современному всеяден, а хочет быть классически монокультурен». Я присутствовал при долгой смене его предпочтений — этой погоне вверх по лестнице вкусов с тайными извинениями за прежние приязни. Его дразнил и словами Ремигия К Хлодвигу: «фьер сикамбр, сожги то, чему ты поклонялся...» Но сжигать без сожаления он так и не научился. Мне дорого почти случайно вырвавшееся у него восклицание: «Как жаль, что мы не в силах всё вместить и всё любить!»

«Аспирантов я учить методу не могу — а могу только показывать, как я делаю, и побуждать делать иначе».

«Я все чаще думаю, что, пока мы ставим мосты над реками невежества, он и меняют свое русло и новое поколение входит в мир вообще без иерархических априорностей».

«Вам на лекциях присылают записки не по теме?» — Нет, я слишком зануда. — «А мне присылают. Прислали: верите ли Вы в Бога? Я ответил однозначно, но сказал, что здесь, на кафедре, я получаю зарплату не за это».

«У нас с вами в науке не такие уж непохожие темы: мы все-таки оба говорим о вещах обозримых и показуемых».

Мне однажды предложили: «Не примете ли вы участие в круглом столе «Литературной газеты» на тему: почему у нас мало культурных людей?» Я ответил: «Нет, по трем причинам: во-первых, занят на службе, во-вторых, не умею импровизировать, а в-третьих, я не знаю, почему их мало». С. А. мне сказал: «Вообще-то надо было бы прийти и начать с вопроса: считаем ли мы,

собравшиеся, себя культурными людьми? Такие обсуждения бесполезны, пока мы не научимся видеть в самих себе истинных врагов культуры».

«В нашей культуре то нехорошо, что нет места для тех, кто к ней относится не прямо, а косвенно, — для меня, например. В Англии нашлось бы оберегаемое культурой место чудака».

У него попросили статью для «Советской культуры». Он отказался. Посланная сказала: «Мне обещали: если Вы напишете, меня возьмут в штат». Он согласился.

«Как ваш сын?» — спросил он меня. «Один день ходил в школу и опять заболел; но это уже норма, а не исключение». — «Ведь, наверное, о нем, как и обо мне в его возрасте, больше приходится тревожиться, когда он в школе, чем когда он болен?»

У него росла дочь. «Я думаю, с детьми нужно говорить не уменьшительными, а маленькими словами. Я бы говорил ей: пес, но ей, конечно, говорят, собачка». — «Ничего, сама укоротит».

«Сперва я жалел, а потом стал радоваться, что мои друзья друг на друга непохожи и нетерпимы, и поэтому невозможен никакой статичный Averinzev-Kreis».

«Как вы живете?» — спросил он. «Я — в беличьем колесе, а Вы, как я понимаю, под прессом?» — «Да, если угодно, вы Иксион, а я Сизиф».

Мы с ним очень много лет работал и в одном институте и секторе. Привыкал он к обстановке не сразу. На одном общеинститутском собрании, сидя в дальнем ряду, мы слушали одного незапамятного докладчика. С. А. долго терпел, потом заволновался и шепотом спросил: «Неужели этот человек существует в самом деле?» Я ответил: «Это мы с вами, С., существуем как воля и представление, а в самом деле существует именно он». С. А. замолчал, но потом просительно сказал: «Можно, я покажу ему язык?» Я разрешил: «Можно». Он на мгновение высунул язык трубочкой, как нотрдамская химера, и после этого успокоился. [166]

Во время другого похожего выступления он написал мне записку латинскими буквами: «Kogo on chocet s'est'?» Я ответил греческими буквами: ΝΑΒΕΡΝΟΕ, ΝΑΣ Σ ΒΑΜΙ, ΝΟ ΝΕ Β ΠΕΡΒΟΥΙΟΥ ΟΤΣΗΝΕΡΕΔ.

Еще на одном собрании он тихо сказал мне: «Вот так и в византийской литературе: там когда авторы спорят между собою, то они настолько укоренены в одном и том же, что трудно понять, о чем спор. Морально-политическое единство византийской литературы. Мы лучше приспособлены к пониманию этого предмета, чем западные византилисты».

Я заведовал античным сектором в Институте мировой литературы, потом уволился, и заведовать стал С. А. Ни охоты, ни вкуса к этому занятию у нас одинаково не было. С. А. сказал: «Наш покровитель — св. Целестин: это единственный римский папа, который сложил сан, когда увидел, что был избран только для политической игры. Избрали нового, и это был Бонифаций VIII».

«Я понимаю, что мы обязаны играть, но не обязаны же выигрывать!» Кажется, это сказал я, но ему понравилось.

«М., мне кажется, что мы очень многих раздражаем тем, что не пытаемся съесть друг друга». — «И мне так кажется».

Его все-таки приняли в Союз писателей, хотя кто-то и посылал на него в приемную настойчивые доносы. На официальном языке доносы назывались «сигналами», а на неофициальном «телегами». «В прошлом веке было слов о доносчик, а теперь? Сигнальщик?» — «Тележник», — сказал я. «А я думал, что телега — этимологически — это только о том, что связано с выездами и невыездами».

При первых своих заграничных командировках он говорил: «Посылающие меня имеют вид тоски, позабавленности и сочувствия».

Возвращаясь, он со вкусом пересказывал впечатления от разницы местных культур. «Ехал я в Швейцарию, а возвращаюсь из Женевы — это совсем разные вещи». «Итальянский коллега

мне сказал: напрасно думают, что монашеский устав — норма для соблюдения; он — идеал для вдохновения. Если в уставе написано, что в такой-то момент мессы все должны подпрыгнуть на два метра, а вы подпрыгнете на 75 сантиметров, то в Баварии вам сделают выговор за нарушение устава, а в Италии причтут к святым за приближение к идеалу». Однажды я усомнился, что австрийская культура существует отдельно от немецкой. «Мой любимый анекдот 1918 года, — сказал С. А. — Сидят в окопе берлинец и венец; берлинец говорит «положение серьезное, но не безнадежное»; «нет, говорит венец, — положение безнадежное, но не серьезное». В самые последние годы нам все чаще приходится вспоминать эти реплики.

«Купол св. Петра — все другие купола на него похожи, а он на них — нет».

«Римская культура — открыта, римские развалины вродились в барочный Рим. (NB — так ли это было для дю Белле?) А греческая — самозамкнута, и Парфенон, повернутый задом к входящему на акрополь, — это все равно что Т. М., которой я совсем не нужен». (Здесь была названа наша коллега, прекрасный человек и ученый, которая, однако, и вправду ни в чем не соприкасалась с тем, что делал С. А.) «А разве это исключение, а не норма?» — спросил я.

«При ошибках в языке собеседник-француз сразу перестает тебя слушать, англичанин принимает незамечающий вид, немец педантически поправляет каждое слово, а итальянец с радостью начинает ваши ошибки перенимать».

«Не нужно думать, что за пределами отечества ты автоматически становишься пророком».

Когда у него была полоса любви к Хайдеггеру, он уговаривал меня: «Почитайте Хайдеггера!» Я отвечал, что слишком плохо знаю немецкий язык. «Н о ведь Хайдеггер пишет не по-немецки, а по-хайдеггеровски!»

«Мне кажется, для перевода одного стихотворения нужно знать всего поэта. Когда я переводил Готфрида Бенна, мне случалось переносить в одно стихотворение образы из другого стихотворения». (Его редактор рассказывал мне, как с этим потом приходилось бороться.) «По отношению к каждому стихотворению ты определяешь дистанцию [167] точности и выдерживаешь ее. И если даже есть возможность и соблазн в таких-то строчках подойти к подлиннику ближе, ты от этого удерживаешься».

«Трактат так однообразен, что перевести десять его стихотворений легче, чем одно».

«Евангелие в переводе К. — это вроде переводов Маршака, Гинзбурга и Любимова».

«Переводить плохие стихи — это как перебеливать черновики. Жуковский любил брать для перевода посредственные стихи, чтобы делать из них хорошие. Насколько это лучше, чем плохие переводы хороших стихов!»

В переводах ему претили не только ремесленная безликость, но и претенциозное стилизаторство. «Сейчас переводят таким слогом, как будто русский язык уже мертвый и его нужно гальванизировать: это эксцентрика без центра, каким для нас, античников, еще были переводы Ф. А. Петровского».

«И. Анненский должен был испытывать сладострастие, заставляя отмеренные стих в стих фразы Еврипида выламываться по анжамбманам». Да, античные переводы Анненского садистичны, а Фета мазохичны; но что чувствовали, переводя, Пастернак или Маршак, не сомневавшиеся в своей конгениальности переводимым?

«Тибулл в собственных стихах и в послании Горация совершенно разный, но ни один не реальнее другого, — как одно многомерное тело в разных проекциях».

«Киркегор торгуется с Богом о своей душе, требуя расписки, что она дорого стоит. Это виноградарь девятого часа, который ропщет».

«Честертон намалевал беса, с которым бороться, а Борхес сделал из него бога».

«Бенн говорил на упрек в атеизме, разве я отрицаю Бога? я отрицаю такое свое Я, которое имеет отношение к Богу».

Ему неприятно было, что Вяч. Иванов и Фофанов были ровесниками («Они — из разных эпох!») и что Вл. Соловьев, в гроб сходя, одновременно благословил не только Вяч. Иванова, но и Бальмонта.

«Как слабы стихи Пастернака на смерть Цветаевой — к чести человеческого документа и во вред художественному!» — «Жорж Нива дал мне анкету об отношении к Пастернаку, почему в ней не было вопроса: если Вы не хотите отвечать на эту анкету, то почему?»

«Мне всегда казалось, что слово «акмеизм» применительно к Мандельштаму только мешает. Чем меньше было между поэтами сходства, тем громче они о нем кричали. Я пришел с этим к Н. Я. «Акмеистов было шестеро? но ведь Городецкий — изменник? но Нарбут и Зенкевич — разве они акмеисты? но Гумилев — почему он акмеист?» (Н. Я.: «Во-первых, его расстреляли, во-вторых, Осип всегда его хвалил...») «Достаточно! А Ахматова?» (Н. Я. произносит тираду в духе ее «Второй книги».) «Так не лучше ли называть Мандельштама не акмеистом, а Мандельштамом?»»

«Игорь Северянин, беззагадочный поэт в эпоху, когда каждому полагалось быть загадочным, на этом фоне оказывался самым непонятным из всех. Как у Тютчева: «природа — сфинкс», и тем верней губит, что «никакой от века загадки нет и не было у ней»».

«Когда Волошин говорил по-французски, французы думали, что это он по-русски? У него была патологическая неспособность ко всем языкам, и прежде всего к русскому! *Преосуществление!*»

«Шпет — слишком немец, чтобы писать несвязно, слишком русский, чтобы писать неэмоционально; достаточно немец, чтобы смотреть на русский материал с о стороны, достаточно русский, чтобы...» Тут разговор был случайно прерван.

«Равномерная перенапряженность и отсутствие чувства юмора вот чем тяжел Бердяев».

Разговор об А. Ф. Лосеве, сорокалетней давности. «Он — не лицо и маска, он — сложный большой агрегат, у которого дальние колеса только начинают вращаться, когда ближние уже остановились. Поэтому не нужно удивляться, если он начинает с того, что только диалектический материализм дает возможность расцвета философии, а кончает: «Не думаете же вы, будто я считаю, что бытие определяет сознание!»

«Вы неточны, когда пишете, что нигилизм Бахтина — от революции. У него нигилизм не революционный, а предреволюционный. В том же смысле, в каком Н. Я. М. пишет, будто символисты были виновниками революции». [168]

«Бахтин — не антисталинское, а самое сталинское явление: пластический смеховой мир, где все равно всему, — чем это не лысенковская природа?»

«Был человек, секретарствовавший одновременно у Лосева и Бахтина; и Лосев на упоминания о Бахтине говорил: «Как, Бахтин? разве его кто-нибудь еще читает?» — а Бахтин на упоминания о Лосеве: «Ах, Ал. Фед., конечно! как хорошо! только вот зачем он на философские тетради Ленина ссылается? мало ли какие конспекты все мы вели, разве это предмет для ссылок?...»

«Отсутствие ссылок ни о чем не говорит: Бахтин не ссылался на Бубера. Я при первой же встрече (к неудовольствию окружающих) спросил его, почему; он неохотно ответил: «Знаете, двадцатые годы...» Хотя антисиионизм у нас был выдуман позже.

«Бубера забыли: для одних он слишком мистик, для других недостаточно мистик. В Иерусалиме показать мне его могилу мог только Шураки. Это такой алжирский еврей, сделавший перевод Ветхого Завета, — а для справедливости и Нового, и Корана. Это переводы для переводчиков, читать их невозможно, но у меня при работе они всегда под локтем. Так забудут и Соловьева: для одних слишком левый, для других слишком правый».

«На своих предшественников я смотрю снизу вверх и поэтому вынужден быть резким, так

как не могу быть снисходительным».

Одному автору он сказал, что феодализм в его изображении слишком схематичен, тот обиделся. «Можно ли настолько отождествлять себя с собственными писаниями?!»

«Вы заметили у Н. фразу: «символисты впадали в мистику, и притом католическую»? Как лаконично защищает он сразу и чистоту атеизма, и чистоту православия!»

«В какое время мы живем: В., мистик, не выходящий из озарения, выступает паладином точнейшего структурализма, а наш П. продолжателем Киреевского!»

«В обществе нарастает нелюбовь к двум вещам: к логике и к ближнему своему».

«Была официальная антропофагия с вескими ярлыками, и был интеллигентский снобизм; синтезировалась же инвективная поэтика самоподразумевающихся необъявленных преступлений. Происходит спиритуализация орудий взаимоистребления».

«Нынешние религиозные неофиты — самые зрелые плоды сталинизма. Остерегайтесь насаждать религию силой: нигилисты вырастали из поповичей».

«Необходимость борьбы против нашей национальной провинциальности и хронологической провинциальности».

Он сдал в журнал статью под заглавием «Риторика как средство обобщения», ему сказали: «В год съезда такое название давать нельзя». Статью напечатали под заглавием «Большая судьба маленького жанра».

«История недавнего — военного и околовоенного — времени: 80 % общества не желает ее помнить, 20 % сделали память и напоминание о ней своей профессией. А вот о татарах или об Иване Грозном помнили все поголовно и без напоминания».

«Сталинский режим был амбивалентен и поэтому живучее гитлеровского: Сталин мог объявить себя отцом евреев или антимарровцем, а Гитлер — только за А говорить Б. («Кто здесь еврей, решаю я» — это приписывается Герингу, но сказано было в начале века венским К. Люгером, заигрывавшим одновременно с антисемитами и евреями)».

«Становление и конец тоталитаризма одинаково быют по профессионализму и поощряют дилетантизм: всем приходится делать то, чему не учились».

«Современной контркультуре кажется, что 60-е годы были временем молодых, а нам, современникам, казалось, что это было время оттаявших пятидесятилетних».

Он обиделся, когда его называли «человеком 70-х годов». Я удивился: а разве были такие годы?

Его выбрали народным депутатом. «Я вспоминал строчку Лукана:

Мил победитель богам, побежденный любезен Катону! —

чувствуя себя Катоном тринадцать дней, когда на съезде ни разу не проголосовал с большинством».

«На межрегиональной группе депутатов я однажды сказал: мы здесь не единомышленники, а товарищи по несчастью, поэтому...» [169]

«А. Д. Сахаров составил свой проект конституции, первым пунктом там значилось: «Каждый человек имеет право на жизнь, свободу и счастье». В предпоследнем разговоре я сказал ему: «Права на счастье государство гарантировать не может» Но ведь это, кажется, есть в американской конституции? «Нет, в американской декларации» (И то не «счастье», а «стремление к счастью законными способами»). Текст изменили. В самом деле, гарантировать можно разве только честь и достоинство, да и то бывает очень трудно: например, александрийские евреи очень боролись за то, чтобы их секли так-то и так-то, — не оттого, что

менее болезненно, а оттого, что менее унизительно».

«Пушкин был слишком эгоцентрист, когда написал Чаадаеву, что не хотел бы себе отечества с иной судьбой. Себе — может быть, а отечеству он мог бы пожелать судьбу и лучше».

И вместо заключения: «Нам с вами, М., уже поздно писать воспоминания...»

Я прошу у читателей прощения за все неточности внутри кавычек и за сколики скобках и без скобок.

Связь времен От Авраама прошло около 100 поколений: «Жизнь коротка, но довольно и ста моих жизней, Чтобы заполнить глотающий кости провал...» Маленького Р. Грейвса гладил по головке Суинберн, а Суинберна благословлял Лэндор, а Лэндора доктор Джонсон. Германа Лопатина воспитывала нянька, которой в детстве Пугачев подарил пятак. А Витженс начал книгу о Вяземском словами: «Вяземский родился в последние годы жизни Екатерины II, а умер в первые годы жизни В. И. Ленина». На конференции к 125-летию рождения Вяч. Иванова Дм. Вячеславич начал: «А когда мы уезжали из Баку, было 125-летие рождения Пушкина». «Счет времен по рукопожатиям», говорил, кажется, Эйдельман. Впрочем, Берестов сказал: я знал Маршака, а молодого Маршака Стасов водил к сыну Пушкина, а тот, глядя на город, говорил: «Да, прекрасно писал Лермонтов: Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (НЛО 20, 431).

Свобода воли Французский матрос сказал И. А. Лихачеву у вас очень хорошо, только нет кафе, и правительство ваше не предоставляет выбора между пороком и добродетелью. (Слышано от Е. Р.)

Свобода «За свободу не нужно бороться, свободе нужно учить».

Свобода Неприятная свобода — это осознанная необходимость, а приятная — неосознанная необходимость? Или наоборот? Осознанная необходимость — это и есть приятие ответственности (осознанность) за независимые от тебя твои и чужие по ступки (необходимость).

Свобода по словарю Бирса:

Раб дождался свободы чайной,
И вот надела на него судьба
Вместо ошейника с именем хозяина
Ошейник с собственным именем раба. [170]

Система мер На одной из тимофеевских конференций по стиховедению предлагалось оценивать стихотворения по средним данным опросов читателей и измерять кернами, по «Я помню чудное мгновенье». У туристов считается, что красота Кавказа — 10 селигеров, Урал — 15, тувинский Бий-Хем — 40 селигеров.

«С Ганга с Гоанго, под гонг, под тимпаны...» — не только это и не только Брюсова стихотворения точнее всего определяются как сублимированная скороговорка.

Социологический метод (С Л. Фризманом). «В 20-е годы литературоведы спрашивали классиков: а ваши кто родители? В 30-е они стали спрашивать: чем вы занимались до 17-го года? Состоял в тайном обществе — хорошо. Некоторые оставлялись на подозрении». Американский сборник статей о социологии русской литературы начинался: «Неправильно думают, будто советская идеология задушила формальный метод: опыт показывает, что он воскрес. Кого она задушила насмерть, так это социологический метод».

Страсть «Химена в Сиде игрой страстей похожа на шашку, которая переходит с белого места на черное» (Вяз., ЛП, 204).

Сделай сам В Киеве в 1920-х гг. рано умерший писатель разрабатывал технику романа, в котором читатель сам бы мог на любом повороте выбирать продолжение по своему вкусу. Та же идея была у Лема в «Идеальном вакууме», а теперь так делают компьютерные игры. Если брать не сюжет, а мысль, многомерно разветвляющуюся в разных направлениях, то к передаче этого стремился Розанов, делая под страницами примечания и примечания к примечаниям. А к «Листьям» он мог бы добавить нумерацию отрывков и указания на возможные последовательности дальнейшего чтения, как у Кортасара. Могли бы получиться очень связные и вполне взаимоисключающие варианты мысли.

Стих Я чувствую себя слогом силлабического стиха, к которому силлабо-тонические читатели предъявляют каждый свое метрическое ожидание.

Стихосложение «Рождество является экзистенциально-метрическим знаком поэтики Бродского» — будто бы сказал В. Кривулин на конференции о Бродском (слышано от И. Кукулина).

*Там за дальними горами
Загорается звезда.
У Марии родился
Светлый маленький Христос. [171]*

*Вижу я: волхвы проходят
По дороге в Вифлеем:
Ладан, золото и смирну
Символически несут.*

*Слышу я: зовет подпасок
Трех товарищей моих —
И они идут за светом
С маслом, сыром, молоком.*

*Мне нельзя пойти за ними,
Потому что, уходя,
Пастухи мне поручили
Постеречь своих овец.*

*И я вижу: вслед за ними
Люди Ирода спешат.
Если кто-то видит звезды,
Кто-то видит и кресты.
И. О.*

Семиотика Лотмановское представление «культура есть машина, рассчитанная на сохранение старых смыслов, но из-за своей плодотворной разлаженности порождающая новые смыслы» лучше всего иллюстрируется у Рабле диспутом между Панургом и Таумастом.

Семиотика Гиперсемантизация, атмосфера искания знамений, Блок с матерью, видящие

тайный смысл каждой улитки на дорожке, метерлинковская пустая многозначительность: не рискует ли в это впасть семиотика? Моя мать говорила мне: «Жаль, что ты не успел познакомиться с Локсом: он еще умел замереть с ложкой супа в руке и сказать: сейчас что-то случается».

Семиотика «Знак, который сам прочесть себя не может, хотя иногда сознает, что он знак» — так Волошин определял демонов (Волош. чт., 1991, 65–66).

Семантика Русское «чиновник» немцы переводят *Tschinownik*, а немецкое *Beamte* мы переводим «должностное лицо» — во избежание семантических обертонов, — заметил Ф. Ф. Зелинский, «Из жизни идей», II, изд. 2.

Сергей И. И. Давыдов, профессор Московского университета, клялся С. Г. Строганову, С. С. Уварову, С. М. Голицыну и С. Гагарину, что в честь его-то и назвал сына Сергеем (РСт 51, 390).

Слезы Платок, который Николай I будто бы дал Бенкендорфу, хранился под стеклянным колпаком в архиве III Отделения (РСт 51, 495). [172]

Слезы Россини плакал три раза в жизни: когда освистали его первую оперу, когда, катаясь на лодке, уронил в озеро индюшку с трюфелями и когда слушал Паганини.

Секс Эта загадочная картинка, где в линиях знакомого ада нужно высмотреть неизвестные линии рая.

Серебряный век II век н. э. получил золотую отметку по политике и серебряную по словесности.

Сознание Была знаменитая фраза, приписывавшаяся Сабанееву (?): Берлиоз был убежденнейшим предшественником Вагнера. С. Ав. вспомнил статью Лосева, где сказано, что Аристотель не признавал, как сознательно он завершал античную классику.

Слишком (В. Калмыкова:) С. Кржижановский был не замечен репрессиями, как Гулливер среди лилипутов: слишком выделяющееся не бросается в глаза.

Сонник В ВДИ отложили публикацию сонника Артемидора — до идеологического пленума. Сын спросил: а что у него значит видеть во сне идеологический пленум?

Сомнение «Ахматова говорит, что Срезневская ей передавала такие слова Гумилева про нее: «Она все-таки не разбила мне жизнь». А. А. сомневается в том, что Срезневская это не фантазирует (В. Лукн., 205).

Слово Для Асеева ручательство за точность слова — его соответствие первоначальному внутреннему образу (или это Хлебников?), для Пастернака — сиюминутному подворачивающемуся на язык узусу (культ первого попавшегося слова, «и счета сведу с ним сейчас же и тут же»), для Цветаевой — предопределенной слаженности с контекстом, на которую рассчитан его звук и смысл.

СССР — не тюрьма народов, это коммунальная квартира народов.

Старое и новое «В фольклоре «новый» значит «хороший» «нова горенка», например» (напоминает С. Никитина).

Старость «Человек привыкает жить, помня о том, каким он кажется окружающим, и теряется, когда эти окружающие вымирают». «Старость начинается с того момента, когда человек понял, что есть не одно Я в мире, а много» (зап. О. Фрелиха, РГАЛИ 2760, 1.5). Не то чувствуешь, что ты стареешь, а то, что мир вокруг молодеет.

«**Смерть** не более чужда, чем начальство» (те же зап. О. Фрелиха в РГАЛИ). [173]

Смерть Sch. Ap. Rhod. IV, 58. Гесиод говорит, что Эндимион, сын Аэтия, сына Зевса и Калики, получил от Зевса дар быть управителем собственной смерти и умереть по своему желанию.

Смерть В 9-м томе КЛЭ исчезли справки «репрессирован — реаби литирован», но о

Франк-Каменецком (ум. 21.04.1937) оговорено: умер от несчастного случая.

Смерть «В то время люди еще знали наперед день своей смерти и зря не работали. Христос тогда это отменил» (легенда Короленко в дневнике К. Чуковского, 42).

Смерть Расплывающийся, как в ненаведенном бинокле, образ смерти, по которой я собою стреляю, — недолет, перелет, — и стараюсь угадать нужный срок См. ГОДОВЩИНА.

Смерть «Все-таки я счастливый: Я ведь дожил до собственной смерти» («Баллады Кукутиса»).

Смерть Тянешь лямку, пока не выроют ямку (запись М. Шкапской).

Способности и потребности У кого больше способностей, кормят тех, у кого больше потребностей, и первые досадуют, а вторые завидуют.

Когда-то коллега попросила меня объяснить ее дочери-школьнице разницу между капитализмом и социализмом — не так глупо, как в школе, но и не так, чтобы за это понимание сразу забрали в участок. Я сказал: в основе каждого социального явления лежит биологическое. В основе капитализма — инстинкт алчности: идет борьба, победители получают лучшие куски, а побежденным платят пособие по безработице. А в основе социализма — инстинкт лени: все уравнилельно бездельничают, а пособие по безработице условно называют заработной платой. Лишь потом я прочитал в письмах Шенгели: «Социализм — это общественная энтропия» итд. (см выше). Кто тоскует о социализме, тем я напоминаю: теперешний лозунг — «каждому по его труду», разве он не социалистический?

Словообразование «Я вообще люблю людей энергитийных», сказал Вик. Ерофеев в интервью «Моск. комс.» в февр. 1991.

Специализация С. в Венеции познакомилась с проституткой, специализированной на обслуживании приезжающих русских православных иерархов.

Суффикс Гумилев с товарищами потешались над стихами про Белавенца, «умеревшего от яйца». А теперь Л. Зорин пишет «По ночному замеревшему Арбату...» (НГ ок 2.12.91), а Т. Толстая (в альм. «Московский круг») — «замеревшие» и «простеревшие ветви».

«Статистика типа раз-два-много». [174]

Статистика В 1979 через вытрезвители проходило 17 млн., по 46 тыс. в день, 1 % всего городского населения в месяц.

Статистика С каждым собеседником нужно говорить фразами оптимальной для него длины, как в стилистической статистике; а я не сразу улавливаю нужную. Следует —

У меня в статистике клетка,
Я встречаюсь, хотя и редко...
Недописанные стихи

Строить переборки в себе так, чтобы мысли для одного не смешивались с мыслями для другого.

Спички Разговор: «А какие у него стихи?» — «Ну, какие... Четвероногие. Строфы как спичечные коробочки».

Секрет Джолитти советовал: каждый секрет сообщайте только одному человеку — тогда вы будете знать, кто вас предал. Это сюжет «Ваты» Б. Житкова.

Сюрприз С. Трубецкой говорил: предъявлять нравственные требования можно только к

своим детям (см. ДЕТИ), а когда встречаешь порядочность в других, это приятный сюрприз, и только (Восп. Ю. Дубницкой).

Счастье Берлиоз говорил: у Мейербера не только было счастье иметь талант, но и талант иметь счастье (Стасов 3, 453).

Совет «Спрашивай ближнего только о том, что сам знаешь лучше: тогда его совет поможет». — Карл Краус.

Стиль (Дома из прессованного камыша:) «Они ничем не отличались от обыкновенных каменных домов, за исключением неверия в их прочность людей, обитавших в них». Это Паустовский! V.519, «Повесть о жизни».

Стиль «Это постоянное времяпровождение их вместе вскоре явилось причиной тяжелых переживаний для меня, о которых я скажу впоследствии» (Б. И. Збарский о Б. Пастернаке и Фанни, «Театр», 1988, 1, 190). Ср. название главы (X, 21) в «Восп.» А. Цветаевой: «Встреча нами в двух маминых старинных шубах Сережи Эфрона на Николаевском вокзале».

Талант Флоренский в письме 24.03.1935 о Белом: «При всей своей гениальности отнюдь не был талантлив: не хватало способности адекватно оформить свои интуиции и не хватало смелости дать их в сыром виде».

Текстология Как быть с Пастернаком, Заболоцким и другими переделывателями своих ранних стихов? Я вспомнил, как в ИМЛИ предлага[175]ли академическое издание «Цемент» Гладкова со всеми вариантами; директор И. Анисимов сказал: «Не надо — слишком самоубийственно». Пастернака с Бенедиктовым впервые сравнил Е. Г. Эткинд (а до него Набоков?) — что Бенедиктов тоже и так же перелицовывал свои ранние стихи, тогда не вспомнилось.

Текстология — психологическая подкладка. В. Иванов писал В. Меркурьевой из Баку: «... после болезни теперь смогу взяться за университет<ское> преподав<ание>». Публикатор печатает «за университетских преподавателей». Сразу видно, что публикатор завкафедрой (в ** пединституте).

Тавтологическая рифма в кульминации «Tristia» Мандельштама: «И на заре какой-то новой жизни, Когда в снях лениво вол жуе, Зачем петух, глашатай новой жизни, На городской стене крылами бьет?» «Новая жизнь» напомнила о Данте, а Данте напомнил о том, что в «Комедии» имя Христа рифмуется только с самим собой. Самое любопытное, что итальянского языка Мандельштам в это время не знал и о рифмах Данте мог только слышать в лекциях по романистике.

Тост после тыняновской конференции: чтобы филологи понимали историю, а историки филологию. В. Э. Вацура сказал: «А о том, чтобы филологи понимали филологию, а историки историю, уж не приходится и мечтать».

Тезаурус по сходству составил Роже, а если составить тезаурус по смежности, он будет похож на пособие к «Риторике» Ломоносова с инвенцией по первичным, вторичным и третичным идеям.

Тезаурус В частотном тезаурусе «Онегина» самым трудным словом для классификации оказалось «зюзя» («как зюзя пьяный»). С колебанием записано в рубрику «человек телесный».

Taedium Леонтьев писал Губастову: война не скучна, но опасна, работа не опасна, но скучна, а брак для женщины опасен, а для мужчины скучен.

Так Громеко спрашивал Толстого, так ли он понимает «Анну Каренину»; тот отвечал: «Разумеется, так, но не все обязаны понимать так, как вы».

Тело О. Ронен и А. Осповат разговаривали о необходимости рекламных заглавий в лингвистике: «Члены и части», «Members and parts»; «Gender of Grammaticality» — члены

предложения и части речи, синтаксис-мужчина и морфология-женщина... «Омри, вы забываете, что вы в бесполом английском языке!»

Табу это слово есть у Даля (в «живом великорусском»): «у нас табашная торговля табу». [176]

Терминология определяет науку почти по Сепиру-Уорфу. От случайной избыточности терминов «рассказ/новелла», «повесть/ роман» и нехватки, например, «romance/novel» изыскиваются небывалые жанровые тонкости. Три слоя употребления терминов: в разговоре, в заглавиях и подзаголовках, в критике и литературоведении. «Роман» в XVIII в. был разговорным термином, а на обложках писалось «повесть»; «роман-эпопея» сейчас критический термин — значит, выйдет и на обложки. Если выживут толстые журналы. Во Франции их не было, и объемы романов определялись издательскими удобствами: 220 стр. или, в два тома, 440 (или 2200, как у Роллана). А у нас в журналах с продолжениями объемы разрастались до «Войны и мира» и «Карамазовых». «Жанр-панорама, где ничего не разглядеть; жанр, только в России не доживший до собственной смерти», писал Бирс. Двойное написание термина подало одному коллеге мысль различать «риторику», которая плохая, и «реторику», которая хорошая.

Точноведение «В переводе, кроме точности, должно быть еще что-то». Я занимаюсь точноведением, а чтотоведением занимайтесь вы.

Туземец, сюземец. «Хоронил <Блока> весь город — или, вернее, то, что от него осталось. Справлявшие на кладбище престольный праздник туземцы спрашивали: кого хороните» (Ахм., Зап. кн., 683). Кто я? я туземец. Ср. ВСЕ (а также «мы и весь свет!» у Андерсена).

Сыну приснился человек четырех национальностей: китаец-индус-еврей, а четвертая — секретная.

Традицией мы называем наше эгоцентрическое право (точнее, привычку) представлять себе прошлое по своему образу и подобию. Так, средневековый человек считал, что все твари «Фисиолога» созданы затем, чтобы давать ему символические уроки.

Традиционализм по С. Аверинцеву: в архаике дорефлексивный традиционализм, от античности до классицизма — рефлексивный традиционализм, от романтизма — рефлексивный антитрадиционализм. Видимо, этот последний есть в то же время дорефлексивный традиционализм новой формации: таковы шаблоны реализма, которые присутствуют у всех в сознании, но считаются несуществующими. Только когда они станут предметом теории, можно будет говорить, что эпоха реализма позади. Сейчас ругаются словом «штамп»; в традиционалистском обществе, вероятно, ругались: «эх ты, новатор»?

Точка Ю. М. Лотман сказал в разговоре: «Человек — точка пересечения кодов, отсюда ощущение, что все смотрят на меня». Для [177] меня человек — точка пересечения социальных отношений, отсюда ощущение, что все смотрят сквозь меня. Разница ли это в словах или в сути? Быть точкой пересечения отношений — это совсем не мало, это значит — быть элементом структуры. Но некоторым мало. («Не могу понять врачей — как они забывают потом спасенных больных». А я понимаю.) — А Мирский писал о Пастернаке: в «Люверс» люди — не личности, а точки пересечения внешних впечатлений, этим он и конгениален Прусту. — «Я еще очень склонна уважать если не людей, то отдельные входящие в их состав элементы» — запись Л. Гинзбург. — Быть не точкой чужих пересечений, а самим собой можно только на необитаемом острове, то есть трупом.

Точка Ваша новая манера — это еще точка, через которую может пройти очень много прямых. И кривых.

Точка Нужно познать себя, чтобы быть собой, и быть собой, чтобы суметь стать другим. Как пугающе жирный пафос точки после «быть собой».

Уважение «Иннокентий Феодорович», писал Д. Усов.

Уважение Сонцев был представлен в камергеры на основании физических уважений (Вяз. 8, 159).

Улица «Улица Мандельштама» — мотив от советских (по образцу французской революции) переименований, эстетизированных уже имажинистскими переименованиями Тверской, Никитской, Петровки и Дмитровки. Раньше Мандельштама был «Переулок моего имени» Инбер, позже — «Ахматовской звать не будут ни улицу, ни строфу» (знала ли Ахматова, что «ее» строфу после Кузмина уже запустил в эпос Амари?). Все это в конечном счете от «Она Маяковского тысячу лет...»

Управление синтаксическое: «Лучше век тосковать по кого любишь, чем жить с кого ненавидишь» (Лабрюйер).

Ум Ф. Г. Орлов (тот, 1741–1796) говорил: ум хорошо, два лучше, но три с ума сведут (Грот, Держ., 1, 507).

Упрощенность Право научной популяризации на упрощенность: нельзя бранить глобус за то, что на нем не нанесена река Клязьма. А от нынешнего Исидора Севильского требуется именно глобальная ясность.

«Указатель» — важнейшая часть научной книги, и его непременно должен составлять сам автор, даже если книгу писал не он» — английская сентенция. [178]

Указатель Редактировали указатель к 1-му тому «Ист. всемирной литературы», одни трудности вычеркивали, другие приводили к знаменателю. Вот когда оценишь Вельфлина, призывавшего к истории искусств без имен (ленился!), и когда хочется примкнуть к Морозову и Фоменко, чтобы всех однофамильцев считать одним человеком.

А. Т. Фоменко был деструктивистом от истории, когда о деструктивизме от филологии у нас только-только начинали слышать. Когда он выпустил в 1980 г. первую книжечку о том, что древней истории не было, потому что она противоречит теории вероятностей, то В. М. Смирину поручили написать опровержение в ВДИ (1982, 1). Опровергать такие вещи очень трудно. Я рассказал ему, как (по Ю. Олеше) додумался до этой идеи его образец, Н. А. Морозов Шлиссельбургский: «А, вы тюрьмой отняли у меня половину моей жизни? так я же расчетами отниму у вас половину вашей истории!» Порочность в том, что теория вероятностей приложима лишь к несвязанным событиям, а в истории события связанные. Морозов, как добросовестный позитивист, воспринимал мир как хаос атомарных, единичных фактов, а Фоменко в наш структуралистический век запоздало ему вторил. Смирин задумчиво сказал: «Вот теперь ясно, почему Морозов был теоретиком индивидуального террора...» Потом он стал читать брошюры Морозова, выходившие в 1917 г. о классовом и доклассовом обществе; человек доклассового общества назывался там «людоед-демократ». Но для рецензии на Фоменко это не пригодилось.

Ultima linea rerum Ранние христиане крестились перед смертью, как писали перед боем «в случае смерти считайте коммунистом». — Прижизненный миф складывается из орнаментальных элементов, а посмертный — благодаря началу и концу — из структурных: ср. ПЕРВОЧТЕНИЕ / ПЕРЕЧТЕНИЕ.

Усталость «Реализм — слово, уставшее от нагрузок», писал Дурылин Пастернаку.

Усохшие пословицы О них собирался писать покойный М. П. Штокмар. «Голод не тетка,

пирожка не подсунет». «Рука руку моет, да обе свербят». «Чудеса в решете: дыр много, а выйти некуда». «Ни рыба, ни мясо, ни кафтан, ни ряса». «Губа не дура, язык не лопата». «Хлопот полон рот, а прикусить нечего». «Шито-крыто, а узелок-то тут». «Собаку съели, хвостом подавились». «Собачья жизнь: брехать нужно, а есть нечего». «Ума палата, да ключ потерял». «Копейка ребром, покажися рублем». «Смелым бог владеет, а пьяным черт качает». «Дураку хоть кол теши, он своих два ставит». «Лиха беда начало: есть дыра, будет и прореха». «Все люди как люди, а мы как мыслете». «Два сапога пара, оба левые». («Это про политиков?» — спросил И. О.).

Факт Федосеев сказал Лихачеву: «Ваша богомольная старушка [С. В. Полякова!] комментирует византийские легенды с рели[179]гиозной точки зрения!» —? — «Мария — по Евангелию, то-то». — А надо было? — «А надо было, как на самом деле».

Федоров Н. «Воскресающие покойники означают тревоги и убытки. Достаточно подумать хотя бы для примера, какое поднялось бы смятение, если бы покойники воскресли! а так как они, конечно, еще и потребовали бы назад свое добро, то случились бы и убытки» (сонник Артемидора, 11, 62).

«**Флирт** по-русски — шашни» (Ю. Слезкин, «Ветер», ВЕ, 1917, 2, 35). Говорит персонаж по фамилии Шишикторов.

Филология как наука взаимопонимания. Будто бы в Индии было правило: перед спором каждый должен был пересказать точку зрения противника, и чтобы тот сказал: да, так.

Философская лирика — игра в мысль, демонстрация личного переживания общих мест: ср. ПАРТИЙНОСТЬ (см.), где тоже не свое подается как свое.

Форзац в сб. А. Вознесенского «Безотчетное» (1981) с длинным фото его выступления перед большой-большой публикой — видел ли он точно такой же форзац при двухтомнике А. Жарова 1931?

Фест «Фестшрифт» — это тоже фестский диск? — спросил сын.

Фундамент На докладе о «Неизвестном солдате» в РГГУ кто-то взвинченный задал два вопроса: сказал ли Мандельштам после «Солдата», как Блок после «12», «сегодня я гений»? и каким фундаментальным положением я обосновываю, что мой объект нуждается в интерпретации? Я ответил: «Я тоже литературовед, поэтому первый вопрос вне моей компетенции; а объект во мне заведомо не нуждается, это я в нем нуждаюсь по общечеловеческой любознательности; фундамент же мой — примитивный: полагаю, что каждый поэтический текст имеет смысл, поддающийся пересказу».

Фауна Американские поэты долго писали о соловьях и жаворонках, хотя ни тех, ни других в Америке нет.

Приснилась защита диссертации под заглавием: «Эпитеты у Рембрандта». Зал амфитеатром, я смотрю вверх и говорю: «А вот и Минц еще жива», а мне отвечают: а Лотман написал статью «Стратегия сердечного приступа».

Хрисозлефантинная техника К. Леонтьев предлагал сделать такой памятник Александру II: дерево, слоновая кость, золото и серебро с эмалью; а сгоревшую избу в Филях отстроить мраморной, как потом ленинский шалаш в Разливе. «У меня цветные истины», говорил он. [180] Боялся умереть от холеры — неэстетично; а чудом выздоровев, пошел по обету в монахи, хотя в Писании был нетверд, и они его 20 лет к себе не пускали. В Троице жил в гостинице и перечитывал Вольтера. «С нестерпимо сложными потребностями», писал о нем Губастов. Его мир — крепостной театр, в котором народы пляшут в национальных костюмах, а он поглядывает

на них из барской ложи. Отнимите у Готье талант, а у Флобера гений, и вы получите Леонтьева.

Хайдеггер («Вы неточны: не «есть возможность», а «возможна возможность»», сказали мне). Мне нравилось у Б. Лившица: «Ни у Го мера, ни у Гесиода Я не горю на медленном огне, И, лжесвидетельствуя обо мне, Фракийствует фракийская природа». Р. едко сказала, что это всего лишь калька с *natura naturans* Спинозы (и кузминского перевода этих слов в «Панораме с выносками»), и не нужно было Хайдеггера, чтобы это воскрешать. Собственно, еще ближе к образцу можно вспомнить особые приметы в «Заячем ремизе»: Спиря поспиривает, а Сема посемянывает. У Лема четырнадцатый сустав таможенного чиновника говорит герою: «Вы ведь млекопитающее, да? в таком случае, приятного млекопитания».

Хорей (Зн. 1990, 10). Брежнев знал наизусть «Сакья-Муни» Мережковского.

Художественный мир У Пастернака не только природа уже существует независимо от создавшего ее Бога, но и вещи независимо от создавшего их человека; и вещи братаются с природой, а человек оказывается оттеснен в неожиданное панибратство с Богом.

Хмель «Наводя справки о женихе, уже не спрашивают, пьет ли, а спрашивают, каков во хмелю» (Никитенко, 31 июля 1834, по Архангельской губернии).

Ход событий «Нельзя сказать, будем ли мы либералами или консерваторами, потому что нельзя ведь предсказать х. с.» (газ. «Народный голос» за 1867, цит. в ЛН 22/24, 300).

Храбрость С. Урусов говорил: Я консерватор, но не имею храбрости им быть (Энгельг., II, 334).

Царь и бог Сталинская ода Мандельштама — не только от интеллигентской веры в то, что рота права, когда идет в ногу («это смотря какая рота: разве интеллигенция рвалась быть как все?» — сказал С. А.), но и от общечеловеческого желания верить, будто над злыми сатрапами — хороший царь. Глупо? А чем умнее, что над злыми царями строгий, но справедливый бог? [181]

Ценность Л. Поливанов про себя ставил Фету за все стихи единицы, а за «В дымке-невидимке...» — пять. Блок у Фета больше всего любил то стихотворение, которое кончалось «И, сонных лип тревожа лист, порхают гаснущие звуки». (А я — «И я очнусь перед тобой, угасший вдруг и опаленный»). Адамович о Цветаевой в «Возд. путях», 1: «недавно я узнал, что самым любимым ее русским стихотворением было фетовское «Рояль был весь раскрыт» («отомстил-таки за «Поэта о критике»).

Читатели и библиофилы — такие же разные люди, как жизнелюбы и человеколюбы.

Чечерейцы Пушкин начал поэму о Гасубе; Жуковский прочитал и напечатал его имя «Галуб», ничего удивительного; но Лермонтов, воевавший на Кавказе и слышавший, как неестественно звучит это произношение, все-таки дал это имя своему чеченцу в «Валерике»: «Галуб прервал мое мечтанье...» Ср. ГРУША.

Чужое слово А. Г. Дементьев рассказывал: издали записные книжки Фурманова, в них — характеристики писателей, по ним уже были защищены 14 кандидатских диссертаций и одна докторская. А. Г. Д. чувствовал, что эти характеристики он уже где-то читал; проверил — оказалось, что это конспекты «Лит. и революции» Троцкого и статей Воронского: это переброшенный на литературу Фурманов по ним готовился к работе. А. Г. Д. просил в «Вопросах литературы» и других местах разъяснить эту пропаганду идей Троцкого, но безуспешно. (Слышано от О. Логиновой).

К. Кавафис, «Ожидая варваров», конспективный перевод:
— Отчего народ в перепуге?

— Идут варвары, скоро будут здесь.
— Отчего сенаторы не у дела?
— Идут варвары, их и будет власть
— Отчего император застыл на троне?
— Идут варвары, он воздаст им честь
— Отчего вся знать в золоте и камнях?
— Идут варвары, они любят блеск.
— Отчего ораторы онемели?
— Идут варвары, они не любят слов.
— Отчего не работают водопроводы?
— Идут варвары, спрашивайте их.
— Отчего все кричат и разбегаются?
— Весть с границы: варвары не пришли,
Варваров вовсе и не было.
Что теперь будет?
С варварами была хоть какая-то ясность.

Чувство Think for yourself and feel for the others. Записи Хаусмена. [182]

Человек «Интеллектуал сказал, что качества человека действительно определяются тем, какую совокупность общественных отношений он способен вытерпеть» («Зияющие высоты», этот солдат Швейк для интеллектуалов). — Это от еврейского анекдота: «Ребе, сколько это еще будет продолжаться? мы уже не в состоянии выдержать! — Евреи, не дай Бог, чтобы это продолжалось столько, сколько вы в состоянии выдержать!»

Человек «Сверхчеловек — идеал преждевременный, он предполагает, что человек уже есть». — Карл Краус. Я вспомнил турецкое, четверостишие (М. Дж. Андай): «Гиппотерий — предок лошади. Мегатерий — предок слона. Мы — предки людей, Предки настоящих людей».

«**Чехов о литературе**» — книга под таким заглавием выглядела бы очень любопытно: избегал судить о писателях, скрывал неприязнь к Достоевскому, самоподразумевал Толстого, молчал о западных, как будто глядя на них через ограду мира Щегловых, Потапенков и Куприных. Самым подробным высказыванием, пожалуй, оказалась бы «Табель о рангах» из «Осколков». Попробуйте представить — проживи он еще десять лет — его воспоминания о Льве Толстом?

Чичиков всегда казался мне у Гоголя положительным героем: потому что Гоголь только его показывает изнутри. Было ли это мое бессознательное ощущение традиции плутовского романа? или правда Гоголь любил его больше, чем казалось критикам? и потерпел неудачу, когда заставил себя разлюбить его? См. НОВЫЕ РУССКИЕ.

Чукчи послали поздравителей к спасению государя от Каракозова, а те успели уже после выстрела Березовского (Восп. К. Головина, 183). Когда к Тиберию с таким же опозданием пришли соболезновать о смерти Августа послы от заштатного городка Трои (той самой), он сказал: и я вам сочувствую, троянцы, о кончине вашего великого Гектора.

Шницель «Мы ели венский шницель, после чего я сочинил один стих: Надулись жизни паруса». (С. М. Соловьев, восп. о гимназии, ОР РГБ 696.4. 8, л. 291). Ср. «Несказанное. Потом с милой пили чай» (Блок, дн. 20 нояб. 1912). См. БОГ.

Швабрин Г. Федотов об учебнике по истории СССР для начальных классов под ред. Шестакова (на который писали замечания Сталин, Киров и пр.) — «как будто его написал Швабрин для Пугачева». Старые учебники были историей национальных войн, этот —

классовых войн, но постоянное ощущение военного положения было необходимо режиму. Я еще учился именно по этому учебнику, только портрет Блюхера там уже был заклеен портретом Чапаева. [183]

Швамбрания Л. Мартов с братьями-сестрами в детстве играл в страну с особым моральным миром: Приличенск. См. АВИЗОВ.

Щи Письмо от Ю. М. Лотмана: «Вышел тютчевский сборник: светлый проблеск в нынешней жизни. Это как на войне: фронт прорван, потери огромные, зато кухня та-а-акие щи сварила!»

Щина «Тарелки вымыть не могла без достоевщины», говорил Пастернак о Цветаевой (Восп. О. Мочаловой, РГАЛИ, 273, 2, 6).

Щина Старый Керенский на вопрос, что он сделал бы, с новым опытом придя к власти, сказал: «Не допустил бы керенщины». — но не пояснил (восп. Г. Гинса в НЖ 88, 1967).

Из письма В. С. Баевского: *«Горько думать, что после смерти Пушкина всем людям, связанным с его гибелью, стало лучше. Или во всяком случае не хуже. Николай I дождался-таки своего часа, и Нат. Ник. стала его наложницей. Потом под его покровительством благополучно вышла замуж за Ланского. После гибели Пушкина все ее денежные затруднения кончились: об этом позаботился царь. Дантес прожил долгую жизнь и сделал большую политическую карьеру. Екатерина Ник. хорошо прожила с ним всю жизнь. Геккерен до глубокой старости успешно продолжал дипломатическую карьеру. Никто из авторов анонимного пасквиля так и не был разоблачен».*

Эсперанто Среди эсперантистских споров один американец сказал: «Ведь уже есть прекрасный международный язык — молчание!» (Слышано от В. П. Григорьева). «Сойдутся, бывало, Салтыков-Щедрин и Пров Садовский, помолчат час-другой и разойдутся. Потом Салтыков и говорит: Преинтересный это человек, Пров Михайлыч!» (С.-Щ. в восп., 360). С. Шервинский говорил: жаль, что умер Жамм, — если бы мы встретились, нам было бы о чем поговорить; и помолчать.

Эрос В японском театре «влюбленные в момент страсти прижимаются друг к другу спинами» (Г. Гаузнер, Невид. Яп., 52).

Эго Он хочет сказать, что его рубашка ближе к его телу, чем твоя к твоему.

Эго Бродский о Хлебникове: он ироник, нарочно пишет абы как («Так, как описывал И. Аксенов?» — Пожалуй, да). Его интересует не слово, а предмет, он эгобежен. Вот Целан был эгоцентричен, относился к себе серьезнее, стал писать коротко и закономерно покончил с собой.

Экономика «Сытый голодного подразумевает»: эпиграф к разделу «Устойчивое неравновесие» у Г. Оболдуева. [184]

Экономика Пословица у Даля: Про харчи ныне молчи.

Энклитика Экспромт из СЖ 1915, 27:

Вот вам виньетка
Живет поэт К.;
И этот К. поэт
Стихами капает.

Этикет Для А. Б. Куракина, посла в Париже в 1808, заранее нанимались покои, экипажи и

метресса, которую он мог никогда не видеть, но у дома которой его карета должна была стоять два часа в день (Соллог., 170).

Этика «Этический подход не всегда уместен, — сказал И. О. — Мы плохо понимаем, как работает телевизор, но если мы разделим его детали на хорошие и плохие, то наше понимание не улучшится».

Юбилей Собираются праздновать 1000-летие русской литературы, но спотыкаются о три трудности: почему древняя, когда средневековая; почему русская, когда восточнославянская; и почему юбилей, если неизвестно, от какого памятника считать.

Юбилей «На самом деле празднуется память не о победе, а о торжестве по случаю победы» (Брехт, О лит., 77). Ю. Лужков видел мальчишкой сталинское 800-летие Москвы и умилительно копировал его в своем полуюбилее. Полуюбилей — тоже традиция: после того, как Бонифаций VIII отпраздновал 1300-летие Христа, его преемник отпраздновал 1350-летие. На ускоренном столетии Рима при Клавдии всех звали посмотреть на актера, который играл еще на столетии Рима при Августе.

Юбилейная конференция о таком-то поэте, доклады на тему «Ах, как хорошо». Один доклад (умного человека) начинался словами: «Все стихи делятся на гениальные, которые меня завораживают, и не-гениальные, которые меня не завораживают». Пир самовыражений; но на третий день самонепонимающее взаимонепонимание стало ужасом.

Дорогой Ю. К.,

в прошлом месяце А. Ф. Лосеву исполнилось девяносто лет, юбилей его отмечался в МГПИ, где он раньше преподавал. Я мало его знаю: философским языком я не владею и большие книги его понимаю плохо. Его античность — большая, клубящаяся, темная и страшная, как музыка сфер. Она и вправду такая; но я поэтому вхожу в нее с фонарем и аришином в руках, а он плавает в ней, как в своей стихии, и наслаждается ее неисследимостью. «Вы думаете, он любит Пушкина? — говорил С. А. — Пушкин дня него слишком прост. Вот «Мы — два грозой зажженные ствола...» — это другое дело». Он слепой: говорит зычным голосом, как будто собеседник дале[185]ко, и взмахивает руками широко, но с осторожностью, как будто собеседник близко. Сквозь слепоту он сочинил все восемь томов «Античной эстетики», не считая попутных книг и книжечек. Мой коллега, который в молодости был у него секретарем, сказал: «Он все удерживает в уме по пунктам. Если он скажет: философия Клеанфа отличалась от философии Зенона четырнадцатью отличиями, — то, может быть, половина этих отличий будет повторять друг друга, но он уже никогда не спутает третье отличие с тринадцатым». Выжить в его поколении было подвигом, за это его и чествовали. Чествовали со всем размахом очень изменившейся эпохи. Зал был главный, амфитеатром. На стенах стабильные плакаты: с одной стороны — «...воспитание в ней коммунистической морали», с другой — «Сегодня абитуриент, завтра студент», посредине — «И медведя учат». О Лосеве говорили, что он филолог (делегация от филологов),

что он философ (делегация от философов),

что он мыслитель (делегация — я не понял, от кого),

что он крупнейший философ конца века (от Совета по мировой культуре; какого века — не сказали),

что он русский мужик, подобный Питеру Брейгелю,

что он донской казак из тех краев, где родились Тихий Дон и Слово о полку Игореве (т. е. из Новочеркасска; сказал Палиевский),

что он продукт и результат (от Союза писателей и лично от поэта Вл. Лазарева, со словами: «хочу подытожить стихами с точки зрения истины»:

*Правда, крытая враньем —
Словно небо вороньем —
Воронье с небес прогоним,
Песню честную зальем!»),*

*что он историческая личность (завкафедрой древней истории МГУ В. Кузицин;
ассоциации с Ноздревым, видимо, не предусматривались),
что он «отнюдь не великий деятель русской культуры, а великий деятель человеческой
культуры — спасибо Вам и за это!» (делегация от Грузии),
что он — -issimus, -issime (от кафедры классической филологии МГУ, латинский адрес,
больше ничего не было слышно),
что он — дыхание Абсолюта (не помню, кто),
что он — ломовая лошадь науки (автохарактеристика, кем-то припомненная),
что*

*За каждым образом у Вас идея,
Вы нам открыли факел Прометея,
Вы исполин, мудрец и человек,
Вас жаждет видеть XXI век*

*(из Минска),
что «тайна призвания — одна из самых глубоких тайн, это тайна жизни» (Аверинцев),
что «мы Вас любим и готовы страдать с Вами и дальше» (от издательства «Мысль»,
говорил главный редактор, сменивший того, которого выгнали за издание книжки Лосева о Вл.
Соловьеве).*

*Говорили даже, что краткость — сестра таланта, хотя это звучало издевательством не
только по отношению к говорившему (Н. из МГУ), но и по отношению к автору «Античной
эстетики». Продолжалось чествование четыре часа, и к концу его А. Ф. еще был жив — по
крайней мере, говорил ответное слово, и даже отчасти по-гречески... [186]*

Язык В 1918 г. переговоры гетманского правительства с московским шли через переводчиков.

Язык «Пашка умел разговаривать даже с медведями, а если он, например, англичан не понимал, то только потому, что они на своем языке, вероятно, говорят неправильно» («Иприт», гл.2).

Язык Когда Меццофанти сошел с ума, он из всех своих 32 языков сохранил в памяти только цыганский (В. Вейдле).

Язык Н. говорила, что в детстве ей казалось, будто по-английски лгать нельзя, так как все слова там и без того ложь. А А. в детстве считала, что иностранный язык — это такой, на котором соль называется сахаром, а сахар солью.

Язык «Я владею чужими языками, а мною владеет мой». Карл Краус.

Язык С. Кржижановский об одесском лете: на спуске к пляжу тропинка огибала цветочную грядку, все срезали угол и топтали цветы, никакая колючая проволока не помогала. Тогда написали красным по желтому: «Разве это дорога?» — и помогло. «Вот что значит говорить с человеком на его языке».

Язык Уэллса спрашивали в Петрограде 1920 г.: почему ваш сын владеет языками, а вы нет? Он отвечал: потому что он — сын джентльмена, а я не сын джентльмена. — Мой сын тоже не сын джентльмена.

Язык Купчиха Писемского с ее мужем, офицером и кучером (см. ЛИЧНОСТЬ) — это вариант песенки Л. Лесной, как японец изменял японке с негритянкой, но это ведь не была измена, потому что «он по-японски с ней не говорил». (Восп. Л. Д. Блок; они вместе играли в Куоккале). Отсюда эротические метафоры в «Восковой персоне».

Язык Искусствоведческий язык, в котором каждое второе предложение должно быть восклицательным.

Язык Восп. В. Парнаха (РГАЛИ 2251.1.44): он выучил 11 языков, что бы деруссифицироваться, и утешался, читая испанских евреев, писавших на языке инквизиторов. «Гласные как балконы на море, литавры латинских -abat и каменные удары испанских -ado, подскакивающие синкопы арабов, мрак еврейских *и* с бряцанием *ц*».

Я Из меня будет хороший культурный перегной.

Я «Это дело двоих: меня и еще одного меня», говорил Мейерхольд (Гладков 270). [187]

Я (см. выше). *Le moi est hai'ssable* — это Паскаль, Мысли, 455. Валери и Жид дополняли: *pas le mien*. Леви-Стросс пояснял (в «Тропиках»): *Le moi n'est pas seulement hai'ssable: il n'y a pas de place entre un nous et le rien*. А Реверди комментировал: «это из-за заповеди: люби ближнего, как себя».

Я «Собака у реки боялась пить, пугаемая своим отражением; так между нами и нашими мыслями стоит препятствием наше мнение о самих себе». Суфийская притча.

Э. Фрид. *НОМО LIBER*

*Я книга
которая будет
когда я перестану быть «я»
Я книга
которая будет «я»
когда я стану книгой*

*Книга
которая зачитана
и еще не написана
Книга
которая предписана
еще не прочитанному*

*Я книга
которая раскрывается
и которая закрывается
которая собой не покрывается
и перекрывается
и скрывается*

Книга попавшая в переплет

*расклеивается
рассыпается по листику
Продолжения нет
но она знает
что ей конец.*

«Либерская гавридия» — назывался при Дале офенский жаргон.

«Если знаешь предлагаемое, то похвали, если не знаешь, то поблагодари» (Фульгенций).

[188]

ВЕРЛИБР И КОНСПЕКТИВНАЯ ЛИРИКА

Сейчас в Европе свободный стих очень широко используется для переводов. Вещи, написанные самыми строгими стиховыми формами, переводятся на английский или французский язык верлибрами. Обычно плохими: «ни стихи, ни проза — так, переводческая лингва-франка». У нас эта практика пока не очень распространена. Из известных мастеров так переводил, пожалуй, лишь М. Волошин, писавший о своей работе: «Я, отбросив рифмы, старался дать стремление... метафор и построение фразы, естественно образующей свободный стих». Последователей он не имел: наоборот, еще памятно то советское время, когда поэты переводили верлибры аккуратными ямбами и вменяли себе это в заслугу.

Сам я считаю, что в переводах верлибром есть свои достоинства: когда нужно подчеркнуть общие черты поэтической эпохи, то лучше переводить размером подлинника, а когда индивидуальность поэта — то верлибром, — без униформы александрийского стиха или сонета она виднее. Я много экспериментировал с такими переводами и даже кое-что печатал (Лафонтен, Пиндар, Ариосто, Георг Гейм). Но если такая практика станет всеобщей, я вряд ли обрадуюсь. Известно: писать хорошим верлибром труднее, чем классическим стихом, а плохим гораздо легче. Но сейчас речь не об этом.

Когда переводишь верлибром и стараешься быть точным, то сразу бросается в глаза, как много в переводимых стихах слов и образов, явившихся только ради ритма и рифмы. Илья Сельвинский любил сентенцию: «в двух строчках четверостишия поэт говорит то, что он хочет, третья приходит от его таланта, а четвертая от его бездарности». Причем понятно, что талант есть не у всякого, а бездарность у всякого, — так что подчас до половины текста ощущается балластом. Когда мы это читаем в правильных стихах, то не чувствуем: в них, как на хорошо построенном корабле, балласт только помогает прямой держаться. Но стоит переложить эти стихи из правильных размеров в верлибр, как балласт превратится в мертвую тяжесть, которую хочется выбросить за борт.

И вот однажды я попробовал это сделать. Я переводил верлибром (для себя, в стол) длинное ямбическое религиозное стихотворение Ф. Томпсона «Небесные гончие», поздневикторианский хрестоматийный продукт. И я решил его отредактировать: не теряя ни единого образа, в балластных местах обойтись меньшим количеством слов — только за счет стиля и синтаксиса. Оказалось, что объем вещи от этого сразу сократился на пятую часть: вместо каждых десяти стихов — восемь. Повторяю: без всяких потерь для содержания. По обычному переводческому нарциссизму это мне понравилось. Я подумал: а что, если сокращать и образы — там, где они кажутся современному вкусу (то есть мне) избыточными и отяжеляющими? [189]

Пушкин перевел сцену из Вильсона, «Пир во время чумы»; переводил он очень точно, но из 400 стихов у него получилось 240, потому что все, что он считал романтическими длиннотами, он оставлял без перевода. Это был, так сказать, конспективный перевод. И он очень хорошо вписывался в творчество Пушкина, потому что ведь все творчество Пушкина было, так сказать, конспектом европейской культуры для России. Русская культура, начиная с петровских времен, развивалась сверхускоренно, шагая через ступеньку, чтобы догнать Европу. Романтизм осваивал Шекспира, и Пушкин написал «Бориса Годунова» длиной вдвое короче любой шекспировской трагедии. Романтизм создал Вальтера Скотта, и Пушкин написал «Капитанскую дочку» — длиной втрое короче любого вальтер-скоттовского романа. Романтизм меняет отношение к античности, и Пушкин делает перевод «Из Ксенофана Колофонского» — вдвое сократив оригинал. Техника пушкинских сокращений изучена: он сохраняет структуру образца и резко урезывает подробности. Я подумал: разве так уж изменилось время? Русская литература по-

прежнему отстает от европейской приблизительно на одно-два поколения. Она по-прежнему нуждается в скоростном, конспективном усвоении европейского опыта. Разве не нужны ей конспективные переводы — лирические дайджесты, поэзия в пилюлях? Тем более что для конспективной лирики есть теперь такое мощное сокращающее средство, как верлибр.

Я не писатель, я литературовед. Новейшую европейскую поэзию я знаю плохо и не берусь за нее. Я упражнялся на старом материале: на Верхарне, Анри де Ренье, Мореасе, Кавафисе. Верхарна и Ренье я смолodu не любил именно за их длинноты. Поэтому сокращал я их садистически — так, как может позволить только верлибр: втрое, вчетверо и даже вшестеро. И после этого они моему тщеславию нравились больше. Вот одно из самых знаменитых стихотворений Верхарна: сокращено вчетверо, с 60 строк до 15. Оно из сборника «Черные факелы», называется «Труп»:

Мой рассудок мертв —
В гложущем саване он плывет по Темзе.

Над ним стальные мосты,
Лязги поездов, тени парусов,
Красный циферблат с застывшими стрелками.

Мой рассудок мертв,
Не вместив желания все понять.

Мимо стен, где куются молнии,
Мимо мутных фонарей в узких улицах,
Мимо мачт и рей, как кресты Голгоф.

Мой рассудок мертв,
Он плывет в погребальный костер заката,

Сзади — город вздымает дымы,
Вокруг — волны, глухие, как набаты,
Впереди же — бесконечность и вечность
Всем, кто мертв. [190]

Вот для сравнения точный его перевод — старый, добросовестный, Георгия Шенгели:

В одеждах, цветом точно яд и гной,
Влачится мертвый разум мой
По Темзе.

Чугунные мосты, где мчатся поезда,
Бросая в небо гул упорный,
И неподвижные суда

Его покрыли тенью черной.
И с красной башни циферблат,
Где стрелки больше не скользят,
Глаз не отводит от лица
Чудовищного мертвеца.
Он умер от желанья знать,
От страстной жажды изваять
На цоколе из черного гранита
Для каждой вещи лик идеи скрытой.
Он умер, в сердце восприяв
Сок познавательных отрав.
Он умер, пораженный бредом,
Стремясь к величьям и победам,
Он раскололся в пьяный миг,
Когда вскипел закат кровавый,
И над его главой возник
Орлом парящим призрак славы.
Не в силах более снести
Жар и тоску смятенной воли, —
Он сам себя убил в пути,
В цепях невыносимой боли.

Вдоль траурных замшенных стен,
Вдоль верфей, где раскат железный
Тяжелых молотов вещает вечный плен,
Влачится он над похоронной бездной.
Вот молы, фабрик алтари,
И молы вновь, и фонари, —
Прядут медлительные пряжи
Глухое золото в тоске и страхе.
Вот камня вечная печаль,
Форты домов в уборе черном,
Закатным взглядом, скучным и покорным,
Их окна смотрят в сумрачную даль.
Вот верфи скорби на закате,
Приют разбитых кораблей,
Что чертятся скрещеньем мачт и рей
На небе пламенных распятий. [191]
В опалах мертвых, что златит и жжет
Вулкан заката, в пурпуре и пемзе
Умерший разум мой плывет
По Темзе.

Плывет на волю мглы: в закат,
В тенях багровых и в туманах,
Туда, где плещет крыльями набат
В гранит и мрамор башен рдяных,

И остается сзади град
Неутолений и преград.

Покорный неизвестной силе,
Влачится труп уснуть в вечеровой могиле,
Плывет туда, где волн огромный рев,
Где бездна беспредельная зияет
И без возврата поглощает
Всех мертвецов.

Сокращения такого рода вряд ли могли быть сделаны без помощи верлибра. Однообразие приемов легко заметить: выбрасываются связующие фразы, выбрасываются распространяющие глаголы, сохраняются преимущественно существительные, а из существительных удерживаются предметы и выпадают отвлеченные понятия. Со стихами, в которых предметов мало, а отвлеченных понятий много, такие эксперименты получаются хуже. Вот три примера, не совсем обычных: первое стихотворение сокращено втрое, второе вчетверо, третье впятеро:

Берег, ночь, скала, одиночество.
Вдалеке — рыбаки вокруг костров.
В черной памяти — блеск и пляска города,
И сквозь боль — незабытый светлый взор.
Жить бы мне здесь —
Как много был бы я судьбою одолжен;
А теперь у ней нет прав на благодарность.
Это юность стала раскаяньем,
Опыт — пустотой,
И желанья мои — изгнанием.

Рощи, ручьи, цветы, переклички птичьи —
Где вы?
Ветер сквозь вечер, и зима приходит, как старость,
Молча.
Я не печалюсь: утро взойдет, и весна откроет очи,
Вспыхнет цветок, блеснет мотылек, и душа взовьется
В небо.
У Бога мертвых нет. [192]

Несчастливцы богаче счастливых.
Счастье — лень, счастье — праздность, счастье — скука.

Лишь в ненастье волна узнает берег,
Где опора — друг,
И целенье, пусть краткое, — подруга.
Не равняйте нас: праведные боги
Им дали чувственность, а чувство дали нам.

Оригиналы — это Лермонтов, «Элегия», 1830; Гнедич, «Осень», 1819; Баратынский, «Поверь, мой милый друг...», 1820. Кто хочет, может проверить: строка или две в каждом стихотворении сохранены почти буквально. Это, так сказать, переводы с силлабо-тонического языка на верлибрический. (Так Батюшков переводил греческие эпиграммы с метрического языка на силлабо-тонический).

Мне не хотелось бы, чтобы эти упражнения выглядели только литературным хулиганством. В истории поэзии такие переработки появляются не впервые. Когда александрийские поэты III в. до н. э. стали разрабатывать камерную лирику вместо громкой, то они брали любовные темы у больших лириков-архаиков и перелагали в короткие и четкие эпиграммы, писанные элегическим дистихом. В этом была и преемственность и полемичность. Такая стилистическая полемика средствами не теории, а практики была в античности привычна: если Еврипиду не нравилась «Электра» Софокла, он брался и писал свою собственную «Электру» (современный литератор вместо этого написал бы эссе «Читая «Электру»»). Разумеется, ни мне, ни кому другому не придет в голову полемизировать от своего имени с поэтом Лермонтовым или поэтом Верхарном. Но полемизировать от имени современного вкуса против того вкуса риторического романтизма или риторического модернизма, которыми питались Лермонтов и Верхарн, — почему бы и нет? Если мы не настолько органично ощущаем стиль наших предшественников, что бы уметь подражать им, как аттицисты аттикам, — признаемся в этом открыто, и пусть потом наши потомки перелицовывают нас, как мы — предков (если, конечно, они найдут в нас хоть что-то достойное перелицовки).

Можно ли утверждать, что именно лаконизм — универсальная черта поэтики XX века? Наверное, нет: век многообразен. Но это черта хотя бы одной из поэтических тенденций этого века — той, которая восходит, наверное, к 1910-м гг., когда начинали имажисты, и Эзра Паунд написал знаменитое стихотворение из четырех слов — конденсат всей раннегреческой лирики, вместе взятой: «Spring — Too long — Gongyle» (Гонгила — имя ученицы Сапфо, затерявшееся в ее папирусных отрывках). Краткость ощущалась как протест против риторики — хотя на самом деле, конечно, она тоже была риторикой, только другой. Напомним, что и задолго до Паунда у самого Лермонтова такое стихотворение, как «Когда волнуется желтеющая нива...», было не чем иным, как конспектом стихотворения Ламартина «Крик души»: та же схема, та же кульминация, только строже дозированы образы, и оттого текст вдвое короче. Впрочем, краткость краткости рознь, и не от всякой стихотворение приобретает вес. Марциал писал другу-поэту:

Те лишь стихи коротки, где не сыщется лишнего слова
А у тебя, мой дружок, даже двестишья длинны. [193]

При обсуждении этих переводов было замечено, что Верхарн в них становится похож на молодого Элиота. (На мой взгляд скорее на Георга Гейма.) А сокращенный Мореас, кажется

мне, — на японскую или китайскую поэзию. Это, конечно, дело субъективных впечатлений. Важнее другое: вероятно, если два переводчика-сократителя возьмется за одно и то же стихотворение, то у них получатся два совсем разных сокращения: один выделит в оригинале одно, другой другое, и каждый останется самым собой. И очень хорошо: не всем же переводам быть филологически честными.

А мне лично как литературоведу интереснее всего такой вопрос. Можно ли вообще считать получающиеся тексты переводами? Идейное и эмоциональное содержание оригинала — сохранено. («Нет, — возразили мне, — от сокращения эмоция становится сильнее». Может быть.) Композиционная схема — сохранена. Объем — резко сокращен. Стиль — резко изменен. Стих — изменен еще резче. Много убавлено, но ничего не прибавлено. Достаточно ли этого, чтобы считать новый текст переводом старого, пусть вольным? Или нужно говорить о новом произведении по мотивам старого? Здесь есть возможность для многих праздных разговоров но, конечно, не сейчас.

При стихах Верхарна и отчасти Ренье помечено, сколько строк перевода получилось из скольких строк подлинника (так сказать, «в какую долю оригинала»). Все стихи Мореаса — из книг «Стансов» (нумерация их — на поле слева), где все стихотворения — по 16 строк, а переводы — по 4 строки.

Э. Верхарн

Из «Призрачных деревень»

Перевозчик 17/60

Перевозчик гребет к бурному берегу,
А в зубах зеленая камышинка.

Крут поток,
И все дальше облик на берегу.

Сломлено весло.
Смотрят очи окон и циферблаты башен.

Сломлено другое.
Все отчаянней облик на берегу.

Сломлен руль.
Меркнут очи окон и циферблаты башен.

Он без сил.
Только слышен голос на берегу.

Рвется взгляд
В умирающий голос на берегу. [194]

Море раскрыло пасть.
Гибнет страсть,
Но жива в волнах зеленая камышинка.

Рыбаки 15/88

Ночь. Снег.
Река. Луна.
Огоньки. Рыбаки.
Судьбы в безднах. Неводы над безднами.

Полночь бьет.

Сырость. Сирость. Безмолвие. Онемение.
Каждый тянет свое из черных вод;
Боль. Беду. Нищету. Раскаянье.

У реки ни конца и ни начала.

Тишь. Смерть.
Не дырявит туман кровавый факел.
Люди удят себе погибель.

А над спинами, над тучами, над мраком –
Светлокрылые звезды в голубизне.

Но застывшие этого не чувствуют.

Столяр 12/75

Столяр знания
Шарит вздыбленным мозгом
В золотой ночи мирозданья.

Блеклый взгляд сквозь очки,
Растопыренный циркуль, отвес, лекало,
Тень от рамы крестом на верстаке.

Мир сквозь ум
Точится в квадраты, триангли, диски —
Без огня и даже без тоски.

Эти диски — как просфоры причастия.

Он умрет — и будут играть дети
Безделушкой вечности. [195]

Звонарь 15/78

Как слепые быки, ревет гроза.
Молния в колокольню!
Запрокинутый звонарь в вышине —
И набат над площадью
Гролом рушится в зернистые толпы.

Колокольня осыпается искрами.
Звонарь бьет в безумье и в страх.

Колокольня по швам в разрывах пламени.
Дико пляшут колокола.

Золотые щупальца вокруг помоста.
Звонарь вызвонил погребальный зов.

Раскололись стены.
Черными углами метнулись колокола.

Звонница иглою в земле.
Звонарь мертв.

На столбах крюки, на крюках волокна,
За столбами поля и закатный горизонт,
А перед столбами канатчик
Сучит вервь из волокон и лучей, —
Отступая вспять, вспять, вспять,
Тянет из заката пыланье далей.

Там бушует ярость веков,
Полыхают путеводные молнии,
Красной пеной кипят отравы.

По дороге пыльной, вспять, вспять,
Тянет на канате буйные дали.

Там пылает металл в плавильнях,
Жизнь и смерть из реторт взрывают мир,
Знание бьет крылами над гробом бога.

Меж рекой и лугом, вспять, вспять,
Тянет к яви строгие дали. [196]

Там сплотится мечта и мысль,
Там закон осенит покой,
Там в любви отразится бог.

Вспять —
На канате звездные дали.

Могильщик 21/115

В черном зеве ямы рябит могильщик

Кладбище — сад гробов и кипарисов.
Треснутые плиты, отравленная пыль.

Яма ждет покойников нищеты.

Все дороги сползаются к кладбищу,
А в гробах — окоченелая страсть,
размозженная доблесть,
догнивающая любовь —

Колокольный звон над могильщиком.

— выдохлось вдохновение,
расползается мысль —

Над могильной пастью стоит могильщик.

— непростенные обиды,
неуслышанные мольбы —
В стуке комьев земли по крышке гроба.

Это в хрусте костей
Настоящее
Отгрызает прошлое у будущего.

Над могилой — холм.
Над колоколами — гудящий ужас.
И могильщик вбивает черный крест.

Из «Полей в бреду»

Лопата 16/48

Серая земля, серое небо,
Голый луг, стылый холм. [197]

Встала мертвым деревом, воткнута холодным железом,
Лопата.

Начерти на глине крест.

Сад дик, дом пуст, на полу зола.
Богородица упала из ниши.

Начерти над домом крест.

Трупы жаб в колеях, стоны птиц над колеями.

Начерти над степью крест.

Вырублены деревья.

Смолкли колокола.

Начерти над миром крест.

Солнце ворочается, как жернов.

Над взбухшим трупом земли —
Лопата.

Из «Городов-спрутов»

Заводы 21/105

Красные кубы, черные трубы
Верстами в ночь, —
Желтоглазые над смолюю каналов,
День и ночь клокают заводы.

Дождь, асфальт, пустыри, лохмотья,
Из тракторов сверкает яркий спирт,
Низколобая злоба бьется в злобу,
В сердцах скрежет,
И клокают заводские корпуса.

Дышат паром стальные челюсти,
Золото под молотом брызжет в тьму,
Лязг, напор, маховик, как пленный вихрь,
И снующие зигзаги ремней
Шестизубьями в такт, в такт,
В клочья рвут вылетающее слово.

За стеной — каналы, вокзалы, бег
От заводов к заводам и заводам [198]
Чередой, грядой, в клочоте, в клекоте,
И огни взмывают вдаль, вдаль
В ржавое небо к слепому солнцу.

И в воскресный день
Город спит, как молот на наковальне.

Золотой кумир
Над побоищем черных скопищ,
Огненный перекресток
Страх, риска, гордыни и безумия.

Золотой маяк,
И плывут к нему паруса ассигнаций.

Золотой дворец,
Бег вверх, бег вниз, сушь губ, всхват рук,
Вал цифр в вал цифр,
Бьются, рвутся, мчатся, разятся,
Предан, предал, сгинул, выжил,
Слажено, порвано, сторговано, упущено,
Самоубийцам — похороны по первому разряду.

Золотой мираж,
К нему взмолены миллионные руки.

Золотая пирамида, золотой куб,
И на цифрах к нему мостится счастье.
Все в одной петле,
Ненависть работает, как машина.

Золотая ось колеса фортуны.

Все моря прихлынули к городу.

Порт оседлан тысячею крестов.
Солнце — красный глаз.
Лязг цепей, грохот молотов, рев гудков.

К городу прихлынули все моря.

Море тяжкое, море земледержное,
Море множеств, море — спор и напор, [199]

Взрывы нежности и порывы ярости,
Море — пьяный дикарь — корчует скалы.

Мол, как кнут, перерезает прибой.

Вавилоны! Сплав ста народов!
Город-пасть, город-пять, схватить весь свет!
Белый норд, желтый юг.
Склады вздыблены: горы, леса и трупы
Словно в неводе, все на вес и в торг,
Огненные вымыслы сквозь хищные числа
Цедятся в золотой котел.

Знак Меркурия на загаре матроса.

Нефть и уголь дышат в улицы с набережных.
Вспышки катятся по рельсам, и вдаль, и вдаль.

Город дышит миром сквозь поры порта.

Бунт 33/104

Улица — летящая лава тел,
Бешено вскинутые руки,
Взрыв, порыв и призыв;
В огненном закате —
Смерть: набат,
Копья, косы и скошенные головы.

Все, что снилось, мнилось, томилось в душах,
Вдруг взметнулось тысячею клинков.

Глухо ухая,
Отмеряют пушки за ревом рев.
Циферблаты как глазницы без век:
Камень, треск, и времени больше нет.
Миг порыва
Перевесил столетия ожидания.

Все на пир ликующей крови,
Живые по мертвым,
На штыки, усталые ранить!
Встал пожар золотыми башнями,

Огненные руки рубцуют ночь,
Крыши рвутся в черное небо. [200]

Молот в дверь, пляшет ключ, сбит запор,
Пламя лижет судейские залежи.
Вдребезги витражные лики,
На последнем гвозде повис Христос.
Просфоры — как снег под подошвами.
Старье — в клочья! Трусами вздыбливаются рвы.

Космы пламени на ветру.
Дым метет подзвездные выси.

Убивать, возрождаться, рождать
Или пасть —
Роковая глубинная мощь — одна,
Встань весна зеленою или красною.

Из «Представших на пути»

Святой Георгий

Молния стелется тропой из туч.
Отвесный всадник летит с небес.

Серебряный вихрь, золотой удар,
Блещущий меч и копье, как луч, —

На крик моего измора.

Белый огонь, колокольный звон,
Кружение звезд в распахе небес,

Где в безднах — ангельские ладьи,
И в высях — дева, царица, мать —

Над мраком моих мучений,
Над шрамами души,
Над немощью стыда,
Над злостью лжи,

Над бегством в бедства, где смерть,
Над ночью,

За которой свет — как совет,
И волною льется святой Георгий
В душу, падшую на колени:
Ночь — прочь, свет — вслед,
И на вскинutom лбу моем — лучезарный след. [201]

Анри де Ренье

Из книги «Игры сельские и божеские»

Кошница 18/49

Ива над рекой. Сплети прутья. Дно будет круглым.
Вечер. В эти струи смотрело Время.
Спи. Ты прожил день, и ты сплел кошницу.

Это Оры-часы босой походкой
Из Сегодня в ненасытное Вчера
Унесут в твоей кошнице свои цветы:

Друг за другом, рука с рукой.
И настанет утро, Улыбнется ива тайному лету.
Ты устанешь от ее гибкости. Ты ударишь

Резцом в резкое серебро, чеканя
Все те же цветы. Опечаленные Оры вернутся
С горьким яблоком, жесткой гроздью, сухою веткой.

Выцветут серебристые ивы. Умчатся птицы.
Ты захочешь вспомнить былую радость
И вместо серебряной выковать золотую кошницу.

Снова Оры, любя, придут на зов твой,
Но затем лишь, чтобы собрать в нее твой пепел.

И пред их наготою смежишь ты очи.

Сбор 16/46

Синяя волна, золотая пена взмелась на берег.
Белая и нагая, твои пальцы в соленой гриве.
Ты стоишь, смеешься, море лижет нежные ноги.

Заря брызжет тебе навстречу. Травы
Тянутся цветками к твоей ладони.
Над тобой весна, под тобою лето.

Поле ходит золотыми волнами.
Плющ и грозд обвивают ленивый жезл.
Мох ласкает ноги. Ручей сверкает.

Отдохни. Престол твой — из солнца. [202]
Но из низин к нему уже всползают сумерки
И хватают тебя за руки. Тропы круче

И колючки злее. Цветы облетают под пальцами.
Дождь и мгла клубятся вокруг бледной плоти.
Ты лишь тень меж голых стволов. И слышишь:

Ржут вдали морские кони. Их шпорит Время.

Песнь 1 24/58

Сентябрь!
Спят бок о бок двенадцать месяцев в лоне года.

Сентябрь!
Наступал твой черед настать,
Вились ржавые листья винограда над вертоградом.
Листва золотилась плодами.
Ветер был, как время в полете.
Я не знал и, плача, шел по меже.

Сентябрь!
Если бы я знал: ты придешь
На развязку всех извившихся троп,
На порог вертограда под виноградом, —
Я не бился бы лбом в затвор зимы,
Не рыдал бы цевницами апреля,
Не считал бы кружащиеся листья,
Как песчинки золота в часах,
И не задыхался бы летней страстью,
А сказал бы только:

Сентябрь!
Вот ты ждешь меня, и Любовь с тобой рядом,
На порог легла ваша двойная тень,
Ветер свеж, как время, и над водой
Распускаются фонтаны, как пальмы,
И как лилии лебедины шеи.

Песенка 2 17/28

Ничего у меня нет,
Только три золотые листика,
Только посох, только пыль на подошвах,
Только запах вечера в волосах,
Только отблеск моря во взгляде. [203]

Золотые они, с красными жилками,
Я их взял из пальцев спящей осени,
Они пахнут смертью и славою
И дрожат на черном ветру судьбы.
Подержи их:
Они легкие, и припомни,
Кто к тебе постучался в дверь,
И присел у порога, и ушел,
И оставил три золотые листика
Цвета солнца и цвета смерти.

А потом раствори ладонь и дай
Улететь им в ветер и вечер.

В каждом часе картинка. То волк, то агнец.
То кусает, а то ласкает.
Каждый час несет подарок году:
Розу, яблоко, голубку, корзину, зеркало.
Взгляни в зеркало: в нем лицо забвенья.

Песенка 3 20/39

Постучись:
Над высокой дверью лозы и плющ
Въелись в старый камень,
И ночной забвенный дом
Улыбается розовой заре.

Весна,
В окнах свет и на плитах пола блеск
Улыбнись на пороге.
Хочешь — сядь у очага, чтобы прясть,
Хочешь — вот тебе
Деревянная чашка, оловянная тарелка,
Хлеб, вода и яблоко.
Поживи здесь: дорога нелегка.

Но улыбка твоя уже
Как прощальный поцелуй. Ну что ж,
Вот тебе цветок,
Золотой светильник и три опала,
Плащ сандалии, пояс, а на поясе
Ключ, —
А теперь в дорогу: туда, где люди. [204]

Былое 7/28

Зрелые плоды, красные цветы. Море.
Мост на черных ногах и в белой пене.
Желт закат. Блеск резной сирены на корме.
Борт плывет. Ветер с моря, ветер с гор.

Те цветы были в ветре еще душистее.
Дух как парус. Сердце спит, как сирена.
Память моря — как якорный канат.

Пригрев 15/30

Водоросли как мысли,
Серебряные в синем,
Золотые в зеленом.
Водоросли как змеи
На забвенном жезле Меркурия.
В водорослях раковины,
В раковинах поет прошлое,
Печали мои и радости.
Водоросли узорами,
Как жилы, которыми
Наша кровь оживляет
Песок и камень.
Убаюкайте, водоросли,
Колыбельную раковину,
В которой поет мое прошлое.

Песенка 6 18/31

Скажи:
Это осень пришла, шурша по листьям,
В чашу входит стук топора,
И над прудом вянут птицы и падают,
Стрела за стрелой.

Скажи:
Вот зима, над морем солнце, как кровь,
Лодки вмерзли в берег, дымит очаг,
Гложет ветер, и горек вечер;
Я — зима и боль.
И я буду тебя любить.

Но ты скажешь:
Посмотри: все зеленое и розовое,

И звенящий апрель сплетает в прядь [205]
Розу с розой и радость с радостью.
Я — заря твоя, крылья ввысь, сладок рот,
И к тебе
Мои руки цветут весенним запахом.

Спутник

По следам твоим ступает Былое.

Смутный спутник, невидимый для видящего,
Он у тебя за спиною,
Но оборотись, и он послышится впереди.
Мы собираем цветы, а он — их тени.
Мы вкушаем гроздья с его посадок.
Мы обсохнем у огня, он — у пепла.
Отражение его — в твоём ковше,
Его голос — в отголоске твоих выкриков.
Где паук ткёт ткань, там и он,
И одежда твоя соткана из прошлого.
Он спит в твоём сне,
Он идет за тобой с зари до вечера,
Чтобы в полдень протянуть тебе зеркало.
И увидишь ты в тусклом хрустале:
Вот — ты, вот — он,
Ибо все, что было, всегда при нас.

Он все помнит, а ты лишь вспоминаешь.

Песенка 7 14/33

Моя песня
Тяжела любовью, глуха враждою,
А твой рот
Мил любви, нежен вражде,
И ни слова,
Как смеешься ты себе у ручья,
И ни эха имени твоему.

Я иду по откосу над ручьем,
Плещет эхо,
Пасется стадо,
Изгороди в красном шиповнике.
Небо и земля,
Больше ничего,
И в погоде щепотка милой осени. [206]

Призрак

Вглядись в свет, взгляди в тьму.
Вечер красен кровью, рассвет — румянцем.
Плачет влага, страждет душа.
Вечер мчится, держа кого-то за руку.
Путь раздваивается, как копыто фавна.
В сущем звере скрыт мнимый бог,
Как в кремне — огонь,
Как в тебе — призрак,
Как в зеркале — отражение зеркала.
Твой поющий голос — и тот,
Когда ты испьешь смертных струй,
Не пойдет ли тенью вслед твоей тени
Выть
От крыльца до крыльца и от ворот до ворот?

Незримое присутствие 6/24

Шелест времени над травами. Червь
В балке, рябь в ручье. Стертость, ржавчина,
Трещина. От прикосновения плод
Загнивает. Не нужно ни циферблата,
Ни соборных колоколов. Все скажут
В бледной влаге бледные лепестки.

Нежный рассвет.
Нежно льются отары по нежным тропам
Баран белый, баран черный, ягнята пестрые.
Голубеет луг,
И деревья поют навстречу солнцу.

Полдень полон пчелиным звоном,
Тяжелеют гроздья,
И быки спят в траве, как зодиак.

В вечер нивы колосьями уперлись
В небо, умолкают леса,
И два колокола, ближний и дальний,
Один густ, другой светел,
Звоном борются за синее небо,
Чтобы не увял ни один цветок. [207]

Ноша 18/40

Оставь меч, оставь свирель. Перевей
Тирс меркуриевыми змеями. Час покоя.
Жар зари стал пеплом заката.

Пусть тростник на том берегу
Ждет другого, чтобы запела флейта.
Лавр бойцов — лишь сень над асфodelями.

Свет зари, злато полдня, черная ночь.
Жизнь — покой для прожившего и отжившего.
Кровь из раны не бьет, а лишь сочится.

Радость, Горе, Любовь перецвели.
Рыжегривая Гордыня подмята Участью.
И Надежда заблудилась на гнутых тропах.

Брось свирель и меч. Стебель вял, сталь иззубрена.
Ясный день, ненастный день — ночь одна.
Изваяй гробницу всему, что в памяти.

Страх прошел, как жизнь. Встреть приветливо
Жезл Меркурия, две свитых змеи —
Ключ к покою.

Ключ

Не спеши
В жизнь, где плоть — как цветы и плоды — как золото,
Кипарисы — как грусть, а тростник в ветру — как радость:
Прежде пусть вручит тебе Рок
Ключ от долгого твоего приюта.

А потом ступай себе в путь
Меж двух спутниц, Надежды и Любви,
Одна — с пальмовой ветвью и черной флягой,
А другая — с тяжелой гроздьёю и вздетым зеркалом.
Будут море, грозный лес, гневное золото
Нив под светлым ветром; нагое лето
Даст губам твоим пьяный плод в раскрытой раковине,
Брызнет персик, хрустнет в зубах
Отзвучавший свою песню тростник;
Будет ветер мчать, вода смеяться сквозь плач,
И напористый ливень, и робкий дождик
От первого листка до последнего цветка. [208]

Но когда наступит осень, вечер и в тяжком
Золоте дубрав по дороге вдаль
Канут друг за другом Любовь и Надежда, —
Ты услышишь ли у черного твоего пояса Ключ,
Кованный из золота, железа и меди
Для дрожащей руки перед замком
Вечных врат, где створы — мрак и пороги — ночь?

Ж. Мореас

1, 11 Смейся, как весенние ветки,
плачь, как ветер.
Жизнь — она ни счастье, ни горе,
она — лишь призрак.

4, 8 Ты смеешься в горе и сам не знаешь,
зачем тебе песни.
А ведь жизнь и смерть, и доброе и злое —
все только для лиры.

Add. Вспоминаю родину, бледные оливы,
взнесшийся кипарис.

Почему она перед глазами и в сердце?
Потому что она далеко.

1, 15 Солнце из тумана, из юга — север:
я — как ты, Париж:
Радость плачет в глазах моих, и горек
Рок — в улыбке моей.

1, 17 Пар, свисток, поезд в ночь, время влет,
вспыхнут розы, и пожелкнут листья.
Рождаясь, прощай! умирая, прощай!
Это горе мимолетно, как счастье.

2, 12 Смеется апрель,
добрые мысли возвращаются, как листья.
Капля меда
в горькой чаше расставания с бытием.

Add. Когда-то тенистый,
влажно лег мне на лоб осенний лист,
И душа в грезе
раскрывает преддверье своей судьбы. [209]

3, 18 Серебряная луна
над мачтами порта, над мраморами парка,
Над гранями берега, над безграничными нивами
и Парижем, где конец всех дорог.

2, 7 От заботного города
в нежную бы рощу, к колыбельному бы морю.
Но увяли мои апрели,
и жатва моя — под чужим серпом.

6, 3 Тополя в закате
осыпают в растущий сумрак
Самоцветным севом
шитье лета по тканям осени.

3, 11 На зеленом кладбище
под вечерними птицами
Я смотрю на пахоту,
где колосьями высятся кресты.

4, 7 Я как дым,

миг живущий, но вставший из огня.
Склонившись,
человек разгребает очажный пепел.

5, 10 Радость и горе,
пролетите сквозь меня, не тронув,
Как сентябрьский ветер
пролетает сквозь вскинутые сучья.

2, 18 Облака над волнами колосьев
как паруса.
Скоро вы отяжелеете бурей,
как сердце мое.

3, 14 Дуб над долиной, ветер в листве,
птицы в гнездах.
Бьет гром в вершину, топор под корень, —
он печально терпит.

6, 11 Пруд у праздной мельницы —
в мертвых листьях. В черную воду погляжу на себя
и на блеклое солнце.

1, 13 Бледное солнце осени —
надо мной, над рекой, над рощей. [210]
Вейся, лист, холодейте, волны,
крепни, сердце.

5, 5 Мертвый лист
бьется о порог, а время в ставень.
Камин, свечка,
я один, и осень как «баю-бай».

5, 6 Вздупа парус над спящим городом
ночь, кишущая одиночеством.
Вскрой окно,
и она ворвется к тебе потопом.

5, 8 Недолгая роза,
украшение сада, любви и лиры,
Пьет, как сладость,
ржавь и смерть пронзающих ливней.

5, 7 Ветер,
раненный над каменной мостовою,
Дымная осень —
это сердце мое осыпает листья.

Add. Роза, увядшая в вазе,
зачем ее я помню?
Усталому сердцу тяжек
даже призрак розы.

5, 3 Осень
кружит листья, и с ними — мою душу.
Дай им лечь помечтать на край
твоего бассейна.

4, 17 Чаша горя нам слаще меда:
Жизнь лишь дым, смерть лишь тень от дыма
На весах бытия. Равняйте чаши.

Add. Тучи, дорога,
ветер в лицо, гром как сердце.
Крик попутного ворона
ничего в моей судьбе не изменит.

6, 2 Под остывшим небом
в свисте ветра и криках охрипших птиц,
Брести в вечер,
до версты, где привал и горький ломоть. [211]

Add. Стонущий ветер
в золотом плаще свеваемых листьев,
Что ты скажешь
позднему солнцу, поздним плодам. позднему мне?

5, 12 Чтобы не слышать, как над этим миром
стучит мое сердце,
Ночью над прибором взмолюсь я к морю,
и меня не станет.

3, 1 Выцвело лето, зима стучится,
я отворю.
Отвдыхали листья, плачутся сучья,
ни молвы, ни друзей.
Божьей искрой выгорев в горе,
выживу, выжженный.

Поль Фор

Это — «приложение», потому что эти переводы хоть и верлибром, но почти не конспективные. Поль Фор, проживший долгую жизнь графомана, «король поэтов» 1912 г., привлекал меня светлостью своего пустозвонства, и я переводил его не для эксперимента, а для душевного облегчения: последнее стихотворение в этой подборке («*Naviget haec summa est*») помогало мне жить.

Проза в вечернем свете

Ранний вечер, ясное небо, синий день, голубая юность, маленькая луна, как беленькая душа.

В такую пору у открытых окон девушки за пианино сладко грезят о девушках из былого.

В такую пору томится шиповник о белой розе в мшистой руине.

В такую пору курочкам снится петушок на церкви.

А кроликам в поле — красная морковка.

В такую пору я тебя встретил до начала жизни — в пятнадцать лет, во сне, как в раю.

Синий воздух, дальние деревья, маленькая луна, как беленькая душа.

Смерть пришла

Бледная рука проросла в замке, вытянула палец, пролила лекарство.

Кто там? Никого. В комнате тепло, но как будто снег. [212]

Пришла ко мне Смерть, села у огня, по белым костям дышит красный блеск. В костлявых руках маленький предмет блестит и подмигивает.

Звякнул бубенец — мне уже пора?

Нет, она встает, белая, прямая, точно минарет. Нет, она встает, треснувши суставами, и о лунный камень точит свой предмет. Наклонилась, ждет.

Сынок, ты готов?

Вот тебе и Смерть. Маленький удар, весело блеснув, развел душу с телом, и моя душа весело летит белить свое белье в длинный лунный свет.

Колыбельная с игрушками

Дроворубы, плотники, выстройте ковчег.
Из белого дерева перекиньте мост.
Из желтого дерева — крепкие бока.
Из черного дерева — всех его зверей.
Из синего дерева — море-океан.

Сделайте, плотники, сто ковчегов Ноевых для ста малышей.
В каждом по входу для больших зверей.
И еще по входику для маленьких звериков,
чтоб вошли слоны,
и вбежали кролики,
и влетели голуби,
и вошел бы Ной.

Сделайте, плотники, сто ковчегов Ноевых,
Сделайте, плотники, маленькие входики,
чтоб вошло
все-все зверье,
и старый Ной,
и ты,
и я.

Царица в море

Царица любила
Красивого матроса,
А он уехал в Индию
Подарить ей подарок дорогой.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Чужой король
С черными кораблями
Взял царицу в жены,
А она возьми да утопись. [213]

Добрым лодкам и буря нипочем!

Царица — в море,
А мимо плыла акула,
Раскрыла пасть
Да и проглотила, не жуя.

Добрым лодкам и буря нипочем!

В черном брюхе
Было неудобно,
Но царица
Оставалась милому верна.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Доброй акуле
Было очень тяжело —
Плывет она в Индию,
Где гуляют белые слоны.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Смотрит царица —
А там белый слон,
И на нем в короне
Милый, дорогой ее матрос.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Она ему сказала:
«Вернись, матрос, к царице», —
А он отвечает
«У меня таких цариц полон дом».

Добрым лодкам и буря нипочем!

А он отвечает:
«Ты пахнешь, как могила!» —
«Это не могила,
Так уж пахнет в акульем животе».

Добрым лодкам и буря нипочем!

А он отвечает:
«У меня все жены
Пахнут духами —
Королевские парижские духи!» [214]

Добрым лодкам и буря нипочем!

Царица плачет,
Акула ее прячет,
И в акульем брюхе

Возвращается царица домой.

Добрым лодкам и буря нипочем!

Чужой король
С черными кораблями
Взял царицу в жены,
И она уже ни слова поперек!

Добрым лодкам и буря нипочем!

Киты

А когда мы плавали бить китов,
когда о нас плакали столько вдов, —
то при каждой был дороге Христос на крестах,
и на каждом был пороге маркиз в кружевах,
и была святая Дева, и был король!

А когда мы плавали бить китов,
когда о нас плакали столько вдов, —
то каждый матрос молился Христу,
а каждый маркиз плевал на Христа,
но была святая Дева и был король!

А теперь на белом свете всем хорошо,
не печалуйся, матросик, нынче всем хорошо —
ни Христов на крестах, ни маркизов в кружевах,
и во Франции республика, и в Париже президент,
только нет,
только нет ни единого кита!

Король Клавдий

Черный лес,
черный сад.
Я еду с охоты,
черный и злой,
а там, за спиной, —

золотой закат. [215]

Так всегда,
брат, убивший брата.
А всему виною —
ты, королева.
Взойдем на башню,
посмотрим на море.

У берега лодка,
из лодки выходит Гамлет.
Он сумасшедший
или просто устал?
Сойдем, Гертруда,
заглянем ему в душу.
В лестнице шестьсот ступеней.

С каждой смертью
солнце все ниже.
Крысы из нор
смотрят на луну.
Оботри ему лоб, Гертруда:
мальчик простудится.

Он увидит:
я буду сидеть спокойно, ему понравится
такой конец.
Спасибо, государыня:
я пью до дна!

Гамлет

Гамлет,
наскучив чужим безумьем,
объехал мир
и видит при лунном свете,
что он не покидал Эльсинора.
Гамлет объехал мир,
в уме он объехал мир.

Гамлет
у стены, обращенной к Риму,
слушает соловья,

и прах двенадцати цезарей
блестит ему из камней.
Гамлет объехал мир,
в уме он объехал мир. [216]

Гамлет
три раза обходит замок —
вот и весь мир!
А луна — это бедный Йорик,
безмозглая голова.
Гамлет объехал мир,
в уме он объехал мир.

Башня
бросила тень на террасу,
по террасе гуляет призрак. —
Ах, отец,
давай путешествовать вместе:
чтобы тебя найти,
я трижды объехал мир!

Фортинбрас

Я, Фортинбрас,
кого ждали так долго,
выхожу на миг
для последних слов.

Я один
закрываю драму,
мои войска
полегли за сценой.

Синий плащ мой
тяжел от крови.
Занавес рушится
на трубный звук

Раз, два, три —
Эльсинор разобран.
Мы с Шекспиром
уходим за кулисы.

Это так —
граф Варвик погиб:
наконец-то, наконец-то погиб!
Но, увы — жив
старый Генрих, старый Шестой —
выжил из ума,
но жив. [217]

На блеклый лоб
падает седина,
он откидывает ее вновь и вновь,
и слюни текут из губ.

Он сидит
в Тауэре над рекой,
он в тюрьме,
крысы и мыши кишат вокруг,
но они не тронут его —
он так бледен, что нагоняет страх.

Он как лунный луч
из решетчатого окна,
за которым звездная рябь.
И ему не вернуться ввысь,
потому что большой паук
переткал ему дорогу назад.

Призраки — не для крыс,
лунные лучи — не для мышей.

Кругом темно, и нечем дышать —
а король все жив.
Ни еды ему, ни воды —
а король все жив.
И понадобится добрый Ричард Глостер,
чтобы вдруг испустил он дух, —
разумеется, только от меланхолии.

В целом мире нет места краше, чем графство Блуа, над которым Шарль.
В черной башне над мутной Темзой он плачет песней о своей Луаре.
Английской ночью он плачет песней о ясных звездах над милым Блуа.
Невольник слова, он плачет, спящий, и сны его — по-французски.
Вспоминает Францию, города и сельщину, двор и замок.
А тюремщик лязгает, крыса пробегает по полу, звонят к английской заутрене.
Слабо слово, сдавлено слово, и все-таки сон поет.
О любви, о юности, о былом, не о будущем, пленник памяти, тоскует Шарль.

Горе

Ласточка летит. Вечер.
За ласточкой летит ястреб.
Над зыбким прудом — месяц,
На месяце две тени. [218]

А камышам нет дела:
Жизнь там или смерть в небе?
Небеса кричат горем,
А вода едва дрогнет.

Морская любовь

Маленькая жизнь
и большое море.
Ты меня любишь,
а я матрос. А в море буря,
а в море тишь:
надо плыть.

Маленькая жизнь
и большое море.
Тебе так страшно,
ты очень меня любишь.
Кабы ты бы любила
большое море,

ты сказала бы тоже:
надо плыть.

Мне плыть
на смерть,
а тебе —
на мою любовь.
Маленькая жизнь
и большое море —
понимаешь, милая,
надо плыть.

Буря и тишь,
причал и отчал,
черная скала
и морская пасть,
кораблю не выплыть,
а надо плыть.

А ты меня любишь и будешь ждать.
А там придет другая любовь. [219]

Если эпитафия покажется вам уже слишком глуп, то вместо Гете подпишите Тик, под фирмою которого всякая бессмыслица сойдет.

(И. Киреевский — матери, СС 2, 228)

Кто вопрошает богов о том, что можно знать посредством меры, веса и счета, и о тому подобных вещах, тот поступает нечестиво.

Socr. ap. Xen. Memor.

*А собака лаила
На дядю Михаила,
А что она лаила —
И сама не знаила.*

Частушка

А Алфавитный указатель к двухтомнику С. Острового начинается «А было это...» и еще 10 стихотворений, начинающихся с А (Последнее: «А что такое есть стихотворенье?...»). Тютчев стал начинать стихи с «И», а Островой с «А».

Абендландия называл Европу Мирский в письмах к Сувчинскому.

«**Авангард** 1920-х гг. низвергал традицию, авангард 1980-х ей подмигивает» (тезисы И. Бакштейна).

«**Авангард** авангарда, одержимый всеми невротами разведчика неверных путей...»

Академический авангардизм Улицы в Режице, Ю. М. Лотман говорит: «Конечно: если эта — Суворова, то вон та будет Маяковского, а между ними — Жданова», совсем как у позднего Брюсова.

Азбука Ст. Спендер предлагал ЮНЕСКО начать опыт мирового правительства со снятия таможенных барьеров между странами на одну букву, например, Либерией, Лапландией и Люксембургом (А. Koestler).

Азбука На телеграфе: «А международную в Болгарию тоже латинскими буквами писать?» — «Обязательно». [220]

Алфавит Персидский великий визирь Абул Касем Исмаил (X в.) возил за собой свою 117000-ную библиотеку на 400 верблюдах по алфавиту.

Анаграмма Кто-то из моих собеседников обнаружил у А. Одоевского, в «Браке Грузии с Русским царством» подтексты сталинской оды Мандельштама — не только «ось мира», но и анаграммы Сталина и Гори.

Авторитарность Бахтин в борьбе с авторитарностью утверждает свою авторитарность: я чувствую, как надо мной идет борьба за власть (постструктуралистская тема), а у меня от нее чуб трещит. В диалоге я утверждаю не собеседника как личность, а себя как не-личность. Очень хорошо: всякое мышление есть отмысливание от себя — всего мира, своего тела, своих мыслей, когда они познаны. Мыслю — следовательно, не существую, потому и стараюсь мыслить. Когда

Бахтин понуждает меня к диалогу, он словно затыкает мне рот и говорит «говори» — словно бог, который дал мне свободу воли и сказал: вот теперь изволь свободно любить меня.

Автор «Если «смерть автора», то, вероятно, и Деррида тоже нет? — Нет, говорят, Деррида только и есть, а это всех остальных нет» итд. (Т. Толстая, Ит. 1996, 21).

Анамнез в значении «амнезия» пишет д. ф. н. М. Новикова (титул выписан) в ЛГ, 1992.17.06.

Академик Выбран в академики. «А времени в сутках вам за это не прибавили?» — спросил НН.

Аполлон Восп. В. Белкина, художника: «...в «Аполлоне» все были какие-то умытые...» (В. Лукн., 95).

Архив Евд. Никитиной (РГАЛИ), автобиографии. В. И. Бельков, крестьянский поэт, в 150 км от Барнаула, был в городе за всю жизнь раз 10, в том числе один раз в кино. Д. Е. Богданов из Липецка — одно время увлекался собиранием фамилий английских лордов из книг, газет и журналов, насобирав несколько сот. М. М. Бодров-Елкин из Волоколамского уезда: «Под наблюдением моим Древа, цветы цвели и вяли». (Не помню кто): «Сейчас мне 23 года, проживу еще лет 20».

АВИЗОВ Алексей Жданомирович род. 16 мая 1832 в Ванчуковске. Один из величайших росамунтских романистов. Считается основателем «бытовой» или «естествоиспытательской» школы в росамунтской письменности — школы, которая, по выражению Сахарина, служит соединяющим звеном между «государственномудролюбческим» направлением Ванцовского кружка години Великого Возрожде[221]ния Росамунтии и романистами-душесловами 80-х гг... Завязки и развязки романов А. весьма сложны и запутанны, но всегда правдоподобны. Они свидетельствуют о богатстве фантазии автора. Все среды и быты, описанные А., необыкновенно ярко и верно нарисованы... Слог его — точный, тщательно отделанный, однообразный и холодный. А. очень плодовитый писатель, и тем не менее, во всех его, почти всегда длинных рассказах царит беспечное разнообразие. Он начал писать, будучи уже 30 лет, в 1862 г. Главнейшие его романы: «Два друга» (1867), роман в 3 т, ...«Рабы промышленности» (1868), «Жильцы пятиэтажного дома» (1872), «Отвлеченный товар» (1874), «Около стихий» (1877), «Царство ножа» (1880), «Среди приличий» (1883), «Подозрительные люди» (1884), «Народное стадо» (1887), «Г-н зайчишка или стадное начало в миниатюре и без прикрас» (1888). Все его сочинения (изд. 1890) составляют 15 т. В судьбах А. много странного и необычного. Его отец был какой-то загадочной личностью, вероятнее всего, какой-нибудь еврей. Он неведомо откуда пришел в 1827 г. в Ванчуковск, назывался Жданомиром Алексеевичем, неизвестно, к какой народности принадлежал, а по религии был последователь сведенборгианской секты... Сын поступил... в Ванчуковское всеучилище, в бытописно-словесную коллегию. Вскоре он познакомился и сблизился с ровесником своим Ванчуком Билибиным... окончательно стал деистом, материалистом и детерминистом, что подчас явствует в его писаниях... «Два друга» были встречены публикой с восторгом и раскупались нарасхват (см. об этом у Сахарина, «Течения росамунтской письменности XIX в.», гл. 5). За этот роман Общество росамунтских поэтов и писателей избрало его своим членом. За роман «Около стихий» оно венчало его липовым венком (в 1877 г.), за роман «Подозрительные люди» — буковым венком (в 1884)». — РГАЛИ, 259. 1. 3: И. Коневской, Краткие сведения о великих людях... Росамунтии в виде словаря, 1893. Среди других: Аранский Вл. Пав., писатель и мудролюбец; Аранский Яков Алдр., обсуждатель письменности и общественный писатель; Арнольдсон Альфр. Карл., детоводитель; Билибин Влад. Яросл., человековед и мудролюбец; Боримиров Алдр. Алдр., гос. человек, приказатель внутренних дел, — Ванец Конст. Феод.,

размысл и величиновед; Ванчуков Ив. Пимен., действовописатель; Векшич Бор. Ник., мудролюбец и душеслов; Главенский Лаврент. Серг., гос. домостроитель; Грушин Порф. Серг., животнослов; Кашин Леонт. Серг., смехотвор, лицедей-веселодей; Кессарский Петр. Петр, рукоцелитель; Мамонтов Викт. Анд., заморник; Нитин Дим. Ванч., травовед; Одноруцкий Ив. Порф., сельский хозяин; Понявин Бор. Алдр., резовед; Тропович Орест Ром., душецелитель; Хороблович Ив. Бор., мореплаватель и рыбослов; Черновранов Анд. Анд., вирталонист (так!); Шевелинский Диом Арк., врач — женослов, и др. Ср. ПЕРЕПИСКА.

Аканье Льва Толстого: имена «Каренина» вместо «Кореньина», «Каратаев» вместо «Коротаев». Впрочем, кто-то говорил, будто фамилия Анны — от греч. *сagene*, «голова», и делал выводы о рационализме и иррационализме.

Аннигиляция «Мандельштамовские чтения», 40 докладчиков, среди них Кожин и Померанц. «Произойдет аннигиляция», — сказал С. А. — «Ну, когда не одно столкновение, а сорок в квадрате, то это страшает от взрыва», — ответил собеседник. Это была та конференция, на которой было объявлено: «Стихотворе[223]ние «Мы живем, под собою не чуя страны» впервые у нас напечатано 7 января 1988 г. в газете «За автомобильно-дорожные кадры», так что можете цитировать спокойно».

Апатия «Ленинград мне апатичен — какая-то в нем укоризненная чистота» («Гарпагониада»).

Аполитизм Маяковского: у него нет прямых откликов ни на троцкизм, ни на шахтинское дело, его публицистичность условна, как мадригал (сказала И. Ю. П.).

Адресат Цветаева к «Из двух книг» писала: «говорите о своей комнате, и сколько в ней окон, и какие цветы на ковре...» Какая уверенность, что у каждого пишущего стихи есть комната, и даже с ковром. Когда готовили дом-музей Цветаевой, то много спорили, воспроизводить ли в нем предреволюционную роскошь или пореволюционную нищету; выбрали первое. Я сказал: «Полюби нас беленькими, а черненькими нас всякий полюбит».

Алкивиад «Пуританским Алкивиадом» называл Ю. Иваск Лоуренса Аравийского.

Аспирантка У нее крепкие научные зубы и узкое научное горло: она выкусывает интересные куски, а переваривать их приходится за нее. «Л. Андреева мучила миросозерцательная изжога от поглощаемых метафизических проблем», писал Степун.

Атеизм «Нет Бога, значит, все позволено» — логика школьника, задав ленного родителями и учителями. У того же Достоевского Кирилов делал совсем другой вывод.

Аномалия (Билинский) В гомеровских, генократических состязаниях наградой победителю была вещь; в VI в., в плутократических состязаниях наградой были венок и слава. В награду выделяется аномалия; ср. ИСКРЕННОСТЬ.

Абстракционистская литература (записано при советском классицизме) — действуют люди, а разговаривают совершенно как треугольники.

Аршин «Догматическая наука мерит мили завещанным аршином, а харисматическая наука мерит мили новоизобретенным аршином, вот и вся разница».

Архаисты и новаторы Традиционализм закрытости — это хранение результатов, новаторство открытости — хранение приемов. «Никакая программа не революционна, революционна бывает деятель[223]ность», т. е. смена программ (Б. Томаш, «Форм. метод», в «Совр. лит», 1925, 150). Ср. сентенцию Волошина: свободы нет, есть освобождение.

Афины и в них почет и льготы потомкам тираноборцев Гармония и Аристокитона. Я вспомнил об этом, услышав от К. К. Платонова, что в ленинградском доме политкаторжан в распределителе висело объявление: «Будет выдаваться повидло по полкилограмма, царевбийцам

по килограмму».

«**Афоризмы** — это точки, через которые заведомо нельзя провести никакую линию», — сказал А. В. Михайлов.

*Вы сами козырь и на вид ерза —
Не скозыряйте только под туза.
«Фауст»*

Балет «Почему в России при всех режимах писать о балете было опасно? Н. написал о Григоровиче: он гений, но сейчас в кризисе; я бы за такой отзыв ручки целовал, а Григорович требует сатисфакции».

Басня «А вот Крылова мы с парохода современности не сбросим», говорил Бурлюк, по восп. Тауфера.

«**Бездарным** праведником» называл Толстого Скрябин (восп. Сабанеева, СЗ 69, 1939).

Бессознательное есть табуированное, т. е. не биологическое, а социальное явление: если в XX в. секс перестал табуироваться, значит, он перестал быть бессознательным, а в бессознательное ушло что-то другое. Что? См. концовку рассказа Ст. Лема «Sexplosion».

«**Благовоспитанный** человек не обижает другого по неловкости. Он обижает тол ко намеренно» (А. Ахм. у Л. Чук, II, XVII).

Ближние и дальние К. Краус: «Кокошка нарисовал меня: знакомые не узнают, а дальние незнакомые узнают».

Бремя Русское бремя белых перед Востоком и бремя черных перед Западом.

Бородино Битву Александра при Гавгамелах греки предпочитали называть «при Арбеле», по более дальнему городу, — потому что благозвучнее. Так французы называют Бородино «битвой под Москвой». Бородино было орудийным грохотом от рассвета до конца, артиллерийской дуэлью, а драгуны с пестрыми значками, уланы с конскими хвостами высыпались в атаки, [224] лишь чтобы проверить результат пальбы. А именно артиллерия — налаженная Аракчеевым — была у русских едва ли не сильнее французской. Больше всего это было похоже на Курскую дугу.

Бог Художница Ханни Роско говорила о нем: «Ему бы восьмой день!»

Бог «Неважно, верите ли вы в Бога, важно, чтобы Бог верил в вас», — сказал духовник НН. Ср. РЕЦЕПТИВНАЯ ЭСТЕТИКА

Богоматерь Собеседница уверяла, что сама слышала в дни Дрезденской галереи, как женщина спрашивала сторожиху при Сикстинке: «Почему ее изображают всегда с мальчиком и никогда с девочкой?» Оказывается, любимый феминистский анекдот — тот, в котором Богоматерь отвечает интервьюеру: «...а нам так хотелось девочку!»

Бок (Объясняю покойному ФСН:) «Падение нравов не повинно в гибелях империй, оно не умножает, а только рокирует пороки. При Фрейде люди наживали неврозы, попрекая себя избытком темперамента, а после Фрейда — недостатком его; общее же число невротиков не изменилось. Вероятно, соотношение предрасположенностей к аскетизму, к разврату, к гомофилии и пр. всегда постоянно, и только пресс общественной морали давит то одни участки общества, то другие. Это общество как бы ворочается с боку на бок. Кажется, Вл. Соловьев писал, что успехи психоанализа сводятся к тому, чтобы уменьшить клиентуру невропатологов и умножить клиентуру венерологов».

Я — Лир, король без королевства:

*Сперва я видел плохих людей хорошими,
Потом вовсе не видел хороших людей,
А потом увидел, что их немало —
Корделия, Эдгар, шут...
Но с ума я сошел тогда,
Когда заглянул за кулисы
И увидел, как шут снимает колпак
И переодевается Офелией.
Значит, хороший человек — всего один,
Только надевает разные маски,
Чтобы мы не теряли надежды.*
Кл. Лемминг

Быть может «Данте он мне никогда не читал. Быть может, потому, что я тогда не знала еще итальянского языка» (А. Ахматова, «Модильяни»). [225]

Бы «Н. хороший ученый? — Он мог бы, но ему некогда». О другом Н. приходится объяснять: у него очень много эрудиции и очень много энергии, но почему-то они не помогают, а мешают друг другу.

Бы Реконструировать поэта по «я чувствовал бы так» — все равно что больного по «я болел бы так». Этому противоположна Гиппократова филология.

Бы Если бы Каменский-младший не был неудачен при Рушуке в 1810 и не умер в 1811 (в 35 лет), то он был бы командующим в 1812, действовал бы наступательно, и история Европы была бы иной (Греч, 343).

Бы (В. Викери, в разговоре). Если бы Лермонтов не погиб и решился бы уйти из армии, он не удержался бы в столице — по бедности, — и жил бы в деревне, предтечей Фета и Толстого. Так и Пушкин, идя на дуэль, надеялся поплатиться ссылкой в деревню. Хотя помещики из них получились бы плохие.

Бы «А что писал бы Пушкин, проживи он на десять лет дольше?» А что писал бы он, проживи он на двести лет дольше? Вопрос одинаково неправилен.

Бы Я не раз прикидывал, что было бы с Пушкиным, если бы в декабре 1825 повстанцы победили. Получалось: он пережил бы и смуту, и диктатуру Пестеля; первым человеком в русской литературе стал бы Булгарин; Пушкин бы с ним жестоко спорил; и погиб бы около 1837 г., возможно, что на дуэли. А. В. Исаченко делал доклад на конгрессе славистов: что было бы, если бы Россию объединила не Москва, а Новгород; получалась очень светлая картина. (Я предпочитал воображать, что Россию объединила бы Литва.) Такими упражнениями любил заниматься Тойнби: что было бы, если бы Тимур в своем маркграфстве не поворотил фронт на Персию, а продолжал бы бороться со степью, как ему и было положено? Тогда мы сейчас имели бы на территории СССР государство приблизительно в границах СССР, только со столицей не в Москве, а в Самарканде.

Бы Именно такие рассуждения в стиле Кифы Мокиевича Г. Успенский обозначал незабвенным словом «перекабыльство». А Ю. М. Лотман — словами «многовариантность истории».

Биография Мандельштам писал: у интеллигента не биография, а список прочитанных книг. А у меня — непрочитанных.

«Беспокойство мысли — Герцен, беспокойство совести — Огарев, беспокойство воли —

Бакунин» (зап. О. Фрелиха в РГАЛИ). [226]

«Это бессмысленница» писал на сочинениях Я. Г. Мор, преемник Анненского по директорству в Царском Селе (восп. А. Орлова в РГБ).

Бессознательное «— А я в Москве увижу мсье Кормилицына! — думала дама (она этого не думала, но я знаю наверное, что думала). — А я в Москве увижу мадам Попандопуло! — думал кавалер (и он тоже не думал, но думал)». — Щедрин.

Более-менее «У вас есть дипломаты, более европейские, чем Европа, и менее русские, чем Россия», — говорил Рейсс, германский посол при Сан-Стефанском мире (Мещерский, II, 383). Ср. С. Кржижановский: «Это более, чем менее? Знаете, это менее более, чем более или менее».

Бегеул чагат. То же, что алгвазил. Ни бегеули мои не имают людей Спасских в сторожу, ни в корму: ИГР, IV, прим. 328 (Акад. сл. 1847).

Блат Богат мыслит о злате, а убог о блате. — Пословицы XVII в., изд. П. Симони, с. 78.

Бузина и дядька Стиль Л. Добычина, удивленно-каталогизаторский, — точная копия II симфонии Белого (а проза Кузмина — окольная копия). А стиль II симфонии (это отметил Н. Валентинов) — от учебника Марго: «моя сестра не выучила урок, а в саду соседа расцвела роза».

Брюки (АиФ 95, 17): «Ленин на субботнике под бревном был одет по-простому, в зеленых брюках».

*Да, если блажь найдет на мудреца
Смудряться над премудростью ребячьей,
То впрямь сглупит, и глупостью ходячей
Потом промает век свой до конца.
«Фауст»*

Вашингтон на долларе потому так мрачен, что во время позирования он изнашивал зубной протез.

Временно исполняющий обязанности (время кончилось, а обязанности остались). По-русски: подставное лицо. Я уже заместитель самого себя.

«Воспоминания — фонари из прошлого, проясняющие пройденный путь и бросающие свет на будущий». Свет ли? ведь перед ногами идущего — собственная тень от света прошлого.

Воспоминания Было четверостишие Арго (о рапповских временах): «Подняв из-под архивной пыли Сей пожелтый старый бред, Не го[227]вори с тоскою: были, Но с благодарностию: нет». А о чем можно с уверенностью сказать «нет»?

Вечные ценности Это как у нас возрождают семью и одновременно — Христа, сказавшего «не мир, но меч», (Мф 10, 34–36) — а кто помнит, по какому поводу?

Вечные ценности Они напоминают те вечные иголки для примуса, о которых Ильф писал: «но я не хочу, чтобы примус был вечен!» — «Вечные образы, этот паноптикум Тюссо в литературе», выражался Брехт.

Вечно На международной цветаевской конференции вспомнилось, как Тиняков определил: Гиппиус — это вечно-женственное, Ахматова вечно-женское, Л. Столица — вечно-бабье... («А о ком еще было сказано: вечно-бабье? О России: так сказал Бердяев, имея в виду дух восприимчивости и пр.»). Но на этой конференции я вспоминал вечно-бабье всеминутно и безотносительно к России. «Как прошла конференция?» — спросил Флейшман. «На уровне Харькова». — «Тогда хорошо».

Вечность На юбилее НН. произнесли восточное пожелание: «Если хочешь быть

счастливым час — закури; если день — напейся; если месяц — женись; если год — заведи любовницу, если всю жизнь — будь здоров!» В. С. добавил: если всю вечность — умри.

И вечность — бабушка души.

Д. Суражевский: строчка, запомнившаяся О. Мочаловой

Век живи Из притчи: душа все время учит человека, но не повторяет ни одного урока. Ср. ИСТОРИЯ.

Вера «Иные думают, что кардинал Мазарин умер, другие, что жив, а я ни тому, ни другому не верю» (Вяз., ЛП, 30).

Вера «В Бога верите?» — «Верю». — ? — «Ну, не так, конечно, верю... Некоторые верят ну прям захлеб...» (М. Ардов, Окт. 1993, 3).

Вера «Я служила в ГАИЗе, но была агностиком: это не мешало совести. Я считала, что верить в бога и быть уверенным в его существовании — безнравственно, потому что корыстно» (из писем Н. Вс. Завадской).

Вера «...а у нас вместо опиума для народа — суррогат».

Виноград см. ДЕМОКРАТИЯ.

Верлибр Я писал статью о строении русской элегии, перечитывал элегии Пушкина и на середине страницы терял смысл начала, [228] так все было гладко и привычно. Чтобы не перечитывать по многу раз, я стал про себя пересказывать читаемое верлибром, и оно стало запоминаться.

Верлибр «Главное — иметь нахальство знать, что это стихи» (Я. Сатуновский).

Верлибр Олдингтон говорил: если бы Мильтон писал верлибром, он бы писал лучше.

Внушение Р. Штейнера обвиняли, что перед Марной он встретился с Мольтке-мл. и нечаянно возбудил в нем стратегическую бездарность (J. Webb).

Вззов «Наши взовы к властям предрежащим», говорилось на собрании в ЦДЛ.

Вакуум Рахманинов говорил: «Во мне 85 % музыканта и 15 % человека»; я бы мог сказать «во мне 85 % ученого...», но сейчас этот процент ученого быстро сокращается, а процент человека не нарастает, получается в промежутке вакуум, от которого тяжело.

В лицо Сон А. Приходит покойная свекровь, удивляется, что из ее комнаты вынесены вещи, спрашивает свои документы, и неудобно ей объяснять, что она уже мертвая. То же снилось ей и после смерти ее матери. И вправду: многим живым в лицо тоже трудно сказать, что они уже мертвые. Мне до сих пор не говорят.

Вымышленное лицо Доска на главной улице в Варшаве: «В этом доме в 18** гг. жил пан Вокульский, вымышленное лицо, бывший повстанец, бывший ссыльный, затем варшавский житель и коммерсант, род в 1832 г.»

Главк Сминфиад отличался скромностью во хмелю. Однажды, когда на исходе симпозиума Херсий, взявши его за грудь, начал, по обыкновению своему, вопрошать: «А ты кто такой?», то Главк, побледнев, но нимало не смутившись, отвечал: «Я — вымышленное лицо».

Апокриф

Vixerunt В Баденвайлере на доме, где умер Чехов, висит доска: «Здесь жил Чехов».

«**В среднем** 70 % от этого умирают», сказали Якобсону перед последней операцией; он ответил: «Я ни в чем никогда не был средним» (От Поморской, через Ронена). [229]

Волнительный — это слово К. Федин с огорчением нашел в статьях Льва Толстого.

Волга «Ив. Серг., да вы ведь и Волги не видали!» — говорил Тургеневу Пыпин (ИстВ 1916, 4, 155). Блок в России видел кроме Петербурга, Москвы и Шахматова только Киев в 1907 г. и Пинск в войну (В. О., 357).

Воздаяние «Зрелище полей, обещающих в перспективе разве что загробное воздаяние» (Щедрин). «То-то у нас сейчас и происходит религиозное возрождение!» — отозвался И. О.

Воскресность «Он человек добрый, только никаких воскресностей не дает» (РСт 66, 1890, 81).

Воспитание Семья должна заботиться, чтобы человек отвечал требованиям общества, какие были 20 лет назад, улица — требованиям сегодняшним, школа — требованиям, какие будут через 20 лет. Сейчас хуже всего делает свое дело школа.

Воспитание должно говорить «смотри туда-то», а не «видь то-то». Толпа, которая вперена в одно и шелестит друг другу о разном.

Возмущающая роль исследователя в филологии — это и называется вкус.

Вещь В. Адмони: «Анненский — поэт вещи? не сказать ли: мебелировщик (декоратор) души?»

Вещь Ф. Сологуб на юбилее говорил: в старости привыкаешь относиться к себе как к вещи, которая нужна другим. Как к вещи, которую рвут из рук в руки и все никак не доломают. Я готов быть и молотком и микроскопом, но не попеременно.

Вергилий — поэт, который мог бы сказать «отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет». Внимание к Марцеллу, Палланту и другим молодым было для него тем же, чем для Маяковского «Комс. правда».

Главк Сминфиад отличался кротостью и миролюбием. Когда Херсий Херонейский и Дионисодор Феспийский побранились при нем о некотором месте из Диомедовой книги «Илиады» и обратились к нему, он им ответил так «А у меня есть «Илиада» с картинками!»

Апокриф

Главное слово Дочь проходила мимо курятника, взяла и закудаhtала — просто так, от нечего делать. Куры переполошились, высыпали [230] на улицу и с криком бросились к ней. Видимо, она сказала им что-то очень важное, а что — сама не знает.

Главные вещи Трех главных вещей у меня нет: доброты, вкуса и чувства юмора. Вкус я старался заменить знанием, чувство юмора точностью выражений, а доброту нечем.

Геометрия С Н. трудно не оттого, что он перекошен в другую сторону, а оттого, что он уверен, будто он — прямоугольник

Геометрически-проволочный стиль Кржижановского ближе всего к Замятину, только не с бунтом, а с приятием.

Гиперболизация приема В переводе «Гоголя» Набокова следовало бы гоголевские цитаты сохранить на английском языке, потому что ради них и написана вся книга. Это было бы то же самое, как А. Эфрос переводил Сандрара: «сторож, обутий в valenki...»

Гид Набоков был нецерковен: «к Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники».

Годовщины «Грядущей смерти годовщину меж их стараясь угадать» — Пушкин. Словарь не отмечает этого необычного обратного счета годовщин. Ср. «Недвижимо склоняясь и хладея, Мы движемся к началу своему» — хотя ожидалось бы «к концу». Не отсюда ли у Мандельштама, что мы в детстве ближе к смерти, чем в наши зрелые года?

Годовщины Гумилев говорил Шилейке, что умрет в 53 года (В. Лукн., 138). Это был бы 1939 год. Шенгели в 1925 читал лекцию, среди лекции почувствовал себя в тяжелом трансе, будто его ведут на расстрел, но выдержал и дочитал до конца. В перерыве к нему подошел Б. Зубакин: «дайте вашу ладонь». Посмотрел: «Ничего, вы проживете еще 12 лет». Это был бы 1937 год (Письма Ш. к Шкапской). «Ночь, улица, фонарь, аптека» писано в 1912; «Живи еще хоть четверть века» — т. е. опять-таки до 1937.

Годовщина Кто сказал, что мы празднуем не годовщины событий, а годовщины их годовщин? Особенно это было видно, когда Лужков справлял 850-летие Москвы как годовщину ее сталинского 800-летия, которое он (и я) видел мальчиком.

Газета (НиЖ 91, 2) В Карелии, чтобы отвлечь домового от лошадей в конюшне, вешают на стену газету вверх ногами.

Галлицизмы «делать знаки», «бросился исполнить приказание», «НН находится с вами» («Галатея», 1839, 11, 215).

И. Г. Покровский, О неправильностях языка у русских писателей, «Москв.» 1853, 9, 10, 21, 22, 23. Ревность означает усердие, ревнивость — подозрительность Около [231] значит вокруг: «остановился подле нея», а не «около нея». Вследствие — приказный прозаизм. Спинной хребет — тавтология, вместо спинная кость. Не жест, а телодвижение, не поза, а телоположение. Слова недовольство нет, а если бы было, значило бы бедность, скудость. Лучшие уж черезчурие, чем утрированность. Советчик — новое слово, лучшие уж советыватель. Вместо вонь в приличном обществе говорят зловоние. Новые слова: приятельство, непроглядный. Не людской род, а человеческий, потому что «люди» — уже родовое понятие. Не всклоченный (от клокотать), а включенный. — А Писемский упрекал Майкова, что воркотня может быть производным только от ворковать.

Нарах legomenon Б. Окудж, «Считалочка для Беллы» («Арбат, мой Арбат». 53): «И загадочным и милым Лик ее виял живой Александру с Михаилом Перед пулей роковой...» К загадочному слову предлагаю конъектуру «вилял».

Гений Тургенев о Гончарове: *Genius loci communis* (П. Анненкову, 21.02.1869).

Гений П. Валери: «Талант без гения — малость, гений без таланта — ничто».

«Я не **гений**, но гениален», говорил Б. Чекрыгин (по Харджиеву). Ср. «По чему я не интеллигент — почему я не интеллигентен».

Гермоген патриарх, был не сладкогласив, не быстрораспрозрителен и зело слуховерствователен. (Цит. по Платонову тот же Алданов, этот Щедрин русской эмиграции, за отсутствием спроса ушедший в беллетристику, где те же мысли декорированы выдуманными персонажами, такими маленькими, что даже незаметно, что они картонные).

Герострат Вообразите: эфесский храм сгорел только по недосмотру пожарной службы, и чтобы это скрыть, сочиняют версию о поджоге, с запретом называть имя поджигателя. Такой версии обеспечен успех.

Гетто «Культурное гетто наших семинаров», — сказал Г. Г., вспоминая отделение структурной и прикладной лингвистики в МГУ. «ОСИПЛ и классическое отделение были братья по эсотерическому садомазохизму», — ответила Н. Бр.

Горох Приятно быть стенкой, об которую бросают горох: может быть, после этого из него сварится каша. (Ср. ДИАЛОГ). Вдохновение — это, наверно, когда, как в стенку, бросаешь свой горох в бога, а он летит обратно в твой котелок.

Геология «Лобзанья пью, бесстрастно пламенея, Как сталагмит лобзанья сталактита...» (из

сонета В. Эльснера). [232]

Гибридизация литературная От скрещения Брюсова и Бальмонта явился Гумилев, от Брюсова и Блока — Пяст, от Брюсова и Белого — Ходасевич, от Брюсова и Иванова — Волошин. («И все они, по Фрейду, ненавидели отца», — сказала Н.) И у него еще осталось сил на старости лет произвести от Северянина — Шенгели, а от Пастернака — Антокольского. От скрещения Бальмонта и Сологуба явился Рукавишников, а от скрещения Б. Окуджавы и Ю. Кузнецова — Высоцкий.

Гибридизация литературная К. П. сказал: «Платонов скрестил Белого с Горьким». И получил Зоценко, освобожденного от комизма: каким же для этого нужно быть мичуринцем!

Гибридизация внелитературная «В честь 70-летия товарища Сталина советские селекционеры-мичуринцы приняли обязательство вывести новую породу сельскохозяйственного животного — мускопотама. Самое трудное было уговорить гиппопотама. Муха была готова на все» (из писем В. П. Зубова Ф. А. Петровскому, по памяти).

Гоп-компания Этимология: «туземный банкир, русский мужичок Богатков, принадлежащий генералу К. — это «Гоп и компания» здешнего края» (БдЧ 32 (1839), IV, 1).

Гирше, да инше Накануне Октября и Пажеский корпус, и г-н Путилов (в разговоре с французским атташе) высказывались за большевиков (Геллер и Некрич).

Головотяпство родило революцию: Февраль начался бунтами из-за бесхлебья в очередях, а после Февраля оказалось, что хлеб в столице был. Солдаты хотели мира, потому что не было снарядов, между тем оборонная промышленность работала на зависть союзникам, и только продукцию ее никак не могли довести до фронта. А накопилось ее столько, что хватило на три года гражданской войны (Геллер и Некрич).

De trop «всего слишком много», экзистенциалистский термин, до которого я додумался (доощущался?) самостоятельно в двадцать с немногим лет. Потом я нашел этому страшному чувству веселую иллюстрацию:

Знай, о повелитель правоверных, что выехал я в каком-то году из своего города (а это был Багдад) и имел при себе небольшой мешок. Мы прибыли в некоторый город, и пока я там продавал и покупал, вдруг один негодяй из курдов набросился на меня, отнял мешок и сказал: «Это. мой мешок, и все, что в нем, — это мое!» И пошли мы к кади, и кади сказал моему злодею курду: «Если ты говоришь, что это твой мешок, то расскажи нам, что в нем есть». И курд ответил:

«В этом мешке две серебряные иглы и платок для рук, и еще два позолоченных горшка и два подсвечника, два ковра, два кувшина, поднос, два таза, котел, две кружки, поварешка, две торбы, кошка, две собаки, миска, два мешка, кафтан, две шубы, корова, [233] два теленка, коза, два ягненка, овца, два зеленых шатра, верблюды, две верблюдицы, буйволица, пара быков, львица, пара львов, медведица, пара лисиц, скамеечка, два ложа, дворец, две беседки, сводчатый переход, два зала, кухня и толпа кухонных мужиков, которые засвидетельствуют, что этот мешок — мой мешок!»

«Эй, а ты что скажешь?» — спросил кади. А я был ошеломлен речами курда и сказал: «У меня в этом мешке только разрушенный домик, и другой, без дверей, и собачья конура, и детская школа, и палатки, и веревки, и город Басра, и Багдад, и горн кузнеца, и сеть рыбака, и дворец Шеддада, сына Ада, и девушки, и юноши, и тысяча сводников, которые засвидетельствуют, что этот мешок — мой мешок!»

И тогда курд зарыдал и воскликнул: «О кади, этот мешок мне известен, и в нем находятся укрепления и крепости, журавли и львы, и люди, играющие в шахматы, и кобыла, и два

жеребенка, и жеребец, и два коня, и город, и две деревни, и девка, и два распутника, и всадник, и два висельника, и слепой, и двое зрячих, и хромой, и двое расслабленных, и поп с двумя дьяконами, и патриарх с двумя монахами, и судья с двумя свидетелями, которые скажут, что этот мешок — мой мешок!»

И я исполнился гнева и сказал: «Нет, в этом мешке кольчуги и клинки, и кладовые с оружием, и тысяча бодливых баранов, и пастбище для них, и тысяча лающих псов, и сады, и виноградники, и цветы, и благовония, и смоквы, и яблоки, и кувшины, и кубки, и картины, и статуи, и прекрасные невесты, и свадьбы, и суета, и крик, и дружные братья, и верные товарищи, и клетки для орлов, и сосуды для питья, и тамбуры, и свирели, и знамена, и флаги, и дети, и девицы, и невольницы, и певицы, и пять абиссинок, и три индуски, и двадцать румиек, и пятьдесят турчанок, и семьдесят персиянок, и восемьдесят курдок, и девяносто грузинок, и Тигр, и Евфрат, и огниво, и кремь, и Ирем Многостопный, и кусок дерева, и гвоздь, и черный раб с флейтою, и ристалища, и стойла, и мечети, и бани, и каменщик, и столяр, и начальник, и подчиненный, и города, и области, и сто тысяч динаров, и двадцать сундуков с тканями, и пятьдесят кладовых для припасов, и Газа, и Аскалон, и земля от Дамиек до Асуана, и дворец Хосроя Ануширвана, и Балх, и Исфахан, и исподнее платье, и кусок полотна, и тысяча острых бритв, которые бреют бороду кади, если он решится постановить, будто этот мешок — не мой!»

И когда кади услышал мои слова, его ум смутился, и он воскликнул: «Я вижу, что вы оба негодные люди и не боитесь порицаемого, ибо не описывали описывающие и не говорили говорящие и не слышали слышащие ничего удивительнее того, что вы сказали! Клянусь Аллахом, от Китая до дерева Умм Гайлан и от страны Иран до земли Судан, и от долины Наман до земли Хорасан не уместить того, что вами названо! Разве этот мешок — море, у которого нет дна, или Судный день, когда соберутся все чистые и нечистые?»

И потом кади велел открыть мешок, и я открыл его, и вдруг оказывается в нем хлеб, и лимон, и сыр, и. маслины! И я бросил наземь мешок перед курдом и ушел». И когда халиф услышал от Али-персиянина этот рассказ, он опрокинулся навзничь от смеха» итд («1001 ночь», 295–296).

Детектив (разговор с сыном). Не вернее ли задаться вопросом: почему неубитые неубиты?

Диалект Брат фольклориста Чистова пошел по партийной линии, и у братьев раздвоились диалекты: партийный заговорил на фрикативное h.

Диалог («Что такое диалог? Допрос» итд.). Дочь с ее психологическим образованием сказала: это мужчины обижаются на диалог, как на допрос, а женщины, наоборот, обижаются на уклонение от диалога, как на невнимание: доказано статисти[234]чески. Может быть, бахтинское отношение к литературному герою не как к сочиненному, а «как к живому человеку» тоже характернее для женщин, чем для мужчин?

Диалог Гельмгольца призывали периодически к двум дворам, Вильгельм I слушал и не понимал, Вильгельм II говорил, и Гельмгольц не понимал (Алд. Армаг. 38).

Диалог — этот жанр явился мгновенно, когда все ученики Сократа бросились писать о нем воспоминания: рой пчел, самозародившийся и вылетевший из трупа (Georg. IV).

Диалог «Книга тем и нужна, что позволяет пишущему выговориться ни перед кем, а читающему вообразить, что это направленный разговор именно с ним». (Так и представляешь на месте пишущего — Деррида с его «самого-себя-слушанием», а на месте читающего — Бахтина: встречу двух эгоцентризмов).

Диалог В каждом разговоре двоих участвуют шесть собеседников: каждый как он есть

(известный только богу), каким он кажется себе и каким он кажется собеседнику; и все несхожие. До Бахтина («каждый диалог двух собеседников — это диалог их внутренних диалогов самих с собой» итд) об этом написал Амброз Бирс.

Диккенс Зоженко писал языком гоголевского почтмейстера, а Джойс языком мистера Джингля. Ср. НИБУДЬ.

Дипломатия Романтический художник, общающийся с небом через голову мещанского мира, — это тоже дипломатия дружбы не с соседом, а через соседа.

Добро «Вы, В. В., генератор доброго, а я — поглотитель недоброго».

И работу окончив обличительно-тяжкую,
После с людьми по душам бесед,
Сам себе напоминаю бумажку я,
Брошенную в клозет.
(В. Шершеневич, *Эстетические стансы*)

Доброта Зоженко утешал Маршака, что в хороших условиях люди хороши, в плохих плохи, в ужасных ужасны. (Восп. Е. Шварца). Вообще-то, это мысль из стихов Симонида, цитированных Платоном. Брехт: «Не говорите, что человек добр, сделайте так, чтобы ему было выгодно быть добрым». Я дважды цитировал это при Т. М., один раз она восхитилась, другой ужаснулась. Собственно, рационализм марксизма и сводился к этой брехтовской формуле, но романтизм марксизма застав[235]лял его верить, что будет чудо и недобрые все-таки переродятся в добрых.

Др. Мне снилась московская Театральная площадь и на ней мемориальный столб великим полякам: Мицкевич, Лелевель, а третий почему-то был Булгарин, и на этом месте все говорили «и др.».

Долг «Ты что ж, говорю, волк, неужели съесть меня захотел? А волк молчит, разинув пасть. Не ешь, серый, я тебе пригожусь. А сам думаю: на что я пригожусь? И пока я так раздумывал, волк меня съел. С приятным сознанием исполненного долга я проснулся» (Ремизов, «Мартын Задека»).

Долг и страсть «Кто может похвалиться только умом, тот отдает должное великому и питает страсть к ничтожному» (Вовенарг, 237).

Дело «Теперь, когда все погибло, поговорим о деле» (Горький — Зубакину, Мин., 20, 263).

Дело (ср. также ПРАВИТЕЛЬСТВО). Ривароль сказал собеседнику: «У вас то преимущество, что вы ничего еще не сделали, но не нужно этим преимуществом злоупотреблять». (Переп. П. Анн.; ср. концовки сентенций Бисмарка и Вл. Соловьева).

Деньги деревянные «Если бы государь дал нам клейменные щепки и велел ходить им вместо рублей, нашедши способ предохранить их от фальшивых монет деревянных, то мы взяли бы и щепки» (Карамзин против Сперанского. Ср. Посошков: «В деньгах не вес имеет силу, а царское имя»).

Сон сына. Блестящий полководец, вроде великого моурави, отделяет от себя тень, одевает ее в великолепные латы и посылает на врага, чтобы быть сразу в двух местах. Они побеждают; тень возвращается в столицу первой и коронуется; но герой не боится Он приходит во дворец и говорит: «Тень, знай свое место!» Тень выскальзывает из лат, подползает к его ногам и прирастает; а латы остаются стоять, поднимают железную руку и приказывают: «Отрубить ему голову!»

Двухэтажный Б. Бухштаб говорил, что Н. Олейников говорил, что Маршак — поэт для взрослых, которые думают, что он поэт для детей.

Декрет «Прошу декретного отпуска по научной беременности».

Деспот «Поэты — деспоты мысли», — говорил Элий Аристид, предвосхищая Бахтина (где говорил — не выписано).

Держиморда В самых первых своих выступлениях, еще в провинциальной драме, Шалапин играл Держиморду. [236]

Деструктивизм живет в благоустроенном доме, где ему приятно передвигать мебель то так, то сяк (А не в хаосе сопротивляющегося мира.) Культ романтического безобразия на комфортном поле взрастившей тебя цивилизации; озорник, шумящий в телефоне и без того трудного человеческого общения. Абсолютная свобода окупается абсолютной некоммуникабельностью.

Длина Клюев учил Есенина: лучший размер лирического стихотворения — 24 строки (Эрлих, 57). А Брюсов говорил Гюнтеру: 16 строк (ЛН «Блок», 5, 346).

Домовой «...а теперь тут молодежное общежитие, и такое стоит, что домовые глохнут».

Дом Цветаевой в Москве. «Ваш дом снесут: рядом будет американское посольство». Ждут. «Сделают кап. ремонт, рядом будет английское посольство». Ждут. «Отремонтируют фасад: рядом будет индийское посольство». Ждут. «Ничего не сделают: рядом будет монгольское посольство». И стоит, из окна видно.

Доразуметь и вывидеть нужное предлагал Кот Бубера у С. Боброва.

Дядя У НН., филолога-классика, — стареющий пес Шлиман: «сперва он был мне вроде сына, потом вроде брата, а потом не то чтобы вроде отца, но, скажем, вроде дяди». Я вспомнил шутку Ф. А. Петровского. Институтка спросила: чем отличаются бык и вол? «Теленочка знаешь? Ну, так вот, бык — это отец теленочка, а вол — его дядя». (Сказано было на заседании сектора, но по какому поводу?)

Decline and fall of the russian empire называлась книга, которую читали «Нашему общему другу» Диккенса, по его твердому мнению. Почему-то говорят «погибла Россия!» и представляют себе по крайней мере Римскую империю. А вы представьте Австро-венгерскую: тоже ведь стояла тысячу лет. И ничего, бравый Швейк доволен, а Вена по-прежнему стоит на Дунае. Правда, когда я сказал это О. Малевичу, он ответил: «А вы знаете, что чехи и сейчас с сожалением вспоминают об австро-венгерских временах?»

Дорогая И. Ю.,

я уже привык Вам писать о каждом встречном городе что-то вроде его перевода на знакомый нам язык: помню, как я писал Вам «возьмите Марбург, перемените то-то и то-то, и получите Венецию». Так и о Вене мне хочется сказать: возьмите ленинградские проспекты, наломайте их на куски покороче, расположите так, чтобы каждый перекресток старался называться «Пять углов», потом набросьте на эту паутину московское бульварное кольцо (только пошире) под заглавием Ринг, и Вы получите Вену. Все дома осанистые, все с окнами в каменных наличниках[237], каждый пятый с лепными мордами, каждый десятый с валькирией в нише. Такой же и университет, но как войдешь — родные узкие коридоры, облупленные двери и неприкаянные студенты.

Вена изо всех сил притворяется городом наших бабушек: на новенькой кондитерской написано «с 1776 г.», на ювелирном магазине (готикой) «бывший поставщик двора его кралецесарского величества». У Аверинцева в университетском кабинете между фотографиями усатого Миклошича и бородатого Трубецкого — огромный Франц-Иосиф в

золотой раме. Сама Вена ездит на трамваях, а туристов возит на извозчиках, и извозчиков этих — лошади парю, а возницы в котелках — на улицах не меньше, чем трамваев. В публичных местах густо стоят памятники — тоже в стиле картинок из тех книжек в красных переплетах с золотым обрезом, которые дарили нашим бабушкам за прилежание в четвертом классе. Но не все: с ними, названия не имеющими, чередуются иные, называющиеся барокко. В книгах написано, что подлинным зачинщиком барокко был Микельанджело, но это неправда. Микельанджело говорил, что статуя должна быть такой, чтобы скатить ее с горы — и у нее ничего не отобьется. А эти статуи такие, что и на площади, кажется, вот-вот развалятся — столько из них торчит лишних конечностей. И все вздутые и вскрученные, как будто их сложили из воздушных шаров разного размера и облепили камнем. Поглядев на здешнюю Марию-Терезию (в окружении разных аллегорий), чувствуешь, что наша Екатерина перед Александрийским театром — чудо монументального вкуса. На гравюрах мы привыкли к таким размашистым жестам, как у Терезии и аллегорий; но когда они из чугуна, то я пугаюсь. Дворцы по бульварному кольцу тоже поважнее Зимнего: там на крыше стоят черные латники, а тут скачут золоченые всадники, а то и колесницы, и тоже все в чем-то развевающемся

И вот среди этого царства бабушек разных эпох стоит собор святого Стефана, ради которого, собственно, я только и выполз из своего жилья. Мне его стало очень жалко. Он высокий, старый, изможденный, и ему очень тесно. Почему большой — об этом в незапамятном детстве, когда меня безуспешно учили немецкому языку, я читал легенду, что его строитель ради этого продал душу дьяволу, но чем это кончилось, я не помню. Почему худой — потому что это поздняя готика, когда все башни похожи на рыбы кости с торчащими позвонками, а подпружные ребра по бокам судорожно поджаты. Почему изможденный — то ли он в вечном ремонте, то ли порода у него такая, но серые стены цвета вековой пыли у него в больших светлых проплешинах, как на облезавшей собаке. Почему тесно — потому что его вплотную обступили, высотой ему по колено, добротные домики XIX века, такие уютные, что ясно, никто никогда их не снесет, чтобы Стефана можно было хоть увидеть по-человечески. Видно, что за шестьсот лет он оттрудился вконец и хочет только в могилу, а ему говорят: ты памятник архитектурный, тебе рано. Вы человек, бывавший в Европе, и на эти мои чувства могли бы сказать вразумляюще «это везде так», и я бы утешился. Но вас поблизости не было.

Это я единственный раз выбрался дальше моего обычного маршрута от жилья до университета, и это было тяжело: я не мог ничего видеть, не стараясь в уме пересказать это словами, и голова работала до перегрева, как будто из зрительной пряжи сучила словесную нитку. Мне предлагали поводить меня по Вене, но я жалобно отвечал: «Я слишком дискурсивный человек». На обратном же пути от Стефана стоял дом серым кубом образца 1930 г., на квадратном фасаде цвет[238]ные гнутые нимфы образца 1910 г., а между ними надпись: здесь жил Бетховен, годы такие-то, опусы такие-то.

Ежедневный же мой путь до университета — 20 минут, из них 15 минут вдоль каменного барака в два этажа, где был монастырь (на воротах — «MDCXCVII»), потом госпиталь (за воротами скульптура белого врача в зеленом садике), а теперь его передалбливают под новый корпус университета. Это по одной стороне улицы, а по другой пиццерия, фризюрня, турбюро до Австралии и Туниса, киндер-бутик, музыкальные инструменты с электрогитарами в витрине, ковры, городской суд, японский ресторан, книжный магазин (в витрине «Наш беби» и «Турецкая кухня»), церковь с луковичными куполами под названием «у белых испанцев», где отпевали Бетховена, автомобильные детали, еще ковры, Макдоналдс, антикварня с золотыми канделябрами и бахаистский информцентр (это, насколько я знаю, такая современная синтетическая религия, вроде эсперанто). Сократ в таких случаях говорил «Как много на свете

вещей, которые нам не нужны!», а у меня скорее получается: «как много вещей, которым я не нужен». В конце же пути, напротив университета, перед еще одной двухкоствявой готической церковью, зеленый сквер имени Зигмунда Фрейда и среди него серый камень буквы пси и альфа и надпись: «Голос разума негромок».

Мы с Вами плохо ориентируемся на местности, мне здесь рассказали страшную историю о том, как это опасно. Когда Гитлер был безработным малярным учеником, ему повезло добыть рекомендательное письмо к главному художнику Венского театра (дом в квартал, весь вспученный крылатыми всадниками и трубящими ангелами), но он заблудился в коридорах этой громады, попал не туда, его выставили, и вместо работы по специальности ему пришлось делать мировую историю.

Я всю жизнь сомневался, что такая вещь, как австрийская литература, существует в большей степени, чем саксонская или гессенская литература; но мне объяснили: да, особенно теперь, после немецкой оккупации, это все равно как Польша почувствовала себя инопородной России только после ста лет русской власти. Говорят, даже обсуждали в правительстве, не снести ли совместный памятник австрийским и немецким солдатам, павшим в I мировую войну, как недостаточно патриотичный; но решили не сносить, а только прикрыть большим-пребольшим колпаком Я пришел в восторг и, увидев на дальнем краю Фрейд сквера странный бурый конус в цветных разводах, подумал, может быть, это тоже колпак на чем-нибудь. Но мне сказали: к сожалению, нет, это памятник в честь мировой экологии

В той австрийской литературе, которую я считал несуществующей, был такой лютый сатирик-экспрессионист Карл Краус, тридцать лет служивший для Германии Свифтом и Щедриным, вместе взятыми; это он сказал: «Господи, прости им, ибо они ведают, что творят». В магазине, где я купил полезную книгу, справочник мотивов мировой литературы, ее упаковали в сумку, на которой красным по черному было написано: «Если колеблешься между двумя путями — выбирай правильный. Карл Краус». Позвольте же этими ободряющими нас словами закончить мое затянувшееся письмо.

Единосушие Галатовский объяснял единость двух единств Христа: может ведь человек быть одновременно и философом и ритором! У зулусов быть одновременно человеком и пауком так же есте[239]ственно, как у нас быть семьянином, гражданином, блондином, химиком, спортсменом и мерзавцем. См. ЛИЧНОСТЬ КАК ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ.

Евгеника — это наш нравственный долг перед домашними животными.

Евхаристия Читатель приобщается автору, как при евхаристии — богу: поглотив его частицу. Но при евхаристии причастник обычно никогда не воображает, будто съел всего бога, а при чтении — к сожалению, почти всегда.

Ефа мера емкости, вмещающая 432 яйца. «И там сидела одна женщина посреди ефы», Зах. 5, 7.

Египет Блок не мог есть при чужих, как Геродотовы египтяне (восп. Павлович, 484). И был коротконог, как патагонцы: сидя казался выше, чем стоя (восп. Н. Чуковского). То же самое вспоминал Н. Альтман о Ленине.

Египет В. Рогов дописывал 15 стихотворений Брюсова, как тот — «Египетские ночи», а Жанна Матвеевна авторизовала.

Если Самое выразительное возражение на мою давнюю заметку о Бахтине было: «Если бы вы с ним были знакомы, вы бы так не написали». Да, и если бы я был знаком с Лермонтовым или Софоклом — тоже писал бы о них иначе; так не лучше ли писать о современниках, как о Лермонтове и Софокле, чем наоборот? Моя беда, что я не смог войти в него с парадного

экзистенциалистского (или как его называть?) входа и шел с черного социологического. Но кто вывешивал (и не перевешивал ли?) эти вывески над входами?

Еще «Постоянно прибавляйте «уже» и «еще»». — Брехт.

Жизнь Жить тихо — от людей лихо, жить моторно — от людей укорно. (Посл., изд. Симони, 102).

*Уж ты торна, маторна моя,
Фигурна, мигурна моя,
Пришпахтурна, натуральненькая.
(Соболевский, ГУ, 185–186)*

Жизнь Сталинградский солдат сказал корреспонденту: «Жить нельзя, но находиться можно» (М. Соболев).

Жизнь Родился мал, рос глуп, вырос пьян, помер стар, ничего не знаю (отзыв запорожца на том свете; ответ: «Иди, душа, в рай»). — Даль. [240]

«**Жизнь** ушла на то, чтоб жизнь прожить» (из письма С).

Жизнь и смерть Рожков с Покровским ехали в трамвае на съезд Советов и, трясясь у подвесных ремней, переругивались: Рожков кричал: «Все вы скоро будете покойниками!» — а Покровский: «А покойники часто и бывают победителями!» (Восп. П. о Р.)

«**Жить** не хочется, а умирать боюсь» (Гончаров, ЛН 22/24, 408): вариация «Крестьянина и смерти».

«**Жить** не хочется, вот и все», — повтори эти слова быстро 30 раз, они автоматизируются, и станет легче.

«**Жадность к печали** к у Чеботаревской стала патологической» (Н. Оцуп).

Жена «Не позадачило с женой жить, не стал ее скорбить, взял да и ушел от нее» (РГАЛИ, записи В. В. Переплетчикова).

Жена Кн. Шаликова, жена Каткова, была глупа и дурна. Тютчев сказал: «Que voulez-vous, он хотел посадить свой ум на диету» (Феокт., 87).

Женитьба «Жениться оттого, что любишь, — это все равно что счесть себя полководцем оттого, что любишь отечество». Ср. Ф. Сологуб: «Полководцами становятся те, кто с детства любят играть в солдатики и разбираться в выпушках и петлицах, а не просто те, кто любят отечество» (Л. Борисов).

Женитьба Для штей люди женятся, для мяса замуж ходят (Посл. Симони).

Женщина «Огненная женщина за 2500 лет до нашего времени». «Одесский вестник», 1873, № 135, о Сапфо (Прозоров, 1313).

«**Женщины** плачут, когда их бранят, — независимо от того, справедливо или нет, просто потому что бранят». Вот какие наблюдения бывают у Брехта.

Женщина «Несчастен фетишист, который тоскует по туфельке, а получает целую женщину». — Карл Краус.

*Я любила тебя, гад,
Двенадцать месяцев подряд,
А ты меня — полмесяца,
И то решил повеситься.*

Замуж В девках сижено — плакано, замуж хожено — выто (Даль). [241]

Застой Ключевский: «Старые бедствия устранялись, но новые блага чувствовались слабо. Общество было довольно покоем, но порядок ветшал и портился, не подновляемый и не довершаемый. Дела предоставляли идти, как они заведены были, мало думая о новых потребностях и условиях. Часы заводились, но не проверялись». Угадайте, о каком это веке?

Застой «Да здравствует конец первого застойного периода!» — был заголовок в «Московском комсомольце» 1988 г. Бел Кауфман спросила главного московского раввина, как он относится к перестройке, он ответил: «С осторожным оптимизмом».

Зачет а я не умею принимать зачетов. «Задавайте мне вопросы: за разумные вопросы будет зачет». Они задавали, я отвечал. «В средние века это называлось *disputatio quodlibetica*: вместо экзамена вам я устроил экзамен себе: жаль, что он вышел такой нетрудный».

Записи и выписки У Эффенди Капиева было при себе три записных книжки: для себя, для печати и на всякий случай.

Знание Хаусмену кто-то написал: «Вы — первый филолог в Европе». Хаусмен сказал: «Это неправда — будь это правда, он этого бы не знал».

Завсектором — для меня была должность главноуговаривающего и главнододелывающего.

Зазор С. А.: «Вы же знаете, между дозволенным и недозволенным зазор велик, и он-то есть наше поле деятельности». Я вспомнил про Колумбово яйцо.

Зеркало Н. Котрелев по письму к Суворину нашел псевдонимную рецензию В. Соловьева в «Новом времени» на первые выпуски «Вопр. Фил. и Псих.» и озадачился: там были сплошные хвалы В. Соловьеву, и не понять было, где здесь кончалась маскировка и начинался то ли нарциссизм, то ли маккиавеллика?

Зеркало «Пришвин точно всю жизнь в зеркало смотрится», сказал И. Соколов-Микитов (НМ, 1991, 12, 170).

Зеркало «Русская разговорная речь: тексты», изд. РАН: я, заикаясь, привык следить за своей и чужой речью, поэтому мне не так неожиданно было увидеть в этом зеркале, как у меня рожа крива.

Заплаты Стихотворение Киплинга «Дворец» я прочитал школьником — сверстники помнят серый его сборничек 1936 г. с зубодробительным предисловием, — в переводе А. Оношкович-[242]Яцыны. Я долго помнил его наизусть; но когда прочитал его по-английски, то оказалось, что некоторые места уже забыл. Пришлось заполнить пробелы собственным переводом. Через много лет, перечитав Яцыну, я подумал, что забытые и замененные места, может быть, были не случайны.

Каменщик был и Король я — и, знание свое ценя,
Решил на земле построить Дворец, достойный меня.
Когда раскопали поверхность, то под землей нашли
Дворец, как умеют строить только одни Короли.

*Он выстроен был неумело, он выведен был наугад,
Вкривь и вкось вились коридоры, и сходились углы невпопад,
Кладка была неуклюжей, но на каждом я камне читал:
Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему: я знал.*

*Я не медлил в старых раскопах. Я сам себе мог помочь.
Я шел, перетесывал камни и отбрасывал лишние прочь.*

*Я жег его мрамор на известь, гнул стропила, топил свинец,
Принимая и отвергая то, что оставил мертвец.*

*Не презирал я, не славил, лишь дело свое верша,
Но в стройке была все виднее строившего душа.
Словно в глаза ему глядя, понимал я, что я прочту
Двигавшейся рукою двигавшую мечту.*

Каменщик был и Король я. В полдень гордыни моей
Они принесли мне Слово, Слово из Мира Теней.
Было слово: ты сделал, что должен. Было слово: на прочем запрет.
Как и ты, Дворец твой — добыча *тому, кто придет тебе вслед.*

Я отозвал рабочих от кранов, от верфей, от ям,
И все, что я сделал, бросил на веру неверным годам.
Но надпись носили камни, и дерево, и металл:
Вслед за мною идет Строитель. Скажите ему: я знал.

«Гнул стропила» — никуда не годится, но лучше я не смог. Пусть кто-нибудь поставит еще одну заплату.

И. О. Исполняющий обязанности человека — звучит ли это гордо? См. ПУШКИН.

«Известное известно немногим» Видимо, и неизвестное неизвестно немногим? Это обнадеживает.

Изувер букв, «фанатик», все чаще употребляется в значении «изверг»: «в Ростове судят изувера...» (АиФ, 92, 19). Так уже у Цветаевой: «Изувера белому делу...» [243]

«Идеализм рождается у господствующих классов от привычки сказать слово и получить вещь; вот так и бог сказал: да будет свет». — М. Н. Покровский.

Идея в литературном произведении (как мораль в басне). Есть игра: из слова «муха», меняя по одной букве, сделать слово «слон». Точно так же и из «Гамлета» при желании можно вывести идею о вреде табака, только для этого потребуется больше переходных ступеней, чем для иного вывода. Научиться выделять и подсчитывать эти переходные ступени — будет той формализацией правил выведения идеи из текста, к которой стремился Б. Ярхо.

Импортный Так называется списанный или компилятивный комментарий к переводному автору.

Индивидуальность Это когда каждое «а» в строке не хочет быть похоже на другое.

Ирония Как трудно пародировать философию! все кажется, что она сама себе пародия. Пародическая философия обэриутов более всего похожа на философию Кифы Мокиевича, но этот подтекст почему-то ускользает от интерпретаторов. В то же время исходить из этого при анализе нельзя, потому что ирония, за редчайшими исключениями, — вещь недоказуемая.

Ирония Н. Гр. сказала: таково же неразрешимое колебание филологов: учение Платона о вдохновении (или о чем угодно) всерьез или ирония? После веков серьезного понимания любое учение кажется пародией на копящуюся литературу о нем и филология начинает рубить сук, на котором сама сидит.

Искусствоиспытателем а не искусствоведом называл М. Алпатов А. Габричевского, вернее бы это сказать о Б. И. Ярхо.

Интерпретация «Мы знаем, что с течением времени понимание произведений не усыхает, а обогащается». Т. е. растет наше собственное творчество по их поводу. («А к подножию уже понанес ли...», писал Маяковский.) Колумб огорчился бы, что вместо Индии авторского замысла он нашел Америку собственного сочинения, а мы этим гордимся.

Иконический образ «Ночевала тучка золотая» — стихотворение, рассеченное шрамом: строка «Старого утеса. Одиноко» противопоставлена всем другим и ритмически и синтаксически, все глаголы сгруппировались после этого рубежа, эмоциональная окраска до и после него противоположна. [244]

Иконический В «Моему аристарху» — «За рифмой, часто холостой, бегут трехстопные толпой на аю, ает и на ой»: «холостая рифма» — выражение неправильное, в соответствии с темой, а «ой» — действительно самая частотная русская рифма.

«Лит. газета» печатала статью с новой теорией стиха «Слова о полку Игореве»: строчки соизмеряются по числу одинаковых букв, вот промелькнули вразнобой пять Т и вот еще пять Т, значит — две строчки. Меня попросили написать предисловие, я написал, — «Была детская игра: по клеточкам нарисованы в беспорядке кошки, мышки и лягушки, их нужно пересчитать, но не порознь, а так: первая кошка, первая мышка, вторая кошка, первая лягушка, третья кошка, вторая мышка и тд., кто раньше собьется. Автор новой теории предполагает в читателе — точнее, в слушателе! — «Слова» вот такую фантастическую быстроту и четкость восприятия» и тд. Лишь потом я вспомнил, что Хлебников именно такие закономерности обнаружил — post factum — в своем «Кузнечике»: 5 «к», 5 «р», 5 «л», 5 «у». Думал ли об этом толкователь «Слова»?

Имя Булгарин был Фаддей в честь Костюшки (Греч).

Имя Покойного Г. М. Фридендера звали Георг-Гастон-Эдгар Михайлович — так написано было в его заявке в РФФИ.

Имя Когда в бурсе, чтобы согреться, устраивались драки стенка на стенку, то становились по фамилиям: с одной стороны на -ов («веди-ер»), с другой на -ский, а редкие на -ин присоединялись к -ским (Гиляров-Платонов, I, 227).

Имя Восп. М. Слонимского: Тынянов написал на него рецензию, «под рассказом «Актриса» подписался бы Куприн», но оказалось, что Слонимский уважает Куприна; тогда Тынянов исправил «подписался бы Потапенко», Слонимский обиделся, но поздно.

Искусство для искусства Маргарита Австрийская, плывя замуж в Испанию, в смертельную бурю сочинила себе эпитафию, хоть с погибшею эпитафия тоже утонула бы, а для спасшейся она была бы не нужна.

Искренность М. М. Гиршман: монолог Печорина — это искренний рассказ о том, как Печорин неискренним образом высказывал свою искреннюю правду. Трехступенчатое преломление.

Искренность «И. Сельвинский любил говорить, что талантливый поэт искренен, большой — откровенен» (выписано из кн. под загл. «Как бы там ни было», с. 108, имя автора забыл).

Интеллигент (В. Жаботинский, «Пятеро»). «У подлинного джентльмена могут быть скверные манеры, и настоящий интеллигент мо[245]жет не знать Мопассана и Гегеля — дело тут не в реальных признаках, а в какой-то внутренней пропудренности культурой вообще». Теперь я знаю, почему я не интеллигент: я не пропудрен, я пропылен культурой вообще.

Интеллигентность Склонение «СпартакОм, БальзакОм» не новость, у Дмитриева в пер. из Попа: «...целый том / Ругательств, на него написанных ПопОм...» — «У Исайи БерлинА»,

слышал я от очень крупного филолога. И, наоборот, изысканное «в нынешнем бардаке...»

История В. См.: античные историки чувствовали себя не фиксаторами, а творцами истории. Версии, уже зафиксированные, неотменимы, как законы: их можно только согласовывать в новой версии. Так Ливий отвергает Анциата и тут же строит свой рассказ с учетом отвергнутого. История сочиняется по правилам инвенции, с домыслами-расцветками. Вопрос «как же на самом деле было при Каннах?» имел не больше смысла, чем вопрос «как же на самом деле было с Анной Карениной?»

История «Современные русские исследователи усматривают в личной библиотеке Сталина признаки его особенного внимания к римским императорам, более всего к Августу, нежели к русским Ивану и Петру» (Westwood).

История «Надобно найти смысл и в бессмыслице, в этом неприятная обязанность историка, — в умном деле найти смысл сумеет всякий философ» (Ключевский, Дн., 297). Его любимая сентенция: «История не учит, она только наказывает тех, кто не хочет учиться».

Африканская сказка. Встретил кот курицу с мешком проса. «Откуда просо?» — «От людей: отрубили мне одну ногу и дали проса». — «Пожалуй, и я пойду». Пошел, попросил; отрубили ему ногу и дали проса. Идет назад на трех ногах, опять видит курицу и замечает: а ноги-то у нее обе целы. «Ах, обманищица!» «Вовсе не обманищица: как сказала, так ты и получил твое просо». Кто прав?

Каннитферштан На картах для маньчжурской войны значились селения: Бутунды I, Бутунды II, Бутунды III, потому что «бутунды» значит «не понимаю». Так и воевали (В. Алексеев, «В старом Китае»).

Катарсис «Цель риторики раздваивает цель поэзии: обвинитель нагоняет на слушающих страх, а защитник вызывает сострадание. Чтобы из театра зритель вышел, душевно переродившись, но сложа руки, а из суда — не переродившись, но сделав справедливое дело. Поэзия — душевная гимнастика, риторика — душевная практика». [246]

Ковчег Точно ли Ной строил ковчег один с сыновьями? а если у них были работники, как на старых гравюрах, то знали ли они, что их на борт не возьмут? или их обманули в последний миг?

Комаринский Этим 6-ст. хореем у Полонского написана поэма «Анна Галдина»: Бесподобное местечко, господа! Не угодно ли пожаловать сюда?.. Размер был подсказан молитвой «Отче наш, иже еси на небеси» (Андреевск., Лит. очерки, 1902, 463).

«Если кажется — то перекрестись». Я пишу не о том, что мне кажется, а о том, почему мне кажется.

Класс (Символизм в общественном мнении) «за успешность был переведен из класса мещан в класс индивидуалистов...» (Б. Томаш., «Форм. метод», в «Совр. лит.», 1925, 145).

Клирос Чаадаев имел между дамами крылошанок и неофиток. (Вяз., 8, 288).

Командировка Я возвращался, опасаясь: вдруг за полгода история ушла так далеко вперед, что я вернусь совсем в другую страну? Но, оглядевшись: нет, все изменилось лишь в пределах предсказуемого. «Так ли? — сказал В. См. — По-моему, история ушла очень далеко, но по очень однообразной местности».

Комментарий Перед текстом (и перед человеком) я чувствую себя немым и ненужным, а перед текстом с комментарием (и перед разговором двоих) — понимающим и соучаствующим.

Мне совестно быть первобеспокоящим. Потому я и на кладбища не хожу; а текст для меня тоже покойник. «Это пир гробовскрывать — дальше, дальше поскорей!»

Комментарий под страницей обслуживает первочтение, комментарий в конце книги — перечтение. Комментарий в наши дни вновь становится энциклопедическим просветительством, как при Кантемире и Тредиаковском.

Кофейни в Вене явились после того, как в 1683 г. в турецком стане было захвачено очень много кофейю.

Кувшин Я сказал: «Как мы далеки от народа: вот оказалось, что главный народный герой — всеоплакиваемый Листьев, а я о нем и не слышал». А. ответила: «А плакали не о нем. Это как в сказке, где искали родню казненного: выставили голову на площади и смотрели, кто из прохожих заплачет. Вышла мать, [247] нарочно разбила кувшин и заплакала будто бы о кувшине. Вот и Листьев был как тот кувшин».

Когда в 1958 вышла «Память» Слуцкого, я сказал: как-то отнесется критика? Г. Ратгауз ответил: пригонит к стандарту, процитирует «Как меня принимали в партию» и поставит в ряд. Так и случилось, кроме одного: за 20 лет критики именно «Как меня принимали в партию» («.. Где лгать нельзя и трусом быть нельзя») не цитировалось почти ни разу и не включалось в переиздания вовсе ни разу. («Был один случай», сказал мне Болдырев, но точно не вспомнил). Для меня это была самая меткая пощечина, которую партия дала самой себе.

Кубизм В статье Д. Мирского 1934: пушкинская Татьяна от ранней к поздней смещена, как на кубистической картине.

Критика отвечает на вопросы, задаваемые произведением, литературоведение восстанавливает вопросы, на которые отвечало произведение. Критика как организация вкуса (единства ответов): «кто еще из читателей «Задуманного слова» любит играть в солдатики?» Симонид открыл науку помнить, критика — науку забывать: именно она умеет восхищаться каждой метафорой, как первой метафорой на свете. Белинский начинал каждую новую рецензию с Гомера и Шекспира, потому что ему нужно было всякий раз перестроить историю мировой литературы с учетом нового романа Жорж Занд. Чехов поминал Стасова, которому природа дала драгоценную способность пьянеть даже от помоев, — послушав НН, я подумал, что эта способность не личная, а профессиональная.

Критика Смысл всякой критики: «Если бы я был Господом Богом, я бы создал этого автора иначе».

Критик Бывало, придет Д. Жаров к Разоренову, завалится за прилавок и заснет, а лавочку закрывать пора. Крикнешь: «Критик идет!» — ну, он и проснется (Белоусов, 61).

Круг «Думали, что революция повернет на 180 градусов, а она повернула на 360».

Козьма Прутков «Ласкательство подобно написанному на картине оружию, которое служит только к увеселению и ни к чему другому не годится». «Как порожные сосуды легко можно за рукоятки взяв поднимать, так легкомысленных людей за нос водить». «Жизнь наша бывает приятна, когда ее строим так, как мусикийское некое орудие, т. е. иногда натягиваем, а иногда отпускаем» («Трудол. пчела», 1759, 419: Димофила врачевания жития или Подобия, собранные из Пифагоровых последователей). [248]

Козьма Прутков «Это еще не начало конца, но, быть может, уже конец начала», — сказал Черчилль об Эль-Аламейне.

Контекст сверхмалый (фразы) побуждал к формалистическому буквализму; средний (произведения или автора) — к «творческому» переводу; большой (попробуйте перевести целую

литературу тысячелетней длины, чтобы чувствовалась разница эпох) — опять к соблюдению языковых мелочей.

Конгениальность Говорят, когда переводчик конгениален автору, то можно дать ему волю. Но не то же ли это что: когда один студент лицом похож на другого, то он может сдавать зачет по его зачетке?

«**Клио**, орган партийной и профсоюзной организации Института всеобщей истории».

Кирилов Радищев у Лотмана, желающий пробудить человечество не книгой, так самоубийством, удивительно похож на Кирилова. Даже барочным заиканием.

*Сам сижу я за столом,
Как всегда угрюмый,
И невесело пером
Выражаю думы.*
С. Дрожжин, Ст. 1907, 433.

Книги Когда монголы взяли Багдад и бросили книги в реку, Евфрат несколько дней тек чернилами.

Книги с полок обступают меня, и каждая спрашивает: где брат мой Авель? почему ты меня так мало использовал?

Книга «Он сорок лет назад сочинил книгу ума своего и доселе читает по ней», — говорил Батюшков о А. С. Хвостове (Вяз., 8, 240).

Корни Жить корнями, это чтобы Чехов никогда не уезжал из Таганрога.

«**В Кельне** считают, что на восточном берегу Рейна уже начинается Сибирь», — сказал С. Ав.

Калека «Спортивные оды Пиндара должен изучать атлет», сказала М. Е. Грабарь-Пассек. «Или калека», ответил я; она согласилась. Может быть, всякий филолог — калека от поэзии? Я переводил Овидия и Пиндара именно как калека.

Классики или ДИАЛОГ КУЛЬТУР. Перс сказал Вамбери: как же наша культура не выше вашей, если вы наших классиков переводите, а мы вас нет? [249]

Классическое образование Президент Гардинг, амбидекстрал, умел одновременно писать одной рукой по-гречески, другой по-латыни.

Катахреза «Полное созвездие потомков древних геральдических древ» — М. Турьян в книге о В. Одоевском.

Краткость У индийских грамматиков считалось: изложить правило короче на одну лишь краткую гласную — такая же радость, как родить сына (Robins, 144).

Косорецким назывался поросенок к новогоднему застолью — в честь Василия Кесарийского.

Канонизация Николая II. А вот в Англии почему-то канонизировали не Карла I, а Томаса Мора. Мы ведь не считаем святым моряка за то, что он утонул в море. У каждой профессии есть свой профессиональный риск; для королей это гильотина или бомба. Канонизируйте сначала Льва Толстого.

К сожалению Бонди говорил: «Ранние стихотворения Лермонтова, к сожалению, дошли до нас».

Кикийка кикийная — лесная птица, которой невеста отдает девичью красоту, принимая бабью кикю.

Кукушка и петух Альбова Шмелев считал выше Пруста. Бунин говорил: «Толстой, если бы захотел, мог бы писать, как Пруст, но он бы не захотел» (Бахрах).

Я пересохший **колодезь**, которому не дают наполниться водой и торопливо вычерпывают придонную жижу, а мне совестно.

Культура Погибает русская культура? Погибают не Пушкин и Гоголь, а мы с вами. А положила руку на сердце: разве нам не поделом?

ИМЛИ

В Институте мировой литературы — на Поварской, бывшей Воровского, бывшей опять же Поварской, — я прослужил тридцать лет и три года. До мировой литературы в этом доме было управление коннозаводства, а до коннозаводства — дворянский особняк: желтые стены, белые колонны, в бельэтаже музей Горького, свет и блеск, в тесном и темном нижнем этаже — институт.

Актальный зал — бывший балльный, с хорошей акустикой. Но концы поменялись: где был оркестр, там рядки стульев, а где танцевали, там зеленый стол президиума и кафедра с капризным микрофоном. Шепот в зале хорошо слышен в президиуме, а речи из президиума плохо слышны в зале.

Над президиумом огромный черный бюст Горького. Когда, скучая на заседаниях, смотришь на него, то видишь, что он противоестественно похож на Ленина: как будто Ленину надели косматые волосы и усы Буревестника. По стенам были витрины про [250] мировое значение Горького: обложки по-арабски, афиши по-венгерски, фотографии «На дне» по-китайски. Потом витрины убрали, а в углу под потолком повесили строем фотографии директоров института за 40 лет от Луппола до Сучкова.

Когда реабилитировал и Луппола, в стенгазете напечатали статью «Первый директор нашего института». Перед газетой стояли Егоров и Наркирьер. Один сказал: «Ну вот, уже можно писать историю института». Другой ответил: «Нет, знаете, лучше подождать: ведь Луппол был не первым директором, первым был Каменев».

Когда я поступал в институт, директором был старый рапповец Анисимов: большой, рыхлый, побрякивающий, покрикивающий. Когда молодой Палиевский, либерально призывая свежим взглядом взглянуть на советскую литературу, спешил оговориться: «Нет, конечно, Авербах был злым гением РАППа...», то Анисимов, раскинувшись в кресле, благодушно ворчал: «Ну, какой же Леопольд гений — помните, Яков Ефимович?..»

(Яков Ефимович, Жорж Эльсберг, тучное туловище, гладкая голова и глаза, как пули. У него припечатанная слава доносчика и губителя. Выжившие возвращались и даже пытались шуметь, но он все так же величаво управлял сектором теории. Я не был с ним знаком, но однажды он остановил меня в коридоре, сказал «ваша статья о Горации мне понравилась» и пожал руку. Когда буду писать «мои встречи с о знаменитыми людьми», напишу: видел в подворотне Пастернака, чокнулся с Игорем Ильинским, на военном деле меня учил маршировать Зализняк, а Эльсберг пожал мне руку.)

Читать статьи Анисимова никто не мог. И все-таки старая М. Е. Грабарь-Пассек смотрела на него снисходительно. «Вы не думайте, я много преподавала на рабфаках, знаю эту породу из низов, они хорошо рвались к науке. Ну, а потом, конечно, каждый делал свою жизнь по-своему».

Самый громкий из рапповцев, Ермилов, демагог всех литературных режимов, тоже кончал век в ИМЛИ. Я его не видел, а только слышал: общеинститутские собрания были многолюдны,

не вместившиеся в зал слушали из-за дверей, с широко й балюстрады над мраморной лестницей. У Юрия Олеши в «Трех толстяках» был такой капитан Цереп, от голоса которого возникало ощущение выбитого зуба. Вот такой голос был у Ермилова. О чем он говорил, я не помню.

В этом же зале, в красном и черном, говорились гражданские слова над умершими, и с балюстрады было видно, как по лестнице сплывал в толпе гроб с Анисимовым. Лицо в гробу был о походе на кучу теста.

Здесь же выдвигали на большую премию воспоминания генерального секретаря товарища Брежнева: «Малая земля», «Возрождение», «Целина». Д. Д. Благой, ветеран идеологической пушкинистики — круглая голова в тюрбете, розовая улыбка и незрячие глаза за очками — с ликующим звоном в голосе восклицал, что это классика исторической прозы, достойная стоять рядом с «Капитанской дочкой» и «Тарасом Бульбой». За чем он это делал? спрашивала потом Л. Я. Гинзбург. — Член-корреспондентом он уже был, а полным академиком все равно не стал бы. Значит, бескорыстно, по велению души.

(В молодости Благой писал стихи. В журнальную страницу с его стихотворением в рамочке из розочек была завернута греческая грамматика из библиотеки С. И. Соболевского, которую нам пришлось разбирать; а на обороте начиналась научно-фантастическая повесть: «Ясным весенним утром 1951 г. от Кронштадта отплывал ледокол «Святой Георгий» под командой графа такого-то, направлявшийся исследовать Северный полюс...»)

Однажды дирекция захотела от нашего античного сектора какой-то срочной внеочередной работы. Я с наслаждением сказал: «Никак нельзя: не запланировано». Директор — почти просительно: «Ну, на энтузиазме — как в Возрождение». — «Возрождение было индивидуалистическое, а у нас труды коллективные». Лица окружающих стали непроницаемыми, а мне объяснили, что речь идет о «Возрождении» товарища Брежнева. «В таком случае прошу считать сказанное игрой слов». Это было уже при директоре Бердникове — том, который когда-то в 1949 был деканом в Ленинграде и делал там погром космополитов, а помощником его был Ф. Абрамов, потом — уважаемый писатель. [251]

При директорах были заместители, ученые секретари, парторги. Заместителем был В. Р. Щербина («Ленин и русская литература»). Директора сменялись, а он сидел: бурый, деревянный, поскрипывающий, с бесцветными глазами, как будто пустивший корни в своем кресле. Почерк у него был похож на неровную кардиограмму. Мы спрашивали институтских машинисток, как они с такого почерка печатают, он и сказали: «Наизусть».

(А мне хочется помянуть его добром за то, что я слышал от него запомнившийся рассказ — в застолье, после защиты одного грузинского диссертанта. Ездил он по делам Союза писателей в Тбилиси к их начальнику Григорию Леонидзе. Кончили дела, пошли в ресторан, отдыхают. Подходит официант: в соседней комнате пирует бригада рабочих, сдавших постройку, они узнали, что здесь поэт Леонидзе, и хотели бы его приветствовать. Пошли в соседнюю комнату. И там каждый из этих рабочих поднял тост за поэта Леонидзе, и каждый прочитал на память что-то из его стихов, и ни один не повторился. Но это уже не относится к Институту мировой литературы.)

Когда Щербина кончился, заместителем директоров стал П. Палиевский. На одной конференции в этом же зале он мне сказал: «Я всегда восхищаюсь, как четко вы формулируете все то, что для меня неприемлемо». Я ответил: «Моя специальность — быть адвокатом дьявола».

Здесь устраивались историко-литературные юбилеи. Каждый сектор подавал план на будущий год: будут круглые даты со дня рождения и смерти таких-то писателей. Вольтер и Руссо умерли в один год, их чествовали вместе. «Всю жизнь не могли терпеть друг друга, а у нас — рядом!» — сказал Аверинцев.

«Ну, у вас, античников, как всегда, никаких юбилеев?» — устало спросил, составляя план, секретарь западного отдела, старый циник Ф. С. Наркирьер с отстреленным пальцем. «Есть! — вдруг вспомнил я. — Ровно 1900 лет назад репрессированы Нероном сразу Сенека, Петроний и Лукан». — «Репрессированы? — проницательно посмотрел он. — Знаете, дата какая-то некруглая: давайте подождем еще сто лет».

Юбилейные заседания были очень скучные, явка обязательна. На пушкинском юбилее рядом тосковала Е. В. Ермилова — та, у которой в статьях даже Кузмин получался елейным и богоугодным. Когда в третий раз с кафедры процитировали: «На свете счастья нет, а есть покой и воля», она вздохнула: «А что же такое счастье, как не покой и воля?» Я подумал: «А ведь правда»...

Сучков

Считалось, что лучшим директором Института мировой литературы на нашей памяти был Б. Сучков: умный и незлой. Я тоже так думаю. Но моя приязнь к нему — скорее за единственное слово, сказанное с неположенной для директора интонацией.

Он был сытый, важный, вальяжный, барственный. Когда-то начинал делать большую карьеру при ЦК, вызвал зависть, попал на каторгу, после возвращения был в редколлегии «Знамени», а потом стал директором ИМЛИ. Говорил по-немецки, а это в Институте мировой литературы умел не каждый. Переводил на официальный язык Фейхтвангера, Манна и Кафку, и оказывалось: да, в их мыслях ничего опасного нет, их можно спокойно печатать по-русски. А роман Достоевского «Бесы» нужно не замалчивать, а изучать, потому что это — предупреждение о китайской культурной революции. Тогда, в 1971, только такая логика и допускалась. Одна его сверстница сказала моей соседке по сектору: «Вы не думайте, пока наше поколение не вымрет, ничего хорошего в науке не будет».

К институтским ученым он относился с откровенным презрением. На расширенном заседании дирекции говорил: «Ну вот, пишете вы о революционных демократах, а кто из вас читал Бокля? поднимите руки!» Ни один маститый не поднял. Мне стало так стыдно, что я поднял руку, — хоть и не имел на это права: я читал не Бокля, а Дрэпера.

Наш античный сектор готовил сборники «Памятники средневековой латинской литературы». До этого о такой поповской литературе вообще не полагалось говорить. В 1970 вышел первый том, в 1972 — второй. Мы, конечно, отбирали тексты самые светс[252]кие и просветительские, но все равно в них на каждой странице были и Бог Отец, и Сын, и Дух Святой, все с большой буквы. Кто-то заметил и обратил на это внимание высокого начальства. Высоким начальством был вице-президент Академии Федосеев, имя его было нарицательным еще со сталинских времен.

Мне позвонили из института: в 10 часов явиться к директору. Я пришел, его еще нет, жду у него в кабинете. Размашисто входит Сучков; снимая пальто, вполоборота говорит: «Ну, что, неприятности из-за вас?!» Я не успел поставить голос и спросил по-обыкновенному просто: «От кого?». И он, шагая от дверей к столу, так же по-разговорному просто ответил: «От Федосеева». А потом сел за директорский стол и начал говорить по-положенному официально и властно.

Вот эту человеческую интонацию одного только слова я и запомнил, потому что больше ни при каких обстоятельствах, никогда и ни от кого из начальства я таких не слышал.

Официальных разговоров было еще много. Весь сектор вызывали к директору, и он

объяснял нам, какая была мракобесная средневековая культура. Мы говорили «понимаем», но, видимо, недостаточно убежденно, и Сучков усиливал гиперболы. Когда он сказал, что в европейских монастырях процветало людоедство, я заволновался и раскрыл рот. Аверинцев, сидевший рядом, меня удержал. Потом он сказал мне: «Вы хотели выйти из роли».

Венцом события должно было быть осуждение работы на заседании Отделения литературы и языка под председательством командующего филологией, академика М. Б. Храпченко. Я написал признание ошибок по всем требованиям этого жанра и прочитал его по бумажке. Бумажка у меня сохранилась. *«Сосредоточившись на историко-литературных проблемах, мы упустили из виду близкие цели нашей науки в условиях современной идеологической борьбы вообще и антирелигиозной пропаганды в частности. Показ и разбор памятников отодвинул на второй план их прямую оценку с точки зрения сегодняшнего дня. За выявлением гуманистических тенденций в культуре средневековья утратилась критическая характеристика средневекового религиозного обскурантизма в целом, крайне актуальная в современной идеологической обстановке. Ошибки такого рода привели к объективизму, к потере идейно-политического прицела, к идеологической близорукости в работе. Предложенный в книге подбор текстов (одну пятую часть которого составляют тексты с религиозной тематикой) может быть ложно понят массовым читателем. Руководящие высказывания Маркса и Энгельса о средневековье и средневековой культуре не использованы в должной мере. Коллектив античного сектора признает указанные критикой ошибки «Памятников средневековой латинской литературы» и примет меры к тому, чтобы полностью изжить их в дальнейшей работе».*

После такого отчета обсуждение на Отделении стало вялым. Взбодрить его попробовал Р. А. Будагов, академик по романской филологии и (когда-то элегантно читавший нам, первокурсникам, введение в языкознание по товарищу Сталину). Какой у него был интерес, я не знаю. Вот тут Сучков взметнулся громохочущим голосом: «Мы признаем свои ошибки, но мы не допустим, чтобы ошибки идеологические выдавались за политические. Книга прошла советскую цензуру и была признана пригодной для издания; те, кто в этом сомневаются, слишком много на себя берут» итд. Конечно, он защищал собственную репутацию, но делал это не за наш счет и за то ему спасибо.

Третий том «Памятников средневековой латинской литературы» был уже готов к печати; его вернули на доработку под надежным надзором Самарина. Дорабатывали его трижды, всякий раз применительно к новым идеологическим веяниям. Один раз он даже попал в издательство, два месяца редактировался до идеального состояния и все-таки был возвращен: так, на всякий случай. Так он и не вышел за двадцать лет.

Через год после того заседания Аверинцев летел на конференцию в Венгрию: дальше тогда не пускали. В самолете ему случилось сидеть рядом с Храпченко. Храпченко посмотрел на него проницательно и сказал: «А ведь неискренно покаялся тогда Гаспаров! неискренно!» [253]

Я почти уверен: причиной всему было то, что в «Памятниках латинской литературы» слово «Бог» было напечатано с большой буквы. Это раздражало глаз Федосеева и других. Но теперь, кажется, наоборот, слово «Бог» полагается писать с большой буквы даже у Маяковского.

*Так наказывают власти
Неумеренные страсти.*
П. Потемкин

В институте умер очередной директор, наступило междуцарствие. Все имена возможных кандидатов были какие-то слишком бледные. «А почему не Самарин?» — спросил меня мой знакомый историк. «Он не член партии». — «Странно, — задумчиво сказал мой собеседник — его нужно бы принять в партию *honoris causa*».

Роман Михайлович Самарин заведовал в университете романо-германской кафедрой, а в Институте мировой литературы зарубежным отделом. Круглый живот, круглая голова, круглые очки, гладкие волосы. Круглые движения и круглые слова. Западную литературу нам, античникам, изучать было необязательно, но на Самарина мы ходили: читал он красиво. «И вот, Бозций с друзьями, сидя в саду, обсуждал диалоги Платона, а из-за ограды виллы слышались песни проходивших солдат на непонятном готском языке. Последний римлянин старался их не замечать; но за ними был о будущее». О Бозции в это время мало кто знал даже понаслышке. Но писал Самарин очень мало и очень блекло. Он был карьерист, но осторожнее многих: помнил, что слова — серебро, а молчание — золото. Оттого он был и не в партии: чтобы не рисковать.

Он много знал не только о Бозции. В наш античный сектор хотел поступить Г. С. Кнабе — античник, он служил на кафедре немецкого языка во ВГИКе. Самарин этого не хотел. Мы думали, что по антисемитству. (Кнабе евреем не был, но это неважно.) Оказалось, нет. М. Е. Грабарь-Пассек пришла с ним к Самарину, я был при них как секретарь сектора. Сели за тесный стол, и Самарин спросил: «Ну-с, так что с вами было такого-то июня 1944 года?» Выяснилось, что в этот день Кнабе поссорился с воксовским начальством и взял назад уже поданное заявление в партию. Дальнейший разговор был уже ненужным.

В самаринском отделе работал тогда еще молодой Г. Гачев; его отец только что был посмертно реабилитирован. Гачев писал о различном образе космоса в различных национальных сознаниях. «Как будто взбесившаяся газета заговорила языком Андрея Белого!» — тоскливо говорил А. Но Самарин не любил Гачева за что-то другое. Обсуждалась его работа «Индийский космос глазами древних греков»: если ее не утвердят, то его уволят. Позвали меня как античника, спросили первым. Я сказал: по-видимому, хорошо и утверждения заслуживает, но, конечно, я не специалист итд. Самарин стал направлять дальнейшие прения: «Видите, так как античник не считает себя специалистом, то будем осторожны...» Когда он повторил это в третий раз, я сказал: «Еще раз; считаю, что заслуживает утверждения». Работу утвердили, но Гачева все равно уволили. В нашем античном секторе не было тогда заведующего, я больше года числился исполняющим обязанности. Мне сказали: «Директор давно хочет сделать вас заведующим, но Самарин против: он не прощает вам того гачевского заседания». Я не поверил. Но, видимо, это было так: когда меня, наконец, объявили заведующим, Самарин вызвал меня, встал из-за стола и зычно спросил: «Ну, как, будем дисциплинированными?» Я сделал соответственное лицо и ответил: «Так точно!»

Он был родом из Харькова. В начале 1920-х гг. там был хороший культурный центр, оттуда вышел А. И. Белецкий, друг моего шефа Ф. А. Петровского: украинский академик, мемориальный бюст у подъезда. Лет через десять после самаринской смерти я познакомился в писательском доме со старой, доброй и умной переводчицей А. Андрес (письма Флобера и пр.). Она тоже была из Харькова, хорошо знала отца Самарина — гимназический, а потом школьный учитель, это он сделал людьми всех, кто вышел из Харькова. О сыне она говорить избегала. Однажды она упомянула Белецкого. Я ничего не сказал, но она перебила себя: «Вы, верно, слышали, будто Роман Мих. — незаконный сын Белецкого? Нет: этот слух пустил сам Ром. Мих. уже после войны — потому что старый Самарин в 1942 не успел эвакуироваться,

оставался в Харькове при немцах, и Р. М. боялся, что ему, сыну, это испортит карьеру. А Белецкий появился в самаринском доме, когда Роману было уже лет четырнадцать». После этого я стараюсь о Самарине не вспоминать.

Соболевский

Античным сектором в институте заведовал Сергей Иванович Соболевский. Когда я поступил под его начальство, ему шел девяносто второй год. Когда он умер, ему шел девяносто девятый. Было два самых старых античника: историк Виппер и филолог Соболевский. Молодые с непристойным интересом спорили, который из них доживет до ста лет. Виппер умер раньше, не дожив до девяноста восьми. Виппер был хороший ученый, я люблю его старый курс греческой истории. Зато Соболевский знал греческий язык лучше всех в России, а может быть, и не только в России.

Он уже не выходил из дома, сектор собирался у него в квартире. Стол был черный, вроде кухонного, и покрыт газетами. Стены комнаты — как будто закопченные: ремонта здесь не было с дореволюционных времен. У Соболевского было разрешение от Моссовета не делать ремонта — потому что от перекладки книг с его полок может потерять равновесие и разрушиться весь четырехэтажный дом в Кисловском переулке.

Над столом с высочайшего потолка на проводе свисала лампочка в казенном жестяном раструбе. Соболевский говорил: «А я помню, как появились первые керосиновые лампы. Тогда еще на небе была большая комета, и все говорили, что это к войне. И правда, началась франко-прусская война».

Чехов для него был писатель непонятный. «Почему у него архиерей умирает, не дожив до Пасхи? жалко ведь!» «Анна Каренина» была чем-то вроде текущей литературы, о которой еще рано судить. Вот Сергей Тимофеевич Аксаков — это классик.

Он был медленный, мягкий, как мешок, с близорукими светлыми глазками; рука при пожатии — как ватная. Почерк тоже медленный, мелкий и правильный, как в прописях. Подпись — с двумя инициалами и до последней буквы с точкой на конце: «С. И. Соболевский». Иначе — невежливо. Семидесятилетний Ф. А. Петровский расписывался быстрым иероглифом, похожим на бантик с фитой в середине, но что с него взять — молодой.

«Никогда не начинайте писем «уважаемый такой-то», только «многоуважаемый». Это дворнику я могу сказать: уважаемый».

Античных авторов он читал, чтобы знать древние языки, а древние языки знал, чтобы читать античных авторов. Когда нужен был комментарий о чем-то кроме языка, он писал в примечании к Аристофану: «Удод — такая птица». О переходе Александра Македонского через снежные горы: «Нам это странно, потому что мы привыкли представлять себе Индию жаркой страной; но в горах, наверное, и в Индии бывает снег». О «Германии» Тацита: «Одни ученые считают, что Тацит написал «Германию», чтобы предупредить римлян, какие опасные враги есть на севере; другие — что он хотел показать им образец нравственной жизни; но, скорее всего, он написал ее просто потому, что ему захотелось». Две последние фразы — из «Истории римской литературы», которую мне дали редактировать, когда я поступил в античный сектор; я указал на них Ф. А. Петровскому, он позволил их вычеркнуть.

«Вот Соломон Яковлевич Лурье пишет: Евангелие похоже на речь Гая Гракха — «у птиц гнезды, у зверей норы, а человеку нет приюта». Ну и что? случайное совпадение. Если Евангелие на что и похоже, то на Меморабилии Ксенофонта». И правда.

Из античных авторов он выписывал фразы на грамматические правила, из фраз составлял свои учебники греческого и латинского языка — один многотомный, два одготомных. Фразы выписывались безукоризненным почерком на клочках: на оборотах [255] рукописей, изнанках конвертов, аптечных рецептах, конфетных обертках. Клочки хранились в коробках из-под печенья, из-под ботинок, из-под утюга, — умятые, как стружки. Он был скуп.

«Какая сложная вещь язык, какие тонкие правила, а кто выдумал? Мужики греческие и латинские!»

Библиотеку свою, от которой мог разрушиться дом, он завещал Академии наук. У Академии она заняла три сырых подвала с тесными полками. Составлять ее каталог вчетвером, по два дня в неделю, пришлось два года. Среди полных собраний Платона ютились пачки опереточных либретто 1900 г. — оказывается, был любителем. В книгах попадались листки с русскими фразами для латинского перевода. Один я запомнил. «Недавно в нашем городе была революция. Люди на улицах убивали друг друга оружием. Мы сидели по домам и боялись выходить, чтобы нас не убили».

«Преподавательское дело очень нелегкое. Какая у тебя ни беда, а ты изволь быть спокойным и умным».

Там была мелко исписанная тетрадка, начинавшаяся: «Аа — река в Лифляндии... Абак. Аббат...» Нам рассказывали: когда-то к нему пришел неизвестный человек и сказал: я хочу издать энциклопедию, напишите мне статьи по древности, я заплачу. — «А кто будет писать другие разделы?» — Я еще не нашел авторов. — «Давайте я напишу вам все разделы, а вы платите». Так и договорились: Соболевский писал, пока заказчик платил, кажется, до слова «азалия».

Когда ему исполнилось девяносто пять, университет подарил ему огромную голову Зевса Отриколийского. «И зачем? Лучше бы уж Сократа». За здоровье его чокались виноградным соком. От Академии пришел с поздравлением сам Виноградов, круглый подбородок: он жил в соседнем доме. Оказалось, кроме славянской филологии в духовной академии Виноградов слушал и античность у старого Зелинского на семинарах *privatissima* и помнил, как Зелинский брызгал слезами оттого, что не мог найти слов объяснить, почему так прекрасна строка Горация. С Соболевским они говорили о том, что фамилию Суворов, вероятно, нужно произносить СУворов, Souwaroff: «сувор», мелкий вор, как «сукровица», жидкая кровь.

«А Сергей Михайлович Соловьев мне так и не смог сдать экзамен по греческому языку». Это тот Соловьев, поэт, который дружил с Белым, писал образцово-античные стихотворения и умирал в мании преследования: врач говорил «посмотрите мне в глаза — разве мы хотим вам дурного?», а он отвечал: «Мне больно смотреть в глаза».

Работал Соболевский по ночам под той самой лампой с казенным жестяным абажуром. В предисловии к переводу Эпикура он писал: «К сожалению, я не мог воспользоваться комментированным изданием Гассенди 1649 г.... В Москве он есть только в Ленинской библиотеке, для занятия дома оттуда книг не выдают, а заниматься переводом мне приходилось главным образом в вечерние и ночные часы, имея под рукой все мои книги... Впрочем, я утешаю себя той мыслью, что Гассенди был плохой эллинист...» итд.

В институте полагалось каждому составлять планы работы на пятилетку вперед. Соболевский говорил: «А я, вероятно, помру». Когда он слег и не мог больше работать, то хотел подать в отставку, чтобы не получать зарплату ни за что. Петровский успокаивал его. «У вас, С. И., наработано на несколько пятилеток вперед».

Он жил неженатым. Уверяли, будто он собирался жениться, но невеста перед свадьбой сказала: «Надели бы вы, С. И., чистую рубашку», а он ответил: «Я, Машенька, меняю рубашки не по вторникам, а по четвергам», и свадьба разладилась. Ухаживала за ним экономка, старенькая

и чистенькая. Мы ее почти не видели. Лет за десять до смерти он на ней женился, чтобы она за свои заботы получила наследство. Когда он умер, она попросила сотрудников сектора взять на память по ручке с пером из его запасов: он любил писчие принадлежности. Мне досталась стеклянная, витая жгутом, с узким перышком. Я ее потерял.

«И ко всему, что будете вспоминать, мысленно прибавляйте: «а надо было б выть»». — М. Л. Б. [256]

Приняться за дело было нетрудно; но выполнить его с более соответственным успехом казалось зело задачливо и едва возможно даже при основательном знании немецкого языка и русской народности... надобно было перебрать весь запас наших областных речений, общенародных поговорок и т. п. и при том, для большей выдержки знаменательности оригинала, надо было собраться со всем сказочным духом русского мудрословия, главное — обеспечить себя терпением... А если встречается в иных местах особенная изворотливость рифма, либо сплошное созвучие слов, то это случилось не без умысла — отступление допустительное и искупляется само по себе вольностью перевода... Читатель сам в этом случае решит, насколько я преуспел. Всякое благоосуждение благонамеренной критики будет принято мною к надлежащему доразумению и сведению.

Предисловие к «Фаусту».

Лай Ремизов: «В России кошачий мех — печелазый, а собачий — лаялый» (Кодр., 220).

Лесть Бартенев говорил: «Я не льстец, я льстивец» (Восп. Б. Садовского).

Лабиринт (Сыну-школьнику:) Да: алгебра страшна, как лабиринт, ходить по лабиринту — научиться можно, и даже интересно, но ведь чем лучше этому научишься, тем быстрее попадешь к Минотавру. XIX век на том и пострадал: он думал, что научиться ходить по лабиринту — это уже и значит победить Минотавра.

Ленинград — «партийная кличка ставшего безымянным города» (В. Вейdle). Когда современные ленинградцы оскорбляются, если их называют иначе, чем петербуржцами, я говорю: имя петербуржца еще заслужить нужно! «Не пишите в адресе «Санкт-Петербург» это так и дышит канцелярией!» — говорил мне В. Х. В самом деле: попробуйте, вообразите роман Белого «Санкт-Петербург»!

Лекции «Два часа в неделю читать кое-что по тетрадке, списанной с печатной книги» (Греч, Черн. ж., I, 12 — это источник фразы Толстого в «Воскресении»).

Логика «Как атеист смеет комментировать Достоевского?» — мысль И. Золотусского в ЛГ, 17.06.92. А как нам комментировать Эсхила?

Логика У Блока Смерть говорит «Я отворю. Пускай немного Еще по мучается он», хотя по смыслу, кажется, надо бы: «Я подожду. Пускай...» итд. [257]

Логика «Парфянский народ весьма лживым почитался для того, что, по свидетельству Геродотову, учреждены были у них жесточайшие законы против лжецов» (Кантемир, 496).

Ложе «Ложепеременное спанье», переводил Лесков слово «адюльтер».

«Люди в пейзаже» Б. Лившица — их синтаксис весь уже был в некрасовской вывеске «Медную и лудят».

Любовь и смерть

*Она любила только розы,
А я любил — левкой.*

*Она любила шум и грозы,
А я любил — покой.*

*Мы разошлись. Она увяла
От вздохов и — от слез.
Меня судьба уж та-ак ломала —
Но — все я не — ре — нес.*
П. В. Жадовский, брат своей сестры

Любовь Ключевский называл Бартенева посмертным любовником Екатерины II (ГМ, 1926, 3, 180).

Любовь Люблю старшего племянника за то, что умен, а младшего за то, что глуп (Вяз. в ЛП, 24).

Любовь «Когда кто влюблен, он вреден и надоедлив, когда же пройдет его влюбленность, он становится вероломен». — Платон, «Федр», 240d. — Любовь — это когда мучишь ближнего не случайно, а сосредоточенно.

Любовь Великую любовь Пушкина каждый сочинял по своему вкусу: Щеголев — Раевскую, Брюсов — Ризнич, Цявловские — Воронцову, Ахматова — Собаньскую, Тынянов — Карамзину. Психоанализ Пушкина — дело сомнительное, но психоанализ пушкиноведения — вполне реальное.

Любовь Шершеневич о Есенине: деревня его раздражала, а он боялся ее разлюбить.

Лыко Не всяко лыко в строку, не всякий лопот в слово (пословица). Анаграмма: ключевое слово «лапоть» не названо, а подсказано.

Литературоведение «Если вы занимаетесь одним автором, то это история литературы, а если двумя, то это теория?» — спросила Н. Брагинская. [258]

Литературовед не может быть писателем и вместо этого реконструирует исследуемого писателя. Но, сказав А, нужно сказать Б (впрочем, см. А): чтобы он не хотел быть читателем и вместо этого тоже реконструировал читателя. А это ему дается гораздо хуже: ему очень хочется, вопреки логике, остаться читателем, хотя бы и незаконным.

Литературовед Был тезис В. В. Федорова: «Изучение произведения осуществляет процесс собирания литературоведа в личность». Можно ли сказать, что процесс измерения силы тока собирает амперметр в личность? Я вспомнил взбесившиеся фортепьяны Дидро.

Личность как точка пересечения Сюжет И. О. Живут шесть мужчин: семьянин, патриот, блондин, химик, спортсмен и мерзавец; и шесть женщин с такими же характеристиками. Все друг с другом связаны: супруги, любовники, приятели, сотрудники. Отношения запутываются, семьянин ревнует жену к спортсмену, по наущению мерзавца добывает у химика отраву и губит соперника. Начинается следствие, и скоро обнаруживается, что все шестеро были одним и тем же лицом. Больше того: не исключена возможность, что и следователь то же самое лицо. Но что же, стало быть, произошло? самоубийство? или все-таки нет? Не разобрался.

Личность как дефект в течении безличной истории — ср. «эстетика изучает дыры, мешающие летать воздушным шарам» (БП). «Не надо бояться потери личности — т. е. потери неумения или неспособности что-то сделать» (А. Жид, 1, 454).

Личность Начало ненаписанной книги о римских поэтах: «Все эти стихи были бы написаны на тех же силовых линиях и без этих поэтов, но явление этих поэтов стягивало эти линии в такие-то пучки, и натяжение это было болезненно и для нитей и для скрепок — эта

боль и составляет предмет нашего дальнейшего рассмотрения» итд

Сон А. Она несет на голове стекла, они режут ей голову и руки, в зеркале на лице видны раны и струйки крови, как от тернового венца. Она берет полотенце, и они стираются, но вместе с лицом: полотенце — как нерукотворный лик, а в зеркале — безликая голова, как яйцо.

Любовь Солдат после Аппоматокса сказал: «Будь я проклят, если полюблю еще какую-нибудь страну».

Любовь Нельзя возлюбить другого, как себя, но можно невзлюбить себя, как другого. [259]

Любовь Я разбирал перед американскими аспирантами «Антония» Брюсова: «страсть» — понятие родовое, «любовь» — видовое, происходит семантическое сужение итд. Меня переспросили, не наоборот ли. Я удивился. Потом мне объяснили: для них love общий случай приятного занятия love-making, а passion — это досадное отягчающее частное обстоятельство, от которого нужно как можно скорее избавиться.

«Любовь» — это не тогда, когда люди смотрят друг на друга, а когда они смотрят на одно и то же» («в телевизор», добавляют циники). Может быть, мне оттого легче говорить с людьми, что я смотрю не на них, а на их предметы; и оттого тяжелее, что эти предметы мне безразличны.

Лень Не результат главное, а полнота приложения сил. — А как ее угадать? — По угрызениям: это недовольство своей ленью маскируется в недовольство результатом.

Лесть «Лонгфелло — самый американский поэт, и чтение его помогает нам понять себя, как это ни мало льстит нашему самолюбию» («Лит. история Америки»),

Ложь «Если для тебя все вокруг — враздроб и единично, то понят но, почему ты не чувствуешь, когда тебе лгут у единичного всегда может найтись своя правда». (А мне и неинтересно знать, врет человек или не врет, мне интересно знать, что на самом деле, а этого ни один отдельный человек все равно не знает.) Зато, кажется, я никогда и не верю тому, что мне говорят, а откладываю для проверки. Разочаровываться приходится редко — только в самом себе.

*«Поэт — шпион Господень»,
прочитала я у Роберта Браунинга,
маленькая, едва понимая язык.
После оказалось,
что там было написано совсем не то.
Что ж:
пусть считается, что это сказала я.
Кл. Лемминг*

Мазохизм Бог, создавший мир с человеческой свободной волей, был мазохистом. — «И садистом», — добавил И. О. — «Это он играет нами сам с собою в кошки-мышки», — сказал третий.

Мировая литература А. В. Михайлов говорил: изобретение этого понятия ввело филологию в соблазн судить о книгах, которых она не читала, и тогда-то филология перестала быть собой...

Маркс НН преподавала латынь в группе, где были студенты Брежнев и Хрущева; одна из начальниц остановила ее в коридоре и [260] сказала: «Вы не думайте, это чистая случайность, не делайте никаких выводов». А на психологическом факультете, когда училась моя дочь, на

одном курсе были студент Маркс и студентка Энгельс. «И их не поженили?» — спросил сын. — Нет. — «А вдруг у них родился бы маленький Ленин...»

Митирогнозия Muttersprache — называл Пастернак русский мат. В шествии 18 октября 1905 г. даже извозчики не ругались, хотя ругань есть «красивый лиризм ремесла», писал В. Иванов в письме Брюсову.

Матерный Приемлю дерзновение всеподданнейше просить подвергнуть меня высокоматерному в. и. в. милосердию (Зап. Чичагова, РСт 52, 1886, 27).

Матизмы Говорят, было заседание — давно-давно! — и кто-то смело сказал: «...как интересна для исследования матерная лексика». Вдруг послышался голос (чей?): «А что интересного? 17 корней, остальные производные!» — и наступила мертвая тишина, только было слышно, как шуршали мозги, подсчитывая знакомое. Будто бы до 17 так никто и не досчитал, а спросить — стеснялись невежества: так тогда и осталось это неизвестным. А теперь-то! — Упражнения Давида Самойлова: «Замените одно неприличное слово двумя приличными. Замените все приличные слова одним неприличным».

Матизмы В немецко-русском купеческом разговорнике Марпергера 1723 русские фразы непременно включали несколько слов непристойной брани, в переводе опускаемых (РСт 1896, 5, 441). Наивный издатель пишет, что это какой-то шутник подсмеялся, диктуя немцу, итд.

Маневр Бухарцы перед боем падали и болтали ногами в воздухе, увидев, что так делали штурмующие русские после брода (чтобы вытекла вода из сапог): РСт 57 (1888), 621. См. ВЗАИМОВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОЕ.

Манускрипт Александр II не читает печатного: книги и статьи по его интересу переписывают ему канцелярским рондо. (Тургенев у Гонкуров, 21 нояб. 1875).

Мнение «Многие признаны злонамеренными единственно потому, что им не было известно: какое мнение угодно высшему начальству?» (К. Прутков, Проект).

Мнение Гримм говорил о франкфуртском парламенте: когда сойдутся три профессора, то неминуемо явятся четыре мнения. [261]

Мнимые образы Словарь Морье: «метонимия 'благородной крови' = 'от благородных предков' объясняется тем, что формула крови наследуется». Но сложилась эта метонимия тогда, когда ни о какой формуле крови не знали. Когда мы читаем у Пастернака про Кавказ «он правильно, как автомат, вздымал, как залпы перестрелки, злорадство ледяных громад», то нам нужно усилие, чтобы не представлять себе автомат Калашникова, потому что стреляющих автоматов в 1930 г. не было. (У Жуковского «Пришла судьба, свирепый истребитель», кажется, воспринимается легче — почему?) А когда мы читаем про героев Пушкина или Расина, то нам лень делать усилие, чтобы не вкладывать в них наш собственный душевный опыт, и т. д. Маршак переводил Шекспира: «Как, маятник остановив рукою...», хотя часы с маятником были изобретены только Гюйгенсом, и Мандельштам: «О семицветный мир лживых явлений!» — хотя Петрарка не знал Ньютона.

Сон о Блоке. Мы с товарищем пришли к нему взять книг почитать. На лестничной площадке, ярко освещенной, стояла большая ломаная журнальная полка. Мы вытащили комплект «Вестника друзей Козьмы Пруткова»; серию в серых обложках с первым изданием «Двенадцати» (идут серые Двенадцать, а на первом плане сидит, свесив ноги, мерзкий Пан вроде сатириконовского); сборник рассказов под инициалами Н. Щ. Б. О. Ф, книгу с надорванным титулом «Новый роман писателя-извозчика Н. Тимковского» и еще что-то. Несем Блоку для разрешения. Он молодой, в сером стройном костюме, на Тимковском указывает нам дату: 1923, говорит: «какие широкие стали поля делать». Идет записывать

выданное в тетрадь, комната забита книгами с французскими старыми корешками. «А вы знаете, что мне одна дама подарила за глоток воды из стакана?» — я, не видя, угадываю: Вольтер, История Петра Великого. Да; по-французски или по-русски? — все равно. Выходим, я вспоминаю стихи Борхеса, — «Среди этих книг есть, которые я уже не прочту; От меня уходят время, пространство и Борхес». Думаю: нужно успеть вот так же раздать и свои книги; любит ли НН. Этикета? А на лестничной площадке мать и тетка Блока снаряжают двух белых кур в подарок ребятам: нужно только привязать к спинам ярлычки: «для ребят Нарвской заставы», а там куры сами добегут.

Мертвые души Цензоры-азиатцы говорили: нельзя, теперь все начнут скупать мертвые души. Цензоры-европейцы говорили: нельзя, два с полтиной за душу — унижает человеческое достоинство, что подумают о нас иностранцы? (Гоголь — Плетневу, 7 янв. 1842).

Мистика «Что значит мистик? Немножко мистики, и человеку уже полегче жить на свете!» — отвечает Сема-переплетчик Янкелю-музыканту в пародии на пьесы О. Дымова.

Мария Марию-Терезию звали Мария-Терезия-Вальпургия. А дочерей ее, сестер Иосифа (II) — Бенедикта-Августа — Мария-Анна-Жозефина-Антуанетта-Иоанна, Мария-Христина-Иоанна-Жо[262]зефина-Антуанетта саксонская, Мария-Каролина-Луиза-Иоанна неаполитанская, Мария-Амелия-Жозефина пармская, Мария-Елизавета и Мария-Антуанетта французская.

Мария Панин велел Топильскому составить экстракты из житий всех Марий и после этого даже по имениям запретил крестить во имя непотребных (Восп. К. Головина, 138).

Мария «В микроколлективе двух близнецов одна больше рисует, другая больше пьет, естественное распределение функций, не были ли Марфа и Мария близнецами?» (К. А. Славская).

Модель С Л. Флейшманом: может быть, Пастернак моделировал начало своего творчества от падения с лошади — по автобиографии Бальмонта? — Нет, не хотелось бы. — Решили, что скорее оба опирались на общий архетипический источник — скажем, о слепоте и прозрении Тиресия.

Молодые переводчицы строем сидели вдоль стен с напряженной собранностью недокормленных хищников.

Медиевальность «Как известно, Византия ни в одном жанре не достигла полной медиевальности, а только сделала первые шаги к ней» (С. Полякова о византийских сатирических диалогах). Я вспомнил анекдот об исторической пьесе, где оппонент героя будто бы говорил: «Мы, люди средних веков...»

Методология В отделе теории обсуждался «Оч. ист. рус. стиха». Отнесение таблиц с цифрами в приложение благосклонно расценено как мой методологический прогресс. Однако высказано пожелание: чтобы факты подтверждались теоретическими обобщениями. Именно так, а не наоборот.

«Мыслью — следовательно, сосуществую». См. НАУКА.

Мысль «Последние две фразы дописаны при редактировании, чтобы ярче выразить мысль, которой у автора не было» (Из редакторского заключения о рукописи).

Мысль «Недозволенной мысли он не скажет, но дозволенную скажет непременно соблазнительным образом» (Лесков).

Мысль «Люди думают, как отцы их думали, а отцы — как деды, а деды — как прадеды, а прадеды, они совсем не думали» (Л. Толстой: по Н. Гусеву, 339).

*И знает: за окном висит звезда,
Ее отнять у города забыли.*
А. Ромм, РГАЛИ [263]

Меню Царю Алексею Михайловичу с Натальей на свадьбу подавали лебединый папорок с шафранным взваром, ряб окрашиван под лимоны, и гусиный потрох. Для патриарха в пост: четь хлеба, папошник сладкий, взвар с рысом, ягодами, перцем и шафраном, хрен-греночки, капусту топаную холодную, горошек-зобанец холодный, кашку тертую с маковым сочком, кубок романей, кубок мальвазии, хлебец крупчатый, полосу арбузную, горшечек патоки с имбирем, горшечек мазули с имбирем и три шишки ядер (Терещенко, Быт рус. народа, из Нов. Д. Р. Вивл. VI, 320).

Местничество Багрицкий считался воеводой левого полка в той кампании, где Асеев считался воеводой большого, и сидел в обозе в той кампании, где воеводой большого числился Исаковский. Нужна регистрация, паспортизация традиций: отметка «б/т» — признак неблагонадежности. См. ТРАДИЦИЙ не рвать итд.

Моралите для сына, где в душе человека светлые силы борются с темными, вытесняют их, и свет души уже мог бы слиться с светом божества, но привычка к борьбе в одиночку мешает, человек противится, и этой его заботе о личности радуется дьявол.

Meden agan В точном переводе комического героя Сельвинского: «Лучше недо- чем пере-».

Мера Вы не заблуждайтесь, в больших количествах я даже очень неприятен: знаю по долгому знакомству с собой.

Мир Сборник статей бывших верующих назывался «Как прекрасен этот мир, посмотри»; я второпях прочитал «как прекрасен этот мир, несмотря».

Мощи Были две династии сахарозаводчиков, Терещенко и Харитоненко; Харитоненко благодетельствовал городу Сумы, за это его там похоронили на главной площади, как греческого героя-хранителя, и поставили памятник работы Матвеева. После революции памятник убрали, а над могилой Харитоненко поставили Ленина.

«Мы» пишет в воспоминаниях Ахматова, имея в виду то пространство, в середине которого — Я. «Мы и весь свет», говорили крот и мышь в сказке Андерсена.

Мы «Ну, вот уж мы, поляки, начинаем немножечко бить нас, евреев», — писал Ходасевич Садовскому в 1914. Будто бы В. Стенич на гражданской войне тоже говорил: «Вот как мы на нас ударим!..» А великий князь Константин Павлович в 1831: «Как мои поляки бьют наших русских!» [264]

Мышь родила гору, и гора чувствует себя мышью.

Интеллигентский разговор. — Как вы себе представляете Пушкина, если бы он убил Дантеса, а не Дантес его? — Представляю по Вл. Соловьеву, ничего лучше не могу придумать. — Ведь Дантес вряд ли хотел его убивать. Почему он попал ему в живот? Скверная мысль: может быть, целился в пах? — Исключено: ниже пояса не целились, дуэльный этикет не позволял. — А если бы попал? — Очень повредил бы своей репутации. — Совсем трудно стало представлять себе, что такое честь. Сдержанность: оскорбление от низшего не ощущается оскорблением. В коммунальной квартире так прожить трудно. У Ахматовой было очень дворянское поведение. — Это она писала: для кого дуэль предрассудок, тот не должен заниматься Пушкиным? — Да. — О себе она думала, что понимает дуэль, хотя в ее время дуэли были совсем не те. — Как Евг. Иванов писал Блоку по поводу секундантства, помните?

«Помилуй, что ты затеял что, если, избави Боже, не Боря тебя убьет, а ты Боря, — как ты тогда ему в глаза смотреть будешь? и потом, мне неясны некоторые технические подробности, например: куда девать труп...» Вот это по Соловьеву».

«Отчего Пастернак обратился к Христу? — А отчего Ахматова стала ощущать себя дворянкой? Когда отступаешь, то уже не разбираешь, что принимать, а что нет. — Ахматова смолоду верующая. — Пастернак, вероятно, тоже: бытовая религиозность, елки из «Живаго». — Нет, у Пастернака сложнее: была память о еврействе. — А я думаю, просто оттого, что стихи перестали получаться — А почему перестали? — Он не мог отделаться от двух противоестественных желаний: хотел жить и хотел, чтобы мир имел смысл. Второе даже противоестественней. — Не смог отгородиться от среды: дача была фикцией, все равно варился в общем писательском соку. — Ему навязывали репутацию лучшего советского поэта, а он долго не решался ее отбросить, только в 1937-м».

«Когда он родился? Да, в 1890, удобно считать. 50 лет перед войной, 55 после войны («это он на собственный возраст примеривает», сказал потом Ф.), война ослабила гайки режима, мир опять затянул их. О том, как он отзывался на антисемитские гонения и дело врачей, нет ни единого свидетельства, но в самый разгар их он писал «В больнице»: какое счастье умирать».

«Не люблю позднего Пастернака (оказалось: никто из троих не любит). Исключения есть: про птичку на суку, «Август», даже «Не спи, не спи, художник». Но вы слышали, как он их читает? Бессмысленно: я ручаюсь, что он не понимал написанного. — Ну, не понимать самого себя — это единственное неотъемлемое право поэта. — И сравните, как он живо читал фальстафовскую сцену из «Генриха IV» и сам смеялся — Он читал ее мхатовским актерам и очень старался читать по-актерски — И потом, любоваться собою ему, вероятно, было совестно, а Шекспиром — нет».

«Я стал понимать Пастернака — лет в 16 — только на «Спекторском». — Я тоже, хотя к тому времени и не понимая, знал наизусть половину «Сестры — жизни». — «Значенье суета, и слово только шум». А вы? — Я, пожалуй, на «Темах и вариациях». — Четыре поэта, БП, ОМ, АА и МЦ — как носители четырех темпераментов: сангв., мел., флегм., холл. Каждый может выбирать по вкусу. И равнодействующая двух непременно пройдет через третьего. — А ваше предпочтение? — Цветаева и Мандельштам. — Несмотря на Ахматову? — Цветаева могла бы написать всю Ахматову, а Ахматова Цветаеву не могла бы. Ахматова говорила: [265] «Кто я рядом с Мариной? телка!» — Ну, это была провокация — Да, конечно, опять дворянская сдержанность итд.»

«Вы слышали его ранние прелюды? Они построены на музыкальных клише. — Странно: поэтика клише — привилегия Мандельштама. — Нет: цитата и клише — вещи разные. — Правда, в музыке он пошел не дальше Скрябина. Харджиев его за это осуждает. Но ведь Скрябин, Шенберг, Стравинский — это как раз и есть три пути музыкального модерна. — Он и в стихах пишет словами, как нотами, — по музыкальным правилам; а мыслью — по философским правилам. В ранних черновиках так и видишь переходы от конспектов к стихам. — Напишите об этом!» Собеседниками были И. Бродский, Л. Флейшман и я.

Наука «Мыслью — следовательно, не существую» — подоснова Баратынского. И Нельдихена, у которого книжка называлась «Non cogito ergo sum». В первом издании учебника Попова и Шендяпина «Cogito ergo...» было на первой странице как идеальный пример презенса; во втором цензура досмотрелась, и напечатано было «Sic Carthesius, at nos: Sumus ergo cogitamus».

Наука Естественные науки существуют, чтобы человечество не погибло от голода, гуманитарные — чтобы не погибло от самоистребления. «Об одном прошу: выбирай профессию

в базисе, а не в надстройке», сказал отец моему ровеснику-десятикласснику.

Национальность Немцам у А. Дурова особенно нравились свиньи, французам козел и собаки, испанцам кошки и крысы, итальянцам петухи (ИБ 51, 1893, 447).

Напряжен как струя, переливаемая из пустого в порожнее.

Ностальгия — от нее эпическое обилие подробностей. Гомер — ностальгия по времени, «Пан Тадеуш» — по пространству, а «Цветы Польши» — по языку. (А «Улисс» по всему сразу?) «Онегин» был начат в Одессе и кончен в Болдине.

Наслаждение Риторика, упорядочив общее, позволила наслаждаться индивидуальным, все равно как культура в XVII в., победив природу, позволила наслаждаться горными и морскими пейзажами итд (см. NATURGEFUHL).

Начальство Воздухом дышали потому, что начальство, снисходя к слабости нашей, отпускало в атмосферу достаточное количество кислорода (Н. Любимов о Каткове, 183).

Наоборот «В службе не рассуждают, а только исполняют, а вне ее наоборот», — говорил генерал Плещеев в оправдание своих вольных речей на досуге (РСт 60, 1888, 412). [266]

Не За разделом стихов неопубликованных должен следовать раздел стихов ненаписанных. Кажется, осуществил это только А. Кондратов. (Ср. ненаписанный рассказ Дельвига.) Я сказал С. Аверинцеву: «Мое лучшее сочинение — это ненаписанная рецензия на мой ненаписанный сборник стихов, продуманная, с цитатами и всем, что положено». Он заволновался: «М., ее непременно нужно написать!» — но я решил, что это ее только испортит.

Не Василевский-младший подписывался «Не-Буква», Я. Перельман — «Не-Дымов», критик А. Архангельский мог бы подписываться «Не-тот».

Не «Если бы вы знали, как трудно написать хорошую трагедию», говорил трагик. «Зато знаю, как легко совсем не писать трагедий», говорил критик

Нет Личность определяется не тем, что в тебе есть, а тем, чего в тебе нет: ты ее проявляешь, не делая того-то и того-то. Этому и учил Сократа демоний.

Не совсем Ренан говорил: люди идут на муку только за то, в чем не совсем уверены.

Non leguntur Психолог Бромфенбреннер два года был в СССР, написал книгу «Два мира — два детства» и, чтобы ее перевели, слова написал хорошие, а в таблицах дал данные настоящие. Оправдалось: таблиц никто не читал.

Несомненно Ходасевич жаловался Гершензону на научное одиночество: «Гофман — очень уж пушкинист-налетчик; да Котляревский — ужасно видный мужчина, и все для него несомненно». (И. Сурат).

Несомненно «Это несомненно, потому что недоказуемо», было сказано на Цветаевских чтениях в докладе «Цветаева и Достоевский» — в том, где говорилось: «внутренний свет М. Ц. можно увидеть через сезамы», «звено между ними Блок, но на этом не останавливаюсь, ибо это уведет за пределы не только темы» и «между ними есть и словесные совпадения, например: «мне совершенно все равно»».

Наука (ее границы). Я представил, что такое вещь в себе: меня что-то бьет, то под дых, то по затылку, а я могу только отмечать и рассчитывать ожидание ударов, чтобы съезжиться или уклоняться; а кто бьет, я все равно никогда не узнаю. Я умная марионетка, я стараюсь, чтобы дерганья моих нитей не были неожиданны, и неважно, какой мировой порядок ими кукло[267]водит. Но очень уж много нитей, и все тянут в разные стороны.

Nomen — omen русский перевод: бог шельму метит.

Нрзбр Мы сидели с Н. В. Котрелевым над каракулями М. М. Замятниной в записях лекций Вяч. Иванова о стихе и споткнулись об очередное «нрзбр». Я с удивлением сказал: «Тут очень ясно написано русское слово, означающее «задница»...» (он согласился) «...но мы его отложим

до другого номера НЛО».

Принимая **невроз** за символ веры.

Нити Быть марионеткой и думать, откуда твои нити, внутренние и внешние, — лучше, чем делать вид, будто их нет.

Нравственность — это чтобы знать, что такое хорошо и что такое плохо, и не задумываться, для кого хорошо и для кого плохо.

Нравственность (ИЮП:) По черновикам видно: Пастернак ведет слово — Мандельштам ведет слово — Цветаева сочетает то и другое: прозаическими наметками указывает направление, но идет в этом направлении по-мандельштамовски, слушаясь слова. Черновики БП нравственней, чем черновики ОМ, потому что временного себя он правит с точки зрения постоянного себя: много раз у него пробивается тема «больной весны», но он всегда ее вычеркивал.

Наедине О. Седаковой духовник сказал о ее стихах: «Это не всегда можно понять, нужно остаться с собой далеко наедине». «А я давно не могу так, получается только близко наедине, а это самое неприятное место — область угрызений совести и пр.».

Над «Она всегда думает над чем-нибудь, а не о чем-нибудь» (Лесков, «Смех и горе», 69).

Наш «Нет у нас ни либералов, ни консерваторов, а есть одна деревенская попадья, которая на вопрос, чего ты егозишь в Божьем доме, отвечает это не Божий дом, а наша с батюшкой церковь» (Лесков же).

Nevermore На дверях у Сергеева-Ценского было написано: «Писатель Сергеев-Ценский не бывает дома никогда» (Восп. В. Смиренского, РГАЛИ).

Nevermore Стихотворение Мореаса под таким заглавием начиналось:

Le gaz pleure dans la brume,
Le gaz pleure, tel un oeil...

а по-русски: [268]

Плачет газ в ночном тумане,
Плачет газ, как плачет глаз...

По всему опыту теории и практики перевода должно казаться, что русский текст — оригинальный, а французский — переводной.

О Когда в 1952 появилась статья «О романе В. Гроссмана...» Твардовский сказал: «Если «о», то добра не жди».

О! — Стасюлевич предлагал формулировку: «о времена! о ндравы!» (V, 77). Ср. ЛИТЕРАТУРА.

Образ автора Лукреций написал страстную поэму во славу Эпикура и эпикурейства. Эпикур и эпикурейство считали идеалом тихую неприметность и душевный покой. Видимо, Лукреция следует представлять себе скромным и добропорядочным человеком, в уютном садике на мягком ложе неспешным пером набрасывающим пламенные строки. Но почему-то никто этого не хочет. А НН. отказывается верить в единственный достоверный портрет Петрарки — кругленького, мешковатого и похожего на пингвина.

Обращение «мужчина! женщина!» почему-то слышится на улицах только в устах женщин: мужчины обходятся без них. Что, если ответить: «Женщина...» — звучало бы это бранью?

Оборона необходимая Первая русская книга о ней называлась: «Незаменимая саморасправа» (Кони).

Общее Утверждая лишь общеизвестное и пересказывая лишь общедоступное.

«**Однобой** бывает хуже разнобая». — Д. С. Лихачев.

Обустроить «Любезный почитатель!.. Пишите, я оботвечу все вопросы», — писал Северянин Шершеневичу.

Обоняние Охота Ротшильда: с утра таскают по лесу оленью шкуру, а днем с собаками охотятся на запах без зверя (Гонкуры, 24 дек 1884). Вспомнил бы это Розанов!

Осязание Восп. Н. Петрова: в окт. 1917 в Смольном первое ощущение — идешь не по плитам, а как по листьям, по мягкому слою окурков и обрывков; второе — не найти комнату, потому что ни одного номера на дверях не видать вплотную за махорочным дымом.

Однофамильцы Музыку на стихи Маяковского писали композиторы В. Белый и В. Блок. [269]

Орфография Св. — Мирский в «Русской лирике» 1923 печатает петербургских поэтов по старой орфографии, а московских по новой.

Орфография старая, в пер. Мея из Гюго: «Спросили *они*: как на быстрых челнах... — Гребите, — *оне* отвечали». При переводе на новую орфографию диалог обесмысливается; так, обесмысленным, кажется, его и поют в романсе Рахманинова.

Опечатка машинистки в Диогене Лаэртском: вместо «стихи Гесиода» — «стихи Господа».

Определеныш «Не думайте, что я какой-то определеныш, что я знаю боль ше, чем вы» (С. Дурылин; кажется, в письмах к В. Звягинцевой).

Американская аспирантка писала «Отношение к Лескову в современной русской культуре», читала «Молодую гвардию» и «Наши современники» и огорчалась, не находя ничего разумного. Я сказал и не найдете. Лесков умудрился совместить несовместимое: быть одновременно и моралистом и эстетом. Но моралистом он был не русского интеллигентского или православного образца, а протестантского или толстовского. И эстетом был не барского, леонтьевского образца, а трудового, в герои брал не молеельщиков, а богомазов, и орудие свое, русский язык, любил так, что Лев Толстой ему говорил: «слишком!» Таким сочетанием он и добился того, что оказался ни для кого не приемлем, и какая литературная партия ни хочет взять его в союзники, всякая вынуждена для этого обрубить ему три четверти собрания сочинений, а при такой операции трудно ожидать разумного. Нынче в моде соборность, а у него соборно только уничтожают чудаков-праведников. Интеллигенции положено выяснять отношения с народом, а Лесков заявлял «я сам народ» и вместо проблемных романов писал случаи из жизни. В XVIII в., когда предромантики пошли по народную душу, им навстречу вышел Роберт Бернс, сказал «а я сам народ» и стал им не диктовать, а досочинять народные песни: «почему я не имею на это права?» Сопоставление это так меня позабавило, что дальше я уже не рассуждал.

Ономастика В Ленинграде была улица А. Прокофьева, к юбилею ее пере именовали в улицу С. Есенина. (Так Хармс каждый день давал новое имя знакомой собаке, и гулявшая с нею домработница важно говорила знакомым: «Сегодня нас зовут Бранденбургский Концерт!»). А в Калининe есть улица Набережная Иртыша — узкая, кривая и сухая.

Ономастика Город Мышкин близ Углича вырос в населенный пункт Мышкино; группа энтузиастов устроила в городе мышиный музей — куклы и «все о мышах» — и спасла город (Слышано в «Мире культуры»).

Относительность Если бы у нас не было Лермонтова, мы восхищались бы Бенедиктовым; и мы гнушались бы Лермонтовым, если бы у нас был NN, которого у нас не случилось (Ср. БЫ). «Конечно, по [270] сравнению с Гадячем или Конотопом Миргород может похвастаться столицей; однако ежели кто видел Пирятин!..» («Дневник провинциала»).

Отношение Брюсов мотивировал изобретение одностишия: во многих больших стихотворениях хорош только один стих на фоне слабых — будем же записывать только эти строки, а фон уберем. Не получилось: на странице одностиший ощущаются хорошими только одно-два, а остальные уходят в фон. Важным оказывается не стих, а соотношение между стихами: Gestalt, как когда курочек кормили на черно-серых и серо-белых подстилочках.

Охрана Общество охранки памятников старины.

«**Охотнорядцы** с Проспекта Маркса», сказал Аверинцев.

Оценочность в филологии — лишь следствие ограниченности нашего сознания, которое неспособно вместить все и поэтому выделяет самое себе близкое. (Я еще больше любил С. Ав., когда он сказал: «Как жаль, что мы не можем любить всё — так, как этимологически должны фило-логи») Не надо возводить нашу слабость в добродетель.

Очень Ф. А. Петровский любил пример на избыточность гиперболы: «Я вас люблю» и «Я вас очень люблю» — что сильнее? — У кого был хлестаковский стиль, так это у Цветаевой: 40 000 курьеров на каждой странице, особенно заметны в прозе («русские песни — все! — поют о винограде...»). Хорошо, что мне это пришло в голову после цветаевской конференции, а не до: разорвали бы. (Так и Ахматова говорила Чуковской: «Мы, пушкинисты, знаем, что «облаков гряда» встречается у Пушкина десятки раз», — это неверно, см. пушкинский словарь). Ср. Мирский о ее «пленном духе», А. Белом: «Хлестаков пополам с Иезекиилем». «Если бы Хлестаков задумал соперничать с Паскалем, он писал бы именно так» (как Кельберин) — В. Яновский, Поля Елис.

Одиночество «Позиция Цветаевой — публичное одиночество: оставшись без публики, она не могла жить» (Саакянц, 489). «Воинствующее одиночество» Маяковского, читающего «Облако» в Куоккале, вспоминала Л. Чуковская.

Одиночество «Сомнение — спутник одиночества» (Плат., письмо 4, 321с), любимая сентенция Плутарха.

Фалес.

— *Какие прелести! Я возъюнел...*

Вдруг усладительно оторопел...

Я совершенство лепоты узрел! [271]

Да! мир живучий порожден водой —

Живет и движется лишь мокротой

И истекает, что воды застой...

Ты, Океан, источниче живой! <...>

Когда бы о! не капало нам с крыши —

Что был бы мир без Океана?.. иии!

Ты, Синий, все живишь и всех свежишь.

Эхо, целым хором.

— *Ты, сыне, все жидишь и всех смешишь.*

«Фауст»

«ФАУСТ: полная немецкая трагедия Гете, вольнопереданная по-русски А. Овчинниковым. Рига, 1851» — первый русский перевод второй части «Фауста»; последние страницы, с витающими отцами церкви, из одних цензурных точек, — не такая уж забытая книга, но нимало не изученная. Я просил Р. Д. Тименчика поручить кому-нибудь из учеников поискать в рижских архивах сведения об Овчинникове, но не успелось. В. М. Жирмунский посвятил Овчинникову несколько страниц, процитировал монолог Фалеса и кусок маскарада и нашел в переводчике сходство с Велимиром Хлебниковым. Я бы сказал — скорее с Андреем Белым. Такого скопления внутренних рифм, как в конце следующего отрывка, больше в XIX веке не было ни у кого. И почти ручаюсь, что его читал А. Пиотровский, переводя Аристофана.

Елена очухивается и приходит в себя.

Форкиада. — *Предстоишь опять в величии своем — ты, прелесть мира!*

Повелительность во взорах: повелеть лишь поизволь!

Елена. — *Всё вы шишкались время — торопитесь, у кумира*

Ставьте жертвенник скорее, как заказывал король!

Форкиада. — *Уж готово все — треножник, чаша, острая секира,*

И окурка и обрызга есть для жертвы, хоть изволь...

Елена. — *Не сказал король что жертва...*

Форкиада. — *Льзя ль сказать? о, страхоты!*

Елена. — *Что тебе за страх?*

Форкиада. — *Да как же? эта жертва — это ты!*

Елена. — *Я?*

Форкиада. — *И эте.*

Хороиды. — *Мы? о, горе!*

Форкиада. — *Ты падешь под топором.*

Елена. — *Ужас! чуяло мне сердце.*

Форкиада. — *Не спасется животом!*

Хороиды. — *Ах! что с нами!*

Форкиада. — *Благородна будет смерть ей; но сударок*

Вас возьмут, на шею петлю, и развешат как гагарок

По подкрыше, там, где выше...болтыхайтесь потом!

Елена и Троянки стоят пораженные до неподвижности; умолкность что в подземелье.

Форкиада. — *Что тени... что отерплые творенья*

Стоят! трухнули разлучиться с днем,

Который не обязан им ни в чем. [272]

И люди все такие ж привиденья —

Не распростятся с солнечным лучом,

Пока их не приторнешь в подколенья.

Ни вопля ради вас, ни заступленья

Не будет! — верьте, решено на том!

И так прощайтесь! а мы начнем

Тотчас свое...

(шлепает в ладоши; около дверей ниотколько взялись маленькие кругленькие карапузики)

Эй, Катышки-Зломордки!

К нам, к нам катитесь! расходитесь! есть

*Вреда вам здесь не-весть, да будьте вертки!
Сперва постав для глав сыскав принести,
Там став треногий златорогий; в ноги
Ему примкнуть в упор прибор — топор;
Тогда нужда — вода: нам крови многий
Смыть с рук и с ног припек; ковер на сор —
Не мечь, как есть — нанести доброприлично
Для мертви — жертвы личной безобычной,
Язычной крали! — Чуть глава долой —
Ее за чуп! и труп нести за мной.*

А потом хороиды упрашивают Форкиаду пожалеть их;

*— Ты премудрая сивилла, препочетная ты парка —
Спрячь же ноженцы златые, спрячь и девиц полюби!
За твою любовь попляшем так, что небу будет жарко:
Уже плечики снуются, ножки хочут дыбь-дыби...
Ах, смоги нам, пособи!..*

Понаслушались — объяснил ямщик, погонявший лошадей: «Ой вы, Вольтеры мои!» (Вяз., 8, 190).

Польза Бог послал бы нам второй потоп, когда бы увидел пользу от первого (Шамфор).

Препинание Кокошкин, переводчик «Мизантропа», служит при Мерзлякове восклицательным знаком, — говорил Воейков.

Памятник Структуралистам говорят: мы можем-де изучать памятник формальным анализом, но не поймем его, не зная, кому он был поставлен. Да, не поймем. А как вы надеетесь узнать, кому он был поставлен? Вся практика постструктуралистов теряет смысл и даже интерес, будучи перенесена на древние и чужие культуры, которых мы непосредственно не ощущаем, а разве что перевыдумываем.

Паскаль У С. Кржижановского: «Учитель, проповедовать ли мне смертность души или бессмертие?» — А вы тщеславны? — «Да». — [273] Проповедуйте бессмертие. — «?» — Если ошибетесь — не узнаете; а если станете проповедовать смертность и, не дай бог, ошибетесь, — ведь это сознание вам всю вечность отравит.

Парнас Майков, потомственно беломраморный и возвышенно уютный. «А у Майкова Муза — высокопревосходительная», — говорил Фет (РМ 1917, 5–6, 115), написавший «Пятьдесят лебедей...»

Пламень «Жители юга, избалованные расточительною природою, более ленивы, но пламенные». «Немки кофею пьют мало и не крепкий, по причине пламенных воодушевлений к нежностям» (Терещенко, Быт рус. народа, 154, 279).

Пастиш Я предложил студентам задать мне стихотворение для импровизированного анализа, предложили Рубцова: «В горнице моей светло...». Пришлось отказаться: такие простые стихи были труднее для разбора, чем даже фетовская «Хандра». Рубцов копировал стиль стихов «Родника» и «Нивы» за 1900 г., и копировал так безукоризненно, что это придавало им идеальную законченность: перенеси на страницу старой «России» — не выделится ни знаком.

Собрание сочинений Жуковского состоит из переводов из европейских поэтов, собрание Рубцова — из переводов из русских поэтов.

Перевод Переводчики — скоросшиватели времени. Был международный круглый стол переводчиков (ИЛ, 1979, 4): все жаловались на авторов, знающих язык переводчика и тем сковывающих его свободу. Как будто заговор авторов против мировой культуры. Впрочем, М. Тейф говорил — см. СВОБОДА.

Перевод «Я попробовал заставить Шекспира работать на меня, но не вышло», сказал Пастернак И. Берлину. Пастернак в стихах этих лет искал неслыханной простоты, а привычную потребность в шероховатом стиле удовлетворял переводами, где на фоне обычной переводческой гладкости это было особенно ощутимо. Так и Ф. Сологуб в 1910-е раздваивался на инертные стихи-спустя-рукава и на футуристические переводы Рембо.

Перевод «Переводить так, как писал бы автор, если бы писал по-русски». Когда писал? при Карамзине? при Решетникове? при нас? Да он вовсе бы не писал этого, если бы писал при нас! Задача перевода — не в том, чтобы дать по-русски то, чего не было по-русски, а в том, чтобы показать, почему этого и не могло быть по-русски.

Поэт «М. Шелер был на диете, но забыл роль философа и на банкете ел, как поэт, через два месяца он умер». — Л. Шестов, разговоры с Б. Фонданом. [274]

Поэзия по Щедрину: «Вольным пенкоснимателем может быть всякий, кто способен непредосудительным образом излагать смутность наполняющих его чувств».

Поэзия Есенин с извозчиком: а кого из поэтов знаешь? «Пушкина». — А из живых? — «Мы только чугунных» (Мариенгоф).

Подлежащее В газете, к 10-летию Чернобыля: «...к нам ко всем отношение — как к радиоактивной пыли: не замечают, не замечают, а потом оказывается, что ты подлежишь захоронению».

Подтекст

...А неосознанный протест
Во всем искал иной подтекст.
(А. Парпара, «Поступок», 1984, 17)

Подтекст Я сказал Р. Тименчику, что «черное солнце» задолго до Нерваля и пр. было в 9-й сатире Горация, где от докучного собеседника у героя потемнело в глазах; он ответил: «Эти подтексты мы уже бросили собирать». Тем не менее вот еще один: «Черное солнце (Рассказы бродяги)» Александра Вознесенского, М., 1913 Это тот Вознесенский (наст. фамилия Бродский), который после революции работал в кино; случайно встретив, его подозвал Маяковский: «Ну, Вознесенский, почитайте ваши стихи!» — «Зачем, Вл. Вл., вы ведь поэзию не любите?» — «Поэзию не люблю, а стихи люблю» (РГАЛИ).

Подтекст Самый совершенный образец использования подтекста — анекдот о еврее, который сокращал текст телеграммы (или вывески) до нуля.

Подтекст Вот и достигнут логический предел: Л. Ф. Кацис объявляет подтекстом «Неизвестного солдата» словарь Даля (De visu, 1994, 5).

Подтекст 5-ст. анапест «905 года» — не от застывшего стиха «Разрыва», как я думал раньше, а от романса С. Сафонова: «Это было давно... я не помню, когда это было... Пронеслись, как виденья, и канули в вечность года. Утомленное сердце о прошлом теперь позабыло» итд.

Подтекст «При Низами, чтобы стать поэтом, нужно было знать на память 40 000 строк классиков и 20 000 строк современников». Оказывается, еще говорилось: знать наизусть 10 000 строк и забыть их. Чтобы они порождали подтекст.

Потребности От каждого по способностям, каждому по потребностям, — а если моя потребность — в том, чтобы мною восхищались за то, к чему я не имею способностей? Ср. профессию «читатель амфибрахий» в «Сказке о тройке». [275]

Потребительское отношение к человеку у М. Цветаевой: зажечь им себя и выбросить спичку.

Постмодернизм «Что такое постмодернизм?» — Продукция последних лет, в которой еще не успели разобраться. — «А постмодернисты говорят: они — новая культура, потому что раньше старое и новое противопоставлялось, а теперь они сосуществуют». — Это они выдают ущербность за достоинство: когда название начинается с «пост», это уже противопоставление. — «И что у них нет больше риторики». — Мысли без риторики так же неизложимы, как слова без грамматики: самая яркая индивидуальность не станет сочинять себе язык из небывалых слов. «Тогда, пожалуй, в их риторике есть даже свой аттицизм и азианизм...» итд.

Постмодернизм О. П.: «Фомичев говорит, что в новом академическом Пушкине непристойности все равно будут заменяться черточками — почему? — потому что очень уж много их наплыло в современную литературу. Вот постмодернизм неведомо для себя: он воспринимает Пушкина на фоне Юза Алешковского».

Из писем помещицы Коробочки к Ф. А. Петровскому. «Как печатать такие слова, как «ни фаллоса»? не набирать ли их латинскими буквами, а объяснять в примечаниях, вместе с Эос и гуатусом?»

Постмодернистам Конфуций бы сказал: вы ищете что-то за текстом («то, что сделало возможным текст»), — а то, что в тексте, вы уже поняли?

Притча (В. Жаботинский, «Пятеро»). Был рыцарь с пружиной вместо сердца, совершал подвиги, спас короля, убил дракона, освободил красавицу, обвенчался, прекрасная была пружина, а потом, в ранах и лаврах, приходит к тому часовщику: да не люблю я ни вдов, ни сирот, ни гроба Господня, ни прекрасной Вероники, это все твоя пружина, осточертело: вынь!» («Это он о самом себе», — сказал Омри Ронен: «писатель по призванию, а всю жизнь заставил себя заниматься политикой»!).

Первочтение — тренировка на забывание ненужного, перечтение — на воспоминание нужного. Самед Вургун говорил: предпочитаю вольные переводы точным, потому что точные нравятся, когда я читаю их в первый раз, и противны уже со второго» (СС, 3, 242).

«Joyce cannot be read — he can only be reread» (J. Frank, The widening gyre, 1963, 19).

Преподавание — это сочетание неприятного с бесполезным, говорила Л. Я. Гинзбург [276]

Преподавание Отношение к нему погубило Галилея. В Падуге его охраняла бы Венеция; но он так тяготился университетским преподаванием, что принял приглашение в придворные ученые к тосканскому герцогу и там попался.

Псоглавцы (Е. Р.) «Монголы посылали разведчиков на север, безбородых чукчей приняли за сплошных женщин, а чтобы объяснить детей, предположили, что они от ездовых собак: сильный половой диморфизм, только и всего».

«**Пораженец** рода человеческого», называл Шпенглера Т. Манн.

Пол «Ахматова успела из дамы стать женщиной, а из женщины человеком», а Г. Иванов,

этот манекенщик русской поэзии, все еще... (С. Парнок в «Шип.» 1, 1922, 173).

Правда «Я боюсь бога, когда лгу, и вас, когда говорю правду», сказал Ахнаф халифу Муавие.

Правда У Станиславского и Немировича «одно было общее: обоим никогда нельзя было до конца сказать правду» (Виленкин, 207. Ср. восп. Немировича: знаменитый разговор в Славянском базаре кончился репликами: «...нужно будет говорить правду в глаза». — Нет! — ? — Я не могу, когда мне говорят правду в глаза. «Никто другой этого бы не сказал вслух», замечает Немирович).

Прямота И. П. Архаров, встреча в старости друга юности: «Скажи мне, друг любезный, так ли я тебе гадок, как ты мне?» (Вяз., 8, 364 о Гагарине). Подтекст горюхинского «да и вы, батюшка, как подурнели».

Право Я люблю русскую поэзию, но не чувствую за собой на нее права и предъявляю стиховедение как отмычку. Кто говорит «я имею право...», тот уже этого права не имеет.

Подгонка под ответ — таков механизм функционирования культуры. Нам задано: Шекспир, Рембрандт, Бах — великие художники; и нам предложено: извольте каждый обосновать, почему. Кто выполнит это подробнее и оригинальнее, тот и культурнее. Нужно быть Львом Толстым, чтобы сказать «да может быть, ваш Шекспир — плохой писатель!» (собственно, очень многие думают, что Шекспир — порядочная скука, но стесняются об этом говорить). И нужно быть полу-Толстым, чтобы внушить: «А ведь Вермеер — художник не хуже Рембрандта!» Почему «полу-»? Потому что открытия новых ценностей в прошлом, кажется, происходят чаще, чем закрытия старых. В античности уже не [277] осталось места, свободного от ценностей, и только такой полубог, как Виладовиц, мог мимоходом бросить «эта эпиграмма плоха». — Принятие готовой религии, это ведь тоже все равно как подгонка своего религиозного чувства под заданный ответ.

Я защищал кандидатскую диссертацию в 1962 («Федр и Бабрий»; секретарь ученого совета упорно делал ударение «Бабрий»). Получил две трети голосов в обрез: одним меньше, и не прошел бы («Вы везунчик», сказала потом Л. Вольперт). Это было по совести: вторая защищаемая диссертация было на тему «Труд в поэзии Маяковского», из провинции, и написанная так, как должны были писаться такие диссертации. Любому члену совета должно было быть ясно одно: если одна из этих двух диссертаций — наука, то другая — не наука. А дальше каждый делал выбор по своему искреннему разумению.

Почти «Почти гений» стало почти термином применительно к Андрею Белому.

Понимание Психиатр по подростковым самоубийствам говорила: труднее всего ей найти взаимопонимание с учителями, с милиционерами — легче.

Понимание Белинский через сто лет не понимал Ломоносова и говорил, что у нас нет литературы; мы через сто лет не понимаем Толстого, но уверяем, что у нас есть литература, да еще какая!

«Понятное — это не только то, что уже понято» (Брехт. О лит., 151).

Пирог Все мои душевные проблемы в конечном счете сводятся к желанию и съесть пирог, и в руках его иметь («вот он съеден, и что теперь?»). Но, кажется, к этому сводятся и все проблемы всех проблемствующих?

Предпародией деконструкции была игра «Сделай сам» у Ст. Лема; ср. также у Борхеса «предположим, что «Илиаду», «Божественную Комедию» и «1001 ночь» написал один человек, и реконструируем образ этого человека». В науке критерий предпочтительности гипотезы —

простота, а здесь, вероятно, сложность. Простейший вид этого усложнения — предположить, что вещь ироническая, и все нужно понимать наоборот. Такие случаи бывали.

«Плакаться в бронежилетку», сказала Н.

Платон Продавали 1-й том Монтеня отдельно от 2-го, хотя во 2-м был общий комментарий к обоим. «Вот платоновский человек, расколотый на половинки, — сказала Н., — теперь будут браки по объявлению между владельцами томов». [278]

Порядок Николай I посетил Оуэна в Н. Ленарке и выразил удовлетворение порядком; а вот лондонский парламент ему совсем не понравился.

Порядок политический «Сев. Пчела сообщала, что при пожаре люди горели в удивительном порядке, и все надлежащие меры были соблюдены» (Никитенко, 10 февр. 1834). В подтексте — «du moins mon malade est mort guerî».

Проституция процвела в Петербурге после освобождения крестьян, с закрытием помещичьих гаремов (Скабич., 242).

Пост Цзи Юнь говорил: поститься — это все равно что не брать взятки по вторникам и четвергам.

Православие современное. «Атеисты всемилостивейше пожалованы в действительные статские христиане» (Ключевский, Письма, 1968, 259).

Православие «Я прочитал катехизис» — с гордостью сказал знакомый моего сына. «Это что, евангелие?» — спросил товарищ. «Нет, это вроде методического пособия», — ответил тот. У Лескова персонаж говорит: «Так как катехизис Филарета я уже читал и, следовательно, в Бога не верил...»

Пых «Не знает их копые отдыха, Грудь взнемлется от часта пыха» — В. Петров, На взятие Измаила. Там же: «То турк, напяр, вспять росса нудит, То росс весь жар души разбудит». Ср. На шведский мир: «Но росс отважен, бодр, обратлив, На исплошенье неподатлив». Ср. СОВЕСТЬ.

Пятый пункт «Я неверующий», — сказал я. «Но православный неверующий?» — забеспокоился старый Ш. И услышав «да», успокоился.

Перевод А. Г. на кандидатской защите сказала: я полагала, что диссертацию о Хармсе можно писать немного по-хармсовски. (Статей о Деррида, написанных по-дерридиански, мы видели уже очень много.) Это все равно что — по доктору Кульбину — не переводить стихи с языка на язык (в данном случае, научный), а переписывать русскими буквами.

Перевод После «Энеиды» Ошорова я сказал ему: «Если бы у нас акклиматизации подлежали не имена, а вещи, то вам надо было бы перевести «Улисса», и он оказался бы прекрасной прозрачной русской прозой». Он погрустнел, но не спорил. Примерно то же сказал издатель Н. Автономовой, прочитав ее перевод Деррида после библихинского. [279]

Погода *Я шел по Арбатской площади — ровное-ровное серое небо, черная без снега земля, промытый прозрачный воздух, все ясно и отчетливо, — и показалось, что вот она, моя погода, мы с нею созданы друг для друга и ждали этой встречи всю жизнь, и как жалко, что это счастье мимолетнее всякого другого. На обратном пути небо уже расслоилось волокнами, и все разрушилось.*

Проба Цель филолога — узнать, как делаются вещи, возможность переводчика — проверить надежность узнанного. Как сократовский космолог, для пробы создающий перевод горы или моря. (Впрочем, еще И. Виноградов писал, что Каверин состоит карманной литературой при формалистах: они скажут «будущее — за сюжетностью», и Каверин тотчас выдаст им сюжетность.)

Предлоги По аналогии с свободой-от и свободой-для, может быть, можно говорить о совести-для (диктующей выбор) и совести-от (отягчающей его последствия)? А по аналогии с

забытой свободой-в — о совести-в (знающей свои пределы, такие же узкие, как у свободы)? (Тоска о том, что у тебя нет совести, это и есть совесть, сказала Т. В.).

Пропаганда Книга А. Камерона о Клавдиане начиналась приблизительно так: «Опыт нашего века заставляет нас пересмотреть наше отношение к историческим источникам: сто лет назад мы считали, что никакая пропаганда не могла написать, будто поражение — это победа, теперь же...»

Пропаганда Сталинградский приказ Сталина немцы разбрасывали с самолетов как листовки для нашей паники (ЛГ, сент. 87). Японские пропагандистские фильмы показывали такие ужасы войны, что казались американцам антивоенными.

Пропаганда М. Б. Плеханова: «Иезуиты в каждом разговоре сыплют анекдотами: курс им читают, что ли?»

Пропаганда (источника не помню). Были в войске два товарища, язычник и христианин, второй все старался об обращении первого, довел его до богохульств, тут конь понес его и убил, и друг горько плакал о его погибшей душе. Но Христос явился ему и сказал: не плачь, он в раю, он стремился ко мне вседневно и всечасно, и ты ему только мешал своими уговорами.

Просвещение В XVII в. в Готе, самой просвещенной в Германии, принцессам мыли головы через субботу в 4 часа, а раз в месяц принималась ванна (РВ 1902, 1, 227). [280]

План «Как Вергилий отчитывался в выполнении плана по «Энеиде»? Он представлял Августу прозаические конспекты будущих песен. Вы уверены, что они были хуже «Энеиды»?»

Поздравление (А. И. Доватура). Вам 80 лет, но мы знаем, что Вам больше, потому что наука наша долго жила на таком положении, в каком и ныне солдатам засчитывается месяц за год. А мы, знающие мифографов с их генеалогиями и хронологиями, где иное десятилетие идет за год а иной год за десятилетие, итд. Телеграмма: «В Ваши Платоновы годы желаем Вам Аргантониевых лет».

Почта Пса, спавшего с семьей эфесскими отроками, звали Халеф (Калеб), и если его имя написать на конверте, письмо непременно дойдет («Рукопись, найд. в Сарагосе»). А в мифологической энциклопедии имя пса — Катбир. Вот и не спутай.

Потенция Скульптор, делающий статую по формуле «отсекаю ненужное», — сколько потенциальных шедевров он отсек! Об этом много думал поздний Лотман.

Псевдоним Надеждин получил свою семинарскую фамилию от рязанского преосвящ. Феофилакта (Барсуков, II, 343); знал ли об этом Пушкин, сочиняя Косичкина?

Психология В. Сапогов обослал всех письмами: «будет конференция по Северянину, шлите тезисы» — все отказались, «никогда не занимались». Обослал вторично: «будет конференция, ваша тема такая-то, шлите тезисы» — все прислали. Легче признаться «я ничего не знаю о Северянине», чем усомниться, что «я лучше всех знаю тему «Северянин и (скажем) Пастернак»».

Поперек Фет: как он в Италии завешивал окна кареты, чтобы не смотреть на всем нравящиеся виды.

Пушкин Ахматова стилизовала Пушкина под свою жизнь, Цветаева — под свое творчество.

Пушкин Л. Толстой о памятнике Пушкину: стоит на площади, как дворецкий с докладом «кушать подано» (восп. И. Поливанова, рукопись).

Пушкин Ф. Сологуб говорил в ленинградском Союзе поэтов: «Будет время, когда придет настоящий разбойник в литературу. Он смело и открыто ограбит всех, и это будет великий русский поэт». А неоклассики грабят не всех, а выборочно, и каждый одного, поэтому мало надежды, что из них явится Пушкин («Ленинград», 1925, № 27, хроника). [281]

Подлинность речь в защиту ее произнес С. А, а я, будучи переводчиком и античником, как

и он («античную архитектуру мы знаем по развалинам, скульптуру по копиям, а живопись по описаниям»), долго этому удивлялся. Радиозаписи чтений Качалова случайно стерлись, но их сымитировал Конст. Вас. Вахтеров, актер, брат Марии Вас, переводчицы, жены моего шефа Ф. А. Петровского; их-то мы и слышим.

Подлинность Катюль Мандес напомнил Вилье де Лиль Адану фразу Паскаля: «Человек даже не в силах представить Бога, на которого хотел бы походить». Тот вставил «великие слова христианского мыслителя» в «Акселя». Потом Мандес признался, что это его собственные слова. Вилье исправил: «темные слова языческого риторика». «А ведь Вилье считал себя знатоком Паскаля», добавляет Р. де Гурмон (Весы, 1906, 6, 47).

«**Поликратово** счастье, или Какая с этого хлеба лебеда будет».

Поликратов перстень
Очень любил Поликрата.
Когда Поликрат его бросил в море,
Он хотел обидеться,
Но решил, что любовь — превыше,
Залез в рыбу
И вернулся к Поликрату на перст.
Когда Поликрата распяли,
След его теряется.
Потом он был в музее у Августа
И казался посредственной работы.
Так об этом сказано у Плиния.
К. Лемминг, «Стихи на случай»

Русский язык М. И. Каган, невеликий друг Бахтина, родился в еврейской семье и первые русские слова узнал: «я тебя убью!» и «дозволено цензурой» (Clark & Holquist).

Раньше Греки считали часы от рассвета, евреи от заката, отсюда вполне осмысленный вопрос Александра Македонского голым мудрецам: что было раньше, день или ночь?

Reservatlo mentalis «Ан. Франс в «Маленьком Пьере» пишет, как в детстве не умел ставить вопросительные знаки; поэтому теперь он ставит их в уме после каждого предложения. Просоветские его выступления трудно понять, если не иметь в виду эти знаки» (Алд., «Огонь и дым»).

Риск «XII международный конгресс ассоциации страховщиков технических рисков, Лгр., 1979». Филологи могли бы назваться «страховщиками словесных рисков». А уж цензоры-то! [282]

Революция Мясник сказал Щепкину в 1848: «Что это, батюшка М. С., какие беспорядки везде? то ли дело у нас! мирно, смирно, а прикажи только нам государь Н. П., так мы такую революцию устроим, что чудо!» (РСт 60, 1888, 443)

Резолюция Ковалевский, из попечителей став министром народного просвещения, на трех своих же ходатайствах написал: отказать (Белоголовый).

Роль писателя в своей и чужой литературе различна: для финской литературы учителем реализма был Булгарин (ИЛ 1985, 1)

Редакция Султан был недоволен, когда ему сказали: «Ты увидишь смерть всех близких»; но был доволен, когда сказали: «Ты их всех переживешь».

Развязка В «Гардениных» Эртеля дворовый пересказывает мужикам слышанное у господ

«...и когда Фауст увидел, как девицу Маргариту ведут на казнь, то встала в нем совесть, и он сказал: остановись, мгновенье». Пастернак должен был помнить этот вариант: Эртеля ценил Лев Толстой.

Разврат «Синтаксис у него какой-то развратный», — писал Набоков о Пастернаке (1989, 346); «чем-то напоминает он Бенедиктова». (Действительно напоминает, по крайней мере для текстолога: та же проблема поздней переработки ранних стихов.) И затем переходил к стихам Дм. Кобякова.

Родительного падежа «Почтеннейший Иван Иванович! Великодушный доктор наш! Всегда зачитываюсь за ночь *Статеек ваших*. Гений ваш — Благотворитель всей России! Вы краше дня, вы ярче звезд И перед вами клонит выи Весь Новоладожский уезд» итд: Некрасов, в фельетоне 1845 «Письмо к доктору Пуфу». Одесские обороты появились не в Одессе: калька с *aussehen* была уже у гр. В. Соллогуба, «Княгиня Кочубей действительно выглядывала настоящей барыней» (Восп., 1931, 387).

Родительного падежа «Звучит колыбельная ночи, и где-то парит Азраил. У ангела смерти нет мочи сложить своих аспидных крыл». Р. Гамзатов, «Книга любви», 1987, 12, пер. Я. Козловского.

Риторика Нас в школе учили в конце разбора каждого произведения перечислять три его значения: познавательное, идейно-воспитательное и литературно-художественное. Собственно, это точно соответствует трем задачам риторики: *docere, movere, delectare* (ум, воля, чувство). [283]

Риторика (Т. В.) «Риторика — всюду, где человек сперва думает, а потом говорит, Аристотель риторичнее Платона, а единственным греческим не-ритором был Сократ».

Мне позвонил незнакомый голос: «Я такой-то («ах, знаю, конечно, читал»), я защищаю докторскую, не откажите быть оппонентом». Тема мне близкая, специалистов мало, я согласился. Времени, как всегда, в обрез. Прочитав работу, я преодолел телефонный страх и позвонил ему: «Я буду говорить самые хорошие слова, не смогу сказать лишь одного — что это научная работа; я надеюсь, что моего риторического опыта хватит, чтобы ученый совет этого не заметил, однако подумайте, не взять ли вам другого оппонента». Он подумал полминуты и сказал: «Нет, полагаюсь на вас». Риторического опыта хватило, голосование было единогласным

Романтизм — апофеоз средних жанров, как революция — апофеоз среднего сословия. Средние жанры — те, в которых личность не дробится в низких мелочах на случай и не растворяется в высоких абстракциях: масштаб на уровне личности. Высокие и низкие жанры переиерархизируются по своей проникнутости индивидуалистическим духом итд (с И. П.).

«Ромул» (Дюрренматта). «Когда государство начинает убивать, оно всегда зовет себя отечеством».

Рота в ногу Чукотские олени — полудикие: если один отобьется, приходится подгонять к нему все стадо, потому что стадо послушнее, чем отдельная особь (Богораз в Изв. Этн. м).

Рамка композиционная: классицизм начинал «Пою...», романтик кончает: «...но только песня зреет» — по-современному говоря, это выход в метатему. Так в «Лесе» героиня уходит с актерами, и хотя зритель насмотрелся за пять актов на актерские невзгоды, он понимает, что это счастливый конец, потому что выход в метатему. Такой же выход в концовках сомалийской сказки о змее (см. ВРЕМЯ) и легенды о Вергилии и Августе: «отец твой — пекарь» итд.

Развитие «Среди развитых и разумных Я вынужден прозябать... Они не ругнутся с горя, Не

то что рабочий люд, Они не шумят, не спорят, Не курят они, не пьют...» — В. Коротаев, «Чаша», 164: я аннотировал эту книгу в 1978. Автор — лауреат конкурса им. Фадеева.

Разум «Это когда мне жарко, и я не пью воды» сказала девочка (К. Гросс, Д. ж. реб., 204).

Решимость В книге оказались мысли, о которых я не решился не доложить (И. Ф. Горбунов). [284]

Рифма Пий Сервьен говорил: Буало писал белые стихи с рифмами, а Банвиль — рифмы, дополненные до строк.

Рифма «Тезоименита лопата Ипату, а Вавиле могила».

Роскошь Пуритане считали пуговицы роскошью и носили крючки. Многие умели читать (Библию), но не писать.

Реклама «Осторожно, окрашено краской фирмы West».

Режим А выбирать мы будем между одним хреном и несколькими редьками.

Сыну приснилось, как овощи в супе выбирают себе поварешку.

Россия Французский посол при Николае I писал, что русская администрация напоминает театр, где идут одни генеральные ре петиции.

Россия гибнет не от злоупотребления, а от исполнения каждым своей должности (потому что каждый сидит не на своем месте), — А. Жемчужников в записной книжке.

Рюрик Еще источник А. К. Толстого: когда вместо микешинского пупа земного в Новгороде хотели возвести лишь памятник Рюрику, то Стасюлевич писал Плетневу 2.07.1857 (вспоминая И. П. Белкина?): а на подножии написать: «земля наша сделалась еще больше, а порядку в ней еще меньше». См. ВАРЯГИ. («Сначала я сочинил балет под названием «Добродушный Гостомысл и варяги, или Всякое дело надо делать подумавши»...» — Щедрин, «Признаки времени»).

Рюрик «Земля наша велика и обильна, а порядку у соседей нет!». См. НЕ У НАС.

Рим (Словарь Бирса):

Все дороги ведут в Рим — вот те на!

Но обратно, слава тебе, Господи, ведет по крайней мере одна.

«**Самоучка** имеет самого скверного учителя» — наедине с собой имеешь самого скверного собеседника. См. ДИАЛОГ.

Самовыражение Гречанинов сказал: я недоволен этой литургией, мне не удалось вложить в нее всего себя. Владыка Антоний сказал: какой ужас была бы литургия, в которой весь Гречанинов!

Самовыражение (Т. М.): «Нет, Платон точно так же хотел выражать не себя, как авторы Нового Завета. Но им это удалось, потому что они [285] канонизировали четыре однородных текста, сразу сумели канонизировать мысль, не канонизировав слова. А Платон именно этого и не мог».

«**Самонадежнее** молодые старых» (М. Дмитр., 123).

Samovar, pogrom В газете сказано, что из русского языка в европейские перешло еще одно слово: *kbaljava*.

Samovar — в точном греческом переводе: authepsa. У греков был такой кухонный прибор, я даже знал, как он был устроен, но забыл; во всяком случае, не пузатый и не с трубой. Эта автепса

упоминается в речи Цицерона за Росция Америкского: В. М. Смирин измучился, подыскивая такой перевод, который не вызывал бы неуместных ассоциаций. Наконец, написали «самовзварка».

Сам Сын Н. Брагинской нянинному отцу, сторожу при стадионе: «Дедушка, а кем ты там служишь?» «Как кем? самим собой». (А я-то думал, что самими собой мы служим только у Господа Бога.)

Сам А. Ф. Маркс, не застав автора, оставлял записку: «Буль у вас. Сам Маркс» (Ясин., 146).

Самый «Какой человек самый лучший?» — спросили Платона. Он ответил: «Тот, которого еще не испытали» («Тути-намэ»). Это от вопроса Александра Македонского голым мудрецам какой зверь самый хитрый? — Тот, которого никто еще не видел.

Самозванец При самозванце уже пошел слух, что Борис Годунов не умер, а опоил и схоронил другого, сам же бежал в Англию (Карамзин). «И беседовал там с сочинителем Шекспиром», добавил И. О.

Самоубийство в расрочку встречается чаще, чем кажется. Лермонтов поломал свою жизнь, поступив в юнкерскую школу, оттого что видел: хорошие романтические стихи у него не получаются, значит, нужно подкрепить их романтической жизнью и гибелью, а для этого в России нужно быть военным. Потом, после 1837, неожиданно оказалось, что стихи у него пошли хорошие, и погибать вроде бы даже не нужно, но машина самоубийства уже была пущена в ход, Байрон у Алданова, наоборот, хочет смертью оправдать свою поэзию *post factum* — это больше похоже на самоубийство Амундсена по полярному долгу. Чехов, профессиональный врач, прогнозировал свою смерть на ок. 1900 г., закончил все дела, продал собрание сочинений, чтобы обеспечить близких, женился, чтобы [286] дать женщине возможность называться «вдовой Чехова», но смерть затягивалась, и все последние годы он нервничал, провоцировал ее несвоевременными приездами в холодные столицы итд. Блок, кончив университет и не желая служить, наметил сжечь себя богемной нищетой лет за пять («мне молоток, тебе игла»), но сперва это затянулось оттого, что появились гонорары из «Золотого руна», при которых умереть с голоду было просто невозможно, а потом это отменилось из-за отцовского наследства, и пришлось сочинять новую программу, не с гибелью, а с рождением нового сильного нордического человека итд. Когда пришла революция и настоящий голод, то смерть для него была уже продуманной. (Об этом — у А. Паймен, но не до последней точки.) Марина Цветаева запрограммировала себе гибель еще с юности: она была пародией на Лермонтова, как Ахматова пародией на Пушкина. Был доклад: Гоголь в «Переписке» подражал Сильвио Пеллико, причиной неуспеха ее счел биографическую неподкрепленность и вместо Темниц построил себе Самоубийство. Как жизнестроительство, так есть и смертестроительство.

Мы многим разнимся, но в главном очень сходны:

И ваши и мои творения негодны.

А. Бестужев-Марлинский

Сволочь Как Яценко мирил А. Толстого с Эренбургом, каждому говоря: «Тот о тебе сказал: сволочь, а здорово написал!» (Р. Гуль, I).

Свобода У сына в отрочестве был страх заниматься тем, что ему интересно: вдруг это обяжет и поработит? Я помню, как в ЦГАЛИ открыли архив Шенгели, и я подумал: какой интересный новый камень на шею.

Свобода была благом, когда высвобождаемые силы личности обращались на природу, и стала злом, когда обратились на общество. Тоска о борьбе с природой за полюс, за космос итд.

ради того, чтобы почувствовать свободу сил вновь как благо.

Свобода воли (О. Ронен): в споре с Ресовским Лысенко был адвокатом ангела: чтобы переродиться, достаточно свободной воли. Его последняя идея: кукушки самозарождаются в чужих яйцах под воздействием лесного кукования. А Ресовский был генетик, детерминист и потому работал на расизм, пока в 1943 не разочаровался. — А еще можно сказать, что для лысенковской свободы воли нужно было советское мышление: если очень долго бить и мучить растительный вид, то он предпочтет превратиться во что угодно. [287]

Свобода воли «Все мы — боговы обручи, которые он бросает с пригорка, закружив так, чтобы они, коснувшись земли, катились обратно к нему». Важно, о какой пригорок споткнешься...

Свет (Ремизов, Павл. пером, 209), Хасан из Басры: «Встретил я мальчика со свечой, спрашиваю: откуда свет? Он дунул и говорит, скажи, куда он исчез, тогда скажу, откуда он взялся».

Смысл О. Деллавос об альтимановском портрете Ахматовой: «Похож ужасно, но в каком-то отрицательном смысле» (ПИ 7, 329). Я вспомнил деда НН., который о тыняновских переводах из Гейне твердо говорил «не так!», а потом, сверив с подлинниками, «так, а непохоже!»

Смысл Экспериментальные науки ищут законов, интерпретативные — смыслов. Для кого? Определите сперва смысл звука «д» или камня на дороге. Интерпретаторство на ассоциациях, как над пятнами Роршаха, психоанализ филологов (Жолковский психоанализирует Эйзенштейна, предоставляя потомкам психоанализировать Жолковского). Потомство старой аллегористики, довесок Золотой цепи, 35 значений к слову «aqua». Настоящий смысл — только тот, до которого мы не в силах дотянуться, ср. САМЫЙ.

Спать «Есть с кем спать, просыпаться не с кем» (М. Соболев, фронтовые записи).

Спать «Я всегда хочу спать, когда события», — сказал Блок Чуковскому в кронштадтские дни (К. Ч., 20 янв. 1921).

Сологуб Стенли Рабинович спросил, почему так мало занимаются Сологубом? Я ответил: не было полного запрета — нет вкуса запретного плода; писал много — утомителен для ленивых; поверхностному взгляду слишком скучен, глубокому слишком сложен.

Серьезный В. Моница писала: «Печаль навеки, печаль серьезна, печаль моя религиозна». Гумилеву не нравилось: «это говорят «мужчина серьезный», когда сильно пьет» (Восп. О. Мочаловой, РГАЛИ, 273, 2, 6).

Служба «Я не служитель Муз, а служащий».

Совесть «Душ великих сладострасть» — Батюшков, 114.

«Совесть — внутренний голос, который предостерегает, что кто-то на тебя смотрит» (Г. Менкен). [288]

Совесть (революционная?). Судьи на уставы мало смотрят, а вершат по своей природной пыхе (Посошков).

Страх и совесть Оксман говорил: «Я служил большевикам не за страх, а за совесть, но не доверял им ни минуты. А другие служили за страх, но верили. Поэтому я выжил, а они нет».

«Стыдно хвалить то, чего не имеешь права ругать» (Ремизов, «Мартын Задека»).

Стыд Жены стыдиться — детей не видать (Даль).

Сотворчество когда писатель говорит это о себе, это значит «то, что я домысливаю от себя к предшественнику, — правда», а когда о читателе: «то, что ты домысливаешь от себя ко мне, — неправда», «изволь угадать мое, и только мое».

Сотворчество — читательское. Б. Покровский доказывает зрительское сотворчество примером: «Шепните соседу, что он должен написать о спектакле рецензию, и сотворчеству

конец»).

«Социализм — это общественная энтропия, приют для дефективных: лучше вымереть и начать сначала» (Г. Шенгели, кажется, в письмах к Шкапской).

Способности «Русские проявляют свои способности скорее в умении пользоваться плохими орудиями, нежели в улучшении их» (Кюстин, РСт 73, 1892, 116). См. также ПОТРЕБНОСТИ.

Справедливость Ю. К. Щеглов об американском преподавании. Конечно, отвергается старое понятие классики как авторитарное. Для изучения предлагаются не dead-white-men, а наоборот, меньшинства. Но когда кто-то выделяется только за лесбийство и пр., это тоже несправедливо. Нужно выделять невыделяющихся, по возможности бездарных, как представителей большинства. Идеалом было бы изучать писателей не просто бездарных, а писателей неписавших. Но, конечно, это можно доверить только литературоведу непишущему. А главной кафедрой должна стать кафедра читательского сотворчества.

Сыну приснилось стихотворение «Сон»:

Я проснулся, включил радио и услышал.
«Не волнуйтесь, сохраняйте спокойствие.
Сегодня между тремя и пятью часами
Кончилась третья мировая война.
Мы победили. Убитых — девятьсот миллионов.
Они сегодня не проснутся. [289]
Списки будут напечатаны в газетах».
Я проснулся, передавали военные марши,
Но я не стал спускаться за газетой.

Стиль «Ребята сделали себе веселье», — начинается в «Азбуке» Л. Толстого рассказик о водяной мельнице.

Стиль «В ней улыбались воспоминания» — кто это написал? Гончаров в «Обрыве». «СТИЛЬ есть то, куда поцеловал Бог вещь» — Розанов в «Кукхе» Ремизова.

Старость Я сейчас на точке того профессора, который, неожиданно уходя на пенсию, сказал: «Я стал читать хуже: сейчас это замечаю я, а вы не замечаете, — хуже будет, когда станете замечать вы, а я не замечать» (о Крепелине).

Старость (Из письма:) «А счастливых старостей в XX веке не бывает. сверстники расходятся, потому что дорог стало больше, а дети отшатываются, потому что время стало меняться быстрее».

Смерть «В то время люди еще знали наперед день своей смерти <и зря не работали>, Христос потом это отменил» — легенда у Короленко.

«Поселились и **скнижились**». Ремизов, Иверень, 116.

Суматоха О. Седакова о шестилетней племяннице, сделавшей явно дурной поступок. «Но ты же знаешь, я вообще-то так не делаю». А почему сейчас сделала? «От суматохи, знаешь, всегда такое делают от суматохи». — «Я для себя поняла, что многое сделала именно из-за этого».

Судьбоносный — молодое слово: стали говорить, стесняясь говорить «роковой».

Суть (Т. В.) «Все философии утверждают, что видимость не соответствует сути <иначе бы философам нечего было делать>; только идеализм говорит, что суть лучше видимости, а

материализм — что еще хуже. Отсюда невозможность материалистической этики». В этике поступок есть искусство, осмысление поступка есть наука. А может быть, детерминистская этика все-таки возможна: вслушиваться в себя, чтобы расслышать и выбрать не истинную из целей, а истинную (среди иллюзорных) из причин поступка? Об этом думала Л. Я. Гинзбург.

Сумма НН. умен и энергичен, но эти два качества у него не помогают, а мешают друг другу. В Брюсове-пушкинисте поэт до ка[290]кого-то момента помогал филологу, а с какого-то начинал мешать; определить эту точку — самое главное (с Дж. Гроссман).

*Жизнь есть сон —
Он один, а толкования разные.
Саид Исфаганский*

Случай «Художник платит случайной жизнью за неслучайный путь», восп. Книпович о Блоке, 40.

Со «Какая ему цена? Две мнасы. — Знает сослучайное и присослучайное» (Лукиянов Торг жизней, «Трудол. пчела», 1759).

Сюжет НН. о своем восприятии стихов и картин. Зацепка от какой-нибудь линии, предпочтительно незаконченной и требующей додумывания; от нее — расширение внимания на окрестности; линии — сперва сюжетные, потом описательные, потом чисто эмоциональные: сперва — сюжетная вещь, потом — пейзаж с фигурами (или, в стихах, с эмоциональным пятном), потом — бесфигурный, или натюрморт, или стихи на чистой эмоции. Портрет иногда как сюжет, иногда как натюрморт. У Репина все портреты сюжетны, а сюжетные картины строятся вокруг портретов.

Смена форм литературных, по Тынянову: «Новая труба гласно, а старая согласно» (Посл. Симони). М. Дмитриев объяснял спор классиков с романтиками так: романтики говорят: «да первое портной у кого учился?», классики отвечают: «а первое портной, может, хуже моего шил». У Симони же об эпигонстве: «Не люби потаковщика, люби встрешника».

Смысл В. Марков: Мандельштамом или Маяковским можно наслаждаться, не понимая, а Хлебников для наслаждения требует понимания.

Синекдоха В «Пироскафе» Баратынского все ощущают стилистическую кульминацию на «в час, когда руки марсельских матросов подняли якорь». Ю. Щ. сказал: якорь — символ, и синекдоха — прием символизации: нам как бы предлагают картинку-эмблему с якорем и протянутыми к нему руками без плеч. Тот же троп, что и «не ступала нога человека», а смотрится по-другому.

Синтаксис поэтический. «Заря смотрела долгим взглядом, ее кровавый луч не гас, но Петербург стал Петроградом в незабываемый тот час» — Маяковский издевался, предлагая подставить в эти стихи Городецкого вместо «но» — «а» или «и», и ничего не изменится. А если перевести этот сочинительный синтаксис в подчинительный, то получится логика стихов Бродского. [291]

Стиховедение Die, die, die, die die Buchstaben zahlen, für Narren halten, haben Recht: синтаксическая конструкция, приписываемая Шопенгауэру.

Стиховедение

Числ содержательница счета,
Сосференного в твердь сию,
О Истинна! о голос Света!

Тебя, бессмертная, пою, итд.
(Державин, «Истина», 1810)

Стихи С. Браувер в статье для ИАН ОЛЯ цитирует в две строчки «Не приведи Бог видеть русский бунт, / Бессмысленный и беспощадный», явно считая это 5- и 3-стопным ямбом.

Социалистический классицизм тоже мог быть и придворным и просветительским; просветительский он — у Брехта.

Социализм У Кампанеллы в Городе Солнца будут менять белье не реже раза в месяц. См. ПРОСВЕЩЕНИЕ.

Советский режим обвиняют в двуличии («абсурде»). Он двуличен не более, чем всякий другой, предписывающий разные мысли и поступки в разных обстоятельствах. Когда в самом христианском обществе на время войны отменяется заповедь «не убий», а на время мира «не лихоимствуй», это то же самое.

Стенгазета На филологическом факультете МГУ стенгазета называлась «Комсомолия», по Безыменскому, а сатирический отдел в ней — «Филологические были», по Андрею Белому. Не знаю, помнил ли кто об этом. Когда началась оттепель, газета закипела и стала разрастаться. Это была ватманная полоса на стене напротив крашеного гардероба, шагов пять в длину; сперва она вытянулась и загнулась за угол, затянув от одевающих настенное зеркало; потом продолжение ее повисло в буром коридоре, шагов на двадцать с перерывами для дверей аудиторий; и наконец наступил день, когда продолжение продолжения перекинулось в другое здание старого университета на всю ширь балюстрадной стены против Коммунистической аудитории, не знаю уж, на сколько шагов. Это был предел, потом пошло обратное сокращение. Из содержания этих царь-номеров не запомнилось решительно ничего. Я рассказал об этом Основату, он откликнулся: «Когда меня в первый раз арестовали — помогали Буковскому за обнародование дела Синявского, — то отвезли на Варсонофьевский, не били, не пугали. Трехэтажный дом, но как вызвали, то повели вниз: первый подземный этаж, третий, [292] десятый, и тут начинается страх, потому что ясно: из таких мест не возвращаются. Я уже готов ко всему, как вдруг где-то на площадке минус-восемнадцатого этажа вижу: стенгазета «Дзержинец» (говорят, и сейчас еще выходит). И сразу на душе покой — видно, что это не Дантов ад, а советское учреждение».

Собеседник Статья Мандельштама «О собеседнике» — стихи старых поэтов у тебя в руках — это как письмо в бутылке, брошенное в море и предназначенное для нашего. Да, но в таком письме может быть написано только об одном — о чьей-то гибели.

«Коллективный солипсизм» — писал Шестов о большевизме.

Сосна Н. Ашукин говорил о брюсовском 7-томнике: срубили сосну сделать лодку, а сделали зубочистку.

Столоначальником придворной конторы был отец Мережковского — где-то в советское время это было переведено «сын придворного лакея».

Стоя Е. Р.: «Это явление, описываемое списком, который школа транслирует в культуру, как надписи на консервной банке. «Стоики — хорошие парни». «Только это средство подарило мне безмятежность» (Марк Аврелий в интервью газете «Покой и воля»). «Без отца-стойка я не стал бы императором» (Коммод, там же). «Ты грустен? Иди в Стою! Ты весел? Иди в Стою! Ты сенатор? Иди в Стою! Возможно совместительство по договоренности. По субботам работает лекторий. Рабам и военным служащим скидка. Если сердцу нет покоя, успокойся, стоя в Стое!» итд.

Структурализм (или, если угодно, ДИФФЕРАНС у Деррида): см. пословицу: «краше поля межа».

Статский «Штатские доллары», выражение из письма болгарского литагентства.

Статистик Молинари показывал, что ремесло убийцы безопаснее ремесла рудокопа (Алд., Армаг. 75).

Солнечная система Анненский был неверующий. А Вяч. Иванов на вопрос «веруете ли в Христа?» загадочно ответил: «Только в пределах Солнечной системы» (восп. С. Маковского).

«**Сыпью** звезды называл уже Гегель» — Степун, II, 124. [293]

Raufebold, Habebald, Haltefest — Трое Могутных.

Мефистофель. — *Ну, вот мои усастые рубаки!*
Они не одиноки в рост, и знаки
Их храброго достоинства трояки:
Тот эдак, этот так; а среди драки
Оскалят зуб, что все твои собаки!
Но ты не бойсь, тебя не загрызут —
Они твою команду поведут.
Сорви-Голова, молодец легко-вооруженный, в пестрой лопотине:
— *Пускай-ка кто затронет мою честь,*
Я шельме взрою кочки в образине!
А смей глаза таращить — я разине
И справа хлесть и слева охлепесть!
Хап-Загреба, мужчина хорошо вооруженный, в знатном наряде:
— *И значит день валандаться в зазоре!*
Нет, вот замашка мудрено строга:
Повстреться что с-мога — я за рога,
А о разборе — после-завтра горе.
Себе-на-Уме, старичок в сильном вооружении, без видимой одежды:
— *Но так лафа немного навезет;*
Дойдет к порогу и опять в дорогу,
И ты в обмане; мой верней расчет:
Беру помалу — берегу помногу,
И старика никто не проведет.

Фауст. — *Благослови, к защите от беды,*
Чтобы сей воин стал в сии ряды,
Понес вравне победные труды
И спас бы честь любимой бороды!
Сорви-Голова. — *Ух, расхожусь — не сбердят кулачки!*
Увижу рожу — растворю в крошки!
Подвернет тыл — в клочки в пучки в тычки
Вспетушу душу, что протянет ножки!
Всяк, пору у луча, с-обща, с плеча
Пусть пред собой в убой разбой колотит!
И в грязь и в трясь потонет саранча —
<строка пропущена>

Воитель. — Средина наших что-то приуныла
И мешкает насунуться... я чай,
Напоперек дороги вражья сила
Им подступила — невзначай?
Фауст. — Так ты ступай, дорогу очищай!
Хап-Загреба. — Иду! недолго хищнику царить!
Заломит лих за поясицу пятки!
И покутить нам будет и пожить —
Добыча есть! богатые палатки
Распотрошить умею до заплатки; [294]
Где только до чего коснуся — хап!
И всякий тут мне глядя — цап!
(подвертывается полевая-щепетильница)
Подбироха. — А я — что лучше — цап царап!
Ведь ты, мой муженек, ты бабий раб,
Сам знаешь наше женско дело:
Коли что бабе в житницу назрело,
У ней ни крюк из рук, ни в рот не кляп,
Взорвет и рвет, пока не надоело;
А уж до туль, покуда надоест,
Она пудовье соликамки съест —
Иди, сожитель мой, да смело!

Мефистофель. — Теперь глядите — по скалам вокруг
Из трещин, нор, ущелий, падей, дыр
Наверх выскакивают — пыр да фыр —
С мечом, щитом усастые фигуры!..
Какая тьма! и все валом валит!
Впрям бесшабашны эти бедокуры,
Науськать только — ляд не устоит!

И вот те тьма и блеск и треск и мрак —
Потоп по самый лоб и слепь под глазом!
Еще под уши чуши им, так разом
Ошеломил бы вишняк щелмак —
— Да, так
Должно, и надо! в подземельях стали —
Мечей, пращей — шеломной греми много;
Заставь, чтоб встали — забренчали
Им в слух и в дух тревогой. —
— И будет впрёга!.. Стань попят-дорогой
Им звон и звень и зык и бом и тень —
Да всякой дребедень, да трень!
Если уши — наостришь,
Сколько чуши — только слышь —
Пострук мельниц, стук толчеи,
Бряк задвижек, звяк ключей,

*Грохот всех железных крыш,
Брызг булатный, взвизг мечей,
Мызг набатный с каланчей —
Дрязги, дребезг, брязги лишь,
Что в горячке не приснишь!..*

Т Томасу Шоу поднесли серебряную пушкинскую медаль с дипломом, в дипломе большими буквами опечатка: TOMAS. «Этой медалью награждены только трое: принц Чарльз, Лихачев и Самаранч». [295]

Талант возбуждать ненависть: Сухозанета даже солдаты ненавидели, хотя от солдата до министра — как до Сатурна (РСт 61, 363).

Тепло А. И. Анненкова садилась в карету не иначе, чем за полчаса обогрев это место толстой немкою (Зап. П. Гебль, РСт 57, 1888, 449).

«Трофейными иностранцами» были названы в русской культуре прибалтийские немцы.

Теория «Что можно сделать по эксперименту? отчет об эксперименте. А теорию можно сочинить только из головы», — сказала Т. В. Я бы ответил: сочинять из головы на свободе ничем не ограниченной интуиции — просто неинтересно. Интересно сочинять теорию среди препятствий и запретов, как вырубать статую из кривого камня: как будто я втискиваю себя в спичечную коробку. Это и называется экспериментальной проверкой гипотез. Но всего этого я не сказал.

Теснота стихового ряда обмен слов колеблющимися признаками — как именно, Тынянов так и не объяснил. Он приводил пародический пример «Дышит светлый фимиам урной святою» — пожалуй, еще больше это похоже на фразу, приписываемую Белым С. Каблукову, «делал опыты, лопа колбнула, и кусочек глаза попал в стекло». (Или на мандельштамовское «Зеленой ночью папоротник черный»). Или на вереницы предложений с перетасовываемыми подлежащими, дополнениями и обстоятельствами, из которых одно время составлял стихи Г Сапгир. Любопытно, что все это — по смежности опирается на метонимию, хотя Jakobson уверял, что для поэзии, наоборот, характерна метафоричность: Jakobson и Тынянов и тут смотрели в разные стороны. «В огороде бузина, а в Киеве дядька» — это метафора или метонимия?

Труп После 1812 года захоронено было 430 707 человеческих трупов и 230 677 скотских (ИВ 1912, 4, 835).

Тавтология В. Марков, 288, цит. Г. Ландау: «Если надо объяснять, то не надо объяснять». Ср. Ю. Олешино: «Скажи мне, кто ты, и я скажу, кто ты».

Точка зрения Один и тот же сюжет с разных точек зрения это, собственно, начали не Фолкнер и не Браунинг, а четвероевангелисты, только тоньше.

Точка пересечения В. Иванов и В. Топоров написали: «Духи — это точки пересечения каналов связей» (как «личность — точка пересечения общественных отношений»); «мне стало до боли обидно за духов», сказала Е. Новик. [296]

Точка пересечения Текст ведь тоже точка пересечения социальных отношений, а мне хочется представлять его субстанцией и держаться за него, как за соломинку. Может быть, это в надежде, что и я, когда кончусь, перестану быть точкой пересечения и начну наконец существовать — по крупинкам (крупинка стиховедческая, крупинка переводческая...), но существующим?

Тайна В 1570 папа Сикст отлучил от церкви Елизавету Английскую, но и Франция и

Испания искали с ней союза, буллу пришлось везти тайно и подбросить под дворцовую дверь, подбросившего нашли и казнили.

Традиция Набоков в 1932 называл Сашу Черного своим учителем.

Тлен М. П. Штокмар в молодости терпеливо и трудолюбиво переписывал несобранные газетные заметки Лескова — «ведь газетная бумага скоро истлеет», — и не думал, что его тетрадная бумага 1930-х гг. истлеет гораздо раньше.

Тривиальными (trivium) назывались начальные училища еще в Рус. вестнике 1902, 11.

Троянская война теория Л. Клейна: гиссарлыкское поселение — не Троя, потому что вокруг нет следов ахейского стана, а на холме остатков ахейских стрел. (Финли делал вывод, что Троя была, а войны не было.) Это все равно что раскопать Москву и сказать, что это не Москва, потому что слишком мало найдено наполеоновских ядер.

Терпимость «Агрессивная терпимость», выражение Моруа о Шелли.

Тост «Без женщин не было бы стихов, без стихов не было бы стиховедов, итак...» Нет, стиховедение уже выросло так, что может существовать уже и без стихов.

Ты и вы Пока Мирский с Сувчинским был на «вы», он писал «дорогой Петр Петрович», когда стал на «ты» — «дорогой Сувчинский».

Тышлер говорил: у него были четыре брата, первого повесил Слащев за большевистские листовки, второго махновцы (хотя при самом Махно состояли евреи), третьего расстрелял Сталин, четвертого сожгли немцы.

*И перьями приподнятая птица
Без трепета висит на высоте,
Откуда человеческие лица
Чуть видимы, как звезды на кресте.
А. П. [297]*

Ура «Иначе сказать: в Будущем объявлено благоденствие, а в Настоящем покуда: Ура-аа!!!» — Сухово-Кобылин, «Квартет».

Ура (В. Усп.) А. Я. Сыркин, византист, был единственным студентом, освобожденным от военного дела по особому распоряжению военной кафедры. Он сдавал зачет, ему сказали: вы командуете батальоном в окружении, спереди пехота, сзади танки, сбоку пушки, что вы будете делать? Он думает. «Пока вы думаете, треть вашего батальона погибла, налетают самолеты, что будете делать?» Он думает. Его трясут, он говорит «Я думаю, надо кричать ура». Эта фраза стала на факультете поговоркой.

Ультрацвета, ультразвук — давайте не забывать, что мы не чувствуем в мире того, что чувствует любой муравей.

Угол По телевизору передача: «Углы Достоевского», почему он жил в углах и писал об углах, углы как место отрицательного биополя и пр. Статистика показала, что да, у Д. углы упоминаются чаще, чем у Тургенева или Толстого, но у Гончарова, например, еще чаще. А пра(?)внук Д. сказал, что просто писатель был небогат, а угловые квартиры были дешевле. И кто-то добавил: улицы были короче и угловые здания чаще.

Указ («неискоренимая вера Петра I в творческую силу указа», писал Ключевский). «Все кажущееся непоправимым у других, говорит Кокорев, — легко исправляется у нас одним почерком пера: стоит лишь издать указ сидеть всем дома пять лет и есть щи с кашей, запивая квасом, и тогда финансы правительства и наши придут в цветущее состояние». Эти слова К., как

бы звучащие иронией, произнесены были с большим пафосом и полной серьезностью...» (П. Берлин, 152). См. ДЕНЬГИ ДЕРЕВЯННЫЕ.

Ум «У кого много ума, надо столько же ума, чтобы пользоваться им» — Л. Толстой у Маковицкого, ЛН 90, 3, 32. — Вариант: Ум-то ум, а дураку достался. — Мой шеф Ф. А. Петровский говорил наоборот: «Умный-то он умный, да ум у него дурак» — и настаивал, что в немецком языке вообще нет слова для понятия «умный». М. Е. Грабарь-Пассек загадочно улыбалась.

Умный «Когда государь говорит с умным человеком, — сказал Тютчев, — у него вид, как у ревматика на сквозняке» (Феокт.).

Учение И медведь костоправ, да самоучка (Даль).

Ученый совет Н. о нем сказала: «У людей дураки — полюбуешься каки, а у нас дураки — черт их знает каки!» [298]

«Он учится на гениального самородка», сказали о Н.

Уточнить «К нам в Пушкинский Дом прислали запрос из архива МИДа: уточнить дату рождения Горчакова, в июне или июле юбилей? У них самих — надежнейшие документы, но своему привыкли не верить». Так у Феофраста дурак, сложив сумму, спрашивает соседа: сколько же это будет?

*Страшный суд: страшнее всего
посмотреть в глаза всем воскресшим.
Саид Исфаганский*

Фаллос Опрос студенток о браке и семье (АиФ, 1996, к 8 марта): в муже ценят, во-первых, способность к заработку, во-вторых, взаимопонимание, в-третьих, сексуальную гармонию. Однако на вопрос, что такое фаллос, 57 % ответили — крымская резиденция Горбачева, 18 % — спутник Марса, 13 % — греческий народный танец, 9 % — бурые водоросли, из которых добывается иод 3 % ответили правильно.

Фас Бог фасы мне не дал, а дал мне только несколько профилей (Вяз., 20 февр. 1876). Выпустили избранный однотомика А. Эфроса, я подумал: лучше было бы переиздать «Профили» и приложить статьи следующих лет под названием «Фасы».

Факт «Подсудимый, признаете ли вы себя виновным в том, что 30 февраля с. г. на Лиговке имели с обдуманном намерением и умыслом продолжительный разговор о предметах, суду не известных? — Нет, не признаю! — мрачно отвечает тот. — Подсудимая, признаете ли вы... что в то самое время, когда Сидоров имел упомянутый разговор, вы, тоже с умыслом, находились на Галерной с целью покупки себе шерстяных чулков? — Та, срываясь с места, стремительно отвечает Да! при знаю! но я была в состоянии аффекта. (Или, после размышления: — В факте — да!)» (И. Ф. Горбунов).

Филология говорит, как вежливый француз: выберите любое непротиворечивое понимание текста, а если хотите выбрать правильное, то оно такое-то.

Философия и филология После встречи за круглым столом НЛО с философами обсуждали, не продолжить ли? взять текст, и пусть каждый напишет о нем, что считает нужным с точки зрения своей науки. Но какой текст? Я сказал: анонимный; но философы воспротивились — видимо, им нужно имя для априорной установки. Я сказал: обэриутский; тут воспротивились и те и другие, но почему-то не могли объяснить отчего.

Философия и филология В античности соревновались философия и риторика за высшее образование, а грамматика, среднее образование, тихо [299] сидела в стороне. Сейчас с нами,

грамматиками, под именем философии спорит не кто иной, как риторика: деструктивистская софистика без метафизики. Из этого, видимо, следует, что философия уже умерла. Филология — то ли умерла, то ли нет, а философия — уже бесспорно.

Философия и филология *«Ревнуйте о том, чтобы пророчествовать, но не запрещай говорить и языками» (1 Кор. 14–39). «Ибо когда я молюсь на незнакомом языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (14–14).* А христианство в это время для многих молящихся было еще очень незнакомым языком.

Ферзь «Фирс на доске был царь, а конь был господин» в басне Хвостова.

Хронотоп — лимерик И. Оказова с правкой С. Ав. (ср. ЦЕННОСТЕЙ СИСТЕМА):

Раз один человек в Конотопе
Оказался в чужом хронотопе,
Но на то несмотря,
Под конец ноября
Он утоп во всемирном потопе.

Хронотоп — это пространственно-временной континуум по формуле: «рыть канаву от забора до обеда».

Хвост

Приличен каждый зверь, носящий сзади хвост,
Затем, что он умен, а между прочим прост.
(А. А. Фет, 512)

Хитрость Суворов говорил: тот не хитер, о ком все говорят хитер. — Подтекст — вопрос Александра Великого голым мудрецам, см. САМЫЙ.

Христианство Когда военнопоселенский архитектор попросил выплатить ему жалованье договорное, а не урезанное, Аракчеев сказал ему: брось ты эту вольтеровщину и будь истинным христианином (Кизев., ИО, 334).

Царь спросил Шаляпина, почему басов любят меньше, чем теноров. «Поем либо монахов, либо дьяволов, либо царей — разве сравнишь?» Царь подергал бородку: «Да, какие-то роли неинтересные» (Седых, 147).

Цевница «По струнам цевницы святой Смычком Аполлон ударяет, И светлые песни сменяет Тоскливый напев гробовой» — И. Анненский, пер. «Геракла», 349 сл. («Цевница, свирель, сопель» Академич. словарь). А Зелинский еще роптал на «по сердцу и [300] мыслям провел ты мне скорби тяжелым смычком», потому что у греков не было смычков! «Вот и товарищ тебе, Мандельш там...» итд.

Ценность АиФ, 1995, 36, отзывы детей о политиках: «Ельцин и плохой и хороший: плохой, потому что Чечню разбомбил, хороший, потому что нас не разбомбил».

Ценность Ахматова Блока ценила «за Тютчевым», а Гумилева «около Дельвига» (Лукн., 300).

Ценность Когда я говорю «Это 4-ст. ямб», я — ученый, когда говорю «Этот ямб хороший», я — изучаемый.

Цель М. Кузмин, «Стружки» (Рос, 1925, 5, 166): на митинге солдат говорил: «Если с немцем не драться, то что же с ним делать?» — а зачем с немцем нужно что-нибудь делать,

никому не известно. «Многие заботы об искусстве, его природе и назначении напоминают этого солдата».

Цитата В анекдоте дама недовольна «Гамлетом»: «общеизвестные цитаты, сшитые на живую нитку!» Собственно, каждый человек есть связка цитат, и у меня только перетерлась нитка, на которую они нанизаны. По-марксистски это называется: точка пересечения социальных отношений. См. ЛИЧНОСТЬ.

«Цнотхим» была вывеска на доме в Старосадском переулке; cnota по-польски значит «добродетель».

Кому роскошь дорога, а не мила цнота,
Перед тыми накажи зачинить ворота.
(«Плутархус» Герасима Смотрицкого)

«Цынцырны — цынцырны — цынцырны — цыцы», — изображает Блок бредовую мазурку в проекте варшавской главы «Возмездия». Это звукоподражание — от любимого им Полонского, «...И цынцырны стрекотанье...» («Ночь в Крыму», с примеч. «татарское слово то же, что и цикада»).

Человек — это мыслящий тростник, а НН — это чувствующий гранит.

Четверг считался недобрым днем по созвучию с червем и добрым по созвучию с верхом (С. М. Толстая).

Чичиков и Манилов В Китае, когда двое пропускают друг друга в дверь, третьей репликой следует сказать: «подчинение выше уважения» — и пройти (Слышано от В. М. Солнцева. Б. Рифтин сказал: «Может быть, так было в эпоху вежливости, но не сейчас»). [301]

Чувство Г. Уолпол говорил: мир — это комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует. «Думай за себя, чувствуй за других» — кажется, это Хаусмен?

Чувство Есенина водили в ночлежку (чтобы вправду было: «я читаю стихи проституткам...»), он изо всех сил читал стихи, слушали его прохладно, только одна женщина плакала навзрыд. Когда уходили, он подошел, заговорил, она не ответила: оказалось — глухая (Эрлих, 67).

Чувство «Очень чувствительна и очень бесчувственна», — сказала дочь о NN.

Чужое слово Если я в газетной заметке возьму каждое слово в кавычки — она обретет фантастическую глубину: почти Андрей Белый. Кавычки — знак безответственности (как и тире).

Чтение «Ты хочешь читать в его душе слишком уж мелкий шрифт».

Чтение «Для души читаю историю права земельной собственности, а для науки — Софокла». Ремизов у Кодр., 228. — «Много читающих, мало читателей» — Мережк., Было и будет, 328.

Что и о чем По радио на Пасху читают стихи Набокова о Марии — «...что, если этих слез Не стоит это Воскресенье?» Стихотворение — антихристианское, но, видимо, опять важнее, о чем говорится, чем что говорится. Так когда-то прославлением революции считалось вступление Пастернака к «905 году», кончавшееся «ты бежишь не одних толстосумов — все ничтожное мерзко тебе».

Щель «Не посочувствовать ли человеку в футляре, который прячется в мир, где есть хотя бы слово anthropos, человек?» спросил А. Л. Ренанский.

Что знает волна о море?

Э Буква Э была приметою иностранных слов, писали Эва и Эврипид, но «Етот»; еще Грот жаловался на јеканье от иных написаний. Теперь, кажется, наоборот Е от церковных написаний (в словах, пришедших еще до изобретения буквы Э) кажется престижнее: Ефес, Елевсин выше, чем Эфес, Элевсин. Ср. ПРЕСТИЖ.

Э Для Северянина это был еще знак иностранной элегантности: он писал «шоффэр» и «грезэрка», и даже французское написание Embassadeur рифмовал с русским «пример». За ним [302] последовала Цветаева: написав имя Lausun по-русски «Лозэн», она стала по аналогии писать «Антуанэтта», «Розанэтта», а само это имя рифмовать с «измен» и даже с «Reine».

Эпиграф Композитор Гаджиев написал сочинение, переписав Шостаковича и лишь орнаментировав на восточный лад. Это заметили, встало дело о плагиате, он поспешил к Ш. и принес записку: «Подтверждаю, что сочинение Г. не имеет с моим ничего общего» — Шостакович, чтобы отстали, подписывал всё. Эту записку надо бы печатать эпиграфом при сочинении Гаджиева, но где она — сейчас неизвестно.

Экология «Если ты хочешь, чтобы курица неслась, терпи ее кудахтанье», англ. поговорка.

Эколог с Алтая сказал по радио: сам народ сознает экологический кризис и сложил, например, современную экологическую частушку: Маленькая рыбка, жареный карась, где твоя улыбка, что была вчерась?

Экзигзаг предпочитал говорить в детстве И. С. Ефимов, оттого что трехсложное слово лучше передавало изломанность («Об иск. и худож.», 1977, 68).

Эдип версии его смерти: по FGrH, он был сыном Гелиоса и погиб на поле брани. (А может быть, его убили разбойники? спросил И. О. — Может быть, это у них наследственное?) С. А. говорил, что разноречия в евангелиях лучше всего свидетельствуют об историчности Христа: если бы его выдумывали, то постарались бы свести концы с концами. Ср. ПРОГРЕСС.

«Энтропическая доброта В. Соловьева — как будто он обогревал собою очень большую комнату, в которую мог войти всякий, даже Величко» (Е. Р.).

Экономика Ремизов «народные говоры и допетровскую письменность превратил в колонию, в источник сырья для футуристической промышленности» (Н. Ульянов, ЕжРО, 1990, 277).

Экономика (На редсовете РГГУ). «Две самые высокооплачиваемые женские профессии — путана и печатница; первая дешевет из-за избыточного предложения, вторая дорожает из-за недостаточного; а начальство этого не понимает и удивляется расходам».

Этажерка Разговор, когда российскую делегацию везли — целым контейнером — на пушкинскую конференцию в Мэдисон: «Вы летали на этажерках? я летала — из Горького в Болдино; перед глазами — ноги пилота, тряска вверх и вниз, сосед сказал: как в телеге по небу едешь». [303]

Эволюция О. Форш рассказывала о докторе Шапиро, который считал: Бога еще нет, есть дьявол, медленно эволюционирующий в Бога (А. Штейнб., 190).

Юмор В одном издательстве меня попросили написать, что я еще переводил: вдруг можно будет переиздать? Увидев в списке «Поэзию вагантов», удивились: «Так у вас есть и чувство юмора?» — «Нет», сказал я: см. ГЛАВНЫЕ ВЕЩИ. — Б. Усп. сказал: есть языки комические и некомические: комичен английский и китайский, из-за обилия омонимов, и русский, из-за обилия синонимов, русских и церковнославянских; а французский не комичен, он афористичен.

Язычество Поливанов сказал Жолковскому: вы живете в Америке, для вас заборная

эротика — экзотическое эстетство («нам, татарам, все равно»), а для нас малопривлекательная повседневность, поэтому нам она противна. Так каролингские поэты были подозрительны к светлому античному язычеству, потому что рядом с ними было темное саксонское язычество.

Ять Говорят, что готовится конференция по восстановлению этой буквы: некоторые считают, что развал культуры пошел от облегченного образования. Может быть, нужна кампания по возрождению (скажем, 50 %-ной) неграмотности? с восстановлением юсов большого и малого?

Я Илл. Вас. Васильчикова назначили председателем Государственного совета. «Всю ночь не мог заснуть: до чего мы дожили! на такую должность лучше меня никого не нашли» (Соллогуб, 158).

Яйца «Требуют, чтобы мы несли золотые яйца только затем, чтобы нас тотчас резали».

Ясность «Таким образом, этот вопрос совершенно ясен, что говорит о его недостаточной изученности».

Ясность

Ясно будешь писать — стихи твои лучше не станут,
Будешь писать темно — тоже не станут, учти!
(Рафаэль Альберта)

«Зачем блюду торопиться к ужину?»
(Письма С. Кржижановского) [304]

Первый шедевр в вашей жизни? Что это было? Кто сказал, что это шедевр? Или это собственное — сразу — восприятие? Или титул присвоен позже?

Из анкеты

Вначале было имя. Взрослые разговаривали и упоминали Евгения Онегина, Пиковую Даму, Анну Каренину, Чарли Чаплина, причем ясно было, что это были не их знакомые, а персонажи из другого, тайного их мира, для детей закрытого. Ит вопросов они отмахивались — некогда и слишком сложно. Чтобы проникнуть в их мир, нужно было запомнить и разгадать имена.

Имя Пушкина не произносилось — оно как бы самоподразумевалось. Когда я в пять лет спросил бабушку: «А кто такой Пушкин?», она изумилась: «Как, ты не знаешь Пушкина?» Через месяц я твердил сказки Пушкина наизусть вслух с утра до вечера. А через год началась война. Случилось чудо: в эвакуационном поселке, где вовсе нечего было читать, оказался старый растрепанный однотомник Пушкина. Стихи были непонятны, но завораживающи. Я ходил по бурьянным улицам и пел: «Скажите: кто меж вами купит ценою жизни ночь мою?» Что это значило, было неважно. Потом я много страдал от этой привычки: из-за звуков ускользал смысл. («И слово только шум, когда фонетика — служанка серафима»). Уже подростком, уже много лет зная наизусть тютчевское «как демоны глухонемые, ведут беседу меж собой», я вдруг понял зрительный смысл этой картины — ночные вспышки безмолвных красных зарниц. Это было почти потрясение.

Мне повезло: в том же дошкольном возрасте мне нанедолго попался в руки другой том Пушкина, из полного собрания, с недописанными набросками: «[Колокольчик небывалый У меня звенит в ушах,] На — — заре алой [Серебрится] снежный прах...» Я увидел, что стихи не рождаются такими законченно-мраморными, какими кажутся, что они сочиняются постепенно и с трудом. Наверное, поэтому я стал филологом. Если бы мне случилось хоть раз увидеть, как художник работает над картиной или рисунком и в какой последовательности из ничего возникает что-то, может быть, я лучше понимал бы искусство.

Я рос в доме, где не было даже «Анны Карениной». Тютчева, Фета, Блока я читал по книгам, взятым у знакомых, почти как урок скажем, по полчаса утром перед школой. Они не давались, но я продолжал искать в них те тайные слова, которые делали их паролем взрослого мира. У знакомых же оказалась Большая советская энциклопедия, первое издание с красными корешками. Там были картинки-репродукции, но странные: угловатые, грязноватые, страшноватые, не похожие на картинки из детских книжек. Взрослые ничего сказать не могли: видно, это был пропуск в какой-то следующий, еще более узкий круг их мира. Статьи «Декадентство» и «Символизм» тоже были непонятны, хотя имен там было много. Некоторые удавалось выследить. Четыре потрясения я помню на этом пути, четыре ощущения «неужели это возможно?!» — Брюсов, Белый (книжечка 1940 г. с главой из «Первого свидания»), Северянин, Хлебников. Брюсова я до сих пор люблю вопреки моде, [305] Северянина не люблю, Хлебников не вмещается ни в какую любовь, — но это уже не важно.

Моя мать прирабатывала перепечаткой на машинке. Для кого-то она, вместо технических рукописей, перепечатывала Цветаеву — оригинал долго лежал у нее на столе. (Как я теперь понимаю, это был список невышедшего сборника 1940 г — бережно переплетенный в ужасающий синий шелк с вышитыми цветочками, как на диванных подушках.) Я его читал и перечитывал: сперва с удивлением и неприязнью, потом все больше привыкая и втягиваясь. Кто такая была Цветаева, я не знал, да и мать, быть может, не знала. Только теперь я понимаю, какая

это была удача — прочитать стихи Цветаевой, а потом Мандельштама (по рыжей книжечке 1928 г.), ничего не зная об авторах. Теперешние читатели сперва получают миф о Цветаевой, а потом уже, как необязательное приложение, ее стихи.

«Вратами своей учености» Ломоносов называл грамматику Смотрицкого, арифметику Магницкого и псалтирь Симеона Полоцкого. Врата нашей детской учености были разными и порой странными: кроссворды (драматург из 8 букв?), викторины с ответами (Фадеев — это «Разгром», а Федин — «Города и годы»), игра «Квартет», в которой нужно было набрать по четыре карточки с названиями четырех произведений одного автора. Для Достоевского это были «Идиот», «Бесы», «Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные». Я так и остался при тайном чувстве, что это — главное, а «Братья Карамазовы» — так, с боку припеку. Мне повезло: школьные учебники истории я прочитал еще до школы с ее обязательным отвращением. В разделах мелким шрифтом там шла культура, иногда даже с портретами: Эсхил-Софокл-Еврипид, Вергилий-Гораций-Овидий. Данте-Петрарка-Боккаччо, Леонардо-Микельанджело-Рафаэль («воплотил чарующую красоту материнства», было сказано, чтобы не называть Мадонну), Рабле-Шекспир-Сервантес, Корнель-Расин-Мольер, Ли Бо и Ду Фу. Я запоминал эти имена как заклинания, через них шли пути к миру взрослых. Может быть, я не рвался бы так в этот мир, если бы мог довольствоваться тем, что сейчас называется детская и подростковая субкультура; но по разным причинам я чувствовал себя в ней неуютно.

Мы жили в Замоскворечье; Третьяковка, только что из эвакуации, была в четверти часа ходьбы. Я ходил туда каждое воскресенье, знал имена, названия и залы наизусть. Но смотреть картины никто меня не учил — только школьные учебники с заданиями «расскажите, что вы видите на этой картинке». Теперь я понимаю, что даже от таких заданий можно было вести ученика к описательскому искусству Дидро и Фромантена. Потом, взрослым, теряясь в Эрмитаже, я сам давал себе задания в духе «Салонов» Дидро, но было поздно. Краски я воспринимал плохо, у меня сдвинуто цветовое зрение. Улавливать композицию было легче. В книгах о художниках среди расплывчатых эмоциональных фраз попадались беглые, но понятные мне слова, как построена картина, как сбегаются диагонали в композиционный центр или как передается движение. Я выклеивал эти зерна и старался свести обрывки узнанного во что-то связное. Иногда это удавалось. У меня уже были дети, у знакомых были дети, подруга-учительница привозила из провинции свой класс, я водил их по Третьяковке и Музею изобразительных искусств, стараясь говорить о том, что только что перестало быть непонятным мне самому. Меня останавливали: «Вы не экскурсовод!», я отвечал: «Это я со своими знакомыми». Кто-то запоздавший сказал, что старушка-сторожиха в суриковском зале сказала: «Хорошо говорил», я вспоминаю об этом с гордостью. Теперь я забыл все, что знал. [306]

Старый русский футурист Сергей Бобров, у которого я бывал десять лет, чтобы просветить меня, листал цветные альбомы швейцарской печати, время от времени восклицая «а как выписана эта деталька!» или «какой кусок живописи!» (Эти слова меня всегда пугали, они как бы подразумевали то тайное знание живописи, до которого мне так далеко.) Из его бесед невозможно было вынести никаких зерен в амбар памяти, но когда я в позднем метро возвращался от него домой, то на все лица смотрел как будто промытыми глазами.

С музыкой было хуже. Я патологически глух, в конце музыкальной фразы не помню ее начала, ни одной вещи не могу отличить от другой. (Кроме «Болеро» Ра веля.) Только из такого состояния я мог задать Боброву отчаянный вопрос: а в чем, собственно, разница между Моцартом и Бетховеном? Бобров, подумав, сказал: «Помните, у Мольера мещанину во дворянстве объясняют, как писать любовные письма? Ну так вот, Моцарт пишет: «Ваши прекрасные глазки заставляют меня умирать от любви; от любви прекрасные ваши глазки умирать меня заставляют, заставляют глазки ваши прекрасные...» итд. А Бетховен пишет:

«Ваши прекрасные глазки заставляют меня умирать от любви — той любви, которая охватывает все мое существо, — охватывает так, что...» итд.» Я подумал: если бы мне это сказали в семь лет, а не в двадцать семь, то мои отношения с музыкой, может быть, сложились бы иначе. Впрочем, когда я рассказал этот случай одной музыковедше, она сказала: «Может быть, лучше так: Моцарт едет вдаль в карете и посматривает то направо, то налево, а Бетховен уже приехал и разом окидывает взглядом весь минованный путь». Я об этом к тому, что даже со слепыми и глухими можно говорить о красках и о звуках, нужно только найти язык

Когда мне было десять лет и только что кончилась война, мать разбудила меня ночью и сказала: «Слушай: это по радио концерт Вилли Ферреро, «Полет валькирий» Вагнера, всю войну у нас его не исполняли». Я ничего не запомнил, но, наверное, будить меня ночью тоже стоило бы чаще.

Книги о композиторах были еще более расплывчато-эмоциональны, чем книги о живописцах. Я пытался втащить себя в музыку без путеводителя и без руководителя: два сезона брал по два абонементов на концерты, слушал лучших исполнителей той сорокалетней давности. Но только один раз я почувствовал что-то, чего не чувствовал ни до, ни после: как будто что-то мгновенно просияло в сознании, и словам не поддается. Играл Рихтер, поэтому никаких выводов отсюда не следует.

Слово, живопись в репродукциях, музыку на пластинках — их можно учиться воспринимать наедине с собой. Театр — нельзя. Я застенчив, в театральной толпе, блеске, шуме мне тяжело. Первым спектаклем, который я видел, были «Проделки Скапена»: ярко, гулко, вихрем, взлетом, стремительно, блистательно (у артистки фамилия Гиацинтова, разве такие в жизни бывают?) — я настолько чувствовал, что мне здесь не место, что, вернувшись домой, забился в угол и плакал весь вечер. Я так и не свыкся с театром: когда я видел незнакомую пьесу, то не успевал понимать действие, когда знакомую — оказывалось, что я заранее так ясно представляю ее себе внутренне, что мне трудно переключиться на то, что сделал режиссер. Потом меня спрашивали: «Почему вы не ходите в театры?» Я отвечал: «Быть театральным зрителем — это тоже профессия, и на нее мне не хватило сил».

То же и кино: действие идет быстро, если за чем-нибудь не уследишь — уже нельзя перевернуть несколько страниц назад, чтобы поправить память. Мне жалко моей невосприимчивости: мы росли в те годы, когда на экранах сплошь шли трофейные фильмы из Германии с измененными названиями и без имен: бросовая [307] продукция пополам с золотым фондом. Если бы было кому подсказать, что есть что, можно было бы многому научиться. Но подсказать было некому. Был фильм «Сети шпионажа», из которого я на всю жизнь запомнил несколько случайных кадров — оказалось, что это «Гибралтар» самого Штернберга. И был югославский фильм «Н-8» (я даже не знаю, «аш-восемь» или «эн-восемь»), ни в каких известных мне книжках не упоминавшийся, но почему-то врезавшийся в память так, что хочется сказать ему спасибо. Чтобы стать профессиональным кинозрителем, нужно просматривать фильмы по нескольку раз (а на это не у всякого есть время) или иметь в руках программку: сюжет такой-то, эпизоды такие-то, обратите внимание на такие-то кадры и приемы. Когда кино начиналось, это было делом обычным, а теперь против этого, наверное, будут протестовать так же, как протестуют против десятистраничных дайджестов мировой литературы. Я читал книги по кино, старался смотреть со смыслом: следить за сменой и длительностью кадров, за направлением движения. Это не приносило удовольствия. И сейчас, когда я сижу перед Гринуэем или Фассбиндером в телевизоре, я вижу просто смену картинок, где за любой одной может последовать любая другая, и героиня с равной вероятностью может вот сейчас и поцеловать героя, и ударить его. Никому не пожелаю такого удовольствия, но для меня оно не меньше, чем для гоголевского Петрушки.

По музеям, по книгам с репродукциями, по кино я шел с торопливой оглядкой: сейчас я не приготовлен, чтобы воспринять, чтобы понять эту вещь, — вот потом, когда будут время и возможности, то непременно... А так как на все вещи заведомо не хватит времени и возможностей, то сейчас главное — отделить большое от малого (в музеях часто — буквально, по формату), важное от неважного, знаменитое от безвестного, и реже всего — понравившееся от непонравившегося. (Потому что чего стоит мое невежественное «понравилось»?) Разложить по полочкам, иерархизировать, структурировать, как говорят мои товарищи. А там — вникнуть, когда время будет. Что считается (как мне, по счастью, подсказали) знаменитым и общепризнанным, то я буду одолевать, не жалея усилий: «Эта книга тебе не нравится? а нравишься ли ты сам этой книге? Это важнее». И через несколько лет перечитывания (по каждому стиховедческому поводу) мне, наконец, понравится скучный Фет, а через несколько страниц внимательного французского вчитывания (без начала и конца, тоже по лингвистическому поводу) понравится хаотический Бальзак, а когда-то в невидимом будущем, может быть, понравится и удушающий Пруст.

Я уже филолог, словесность — моя специальность. И тут — парадокс! — я теряю право на всякое «нравится», на всякий голос вкуса. Я могу и должен описать, как построена вот эта поэма, из каких тонких элементов и каким сложным образом она организована, но мое личное отношение к ней я должен исключить. «Если для вас Эсхил дороже Манилия, вы — не настоящий филолог», говорил А. Э. Хаусмен, английский поэт и сам филолог, больше всего любивший Эсхила, но жизнь посвятивший именно всеми забытому Манилию. Если у меня перехватывает горло там, где у Овидия Икар начинает падать в море, то я должен сказать: вот они легко летят над морем и островами, и об этом сказано легкой и плавной стихотворной строчкой, а вот следующая, через запятую, «...но вот мальчик начинает чересчур радоваться удачному полету», и она уже полна ритмических перебоев — как в авиамоторе, — предвещающих близкую катастрофу. Если вы талантливый педагог, то ваши слушатели почувствуют то же, что и вы. Это трудно: академик Виноградов вспоминал, как профессор Зелинский, лучший и красноречивейший русский античник начала века, плакал перед студентами оттого, что не мог найти слов описать те [308] особенности стиля Горация, которые трогали его сердце. А ограничиться словами «это хорошо», «это прекрасно», «это гениально» он, как профессионал, не имел права. Как специалист я не имею права на восторг, как человек — конечно, имею: нужно только твердо знать, от чьего лица ты сейчас говоришь.

Такова справедливость. Мы выбираем себе специальность и в этой специальности поверяем алгеброй гармонию: ботаник объясняет строение цветка, геолог — горного кряжа, филолог — стихотворения, и никто из них не скажет о своем предмете «красиво», хотя каждый это чувствует (а если анализ мешает ему это чувствовать, то лучше ему выбрать другую специальность). За это ботаник получает право спокойно и бездумно сказать «красиво» о горном кряже, а геолог — о стихотворении, а филолог о картине, здании, спектакле или фильме. «Бездумно», то есть полагаясь на свой вкус. Некоторые думают, что вкус — это дар природы, одинаков у всех, а кто чувствует иначе, тот заблуждается. Другие думают, что вкус нам подсказывает (если хотите — навязывает) общество, а какими тонкими способами — мы и сами обычно не сознаем. Я тоже так считаю; поэтому я и решил рассказать эти воспоминания о том, как складывался мой вкус и мое безвкусие.

Выполняла ли ваша углубленность в античность роль заслона от маразма советской (и, наверно, не только советской) действительности?

Из анкеты

Дети любят заумные слова, а потом взрослые их от этого отучивают. Мне удалось сохранить эту любовь почти до старости. До сих пор помню юмористический рассказ про индейца, которого звали Угобичибугочибипаупаукиписвискививичинбул, что будто бы значило «маленькая ящерица, сидящая на сухом дереве, с хвостом, свешивающимся до земли». (Так Крученых приводил на пушкинскую заумь примеры из «Джона Теннера».) Я полюбил историю и географию, потому что в них было много заумных имен и названий. В географии — главным образом в экзотических странах. В истории — главным образом в древности и в средние века. Мне повезло прочитать школьные, а потом университетские учебники раньше, чем по ним пришлось учиться, и они звучали как музыка. Но лишь пока не начиналась история нового времени: в ней почему-то имена исчезали, а оставались сословия, классы и партии. Поэтому древность была интереснее. Мне еще раз повезло: в доме у моего товарища было много книг античных авторов в русских переводах, и к концу школы я успел их прочесть и полюбить. Когда я кончал школу, то твердо знал, что хочу изучать античность: в нее можно было спрятаться от современности. Я только колебался, идти ли мне на исторический факультет или на филологический. Я пошел на филологический, рассудив: на филологическом легче научиться истории, чем на историческом — филологии. Оказалось, что я рассудил правильно.

Сейчас классическое отделение на филфаке МГУ — одно из самых престижных. В 1952 году, наоборот, туда загоняли силою. Сталин под конец жизни захотел наряду со многим прочим возродить классические гимназии: ввел отдельное обра[309]зование и школьную форму, а потом стал вводить латинский язык. Для этого нужно было очень много латинских учителей, их должны были дать классические отделения, а на классические отделения никто не шел: молодые люди рвались ближе к жизни. Поэтому тем, кто не набрал проходной балл на русское или романо-германское отделение, говорили: или забирайте документы, или зачисляйтесь на классическое. На первом курсе набралось 25 человек, из них по доброй воле — двое; как все остальные ненавидели свою античную специальность, объяснять не надо. Прошло три года, Сталин умер, стало ясно, что классических гимназий не будет, и деканат нехотя предложил: пусть, кто хочет, переходит на русское, им даже дадут лишний год, чтобы доедать предметы русской программы. Перешла только половина; 12 человек остались на классическом до конца, хорошо понимая, что с работой им будет трудно. Это значит, что на классическом отделении были очень хорошие преподаватели: они учили так, что люди стали любить ненавистную античность.

Хорошие — не значит главные или славные. Заведующим кафедрой был Н. Ф. Дератани — партийный человек, высокий, сухой, выцветший, скучный; когда-то перед революцией он даже напечатал диссертацию об Овидии на латинском языке, где вместо in Tristibus всюду было написано in Tristiis. Он уже был нарицательным именем: «Дератани» называлась хрестоматия по античной литературе, по которой учились 40 лет. Самым популярным был С. И. Радциг — белоснежная голова над черным пиджаком, розовое лицо, сутулые плечи и гулкий голос, которым он пел над замороженным первым курсом всех отделений строчки Гомера по-гречески и пересказы всего остального: он читал общий курс античной литературы, и когда учившиеся на филфаке при встрече обменивались воспоминаниями, то паролем было: «А Радциг!..» Но

глубже, чем для первого курса, он не рассказывал никогда и ничего. Больше всего мне дали преподаватели языков. Греческий нашей группе преподавал А. Н. Попов (тоже нарицательный: «Попов и Шендяпин» назывался учебник латинского языка), латынь — К. Ф. Мейер. Попов — круглый, быстрый, с седой бородкой, с острой указкой, ни на секунду не дававший отвлечься, — был особенно хорош, когда изредка отвлекался сам: прижимуривал глаза и диктовал для перевода на греческий стихи А. К. Толстого (условные предложения: «И если б — курган-твой-высокий — сравнялся бы! с полем пустым — то сла-ава, разлившись-далеко-была-бы-курганом-твоим») или приводил примеры из семантики по Бреалю своей молодости («по-русски «клеветать» — от «клевать», а по-гречески «диабаллейн» — «разбрасывать» худую молву, отсюда — сам «диавол»-клеветник»). Я бывал у него и после университета — это было еще интереснее. Мейер, медленный и твердый, с больной ногой, тяжело опиравшийся на палку с белым горбуном на головке, не отвлекался никогда; но латинские правила выстраивались у него в такие логические батальоны, что следить за ними было интереснее, чем за любыми отвлечениями. Все они были дореволюционной формации, все они пересаживали двадцать пореволюционных лет, как могли: Дератани писал предисловия к античным книжкам «Академии» (выводя всех поэтов из товарно-денежных отношений, это было как заклинание), Попов, кажется, работал юрисконсультom, Мейер преподавал математику в артиллерийском училище. Когда перед войной филологию возобновили и С. И. Соболевский стал собирать преподавателей, Мейер сказал было: «Да мы, наверное, все забыли...», но Соболевский ответил: «Не так мы вас учили, чтобы за какие-то двадцать лет все забыть!» — и Мейер смолк. [310]

С нами им было скучно: кончали мы приблизительно с такими же знаниями, с какими дореволюционный гимназист кончал гимназию. Я учился плохо: рано понял, что литературоведение мне интереснее лингвистики, а латинская литература интереснее греческой, и сосредоточился только на ней. Это потому, что у меня нет способности к языкам, и латинский язык мне давался легче, чем греческий, — как и всякому. (Старый А. И. Доватур говорил: латинский язык выучить можно, а греческий нельзя, потому что это не один язык, а много: в разных жанрах, диалектах, эпохах итд.). По-латыни я рано стал, сверх университетских заданий, читать неурочные тексты, а по-гречески это не получалось. По-латыни научился читать без словаря, по-гречески — только со словарем. (Однажды Р. Д. Тименчик попросил меня перевести записку А. Волынского к И. Анненскому на греческом языке: они побранились в редакции «Аполлона», и на следующий день Волынский написал Анненскому, что просит прощения за сказанное, однако все-таки лучше бы Анненский сидел со своим Еврипидом и не вмешивался в современное искусство. Лишь переведа до конца, я понял, что переводил не с древнегреческого, а с новогреческой кафаревусы — видимо, Волынский научился ей в Константинополе и на Афоне.) Потом я много переводил и с латинского, и с греческого, но с греческого всегда неуверенно и всегда сверяясь с английским или французским параллельным переводом. Когда кончал большой греческий перевод, то с удовольствием чувствовал: ну, на этой работе я наконец-то выучил язык. Но проходило несколько месяцев, усвоенное выветривалось, и за новый перевод я опять брался как будто от нуля. С латинским языком этого не было.

Что такое наука, наши учителя не задумывались: по здоровой инерции, для них это было то, с чем они расстались в 1914 г., без всяких изменений. От всего, о чем разговаривали на других кафедрах, они отгораживались — тоже из чувства очень здорового самосохранения. Только однажды худенький седой А. С. Ахманов, рассказывавший нам историю греческой философии, мимоходом бросил: «Прежде чем спорить, что такое реализм, нужно договориться, что такое res». (В 1955 г. В. Звегинцев, читая нам, второсортным, — славистам, восточникам, античникам — краткий курс общей лингвистики, сказал: «По такому-то вопросу такие-то думают так-то, такие-то так-то, а общего мнения нет». Это было ошеломляюще: до того нам с кафедры

объявлялись только истины в последней инстанции.) Есть библиографический ежегодник, без которого не может существовать античник, «L'Annee philologique» — за пять лет мы не слышали о нем ни разу, я открыл его существование из случайной сноски в какой-то книге. Я учился только по книгам; потом объяснял молодым студентам: «Университет — это пять лет самообразования на государственный счет, с некоторыми помехами, вроде посещения лекций, но преодолимыми». «У кого учились?» быстро спросил меня недавно один поэт, имея в виду, конечно, не только классическую филологию. «У книг», — ответил я. «А-а, подкидывш!» — воскликнул он с видимой радостью. Я согласился. Перемены на классической кафедре начались уже после нас — когда сперва там стал студентом Аверинцев, а потом стала заведующей Тахо-Годи. «Когда К. П. Полонская вслед за Аверинцевым вместо «новая комедия» стала говорить «пеа», мы поняли, что началась другая эпоха», — сказала мне Т. В.

Страшно подумать, первую работу на втором курсе я написал, по-нынешнему выражаясь, о структурных аналогиях комедий Аристофана и «Мистерии-буфф» Маяковского — зная Аристофана, разумеется, только по переводам. Потом, опамятававшись, я занялся выискиванием политических намеков в литературных сатирах [311] и посланиях Горация — это советская филология приучила нас к тому, что главное в литературе — это общественная борьба. Попутно я разобрал композицию этих стихотворений и на всю жизнь усвоил, что нет такого хаоса, в котором при желании нельзя было бы выследить блистательный порядок. Этими разборами я и стал потом заниматься; посторонние называли это структурализмом. Видимо, это детскую страсть к заумным звукам (*поллоймен клетой, олигой д'электкой!* — званый, но не избранный, это я) я отрабатывал сочинением сухих всеохватных композиционных схем.

После университета я служил тридцать лет и три года в Институте мировой литературы, в античном секторе. Нас было десять человек, мы писали коллективные труды, потому что монографии не поощрялись: в монографию легче проскользнуть чему-нибудь оригинальному и нестандартному. «Коллективный труд» — это значит: мучительно придумывалась общая тема, потом каждый писал о ней на привычном ему материале, а тот материал, с которым никому не хотелось связываться, приходилось брать мне. Книга по античной литературе без упоминания о греческой трагедии выглядела бы неприлично — пришлось написать о сюжетосложении трагедии, которой я никогда не занимался (разумеется, перечитав 33 трагедии больше по переводам, чем по подлинникам). Жаль, что не случилось так же написать о сюжетосложении комедии — это было бы интереснее. У В. Шкловского есть книжка случайных статей «Поденщина», где он пишет, что время умнее нас, и поденщина, которую нам заказывают, бывает важнее, чем шедевры, о которых мы только мечтаем. Я тоже так думаю.

Мой шеф по античному сектору ИМЛИ, Федор Александрович Петровский (Дератани когда-то выжил его из университета) был очень хороший переводчик. «Ему повезло в 1930-х попасть в архангельскую ссылку, — говорила М. Е. Грабарь-Пассек, — без этого уединения он никогда бы не перевел своего Лукреция». Когда нужно было составлять личный план работы на следующий год, он говорил: «Я — как Акакий Акакиевич: ему предлагали повышение, а он говорил: «мне бы лучше что-нибудь переписать»; так и я: мне бы лучше чего-нибудь перевести». Я умею писать стихи, но писать мне не о чем, поэтому я тоже стал переводчиком. Переводя, читаешь текст внимательнее всего: переводы научили меня античности больше, чем что-нибудь иное. Интереснее всего было переводить тех, с кем я меньше всего чувствовал внутреннего сродства, — оды Пиндара, «Науку любви» Овидия: это как будто расширяло душевный опыт.

При переводах были научно-популярные вступительные статьи и комментарии. Я рос на античных переводах со статьями и комментариями Ф. Ф. Зелинского и старался отрабатывать то удовольствие, которое когда-то получил от них. («А я с Зелинским сидел рядом в варшавском бомбоубежище в 1939-м, — сказал Ю. Г. Кон из Петрозаводской консерватории, один из самых

светлых людей и умных собеседников, каких я встречал. — Он тряс седой головой, смотрел сумасшедшими глазами и прижимал к груди рукописи». Кон был официально признанным покойником: в 1939-м он ушел от немцев пешком на восток, в 1941-м его с остальными повезли в Сибирь, он был в таком виде, что для облегчения эшелона его на каком-то полустанке записали покойником и выгрузили, но он чудом отлежался, дошел до Ташкента, там доучился, стал преподавать, а потом перебрался в Петрозаводск.) Я хорошо помню, как я рос, какие книги читал, чего мне не хватало, и я старался дать новым читателям именно то, чего мне не хватало. Разумеется, статьи мои были компилятивные: чтобы донести до русского читателя как можно больше из того, до чего додумалась западная филология насчет Горация или Вергилия. Тот же Зелинский когда-[312]то написал про позднюю античность: «В предчувствии наступающих темных веков она словно торопилась упаковать самое необходимое свое добро в удобосохраняемые компендии, вроде Марциана Капеллы или Исидора Севильского». Точно так же и я старался покрепче логически связать обрывки прочитанного и потуже их умять в полтора листа вступительной статьи к очередному античному автору. Потом иногда с удивлением приходилось слышать: «Какие у вас оригинальные мысли!» Вероятно, они появлялись сами собой от переупаковки чужого.

Комментарии тоже были компилятивные, «импортные» — я выпустил больше десятка комментариев к своим и чужим переводам, и в них была только одна моя собственная находка (к «Ибису» Овидия, про смерть Неоптолема). Для комментариев пришлось вырабатывать новые формы. Сто лет назад комментарии были рассчитаны на читателя, который после школы сохранял смутное общее представление об античной истории и культуре, и нужно было только подсказывать ему отдельные полузабытые частности. Теперь наоборот, читатель обычно знает частности (кто такой Сократ, кто такая Венера), но ни в какую систему они в его голове не складываются. Стало быть, главное в современном комментарии — не построчные примечания к отдельным именам, а общая преамбула о сочинении в целом и о той культуре, в которую оно вписывается. Постепенно стало удаваться продвигать их в печать именно так, впервые, пожалуй, — в комментарии Е. Г. Рабинович к трагедиям Сенеки в «Литературных памятниках». Не обходилось без сопротивления. Комментируя Овидия, я перед примечаниями к каждой элегии написал, как спокон века писалось при комментариях к латинскому подлиннику: «Обращение (стихи такие-то), описание своих забот (такие-то), отступление с мифом о Медее (такие-то)» итд. Редактор (а это был лучший редактор над «Литпамятниками» за тридцать лет) возмутился: «Это неуважение к читателю: может быть, вы и к «Погасло дневное светило» будете со ставить такое оглавление?» Я подумал: а почему бы нет? — но, конечно, пришлось отступить, а сведения об овидиевской композиции вводить в комментарий обходными маневрами. Бывают эпохи, когда комментарий — самое надежное просветительское средство. Так, Кантемир снабжал свои переводы Горация (а Тредиаковский — Роллена) примечаниями к каждому слову, из которых складывалась целая подстраничная энциклопедия римской литературы и жизни.

Комментарий хорош, когда написан просто. Мне помогало прямолинейное мышление — от природы и от советской школы. Однажды шла речь о том, что античная культура была более устной, чем наша: читали только вслух, больше запоминали наизусть, читли красноречие итд. Я сказал: «Это оттого, что античные свитки нужно было держать двумя руками, так что нельзя было делать выписки и приходилось брать памятью». С. С. Аверинцев очень хорошо ко мне относится, но тут и он взволновался: «Нельзя же так упрощенно, есть же ведь такая вещь, как *Zeitgeist*» итд. Наверное, есть, но мне она доступна лишь через материалистический черный ход. Однажды я говорил студентам, как от изобретения второй рукояти на круглом щите родилась пешая фаланга, а от нее греческая демократия; а от изобретения стремени —

тяжеловооруженная конница и от нее феодализм. Я получил записку: «И вам не стыдно предлагать такие примитивно марксистские объяснения?» Я сказал, что это домыслы как раз буржуазных ученых, марксисты же, хоть и клялись материальной культурой и средствами производства, представляли их себе очень смутно. Кажется, мне не поверили.

В разговоре с маленькими упрощение позволительней. Я написал детскую книжку «Занимательная Греция». У Мольера педант говорит: «Я предпринял великое дело: [313] переложить всю римскую историю в мадригалы»; а я — всю греческую историю в анекдоты. (О технике греческого анекдота я всю жизнь мечтал написать исследование, но написал только две страницы — в преамбуле к одному комментарию.) Писал я для среднего школьного возраста, знающего о Греции ровно столько, сколько написано в учебнике Коровкина, потом прочитал несколько глав перед студентами — им оказалось интересно; потом перед повышающимися преподавателями — им тоже оказалось интересно. Философы говорили: «Все очень хорошо, но про философию, конечно, слабее»; искусствоведы говорили: «Все очень хорошо, но про искусство, конечно, слабее»; я заключил, что вышло как раз то, что нужно. Может быть, поэтому, а может быть, по чему другому книжка прождала издания четырнадцать лет. Я думаю, что это самое полезное, что я сделал по части античности.

Античность не для одного меня была щелью, чтобы спрятаться от современности. Я был временно исполняющим обязанности филолога-классика в узком промежутке между теми, кто нас учил, и теми, кто пришел очень скоро после нас. Я постарался сделать эту щель попросторнее и покомфортнее и пошел искать себе другую щель.

Стиховедение и стихи, алгебра и стихия — что дает «поэтическая наука» стиху! Изучение поэзии помогает ли вам лучше «понимать» и «чувствовать» поэзию?

Из анкеты

Меня спросили: зачем мне понадобилось кроме античности заниматься стиховедением. Я ответил: «У меня на стенке висит детская картинка: берег речки, мишка с восторгом удит рыбу из речки и бросает в ведро, а за его спиной зайчик с таким же восторгом удит рыбу из этого мишкиного ведерка. Античностью я занимаюсь, как этот заяц, — с материалом, уже исследованным и переисследованным нашими предшественниками. А стиховедением — как мишка, — с материалом нетронутым, где все нужно самому отыскивать и обсчитывать с самого начала. Интересно и то и другое».

В эвакуации, где было нечего читать, случился номер журнала «Костер» (кажется, 1938, 1), а в нем две страницы литконсультаций юным авторам — по некоторым признакам, Л. Успенского. Одна страница — по прозе; там цитировался самый гениальный зачин, какой я знаю: рассказ назывался «Сын фельдшера», а первые фразы были: «Отец сына был фельдшер. А сын отца был сын фельдшера». Другая — по поэзии: там объяснялось, что одно и то же четверостишие можно написать ямбом, хореем, дактилем, анапестом и амфибрахием: «Утро раннее настало», «Вот утро раннее настало», «Раннее утро настало», «Вот и раннее утро настало», «Вот раннее утро настало». Загадочные слова «ямб» и «хорей» я уже встречал в «Евгении Онегине» и был заинтересован. Когда мы вернулись в Москву и мать устроилась в Радиокомитет, я попросил из библиотеки что-нибудь по стихосложению. Она принесла две книжки: С. Бобров, «Новое о стихосложении Пушкина», 1915, и Б. Ярхо [314] (и др.), «Метрический справочник к стихотворениям Пушкина», 1934. (Хорошая библиотека была в Радиокомитете.) У Боброва поминались еще более загадочные «корзины», «крыши» и «прямоугольники», в «Справочнике» были сплошные таблицы с цифрами, а у меня с арифметикой всегда не ладилось. Мне было десять лет, я ничего не понял, но не испугался, и это, видимо, решило мою судьбу.

Потом русский писатель Алексей Югов, которому моя мать перепечатывала рукописи («Ахилл был скиф...»), подарил мне за ненадобностью книгу Белого «Ритм как диалектика»; после этого мне ничто было не страшно. Я отыскал среди 300 непонятных страниц три понятные и стал на уроках химии самостоятельно высчитывать кривые ритмической композиции. Потом откуда-то появились «О стихе» Томашевского и «Трактат» Шенгели, и таким же образом, обезьянничая, с десятого перечитывания я научился и их методикам. Только таким подражательством я и учился всю жизнь. Университет ничего мне не прибавил — даже Бонди.

С. М. Бонди по начавшейся оттепели возобновил тогда курс по стихосложению. На лекции о сложном дольнике он для иллюстрации прочитал «Гайдука Хризича» из «Песен западных славян», как обычно, с замечательной четкостью выделяя голосом каждый ритмический ход. Потом вдруг, неожиданно присев по-охотничьи: «А я вот с уверенностью скажу: никто! из вас! этого стихотворения! ведь не читал! — Правильно?» Я съезился: можно ли так оскорбительно думать о русистах III–IV курса? И тут вся круглая аудитория со всех сторон радостно грянула: «Правильно! не читали!» Я съезился еще больше. К подсчетам и графикам Бонди относился со сдержанной неприязнью: зачем столько считать, когда и так слышно? Ему казалось, что подсчеты не помогают, а мешают слуху, чтобы ввести нас в заблуждение. Потом он однажды

рассказывал: «Андрей Белый делал доклад о ритме и смысле в «Медном всаднике» — критиковали его очень сильно. Возвращаемся после заседания, он не может успокоиться: «Пусть я бездарен, но метод мой — гениален!» — «Да нет, — говорю я ему, — это вы, Борис Николаевич, гениальны, а метод ваш бездарен...»»

О монографии К. Тарановского, который просчитал 300 000 строк ямбов и хореов в подкрепление той теории ритма, которую принимал и сам Бонди, он говорил уважительно, но с недоумением в голосе: стоило ли?.. Я услышал о ней впервые и с трудом отыскал ее по-сербски в Ленинке. Было очень завидно не таланту автора, это уж от бога, а трудолюбию: просчитал больше, чем Томашевский и Шенгели, вместе взятые! Захотелось сделать что-нибудь похожее хотя бы количественно; я стал подсчитывать 3-иктные дольники от Блока до Игоря Кобзева и удивился, какие сами собой получаются складные результаты. Когда удалось напечатать первые работы, я отважился послать их Тарановскому, завязалась переписка. Когда в начале 1970-х Тарановский в первый раз, еще туристом, должен был приехать в СССР (толстые очки, седые бакенбарды...), меня вызвали в гостиницу «Москва»: «Вы будете с ним встречаться — извольте потом представить сведения о нем и его поведении». Я представил большой панегирик и его учености, и его лояльности, копия у меня сохранилась. Больше меня не вербовали, но панегирик, видимо, учли: в следующий раз он приехал уже на полгода по научному обмену, мы разговаривали каждую неделю, и он намекал, осторожно и усмешливо, что знает об этом моем произведении. Но в эти годы он уже занимался не ритмикой, а семантикой стиха — только что вышла его книга о контекстах и подтекстах у Мандельштама. Потом я стал подражать ему и в этой области — но это уже к стиховедению не относится.

С арифметикой у меня так и не наладились отношения. («Сколько будет один да один да один да один?» — «Как?» спросила Алиса. «Она *не знает* сложения!» — [315] объявила Королева») Я начинал считать ударения на деревянных конторских счетах, потом на железном арифмометре с крутящейся, как у мясорубки, ручкой, потом на портативном калькуляторе. Но лучший прибор для одновременного счета нескольких предметов, сказали мне, — это медицинская машинка для подсчета кровяных телец в поле зрения микроскопа, а такой у меня не было. В таблицах сумма по столбцам и сумма по строкам никак не хотели сходиться; какими хитростями я их одолевал — не буду об этом рассказывать. Доверительные интервалы надежности результатов я (как и мои предшественники и сверстники) подсчитывал очень редко, здесь потомки еще сделают охлаждающие оговорки к нашим открытиям. Впрочем, таблицы с цифрами мало кто читает в моей книге «Современный русский стих», 1974, с.337, неправильно суммированы подсчеты по тактовике Блока и поэтому не правильны все выводы из них, но за 25 лет никто этого не заметил.

Меня много раз спрашивали, не убивают ли подсчеты алгеброй гармонию, не мешают ли они непосредственному наслаждению поэзией. Я отвечал: нет, помогают. Неправильно думать (как Бонди), будто всё и так слышно: многие мелочи, из которых складывается гармония, лежат ниже уровня сознания и непосредственно слухом не отмечаются; только когда нащупаешь их подсчетами, начинаешь их за мечать. (Нащупывать приходится путем проб и ошибок; сколько на этом пути сделано трудоемких подсчетов, оказавшихся излишними, — не счесть.) Кроме того, подсчеты требуют медленного чтения и перечитывания стихов, а это полезно. Мне не случилось в молодости полюбить стихи Фета — так уж сложились обстоятельства, я лучше знал пародии на Фета, чем самого Фета. А я знал, что Фет заслуживает любви. И вот я стал каждую свою стиховедческую тему разрабатывать сперва на стихах Фета. Ритм словоразделов, связи слов в стихе, расположение фраз в строфе — что бы это ни было, я сперва смотрел и подсчитывал, как это получается у Фета, а потом уже — у других поэтов. С каждым перечитыванием стихи все глубже западали в подсознание. И после десяти или двадцати таких упражнений внимания я

почувствовал, что научился любить Фета. Я хорошо понимаю, что это — черта личная: другим (и многим) анализировать поэзию, поверять алгеброй гармонию значит убивать художественное наслаждение от нее. Ничего плохого в таком отношении нет, просто это значит, что такому человеку противопоказано заниматься филологией — как близорукому водить машину и т. п. Ведь филолог — это не тот, кто, читая стихотворение, чувствует что-то особенное, как никто другой; он чувствует то же, что и всякий, только в отличие от всякого он дает себе отчет в том, почему он это чувствует «вот это место для меня выделяется, потому что здесь необычный словесный оборот, а вот это — потому что в нем аллитерация» и т. д. А дальше он спрашивает себя, почему этот оборот кажется ему необычным, а это сочетание звуков аллитерацией, и тут уже начинается научная работа с сопоставлениями, подсчетами и всем прочим.

Красота с детства пугала меня, на нее было больно смотреть, как на солнце. («Красота страшна, — вам скажут...») Я до сих пор не могу отличить красивого лица или пейзажа от некрасивого — боюсь об этом думать. Моим детям над книгами с картинками я говорил: «Такое лицо *считается* (или: считалось) красивым». В музеях, под толстыми стеклами, красота казалась укрощенной и уже не такой опасной — как звери в клетках. Разбирать, как устроены стихи — ритм, стиль, образы и мотивы, — означало исследовать повадки и обычаи красоты: дознаваться, с какой стороны она может неожиданно на тебя напасть и подмять под себя. Долгие подсчеты успокаивали душу цифротерапией. Поэтому же было приятно умножать материал, рядом с Пушкиным подсчитывать Дельвига, а рядом с Блоком Игоря Кобзева: это было демократичнее, гений не противопоставлялся детям ничтожным мира, а вырастал из них и опирался на них. Здесь работало и тщеславие: если я изучаю третьестепенных поэтов, то, может быть, кто-нибудь когда-нибудь будет вот так же изучать и третьестепенных литературоведов. Сейчас я занимаюсь не столько ритмом, сколько синтаксисом стиха: выявлением ритмо-синтаксических и рифмо-синтаксических клише. Когда я нахожу в такой-то ритмической форме у Пушкина вереницу строк «Его тоскующую лень», «Ее рассеянную лень», «Вдался в задумчивую лень», «Сойду в таинственную сень», «Лесов таинственная сень», «Она в оставленную сень», «Едва рождающийся день», «Его страдальческая тень», «Его развенчанную тень», а потом у Блока «Твоя развенчанная тень», а потом у Ахматовой «Твоя страдальческая тень», то я радуюсь, потому что это значит: стихи поэту диктует не откровение, мне недоступное, а привычка, которую я могу проследить и понять. Меня спрашивают: «Вам не жалко лишать поэзию ее тайн?» Я отвечаю: нет, потому что тайн в поэзии бесконечно много, хватит на всех. Если угодно красивое сравнение, то поэт это конкистадор, а стиховед — колонист: он осваивает, осмысляет завоеванное пространство и этим побуждает поэта двигаться дальше, на новые поиски.

Зачем вообще нужна поэзия — только ли ради тайн красоты? В каждой культуре есть некоторое количество текстов повышенной важности, рассчитанных на запоминание и повторение. Чтобы лучше запомниться, они складывались не в произвольной, а в скованной форме: с ритмом, рифмой, параллелизмом, аллитерациями и пр. Ритм или аллитерация помогали припомнить случайно забытое слово. Язык в скованных формах должен был изворачиваться, напрягать все свои запасные силы (как при гимнастике), использовать необычные слова и обороты. А все необычное поражает наше внимание, в том числе и эстетическое внимание: заставляет задумываться, «красиво это или некрасиво?» Таким образом, первая человеческая потребность, на которую отвечает поэзия, — это потребность ощутить себя носителем своей культуры, товарищем других ее носителей: грубо говоря, русская культура — это сообщество людей, читавших Пушкина или хотя бы слышавших о нем. (Когда после поэзии родилась художественная проза, то стало возможным вместо Пушкина подставить имена Толстого и Достоевского; но пока проза не полностью вытеснила поэзию, привилегированный статус стихотворных строк все еще сохраняется, и мы чувствуем, что Надсон хоть в какой-то

мелочи, а выше Толстого.) И только вторая потребность, на которую отвечает поэзия, — эстетическая, потребность выделить из окружающего мира что-то красивое и радоваться этому красивому. При этом критерии красивого различны — исторически, социально, индивидуально; поэтому и эту вторую потребность можно свести к первой: когда я люблю Блока или Высоцкого, этим я себя приписываю к субкультуре тех моих современников, вкус которых предпочитает первого или предпочитает второго. Вкус может спланивать (и раскалывать) общество не меньше, чем, например, вера.

А может быть, можно сказать проще: я люблю стихи, они приносили и приносят мне радость, и я чувствую нравственную обязанность в благодарность перед поэзией отработать эту радость. Я ученый, аналитик и делаю это, как умею: разрываю поэзию, как труп, и жонглирую ее элементами и структурами. Как жонглер Богоматери.

При советской власти стиховедение всегда было под подозрением в формализме: нельзя разбирать произведение, как труп, нельзя изучать стих в отрыве от темы и идеи. В учебниках о нем упоминалось только потому, что Л. И. Тимофеев (когда-[317]то аспирант Б. И. Ярхо, сам начинавший с толковых подсчетов) придумал защитную формулу: идеи реализуются в характерах, характеры в интонациях, а стих есть типизированная форма эмоциональной интонации. Первой книгой о стихе после 20 мертвых лет были «Очерки теории и истории русского стиха» Тимофеева, 1958. Я написал на нее рецензию с критическими замечаниями и пошел показать их Тимофееву: больной, тяжелый, на костылях, он когда-то читал нам на первом курсе теорию литературы. Он сказал: «С замечаниями я не согласен, но, если в журнале будут спрашивать, скажите, что поддерживаю». По молодости мне показалось это естественным, лишь позже я понял, что так поступил бы далеко не всякий. Потом он был редактором двух моих книг, очень несогласных с ним, но не изменил в них ни единого слова. Свою предсмертную книгу он подарил мне с надписью из Блока: «Враждебные на всех путях (Быть может, кроме самых тайных)...» Тимофеев начал собирать в Институте мировой литературы группу стиховедов — сперва это были ветераны: С. П. Бобров, А. П. Квятковский, М. П. Штокмар, В. А. Никонов, которых слушали несколько молодых людей, потом это превратилось в ежегодные конференции, куда приезжали П. А. Руднев, В. С. Баевский, К. Д. Вишневский, А. Л. Жовтис, М. А. Красноперова и другие — те, чьими трудами русское стиховедение было сдвинуто с мертвой точки 20-летнего затишья. Эти «timoфеевские чтения» продолжались много лет и после смерти Тимофеева. Программный доклад о том, что в стиховедении правильно и что неправильно, каждый раз делал Б. Гончаров, мой однокурсник, верный ученик Тимофеева, потом я и другие делали доклады, по большей части несогласные с этим. В чем было несогласие? Мы представляли литературное произведение как федерацию, в которой кроме общих законов на каждом уровне строения были свои внутренние законы: в образах и мотивах, в стиле, в стихе: эти-то внутренние законы стиха и подлежали изучению. А Гончаров вслед за Тимофеевым представлял произведение как централизованную цельность, в которой каждый малый сдвиг на командном идейном уровне порождал сдвиги на всех остальных уровнях, так что выделять стих как предмет изучения вообще было нельзя, и непонятно было, зачем же мы собираемся. Так и шло.

Самая полезная моя книга называется «Очерк истории русского стиха», 1984. У меня мелкий почерк, заметки по этой теме я делал на полях старой книги Г. Шенгели «Техника стиха»; из маргиналий к одной странице Шенгели иногда получалась целая статья. Служил я в античном секторе ИМЛИ, заниматься стиховедением приходилось урывками. Самым трудным было уместить огромный материал в 18 листов — большой объем для монографий не разрешался. Я посчитал, сколько печатных знаков придется на каждый из 150 параграфов, взял тетрадь в клетку и на 150 разворотах вычертил рамку, в которую должно было уместиться ровно

столько знаков — по три буквы в клеточке. Так, вписываясь в эту рамку, я и сделал книгу: вот польза от ограничений и самоограничений, без них текст расплылся бы и ничего не вышло. Большие и малые поэты выстраивались плечом к плечу и не мешали друг другу. Времена были строгие, эмигрантов поминать не разрешалось (десятью годами раньше еще было можно), вместо «у Ходасевича» приходилось писать «у одного поэта», а о поэтах самиздата я и сам ничего не знал.

Через 15 лет книгу собрались переиздавать. Все переменилось, главными в XX веке стали считаться именно эмигранты и бывшие самиздатцы, а официозные поэты советского силлаботонического истеблишмента стали как бы пустым местом. Но я не стал ничего менять — только добавил эпилог «Стих как зеркало постсоветской культуры». Отделять хорошие стихи от плохих — это не дело науки; а [318] отделять более исторически значимые от менее значимых и устанавливать сложные связи между ними — для этого еще «не настала история», как выражался К. Прутков. В каждой исторической эпохе сосуществуют пережитки прошлого и зачатки будущего; разделить их с уверенностью можно, только глядя из будущего. Я на это не решаюсь — мне больше по плечу роль того мертвого, которому предоставлено хоронить своих мертвецов. Пусть это расчистит поле для работы будущих стиховедов.

Почему я не пишу оригинальных сочинений? Вероятно, потому что рассуждаю, как старушка у Булгакова: «А зачем он написал пьесу? разве мало написано? век играй, не переиграешь».

Из анкеты

Я — филолог-классик, переводить мне приходилось почти исключительно греческих и латинских поэтов и прозаиков. По традиции этими переводами занимаются только филологи, всеядным переводчикам такая малоодоходная область неинтересна. Так называемые большие поэты в нашем веке тоже обходят ее стороной. Есть исключения: для одной книжки избранных стихов Горация фанатичный Я. Голосовкер заставил перевести по нескольку стихотворений не только И. Сельвинского, но и Б. Пастернака. Переводы получились хорошие, но нимало не выбивающиеся из той же традиции, заданной стилем переводчиков-филологов. Любопытно, что в другой не менее специальной области — в переводах из арабской и персидской классики — положение иное: там большинство переводов делается (или, по крайней мере, делалось) приглашенными переводчиками-поэтами, работавшими с подстрочника, без филологической подготовки. Вероятно, в такой системе были и плюсы, но требования к точности стихотворного перевода на восточном материале заметно ниже, чем на античном. Наверное, это значило, что Восток, даже классический, был актуальнее для советской культуры, чем античность. Об этом я слышал и от ориенталистов, и от мастера, много переводившего как с античных подлинников, так и с восточных подстрочников, — от С. В. Шервинского.

(Часто говорят: переводчик должен переводить так, чтобы читатели воспринимали его перевод так же, как современники подлинника воспринимали подлинник. Нужно иметь очень много самоуверенности, чтобы воображать, будто мы можем представить себе ощущения современников подлинника, и еще больше — чтобы вообразить, будто мы можем вызвать их у своих читателей. Современники Эсхила воспринимали его стихи только со сцены, с песней и пляской, — этого мы не передадим никаким переводом.)

Кроме привычки к точности переводчик-филолог знает лучше других — или, по крайней мере, должен знать — еще одно правило, на этот раз — противодействующее точности. Его сформулировал в начале этого века бог классической филологии У. Виламовиц-Мёллендорф: «Не бывает переводов просто с языка на язык — бывают переводы только со стиля на стиль». Тот, кому кажется, что он переводит без стиля, просто честно и точно, все равно переводит на стиль, только обычно на [319] плохой, расхожий, казенный. Виламовиц предлагает в доказательство блестящий эксперимент, который был по силам только ему. Как перевести древнегреческими стихами «Горные вершины...» Гете? Язык — мертвый; как ни вырабатывай на нем новый стиль, он все равно получится мертвый. Значит, нужно выбирать готовый стиль из имеющегося запаса. Подходящих оказывается два: во-первых, архаическая лирика (благо фрагмент про ночь есть у Ивика) и, во-вторых, александрийская эпиграмма. И Виламовиц переводит восьмистишие Гете сперва в одном греческом стиле, потом в другом; получается очень убедительно и выразительно, но сказать «точно» — нельзя, не покрывив душой.

Русский язык — не мертвый, как древнегреческий; но оказывается, что это мало облегчает стилистическое творчество. Создать новый русский стиль для передачи иноязычного стиля, не имеющего аналогов в русском литературном опыте, — задача величайшей трудности. На античном материале я знаю здесь только две удачи, перевод «Илиады» Н. Гнедича и перевод «Золотого осла» М. Кузмина. И замечательно, что подвиг Гнедича, который фактически сделал

гораздо больше, чем думал, — создал новый искусственный русский поэтический язык, вполне аналогичный искусственному поэтическому языку греческого эпоса, — остался совершенно беспоследственным. Этим языком не овладел никто — даже настолько, чтобы перевести им хотя бы «Одиссею» и не удивлять русского читателя разительной несхожестью двух классических переводов двух гомеровских поэм, «Илиады» Гнедича и «Одиссеи» Жуковского.

Стиль — это, упрощенно говоря, соблюдение меры архаизации и меры вульгаризации текста. Достаточны ли мои средства для этого? Не думаю. Современным жаргоном, как уличным, так и камерным, я не владею — к счастью, для переводов античных авторов он не так уж необходим (разве что для непристойных насмешек Катулла?). Я знаю, что для пушкинской эпохи, например, слово «покамест» (вместо «пока») или «надо» (вместо «нужно») — вульгаризмы, «ибо» (вместо «потому что») — архаизм, «ежели» (вместо «если») и «словно» (вместо «будто») просторечие, что тогда писали не «вернуться», а «воротиться» и предпочитали союз «нежели» союзу «чем». Я мог разделить ужас моего товарища С. С. Аверинцева, когда его прекрасные переводы из византийских авторов искренне хвалили за стилизацию под XV век, тогда как они были стилизованы под XVII век. Но сделать безупречную антицистическую подделку под языковую старину я не смог бы. Когда я начинал переводить Ариосто, мне хотелось строго выдерживать язык русских романов XVIII в. — ведь «Неистовый Роланд» и наш «Бова королевич» — это один и тот же рыцарский жанр на излете. Этого я не сумел: пришлось вводить искусственные обороты, для языка того времени нереальные, но стилистически эффектные. Так в театре мужики из «Плодов просвещения» Толстого говорят на фантастической смеси совершенно несовместимых диалектов, и это оказывается гораздо выразительнее лингвистического правдоподобия. А жаль.

Архаизацию приходится дозировать — но как? Античных писателей мы переводим русским языком XIX в., в идеале — пушкинским. Но вот тридцать лет назад мне и моим коллегам пришлось делать антологию «Памятники средневековой латинской литературы». Нужно было передать ощущение, что это — другая эпоха, не классическая латынь, а народная и церковная. Это значило, что стилистический ориентир нужно взять более примитивный — то есть, по русскому словесному арсеналу, более ранний: скажем, XVII век, упрощенный нанизывающий синтаксис, а в лексике — пестрота приказных канцеляризмов, просторечия и церковнославянства. Так мы и старались писать — конечно, каждый по мере своих сил. Однако [320] средневековые писатели были разные: одни писали, как бог и школа на душу положат, другие вчитывались в доступных им античных классиков и подражали им, иногда неплохо. Эту разницу тоже хотелось передать в переводе — и для средневековых цистеронианцев, вроде Иоанна Сольсберийского, мы вновь брали для перевода русский язык XIX века. Получался парадокс: более древних, античных и подражающих античным латинских писателей мы переводим более поздним, пушкинским и послепушкинским языком, а более поздних, средневековых латинских писателей — более архаическим, аввакумовским русским языком. Думаю, что с таким парадоксом приходилось сталкиваться многим переводчикам, если только они заботились об ощущении стилистической перспективы в переводе.

(Конечно, лучше было бы «испорченную» средневековую латынь переводить «испорченным» по сравнению с XIX в. современным русским языком. Я не решался: боялся, что получится плохой язык вне всякой стилизации. Но мне случилось быть редактором перевода Григория Турского, знаменитого своей «испорченной» латынью. Неопытная переводчица перевела его, как могла, современными, почти газетными клише. Переписать это от начала до конца было невозможно — пришлось отредактировать, придавая современной испорченности стиль средневековой испорченности. Кажется, что-то удалось, хотя перевод мучился в издательстве «Литературных памятников» много лет.)

У А. Тойнби есть замечательный эксперимент: он перевел сборник отрывков из греческих историков, до предела модернизовав их стиль — введя сноски, скобки и тот лексический волапюк, в котором греческая агора — это пьяцца, а самоубийство Катона — харакири. А Уэйли переводил японские пьесы Но, убирая из них все трудновыговариваемые названия и малопонятные реалии. Для первого знакомства с чужой культурой это необходимый этап. У нас таких облегченных переводов — приближающих не читателя к подлиннику, а подлинник к читателю — почти что нет (разве что для детей). Мне бы хотелось перевести какое-нибудь античное сочинение в двух вариантах: для подготовленного читателя и для начинающего. Интересно, какая получится разница?

Самый дорогой мне комплимент от коллеги-филолога был такой: «У вас по языку можно почувствовать, какие стихотворения были в подлиннике хорошими, а какие плохими». «Хорошие» и «плохие» — понятия не научные, а вкусовые. Фраза «Какие хорошие стихи прочитал я вчера!» — значит очень разные вещи в устах человека, который любит Бродского и который любит Евтушенко. Как филолог, я по самой этимологии своей специальности должен любить всякое слово, а не избранное. Я уже вспоминал слова Хаусмена: «Кто любит Эсхила больше, чем Манилия, тот не настоящий филолог». И все-таки мне пришлось однажды испытать ощущение, что между плохими и хорошими стихами разница все-таки есть. Я переводил впрок стихотворные басни Авиана (басни как басни, что сказать?), как вдруг выяснилось, что в книге понтийских элегий Овидия, которую мы с коллегой сдавали в издательство в переводе многих переводчиков, одна элегия случайно оказалась забытой. Пришлось бросить все и спешно переводить ее самому. Одним шагом ступить от нравоучительных львов и охотников к «На колесницу бы мне быстрой статью Триптолема!..» — это был такой перепад художественного впечатления, которого я никогда не забуду.

Самыми трудными с точки зрения точности для меня были два перевода, на редкость непохожие друг на друга. [321]

Один — это «Поэтика» Аристотеля. Здесь точность перевода должна быть буквальной, потому что каждое слово подлинника обросло такими разнотолкованиями, что всякий выбор из них был бы произволен. А стиль «Поэтики» — это стиль конспекта «для себя», в котором для краткости опущено всё, что возможно и не возможно. Перевести это дословно — можно, но тогда пришлось бы рядом приложить для понятности развернутый пересказ. Я постарался совместить это: переводил дословно, но для ясности (хотя бы синтаксической) вставлял дополнительные слова в угловых скобках: пропуская их, читатель мог воспринять стиль Аристотелевой записной книжки, а читая их — воспринять смысл его записи. Так как греческий синтаксис не совсем похож на русский, то пришлось потратить много труда, чтобы сделать такое двойное чтение возможным. Такой же точности требовал от меня и перевод «Поэтики» Горация: один раз, для научной статьи, я сделал его в прозе, другой раз, для собрания сочинений Горация, — в стихах; было бы интересно сравнить по объективным показателям («коэффициент точности», «коэффициент вольности»), велика ли между ними разница. Такой же точности требовал и перевод «Жизни и мнений философов» Диогена Лаэртского: каждому слову греческой философской терминологии должно было соответствовать одно и только одно слово перевода, даже если у разных философов этот термин обозначал разные вещи. Надежной традиции, на которую можно было бы опереться, не оказалось, многие термины приходилось придумывать самому. Многозначность греческих слов иногда приводила в отчаяние. Как перевести «логос»? Т. В. Васильева нашла гениальный русский аналог его многозначности: «толк»; но у этого слова — сниженная стилистическая окраска, применительно к ней пришлось бы менять всю терминологическую лексику снизу доверху, на это я не решился.

(«Коэффициент точности» — это процент слов подлинника, сохраненных в переводе,

«коэффициент вольности» — процент слов перевода, добавленных без всякого соответствия с подлинником; их можно рассчитать отдельно для каждой части речи — будет видно, что переводчики стараются сохранять существительные и вольничать с остальными словами, им важнее, «о чем», чем «что» сказано. Это позволяет точно подсчитать, во сколько раз Брюсов переводил точнее Бальмонта или Вяч. Иванова. Особенно это видно на переводах с подстрочника. Был закрытый конкурс переводов из Саломеи Нерис с двух, общих для всех, подстрочников; кончился провалом, ни одной первой премии. Моя ученица В. В. Настопкене сделала подсчеты по этому редкостному материалу — самые точные переводы оказались самыми безобразными. Из этого следует, что «точный» и «хороший» — вещи разные, что, впрочем, и без того было известно. Когда меня спрашивают «Где изложена ваша методика измерения точности перевода?», я отвечаю: «В статье В. В. Настопкене в вильнюсском журнале «Literatura», 1981.)

А другим переводом, требовавшим особенно высокой точности, был «Центон» Авсония, римского декадента IV в.: эпиграмм в полтора строка, составленный целиком, как мозаика, из полустихий Вергилия. При дворе справлялась свадьба, император написал в честь ее стихи и предложил Авсонию сделать то же. Написать лучше императора было опасно, а написать хуже было, вероятно, очень трудно. Авсоний вышел из положения, сложив свои стихи сплошь из чужих слов, что бы можно было сказать: «Если получилось хорошо, то это вина не моя, а Вергилия». Художественный эффект здесь, понятным образом, в том, что одно и то же полустихие в новом контексте воспринимается на фоне воспоминаний о его старом контексте. У римских читателей такие воспоминания сами собой подразуме[322]вались, у русских их не было и быть не могло. Значит, к каждому полустихию авсониевского центона я должен был мелким шрифтом перевести две-три строки Вергилия, в которых это полустихие звучало бы дословно так же, а означало бы совсем другое. Конечно, интереснее всего было бы взять эти строки из старых русских переводов Вергилия. Но тут-то и оказалось, что почти нигде это не возможно: когда поэты переводили «Энеиду» целиком, держа в сознании сразу большой ее пассаж, то для его общей выразительности они сплошь и рядом жертвовали как раз той мелкой полустихийной точностью, которая была мне необходима. Чем более легок и удобочитаем был перевод «Энеиды» в целом, тем менее он был пригоден для использования в переводе авсониевского центона. В. Брюсов, взявшись за свой принципиально-буквалистический перевод «Энеиды», объявил, что его цель — в том, чтобы любую цитату можно было давать по его переводу с такой же уверенностью, как по подлиннику. Но и он этого не добился: старый Фет в своем переводе без всяких деклараций умел быть буквальнее. Для меня это было яркой иллюстрацией такого важного теоретического понятия, как «длина контекста» в переводе — или, предпочел бы я выразиться, «масштаб точности».

А с точки зрения стиля самым трудным для меня оказался самый примитивный из моих авторов — Эзоп. Не случайно каждая национальная литература имеет золотой фонд пересказов Эзопа и никаких запоминающихся переводов Эзопа. Таков уж басенный жанр, к стилю он безразличен, и стилизатору в нем почти не за что ухватиться. Как мне написать: «Пастух пошел в лес и вдруг увидел...» или «Пошел пастух в лес и вдруг видит...»? По-русски интонации здесь очень различны, но какая из них точнее соответствует интонации подлинника, — я недостаточно чувствовал оттенки греческого языка, чтобы это решить. Пришлось идти в обход: выписать по межбиблиотечному абонементу большую испанскую монографию о лексике эзоповских сборников, по ней разметить с карандашом в руках всего Эзопа — аттицистические слова красным, вульгаризмы синим, промежуточные формы так-то и так-то — и потом в тех баснях, которые больше рябили красным, писать: «Пастух пошел в лес...», а в тех, которые синим, — «Пошел пастух в лес...» Мне это было интересно; не знаю, было ли полезно читателю.

Два перевода, которыми я, пожалуй, больше всего дорожу, официально даже не считаются моими. Это две книги Геродота, «перевод И. Мартынова под ред. М. Гаспарова», и семь больших отрывков из Фукидида, «перевод Ф. Мищенко — С. Жебелева под ред. М. Гаспарова». Делался сборник «Историки Греции»: Геродот, Фукидид, Ксенофонт. Обычно историческую прозу переводят как документ: все внимание — фактам, никакого — стилю. Мы с покойным С. А. Ошеровым хотели представить ее как художественную, а для этого — показать разницу между стилем трех поколений и трех очень индивидуальных писателей. «Анабасис» Ксенофонта Ошеров сам перевел заново, современным нам языком, замечательно правильным и чистым. Фукидида взяли в переводе 1887 г. (выправленном в 1915 г.), Геродота — в переводе 1826 г., со всеми ощутимыми особенностями тогдашнего научно-делового стиля. Историко-стилистическая перспектива возникала сама собой. Но оставить их без редакции было нельзя. Геродот писал плавными фразами, а Мартынов то и дело переводил его отрывкистыми; нужно было переменить синтаксис Мартынова, не тронув его лексики и не выходя за пределы синтаксических средств русского языка начала XIX в. Фукидид — самый сжатый и сильный из греческих прозаиков, а Мищенко и Жебелев, сумев с изумительной полнотой передать все оттенки его смысла, ради этого сделали его многословнее раза в полтора; нужно [323] было восстановить лаконизм, не повредив смыслу. Это было мучительно трудно, но очень для меня полезно; я на этом многому научился.

Не все переводчики любят редактировать своих предшественников (или современников) — многие говорят: «Я предпочитаю переводить на неисписанной бумаге». Я редактировал очень много: не хотелось терять то (хотя бы и небольшое), что было сделано удачно в старых переводах. Был любопытный случай исторической немезиды. Поэт Инн. Анненский, переводчик Еврипида, умер в 1909 г., не успев издать свой перевод; издатели и родственники поручили это сделать его другу Ф. Ф. Зелинскому, переводчику Софокла. Зелинский стал издавать переводы Анненского, сильно их редактируя — меняя до 25 % строк текста. Родственники запротестовали, Зелинский ответил: «Я делал это в интересах Еврипида, читателей и доброго имени Анненского; я поступал с его наследием так, как хотел бы, чтобы после моей скорой смерти было поступлено с моим». Через 70 лет с его наследием было поступлено именно так: стали переиздавать Софокла в переводе Зелинского, и оказалось, что без редактирования (в интересах Софокла, читателей и доброго имени Зелинского) это сделать нельзя. Редактирование было поручено В. Н. Ярхо и мне, мы были бережнее с Зелинским, чем Зелинский с Анненским, и изменили не больше, чем по 10 % строк текста; не знаю, остался ли Зелинский на том свете доволен нашей правкой.

(С интересом вспоминаю, как я сам был жертвой редактирования. В издательстве «Мысль» молодому решительному редактору был дан перевод Диогена Лаэртского. Мы быстро выяснили пункты, по которым ни он, ни я не согласны ни на какие уступки, и дружно решили, что лучше книгу совсем не издавать. С этим мы пошли по всем начальственным инстанциям издательства снизу вверх. Я заметил, что начальники на этих ступенях чередовались: умный-дурак-умный-дурак, универсальное ли это правило, не знаю. Мы дошли до предверхней ступени, там сидел умный. По дороге выяснилось, что молодой редактор вот-вот улетает в эмиграцию, потому он и не цепляется за свою работу. «Подумать только, — сказал Аверинцев, — человек живет в стране, которую можно считать редакторским Эдемом, — и летит туда, где самого слова «редактор» нет ни в каких словарях!»)

Я рад тому, что много переводил стихов: это учит следить за сжатостью речи и дорожить каждым словом и каждым слогом даже в прозе. Однажды я сравнил свой перевод одной биографии Плутарха (так и не прижившийся) с переводом моего предшественника — мой был короче почти на четверть. В прозе всегда есть свой ритм, но не всякий его улавливает: часто ораторский ритм Цицерона переводят ритмом канцелярских бумаг. Я впадал в

противоположную крайность: когда я перевел одну речь Цицерона, то редактировавший книгу С. А. Ошеров неодобрительно сказал: «Вы его заставили совсем уж говорить стихами!» — и осторожно сгладил ритмические излишества. Есть позднеантичная комедия «Кверол», в которой каждая фраза или полужаза начинается как проза, а кончается как стихи; в одной публикации я напечатал свой перевод ее стихотворными строчками, в другой — подряд как прозу, и давно собираюсь сделать психолнгвистическую проверку: как это сказывается на читательском восприятии. Однажды в книге по стихосложению мне понадобился образец свободного стиха с переводом; я взял десять строк Уитмена с классическим переводом К. Чуковского. Перевод был всем хорош, кроме одного: английскую «свободу» ритма Чуковский передал русской «свободой», а русские слова в полтора раза длиннее английских, и поэтому напряженность ритма в его стихах совсем утратилась, — а она мне была важнее всего. Я начал редактиро[324]вать цитату, сжимая в ней слова и обороты, и кончилось тем, что мне пришлось подписать перевод своим именем.

Переводчику античных поэтов легче быть точным, чем переводчику новоевропейских: греки и римляне не знали рифмы. От этого отпадает ограничение на отбор концевых слов, заставляющее заменять точный перевод обходным пересказом. Мне только один раз пришлось делать большой перевод с рифмами — зато обильными, часто четверными. Это были стихи средневековых вагантов. Перевод был сочтен удачным; но я так живо запомнил угрызения совести от того, что ради рифмы приходилось допускать такие перифразы, каких я никогда бы не позволил себе в античном безрифменном авторе, что после этого я дал себе зарок больше с рифмами не переводить.

Больше того, я задумался: если соблюдение стиха понуждает к отклонениям от точности, то, может быть, имеет смысл иногда переводить так, как это сейчас делается на Западе: верлибром, без рифмы и метра, но за счет этого — с максимальной заботой о точности смысла и выдержанности стиля? Таких переводов — «правильный стих — свободным стихом» — я сделал довольно много, пробуя то совсем свободные, то сдержанные (в том или другом отношении) формы верлибра; попутно удалось сделать некоторые интересные стиховедческие наблюдения, но сейчас речь не о них. Сперва я сочинял такие переводы только для себя. Когда я стал осторожно показывать их уважаемым мною специалистам (филологам и переводчикам), то последовательность реакций бывала одна и та же: сперва — сильный шок, потом: «А ведь это интересно!» Теперь некоторые из этих переводов напечатаны, а некоторые печатаются.

Оглядываясь, я вижу, что выбор материала для этих экспериментальных переводов был не случаен. Сперва это были Лафонтен и разноязычные баснописцы XVII–XVIII вв. для большой антологии басен. Опыт показывает, что любой перевод европейской басни традиционным русским стихом воспринимается как досадно ухудшенный Крылов; а здесь важно было сохранять индивидуальность оригинала. Мой перевод верлибрами (различной строгости) получился плох, но я боюсь, что традиционный перевод получился бы еще хуже. Потом это был Пиндар. Здесь можно было опереться на традицию перевода пиндарического стиха верлибром, сложившуюся в немецком штурм-унд-дранге; кажется, это удалось. Потом это был «Ликид» Мильтона: всякий филолог видит, что образцом мильтоновского похоронного «френоса» был Пиндар, и мне показалось интересным примерить к подражанию форму образца. Потом — «Священные сонеты» Донна: форма сонета особенно стеснительна для точности перевода образов и интонаций, а мне казалось, что у Донна всего важнее именно они. Потом — огромный «Неистовый Роланд» Ариосто: убаюкивающее благозвучие оригинала мешало мне воспринимать запутанный сюжет, убаюкивающее неблагозвучие старых отрывочных переводов мешало еще больше, и я решил, что гибкий и разнообразный верлибр (без рифмы и метра, но строка в строку и строфа в строфу), щедрый на ритмические курсивы, может оживить восприятие содержания.

Потом — Еврипид. Инн. Анненский навязал когда-то русскому Еврипиду чуждую автору декадентскую расслабленность; чтобы преодолеть ее, я перевел одну его драму сжатым 5-стопным ямбом с мужскими окончаниями, начал вторую, но почувствовал, что в этом размере у меня уже застывают словесные клише; чтобы отделаться от них, я сделал второй перевод заново — упорядоченным верлибром. Результат мне не понравился, 5-стопная «Электра» была потом напечатана, а верлибрический «Орест» остался у меня в сто[325]ле. О некоторых мимоходных авторах (дороже всего мне У. Б. Йейтс и Георг Гейм, которого я перевел почти полностью, — может быть, кто заинтересуется?) говорить сейчас не стоит.

За этим экспериментом последовал другой, более рискованный. Я подумал: если имеют право на существование сокращенные переводы и пересказы романов и повестей (а я уверен, что это так и что популярные пересказы «Дон Кихота» и «Гаргантюа» больше дали русской культуре, чем образцово точные переводы), то, может быть, возможны и сокращенные переводы лирических стихотворений? В каждом стихотворении есть места наибольшей художественной действенности, есть второстепенные и есть соединительная ткань; при этом, вероятно, ощущение этой иерархии у читателей разных эпох бывает разное. Что, если показать в переводе портрет подлинника глазами нашего времени, опустив или сохранив то, что нам кажется маловажным, — сделать, так сказать, художественный концентрат? Упражнения античных поэтов, которые то разворачивали эпиграмму в элегию, то наоборот, были мне хорошо памяты. Я стал делать конспективные переводы верлибром — некоторые напечатаны в этой книге, и читатель может судить о них сам.

Есть еще одна переводческая традиция, мало использованная (или очень скомпрометированная) в русской практике, — это перевод стихов даже не верлибром, а честной прозой, как издавна принято у французов. Я попробовал переводить прозой поэму Силия Италика «Пуника» — и с удивлением увидел, что от этого римское барокко ее стиля кажется еще эффектно-напряженнее, чем выглядело бы в обычном гексаметрическом переводе. Но до конца еще далеко; может быть, ничего и не получится.

Одна из сказок дядюшки Римуса начинается приблизительно так. Было когда-то золотое время, когда звери жили мирно, все были сыты, никто никого не обижал, и кролик с волком чай пили в гостях у лиса. И вот тогда-то сидели однажды Братец Кролик и Братец Черепаха на завалинке, грелись на солнышке и разговаривали о том, что ведь в старые-то времена куда лучше жилось!

Начало критической статьи.

Критика из меня не вышло. Однако список моих сочинений, который время от времени приходится подавать куда-нибудь по начальству, все же с обманом. Первым в нем должна идти рецензия не на книгу Л. И. Тимофеева по стиховедению, 1958, а на сборник стихов, 1957.

Я кончал университет, попаду ли я на ученую службу, было неясно. Нужно было искать заработка. В журнале «История СССР» мне дали перевести из «Historische Zeitschrift» большой обзор заграничных работ по русской истории — для тех русских историков, которые по-немецки не читают. Я узнал много интересного, но за[326]работал немного. Мне предложили прочитать в спецхране английскую книжку — воспоминания председателя украинского колхоза, бежавшего на Запад: я перескажу это одному историку, а он напишет рецензию. Я прочитал, меня спросили: «Как?» — «Интересно». — «Они, антисоветчики, всегда интересно пишут», — осуждающе сказал редактор. Но рецензент так и не собрался написать рецензию с голоса.

Вера Вас. Смирнова сказала: «Ты пишешь в Ленинке аннотации на новые книжки стихов — выбери книжку и напиши рецензию для «Молодой гвардии», я дам тебе записку к Туркову». «Молодая гвардия» была журналом новорожденным и либеральным. Редактором был Макаров; Турков, молодой и гибкий, заведовал критикой. Я написал рецензию на сборник стихов поэта Алексея Маркова. Из сборника я помню только четыре строки. Две лирические: «Брызжет светом молодая завязь, поднимаясь щедро в высоту!», две дидактические: «Счастье — не фарфоровая чашка. Разобьешь — не склеишь. Ни за что!» Сборник назывался «Ветер в лицо», а рецензия называлась «Лирическое мелководье», так тогда полагалось. Говорили, будто Марков потом бегал по начальству, потрясая журналом, и кричал, что Макаров и Турков решили надругаться над ним от имени какого-то Гаспарова.

Потом, служа в аннотациях, я читал и другие книги Маркова. В одной из них он вспоминал в предисловии, как первые стихи его редактировал сам Ф. Панферов, командир журнала «Октябрь». Откидываясь от трудов на спинку кресла и задумчиво глядя вдаль, Панферов говорил: «Не ценят у нас редакторского труда! почему, например, никто не помянет добрым словом тех редакторов, которые дали путевку в жизнь таким книгам, как «Ревизор», «Путешествие из Петербурга в Москву».

Для Туркова я написал еще одну рецензию — на первую книжку стихов Роберта Рождественского. Какие там были предостережения громкому поэту, я не помню. Рецензию не напечатали: «Хватит откликаться на каждый его чих!» — сказал Турков. Вместо этого мне стали давать для ответа стихи самодеятельных поэтов, шедшие самотеком. Это называлось «литературная консультация». Каждый ответ начинался: «Многоуважаемый товарищ такой-то, напечатать Ваши стихи, к сожалению, мы не можем», — и дальше нужно было объяснять почему. Школьная учительница писала стихами, что главное в жизни — быть самим собой; я отвечал ей, что для этого сперва нужно познать самого себя, а это трудно. Удалой лирик из-под Курска писал: «Как без поцелуя до дому дойти, если так серьезно встретились пути?» — я объяснял, почему это не годится, стараясь не пользоваться таким трудным словом, как «стиль».

Таких писем я написал за то лето штук сорок.

Я старался присматриваться, как пишут настоящие критики. «Вот Твардовский начинает поэму: ««Пора! Ударил отправленье вокзал, огнями залитой...» Другой поэт дал бы картину всей вокзальной толчеи и запоздалого пассажира, бегущего с чайником, — а здесь только две строчки, и как хорошо!» Это было напечатано в «Литературной газете». Я понимал, что критик хотел сказать: «Если бы это писал я, то непременно написал бы и про толчею, и про чайник; Твардовский этого не сделал, а поди ж ты, получилось хорошо — как же не похвалить!» Мне такая логика казалась неинтересной. Мне хотелось писать критику так, как когда-то формалисты: с высоты истории и теории литературы. Паустовский выпустил новую книгу, я написал ей похвалу для факультетской стенгазеты, но, по-видимому, слишком непривычными словами: все решили, что я не хвалю его, а ругаю, и поклонники Паустовского собрались меня бить. Тут я понял, что в критики я не гожусь.

Писать рецензии на научные книги было легче: в них была логика. Но и тут случались неожиданности. [327]

Был ленинградский ученый В. Г. Адмони, германист, скандинавист, совесть питерской интеллигенции. Дружил с Ахматовой и сам писал стихи по-русски и по-немецки. Я очень мало был с ним знаком, но когда вышла книга его покойной жены Т. Сильман «Заметки о лирике», то он попросил меня написать рецензию. Плиний Старший, который прочел все книги на свете, говорил: «Нет такой книги, в которой не было бы чего-то полезного». Я выписал это полезное, привел его в логическую последовательность, написал «как интересно было бы развить эти мысли дальше!» и понес рецензию в «Вопросы литературы». Редактора звали Серго Ломинадзе; имя отца его я видел в истории партии, «антипартийная группировка Сырцова-Ломинадзе», а собственное его имя я нашел много позже в антологии стихов бывших лагерников. Рецензия ему не понравилась. Он говорил: «Вам ведь эта книга не нравится: почему вы не напишете об этом прямо?» Я отвечал: «Потому что читателю безразлично, нравится ли это мне; читателю интересно, что он найдет в книге для себя». Спорили мы долго, по-русски; на каком-то повороте спора он даже сказал мне: «Я, между нами говоря, верующий...», а я ему: «А я, между нами говоря, неверующий...» Наконец я сказал: «Вы же поняли, что книга мне не понравилась; почему же вы думаете, что читатели этого не поймут?» После этого рецензию напечатали. Не знаю, понял ли это Адмони; но лет через десять, уже при Горбачеве, когда он напечатал маленькую поэму о своей жизни, он опять попросил написать на нее рецензию. Я написал так, как мне хотелось в молодости: «как когда-то формалисты». Он напечатал ее в «Звезде».

Интереснее был случай, когда мне пришлось быть экспертом при судебном следствии о стихах Тимура Кибирова. Десять лет назад рижская «Атмода» напечатала его «Послание к Л. Рубинштейну» и отрывок из «Лесной школы». Газету привлекли к суду за употребление так называемых непечатных слов. Мобилизовали десять экспертов: лингвисты, критики, журналисты из Риги и Москвы. Вопросник был такой, что казался пародией.

«Какова литературно-художественная (композиционная) характеристика данных стихов Т. Кибирова? Не уверен, что понял вопрос... Идейная концепция поэмы разложение современного общества, от которого спасет только красота... Эмоциональная концепция — отчаяние, переходящее в просветленную надежду... Система образов — нарочито хаотическое нагромождение видимых примет времени... Система мотивов — преимущественно стремительное движение, оттеняемое статическими картинами мнимоблаженного прошлого... Сюжет отсутствует — поэма лирическая. Композиция — по контрастам на всех уровнях... Стиль — столкновение хрестоматийных штампов с вульгаризмами современного быта... Фигуры речи — преимущественно антитетические, с установкой на оксюморон... Стих — 4-ст.

хорей с рифмовкой... Фоника — в основном паронимическая аттракция... Наиболее близкий жанровый тип — центон... *Можно ли от нести данные произведения к направлению авангардизма?* Термин «авангардизм» научной определенности не имеет... *Если да, то что об этом свидетельствует?* Явное неприятие этих стихов профессионалами традиционного вкуса... *Допустимо ли и оправдано ли в пределах этого жанра и направления использование отдельных устоявшихся в обществе понятий (выражений), в том числе нецензурных слов, для литературно-художественного отражения и характеристики общественно-политических и субъективных процессов, событий и личностей?* Конкретных событий и личностей, характеризующихся с помощью нецензурных слов, я в поэме не нахожу. Имена Сталина, Лосева, Бери, Леви-Стросса, Кобзона, Вознесенского, Лотмана, Розенбаума, Руста, Пригова, Христа, Вегина, де Сада и др. имеют в виду не личности, а типические явления и приметы времени; является ли реальным лицом упоминаемый Айзенберг, мне неизвестно... *Каково целевое назначение поэмы?* Как и всякого художественного произведения — отра[328]зить действительность и выразить авторское отношение к ней. *Для печатных изданий какого рода и направления данные произведения предназначаются?* Полагаю, что для всех, какие пожелают их напечатать. *Соответствуют ли литературно-художественные средства, понятия и сравнения (выражения), использованные в этих стихах, для характеристики конкретных процессов, событий и личностей, современным критериям, устоявшимся в литературе, публицистике и журналистике, а также в разговорной и письменной речи определенных слоев общества, трактовке объективных социально-экономических и политических факторов сегодняшнего общества и этапа истории?* Не уверен, что понял эту фразу... В устной же речи «определенных социальных слоев общества» употребительность непечатных выражений известна каждому по ежедневному уличному опыту; и, действительно, я и (судя по печати) многие другие слышали такие выражения даже от лиц партийных и начальствующих... — При составлении настоящего экспертного заключения я был должным образом полностью уведомлен, согласно закону, о правах эксперта и о его ответственности, с чем и старался соотноситься. Приношу благодарность за возможность познакомиться с чрезвычайно интересным филологическим материалом».

Потом Е. А. Тоддес сделал на этом чрезвычайно интересном филологическом материале очень хорошую статью в рижском «Роднике». А для меня это было первое знакомство со стихами Кибирова, так что я и впрямь благодарен этому случаю. Была ли эта экспертиза критикой или не критикой? Не знаю.

Без эпитафии.

Ю. Тынянов

Когда в 1962 г. готовилась первая конференция по семиотике, я получил приглашение в ней участвовать. Это меня смутило. Слово это я слышал часто, но понимал плохо. Случайно я встретил в библиотеке Падучеву, мы недавно были однокурсниками. Я спросил: «Что такое семиотика?» Она твердо ответила: «Никто не знает». Я спросил: «А ритмика трехударного дольника — это семиотика?» Она так же твердо ответила: «Конечно!» Это произвело на меня впечатление. Я сдал тезисы, и их напечатали.

Сейчас, тридцать с лишним лет спустя, мне кажется, что и я дорос до той же степени: не могу сказать о семиотике, что это такое, но могу сказать о предмете, семиотика это или нет. Эпоха структурализма прошла, о тартуско-московской школе стали писать дискуссионные мемуары, и в них я прочитал, будто и вправду еще не решено, что такое семиотика: научный метод или наука со своим объектом. Это меня немного утешило.

Дискуссию начал Б. М. Гаспаров, написав, что тартуская семиотика была способом отгородиться от советского окружения и общаться эсотерически, как идейные заговорщики. Ему возражал Ю. И. Левин, полагая, что это был не столько орден с уставом, сколько анархическая вольница с добрыми личными отношениями: не столько Касталия, сколько Телем. Выступавшие в дискуссии описывали не столько мысли, сколько живящий воздух этого Телема — даже не Тарту, а тартуских летних школ в Кяэрику. Я не был ни на одном собрании этих летних школ: по [329] складу характера я необщителен, учиться предпочитал по книгам, а слушать молча. С Борисом Михайловичем Гаспаровым мы сверстники, и ту научную обстановку, от которой хотелось отгородиться и уйти в эсотерический затвор, я помню очень хорошо. Но мне не нужно было даже товарищей по затвору, чтобы отвести с ними душу: щель, в которую я прятался, была одноместная. Мой взгляд на тартуско-московскую школу был со стороны, верней из угла. Из стиховедческого.

Казалась ли эта школа эсотерической ложей или просветительским училищем? И то и другое. Обсуждающие сопоставляли традиции литературоведческого Ленинграда и лингвистической Москвы^[1]. Но возможно и другое сопоставление: между формализмом ленинградского ОПОЯЗа и московской ГАХН. Опоязовцы бравировали революционностью: они подходили к изучению классики с опытом футуристической современности, где каждые пять лет новое поколение ниспровергало старое. Москвичи бравировали традиционностью: они подходили к современной словесности с опытом фольклористики и медиевистики, от лица которых Веселовский когда-то сказал, что когда-нибудь и самоновейшая литература покажется такой же традиционалистичной, как старинная. Интересные результаты получались и у тех, и у других. Опоязовские формалисты бурно вмешивались в жизнь, гахновские — отгораживались от нее на своей Пречистенке. Официальную науку раздражали и те и другие: ленинградцы своим литературно-инженерным жаргоном, москвичи — своей грецизированной риторической номенклатурой. Бывают эпохи, когда и просветительство остается заботой столь немногих, что их деятельность кажется эсотерической причудой.

Когда я студентом перечитал все написанное русскими формалистами, я понял, что московская традиция мне ближе. Терминологию Р. Шор и Б. Ярхо можно было выучить хотя бы по Квинтилиану, а что такое «теснота стихового ряда», предлагалось понять самостоятельно из вереницы разнородных примеров, — это было труднее. (Я до сих пор не встретил ни одного

научного определения этого тыняновского понятия — только метафорические.) В тартускую «Семиотику» я пришел в первый раз с публикацией из Ярхо и о Ярхо. Помню, как мне позвонил Ю. М. Лотман и назначил свидание в ЦГАЛИ. Он сказал: «Вы меня узнаете по усам». Много лет спустя я обидел однажды Н. Брагинскую, заподозрив, будто она сама себя отождествляет с О. М. Фрейденберг, которую она издавала. Она написала в ответ, что и я так же отождествляю себя с Ярхо. Я ответил: «Нет, мое к нему отношение проще: я — его эпигон, и вся моя забота — в том, чтобы не скомпрометировать свой образец».

Почему меня приняли в «Семиотику»? Я занимался стиховедением с помощью подсчетов — традиция, восходящая через Андрея Белого к классической филологии и медиевистике более чем столетней давности, когда по количеству перебоев в стихе устанавливали относительную хронологию трагедий Еврипида. Эти позитивистические упражнения вряд ли могли быть интересны для ученых тартуско-московской школы. К теории знаков они не имели никакого отношения. В них можно было ценить только стремление к точной и доказательной научности. То же самое привлекало и меня к тартуским работам: «точность и эксплицитность» [330] на любых темах, по выражению Ю. И. Левина, «продвижение от ненауки к науке», по выражению Ю. М. Лотмана. Мне хотелось бы думать, что и я чему-то научился, читая и слушая товарищей, — особенно когда после ритмики я стал заниматься семантикой стихотворных размеров.

Потом я оказался даже в редколлегии «Семиотики», но это уже относится не к науке, а к условиям ее бытования. В редколлегию входил Б. М. Гаспаров, и его имя печаталось среди других на обороте титула даже после того, как он уехал за границу. Цензор заметил это лишь несколько выпусков спустя. Но Ю. М. Лотман сказал ему: «Что вы! это просто опечатка!» — и переименовал инициалы.

Около десяти лет в Москве работал кружок (или семинар?), похожий на филиал тартуско-московской школы. (Правильно ли я понимаю, что «тартуской» она называется по кафедре Ю. М. Лотмана, а «московской» по сектору в Институте славяноведения, где были Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров?) Собирались сперва в Ин. язе, потом у А. К. Жолковского, потом у Е. М. Мелетинского. Из Ин. яза нас прогнали за то, что мы пригласили с докладом иностранца — Джеймса Бейли: до сих пор помню, как я должен был выйти и сказать ему в лицо, что его доклад (о ритмике Йейтса!) запрещен. У Жолковского собрания прекратились, когда Жолковский эмигрировал. У Мелетинского — когда умер Брежнев, пришел Андропов, и хозяин, дважды отсидевший при Сталине, почувствовал, что погода не благоприятствует ученым сборищам.

Доклады были сперва по стиху, потом по поэтике, потом по всему кругу московско-тартуских интересов. Темы были разные, и методы были разные. Общим было только стремление к научности, к «точности и эксплицитности» (Ю. И. Левин был самым постоянным их участником). Предлагалось описание текста, группы текстов, обряда, мифа, и обсуждалось, корректно ли выведены его закономерности. Впечатления «проверки единого метода на конкретных материалах» не было, а если оно возникало, то встречалось критически. Здесь мне было легче учиться, чем на тартуских изданиях: выступающие говорили понятнее, чем писали. Вероятно, потому, что не нужно было шифровать свои мысли от цензуры. Вообще же язык мне давался с трудом. Слово «модель» я еще долго переводил в уме как «схема» или «образец», а слово «дискурсивный» — как «линейный». «Если наша жизнь не текст, то что же она такое?» — сказал однажды с кафедры Р. Д. Тименчик, и я понял, что не все то термин, что звучит. Но упоения «птичьим языком» я у говорящих не чувствовал. Паролем служили скорее литературные вкусы: Набоков, Борхес. Когда М. Ю. Лотман невозмутимо делал доклад о поэзии Годунова-Чердынцева, мне понадобилось усилие, чтобы вспомнить, кто это такой. А когда Ю. И. Левин заявил тему о тексте в тексте у Борхеса, кто-то сказал: «Идет впереди моды».

Здесь я в первый раз попробовал от пассивного усвоения нового для меня языка перейти к активному. А. К. Жолковский делал разбор стихов Мандельштама «Я пью за военные астры...»; разбор этот в тогдашнем виде показался мне артистичным, но легкомысленным. Истолкование какой-то последовательности образов случилось для слушателей неубедительным; я, шутя, предложил другое, стараясь держаться манеры Жолковского. Он отнесся к этой пародии всерьез и попросил разрешения сослаться на меня. («См. словарь Ожегова, «ссылка» 1 2», писал по поводу таких разрешений Ю. И. Левин.) После этого я стал относиться серьезнее к своим разборам стихотворений, а Жолковский, кажется, шутливей, — передоверив некоторые из них профессору Зет своих рассказов.

Философского обоснования методов не было, слово «герменевтика» не произносилось. Ю. И. Левин справедливо писал, что это была реакция на то половодье [331] идеологии, которое разливалось вокруг. Мне кажется, что это сохранилось в собравшихся и посейчас, хотя захлестывающая идеология и сменила знак на противоположный. У более молодых спроса на философию больше, но сказывается ли это на их конкретных работах — не знаю. Главное — в том, чтобы считать, что дважды два — четыре, а не столько, сколько дедушка говорил. (Или газета «Правда», или Священное писание, или последний заграничный журнал.) Философские обоснования обычно приходят тогда, когда метод уже отработал свой срок и перестал быть живым и меняющимся. Видимо, это произошло и со структурализмом. Сменяющий его деструктивизм мне не близок. Со своей игрой в многообразие прочтений он больше похож не на науку, а на искусство, не на исследование, а на творчество и, что хуже, бравивирует этим. Мне случилось помогать моей коллеге переводить Фуко и Деррида, и фразы их доводили меня до озверения. В XIX в. во Франции за такой стиль расстреливали. Конечно, я сужу так, потому что сам морально устарел.

Когда сделанное уже отложилось в прописные истины, делаемое перешло в руки наследников, а товарищи по делу разбрелись географически и методологически, то естественно возникает ностальгия по прошлому. Социальная ситуация изменилась, стало возможным говорить публично о том, что раньше приходилось таить. Просветительский ум должен этому только радоваться, но эмоционально это может ощущаться как профанация. Оттого-то Б. М. Гаспаров, описывая прошлое тартуско-московской школы, подчеркивает в ней не просветительский аспект, а черты эсотерического ордена с тайным терминологическим языком. А Ю. И. Левин делает на мандельштамовской конференции доклад «Почему я не буду делать доклад о Мандельштаме»: потому что раньше Мандельштам был ворованным воздухом, паролем, по которому узнавался человек твоей культуры, а сейчас этим может заниматься всякий илот, стало быть, это уже не интересно. Я-то чувствую себя именно таким илотом от науки и радуюсь, что больше не приходится тратить половину сил на изыскание способов публично сказать то, что думаешь.

Б. М. Гаспаров применил в описании тартуско-московской школы тот анализ, который она сама привыкла применять к другим объектам. И тартуско-московская школа сразу занервничала, потому что почувствовала, насколько такой анализ недостаточен. Это хорошо: такая встряска может оживить ее силы. А если нет — что ж, «тридцать лет — нормальный жизненный срок работоспособной научной гипотезы», — писал один очень крупный филолог-классик. Гипотеза, о которой шла речь, была его собственная.

ОТВЕТЫ НА АНКЕТУ ЖУРНАЛА «МЕДВЕДЬ»

Ваш девиз? *Два: на лицевой стороне ленточки — «Non ignara mails, miseris succurrere disco», на оборотной — «Возьми все и отстань».*

Тоже из анкеты

1. «У вас своеобразный подход к литературе. Что способствовало вашему увлечению рус. формализмом? Давление со стороны тогдашних ваших профессоров?» *Формализм и продолживший его структурализм живут в литературоведении [332] уже 80 лет: вряд ли это может быть названо «своеобразным подходом». Когда я учился в 1950-х гг, они подвергались гонению; ноу меня конкретное мышление, мне было интересно, «как сделано такое-то произведение», и я читал формалистов, не спрашивая профессоров.*

2–3. «Когда вы начали использовать точные методы в лит. исследованиях, это было модно? Кто еще этим занимался? Чьим последователем вы себя считаете?» *И тогда не было модно, и теперь немодно. Занимались этим стиховеды, помнившие о Белом и Томашевском, а вне стиховедения — только Б. И. Ярхо, умерший в 1942 г. Своими учителями я считаю Томашевского и Ярхо, которых никогда не видел.*

4. «Почему ваши работы посвящены исследованию столь, казалось бы, непохожих эпох?» *Не понимаю вопроса. Филолог, по этимологии своего имени, обязан любить каждое слово каждой эпохи.*

5–6. «Создается впечатление, что вы любите поэтов, в совершенстве владеющих техникой стиха. Если это так, то кто ваш любимый поэт: Брюсов, Ходасевич, Мандельштам?» *По-моему, все больше любят поэтов, владеющих техникой, чем не владеющих; я тоже. А кто мой любимый поэт, это мое личное дело.*

7 «Вы пробовали когда-нибудь писать стихи?» *Как все: лет в четырнадцать.*

8. «Не умертвляют ли ваши аналитические методы исследования живую стихию поэзии?» *Объясните мне, что такое живая стихия поэзии. Когда я слушаю живого собеседника, я тоже анализирую его речь, иначе я ее не пойму; только в личном разговоре я могу это делать наскоро, а когда я читаю стихи, написанные кем-то когда-то заведомо не для меня, и хочу их понимать, то приходится это делать медленнее и с трудом.*

9–10. «Как вы думаете, почему ваши методы наиболее подходят для исследования надуманных, «головных» стихов XX в.? Почему у вас нет работ по творчеству Пушкина?» *Я не умею читать в душе писателя и поэтому не умею отличать «надуманные» стихи от «ненадуманных». (Может быть, «надуманные» — это просто те, которые Вам менее понятны?). А Пушкиным и Фетом я занимался больше, чем поэтами XX в.*

11. «Вы не пытались подвергнуть анализу современные поэтич. тексты: авангард, масс. культуру, рок, рекламные тексты?» *Нет: я недостаточно их знаю.*

12–14. «Вы пишете, что без слияния с природой, со стихией истинная культура не выживет, выродится в пошлый быт, что культура жива, пока опирается на стихию, пока силен разум, поскольку им движет страсть. Если это так, то что вы подразумеваете под этой движущей страстью? По-прежнему ли современное искусство соприкасается со стихией?» *Ничего подобного я не писал. Подозреваю, что Вы мне приписываете мысли некоторых стихов В. Брюсова; я их изучал, но за них не отвечаю.*

15. «Почему у вас так много работ по ритмике стиха? Какую роль играют отклонения от ритма?» *Потому что стиховедение — это моя специальность. А оно занимается (в числе прочего) именно ритмом: где он более тверд и где более зыбок и почему.*

16–17, 20. «Какую роль в совр. искусстве и, шире, культуре играет ритм (в совр. музыке, рекламе, клипе)? Возможно ли искусство вне ритма? Играете ли вы на каких-нибудь инструментах?» *Я занимаюсь ритмом стиха, словесным ритмом; к музыке глух; и о ритме в расширительном смысле слова судить не берусь.* [333]

18. «Насколько зависит человек в повседневной жизни от знаков и символов, возникающих в сознании, но которые необязательно проявляются в действительности?» *Не понимаю вопроса. Знаки потому и знаки, что они означают что-то «проявляющееся» в действительности.*

19. «В работе о «Далях» Брюсова вы делите поэзию на «донаучную» и «научную»; «научная» требует расшифровки: текст нужно разложить на составляющие, расшифровать их, заново соединить и тем самым понять то, что казалось бессмысленным. Вы не пытались так дешифровать нелитературные произведения?» *Поэзию на «донаучную» и «научную» делю не я, а Брюсов. Об остальном см. ответ 8.*

21. «Какая у вас любимая басня?» *Федр, IV, 18.*

22. «Вам никогда не хотелось написать художественное произведение о современной жизни? Почему?» *Потому что я не писатель.*

24. «Какую роль в современном искусстве играет скандал?» *Не знаю.*

26–28, 30. «Почему раньше риторику не изучали в школах, а теперь стали? Как выглядят с точки зрения риторики современные СМИ? Современная реклама? Какую роль играет реклама в современном обществе?» *Такую же, как во всяком. Начатки риторики изучались и в советской школе, в младших классах; они назывались «развитие речи». Современных школьных программ по риторике, к сожалению, не знаю, и рекламой не занимался.*

29. «Не было ли вам предложений от рекламных компаний о сотрудничестве?» *Нет.*

31. «В чем причина подмены части искусства на псевдоискусство: популярная музыка, мода, клип, реклама?» *См. ответ 4: я не критик, а исследователь, поэтому не имею права различать хорошее «искусство» и дурное «псевдоискусство».*

32. «Почему у вас нет работ по творчеству современных писателей?» *Рифмовкой современных поэтов я занимался и занимаюсь очень много.*

33–34. «В чем специфика совр. городского фольклора? Почему вы о нем не пишете?» *Потому что я не фольклорист.*

35–36. «Вы сторонник аналитич. подхода к литературным текстам. Как вы считаете, каким должен быть адекватный лит. перевод? Что удачнее у Маршака: переводы Бернса или Шекспира?» *(А причем здесь аналитический подход?) Перевод для начинающих читателей должен приближать подлинник к читателю («творческий перевод»), для опытных читателей — приближать читателя к подлиннику («буквалистический перевод»); степень потребности в том и другом меняется от эпохи к эпохе. Маршак одинаково переводил для начинающих и Шекспира и Бернса; это было и остается нужным.*

37. «Почетным членом скольких университетов вы являетесь?» *Ни одного.*

44–45. «Когда-то выходил журнал «Даугава» — как вы его оцениваете? Там печатались работы Б. М. Гаспарова — это ваш сын?» *Журнал выходит и сейчас и по-прежнему заслуживает внимания. Борис Михайлович Гаспаров — мой сверстник, ученый с мировым именем (лингвист, литературовед, музыковед, семиотик) и печатался отнюдь не только в «Даугаве».*

40–42. «Какую роль в истории искусства играет мода? Престижно ли сейчас быть филологом? В серебряном веке быть поэтом было модно и престижно; почему сегодня это не так?» *Это вопросы не к филологу, а к социологу.*

47. «Как вы считаете, почему в недалеком тоталитарном прошлом был подъем литературы, а когда все запреты пали, ее не стало?» *А разве был такой уж подъем? А разве теперь ее совсем*

Р. С. ...и из некоторых других анкет:

Если рассматривать мир как текст, причем поэтический, то каков онтологический смысл рифмы? И вообще — литература подражает жизни или наоборот? Литература — часть жизни: можно ли сказать, что моя рука мне подражает или наоборот? Она делает свое дело. А что такое «онтологический смысл», я не понимаю.

Что такое «человечность» и «столичность» для Катюлла, мы знаем; а для вас, в Москве конца XX в? — «Человечность» — вероятно, то же самое: во-первых, разумность в отношении к миру, а во-вторых, уважительность в отношении к людям. Что такое сейчас «столичность», не знаю: тоже, вероятно, то же самое — изящество поведения. Но у меня его нет, и поэтому я предпочитаю о нем не думать и считать его несущественным.

Как вы ответите на восьмой вопрос Александра индийским мудрецам: «что сильнее, жизнь или смерть?» — Не знаю: вопрос вне моей компетенции. Я хотел добавить: «Я и сам бы рад получить на него ответ», но почувствовал: пожалуй, нет, не так уж мне это интересно. Наверное, это нехорошо?

Если бы все лекции и конференции отменились или отложились, чем бы вы занялись в это свободное время? — Я академический работник, лекций читаю мало, такой прибавки свободного времени я бы не почувствовал. «А если бы отменились плановые работы?» — Оказался бы в затруднении: не знал бы, что же людям от меня нужно. Но тут непременно кто-нибудь о чем-нибудь попросил бы помимо всякого плана, и все встало бы на прежние места.

Если выбирать, в какой стране и в каком столетии работать, что бы вы выбрали? — Я немного историк, я знаю, что людям во все века и во всех странах жилось плохо. А в наше время тоже плохо, но хотя бы привычно. Одной моей коллеге тоже задали такой вопрос, она ответила: «В двенадцатом». «На барщине?» — «Нет, нет, в келье!» Наверное, к таким вопросам нужно добавлять: «...и кем?» Тогда можно было бы ответить, например: «Камнем...» [335]

ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung unordn g
ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung ordnung
ordnung ordnung

Tumm Ульрихс

Faciendi plures libros nullus est finis.

Eccl. 12, 12

Nullum est iam dictum, quod non sit dictum prius.

Ter. Eun. 41. См. ПОДТЕКСТЫ

Раз мне что-то кажется, значит, это не так.

Эпиграф

Аборт Будто бы Институт русского языка довел филинский Словарь языка Ленина до конца и представил к утверждению, но партийное начальство его листнуло, увидело, что первое по алфавиту слово — «аборт», и решило отложить.

Abort Легенду о Федоре Кузьмиче пустил для саморекламы его покровитель купец Громов; но В. Ф. Булгаков верил, потому что только в его избе на всю Сибирь было отхожее место («Минувшее», 16).

Азбука Ю. Кожевников стал специалистом по румынскому, потому что после войны курсантов в Военный институт иностранных языков распределяли по алфавиту: от А до В английский, от Г до Е болгарский итд.; на К пришелся румынский.

Аарон — это имя было в ходу только у евреев и донских казаков (А. Штейнб., 6).

«**Австрийская** литература», «канадская литература» и пр.; «однакоже горюхинцу легко понять россиянина, и наоборот». [336]

Амплуа О. Седаковой звонили: «Нам для подборки молодых поэтов нужен реалистический мужчина и тонкая женщина — не посоветуете ли?»

Апокалипсис каждому поколению хочется, чтобы история кончалась именно на нем. Конец света был в 1932/33 г. — по пророчеству полковника Бейнингена, которого в 1910 г. сходились слушать чиновники и мастеровые, женщины в платочках и в широких шляпках; или даже в 1912, когда Пасха совпала с Благовещеньем, как говорили иоанниты (А. Пругавин, Зав.

1913, 5). «Можно ли писать после Аушвица? Так, вероятно, говорили: можно ли писать после гибели Трои?» (Сказала Т. Толстая.) А вот можно ли писать до Аушвица?

Аппроксимация — называется официальное снижение требований в школьной программе по иностранным языкам. «По-русски это значит: не знаем и не будем».

Арум в «Елене» Пастернака («сухотный корень, аронова борода, змей-трава») — от «ядовитого арума» у З. Гиппиус в «Цветах ночи». О. Кушлина нашла его изображение в книге тех лет о комнатном цветоводстве: початок очень фаллического вида.

Азимут «Зюганов как теоретик блудит по всем азимутам», сказал Горбачев в телеинтервью «Итоги» в марте 1996. — Ср.: «Это было, когда наше кино находилось в эпицентре своего падения вниз», — сказал Э. Рязанов, тоже по телевизору.

Апрель «Надо же быть иногда дежурным по страданию» (Б. Зубакин, Немир. 175).

Ад L'enfer c'est l'autre оборачивается для меня L'enfer c'est moi, потому что не может же быть адом такой большой, устроенный, нерушащийся мир. Конечно, он хорош, только пока не под микроскопом, пока не видишь, как мошки пожирают мошек, а кислоты и щелочи грызутся друг с другом. Но себя-то я вижу только в микроскоп.

Сыну приснился сон про меня. Я иду на медведя, но больше всего стараюсь не сделать ему больно. Я нащупываю ему сердце, а он тем временем мотает на лапу мои кишки. Я его таки убил, но после этого понятным образом оказался в санатории «Омега», где написал машинописный роман. В предисловии сообщается, что четные главы я писал выздоравливая, а нечетные в бреду, и чередуются они для разнообразия. И что в романе много самоубийств, но на разных языках (NN удавился по-русски, а другие — следуют фразы латинская, испанская, немецкая...), поэтому не надо удивляться, что иные, умерев на одном языке, продолжают жить на других, итд.

Аромат Архив В. Розанова хранился в Сергиеве у Флоренского, «который распорядился вынести его в сарай, говоря, что он не [337] выносит аромата этих рукописей» (РГАЛИ, 1458, 1, 78, Д. Усов — Е. Архиппову).

Анкета (РГГУ) Причисляете ли себя к какой-нибудь научной школе? — Нет. — Считаете ли кого-нибудь своим учителем? — Загробно: Б. И. Ярхо («простите за цветаевский стиль»). В следующий раз напишу: Аристотель.

Анти «Духовность при желании можно видеть везде: в черной избе она для одного есть, для другого нет, в древней Руси для славянофилов есть, для западников нет. Это просто такое *антибранное* слово».

Ars Вырождение artis moriendi. Полис не допускал человека до страха смерти — приучал отдавать жизнь за дом, род, город и пр.; полис пал — стойки учили умирать за мировой закон итд. Лишь в новое время нестыдным становится страх смерти, как потом нестыдным становится обнажение секса итд. Стыдным становится стыд?

Аптека Взорванная статуя Николая II под Мытищами — работы Клыкова, к 100-летию Ходынки («если бы у нас в Персии случилась Ходынка, шах должен был бы отречься», говорили Юрию Терапиано) — была удивительно похожа на аптечную бутылку с короной-пробкой и мантией-сигнатуркой.

Анестезия Статьи, которые я писал к переводам античных поэтов, должны были анестезировать от их качества.

АНЕСТЕЗИЯ. Ко мне пришла чужая аспирантка с диссертацией о ритмике русской,

английской и др. прозы в свете экзистенциализма. Я уклонился: «экзистенциализм — удел душевных складов двоякого рода: во-первых, это толстокожие, душевно ожирелые (как Дионисий Гераклеяский, которого нужно было колоть иглой сквозь дикое мясо, чтобы он очнулся для государственных дел), которым нужна гурманская встряска, чтобы что-нибудь воспринимать; во-вторых, тонкокожие, которым так мучительно каждое соприкосновение с миром, что они вынуждены искать в этих муках наслаждения. А для остальных анестезией в соприкосновении с миром служит мысль — этой терапии учил нас Сократ, которого экзистенциалисты не любят».

Аллегория С. А.: символ и аллегория подобны слову и фразе, образу и сюжету: первый цветет всем набором словарных значений, вторая контекстно однозначна, как оглобля, вырубленная из этого цветущего ствола.

Аграфия «У Ахматовой была аграфия — пропуски слогов даже в парадных беловиках; не связано ли это с ее вкусом к «пропуску слогов» в ритме дольников?» — спрашивал Р. Д. Тименчик. [338]

Активность/пассивность (С. Ю. Неклюдов:) «Пермяков спрашивал встречных, сколько кто знает пословиц; отвечали: около 20. Потом раздавал список пословиц и просил проставить крестики; получалось: около 200. Так мы недооцениваем весь архаико-фольклорный пласт в нашем сознании».

Ахилл и черепаха Делимость времени понималась труднее, чем делимость пространства, потому что не было часов с «тик-так» (и долгое время даже с «кап-кап»).

Сон сына. «А когда Ахилл догнал черепаху, она ему ска...» Дальше сон оборвался.

Барокко Мне было трудно воспринимать беллетристику (а особенно драму и кино), потому что у меня не было сюжетных ожиданий, подтверждаемых или опровергаемых: я знал, что равно вероятно, ударит ли Шатов Ставрогина или Ставрогин Шатова: как захочется автору, вот и все. Это как бы барочное восприятие: всё в каждом моменте, а связь моментов не важна.

Бытие «Заведующий тем, что есть и чего нет» — назывался казначей Северного Египта. (Источник не выписан).

Бытие «Вот книжка, доказывающая, что Наполеона не существовало; не попробовать ли тебе доказать, что ты сам не существуешь, и этим отрешиться от твоих неврозов?» — «Что ты сам не существуешь — это так очевидно, что доказывать это — значит, наоборот, убеждаться, что ты, к сожалению, существуешь».

Бытие Дочь сказала: «Бытие определяет сознание». Внучка спросила (7 лет): что это значит? «Ну, вот что важнее — что ты думаешь или что ты делаешь?» — «Именно я?» — «Именно ты». «Я — что думаю, а другие — что делают». И объяснила: она-то знает, что толкнулась в коридоре не нарочно, а учительница не знает, видит только то, что сделано, и записала выговор.

Бытие Внучка смотрит в окно на пустой двор. «Что ты делаешь?» — «Я смотрю на происходящее».

Бытие (Воск. персона, 2, 8). «...челобитную о небытии — повелеть ему не быть в анатомии, куншткаморою называемой: уже стало ему, горькому, тошно вся дни провождать посреди лягв, и младенцев утоплых, и слонов, — и за то свое небытие даст он впятеро больше противу своей цены». (Отработал ли я впятеро за свое небытие?)

Быть «Каждый из нас обязан в чем-то не быть собой, чтобы быть собой могли другие» (о

филологе; кто?). [339]

Библиотека Когда перестали читать Гекатея и Гелланика? Видимо, когда явилась александрийская библиотека, погребла их и заменила эксцерптами и переработками. До библиотеки книги читались мало, после — не читались совсем.

Божественно О. Фрейденберг писала: «Я божественно говорю по-гречески, хоть не понимаю слов» (от Н. Перлиной).

Бог А. Жолковский говорил нерадивому аспиранту: главное свойство американской диссертации — написанность, этим она отличается, например, от Бога, который так совершенен, что не нуждается в существовании...

Болезнь «Неправда, что в войну от напряжения люди не болели, просто заболевшие тут же умирали и не могли об этом сказать потомкам». В 1812 г французы больше погибали от дизентерии, чем от русских (см. МОРОЗ).

«Бормашина какая-то!» — отзывался Андрей Белый о Прусте (восп. П. Зайцева).

Блюстись Журнал «Радонеж» рекомендует в великий пост воздерживаться не только от жены, но и от компьютера.

Безнаказанность — «промежуток между преступлением и наказанием» (словарь Бирса) — «смотреть на свою жизнь как на преступное занятие и ежеминутно ждать карающей власти». — «Чевенгур»

Банка «Анненский познакомился со стихами Вяч. Иванова лишь за год до смерти: не только его не читали, но и он никого не читал, жил как в стеклянной банке, на виду как директор-инспектор, но дыша только баночным воздухом французских символистов и перелицовываемого Еврипида. Когда он в 1909 разбил свою банку, это оказалось смертью. Гумилев точнее писал о нем в «Семирамиде», чем в «...из царскосельских лебедей»».

«Бхагаватгита — это будто бы европейскому герою открывается тот бог, который говорил с Моисеем, и объясняет любовь выше всего, а поэтому Ахилл обязан идти бить троянцев» (сказал С. Серебряный).

Борьба Усатый офицер скандалил в буфете на станции. Лев Толстой огорчился, а потом подумал: «Ведь только поэтому мы все-таки получаем здесь свежую пищу» (дн. Гольденвейзера, 27.07.05).

Бестактность Каждое мое слово может быть бестактным, каждое может кого-нибудь обидеть, поэтому молчи, скрывайся и таи. Поэтому, а не по-тютчевски. [340]

Бузина «Русский ассоциативный словарь» (имени профессора Роусса), частота откликов: *свадьба* — в Малиновке 44, золотая 8, веселая 6, водка 3, бухло, кабала, развод, Фигаро, эфир 1, *светофор* — зеленый 14, горит 11, красный 4, для дураков 1, Колумб 1.

Белый Скобелев был «белым генералом», потому что сражался, преодолевая страх, и чтобы скрыть бледность, одевался в белый мундир и скакал на белом коне.

Бедная Лиза А. Осповат: «Скажу Топорову, что одну бедную Лизу он пропустил: собачку Петра I Лизетту Даниловну, Меншиков крестил (или крестил князь-папа, а Меншиков был восприемником) — и было это под тот 1709, когда родилась Елисавета Петровна, тоже бедная Лиза».

Брак «Разрешаю похоронить гражданским браком» — была резолюция сельсовета об умершем Хлебникове («Вестник» 1, 76).

«Брак — говорил Бернард Шоу, — как масонство: кто не вступил в него, ничего не может сказать, кто вступил, ничего не смеет сказать».

Будущее «Все умерли, Саш, теперь будущее настанет» («Чевенгур»). Я вспомнил, как при назначении Б. Сучкова директором ИМЛИ было сказано: вы не думайте, пока наше поколение

не вымрет, ничего хорошего в науке не будет.

Боранавт Пяст в последней главе «Встреч», цитируя свою «Жору Петербургскую», добавляет «форма «жоры», как равно и «хаки», как равно и «боранавт», — все родились в «Собаке»» итд. Я написал в учебной книжке по стихосложению, что ни одного «боранавта» нам не удалось ни найти, ни сочинить. После этого мне прислали целых два, один — из Франкфурта.

В. Файер:

Я под вечер — в собор, а наутро — умру.

Ибо рана утихнет навеки к утру.

В. Бейлис:

Раз Боранавт на Франкфуртский берег проветриться вышел.

Страсти сказал он: тубо! рана утраты болит.

После отправился в бор, а наутро, страдая, усталый,

Бога моля, у собора на утрени стал:

— Дай мне, прошу, утоления в горести сумрачной, ибо

Рана у тех, кто, придя на собор, — «ан! аутсайдер!» услышит

Злые слова, гордецом в простоте возглашенные грубо, —

Рана у тех, говорю, не заживает, мой Бог! —

Так говоря, от собора наутек Боранавт вприпрыжку пустился,

Не на чело свой убор, а на утробу надев. [341]

Верлибр «Neither verse nor prose, but the lingua franca that translators have developed in the last generation» — рец. в «Phoenix» 27 (1972), 304.

Верлибр этот подстрочник ненаписанных шедевров.

Веспер вечерняя Венера; у Пушкина «встречен Веспер петухом» — то ли глубокая игра, то ли такая же обмолвка (вечер вместо утра), как у Мандельштама «Равноденствие» вместо солнцестояния и старт вместо финиша. Если глубокая игра, то потому, что вся дуэль в «Онегине» нереальна — состоит из непрерывных нарушений дуэльных правил; так же нереальна, как вторая кульминация — финальная сцена, где Онегин сквозь пустой дом доходит до будуара Татьяны.

Вернее Подменяя аргументацию убежденностью или, вернее, маскируя убежденность аргументацией.

Ветер Предсказать поведение обычного флюгера легко, но сверхчувствительного — такого, как Н. Б., — невозможно.

Ветер «Можно плыть по ветру и против ветра, но нельзя со вчерашним или завтрашним ветром». — Брехт.

Вежливость Объясняю молодой коллеге. Не надо в докладе говорить «как все могут видеть», говорите лучше «как всем известно». «Как известно...» — лучшее начало доклада, каждому так приятно, что если вы даже скажете «...что дважды два пять», все воспримут это как должное. И каждые пять минут задавайте риторические вопросы. Как генерал Сипягин: «Должен ли застрельщик торопиться при стрельбии? — Нет, и напротив того».

Вежливость Книжка «Печальну повесть сохранить» написана бледнее, чем пишут и Р.

Тименчик, и А. Осповат порознь: слишком взаимно вежлив стиль.

Вид Приказ по германским частям 1918 г. на Украине: не иметь победоносного вида, чтобы не раздражать население (Мин., 20, 519).

Видение — история жанра от Феспесия до капитана Стормфильда.

Вильнюс О нем писал Тойнби в 1920-х гг.: «город, который населен преимущественно белорусами и евреями, но спорят за который литовцы и поляки».

Вкус Положим в кастрюлю добродетели манну милосердия, польем елеем благочестия и заправим приправою смирения (Голос мин., 1926, 2, 134). [342]

Вкус мой — враг мой это ограда, защищающая меня, но и не выпускающая меня в мир.

Вкус Зачем отвергать? Если останется только то, что нам нравится, — ведь станет очень скучно. Мир, нравящийся нам, был бы ужасен. Именно поэтому Сципион отстаивал сохранение Карфагена.

Вкус Качалов чуть не заплакал от злобы на себя, что ему не понравилось, как читала Ермолова (Виленкин, 202).

Вкус Спрашивать «какие стихи вам нравятся», вероятно, так же непристойно, как «какие женщины вам нравятся» (См. КАК ТАКОВОЕ.) «Какие современные поэты вам нравятся?» — спросил нас с Падучевой и Успенским Пятигорский. Я не догадался ответить: мы уже в том возрасте, когда любят не поэтов, а стихотворения. Я сказал: Юнна Мориц.

Вкус Кузмин ценил в Маяковском такое же притягивание безвкусицы, дурного тона, какое было у него.

Вкус Записи Б. Садовского (Зн 92, 7): «Вкусовые ассоциации в словах: Давид — большой синий изюм; Владимир — початая плитка шоколада в серебряной бумажке и брызнувший красный сок из спелого королька; Александр — густо намазанная пшенная каша в серебряной ложечке и четверик стеариновых блестящих свеч» итд. Я давно предлагал издавать литературно-критический журнал «Дело вкуса» на глянцева бумаге с цветными фотографиями тортов и салатов.

Водка Сухой закон 1914 г. был введен по требованию общества, правительство боялось потери дохода и тревожилось о не привычном самоограничении. Когда война затянулась, это вызвало лозунги: «мира!»

Вечный огонь горел на кухне в ресторане Вери, где пил Зарецкий (Алданов, Оч., 221).

У меня — от привычки к близорукости — забывчивость на лица. Однажды я полчаса говорил с НН, потом он меня спросил: «Вот вы были знакомы с Бобровым: не осталось ли от него заметок о Хлебникове, кроме уже известных?» — «Не знаю, но есть такой Парнис, он у Боброва бывал, должен все знать». НН странно поглядел на меня: «А я и есть Парнис». — «Ах, извините» и пр. В кино я начинаю отличать мужа от любовника только к тому времени, когда это уже не важно. Однако для авангардно-загадочных фильмов (к сожалению, я их не вижу), вероятно, это даже хорошо: придает лишний слой загадочности, как близорукость близорукому — лишний слой эстетических впечатлений. (Как Ремизов-гимназист, надев очки, огорчился, что звезды из лучащихся пучков превратились в точки). «Импрессионизм — это мир, видимый мною без очков». — См. ДИСКУРСИВНОСТЬ. [343]

Возраст «Молодые люди всегда одарены, это вроде возрастной болезни», — Брехт. «Пушкин нам кажется старше себя, а Лермонтов моложе, потому что он глупее, глупость очень молодит», — заметила Р.

Возраст «Он не старый, он бывший молодой».

Возрождение с его национальными языками — вавилонское столпотворение европейской культуры.

Военные поселения Аракчеева давали небывалые урожаи; Николай I забросил их только потому, что боялся этого как бы государства в государстве.

Вор «Разделяясь без остатка на бездарных хозяйственников и талантливых воров». (Кажется, 1913 г.) Ср.: «Не могу понять ваше правительство: почему не дать человеку то, что он все равно украдет?» (Кажется, 1985 г, сб. А. Л. Жовтиса.)

Вор Молитва пахаря: «Боже, возрасти... и на трудящего и на крадящего» (Зап. книжки М. Шкапской, РГАЛИ). Заговор от волка и напрасного человека (у тувинских старообрядцев, рассказывала С. Н.).

Великаны Некогда вместо нас на земле жили большие люди и назывались волоты, кости их и ныне в земле находят, а после нас будут жить малые люди и называться пыжики (Зап. Рус. геогр. общества).

Великаны Русские великаны, подаренные в Пруссию, могли еще биться против нас в Семилетнюю войну (РСт 66, 1890, 129).

Валаам «Потому она и была ослица, что заговорила, когда ее не спрашивали» (Там же, 219).

Воспитание По определению миссис Пипчин, это — чтобы дети не делали того, что им нравится, и делали то, что им не нравится («Домби и сын»). Цивилизация как инерция садизма.

Воспитание Криминолог Н. Гернет писал: «Воспитание человека начинается за 100 лет до его рождения».

Воспитание В конце 1917 было покушение на Ленина, его заслонил Ф. Платтен. С покушавшимся провели воспитательную работу и отправили его в Красную Армию. Потом в 1937 он оказался с Платтенем в одном концлагере.

Волнообразно Меня воспитывали дома, ничего хорошего не вышло; поэтому дочь отдали в детский сад, тоже ничего хорошего не выш[344]ло; поэтому сына — дома, тоже ничего хорошего; поэтому старшую внучку — в детском саду, тоже ничего хорошего; поэтому младшую внучку — дома... «А чтобы мысль не пропадала праздно, он сам и ел и пил волнообразно».

Воспитание Вырастили, дали все, что могли, и внушили отвращение ко всему, что дали.

«Воспрял духом» — в первый раз я услышал это на уроке истории в 1950 г. и был покоробен: ведь «прянуть» — от «прядать», а не «прясть». Потом с грустью нашел эту форму уже в письме П. Муратова К. Ф. Некрасову. См. ВОЛНИТЕЛЬНЫЙ.

Вопреки «Корабли Тихоокеанского флота даже выходят в дальние походы — как говорят офицеры: вопреки реальности» (командующий, по телевидению). Как будто вся Россия существует не вопреки реальности. См. ФЛОТ.

Вопрос «У вас слишком мало неотвеченных вопросов», сказал мне Аверинцев. Общество не учило меня никаким вопросам, а природа осыпала слишком многими, вот я и чувствую себя вечным экзаменуемым, призванным к ответу.

Аннотация. Сорокин В. В. Лирика: стих, и поэмы. М.: СП, 1986. *«Не нужно удивляться, что под названием «Лирика» в эту книгу входят и поэмы: широкий размах тем и интонаций поэта Валентина Сорокина неизменно влечет его к большим формам. Самое крупное произведение в сборнике называется «Бессмертный маршал»; список действующих лиц его начинается: «Сталин. Жуков. Иван Кузнецов, уралец, боец, друг Жукова...» а кончается: «..Гитлер. Гудериан. Паулюс. Ева. В эпизодах: Бойцы. Русалки. Черт. Черти». И они не только действуют, а и говорят, и описываются, и вызывают поток авторских эмоций («...И сам за*

верность отчей колыбели готов принять распятие Христа»)...» итд.

Все «В английской революции короля поддерживали все помещики, все крестьяне и все поэты, кроме Мильтона».

Все Лотмана спрашивали: «Как вы могли принять ее в соискатели?» — Но она талантлива. — «Все наши враги талантливы» («Вышгород», 1998, 3).

Все (Подростку:) Быть как все — значит быть хуже, чем каждый.

Все Англичанин сошел на берег, увидел одного рыжего голландца, потом другого и записал в книжечку: «Все голландцы рыжие». Мы смеемся над ним, а между тем сами по одной встрече с собой решаем: «Все — такие, как я».

Все Толстой говорил: «Все хвалят — плохо, все бранят — хорошо, половина очень хвалит, половина очень бранит — превосходно; видимо, Горький превосходен» (Восп. Гольденвейзера). [345]

Всё Бальмонт, впервые обежав Лувр, спросил швейцара: C'est tout? — C'est quelque chose, monsieur, ответил вежливый швейцар (Восп. О. Мочаловой, РГАЛИ 273, 2, 6).

Все несчастья преходящи Притча в письме Гаршина: хохол, в первый раз в жизни напившись пьян, стал горько плакать: «Как же я теперь пахать и косить буду, коли на печку взлезть не могу?»

В целях Перед войной, когда все никак не удавалось выжить на пенсию старого ак. Державина, было издано постановление, почти дословно: «...в целях развития славяноведения — закрыть Институт славяноведения» и открыть кабинеты при... (От В. П. Григорьева).

Восток и запад В конце войны немцы предпочитали сдаваться союзникам, потому что слишком разъярили нас; а японцы нам, потому что слишком разъярили китайцев и американцев.

Враг Черногорская сентенция: героизм — это защитить себя от врага, а человечность — это защитить врага от себя (МН, 96, 11).

«Военный сборник» 1914, № 4, с. 78. Г. Усачев, «Элегия». Не брани ты меня, приголубь, приласкай, позабудем с тобой все бывшее. Песнь умчит нас в далекий заоблачный край, нам расскажет про счастье другое. Жизнь, как сон, коротка, пронесется волной — мы пред ней не преклонимся низко. Будешь здесь ты со мной, близко, близко со мной — Счастье будет для нас тоже близко.

Война Эйзенштейна спросили: ваша воинская специальность? — Вероятно, движущаяся мишень (В. Кат., 285).

Время В Праге — часы на синагоге, которые ходят по-еврейски против часовой стрелки. НН похож на часы, у которых минутная стрелка исправно кружится, а часовая стоит на месте.

Время Приснилась ведомость со счетом трат времени, под заглавием «Цайткурант».

Вычитание (С Дж. Смитом.) Если из Цветаевой вычесть гиперболизм и страсть, а оставить четкость формул и опору на созвучия слов, то это будет поэтика Слуцкого. Как много можно с пользой вычитать из Цветаевой! Ср. о Вере Меркурьевой.

Вымирание Как вымирал от одного до другого конца души Вяземский, как умирал, чтобы не вымирать, Пушкин.

Вудсворд Письмо Шагинян к Зощенко 4.04.1926: «Вы — классический русский писатель, величайший сатирик нашего времени (и, [346] пожалуй, всего человечества за этот отрезок времени, за исключением Вудсворда)...» Имеется в виду, конечно, Вудхауз. Звучит это как у Белинского: «Конечно, Гоголь великий писатель, но не мировой, потому что далеко ему до Жоржа Занда, не говоря уже о Купере!» Но в примечании, конечно, сказано: «Вордсворт У. (1770–1850), англ. поэт, принадлежавший к Озерной школе».

Я в глаза его гляжу
Не одна я там сижу:
В глубине его очей
Очень много сволочей.

Галлюцинация В академической поликлинике психоневролог спросила: как спите, не бывало ли видений или голосов? Я сказал: несколько лет слышу, будто из-за стены, глухую музыку вроде гимна СССР. Она явно оказалась неподготовлена к этому и не переспрашивала.

Глокая кудра примеры из палайского языка в книге Мунэна: *Les kuwanis dans le tashura*, qu'ils soient en... *Les warlahis dans les kuwalima*, qu'ils soient en... Тои, *tazzu* (повел. 2 л.) *les ittinanta!* Тои, *tazzu les kartinanta!* Таков же любой жаргон и любой иностранный язык для начинающего.

Глокая курдра А. С. Ахманов, рассказывая нам про греческую философию (!), привел фразу «пиротен конулирен элятиш», но не сказал, что это Карнап, т. е. что фоном подразумевается немецкий язык; я воспринял «пиротен» и «конулирен» как слова одной формы, и пример пропал бы даром, если бы Ахманов тут же не перевел: «пироты копулируют элятично». — Через двадцать лет мне нужно было переводить заумное вагантское заклинание гексаметром — «*Amara tanta tyri pastos sycalos sycaliri, Ellivoli scarras polili posylique lyvarras*»; я легкомысленно думал, что тут и переводить нечего, достаточно переписать русскими буквами, как советовал доктор Кульбин. Отнюдь; пришлось написать — «Столькое горькое тира паств и сикаств сикалира, Неболелейные скарры полеют селеют ливарры». Аверинцеву нравилось.

Генофонд Наиболее расово чистые культуры — эндогамные, каннибальские.

«Поэзия должна быть **глуповата**» Может быть, Пушкин имел в виду, что поэзия, по В. Вс. Ив., подчиняется правому полушарию? спросила Н.

...Глуповата «Он считал, что поэзия чужда рассудку и забывал лишь добавить: такому, как мой». Из рецензии. «Чем старше перечиты[347]ваю, тем меньше нахожу хороших стихов и тем лучше нахожу эти немногие».

Глуповата В «Месте печати» напечатали «Оммаж Проперцию» Паунда он мне показался глупее, чем раньше. Почему? Из-за графика: все строки с больших букв, концы длинных строк переносятся не в конец, а в начало следующей строки, поэтому кажется, что это не стихи, а проза сверхкороткими — как у Дорошевича или Шкловского — абзацами; лишь потом замечаешь, что в конце их часто не точка, а запятая. А от прозы инстинктивно ждешь большей содержательности. Многозначительность Паунда достигалась прихотливым расположением строчек, а оно и стерлось.

Гибридизация Х. Баран сказал: Хопкинс — это вроде Донна, заговорившего стихом Маяковского. (И языком «Светомира-царевича») Оцуп определял Есенина: смесь Кольцова и Верлена. А Иванов-Разумник говорил, что Розанов — это Акакий Акакиевич пополам с Великим инквизитором. Да и Монтень — это ведь тоже скрещение Авла Геллия с письмами Цицерона.

Герменевтика Мне объясняют, что это такое. «Филология была сама себе наследницей, не нуждающейся в рефлексии. В XIX в. она стала оглядываться на смежные науки и потеряла себя. А когда смежные тоже дожили до кризиса, стала возвращаться к самой себе. Но живая преемственность уже была потеряна, и понадобилась рефлексия; это и есть совр. герменевтика».

Грамматика «Они не существуют они не спрягаются в страдательном», — писал Пастернак. А еще ведь есть и мучительский залог.

Глаголы движения «Ты уже вошел в историю, чего ты теперь по ней бегаешь?» — говорит Р. М. — Горбачеву в телевизионных «Куклах».

Гамлет

...Я стою, забывши счет столетий,
Я стою и зябну на посту.
Еще в Ветхом молвил Ты Завете,
Что уронишь светоч в темноту...
(К. Бальмонт, «Мировая пыль», из сб. «Зарево зорь»)

Собственно, в подтексте «... Я вышел на подмости» — не только «Выхожу один я на дорогу», но и («Не могу на родине томиться...») «Я рожден, чтоб целый мир был зритель торжества иль гибели моей».

Гордыня — в том, чтобы искать самый высокий алтарь, чтобы принести всего себя в дар. Все равно как книга, которая рвется раскрыться кому-то сразу всеми страницами. [348]

Гордость «У таракана, ежели он в щи попадет, вид меланхолический, покоряющийся неизбежности, но гордый» (М. Шагинян З. Гиппиус, 30 нояб. 1910 — НЖ 171, 171).

Гордость Переписка О. Фрейденберг с Б. Пастернаком — переписка гордости с унижением паче гордости.

Гоморра Что дом, то содом, что двор, то гомор (Даль).

Графология Лурье ревновал Ахматову к ее почерку: не позволял посылать в журналы стихи от руки, только на машинке (Лукн., 69). Кокто поразил Эйзенштейна тем, что, увидев его, вскочил, бросился к столу и стал писать его почерком. Ничего особенного: не только Гиппиус в письмах Волынскому тоже писала его почерком, но и Цветковская в письмах Бальмонту. У Т. М. была знакомая старушка, угадывавшая характеры по почерку, я послал ей тетрадь конспектов по античности — тут и русский, и латинский, и прямой, и косой... Вернула: «Вот если бы частное письмо...»

Груша Почему у Некрасова дедушка Яков кричит «По грушу! по грушу! Купи, сменяй!» Потому что Некрасов брал эти крики не со слуха, а из книжной записи (какой?), не очень толковой: на самом деле коробейник, вероятно, кричал «пО-грошу! пО-грошу!» (в северных говорах это безударное *о* действительно звучит похоже на *у*, сказал В. Вс. И.). Не нужно переоценивать личное общение поэтов с народом. Общеизвестная песня поется «Уж-как-пал-туМАН-седой — на-сиНЁ-море», но Пушкин нач. 1820-х гг. знал ее только по невнимательно прочитанному книжному тексту «Уж как пал туман седой на синЕЕ море» и примеривал на этот ритм фантастические подтекстовки «Легконогие олени по лесу рыщут» и пр, считая их народным размером.

«Гениальные» вещи не являются ни по заказу, ни по самозаказу»

Глухой глухого звал Текст — если он диалог, то с глухим или глухих. Текст меня не слышит никогда, а я его не слышу, если не имею филологической подготовки.

Gnothi sauton Мы начинаем познавать себя, прикладывая к себе чужие меры (многие на этом и останавливаются); потом находим свою; а потом (немногие от этого удерживаются) начинаем прилагать ее к другим.

Gnothi sauton «Ты есть то, о чем ты даже не можешь подумать; сможешь — перестанешь быть. Познавать себя — значит загодя учиться все более полному небытию». [349]

Годить Было очередное постановление о совершенствовании литера турной критики и пр.,

В. Е. Холшевников спросил: «Вам это ничего не напомнило?» — Нет. — «Как начинается «Современная идиллия»?» — «Заходит ко мне однажды Молчалин и говорит Надо, братец, погодить. — Помилуйте, Алексей Степаныч, да что ж я и делаю, как не всю жизнь гожду?» — «А дальше?» — Дальше я не помнил. — «А дальше сказано: до сих пор ты годил пассивно, а теперь должен годить активно». Придя домой, я бросился к Щедрину: точно так, только не столь лаконично.

«Щедрина нужно было держать в козьем копыте», сказал сын, памятуя, как Александра Македонского отравили стиксовой водой. Он поносил всю русскую литературу, потому что чувствовал, что сам бы мог ее так написать («ну, хотите, я вам буду один каждый месяц писать по такому журналу? только вот драму Островского не напишу — эх, драма, драма, и куда тебя занесло!»), только поэтому и не считал это нужным. Он это называл «как будто вся русская словесность есть сочинение госпожи Анны Дараган». Яутешался мыслью «а вот «Анну Каренину» не написал бы» — а потом понял, что написал бы, и все ее переживания оказались бы неопровержимым небокоптителъстван. В «За рубежом» он пародировал «новый роман» XX в., полагая, что пародирует Золя. От реплики Стрижа-критика «Здесь есть что-то седое...» пошел весь стиль «Арабесок» Белого, который вряд ли читал эту строчку. Из «Мелочей жизни» вышли «Сентим. повести» Зощенко. «Побольше цитируйте Щедрина в Записях и Выписках, — сказал мне А. Осоват, — вы не думайте, его никто не читал». Может быть, и правда: 29 июня 1999 по телевизору сказали, что вице-премьер Аксененко распорядился подготовить ему бумаги о повышении производительности труда на следующий год на 20 %. Точно так старший помпадуров сын писал в сочинении: предложу статистику, по которой всего будет вдвое и втрое. (Впрочем, губернёр сделал пометку: а что с сими излишками будет сделано? — «Испорченные дети»)

Гиль по Фасмеру, однокоренное с «гул». Волошин умолял Брюсова, чтобы фамилию Rene Ghil в «Весах» транскрибировали «Гхиль» или «Гіль», Брюсов отвечал: успокойтесь, мы оставим ее по-французски. А. Ло Гатто-Мавер спрашивала: «А у вас еще говорят о глупостях: гниль несешь? моя мать говорила».

Гортанный А. А. Зализняк писал, что всякий незнакомый язык описывается как гортанный. Так римляне всех варваров считали белокуроыми и синеглазыми, даже цейлонцев (В. Кроль).

Григорианский календарь — его ввел тот папа Григорий, который служил благодарственную мессу после Варфоломеевской ночи. Монтень сказал о новом календаре: «У меня украли десять рабочих дней».

Гиппопотам Из потомства Готье — Гумилева («Гиппопотам с огромным брюхом Лежит в яванских тростниках...») — наш ответ Элиоту:

Да! Мы душой гиппопотамы.
Нам утро, вечер — два крыла. [350]
Недаром демонов упрямых
На свет земля произвела.
(П. Орешин, «Соломенная плаха», 49)

Ср. далее:

Сродни лежанкам и полатам,
Мы сброд бесстрашный и лихой.
Полено красное мы схватим
Вот этой голою рукой...

и т. д.

Даже «Если бы Христос пришел сегодня, его бы даже не распяли» (Карлейль).

Дамаск Путь в Д: «Там газ и отопление, там все на свете, там свет блеснет в твои глаза, и ты будешь таким, как сумеешь» (Зощенко, 3, 390).

Дата Улица Кузнецкая была официально переименована в ул. 16 ч. 5 м. 22 января 1924 г., но ее никто так не называл и не писал, поэтому ее переименовали обратно в *Новокузнецкую* — ср. как в ул. Калинина переименовали не «Коминтерновскую», а «бывшую Воздвиженку» (Г. Лесскис). — «Улица 1 Мая, угол 8 марта». «Я вас не число спрашиваю. Я адрес» («Комедия с убийством»). В Москве есть две улицы 8 Марта и одна 4-я улица 8 Марта. — Адрес К. Циолковского был: Калуга, ул. Брута (бывш. Коровинская), д 81.

Дар Дарительная формула Эразма: не книга красит место, а место книгу.

Дарвинизм Лев Толстой о нем: «Не сразу видно, что глупый, потому что кудрявый» (54, 51).

Дать Не «бери, что дают», а «делай, что дают».

Дайджесты мировой литературы: их стали ругать раньше, чем издавать. «А вы читали мировую литературу — конечно, в натуральную величину, — но, вероятно, по большей части в переводах? А помните, Тарле сказал: читать Мопассана в переводах это все равно что читать «Евгения Онегина» в пересказе Скабичевского»? «А если вы дорожите испытанными трудностями — как же, я с таким трудом учился букве ять и читал Бальзака! — то Винокур говорил, что для такой тяжелой атлетики мозга гораздо лучше алеутский язык».

До Мое дело — додумывать чужие мысли; но ведь в этом и состоит культура? [351]

Доброта Итальянские войны, а потом европейские войны XVI–XVII вв. были школой равновесия — все на одного, а потом подавленному помогают, чтобы подавивший не слишком усилился, и т. д.: падающего отнюдь не подталкивают. Политика оказывается школой добродетели, а совсем не наоборот.

Доброта «О Сократе трудно сказать: он добрый; но хочется сказать: он по-доброму мыслит. Что это значит? Это как один коллега мне сказал: вам дороже истина, чем собственное мнение».

Доброта Шестов любил Ф. Сологуба (Адамович) и ценил Чехова, поэта «ничто»: Чехов был ему чем-то вроде доброго Сологуба.

Добродетель «Насильственно привитая добродетель вызывает душевные нарывы» (Вяч. Иванов М. Альтману, 82).

Добродетель Если к старости все-таки становишься неспособнее к подлости, то это не природа, а привычка.

Детерминизм «До рождения мы свободны, а выбрав рождение, полезай в кузов детерминизма» (Вяч. Иванов М. Альтману, 32).

Детерминизм «По поводу картины мира XX в. с недетерминированностью и пр. — не преувеличивайте. Попробуйте построить атомную бомбу, веря, что любой электрон всегда может полететь, куда ему угодно, — и что получится?»

Детерминизм Ребенок эгоцентрически спрашивает: для чего солнце? — взрослый спрашивает: почему солнце? Но от вопроса «для чего Пушкин?» к «почему Пушкин?» переходит

только филолог — и даже не всякий филолог. Большинство успокаивается на ответе: «чтобы он мне нравился».

Свисток считает, что он свистит,
Сержант считает, что он свистит,
Закон считает, что он свистит.
А. Вознесенский

Декламация Почему у нас поэты читают нараспев, а на Западе — как прозу? Может быть, и тут и там это реакция на театральное чтение. У нас в XIX в. актеры читали стихи, как прозу, у них — скандировали по-классицистически; а в XX в. поэты стали от них отталкиваться, каждый от своих. У нас они переучили актеров — по крайней мере, к послевоенному времени; кажется, и на Западе тоже?

Дети Альбрехт сказал: «Наше поколение дважды бито: сперва отцами, потом детьми. Впрочем, за одного битого... как это?» [352]

Дети «Родители, берегите детей от себя. На том свете с вас спросится за неуважение не к предкам, а к потомкам». Чей-то риторический вопрос: а что потомки сделали для нас? — «То, что они вас заменят».

Дети («Шпет в Сибири», 235.) М. А. Петровский подписал отказ от оговоров на допросе, а Габричевский — нет, Шпет объяснил: «потому что у Габричевского нет детей, не перед кем будет стыдиться» (обычно наоборот, дурное оправдывали: «боялся за детей»). Впрочем, у Ярхо детей не было, а вел он себя хо рошо.

Демократия «Греческие цитаты без переводов — это недемократично по отношению к читателю», сказали Аверинцеву.

Для При Пушкине «писать для себя — печатать для денег» можно было одни и те же вещи, теперь только разные.

Для Л. Баткин сказал: «Вам было бы грустно в Ферраре: дом Ариосто заперт, забит, стекла выбиты — не то что дом Петрарки с зеленым садом, где хозяин словно только что вышел». — Что вы, я бы только радостно укрепился в ощущении, что классики писали не для нас, итд.

Дерево «Натуралисты показывают человека, как дерево прохожему, реалисты, как дерево — садовнику». Брехт.

Деррида Крученных назвал бы грамматологию: «Бунт букв».

Deus ex machina Христос как бог, из машины пришедший вызволять запутавшееся человечество, и что из этого получилось?

Душегрейка Уныние как грех: Лотман вспоминает пословицу «на печального и вошь лезет» (Письма, 565).

Дух Я при стихе врач, а не духовник: выдаю справку о теле, а не о душе; но без меня тело вымрет и душа испарится.

Духовенства в России 1851 г. было 280 тыс., а купцов трех гильдий 180 тыс.

Духовные стихи «Если есть жестокие романсы о любви, почему бы не быть жестоким романсам и о смерти?» (доклад С. Е. Никитиной).

DIES IRAE. Эту секвенцию я перевел очень давно, когда наш античный сектор высиживал антологию «Памятники средневековой латинской литературы», а может быть, и раньше. Кажется, этот перевод уже использовался где-то в театрах, но напечатать его ни разу не

1. Оный день Господней силы
Выжжет все, что есть, что было, —
Рек Давид, рекла Сивилла.

2. О, какую дрогнет дрожью
Мир, почуяв близость Божью,
Что рассудит правду с ложью!

3. Трубный голос дивным звоном
Грозно грянет к погребенным,
Да предстанут перед троном.

4. Персть и смерть бессильна будет,
Тварь восстанет, звук понудит
Дать ответ тому, кто судит.

5. Разовьется длинный свиток,
В коем тяжкий преизбыток
Всея тщеты земных попыток.

6. Пред судьею вседержавным
Все, что тайно, станет явным,
Злу возмездье будет равным.

7. Что я молвлю, грешник вящий,
Без защиты предстоящий,
В час, и праведным грозящий?

8. Властный в славе и крушенье,
Чьи неведомы решенья,
Дай, спасающий, спасенье.

9. Иисусе, Боже святой,
На кресте за нас распятый,
Помяни нас в день расплаты.

10. К нам Ты шел путем невзгодным,
Был усталым, был голодным, —
Будь же путь Твой бесплодным.

11. Боже праведного мщенья,
В день последнего свершенья
Удостой нас отпущенья.

*12. Жду я, Боже, приговора,
Лоб мне жжет клеймо позора, —
Будь молящему опора.*

*13. Ты склонил к Марии взгляды,
Рек злодею речь пощады,
Мне блеснул лучом отрады.*

*14. Чаю, низкий и презренный:
Благом Божьим покровенный,
Да избегну мук геенны.*

*15. В стаде козлиц я тоскую,
Стада овчеге взыскую, —
Дай мне место одесную.*

*16. Осужденных отвергая,
В пламя жгучее ввергая,
Дай мне место в куцах рая.*

*17. Плачу, нав, ломая руки,
Сердце в прах роняет стуки, —
Дай мне помощь в смертной муке.*

*18. В слезный день Господня гнева,
Как восстанут грешных севы
К Твоему припасть подножью, —
Будь к ним милостивым, Боже!*

*Мир им, Боже любящий,
Даруй в жизни будущей!
Аминь.*

Диалог Если начать с определения: «Авторитарно всякое зафиксированное слово, диалогично только незафиксированное слово», — то никакого продолжения уже не нужно.

Диалог Sen. De ira, III, 8: «Не согласишься со мной хоть в чем-нибудь, чтобы нас было двое!»

Диалог Ю. Кристевой понадобилось поехать в Китай, чтобы убедиться, как люди не понимают друг друга! Может быть, недели[354]катно сказать: «если любые два друга намертво не понимают друг друга...»; тогда скажем: «если умные сын и отец настолько не понимают друг друга, насколько мы видим в переписке Пастернака с родными...»

Диалог «Терпеливой метафорой» назвал бахтинские «диалогические отношения» В. Шмид, «Проза как поэзия», 94.

Диалог с книгой: я усваиваю из нее нужное мне, как из куска пищи. Если это диалог, то диалог удава со съеденным кроликом: наверное, удав тоже думает, что оказывает кролику честь на равных. См. ЕСЛИ БЫ. А диалог с живым — это «долотом, долотом».

Диалог Где-то было написано, что мы (все? или только европейцы?) начинаем рассматривать картину и сцену слева направо, потому что при встрече с любым человеком ждем удара от его правой руки, которая слева от нас.

Диалог (Н. Комлев) По немецким подсчетам, в разговоре внимание может сосредоточиваться на одном предмете не дольше 1,5 мин., дальше начинаются ассоциации. И разговорное общение так разладилось, что муж с женой разговаривают в сутки 9 минут.

Double Dutch «Что это за идиш, которого я не понимаю?» спросил Штейнберг Витковского о голландском языке (А. Шт., 433).

Дополнительности принцип Нильса Бора спросили, какое качество является дополнительным к истинности, он ответил: ясность. — У А. Боске есть стихотворение «Вопрось»:

Пророков спросили:
— Умирают ли боги?
Пророки сказали: —
Откуда мы это знаем?
Их спросили:
— Этот мир бесконечен?
Они сказали:
— Нам это тоже интересно.
Их спросили:
— Тело — это форма души
Или душа — это форма тела?
Они сказали:
— Мы тоже об этом спрашиваем.
Их спросили: —
Будет ли жизнь после смерти?
Они сказали:
— Мы надеемся, но не уверены. [355]
Их спросили:
— Восполняет ли истина неистину?
Они сказали:
— Хорошо бы, если бы так.

И тогда пророков убили,
а вопросы, еще того страннее,
стали задавать
баобабу, рекам,
диким козам, красному камню,
летучему ветру,
и были рады
толковать по-своему
их большое-пребольшое молчание.

Н. Вс. З., вряд ли вспомнив о Боре, сказала: «Это о тех, кому ясность дороже истины».

Дистанция Античных героев в Средние века изображали в рыцарских костюмах, в

Возрождение надели на них тоги. («Они одевали Энея в свои костюмы, а мы в свои мысли и чувства», сказала Т. В.). «Горе от ума» игралось в современных костюмах до ермоловских времен; Немирович еще застал самое начало антикварной реформы и сам завершил ее.

Дистанция Зарянка прилагал к картинам надпись о расстоянии, с которого смотреть.

Дискурсивность в противоположность симультанности: наконец-то я понял — это просто чтение по складам. — «Вы не помните лиц, потому что они не дискурсивны, — это у вас одностороннее развитие левого полушария», сказали мне.

Диссонанс стилистический — Адамович (I, 344) его слышал в тютчевских строчках «Глас вопиющего... протест», а Розанов в заглавии «Силуэты русских писателей».

Доклад «Конец цитаты Ницше, начало цитаты Флоренского», — сказал докладчик.

Дом «Граница между природным и искусственным все больше сменяется границей между данным и новым. Какую природу рисует ребенок, впервые взявший карандаш? Домик. Искусство прежних эпох для нас такая же данность, как природа, исторический подход к ней — проблема вроде космогонической» итд.

Дорога В Улан-Баторе академик диктовал дорогу: выйдя из гостиницы, на северо-восток 400 м, потом поворот на восток 200 м, [356] потом поворот... Дальше гости уже не воспринимали этих степных ориентиров большого города (От А. Куделина).

Духовная цензура «Московский листок» велено было представлять в Д. Ц. Пастухов пошел плакаться: «Зачем? у нас ведь только отчеты о скачках...» — «А вы на них-то и посмотрите». Смотрит и видит «жеребец такой-то, сын Патриарха и Кокотки...» (восп. Амфитеатрова). — А Иванов-Разумник уверял, что Замятину запретили начало повести: «На углу Блинной улицы и улицы Розы Люксембург».

Евнапий Сардский, фр. 54, Тойнби кончает им ту антологию античной культуры, где агора называется пьядцей, а Катон делает харакири. — *Некоторый трагический актер, изгнанный Нероном из Рима, отправился с представлениями по дальним городам и дошел до таких, где о театре никогда не слышали. Зрители, увидев его на котурнах, в маске и с трубным голосом, в перепуге разбежались. Тогда он обошел поодиночке лучших людей города, каждого успокаивая и объясняя, что к чему. После такой подготовки он вновь явился перед испуганным народом, изображая Андромеду Еврипида, и сперва постарался говорить и петь тихо и мягко, лишь потом усиливая голос и опять ослабляя. Люди бросились к его ногам и умоляли продолжать еще и еще. От приспособления к такой непонимающей толпе большинство красот трагедии утратилось — и выразительность слов, и прелесть ритма, и характеры, и даже смысл событий, — и все равно после представления они бросились поклоняться ему как богу и жертвовать ему все свое лучшее, пока ему это не стало в тягость и он не скрылся из города тайным образом. А через неделю в городе случилась болезнь, люди лежали на улицах, мучаясь животом, но и в изнурении они не переставали петь, кто как мог, даже без слов, которых они не помнили. Таково пришлось им тяжело от этой «Андромеды», что город обезлюдел, и пришлось заселять его вновь жителями из окрестностей.*

Евклидов и неевклидов подход к анализу литературы (о них говорилось на встрече «Философия и филология») — где проходит граница между ними? Видимо, по линии здравого смысла, т. е. человеческого масштаба: неевклидовыми остаются предметы слишком малые и слишком большие, «мир в «Онегине»» и «звук Б в «Онегине»». К сожалению, понятие здравого смысла сейчас само взято под микроскоп и тотчас перестало восприниматься. Это отношение между обыденным сознанием и научным: если мы начнем интерпретировать «Солнце всходит и

заходит» с точки зрения астрономии, песенка получит фантастическую космическую глубину.

Емкость Пушкин вместил наследие XVIII века и Байрона, а вместить лютый французский романтизм уже не мог. Поэты следующего поколения вместили его, но вместить Пушкина уже не могли. Таковы пределы душевной вместительности.

Жалкий Сумароков Подтексты сумароковские у Пушкина: «Гласят ей: наша ты отрада, Ко матери бегут так чада, Себе и ей в опасный час Скон[357]чай, гласят, ты наши муки, И скипетр восприемля в руки, *Ступай, спасай себя и нас*»; «Пучина там на звезды плещет, Вершины льдяны в небо мечет *И пену разъяренных вод*. Бросает ветер огромны глыбы И тяжкие из бездны рыбы, Да разрушат небесный свод» (На новый 1763 год, причем последний пассаж — только в первом издании!). Кстати уж и у Тютчева: «*Пошли, о Солнце, нам отраду*, Не дай мне зреть последних дней! Или ты паки горду гаду Вручило пламенных коней?» (Сумароков, На взятие Хотина). Ср. «Пушк.: иссл. и мат.», 12. — Подтексты ломоносовские у Пушкина: «И с Павлом, о драгой залог!» (1762); «И сильной крепостью своею» (1742); «И Персы в жаждущих степях» (1739). А В. См. раскрыл оды Петрова, и явилась начальная строка: «Герою, Муза, будь послушна», образец «Памятника».

Желание У Платона Пол говорит собеседнику: «разве ты отказался бы стать тираном, разве тебе не хочется казнить людей и отбирать их имущество?»

Желание «К сожалению, жизнь сейчас такая, что уходить на свалку по собственному желанию нет возможности» (из письма).

Жербуаз зверь — передние лапы как руки, питается травой, живет в норах, как кролик (Ремизов, Рос. в письм.). — Тушканчик.

Жена Статистика: женщины чувствуют себя без мужей неполноценными, а мужья — при женах неполноценными.

Жена «Желание Пушкина перевоспитать свою жену слабело перед ее нежеланием идти этому навстречу» (П. Брандт, цит. Б. Томаш. в ЛН 14/16, 1079).

Жизнь Л. Я. Гинзбург: «Жить по Достоевскому интереснее, а по Толстому важнее».

Жизнь «Мы никогда не жили, а только стояли в очереди за жизнью» (ОГ 15. 3. 96). Три четверти человечества делали то же, но мы почему-то считаем себя вправе сравниваться с четвертой четвертью.

Жизнь Анекдот: разговаривают два близнеца в утробе: «Знаешь, как-то страшно рождаться, ведь оттуда еще никто не возвращался».

Жизнь «Не доживу».

Мать Алкмеона Эрифилы, подкупленная, послала своего мужа, царя-пророка Амфиарая, в поход Семерых против Фив. Амфиарай, зная, что погибнет, завещал сыну отомстить за него, когда он вырастет. Алкмеон вырос и приходит, чтобы убить [358] родную мать (а потом мучиться от Эриний, искупать грех и т. д.). Здесь начинается «Fragment of a Greek Tragedy» — пародия, сочиненная молодым А. Э. Хаусменом.

Alcmaeon, Chorus

C. — O suitably-attired-in-leather-boots
Head of a traveller! Wherefore seeking whom
Whence by what way how purposed art thou come
To this well-nightingaled vicinity?

My object of inquiring is to know,
But if you happen to be deaf and dumb
And do not understand a word I say,
Then wave your hand to signify as much.
A. — I journeyed hither a Boeotian road.
C. — Sailing on horseback, or with feet for oars?
A — Plying with speed my partnership of legs.
C. — Beneath a shining or a rainy Zeus?
A. — Mud's sister, not himself, adorns my shoes.
C. — To learn your name would not displease me much.
A. — Not all that men desire do they obtain.
C. — Might I then hear at what your presence shoots?
A — A shepherd's questioned mouth informed me that —
C. — What? for I know not yet what you will say.
A. — Nor will you ever if you interrupt.
C. — Proceed, and I will hold my speechless tongue.
A — This house was Eriphile's, no one's else.
C. — Nor did he shame his throat wit hateful lies.
A. — May I then enter, passing through the door?
C. — Go, chase into the house a lucky foot!
And, O my son, be, on the one hand, good,
And do not, on the other hand, be bad,
For that is very much the safest plan.
A — I go into the house with heels and speed.

Chorus

Str.

In speculation

I would not willingly acquire a name

For ill-digested thought;

But after pondering much

To this conclusion I at last have come:

Life is uncertain.

This truth I have written deep

In my reflective midriff

On tablets not of wax,

Nor with a pen did I inscribe it there,

For many reasons: Life, I say, is not

A stranger to uncertainty.

Not from the flight of omen-yelling fowls [359]

This fact I have discovered,

Nor did the Delphic tripod bare it out,

Nor yet Dodona.

Its native ingenuity sufficed

My self-taught diaphragm.

Первый адрес пародии — Эсхил, который был любимым поэтом Хаусмена. Второй — его английские переводы. Не поэтические переводы, которые были бледными, вольными и настолько привычными, что вызывали не смех, а скуку, но буквальные учебные переводы, естественно рождающиеся при всяком школьном чтении трудного автора на малознакомом языке. Устно они естественны, в печатных подстрочниках для ленивых комичны, под пером самовлюбленного филолога досадны. Поколение спустя после Хаусмена эти «профессорские переводы» дали Эзре Паунду толчок для авангардистского «Оммажа Сексту Проперцию». Когда в 1959 г. отмечалось столетие со дня рождения Хаусмена, то веселые английские филологи напечатали в журнале «Greece and Rome» упражнение в благородном старом стиле: обратный перевод «Отрывка из греческой трагедии» стихами на древнегреческий язык, с комментарием. Оказалось, что комизм непривычности при такой операции сразу снимается, и текст звучит иногда вычурно, но нимало не смешно:

O eu podendutoisi dermasin prepon
kara planetou, pros ti, kai zeton tina,
pothen, ti mellon, pe te pros toutous ebes
aedoneious anchigeitonas topous;
Tad' eromen men hos saph' eidenai pothon,
ei d' on aphonos tynchaneis kophos homou,
prospthegmath' hoste tama me sunienai,
tod' europaltoi cheiri semenon toros... и т. д.

Передать в переводе буквализм и прозаизм оказалось самым легким: учебные подстрочные переводы одинаковы повсюду. Передать второй адрес пародии оказалось труднее: пришлось вдвинуть между читателем и «греческим трагиком» об раз традиционного высокохудожественного перевода — конечно, Вяч. Иванова. Так пародия из двухадресной стала трехадресной: сюжетные и структурные натяжки в ней — от Эсхила, ритмическая вычурность (особенно в хоре) — от Иванова, буквализмы и прозаизмы — от учебного перевода. Хочется думать, что от обыгрывания также и ритмики она сделалась интересней,

Алкмеон, Хор

Х. — О ты, прекраснокожанообутая
Глава пришельца! Как, какие поиски,
Кого, зачем, отколь тебя доставили
В пределы наши славносоловьиные?
Я, вопрошая, жажду услышать ответ, —
Но ежели случишься ты и глух и нем
И не поймешь ни слова из речей моих,
То возвести об этом мановением. [360]
А — Я беотийской тек сюда дорогою.
Х — На веслах ног или под гривой паруса?

А — Сгибая в такт чету моих конечностей.
Х. — Под омраченным Зевсом или солнечным?
А — Не грязью блещет обувь, но сестрой ее.
Х. — Узнать твое мне имя будет радостно.
А — Не каждому даруется желанное.
Х — Во что, скажи, разит твое присутствие?
А — Язык пастуший, спрошенный, поведал мне-
Х — О чем? Того не знаю, что не сказано.
А — И не узнаешь, если перебьешь опять.
Х. — Вещай: сдержу я речь мою безмолвную!
А — Что дом сей — Эрифилы, а не чей-нибудь.
Х. — Не посрамил он горла мерзкой ложью.
А — Войду ль в чертог, раскрыв перед собою дверь?
Х — Ступи на сей порог стопой удачливой!
И, о мой сын, во-первых, помни: добрым будь,
А во-вторых, о сын мой, помни: злым не будь,
Затем, что это лучше, чем обратное.
А — Гряду в сей дом стопами и поспешностью!

Хор

Строфа

В тяжком пытанье
Из худо переваренных умом дум
Трудно рождалось слово;
Взвесив его стократно,
Я смог, наконец, все рассудив, решить так:
ЖИЗНЬ НЕНАДЕЖНА!
Эту высокую истину я начертал
На размыслительном воске
Не восковых скрижалей
И не пером ее запечатлев!
Я повторяю: В ЖИЗНИ, говорю я,
ЕСТЬ НЕНАДЕЖНОСТЬ!
Не полеты вещающих крыл
Раскрыли мне тайну,
Не дельфийский треножник ее изрыгнул,
Ни Додона:
Своим умом, утробой своей
До всего дошел я.

Антистрофа

Надо ли вспомнить
О той, кого любил отец богов, Зевс,
Той, кому злые боги
В странной заботе дали
Две пары копыт, пару рогов и один хвост, —

Дар нежеланный! —
И отослали в далекие страны затем, [361]
Чтобы она училась,
Как пережевывать жвачку.
И вот, в зеленых аргосских полях
Она, бродя по травке и крапиве,
Ими кормилась!
Пусть питательна эта еда,
Но мне не по вкусу!
Пусть Киприда не выберет троним своим
Мою печень!
Зачем я вспомнил Ио? почему?
Хоть убей, не знаю.

Эпод
Но вещее сердце мое
Уже заводит само
Напев, не зовущий в пляс;
Но вот предстает дворец
Обоим моим глазам
(Вот правый, и левый вот) —
Бойнею, так сказать,
Где столько шерстистых смертей
И кораблекрушений коров.
И веду я плач на Киссийский лад,
И на громкий стук,
На моей груди разрывающий лен,
Отвечает в такт
Головы моей бедной биенье.

Голос Эрифилы, Хор

Э. — О! челюсть топора в меня вгрызается,
Язва меня не в шутку, а доподлинно.
Х. — Мне кажется, я слышу из покоев крик,
Не схожий с криком тех, кто скачет в радости.
Э. — Ах! он опять хватил меня по черепу:
Никак, меня убить он хочет до смерти.
Х. — Пусть не винят меня в поспешномыслии,
Но я скажу: кому-то там невесело.
Э. — О! о! еще удар доводит счет до трех,
Хотя об этом вовсе не просила я.
Х. — Коль это так — твое здоровье бедственно,
Зато непогрешима арифметика.

За Додумывать за стихотворением — поэта: такая же привычка, как видеть за природою — бога. За одной и той же природой все культуры видят разных богов.

«Застрелиться слава богу». Хотели издавать «Вертера» в «Литпамятниках», я умолял переиздать перевод XVIII в. с любыми (но стилистически выдержанными) доработками и переработками, мож[362]но даже параллельно с современным переводом, как иноязычный, — но не убедил. Хотя, читая любой перевод XX в, всякому ясно: не может такой переведенный застрелиться!

Заграница «Стоит посмотреть, но не стоит пойти посмотреть» (д-р Джонсон).

«Не здоровья а независимости от здоровья» желал в письмах Лесков (А. Н. Лесков, 593).

Закон «При Александре II в армии отменили телесные наказания, так что солдат мог утешаться, что его бьют не по закону, а по обычаю» (М. Н. Покровский). На интеллигентских тротуарах России 1913 г. еще витал закон, а на проселках царил сплошной обычай. И все мы шкурой чувствуем («критерий практики»), что обычай в жизни важнее. Как в субботу: если бы все субботние законы исполнялись в точности, мы давно были бы в раю.

«Закон этот простывший след пролетевшей справедливости».

Затылок «Ложечка лежала затылком в красной лужице». — Б. Житков, «Виктор Вавич».

Затылок Гефест в Этне поставил свою наковальню на затылке Тифона — Ант. Либ., 28.

«Закачивают ребенка не чтобы не плакал, а чтобы сил не было плакать» — Л. Толстой, 54, 32.

Занимательная Греция анекдоты, выстроенные побатальонно. «В одном словаре объяснялось: мифология — это сказки, придуманные давно, в отличие от действительных событий, которые были придуманы позднее. Так вот, в этой книге будет речь именно о таких действительных событиях». (Сосед сказал мне: «Не написать ли вам занимательную историю КПСС?» Дело было в 1985 г.). Д. В. Бобров, 26 лет, плотник с ул. Менжинского, 9, 35, действительно знает наизусть весь список афинских архонтов-эпонимов с их событиями.

В «Литературных памятниках» мне попался в руки список заявок, отклоненных до ок. 1980. Гомер в пер. Д. Шуйского. Фома Кемпийский. Проза Чулкова. Казанова. Овидий, «Фасты» и «Тристии» (та переводчица, которая писала, что у нимф на ногах «обувь»). Ольминский о литературе. Линней, «Путеш. на Готланд». Сонник Артемидора (потом его предлагали к изданию еще раз, уже на моей памяти, — нет, побоялись несерьезности, и его напечатал «Вестник древней истории»: см. СОННИК). Библейские легенды (заявители — У. Мазинг и И. Левин). «Рассказы Си[363]небрюхова». Каролингское возрождение (М. А. Коган; потом собирались издавать готовую антологию, составленную Б. Ярхо в 1917, но не нашлось ни одного специалиста. Мне рекомендовали женщину, которая на конференции молодых ученых делала очень хороший доклад по матерным частушкам: «ее основная специальность — куртуазная поэзия». Но я потерял с нею связь; если она это прочтет, пусть откликнется). Далимилова хроника. Лузиады. Рус. люб. песни 18 в. (Позднеев). Фадеев, «Разгром». Фенелон, «Телемак». Щербатов, «Земля Офирская». Босуэл (предлагали его и повторно, но устрасал объем). «Цветочки Франциска Ассизского (еще М. Е. Сергеенко). Болотов. Бхаса. «Интернационал» на языках мира. «Арзамас». Жизнь и любовь леди Гамильтон. «Сумасшедший корабль». Вельтман, «Кощей». Сб. «Центрифуга». «Английский милорд». Проповеди Стерна. Джойс, «Портрет художника» (обсуждалось и на моей памяти; побоялись. Борьба за «Замок» Кафки — «это обличение австро-венгерской бюрократии» — началась уже потом). «Забытые страницы лит. деятельности В. Князева».

И НН, как первокурсник, переводит все Itaque — «итак»; по смыслу это чаще значит противоположное, но русского союза «ивот», слитно, еще не довыдумали.

Итака — насел. пункт в Читинской обл., ок. 300 км от Сретенска к Становому хребту.

Идеал Ремизов в детстве «хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания» («Лица», 3, 447).

Иезуитов Екатерина II защищала от православной церкви: для Европы они были уже обскурантами, а для России еще просветителями.

«Игрология или физическо-химическое учение о соках человеческого тела, соч. Г. Доктора», б. м., б. г. (в ленинградском букинистическом магазине).

Игра Э. Ле Шан, 15: «Атомная бомба — это детская игра по сравнению с детской игрой».

Имя Диодор Крон называл своих рабов союзами и предложениями (Alia men...), полагая, что они в обществе недостаточно самозначимы.

Имя Датского киноактера Вальд. Псиландера в русском прокате называли Гаррисон; дочь Эола Канаку («хорошее имя, от kanache, «вихрь»», соглашался Зелинский) тот же Зелинский в «Героидах» переименовал в «Эолину», чтобы не звучало как «каналья»; автомобилю «Жигули» при экспорте к арабам дали другое имя; что делают с китайскими словами в русской транскрипции, знают все китаеведы. Так Пушкин переименовал Матрену Кочубей в Марию. [364]

Сыну приснился человек по имени Кузьмич Соломонович.

Имя (Расск. Л. М.) «Был вечер Окуджавы, ответы на записки, «как вы относитесь к критике?» — «К добросовестной хорошо, к доносам плохо — вот, например, на последний роман в Комиздате была рецензия, что это сионистская пропаганда и что о русской истории можно писать только русским. Иногда рецензенты скрывают имена, но этот назвался: Ю. Скоп» Потом пришла записка: «я вас еще больше уважаю за то, что вы назвали мерзавца мерзавцем»; он ответил: «А мерзавцем я никого не называл»».

Имя Селение Сново-Здорово — было упомянуто в газете.

Иначе Некто хотел умереть не в надежде, что будет лучше, а что будет иначе. Так критик на вопрос стихотворца, которое из двух стихотворений печатать, выслушав первое, сказал: печатайте второе (Вяз, 8, 163). См. ГИРШЕ.

«Инфернально то есть в бытовом отношении, этот вопрос решается так-то». — Приснившаяся фраза.

Инфинитив «Да коли достало в нас великодушие на столько времени расстаться, то быть терпеть» — В. Петров, письмо после 1780, цит. у Венг., РП, 359. — «Сей свет — училище терпеть»: Держ., На взятие Измаила.

Интонация На стиховедческой конференции. Когда в подавляющем и уничтожающем натиске интонации А. соседствуют дважды два и стеариновая свечка, то они неминуемо уравниваются по смежности. А за его вихревой интонацией следует фунда ментальная интонация Б, как будто вбивающая башни.

Ижица Борьба за ижицу. В. П. Григорьев при цитировании брал запятые в угловые скобки, И. Пильщиков берет аксанты. Теперь понятна двоеперстная щепетильность Пильщикова и Шапира к транскрипциям имени Мандельштама в библиографиях: ведь сам Пильщиков транслитерируется латиницей по крайней мере четырьмя разными способами.

«Интеллигенция не может простить Ельцину, что ее не перевешали». «Да, — сказала М. Чудакова, — есть такая вещь: комфорт насилия, интеллигенция все не может от нее отвыкнуть».

Интеллигенция В XIX в. это — воспитанные для управления и сосланные в умственный труд. В XX в. это — воспитанные для умственного труда и сосланные неизвестно куда. [365]

«**Интеллигент** — это тот, кто, споткнувшись о кошку, назовет ее кошкой». — «Человек досуга и общего развития», говорит персонаж у Тихонова (Риск. человек, 211): в точном античном понимании otium. — Как «профессиональный революционер», так сложился и «профессиональный интеллигент» — В. Лоханкин. Почему не хочется делать интеллигентность (humanitas) профессией? потому что это дозирование человечности предполагает, что меня/нас окружают унтерменши, а это для меня неприемлемо.

«**Испортил** себе некролог человек», — выражение Кизеветтера.

Из Ш. Ван Лерберга, конспективный перевод

*Вечер. Тени
Черными лебедями
С цветов, с камней, с наших плеч —
В воздух: тихо, плавно, гуще, гуще,
Скликаюсь, сливаясь
В ночь.*

*Но заря
Встает во сне
Светло-русая, ясноглазая, с факелом,
Над волнами.
Утро, и тени прячутся
В цветы, в камни,
В нас.*

«**Интерпретация** Мандельштама — дело настолько разрушительное...» — начал доклад не кто иной, как Г. А. Левинтон.

Интерпретаторство Через катехизис Филарета можно истолковать не только Пушкина, а и Калидасу. Собственно, это и делают те, кто объявляет шопенгауэровца Фета и демонопоклонницу Цветаеву глубоко религиозными поэтами, потому что как же иначе?

Интернационал П. говорил Л. Столовичу, что его цель создать международный союз патриотов.

Искренность Сию книгу читал и аз многогрешный, обаче за скудоумие мое, или что иное препятствие бяше, весьма мало пользовался. Даруй же Господи прочим и могущим вникнути в ню лучший разум и полезному чтению слышание (Вяз., 9, 233).

«**Искренность**, выдерживаемая в поэзии последовательно, становится позой» (доклад В. Иванова о Байроне). Я вспомнил сентенцию И. А. Аксенова: «На любой вопрос можно ответить так, чтобы это было правдой». И наоборот, у П. Вайля: «Не искренность авторов важна, а тот способ, который они избрали для ее преодоления». [366]

«**Искренность** — то, что вы думаете, честность — то, что вы делаете. Искренность — на зрительских трибунах, честность — на арене. Когда акробат подхватывает акробата, никому нет дела до того, что он чувствует».

Исход Мысль об основании государства Израиль была у Пестеля в «Русской правде».

«**Институт** — это учреждение, к которому следует обращаться на Вы», сказал директор.

Извозчицьи слова Победоносцев прогонял ими беса (Ясин., 293). См. MUTTERSPRACHE.

Истина Гегель, оказывается, сказал: между двумя крайностями лежит не истина, между ними лежит проблема.

Истина На конференции в Риге из аудитории вставал неизвестный человек и каждому докладчику задавал вопросы. По докладу «Концепция исследователя и ее вариации» он спросил: «Ленин сказал: из столкновения мнений рождается истина. Сартр сказал: исследователь — это охотник, который неожиданно подсматривает нагую красавицу и насилует ее взглядом. Какая истина рождается из столкновения этих мнений?» Меня он спросил: «Эпикур сказал: будем вести хозяйство и наслаждаться философией. Бергсон сказал: художник радуется нас образами через слова, но это возможно лишь благодаря ритму. Какая истина рождается?..» Я сказал: не знаю (1984). Это была та конференция, на которой было сказано: наконец-то наше время нашло определение: «длительное совершенствование зрелого социализма», — из-за этой длительности Чехов и становится вновь актуальным писателем.

Испытание «Был на испытании у умственности и выпущен по безумию» (Лесков, 11, 495).

Источники А ведь Марк Аврелий начинает свою книгу не как философ, а как филолог: от отца во мне... от матери... от наставника...

Источники Перед метро «Арбатская» — стоячая православная демонстрация, плакаты с ерами: «Без истинного покаяния проклято всякое голосование — Ио. 7, 48–49; Ис. 30, 1–3».

Источниковедение Д. Толстой, министр просвещения, говорил: по французской поговорке, нет пророка в своем отечестве. Е. Киселев в «Итогах» (11. 08. 96) — наоборот «Как сказано, кажется, в Писании, единожды солгавши, кто тебе поверит?». А Тургенев (на поминает Алданов) в «Песни торжествующей любви» при[367]писывает «любовь сильна как смерть» «одному английскому писателю».

История Сентенция в газете: «Почему мы умеем делать только историю, и больше ничего?»

Каламбур В Тарту за спиной университета стоит, как маленький мушкетер, бронзовый его фундатор Густав-Адольф. В конце 1940-х его сняли, потому что король. Но догадались и в память о его имени поставили на его пьедестале вазу. После самостоятельности опять открыли памятник, только поменьше.

Кальвинисты удивительно походили на большевиков: их мало, но они воинственны. Когда Голландия начала отлагаться, в ней было не больше 10 % кальвинистов: в городах кальвинизм, в деревнях католичество. Протестантская этика, на которую мы так умиляемся, начиналась с церковных экспроприаций и иконоборческих погромов. Арминиаство Олдебарневельда и Гроция было попыткой кальвинизма с человеческим лицом итд. Н. Котрелев добавил: и еще он внес этику войны, газавата на уничтожение вместо кондотьерской взаимобережливости. — Бицилли замечал, что «тварь ли я или право имею?» — предельно кальвинистский вопрос.

Кафедральная эротика, выражение С. Боброва о «Noctes Petropolitanae» Карсавина, КН 1922 («Мужественность насильственно разверзает, расчленяет единство женственности, разрешая его во множественность...», с припоминанием вич. — ивановского «...и зыблет лжицей до дна вскипающий сосуд...»). «Эротический солипсизм», «эротическая разруха» — выражения Ф. Степуна.

Кирпич «Всякий кирпич падает с неба», аминь, — писал Чаадаев А. И. Тургеневу, 1836.

Мне подумалось,
Что мне выпало много счастливых случаев,
И теперь на меня,
Как на моего Поликрата,

Должен упасть кирпич.
Я надела мягкую шляпу,
Стала молиться Богу
И делать добрые дела —
И кирпич
Упал прямо передо мною и разбился.
Но, быть может, это просто был не мой кирпич?
Кл. Лемминг, «Стихи на случай»

Канон ИстВ 25, 1904, 1090, в некрологе — перечень больших писателей, чьи полные собрания сочинений купил А. Ф. Маркс: [368] Г. Данилевский, Шеллер, Лесков, Григорович, Чехов, Щедрин, Потапенко, Майков, Полонский, Фет, Случевский, Станюкович, Авсеенко, Луговой, Терпигорев, Головин-Орловский, Баранцевич, Ромер, Альбов, Полевой, Сементковский, Стерн.

Комиссар синодальной команды Он заведовал церковным имуществом в провинциях.

Коммунизм «Если бы граф Аракчеев продержался подольше, давно бы у нас на каждой версте стояло по фаланстеру, а шпицрутены бы сами отпали за ненужностью» («Письма к тетеньке»).

КАНТ. По Канту переживалась в детстве действительность при Сталине: видели одно, говорили другое, но это было не противоречие, а различие феноменального и ноуменального плана, «мира общего и мира единичного» — отдельные недостатки сами по себе, прекрасная суть сама по себе, даже если недостатков тысячи. («Считалось, что изучать то, что мы видим своими глазами, — уже не марксизм», сказал один социолог.) Но, собственно, так ведь устроен и весь Божий мир? вероятно, за тем, что мы видим, стоит что-то более важное, чего мы не знаем по знаменательному недостатку информации, но принимаем на веру. В философии и религии такое отношение культивируется, а в политике почему-то осуждается. Хенрик Баран осторожно спросил меня: если все-таки можно было жить и не знать, что происходит на самом деле, то как наступало узнавание? Я ответил: у кого как: вот я любил историю и заметил, что в учебнике 4-го класса (том, который будто бы Швабрин писал для Пугачева) Шамиль, с бородатым портретом, был борцом за свободу, а в учебнике для 9-го класса — агентом английского империализма; и что учебник европейской истории между средними веками и новым временем так обезличивался и выцветал в скучные абстракции, что приходило в голову: власть боится истории, а это, по Марксу же, нехорошо. Поэтому 1956 год был для меня меньшим потрясением, чем для большинства студентов сверстников.

Кантовская эстетика «Он уважал величественное, если оно было бессмысленно и красиво; если же в величественном был смысл, например, в большой машине, он считал его орудием угнетения масс и презирал с жестокостью души» («Чевенгур»).

Кабельтов 185, 3 м, почти точно равен греческому стадию: почему?

Кампания (Рассказывала Л. Вольперт.) Был в Таллине Белькинд, писал о Повестях Белкина (так!), выбрался туда из Средней Азии; в 1949 ему приказали: «Найдите двух космополитов, не то арестуем вас самих»; у него не хватило духа, он пришел, сказал: «Вот, один у вас есть, другого ищите сами». Пронесло.

Китай Вторую часть «Робинзона Крузо» не напечатали в БВЛ, потому что там есть фраза: «Доехал до Урала, а всё Китай». [369]

Компромисс «Переводчик должен искать компромисса между насилием над подлинником и насилием над своим языком». Это так же невозможно, как убийце искать компромисса, убить одного или другого. Можно, конечно, убить обоих (переводчики часто так и делают), но это будет уже не компромисс, а перевыполнение плана.

«**Комизм** условнее, чем трагизм, — сказал Б. Усп., — ребенок рождается плачущим, и его еще нужно научить улыбаться».

Классик В «Литпамятниках» утверждали заявку на «Фрегат «Паллада»», я шепнул Егорову: «Гончаров — вот кто умел при всех режимах оставаться классиком!» Он ответил: «Профессора Адамса в Тарту знаете? он говорит: «Я жил при восьми режимах, и при всех писателям было плохо»».

Колхоз «Это все равно вот ежели б одно письмо для всей деревни писать» (Гл. Успенский, 5, 64).

Коррупция В демократических Афинах судебные коллегии приходилось делать огромными во избежание подкупа — «не потому, что бедняки были подкупнее богачей, а потому, что купить их можно было меньшею суммой» (Белох). В Венеции при выборах дожа во избежание подкупа жребием выбирали I комиссию — 30 избирателей, из тех жребием II-ю — 9, они тайным голосованием III-ю — 40, те IV-ю — 12, те V-ю — 25, те VI-ю — 9, те VII-ю — 45, те VIII-ю — 11, те IX-ю — 41, окончательную. Все равно подкупали (ЖМНП 1885, 1, 343)

Конспективный перевод «Перешагни, перескочи» Ходасевича — ведь это схема 2-го эпода Горация в концентрате.

Конспективные переводы Сталин много читал современную литературу, но — по 20–30-страничным дайджестам, которые писали для него секретари. Вероятно, они сохранились и должны быть очень интересным предметом для исследования.

Краткость Сын сказал: у Плутарха по балансу Цицерон получается лучше Демосфена, а по изложению Демосфен лучше Цицерона. Патриотическая польза видна только при пространным изложении, а брал или не брал взятки — видно и в двух словах.

Континуум Из письма: «...хотя встречаться нам все реже позволяет разваливающееся пространство, а списываться — съезживающееся время». См. ХРОНОТОП.

Коньяк «В Мандельштамовской энциклопедии при ссылках на научную литературу можно ставить звездочки, как в кинореيتينге: * не тратьте времени, *** почитайте, ***** необходимо». [370]

Концовки горадиевских од похожи на концовки русских песен — замирают и теряются в равновесии незаметности. Кто помнит до самого конца песню «По улице мостовой»? А от нее зависит смысл пушкинского «Зимнего вечера».

Катулл искал несуществующих слов для новоизобретенных чувств, как петровский стипендиат, который писал, что был инаморат в венецейскую читадинку.

Кухня Л. Баткин о коллективных трудах ИВГИ: как цыганский борщ, каждый валит, что украл, а борщ получается, потому что плохого не крадут.

Кухня «Мы-то, известно, на кухне у Господа Бога живем...» — начало рецензии Замятина на Келлермана.

Куций Когда отлучили Толстого, акад. Марков написал в синод: я — тех же взглядов, прошу отлучить и меня. Синод ответил: Толстого все читают, поэтому взгляды его опасны, а вы до анафемы еще не доросли. Есть пословица: «далеко куцему до зайца».

Ландыш Д. Н. Фридберг занес в «Новый путь» корзиночку салата и сказал: передайте, что заходил ландыш. Потом он оказался сумасшедшим (Восп. Б. Садовского).

«**Любопытство**: человек стал человеком, овладев огнем, а это значило: в нем одном из всех

животных любопытство пересилило страх».

Любовь Из записей Крученных о Маяковском. (Олеша:) — Не обижайте НН. Его надо любить. (ВМ:) — Надо, но не хочется.

Любовь «Я не завидую, что его любили, я завидую, что он умел уклоняться», — сказал С. А.

Любовь «Искал безответной любви, потому что чувствовал, что неспособен к ответной». — «Я люблю вас больше, чем это хорошо для меня, но меньше, чем это хорошо для вас» (с английского, откуда?). — Адамович, Од. и св. 419, цитирует (и тоже не помнит откуда): «Я тебя люблю, но это не твоё дело».

Любовь Волошин называл матросские бордели: «любилища» (НЛО, 12, 352).

Любовь Был кинофильм «Осенний марафон», при выходе из кино я расслышал женский разговор: «Не люблю таких мужчин». В печати после некоторого колебания общий тон рецензий был: «Партия и правительство не любят таких мужчин». [371]

Любовь Кого любишь, того и ярмо несешь, — вавилонская поговорка (Ламберт 230).

«Чего ей нужно? у нее — все, чего она хотела в жизни, кроме счастья. Чего мне нужно? у меня — тоже».

Из разговора

Личность «У Макса вместо личности — пасхальное яйцо, а в нем другое, третье» (Шенгели о Волошине в письмах к Шкапской). См. ТОЧКА.

Личность С. Ав.: «Вайнхебер — это австрийское сочетание таланта и китча: он хорош, когда безлик, и гибнет, когда в стихах просовывается его личность».

«**Личность** эта точка взаимодействия наследственности с изменчивостью, то есть неизвестного с неуловимым».

Личность Т. В.: письма Цицерона — в них нет лиц, а только переkreщивающиеся отношения. Антитеза письмам (скажем) Розанова.

Личность Самоощущение, по Беркли, наизнанку: «я существую, пока вы на меня смотрите». В переводе с галантного языка: «пока ваше социальное отношение направлено в мою сторону».

«**Личностное** отношение», «интимное отношение» — это когда я кого-то мучу?

«**Лаокоон**» еще одна иллюстрация: «петербургский миф» в словесности апокалиптически-хаотичен, а в живописи и графике хорошенький и стройный.

Лошадь Вейдле о Северяnine: помесь лошади с Оскаром Уайльдом. Кузмин об Анне Радловой: помесь лошади с Полой Негри.

Лицо Седакова подарила свою книжку папе римскому, он сказал: «Читаю по стихотворению в день, а когда не все понимаю, то смотрю на вашу фотографию, и помогает»; она удивилась. Я вспомнил Слуцкого «Какие лица у поэтов!» и совет Е. Р. о несуществующем портрете Мецената: пусть это будет человек, читающий свиток, и свиток закрывает от нас его лицо. Я бы на многих фронтисписах предпочел именно такие портреты.

Лотман Венцлова сказал Бродскому: не любишь Лотмана, а у самого получается похоже. Бродский ответил: это единственный способ быть понятным.

Логика Я его боюсь, потому что он обо всем говорит только с середины. См. НЕСОМНЕННО. [372]

Латынь Рассказывала М. Е. Грабарь-Пассек: В. Э. Грабарь в начале века ездил в Испанию, в области басков у него сломалась коляска, местные по-испански не понимали, объясняться с ними пришлось через священника, а со священником — по-латыни. Когда с доктором

Джонсоном случился первый удар, он для проверки умственных сил обратился к Господу поллатыни.

Латинские поэты Конец предисловия: «Мы начали: они были не такие, как казались до нас; и мы кончаем: и они были не такие, как кажутся нам».

«**Литературные памятники**» Цвет серии определили советские паспорта — на обложки был пущен избыток материи, шедшей на паспорта. Изменилась форма паспортов — начались перебои с оформлением. А на «Памятники науки», тремя годами раньше, шла материя импортная, был 1945 трофейный год. Внедрялась форма для дипломатов, для школьников и для серий (От Б. Ф. Егорова).

Мы кузнецы «Христианский накал», выражение А. Журавлевой. Я вспомнил, как поступал на работу в ИМЛИ в 1957, и А. А. Петросян, партийная командирша, свирепо спросила: «Почему вы такой небоевитый?»

Тело мое — металл.

Бог надо мной — кузнец.

Каждая моя рана

Рассыпает искры.

Так — до ночи,

Пока ртом — пробоиной —

Не скажу я Богу:

«Ты устал.

Отдохнем вдвоем».

Ури Цви Гринберг (с англ. подстрочника)

Мало Я мало даю, но стараюсь еще меньше брать.

Много «Государь Николай II — многосторонний мученик», пишет Нафанаил, митрополит венский и австрийский.

Много «Он многограннее даже отрывного календаря», — сказала НН о некотором очень крупном структуралисте.

Меньшее Как демократия — меньшее из политических зол, так разум — меньшее из философских. Разум, этот брайлевский шрифт нашей слепоты итд.

Маразм (От В. С. Баевского.) Б. Я. Бухштаб пришел к директору своего Библиотечного института: «Я совсем слепой и глухой: наверно, должен уходить в отставку». Директор твердо ответил: «Профессоров мы держим до полного маразма». («Он пони[373]мал, что у них в «круп» — им. Крупской — должны плавать такие овощи, как Бухштаб и Рейсер», пояснила Л. Вольперт.)

«Молодость человека простирается до первого расстройства его здоровья и возобновляется, только когда оно совершенно исчезнет» (Черныш., XV, 642, письмо 1887 г.).

Марр У Ариосто в смотре англо-шотландских войск под гербами: «Вот Марр — Конь в стояке подставляет кузнецу копыто». Р. написала на полях: «В стояке из четырех элементов». Может быть, *сал-бер-йон-рош* были у полиглота Марра лишь мнемоническим приемом для овладения новыми рядами слов? а потом он поверил, что они существуют и объективно? А палеонтологический метод — не только обида за языки без письменного прошлого, а и сохраненное детское удивление, что по-русски «да» — одно, а по-немецки — другое? Отец его Джеймс родил его в 85 лет от грузинки, это могло быть генетической травмой; мать говорила только по-грузински, отец только по-английски и по-французски.

Мнемоника Если наука есть упрощение мира для его удобоохватываемости и удобоусвояемости, то структурализм есть не что иное, как хороший мнемонический прием.

Матизмы Под Иркутском разбился Ту-154, Москва затребовала черный ящик, «но снять всю матерщину». Осталось несколько разрозненных бессмысленных слов. Восстановили мат — катастрофу удалось реконструировать до подробностей.

Миноносец «Карл XIII Случайный» (короли, как миноносцы, называются по прилагательным). Как у Е. Шварца: «Почему так прозван? — За его подвиги».

Город Мальта при Павле I приравнивался к российским губернским. «А в Адрианополе губернский суд», — писал Николай I Поль де Коку.

Мысль «В Германии М. нужна, чтобы ее обдумать, во Франции — что бы высказать, в Англии — чтобы исполнить, у нас — ни на что». Чаадаев, 1913, 1, 153

Мысль Отношение к своей мысли: шаг влево, шаг вправо считается побегом.

Мысль и чувство («Сердце и думка», назывался роман Вельтмана). Воспоминания Лотмана — как, когда их отправляли на фронт, старый мужик сказал: «Погляжу я на вас — и жаль мне вас. А подумаю я о вас — ну и хрен с вами». [374]

Мифопоэтический анализ Сведение Гоголя или Блока к «фольклорно-мифологическим архетипам» освобождает от необходимости знать Гофмана и вообще типологию переработки архетипов, если таковая существует. Ссылка на «Мифы народов мира» освобождает от всех забот. (Я говорил диссертантам: «Ссылаться на «Мифы народов мира» так же непристойно, как на энциклопедию Брокгауза: там при каждой статье — библиография, проработайте и ссылайтесь», — но не встречал понимания.) Дайте мне конечный, как алфавит, список архетипов, и я готов буду этот анализ обсуждать.

Минус-прием Искать мифопоэтические мотивы в стихах — все равно что умиляться: в этом стихотворении присутствует буква М! Плодотворнее было бы изучать отсутствие тех или иных мифологических мотивов — так сказать, мифологические липограммы.

Местоимение в зачине без предварительного названия героя — это и «Стоял Он, дум великих полн», и почти одновременное «Скребницей чистил он коня».

Местоимение мистическое («Когда я с Байроном курил»). О совпадениях: «Перевожу студентом стихи Байрона о прощании с Ньюстедским аббатством и здороваюсь *с ним* уже на склоне лет, оказавшись рядом *с ним* на симпозиуме по случаю столетия Ахматовой» (восп. Вяч. Вс. Иванова в «Звезде»).

Местоимение «А скверная вещь эта холера! Того и глядишь, что зайдешь ты завтра ко мне... нет, зайду я к тебе, и скажут мне, что ты умер» (Вяз., 8, 167).

Местоимение Август выгнал за разврат юношу Геренния. Тот умолял: «Что скажет мой отец, узнав, что я тебе не понравился!» Август сказал: «А ты скажи, что это я тебе не понравился» (Макробий, II, А).

Музыка «Символисты искали Музыки прежде всего и не умели дож даться Музыки после всего» (Г. Адамович, Од. и св., 87).

Музыка Первую гильотину строил клавесинных дел мастер Т. Шмидт.

Мода М. И. Твардовскую спросили, не хочет ли она поставить крест на могиле мужа, она ответила: «А. Т. не был модернистом» (ВЛ 1996, 2, 19).

Может быть Завещание Моммзена: «Я знаю, что по правилам должны будут написать мою биографию, — я решительно прошу этого не делать. Всю жизнь я прожил среди историков и филологов, не будучи ни тем, ни другим [он был юрист по образова[375]нию, оттого и совершил переворот в римской истории], и мне совестно; кроме того, всем самым глубоким и, может быть, лучшим во мне я всегда хотел быть гражданином, а жил в стране, где можно было быть

только служащим. Пусть издадут мои книги, пока они нужны, а обо мне не думают».

Мемуары «Секрет истины: кто дольше живет, кто кого переменуарит» (В. Шаламов). Это он пересказывает Ф. Сологуба, который говорил: поэт в России должен жить долго, чтобы пережить всех мемуаристов. Иногда кажется, что именно ради этого долго жила Ахматова.

Из писем помещицы Коробочки к Ф. А. Петровскому. «Г-н Гольденвейзер на двух фортепьянах играл «Эй, ухнем», а 2-жа Яблочкина исполняла стриптиз. Прочитав эти мемуары, одобрила все, кроме того, что о ней».

Манилий («Если вам Эсхил дороже Манилия — вы не настоящий филолог») Цявловские устроили опрос: за что вы любите Пушкина? Бонди ответил: за то, что он не Горький, не Бедный, не Голодный. А Виноградов сделал пустые глаза и спросил: а откуда вы взяли, что я люблю Пушкина? (НЛО 29, 140).

Мертвые языки При переиздании «Путешествий» Брема самым трудным оказалась зоологическая терминология, и притом латинская: ничто не меняется так быстро, как она.

Морг Исследуются творческие явления? Нет, мертвые остатки творческих явлений. Мировая литература — это их бескрайний морг. Анекдот навыворот «Какие приметы вашего покойника? — Он кашлял...»; а теперь вместо этого: «Вот покойник, скажи, Кювье, кашлял ли он?» Никакая любовь к трупу Расина или Пушкина не поможет на это ответить, сколько ни говори постструктуралисты: «Ну что, брат Расин?..»

Москва и Петербург В. Н. Топоров — к разнице петербургского и московского текста: все ленинградцы, откликавшиеся на его «Бедную Лизу», жалели, что в книге нет указателя, а из москвичей — ни один. — А. Битов сказал: если сбросить на Ленинград нейтронную бомбу, то останется Петербург, а к Москве это неприменимо.

Москва Москва что доска: спать широко, да везде гнетет (Пословицы Симони, 121).

Мороз В 1812 опустошение страны еще во время отступления происходило от грабежа русской армией, а он — оттого что магазины находились у границы и сразу были отданы.

Музейное отношение к прошлому, кто-то очень ратовал за него; а я боялся, что оно очень уж легко переходит в музейное отношение к настоящему. [376]

Мета НН не любит Бродского за смешение стилей, за допущение вульгарности. «Сексуальной?» — «Нет, так сказать, метасексуальной».

*Пришел веселый месяц май,
Над нами правит цезарь Гай,
А мы, любясь Гаем,
Тиберия ругаем.*

*На площадях доносы жгут,
А тюрьмы пусты, тюрьмы ждут,
А воздух в Риме свежий,
А люди в Риме те же.*

*Недавней кровью красен рот
От императорских щедрот:
Потировали — хватит!
Покойники заплатят.*

*Кто первый умер — грех на том,
А мы последними умрем:
И в Риме не боятся
Последними смеяться.*

*Красавчик Гай, спеши, спеши:
Четыре года — для души,
А там — другому править,
А нам — другого славить.*

Стихи про Калигулу, были напечатаны в тартуской газете «Alma mater». Нравились Аверинцеву

Нужно «Хорошо, когда твое искусство не нужно, тогда делаешь только необходимое» (Волошин — Остроумовой-Лебедевой, 16. 11. 1924).

Надсада (ИЮП) «Тютчев был не трагического склада, а в стихах старался быть трагичен, отсюда душевная надсада».

На За «характеристика на...» уже появилась «рекомендация на...». Это экспансия словосочетания «донос на...» — «Каждая партия предлагает свои рецепты на возрождение России», слова митрополита по телевидению (Рус. яз. конца 20 ст., 247).

Наслышка Блок впервые прочитал Ницше в 1906, а до этого все было понаслышке. Ибсен написал «Каталину», еще не читав Шекспира, а только о Шекспире.

Наука «Философия была наука, а теперь дисциплина», сказал моей дочери преподаватель марксизма.

Науки прогресс «Размостил улицы, вымощенные его предшественниками, и из добытого камня настроил себе монументов».

Не Вл. Соловьев писал: цель наша — не «сделать жизнь раем», а «не сделать жизнь адом». Т. е. не «любви», а «не мучай». Бернард Шоу о том же: «не делай ближнему, чего себе не хочешь» — это лучше, чем «делай ближнему то, чего себе хочешь»: у вас могут оказаться разные вкусы.

Не Пирогов говорил: лучшая операция — та, которую удалось не делать. Кто сказал: величайшее событие XIX века — это та [377] пролетарская революция, которая не произошла в Англии? А величайшее событие XX века — та пролетарская революция, которая не могла произойти в России.

Несварение мозга — то мысль не поспевает за материалом, то материал за мыслью, и за всеми не поспевает рука.

Невстреча «Лотман тоже уклонился от знакомства с Ахматовой», сказала М. П. — Е. с товарищами была у Ахматовой, там на столе лежала машинопись с чем-то очень интересным про Гумилева, но Ахматова быстро отняла, «вы не там читаете», и раскрыла на другом месте, где было написано, что юная Аня Горенко была просто прелесть.

Неизвестность На которую ногу хромал Байрон, неизвестно (А. Азимов, «Книга фактов»).

Неизвестность «...А песнь о Роланде сочинил неизвестно кто, да и то, наверно, не он» (И. Оказов, в разговоре).

Неизвестность Сарнов сказал дряхлому Шкловскому: «Вам хорошо, вы хоть и продавались, но все-таки имели возможность раскрыться». Шкловский ответил: «Вы говорите, как девушка

матери: тебе хорошо, ты за папу выходила, а я — за неизвестного человека».

Никакой Выражение «И никаких!» пошло от команды «Смирно, и ни каких движений!» — в пехоте оно сократилось в «Смирно!», в коннице в «И никаких!» Так объясняет гусар у Боборыкина в «На перевале».

Немезида «Бледный огонь» в пер. Веры Набоковой, стихи переведены нерифмованным разностопным ямбом, как Набоков переводил «Онегина», и с таким же разрушительным результатом: Пушкин отмишен. Легче ли в этом русском стихе слышать не уместную схожесть с «Рустемом и Зорабом», чем в английском?

Немезида Последняя предвозвратная запись Цветаевой — из облаянного ею Адамовича: «Был дом, как пещера. И слабые, зимние Зеленые звезды. И снег, и покой... Конец. Навсегда. Обрываются линии. Поэзия, жизнь! Я прощаюсь с тобой». «Чужие стихи, но которые местами могли быть моими». Ср. ЦЕННОСТЬ.

«Какие-то **нылы** ноющие: и в короб не лезут, и из короба нейдут» («Некуда», 1, 17).

Номер Карсавина спросили в ЧК, не брат ли он первой балерины, он ответил: нет, первая — это Павлова, а К. — вторая. (А. Штейнб., 59). — Ср. «Бетховен был первый, а Моцарт единственный» итп. [378]

Новинкой была при Пушкине езда тройками, потому она и переживалась поэзией: в XVIII в. ездили цугами или парами.

Наука Что было искусством, отделяющим умных от глупых, становится наукой, соединяющей их. Хаусмен жизнь положил на то, чтобы это задержать.

Наука «Уже выявляется тенденция финансирования по РГНФ: в среднем 40 %, но в нечетные годы побольше, в четные поменьше». А в високосные? «Еще не набралось наблюдений».

Наука Хомский говорил, в пику Якобсону, что от поэтики до лингвистики — как от французского садоводства до ботаники. Якобсон отвечал: генеративисты принимают свое невежество за научные перспективы.

Наука «Мы умрем и станем наукой», сказал Андрей, чернобыльский подросток (КП, 27 апр. 1999).

«Наш народ идет от надежды к надежде». Кажется, эта формула уже устарела.

Сыну приснилась машина времени — не аппарат, а таблетки, целая переносит назад на сто лет, полтаблетки на пятьдесят итд.; — когда кончается срок действия таблетки, человек возвращается в свое время, если, конечно, его в прошлом не убили.

Относительность — знак превращается в предмет, старушка в очереди просит: «Мне хлеб по двадцать две, который по пять тысяч». Или французское «de», «из» такого-то поместья, обесмысливается, и Бунин величает себя de Bouvine. Или дерптский полицмейстер Ясинский плачет о смерти имп. Марии Феодоровны: «Кто же теперь у нас будет вдовствующей императрицей?» (Николай I приказал освободить его из-под ареста — Рейтблат, «Видок», 190). В Ленинграде каждое 19 октября собирается общество и отмечает годовщину пушкинского Лицея; что это был старый стиль, не вспоминают. Это как в рассказе Зощенко: захожу во двор, вижу на высоте третьего этажа дощечку — «до этого места доходила вода в наводнение 1924», — воображение рисует страшную картину итд., тут выходит управдом и говорит: да, вот куда пришлось повесить, а то мальчишки, паршивцы, все время отдирают. — «Борис Ник., Зюганов получил 55 %! — Плохо. — Да, но вы-то получили 65 %!»

Общение Собираются на конференциях для устного общения, хотя знают работы друг

друга и в печати, и в рукописях. Так на почте приемщица непременно спрашивает «заказное? куда?», хотя все это написано перед ней на конверте. [379]

Общение Оно легче всего с неблизкими, потому что здесь предсказуемое набор поводов; труднее с близкими, потому что оно — обо всем; а труднее всего — с самим собой.

Обида Значит, этика — это расписание, кого можно обижать в первую очередь и кого во вторую очередь; потому что, если кто попробует без разбора никого не обижать, это обернется еще больнее.

Обида «В том же 1931, когда было написано «Я пью за военные астры», недавно очень идиотически интерпретированное, я забыл кем...» Из зала: «Жолковским!» — «Я не хотел никого обидеть».

Оксиморон У Державина золотая луна плавает в серебряной порфире и с палевым лучом, сшибаются четыре цвета, а никто не замечает.

Окно Замечание художника Кускова (ОГ 1997, 1): Петр I прорубил в Европу окно, но не дверь — смотри, но не суйся.

Органы Щедрин называл «Анну Каренину» романом из жизни мочеполовых органов — что к этому добавляют психоаналитики и постмодернисты?

Островский (упражнения сына в школе). «Царь Эдип, или Правда глаза колет»; «Отелло, или Что русскому здорово, то немцу смерть». См. РЮРИК.

Х. Л. Борхес, «Шахматы», два сонета.

*1. Два игрока в своем важном углу
Двигают должные фигуры. Доска
До зари навязывает им жесткий устав:
Черный и белый цвета — враги.
Строгая магия исходит от их форм:
Гомерическая ладья, веселый конь,
Одинокий король, ратователь-ферзь,
Уклончивый слон и пешка-боец.
Когда игроки поглощены игрой
И время съедает их одного за другим,
Это не предлог, чтобы кончить обряд.
Начал эту войну Восток,
Теперь ее кормит вся земля.
Как всякой игре, ей нет конца.*

*2. Тонкий король, гибкий слон, горький ферзь,
Рукопашная пешка, прямолинейная ладья, —
На расчерченных черных и белых полях
Они ищут боя и навязывают бой.
Они не слышат, что властная рука
Игрока над доской вершит их судьбу,
Не знают, что за твердокаменный рок [380]
Правит их выбором и мерит их путь.
И такая же прихоть водит игроком
(Сказал Хайям) по расчерченной доске*

*В черные ночи и белые дни.
Мы движем пешки, нас движет бог,
А кто над богом начинает этот круг
Праха и времен и снов и смертей?*

Отдельно «Не люблю себя отдельно, а как часть человечества — уважаю» («Чевенгур»). «Люблю тебя, Ольга, как трудовую единицу», говорил жене историк Щапов.

Оттепель «Издание непечатавшихся Радищева и пр. — как оттаивающие в оттепель замерзшие слова Рабле» — «Весы» 1906, 2, 78. Эренбург тоже помнил этот образ.

Оттенение «Благостно-пакостный дух Кузмина» (письмо Д. Гордеева, «Театр», II, 399). Обычно поэты бравировали, оттеняя высокого себя-поэта низким собой-человеком (насмотревшись на это, Вересаев сочинил Пушкина «в двух планах»), Кузмин — наоборот главным было «полюби нас черненькими», а светлая поэзия служила лишь для оттенения. Стихами не щеголял и нарочито преуменьшал их, предпочитая говорить о варенье (уверял Гумилев). Хотя на самом деле стихи были для него средством спасения от той самой своей черной дневниковой ипохондрии.

Опыт «Приглашаются гостиничные работники, желательно без опыта работы» — чтоб не крали.

Оценка Собственно, «великое произведение» мы говорим для краткости вместо «произведение, такими-то признаками возбуждающее такие-то эмоции у лиц такого-то пола, возраста и темперамента, принадлежащих к такой-то субкультуре».

Оценка Бернарда Шоу спрашивали, что ему важнее, социализм или драматургия — за что бог в раю поставит вам выше отметку? «Если он вздумает выводить мне отметки, мы крупно поссоримся».

Оценка складывается из представления об оригинальности средств и о богатстве средств произведения — первое важнее, «что здесь нового для меня и людей моего круга?» (Точнее: определить богатство средств без долгих подсчетов нам не под силу, вот оно и кажется нам менее важным.) Трудность в том, чтобы увидеть в себе: что ты уже знаешь о стихах и чего еще не знаешь? Мы априорно уверены, что Пушкин как великий поэт знает больше нас (а если не видим этого в стихах, то изо всех сил домисливаем), а Бенедиктов как невеликий — меньше. Усомнимся в том, что мы все знаем лучше, чем Бенедиктов, — и он начнет расти в великие поэты. [381]

Оценка Субъективная оценка — «мне нравится», объективная — «начальству нравится». Вместо начальства теперь принято говорить: «референтная группа». («...А что у нас внутри, как не начальственные предписания?» — Щедрин, «Благон. речи», 13)

«Занимаемся отражением изящной словесности в неизящной словесности».

*Изволил с радостью прийти в сераль
И беспрепятственно пленил один всех краль.
Граф Хвостов, о петухе*

Пан (греч. миф.) Л. Пщоловска пишет статью, что как хорош у Пушкина «Будрыс», так плох «Воевода». Оттого, что короткий стих принижает содержание? «Нет, он слишком пожалел даму и перекосил картину. И вообще называет ее панна». А он, вероятно, и не знал разницы между

панна и пани. «Никогда не думала!»

«Паровоз» — назывался самый солидный литературный журнал в Исландии, потому что железных дорог в Исландии нет.

Парогон Дым и пламя, визг и клочок, Флейты свист, волторны рокот, Полночь, темень и мороз — Гордо, шумно парогонны мчит могучий паровоз... (Н. Сушков, «Ночь на железной дороге, 29 января 1852», «Раут», III, 47). Ср.: «Увы! как бедный пешегонец, От вас, по сердцу мне родных, Скачу, скачу на почтовых В какой-то городок Олонец...» (Ф. Глинка в РСт 63, 1889, 118).

Пароход — слово было изобретено адм. Рикордом по заказу Греча (РСт 1886, 52, 123).

Перевод Когда перевод старается быть прежде всего хорошими стихами, то когда-нибудь они перестанут быть хорошими; когда не стараются — есть надежда, что когда-нибудь они станут хорошими. Это работа на вырост. «Ты старомоден — вот расплата за то, что в моде был когда-то», написал Маршак, в оригинальных стихах смолodu боявшийся быть модным, а в переводах уже предательски старомодный.

Переводы бывали полезны как школа лексики, но сейчас скорее как школа синтаксиса. «Взять бы «Декамерон» Любимова и вернуть его к синтаксису Веселовского!» — вспоминал С. А. гоголевскую невесту.

Перевод Рассказывал Ю. Александров: Хрущев ехал в дружеский Афганистан, Александрову и Адалис велели: срочно антологию афганской поэзии! А подстрочники? Сами сочините. Сделали и издали за две недели, Хрущев вручил, китайцы спешно перевели на китайский, афганцы перевели с китайского, все были довольны. [382]

Перевод — это не только когда звуки своего языка подбираются на смыслы чужого языка, а и наоборот как Кирсанов ставит эпиграф «Les sanglots longs Des violons De l'automne» к своим стихам «Лес окрылен, Веером клен — Дело в том, Что носится стон В лесу густом, Золотом. Это сентябрь, Вихри взвинтя, Бросил в дебрь, То злобен, то добр, Лиственных домбр Осенний тембр...» итд. Таковы реплики Понт Кича в «Бане», изучавшиеся в фештирифте Якобсону, так, говорят, переводили модные английские песенки для не знающих языка (ср. указания Набокова английским читателям о произношении русских имен); так приходится переводить для кино или для вокала, с учетом открывающегося и закрывающегося рта. В кино это также перевод с интонации на интонацию — с игрой контраста между ровной громкой русской и еле слышимой эмоциональной подлинниковой. Собственно, бывает и перевод, где смыслы своего языка подбираются даже не на звуки, а на ритмы оригинала: таковы песни «на голос такой-то» или эвфемистические переводы с матерного языка, как в известном описании фейерверка: «сначала — ни черта! потом — эх, черт побери! потом опять — ни черта! потом опять — эх, черт побери!» («Вы, наверно, на меня уже хориямбами ругаетесь», писал Аксенов Боброву, РГАЛИ). Наконец, о подборе с опорой на графику чужого языка см. ИНТУИЦИЯ, пример «хрен жили русы». Когда нужно было на машинке напечатать латинское или греческое слово среди русских, то С. Ав. печатал, скажем, :*onogan*: :*a* потом обводил чернилами так, что получалось *ignorantia*.

У. Оден. «Вольтер в Фернее».

Он счастлив. Он обходит свои места.

Часовщик у окошка поднимает на него взгляд

И опять опускает к часам. Возле новой больницы столяр

Притрагивается к шляпе. Садовник пришел сказать:

Посаженные им деревья принялись хорошо.

*Альпы сверкают. Лето. И он велик.
Далеко в Париже, там, где его враги
Злословят, какой он гадкий, в высоком кресле сидит
Слепая старуха и ждет смерти и писем. А он
Напишет: «жизнь — выше всего». Но так ли? Да, так Борьба
Против несправедливости и против лжи
Стоила свеч. И сад стоил свеч. Возделывайте свой сад.*

*Лаской, нападкой, насмешкой — он был умнее всех.
Он был вожжаком мальчишек в священной войне
Против зажиревших взрослых: как мальчишка, хитер,
Он умел, когда надо, смиренно пойти
На двусмысленный ответ или спасительный обман,
И ждал своего часа, терпеливый, как мужик [383]
Даламбер сомневался, а он нет: час придет.
Сильным врагом был только Паскаль; а все
Остальные — уже травленные крысы Но забот
Еще много, а надеяться можно лишь на себя.
Дидро — глуп, но делал все, что мог.
А Руссо завопит и ничего не сможет: он это знал.*

*Ночь заставляет его думать о женищинах. Чувственность —
Лучший из учителей: Паскаль был дурак.
Как Эмилия любила астрономию и постель.
А Пимпетта его хотела, как скандала. Хорошо!
Он отплакал свое о Иерусалиме. В конце концов,
Кто не любит наслаждения — всегда неправ.*

*Как часовой на посту, он не спит. Ночь пропитана злом:
Погромы, землетрясения, казни. Скоро он умрет,
А над Европой сумасшедшие матери стоят у котлов,
Чтобы бросить в них младенцев. Только его стихи,
Может быть, их удержат Надо работать. Ввыси
Нежалующиеся звезды вели свою светлую песнь.*

Перевод «Бесы» Цветаевой оказались недостаточно французскими? Может быть, скорее недостаточно пушкинскими? с ее-то бальмонтовской щедростью аллитераций и пр.

Перевод Фет: дословный перевод — это «ковер, по которому в новый язык вкатывается триумфальная колесница оригинала» (РМ 1917, 5–6, 108).

Перевод Собственно, Пастернак был идеальным воплощением того советского отношения к переводу, которое сформулировал И. Кашкин: переводить нужно не текст, а действительность за текстом («не слова, а мысли и сцены», выражался Пастернак).

Перевод (напр., поэзии в прозу при интерпретации). Для понимания предмета нужно его переводить на какой-то другой язык. Трудность современной русской философии в том, что она потеряла свой марксистский язык (с помощью нецентральных его понятий, вроде «отчуждения»

или «превращения формы» она хорошо управлялась и во времена застоя: вольнее, чем филология) — а получила лишь язык русских религиозных мыслителей да хаотически наплывающие языки самоописаний современной западной философии. С. Д. Серебряному кто-то сказал: «При советской власти писать было легче, потому что тогда маразм был системный, а теперь нет». [384

Перечап называется точка опоры на равновесе весов (Даль).

Перестройка Янин рассказывал в РГНФ: в «Энциклопедии» от историков потребовали в ст. «История» не упоминать ни Маркса, ни Гегеля, ни феодализма, и вообще ничего позже Ключевского. Историки всей редакцией подали в отставку, только тем и подействовали.

Перестановка слагаемых Два «Сеновала» Мандельштама в первой публикации были понятнее, чем в окончательной: стихотворение со словом «сеновал» в начале шло первым. Это еще ничего; а вот когда стихи Ахматовой и Блока в «Любви к трем апельсинам» переставили, чтобы не он, а она любезничала первой, это уже имело концептуальные последствия.

Перестановка слагаемых (Рассказывал В. Н. Топоров.) П. Богатырева спросили, какой был Н. Трубецкой. Он расплылся и сказал: «Настоящий аристократ!» А в чем это выражалось? Он подумал и сказал: «Настоящий демократ!» Поддается ли этот парадокс перестановке слагаемых? Хотелось бы.

Воспоминания о Сергее Боброве

Когда мне было двенадцать лет, я гостил летом в писательском Переделкине у моего школьного товарища. Он был сыном критика Веры Смирновой, это о нем упоминал Борис Пастернак в записях Л. Чуковской: «Это человеческий детеныш среди бегемотов». Он утонул, когда нам было по двадцать лет. Тогда, в детское лето, у Веры Васильевны была рукопись, которая называлась «Мальчик». Автором рукописи был седой человек, большой, крепкий, громкий, с палкой в размашистых руках. Он бранился на неизвестных мне людей, бросался шишками, собаку Шарика звал Трехосным Эллипсоидом, играл в шахматы, не глядя на доску, читал Тютчева так, что я до сих пор слышу «Итальянскую виллу» его голосом, и уничтожал меня за недостаточный интерес к математическим наукам. Его звали Сергей Павлович Бобров; имя это ничего нам не говорило.

Через два года вышла его книга «Волшебный двурог» — вроде «Алисы в стране математических чудес», где главы назывались схождениями, отступления были интереснее сюжета, шутки — лихие, картинки — Конашевичевы, а заглавная геометрическая фигура с полумесяцем не имела никакого отношения к действию. За непедagogическую яркость книгу тотчас разгромила твердая газета «Культура и жизнь». Следующая «занимательная математика» Боброва появилась через несколько лет и была надсадно-бледная. Но мы уже знали, что Бобров был поэтом, и читали в старых альманахах «Центрифуги» («такой-то турбогод») его малопонятные стихи и хлесткие рецензии: «Ну что же, дорогой читатель, наденем калоши и двинемся вглубь по канализационным тропам «Первого журнала русских футуристов»...»^[2]. Видели давний силуэт работы Кругликовой — усы торчат, губы надуты, над грудой бумаг размахивается рука с папиросой, сходство — как будто тридцати лет и не бывало. Это была невозвратная история. Когда потом в оттепельной «Литературной Москве» вдруг явились два стихотворения Боброва, филологи с изумлением говорили друг другу: «А Бобров-то!..»

Когда мне было двадцать пять лет, в Институте мировой литературы начала собираться стиховедческая группа. Ее можно было назвать клубом неудачников. Все стар[385]шие участники помнили, как наука стиховедения была отменена почти на тридцать лет, а их собственные работы в лучшем случае устаревали на корню. Председательствовал Л. И. Тимофеев, приходили Бонди, Квятковский, Никонов, Стеллецкий, один раз появился Голенищев-Кутузов. У Бонди была книга о стихе, зарезанная в корректуре. Штокмар в депрессии сжег полную картотеку рифм Маяковского. Нищий Квятковский был принят в Союз писателей за считанные годы до смерти и представляемые в комиссию несколько экземпляров своего «Поэтического словаря» 1940 г. собирал по одному у знакомых. Квятковский отбыл свой срок в 1930-х на Онеге, Никонов в 1940-х в Сибири, Голенищев в 1950-х в Югославии: там, в тюрьме у Тито, он сочинял свою роспись словоразделов в русском стихе (все примеры — по памяти), вряд ли подумав, что это давно уже сделал Шенгели.

Бобров появился на первом же заседании. Он был похож на большую шину, из которой наполовину вышел воздух: такой же зычный, но уже замедленный. После заседания я одолел робость и подошел к нему: «Вы меня не помните, а я вас помню: я тот, который с Володи́ей Смирновым...» — «А, да, конечно, Володя Смирнов, бедный мальчик...» — и он позвал прийти к нему домой. Дал для испытания два своих непечатавшихся этюда, «Ритмолог» и «Ритор в тюльпане», и один рассказ. В рассказе при каждой главе был эпиграф из Пушкина («А. П.»), всякий раз прекрасный и забытый до неузнаваемости («Летит испуганная птица, услыша близкий шум весла» — откуда это?). В «Риторе» мимоходом было сказано: «Говорят, Достоевский предсказал большевиков, — помилуйте, да был ли такой илот, который не предсказал бы большевиков?» «Илот» мне понравился.

Я стал бывать у него почти что каждую неделю. Это продолжалось десять лет. Когда я потом говорил о таком сроке людям, знавшим Боброва, они посматривали на меня снизу вверх: Бобров славился скверным характером. Но ему хотелось иметь собеседника для стиховедческих разговоров, и я оказался подходящим.

Как всякий писатель, а особенно — вытесненный из литературы, он нуждался в самоутверждении. Первым русским поэтом нашего века был, конечно, он, а вторым — Пастернак. Особенно Пастернак тех времен, когда он, Бобров, издавал его в «Центрифуге». «Как он потом испортил «Марбург»! только одну строфу не тронул, да и то потому, что ее процитировал Маяковский и написал: «гениальная»». Уверял, что в молодости Пастернак был нетверд в русском языке: «Бобров, почему вы меня не поправили: «падет, главою очертя», «а вправь пойдет Евфрат»? а теперь критики говорят неправильно». — «А я думал, вы — нарочно». С очень большим уважением говорил об отце Пастернака: «Художники знают цену работе, крепкий был человек, Борису по струнке приходилось ходить. Однажды спросил меня: у Бориса настоящие стихи или так? Я ответил». «Ответил» — было, конечно, главное. Посмертную автобиографию «Люди и положения», где о Боброве было упомянуто мимоходом и неласково, он очень не любил и называл не иначе как «апокриф». К роману был равнодушен, считал его славу раздутой. Но выделял какие-то подробности предреволюционного быта, особенно душевного быта: «очень точно». Доброй памяти об этом времени в нем не было. «На нас подействовал не столько 1905 год, сколько потом реакция — когда каждый день раскрываешь газету и читаешь: повешено столько-то, повешено столько-то».

Об Асееве говорилось: «Какой талант, и какой был легкомысленный: ничего ведь не осталось. Впрочем, вот теперь премию получил, кто его знает. Однажды мы от него уходили в недоумении, а Оксана выходит за нами в переднюю и тихо говорит: вы не думайте, ему теперь нельзя иначе, он ведь лауреат». Пастернак умирал гонимым, Асеев признанным, это уязвляло Боброва. Однажды, когда он очень долго жаловался на свою судьбу со словами «А вот Асеев...»,

я спросил: «А вы захотели бы поменяться жизнью с Асеевым?» Он посмотрел так, как будто никогда об этом не задумывался, и сказал: «А ведь нет».

«Какой был слух у Асеева! Он был игрок, а у игроков свои суеверия: когда идешь играть, нельзя думать ни о чем божественном, иначе — проигрыш. Приходит проигравшийся Асеев, сердитый, говорит. «Шел — все церкви за версту обходил, а на Смоленской площади вдруг — извозчичья биржа и огромная вывеска «Продажа овса и сена», не про[386]честь нельзя, а это ведь все равно, что Отца и Сына!» (Чтобы пройти цензуру, отец и сын были напечатаны с маленькой буквы.) «А работать не любил, разбрасывался. Всю «Оксану» я за него составил. У него была — для заработка — древнерусская повесть для детей в «Проталинке», я повынимал оттуда вставные стихи, и кто теперь помнит, откуда они? «Под копыта казака — грянь! брань! гинь! вран!»...»

Читал стихи Бобров хорошо, громко подчеркивая не мелодию, а ритм: стиховедческое чтение. Я просил его показать, как «пел» Северянин, — он отказался. А как вбивал в слушателей свои стихи Брюсов — показал: «Демон самоубийства», то чтение, о котором говорится в автобиографическом «Мальчике»: «Своей, — улыбкой, — странно, — длительной, — глубокой, — тенью, — черных, — глаз, — он часто, — юноша, — пленительный, — обвораживает, — скорбных, — нас...» («А интонация Белого записана: Метнер написал один романс на его стихи, где нарочно воспроизвел все движения его голоса». Какой? «Не помню». Я стал расспрашивать о Белом — он дал мне главу из «Мальчика» с ночным разговором, очень хорошую, но ничего не добавил.)

«Брюсов не только сам все знал напоказ, но и домашних держал так же. Мы сидим у него, говорим о стихах, а он: «Жанночка, принеси нам тот том Верлена, где аллитерация на «л»!» и Жанна Матвеевна приносит том, раскрытый на нужной странице». Кажется, об этом вспоминали и другие видимо, у Брюсова это был дежурный прием. «Мы его спрашивали: Валерий Яковлевич, как же это вы не отстояли «Петербург» Белого для «Русской мысли»? Он разводит руками: «Прихожу я спорить к Струве, он выносит рукопись: «а вы видели, что тут целая страница — о том, как блестит паркетина в полу? по-вашему, можно это печатать?» Смотрю: и верно, целая страница. Как тут поспоришь?»

«Умирал — затравленный. Эпиграмму Бори Лапина знаете: «И вот уж воеет лира над тростью этих лет»? Тогда всем так казалось. Когда он умер, Жанна Матвеевна бросилась к профессору Кончаловскому — брат художника, врач, — «Доктор, ну как же это!» А он буркнул ей: «Не хотел бы — не помер бы»».

«А Северянина мы всерьез не принимали. Его сделал Федор Сологуб. Есть ведь такое эстетство — наслаждаться плохими стихами. Сологуб взял все эти его брошюрки, их было под тридцать, и прочитал от первой до последней. Отобрал из них, что получше, добавил последние его стихи, и получился «Громокипящий кубок». А в следующие свои сборники Северянин стал брать все, что Сологуб забраковал, и понятно, что они получались один другого хуже. Однажды он вернулся из Ялты, протратившись в пух и прах. Там жил царь, — так вот, когда Северянин ездил в такси, ему устраивали овации громче, чем царю. Понятно, что Северянин только и делал что ездил в такси. А народ тоже понимал, что к чему: к царю относились — известно как, вот и усердствовали для Северянина».

Одно неизданное асеевское стихотворение я запомнил в бобровском чтении с одного раза. «Сидел Асеев у меня вечером, чай пили, о стихах разговаривали. Ушел — забыл у меня пальто. Наутро пришел, нянька ему открыла, он берет пальто и видит, что на окне стоит непочатая бутылка водки. Он ужасно обижен, что вчера эта бутылка не была употреблена по назначению, и пишет мне записку. Прихожу — читаю (двенадцать строчек — одна фраза): «У его могущества, кавалера Этны, мнил поять имущество, ожидая тщетно, — но, как на покойника, с горнего удела

(сиречь, с подоконника) на меня глядела — та, завидев коюю (о, друзья, спасайтесь!), ввергнут в меланхолию Юргис Балтрушайтис». Следовало пояснение об уединенных запоях Балтрушайтиса. «Почему: кавалера Этны?» — «Это наши тогдашние игры в Гофмана». — «И «Песенка таракана Пимрома» — тоже?» — «Тоже», — но точнее ничего не сказал.

Бобров несколько раз начинал писать воспоминания или надиктовывать их на магнитофон; отрывки сохранились в архиве. Я прошу прощения, если что-то из этого уже известно. «Но, — говорил Бобров, — помните, пожалуйста, что Аристотель сказал: известное известно немногим». — «Где?» — «Сказал — и все тут». Я остался в убеждении, что эту сентенцию Бобров приписал Аристотелю от себя, — за ним такое водилось. Но много лет спустя, переводя «Поэтику» Аристотеля (которую я читал по-русски не раз и не [387] пять), я вдруг на самом видном месте наткнулся, словно впервые, на бобровские слова «известное известно немногим». Аристотель и Бобров оказались правы.

О Маяковском он упоминал редко, но с тяжелым уважением, называл его «Маяк». «Однажды сидели в СОПО, пора вставать из-за столиков, Маяковский говорит: «Что ж скажем словами Надсона: «Пожелаем тому доброй ночи, кто все терпит во имя Христа» итд. Я сказал: «Пожелаем, только это не Надсон, а Некрасов», Маяковский помрачнел: «Аксенов, он правду говорит?» «Правду» — «Вот сволочи, я по десяти городам кончал этим свои выступления — и хоть бы одна душа заметила»».

Хлебников пришел к Боброву, не зная адреса. Бобров вернулся домой, нянька ему говорит: вас ждет какой-то странный. «Как вы меня нашли?» Хлебников поглядел, не понимая, сказал: «Я — шел — к Боброву». Входила в моду эйнштейновская теория относительности, Хлебников попросил Боброва ему ее объяснить. Бобров с энтузиазмом начал и вдруг заметил, что Хлебников смотрит беспросветно-скучно. «В чем дело?» — «Бобров, ну что за пустяки вы мне рассказываете: скорость света, скорость света. Значит, это относится только к таким мирам, где есть свет, а как же там, где света нет?» Я спросил Боброва: «А каковы хлебниковские математические работы?» — «Мы носили их к такому-то большому математику (я забыл, к какому), он читал их неделю, вернул и сказал: лучше никому их не показывайте». Кажется, их потом показывали и другим большим математикам, и те отзывались с восторгом, но как-то уклонялись от ответственности за этот восторг.

«Хлебников терпеть не мог умываться: просто не понимал, зачем это нужно. Поэтому всегда был невероятно грязен. Оттого у него и с женщинами не было никаких ромов». По складу своего характера Бобров обо всех говорил что-нибудь неприятное. «И Аксенова женщины не любили. Он был тяжелый человек, замкнутый, его в румынском плену на дыбе пытали, как при царе Алексее Михайловиче. Книгу его «Неуважительные основания» видели? Огромная, роскошная; он принес рукопись в «Центрифугу», сказал: «Издайте за мой счет и поставьте вашу марку, мне ваши издания нравятся; я написал книгу стихов «Кенотаф», а потом увидел, что у вас стихи интереснее, и сжег ее». (Не ошибка ли это? Судя по письмам Аксенова, он и в это время были знакомы лишь заочно.) «Так вот, «Основания» он написал для Александры Экстер, художницы, а она его так и не полюбила. А потом для Любви Поповой, художницы, он устроил у Мейерхольда постановку «Великодушного рогоносца», ее конструкции к «Рогоносцу» теперь во всех мировых книгах по театру, а она его так и не полюбила». Мария Павловна, жена Боброва, переводчица, вступилась; ее прозвище было «белка», Лапин ей когда-то посвятил стихи с геральдикой: «Луну грызет противобелка с герба неложной красоты; но ты фарфор, луны тарелка, хоть и орех для белки ты...» Бобров набросился на нее: «А ты могла бы?» — «Нет, не могла бы».

Поэт Иван Рукавишников, Дон-Кихот русского триолета, был алкоголик последней степени: с одной рюмки пьян вдребезги, а через полчаса чист, как стеклышко. Наталья Бенар (та, которая,

когда умер Блок и все поэтессы писали грустные стихи, как у них был роман с Блоком, одна писала грустные стихи, как у нее не было роман а с Блоком), — Наталья Бенар носила огромные шестиугольные очки — чтобы скрыть шрамы: какой-то любовник разбил об нее бутылку. («Спилась из застенчивости», — прочитал я потом о ней у О. Мочаловой.) Борис Лапин («какой талантливый молодой человек был!»), кажется, был в начале кокаинистом. Вадим Шершеневич обращался с молоденькой женой, как мерзавец, а стоило ей сказать полслова поперек, он устраивал ей такие сцены, что она начинала просить прощения. Тогда он говорил: «Проси прощения не у меня, а у этой электрической лампочки!» — и она должна была поворачиваться к лампочке и говорить: «Лампочка, прости меня, я больше не буду», и горе ей, если это получалось недостаточно истово, — тогда все начиналось сначала.

Борис Садовской, чтобы подразнить Эллиса в номерах «Дон», натянул на бюст чтимого Данте презерватив. Эллис, чтобы подразнить Бориса Садовского — лютого антисемита, который больше всего на свете благоговел перед Фетом и Николаем I, — пока[388]зывал Садовскому фотографию Фета и говорил: «Боря, твой Фет ведь и вправду еврей — посмотри, какие у него губы!» Садовской сатанел, бил кулаком по столу и кричал: «Врешь, он — поэт!» («С. П., а это Садовского вы анонсировали в «Центрифуге»: «...сотрудничество кусательнейшего Птикса: берегитесь, меднолобцы?» — «Садовского». — «Как же он к вам пошел, он же ненавидел футуризм», — «А вот так»).

«Левкий Жевержеев, который давал деньги футуристам на «Союз молодежи», был библиофил. Это особенная порода, вы ее не знаете. Был я у него, кончился деловой разговор, встали: «Сейчас я покажу вам мои книги». Отдергивает занавеску, там полки до потолка, книги — такие, что глаза разбегаются, и все в изумительных переплетах. Я, чтобы не ударить в грязь лицом, беру том «Полярной звезды», говорю: «Это здесь, кажется, был непереиздававшийся вариант такого-то стихотворения Баратынского?...» — и вдруг вижу, что том не разрезан, а на лице у Жевержеева брезгливейшее отвращение. «Почему?» — спрашиваю. «А я, молодой человек, книг принципиально! не! читаю!» — «Почему?» «Потому что книги от этого пор-тятся».

«А вы знаете, что в «Центрифуге» должен был издаваться Пушкин? «Пушкин — Центрифуге», неизвестные страницы, подготовил Брюсов. Не потому неизвестные, что неизданные, а потому, что их никто не читает. Думаете, мало таких? целая книга!» (Я вспомнил эпиграфы, подписанные «А. П.». Потом в архиве Брюсова я нашел этот его договор с «Центрифугой»). «На Пушкине мы однажды поймали Лернера. Устроил и публикацию окончания пушкинской «Юдифи» — будто бы найдено в старых бумагах, в таком-то семействе, где и действительно в родне были знакомые Пушкина, и так далее. Лернер написал восторженную статью и не заметил, что публикация помечена, если по новому стилю, первым апреля. Этот номер «Биржовки», где была статья Лернера, мы потом в каталогах перечисляли в списке откликов на продукцию издательства «Центрифуга».

Говоря о стиховедении, случилось упомянуть о декламации, говоря о декламации — вспомнить конструктивиста Алексея Чьи!черина, писавшего фонетической транскрипцией. У него была поэма без слов «Звонок к дворнику» — почему? «Потому что очень страшно. Ворота на ночь запирались, пришел поздно — звони дворнику, плати двугривенный, ничего особенного. Но если всматриваться в дощечку с надписью и только в нее, то смысл пропадет, и она залязгает чем-то жутким: ЗъваноГГ — дворньку! Это как у Сартра: смотришь на дерево — и ничего, смотришь отдельно на корень — он вдруг непонятен и страшен; и готово — ля нозе». Чичерин анонсировал какие-то свои вещи с пометкой «пряничное издание». «Да: мы с женой получаем посылочку, в ней большой квадратный пряник, на нем неудобочитаемые буквы и фигуры, а сысподу приклеен ярлычок «последнее сочинение Алексея Чьи!черина». Через день встречаю

его на Тверской: «Ну, как?» «Спасибо, — говорю, — очень вкусно было» — «Это что! — говорит, — самое трудное было найти булочную, чтобы с такой доски печатать: ни одна не бралась!»

Когда о нем кто-нибудь говорил хорошо, это запоминалось по необычности. Однажды он вдруг заступился за Демьяна Бедного: «Он очень многое умел, просто он вправду верил, что писать надо только так, разлюли-малина». (Я вспомнил Пастернака — о том, что Демьян Бедный — это Ганс Сакс нашего времени). Был поэт из «Правды» Виктор Гусев, очень много писавший дольниками, я пожаловался, что никак не кончу по ним подсчеты; Бобров сказал: «Работяга был. Знаете, как он умер? В войну: в Радиокомитете писал целый день, переутомился, сошел в буфет, выпил рюмку водки и упал. И Павел Шубин так же помер. Говорил, что проживет до семидесяти, все в роду живучие, а сам вышел утром на Театральную площадь, сел под солнышко на лавочку и не встал». Мария Павловна: «В Доме писателей был швейцар Афоня, мы его спрашивали: «Ну, как, Афоня, будет сегодня драка или нет?» Он смотрел на гардероб и говорил: «Шубин — здесь, Смеляков — здесь: будет!»» Я не проверял этих рассказов: если они не достоверны, пусть останутся как окололитературный фольклор. Этот Афоня, кажется, уже вошел в историю словесности. Извиняясь за происходящее, он говорил: «Такая уж нынче эпошка».

Бобров закончил московский Археологический институт в Староконюшенном переулке, но никогда о нем не вспоминал, а от вопросов уклонялся. Зато о незаконченном [389] учении в Строгановском училище и о художниках, которых он знал, он вспоминал с удовольствием. «Они мастеровые люди: чем лучше пишут, тем косноязычнее говорят. Илья Машков вернулся из Италии: «Ну, ребята, Рафаэль — это совсем не то. Мы думали, он — вот, вот и вот (на лице угрюмость, руки резко рисуют в воздухе пирамиду от вершины двумя скатами к подножью), а он — вот, вот и вот (на лице бережность, две руки ладонями друг к другу плавными зигзагами движутся сверху вниз, как по извилистому стеблю)»». Кажется, это вошло в «Мальчика».

Наталья Гончарова иллюстрировала его первую книгу, «Вертоградари над лозами», он готов был признать, что ее рисунки лучше стихов: стихи вспоминал редко, рисунки часто. Ее птицу с обложки этой книги Мария Павловна просила потом выбить на могильной плите Боброва. Ларионова он недолюбливал, у них была какая-то ссора. Но однажды, когда Ларионов показывал ему рисунки — наклонясь над столом, руки за спину, — он удивился напряженности его лица и увидел: Гончарова сзади неслышно целовала его лапищи за спиной. «Она очень сильно его любила, я не знал, что так бывает».

«Малевич нам показывал свой квадрат, мы делали вид, что нам очень интересно. Он почувствовал это, сказал: «С ним было очень трудно: он хотел меня подчинить» — «Как?» — «А вот так, чтобы меня совсем не было». — «И что же?» — «Я его одолел. Видите: вот тут его сторона чуть-чуть скошена. Это я нарочно сделал — и он подчинился». Тут мы поняли, какой он больной человек».

Я сказал, что люблю конструкции Родченко. «Родченко потом был не такой. Я встретил его жену, расспрашиваю, она говорит: «Он сейчас совсем по-другому пишет». Как? «Да так, — говорит, вроде Ренуара...» А Федор Платов тоже по-другому пишет, только наоборот абстрактные картины». Абстрактные в каком роде? «А вот как пришел ковер к коврихе, и стали они танцевать, а потом у них народилось много-много коврят». Федора Платова, державшего когда-то издательство «Пета» (от слова «петь»), я однажды застал у Боброва. Он был маленький, лысый, худой, верткий, неумолчный и хорохорящийся, а с ним была большая спокойная жена. Шел 400-летний юбилей Сервантеса, и чинный Институт мировой литературы устроил выставку его картин к «Дон-Кихоту». Мельницы были изображены такими, какими он и казались Дон-Кихоту: надвигались, вращались и брызгали огнем; это и вправду было страшно.

Больше всего мучился Бобров из-за одной только своей дурной славы: считалось, что это он в последний приезд Блока в Москву крикнул ему с эстрады, что он — мертвец и стихи у него — мертвецкие. Через несколько месяцев Блок умер, и в те же дни вышла «Печать и революция» с рецензией Боброва на «Седое утро», где говорилось примерно то же самое; после этого трудно было не поверить молве. Об этом и говорили, и много раз писали; С. М. Бонди, который мог обо всем знать от очевидцев, и тот этому верил. Я бы тоже поверил, не случись мне чудом увидеть в забытом журнале, не помню каком, чуть ли не единственное тогда упоминание, что кричавшего звали Струве (Александр Струве, большеформатная брошюра о новой хореографии с томными картинками).

Поэтому я сочувствовал Боброву чистосердечно. «А рецензия?» — «Ну, что рецензия, — хмуро ответил он. — Тогда всем так казалось».

Как это получилось в Политехническом музее — для меня понятнее всего из записок О. Мочаловой, которые я прочел много позже (РГАЛИ, 272. 2.6, л. 33). После выходки Струве «выскочил Сергей Бобров, как будто и защищая поэзию, но так кривляясь и ломаясь, что и в минуту разгоревшихся страстей этот клоунский номер вызвал общее недоумение. Председательствовал Антокольский, но был безмолвен». Кто знает тогдашний стиль Боброва, тот представит себе впечатление от этой сцены. Струве был никому не знаком, а Боброва знали, и героем недоброй памяти стал именно он.

Собственные стихи Боброва были очень непохожи на его буйное поведение: напряженно-простые и неуклюже-бестелесные. На моей памяти он очень мало писал стихов, но запас неизданных старых, 1920–1950-х гг., был велик. Мне нужно был о много изобретательности, чтобы хвалить их. Но одно его позднее стихотворение я люблю: оно называется «Два голоса» («1 — мужской, 2 женский»), дата — 1935. На магнитофоне было записано его чтение вдвоем с Марией Павловной: получалось очень хорошо. [390]

Будит тихая славная поступь волны	2	из мхов
поступь	1	Как певучий
Тишину и певучие сны	2	фагота шмель
летучие	1	И легкая трель
И ее говорливая радость шумит	2	говорит как свирель
сладость	1	— —
Она говорит и бежит	2	И к сердцу приходит она
— —	1	И ей говорит в ручье волна
— —	2	— —
Она говорит и бежит	1	— —
вдыхающий	2	О как чиста и жива
Послушай ее лепечущий день	1	— —
могучую	2	Как каждый камень слышит ее
Узорную и летучую тень	1	И волненье мое
— —	2	и мое
Мы тихо поднимем взоры свои	1	Мы будем как легкие листики
Как крылья и лепестки	2	пен
— —	1	Плясать и шуметь
— —	2	у алмазных стен
Как живые лучи	1	взлетать
Почти мотыльки	2	И в легкую радугу капель
мотыльки	1	— —
и бархатной мглы	2	И как день золотой сиять
Причудливой тайны	1	Узорная ходит взлетая тень
радугой мглы	2	убегая
Мы будем носиться	1	Горит просторная лень
Свободный и свежий	2	узорная
он тешит и нежит	1	И день говорит и листик
ближе, живее	2	горит
Все реже, слабее	1	И в ветре раскинувшись
к устам	2	он горит
Он тихий, он льется, он жмется	1	бежит
Он сердцем сольется	2	И ветер приходит к нему волной
и бисером струй	1	Замирает
Дрожащих лучей	2	Отвечает сумрак лесной
блестящих огней	1	И он говорит
Звенящих огней	2	Он легкие песни поет весне
золотистых лучей	1	Тебе
Простой поцелуй	2	и тебе
и живой	1	Тебе и мне
Мы выйдем из листиков	2	Тебе и мне

Проза его — «Восстание мизантропов», «Спецификация идитола», «Нашедший сокровище» («написано давно, в 1930-м я присочинил конец про мировую революцию и напечатал под псевдонимом еще из «Центрифуги»: А. Юрлов») — в молодости не нравилась мне неврастеничностью, потом стала нравиться. Мне кажется, есть что-то общее в прозе соседствовавших в «Центрифуге» поэтов: у Боброва, в забытом «Санатории» Асева, в ждущих издания «Геркулесовых столпах» Аксенова, в ставшей классикой ранней прозе Пастернака. Но что именно — не изучив, не скажу. [391]

Одна его книга, долго анонсированная в «Центрифуге», так и не вышла, остались корректурные листы: «К. Бубера. Критика житейской философии». Где-то, по анонсам, было написано, что это был первый русский отклик на философию Мартина Бубера. Это не так: «К. Бубера» — это Кот БубЕра (так звали кота сестер Синяковых, сказал мне А. Е. Парнис), а книга — пародия на «Кота Мурра», символизм и футуризм, со включением стихов К. Буберы (с рассеченными рифмами) и жизнеописанием автора. (Последним и словами умирающего Буберы были: «Не мстите убийце: это придаст односторонний характер будущему». Мне они запомнились.) Таким образом, и тут в начале был Гофман.

Из переводов чаще всего вспоминались Шарль ван-Лерберг, которого он любил в молодости («Дождик, братик золотой...») и Гарсиа Лорка. Если бы было место, я бы выписал его «Романс с лагунами» о всаднике дон Педро, он очень хорош. Но больше всего он гордился стихотворным переложением Сы Кун-ту, «Поэма о поэте», двенадцатистишия с заглавиями «Могучий хаос», «Пресная пустота», «Погруженная сосредоточенность», «И омыто и выплавлено», «Горестное рвется» итд. «Пришел однажды Аксенов, говорит Бобров, я принес вам китайского Хлебникова! — и кладет на стол тысячестраничный том, диссертацию В. М. Алексеева». Там был подстрочный перевод с комментариями буквально к каждому слову. В 1932 г. Бобров сделал из этого поэтический перевод, сжатый, темный и выразительный. «Пошел в «Интернациональную литературу», там работал Эми Сяо, помните, такой полпред революционной китайской литературы, стихи про Ленина и прочее. Показываю ему, и вот это дважды закрытое майоликовое лицо (китаец плюс коммунист) раздвигается улыбкой, и он говорит тонким голосом на всю редакцию: «Товали-си, вот настоящие китайские стихи!» После этого Бобров послал свой перевод Алексееву, тот отозвался об Эми Сяо «профессиональный импотент», но перевод одобрил. Напечатать его удалось только в 1969 г. в «Народах Азии и Африки», стараниями С. Ю. Неклюдова.

Мария Павловна рассказывала, как они переводили вместе «Красное и черное» и «Повесть о двух городах»: она сидит, переводит вслух на разные лады и записывает, а он ходит по комнате, пересказывает это лихими словами и импровизирует, как бы это следовало сочинить на самом деле. И десятая часть этих импровизаций вправду идет в дело. «Иногда получалось так здорово, что нужно было много усилий, чтоб не впасть в соблазн и не впустить в перевод того, чего у Диккенса быть не могло». Мария Павловна преклонялась перед Бобровым безоглядно, но здесь была тверда: переводчик она была замечательный.

С наибольшим удовольствием вспоминал Бобров не о литературе, а о своей работе в Центральном статистическом управлении. Книгой «Индексы Госплана» он гордился больше, чем изданиями «Центрифуги». «Там я дослужился, можно сказать, до полковничьих чинов. Люди были выучены на земской статистике, а земские статистики, не сомневайтесь, умели знать, сколько ухватов у какого мужика. Потом все кончилось: потребовалась статистика не такая, какая есть, а какая надобна; и ЦСУ закрыли». Закрыли с погромом: Бобров отсидел в тюрьме, потом отбыл три года в Кокчетаве, потом до самой войны жил за 101-м километром, в Александрове. Вспоминать об этом он не любил, кокчетавские акварели его — рыжая степь, голубое небо — висели в комнате не у него, а у его жены. (Фраза из воспоминаний Марии Павловны: «И я не могла ничего для него сделать, ну, разве только помочь ему выжить». Я и вправду не знаю, как выжил бы он без нее.) Первую книжку после этого ему позволил и выпустить лишь в войну: «Песнь о Роланде», пересказ для детей размером «Песен западных славян», Эренбург написал предисловие и помог издать: Франция считалась тогда союзником.

О стихе «Песен западных славян» Пушкина он писал еще в 1915 г, писал и все десять своих последних лет. Несколько статей были напечатаны в журнале «Русская литература». Большие, со статистическими таблицами, выглядели они там очень необычно, но редактор В. Г. Базанов (писатели-преддекабристы, северный фольклор) был человек хрущевской непредсказуемости. Бобров ему чем-то понравился, и он открыл Боброву зеленую улицу. Литературоведы советской формации были недовольны, есениновед [392] С. Кошечкин напечатал в «Правде» заметку «Пушкин по диагонали» (диагональ квадрата статистического распределения — научный термин, но Кошечкин этого не знал). Сорок строчек в «Правде» — не шутка, Бобров бурно нервничал, все его знакомые писали письма в редакцию — даже академик А. Н. Колмогоров.

Колмогоров в это время, около 1960 г., заинтересовался стиховедением, этот интерес очень помог полузадушенной науке встать на ноги и получить признание. Еще Б. Томашевский в

1917 г. предложил исследовать ритм стиха, конструируя по языковым данным вероятностные модели стиха и сравнивая их с реальным ритмом. Колмогорову, математику-вероятностнику с мировым именем, это показалось интересно. Он усовершенствовал методику Томашевского, собрал стиховедческий семинар, воспитал одного-двух учеников-стиховедов. Бобров ликовал. А дальше получился парадокс. Колмогоров, профессиональный математик, в своих статьях и докладах обходился без математической терминологии, без формул, это были тонкие наблюдения и точные описания вполне филологического склада, только с замечаниями, что такой-то ритмический ход здесь не случаен по такому-то признаку и в такой-то мере. Математика для него была не ключом к филологическим задачам, а дисциплиной ума при их решении. А Бобров, профессиональный поэт, бросился в филологию в математическом всеоружии, его целью было найти такую формулу, такую функцию, которая разом описывала бы все ритмические особенности такого-то стиха. Томашевский и Колмогоров всматривались в расхождения между простой вероятностной моделью и сложностью реального стиха, что бы понять специфику последнего, — Бобров старался построить такую сложнейшую модель, чтобы между нею и стихом никакого расхождения бы вовсе не было. Колмогоров очень деликатно говорил ему, что именно поэтому такая модель будет совершенно бесполезна. Но Бобров был слишком увлечен.

Здесь и случился эпизод, когда Бобров едва не выгнал меня из дому.

В «Мальчике» Боброва не раз упоминается книга, которую он любил в детстве, — «Маугли» Киплинга, и всякий раз в форме «Маули»: «мне так больше нравится». Не только я, но и преданная Мария Павловна пыталась заступиться за Киплинга, — Бобров только обижался: «моя книга, как хочу, так и пишу» (дословно). Такое же личное отношение у него было и к научным терминам. Увлеченный математикой, он оставался футуристом: любил слова новые и звучные. Ритмические выделения он называл «литавридами», окончания стиха — «краезвучиями», а стих «Песен западных славян» — «хореофильным анапестоморфным трехдольным размером». Очень хотел применить к чему-нибудь греческий термин «сизигия» — красиво звучал и ассоциировался с астрономией, которую Бобров любил. Громоздкое понятие «словораздел» он еще в 1920-х гг. переименовал по-советски кратко: «слор». Мне это нравилось. Но потом ему понадобилось переименовать еще более громоздкое понятие «ритмический тип слова» (2-сложное с ударением на первом слоге, 3-сложное с ударением на третьем слоге итп.): именно после таких слов, справа от них, следовали словоразделы-слоры. Он стал называть словоразделы-слоры «правыми слорами», а ритмические типы слов — сперва устно, а потом и письменно, — «левыми слорами». Слова оказались названы словоразделами: это было противоестественно, но он уже привык.

Колмогоров предложил ему написать статью для журнала «Теория вероятностей» объемом в неполный лист. Бобров написал два листа, а сократить и отредактировать дал мне. Я переделал в ней все «левые слоры» в «ритмотипы слов», чтобы не запутать читателя. Отредактированную статью я дал Боброву. Он, прочитавши, вынес мне ее, безразлично держа двумя пальцами за уголок: «Возьмите, пожалуйста, эту пародию и больше ее мне не показывайте». Все шло к тому, чтобы тут моим визитам пришел конец. Но статью нужно было все-таки обработать для печати. Я был позван вновь, на этот раз в паре с математиком А. А. Петровым, учеником Колмогорова, удивительно светлым че ловеком; потом он умер от туберкулеза. («Помните, «Четвертая проза» начинается: «Венямин Федорович Каган...»? — я его хорошо знал, это был прекрасный математик...») Мы быстро и согласно сделали новый вариант, сохранив все «левые слоры» и только [393] внятно оговорив, что это не словоразделы, а слова. Бобров был не очень доволен, но работу принял, и Колмогоров ее напечатал.

От этой статьи пошла вся серия публикаций в «Русской литературе», а потом и большая

книга. Книгу он сдал в издательство «Наука», но издательство не спешило, а Бобров уже не мог остановиться в работе и делал новые и новые изменения и дополнения. Когда редактор смог взяться за рукопись, оказалось, что она уже устарела, а новый вариант ее был еще только кипящим черновиком. Работу отложили, книга так и не вышла. Материалы к ней легли в архив, но из них невозможно выделить никакую законченную редакцию: сам Бобров в последние годы не мог уже свести в них концы с концами.

Сосед Боброва по писательскому дому, Ф. А. Петровский, мой шеф по античной литературе, спросил меня: «А вы заметили, в какой подробности устарел силуэт Крутиковой?» Я не знал. «Там у Боброва в руке папироса, а теперь у него в прихожей казенная вывеска: «Не курить»». Бобров не курил, не ел сладкого, у него был диабет. Полосы бурной активности, когда он за неделю писал десятки страниц, чередовались с полосами вялого уныния. Кажется, это бывало у него всю жизнь. («Вы недовольны собой? да кто ж доволен собой, кроме Эльснера?» — писал ему в 1916 г. Аксенов. Аксенов с Эльснером были шаферами при венчании Гумилева с Ахматовой, и Эльснер уверял, что это он научил Ахматову писать стихи). Однажды среди стиховедческого разговора он спросил меня: «Скажите, знаете ли вы, что такое ликантропия?» — «Кажется, оборотничество?» — «Это такая болезнь, которой страдал царь Навуходоносор». — «А». — «Вы ничего не имели бы против, если бы я сейчас немного постоял на четвереньках?» — «Что вы!» Он встал на коврик возле дивана, постоял минуту, встал, сел и продолжал разговор.

«Сколько вам лет?» — спросил он меня однажды. «Двадцать семь». — «А мне семьдесят два. Я бы очень хотел переставить цифры моего возраста так, как у вас». Он умер, когда ему шел восемьдесят второй, — это было в 1971 году.

Переписка («точность — вежливость королей»). На письмо Людовика XV о рождении сына Елисавета Петровна медлила с ответом три года. Так из Трои — см. ЧУКЧИ, про Гектора.

Педагог Горький писал сыну: «Нет злых людей, есть только обозленные» (за эту фразу многое можно ему простить); в первую очередь это относится к учителям.

Патриотизм Когда шли на Куликово поле, то знали ли, против кого идут? Конечно, попы из отдела пропаганды успели объяснить, что на агарян и бусурман. Но как их представляли? Татар видели только киличейскими проездами; даже налоги на татар собирали вряд ли с объяснениями; а татарские набеги дальше Рязани редко шли.

«**Патриотизм XIX в.** — это обожествление географической карты» (J. Harmand). Мы потеряли такое чувство, как ощущение рода, приобрели такое, как патриотизм, и еще хотим понимать античность, не перерождаясь.

Пародия К. Пруtkова «Он останется за гробом тот же гордый и немой» полностью относится к Ставрогину и Версикову: они произошли от тех же романтических героев, только те были задрапированы в страсти, а эти в идеи. [394]

Пародия Тютчевское «Умом Россию...» я воспринимал как пародию, а сочувствие Платонова его подлиповскому социализму всерьез; говорят, это тоже неправильно.

Печать «Частному человеку нельзя позволить публиковать догадок своих в деле государственном, ибо причины и виды высшей власти ему неизвестны, а если оные известны, то тем более». Из записки ок. 1820 (РСт 56, 1887, 99).

Писатель Отпевали Гоголя, не верили, что писатель; извозчик объяснял: это главный писарь при университете, который знал, как писать и к государю, и к генералу какому, ко всем (Барсуков, 11, 538).

«**Писать** надо ни для кого и ни для чего, а о чем». Ремизов у Кодр., 130.

Пика (С В. М.) Почему Пушкин так хвалил скромные элегии Сент-Бева? Привлекала мистификация? Или Пушкин так сильно не любил Гюго, что пропагандировал Сент-Бева в пику ему — как Теплякова в пику Бенедиктову?

Пир Трималхиона более всего напоминает описание обеда в «Опрометчивом турке».

Пискулит «Все вы пискулиты», писала М. Будберг Горькому; комментаторы ищут загадочное слово по всем словарям. От писк + скулить?

Сон в ЦГАЛИ: начало исторического романа — по правилам римского цирка, где гладиаторы билисьразнооружные, а звери разнопородные, император Нерон приказал устроить битву мушкетеров с ланцкнехтами, и она имела едва ли не больший успех, чем прошлогодняя травля меловых динозавров с юрскими; но затем, когда стало сниться, что на следующие игры был назначен бой кирасиров с кассирами, то я заволновался, проснулся и вновь оказался сидящим над поздним Андреем Белым.

По «Позевотою, потяготою и пустоглавием стражду», писал Костомаров. «Посудите, если все будет только одно положительное, такая куча выйдет, что ни пройти ни проехать; надо же кому-нибудь ее и прибирать с дороги» (РСт 1885, 6).

Подтекст Что достаточно для выявления подтекста? Чтобы совпадали две точки: слово и слово, слово и ритм и пр. Через две точки уже можно провести одну прямую — и, впрочем, очень много кривых (Ю. Левин согласился.) НН. вместо этого берет много точек и проводит через них много параллельных прямых, напр., к Розанову: узор, но не тот. [395]

Подтекст (С Ю. Щегловым.) Акмеистическая игра подтекстами — не что иное, как бывшая юмористика, освобожденная от комизма (как каламбурная рифма Маяковского). В начале эволюции были монтажи банальностей в устах чеховских героев, в конце — постмодернистские абсурды и Л. Рубинштейн. «Советский юмор был на цитатах, обнаруживавших мертвенность официальных клише, особенно взаимоисключающих, тоже как у Маяковского: «учитесь у классиков проклятого прошлого»«.

Подтекст — а когда, собственно, это слово пришло в язык? У Ушакова его еще нет.

Подтекст Когда Олег коня «и гладит и треплет по шее крутой», то нет ли здесь подтекста из Державина «песчинка может быть жемчугом: погладь меня и потрепли», и если да, то что это добавляет к смыслу Пушкина?

Подтекст У Батенькова есть строчка «И чувство чувства не поймет», которую копирует Мандельштам в «И сердце сердца устыдись», хотя при Мандельштаме этот текст Батенькова еще не был опубликован. (Замечено М. Шапиром). У античников это называется: был общий эллинистический источник. — У Языкова есть строчки «Блажен божественный поэт: ему в науку мир сует разнообразный колос родит..», но Некрасов их не читал: послание «А. М. Языкову» (1828) опубликовано только в 1913. — Р. Торпусман, переводя Катулла, нашла в «Поэме воздуха» рядом две реминисценции из Cat. 46: praetrepidans предзноб блаженства и aequinoctianus в бурю равноденства. Латыни Цветаева не знала. — У самой Цветаевой в «Федре» предфинальная служанкина строчка «На хорошем деревце повеситься не жаль» копирует последнюю строчку парабазы в «Лягушках» 736 в пер. Пиотровского, опубликованном лишь позже: «А на дереве хорошем и повеситься не жаль!» (Вряд ли Пиотровский, готовя книгу, вышедшую в 1930, успел познакомиться с «Совр. Зап.» 1928). Общего их эллинистического источника где-нибудь в пословицах Даля я не нашел.

Подтекст Ахматовой: «Не оглядывайся назад, ибо за тобой пожар Содома» — фраза из М. Швоба. «С новым годом, с новым горем» — фраза была в письмах Шенгели к Шкапской (1920-е

г.). А общий их подтекст — Северянин 1908: «С новолетьем мира горя, С новым горем впереди! Ах, ни счастья, ни отрады, ни сочувствия не жди!..» — От «прозрачной слезой на стенах проступила смола» у Мандельштама — сурковское «на поленьях смола как слеза».

Подтекст Даже серийная обложка Цеха поэтов (и первой Ахматовой) — копия с брюсовского *Urbi et orbi*. То-то Ахматова ненавидела Брюсова. [396]

Подтекст изобразительный. У Пастернака в «Маргарите» ее жест — одна рука лежащей заломлена под затылком и соединена с рукой [Фауста], другая скорее закинута, чем заломлена, прямая, в тень ветвей и дождя, — это поза врубелевского «Демона»; лиловый цвет — от «Демона» же и от «Сирени»; и все это подводит к врубелевскому витражу «Маргарита», хоть там поза и другая.

Сон сына: старый Ифит, ворчун вроде Лаэрта, «богатыри не вы» («когда мы с Фемистоклом при Соломине...» — С кем, с кем? — «А, ты его не знаешь!»): он был и с Моисеем в Исходе, и манна была не крупа, а кочанчики величиной с теннисные шарики, и их варили на огненном столпе. Господь растил их на своем небесном огороде, как Диоклетиан: стал бы он сыпать своему народу такую мелочь, как крупа! Он плавал и с аргонавтами: бестолковица! про компас знали только понаслышке, у Ясона была подвешена на веревочке железная стрелка, но ненамагниченная, он каждое утро щелкал по ней и плыл, как по брошенному жребью.

Порядок это значит: всякую мысль класть туда, откуда взял. Детская привычка.

Подросток в своем развитии растянулся, как поезд, и изнемогает, бегая вдоль себя от головы к хвосту. — «Сковорода писал: мир ловил меня, но не поймал; ты сам лезешь миру в пасть, а он от тебя отплевывается». — «Беда в том, что ты сам себя черненьким полюбить не можешь, несмотря на все твои розановские усилия». — А он отвечает «Кто без греха, в того я первый брошу камень».

Пермь Пустому месту приказали быть городом, и оно послушалось, только медленно (Вигель).

Позитивизм (От Х. Барана.) Р. Якобсон отчеркнул в Хопкинсе («О происхождении красоты», речь Профессора): «Я позитивист, я — шарящий раб, я буду ботанизировать на могиле родной матери; я стервятник, ждущий минуты растерзать сердце поэта перед чернью; я пошлый обыватель, которого проклинали и Шекспир, и Вордсворт, и Теннисон, и единственная моя награда — казнь, ненависть и презрение от истинного идеального поэта».

«**Позитивизм** хорош для рантье, он приносит свои пять процентов прогресса ежегодно» («Шум времени»). Нет, позитивизм, который не учит, не судит, а только приговаривает «вот что бывает», — это не безмятежность, позитивизм — это напряженность: все время ждешь, что тысяча первый лебедь будет черный, что следующий прохожий даст мне в зубы, а случайный камень заговорит по-китайски. От этого устаешь.

Плагнат «умоокрадение» (Лесков, 11, 176). [397]

Постоянные эпитеты Как они возникают. Софья Андреевна вспоминала: вот эту стену проломили в 187* г, я ему сказала: я родила тебе тринадцать детей, а ты устрой хоть место, где бы они могли двигаться, — как вдруг ее перебили: «Мама, как же тринадцать?» — и она замолкла, потому что действительно детей тогда было еще только пять.

Политика А. Осповат: «Книга Эйдельмана о Луние была важнее, чем Лебедева о Чаадаеве (только цитаты!) или Белинкова (только памфлет!), — она показывала легальную оппозицию в условиях деспотизма, политику как искусство для искусства, Луний был как бы депутат от Нерчинского округа в несуществующий парламент. А Белинков — это, так сказать, листовка в

Полифония Почему-то и Бахтин, и его последователи смотрят только на роман и не оглядываются на драму, где полифония уж совсем беспримесная, и все же никто не спутает положительного героя с отрицательным. Достоевский, как Мао, дает пороку высказаться, а потом его наказывает.

Потомки Г. А. Дубровская учредила международный культурный центр «Первопечатник» — должен был называться «Федоровский центр», но оказалось, что когда по имени, то нужна бумага, что потомки Ивана Федорова не возражают.

Пошлость — это истина не на своем структурном месте. Не только низкое в высоком, но и наоборот, напр.: бог в Пушкине. (Из записей Л. Гинзбург). — Мы называем вещь пошлой за то, что она напоминает нам о чем-то в нас, что мы сейчас хотели бы не вспоминать. Мы вымещаем на мире наши внутренние конфликты. А чтобы уберечь вещь от этого ярлыка, домысливаем к ней боль и надрыв: разве мало у нас средств для симуляции не-пошлости?

Почва Моды: «на смену деструктивизму идет феминизм». В России нет для него почвы? Тем страшнее: для пролетарской революции в России тоже не было почвы, а что вышло?

Пост «Допостсоветский», выражение О. Проскурина. («В этой стране все просто: или пост, или пост», писал С. Крж.)

Постструктурализм — стремление высвободиться из-под авторитетов? Но авторитетно ведь каждое письменное слово (т. е. допускающее перечтение) в отличие от устного. Если, чтобы вызволиться, я начинаю писать сам — это я борюсь за подмену одной власти другой, а мы знаем, что из этого бывает. Пляшущий стиль Деррида — это атомная бомба в войне за власть над читателем. [398]

Последний «Извините, что в последний момент...» — «Ах, что вы, вся наша жизнь — из последних моментов!...»

Предательство «Если на человека нельзя положиться, значит, просто не он тебе поддержка, а ты ему» (из письма).

Препинание Н. Бр.: «Гийом Бюде в трудных местах текста рисовал на полях свой профиль: не из этого ли появилась фигурная скобка?»

Причины

Изложить хошу в поему повесть горестных причин,
 Всем любимым подаему, кто свободен злых личин.
 Что есть в мире, все преложно, постоянства тверда нет,
 Доказать о том возможно то, что явный есть предмет, итд
 (РСт 72, 1891?)

Причины

Но синий шар вращает так же чинно
 Своих личин простую карусель,
 И многому, что было без причины,
 Столетия подыскали даже цель.
 (В. Маккавейский, «От Бафомета»)

Причины «Кто хочет делать, находит средства, кто не хочет, находит причины» (с

арабского). Ср. ДЕТЕРМИНИЗМ.

Причины «Очень знаю, откуда приходят ко мне дурные мысли, одному безумцу предоставляю знать, откуда берет он благие». Чаадаев 1913, 1, 151.

Просто «Ведь есть же такая вещь, как просто понимать, которую вы упорно отрицаете», сказал мне С. Ав. («С., когда я позволял себе что-нибудь просто понимать, это всегда кончалось катастрофой».) «Просто» — это значит несообщимо.

Проза Сенеки выигрывает, если печатать ее короткими абзацами: видимо, так его и воспринимали, как римского Шкловского или Дорошевича. Но добиться такой разбивки русского перевода не удалось: непривычно.

Поэзия «Новейшая поэзия разделяется на два вида: стихи, которые читать невозможно, и стихи, которые можно и не читать» (Альм. «Первая тетрадь кружка Адская Мостовая», кажется, 1923, типография ГПУ. Стихи там были такие: «Вечерами в маленькой кофейне Матовые светятся огни. Перелистывая томик Гейне, Тонкую страницу поверни») А Вейдле, «О поэтах», 124, цитировал Лунца: «Бывают хорошие стихи, плохие стихи и стихи как стихи; последние ужаснее всего».

Поэт В. Розанов обнял Б. Садовского и сказал: «Какой тоненький — настоящий поэт» (РАрх 1, 1991). [399]

Поэт Высоцкий говорил, что первым, кто назвал его поэтом, был врач-гинеколог в лекции о вреде алкоголя: «Поэт Высоцкий недаром сказал: нальем стаканы, зальем желанья...»

Поэт М. М. Дьяконову сбавили гонорар за его долю в коллективном переводе Низами: «Он не пользуется подстрочником, а стало быть не поэт» (М. М. Д, И. М. Д, Избр. пер., предисл.).

Психология Военную психологию в России стали разрабатывать только после русско-японской войны, рассудив, что причины поражения в ней — конечно же только психологические.

Пролетарий После перестройки я стал чувствовать себя не обывателем, а пролетарием: наемный работник государственного сектора. При советской власти (с ее непонятным смыслом слова *пролетарий*) это было невозможно.

Прогресс Просветительство и марксизм провозглашали прогресс, но даже они делали оговорки, что в культуре прогресс относителен. Единственный, для кого прогресс абсолютен и в культуре, — это Бахтин, для которого настоящая литература начинается с романа XVIII в., а все остальное — преддверие. Как для христианина история — преддверие явления Христа.

Пропаганда «Клеветникам России» при жизни Пушкина переводилось на немецкий язык 6 раз: по нему его и знали в Европе.

Прохирон Янину позвонила редакторша: «У вас написано: новгородская конституция опиралась на византийский Прохирон, что будем делать?» Он ответил: «Зачеркните «византийский», а Прохирон звучит вполне по-русски».

Сон А. под новый год. Выведена новая порода животных: вроде собачек, корма не требуют, сосут людям пальцы и трутся носами, а лекторы говорят, что этим решается мясная проблема, если мясо запекать в тесто. Потом оказывается, что эти зверьки рождаются и у людей, как мутанты или гибриды, и сын делает открытие, что они должны сменить людей на земле, так как устойчивее к радиации и пр. Начинаются споры, есть ли их в тесте или передавать им информацию всей человеческой культуры. Это трудно, потому что они очень умные, но только с голоса, а грамоте не научаются; но, может быть, это значит, что зато они могут телепатически слышать живого Пушкина и пр., и это можно развить. В то же время жаль отказаться есть их с лапшой, — и на этом сон обрывается.

Пространство А. В. Михайлов писал в философской энциклопедии заметку о Т. Манне; «вы понимаете, кто там был рядом». Когда начался маоизм, соседнюю статью выкинули, а Манна велели (С. Аверинцеву) расширить вдесятеро. Пока расширяли, решено было Мао восстановить, и Манна велели (кому?) сократить вполтину. Так и пошло. [400]

Придство — упрек М. Золотоносова в рец. на «Избранные статьи». Знаете, я античник, и об относительности всех приличий имею представление. Но и об относительности всех неприличий тоже.

Природа и общество «Холодной зимой общество дикобразов теснится близко друг к другу, чтобы защитить себя от замерзания взаимной теплотой. Однако вскоре они чувствуют взаимные уколы, заставляющие их отделиться друг от друга. Когда же потребность в теплоте опять приближает их друг к другу, тогда повторяется та же беда, так что они мечутся между этими двумя невзгодами, пока не найдут умеренного расстояния: которое они могут перенести наилучшим образом» (цит. у М. Шкапской, «Сама по себе», 11).

Природа и общество Жалуются, что Евгений в «Медном всаднике» из-за государства лишился места в жизни, и не замечают, что государство же и дало ему место в жизни — регистраторский чин по табели. Евгений попал в ту самую щель между природой и обществом — общество недозащило его от природы. Только до романтиков жертва жаловалась на природу, а теперь жалуется на общество.

Пушкин «Сейчас у нас не пушкинисты, а временно исполняющие обязанности пушкинистов», сказал Л.

Пушки к бою Мы идем в будущее задом, да еще зажмурившись.

Путь от нашего разумения к пониманию подлинника и обратно к нашему разумению. Но понимание подлинника — путь бесконечный, поэтому с какого места мы поворачиваем обратно — это характеризует не подлинник, а только нашу выносливость.

Пчела Письмо от О. Ронена: «Сегодня на устном магистерском экзамене нашу аспирантку-древнерусистку (монголку) спросили: а что вы читали последнее из современной русской литературы? Она ответила: «Записи и выписки». — К какому жанру, по-вашему, это произведение принадлежит? — Она (неуверенно): «Пчела»?

Пустяки Филонов сказал: вообще, что это за пустяки — ритуальное убийство! — Хлебников ответил: «Нет, это тоже интересно» («Вестник», 1, 48, от Шкловского).

Сын в 14 лет начал стихи: «Взгляни в окно: ты видишь клены Наряд свой сбросили зеленый, Одевшись в пурпур и кумач, И лучезарное светило Народам мира осветило Всю грандиозность их задач. Теперь взгляни в окно другое: Согнулась улица дугою Под алой тяжестью знамен...» Я умолял его дописать до конца, послать в газету и посмотреть, что будет написано в ответе, но не добился. [401]

We still, alas, cannot recall it —
This dreadful ailment's heavy toll:
The spleen is what the English call it,
We call it simply *Russian soul*.
«Евгений Онегин», I, 38, пер. J. E. Falen

Русская душа «Открылись широта и рубежи, уступы переливчатой натуры, парение

насмешки и души в тумане мировой полукультуры...» — Ю. Кузнецов, «Выходя на дорогу...», 30 (аннотировал в 1978), посв. В. Кожину.

Русская душа Ее не удастся описать списком добродетелей, потому что не удобно отказать в таких же добродетелях другим нациям. (Впрочем, многие смело отказывают.) Может быть, попробовать описать ее списком пороков? в сопоставлении с такими же списками для других наций? и проиллюстрировать это табличкой из письмовника Курганова, односложно гавкающей почти по-крученыховски?

Опись качеств знатнейших европейских народов — Н. Курганов, Письмовник, изд. 4, СПб., 1790, ч. 1, с. 290					
— —	Немец	Франц.	Итал.	Испан.	Англич.
В повед.	Прост	Учтив	Вежлив	Презр.	Величав
Ростом	Высок	Строен	Посред	Низок	Взрачен
В одежде	Подраж.	Выдумщ.	Беден	Бережл.	Великол.
В кушан.	Славен	Нежен	Умерен	Скуп	Роскош.
В нраве	Ласков	Шутл.	Снисх.	Скром.	Непостоян.
Лицом	Пригож	Таковже	Посред	Дурнов.	Красив
В совет.	Тверд	Скор	Хитр	Прозор.	Основат.
В писании	Изряд	Таковже	Основ.	Хорош	Учен
В науке	Знаток	Посред	Учен.	Глубок	Философ
В законе	Тверд	Ревнит.	Обряд	Суевер.	Набож
В предпр.	Орел	Бодр	Лисица	Храбр	Лев
В услуг.	Верен	Обряден	Почтен	Покор.	Раболеп.
В браке	Хозяин	Свобод	Тюрем.	Мучит.	Слуга
Женщины	Домов.	Гордые	Злые	Подат.	Своевол.

Радость Самое парадоксальное, остроумное и радостное на свете — это что дважды два все-таки четыре, несмотря на то что все это без конца повторяют.

Рай Притча Сведенборга — Борхеса: был постник-священник, умер, попал в рай. Там сперва ликуют, наскучивает — поют [402] славу, наскучивает — ведут богословские беседы (спасение — не только верой, но и разумом!), и этого тоже хватает на всю вечность. Но отшельник был неученый и заскучал, и тогда ангелы упросили Господа выгородить ему пустыньку, чтобы ему было хорошо. В ад и рай попадают по собственному желанию, но грешникам райский свет болезнен, и они просят оттуда в ад почти по Эриугене.

Раздвоенность «Ты любишь себя без взаимности: одно Я говорит «я хороший», другое Я: «нет, мерзавец»; то ли дело я, одно говорит «я мерзавец», а другое отвечает «именно»«.

«Разнузданное благородство» — выражение Мирского об Огареве.

«Разлагаться тоже надо умеючи», говорил Мандельштам (против Вагинова — за Бодлера): Ежег. РОПД-93, 48.

Расизм «Русские в Америке — расисты, потому что чувствуют себя третьим сортом и рады думать, что есть еще и четвертый и пятый сорт» (рассказ Н. Б.).

Рецензия на рукопись: «Написано без скидок на среднего преподавателя». Следующая была уже без скидок на среднего академика.

«Религия — опиум для народа? может быть! Но политика для него — героин!» —

Граффито в университетской уборной в Риме.

Рецептивная эстетика считает, что текст непонятен, но читатель делает его понятным. (Но кто делает понятным читателя хотя бы самому себе? кто кого светлей?) Я говорил сыну: «Тебе не нравится эта книга? Неважно: важно, чтобы ты ей понравился». (Ср. БОГ.) Это я выворачивал наизнанку Теренцианово *Pro captu lectoris habent sua fata libelli*, а рецептивизм только повторяет Теренциана без ссылки на источник.

Романтизм Б. Садовский, «Черты из жизни моей»: «По зимней дороге... днем развлекали мой путь станции и постоянные дворы... По ночам луна сияла... под звук колокольчика, слушая ямщицкие песни и вой волков, летел я, дремля в кибитке...» — как будто ямщицкие пути были ночными, а ночлеги дневными.

Романтизм Наполеон, романтический герой, был человек без страстей: чистый ум, движущий страстями армий. Цветаева, его поклонница, наоборот ей нужна была топка страстей, чтобы работал двигатель фабрикации рационально вывереннейших стихов.

Род «Скверное кофе» от лица рассказчицы и «кофе простыл» от лица светского персонажа — у Берберовой в «Аккомпаниаторше». [403]

Роскошь «И не позволяй себе роскоши стать кому-то необходимым».

(Часть II. «На добрую память». Глава 3. «Тихие откровенности». ...И терпение переполнилось. Последней каплей была казнь какого-то учителя в какой-то андалузской деревне. Все взметнулось, небо вспыхнуло зеленью и погасло. Улицы замостились головами — булыжник потрясал котелками, и по воздуху распоролось шелковые черные бабочки. Рви! Загорелась медь предохранителей, и шип ее зеленых паров нельзя было заглушить свистками. Огороды Больших бульваров лопнули от гордости. Черная мощь не обочлась. Рви! Загородились порочные бесконечности штукатуренных рвов. Свет пропадал с каждым криком, и они хрипели все новыми пророчествами и прорицаниями. Хрюканье обуви по каменной земле и лязг падающего гофрированного железа отсчитывал надсаждающийся перебой фабричных гудков. Рви! Все на улицу! Мощный мрак шлепали по морде горящими газетами. Светлые змеи пробежали по фетровой икре и улетали, помахивая хвостиком. Ревущие обшлага распадались крыльями, и черные пучеглазые утюги врезались в кучи, замолкавшие, чтобы снова занять «Невозможно!» Рви!.. Зацепи зарю земляную бездельницу! Царапай разьежее! И стекло валилось звонкой инструментовкой ударных. «От, крепкое. Бью в него ломом, дырка есть, а звезды не получаются». Но звезд нигде не было в продаже. — И. Аксенов, «Геркулесовы столпы», роман, ЦГАЛИ, 1095, 1, 29.

Сатира (сатир?). Аким Нахимов был «лицом некрасив, но физиономию имел многообещающую и сатирическую» (В. Маслович).

Сам Работа в искусстве начинается с самоутверждения, в науке кончается самоутверждением.

Самоубийство Сколько у Пушкина было в жизни дуэлей? Пушкинисты избегают прямого ответа. Его многочисленные вызовы и единичные дуэли аналогичны рулеточным выстрелам Маяковского, которых было много, но сработали они, только когда стало необходимо.

Самоутверждение Марионетка, которая, утверждая свою свободу воли, рвет одну за другой свои нити и в конце концов остается грудой членов лежать на сцене, — откуда этот образ?

Свобода Т. В. объясняла: стоики различали провидение и судьбу: первое — программа, вложенная в живое существо, второе — ее реализация, а в зазоре между ними — свобода воли. Ю. Ф. сказал мне: вот она, та внутренняя свобода, которой вам недостает.

Свобода тщеславия — выражение Пимена Карпова.

Себя Каша, которая сама себя хвалит, кошка, которая сама себя гладит (слышались в интонациях доклада НН). «Идет дальше и видит: стоит каша фуфу и сама себя помешивает» (афри[404]канская сказка). — Есть понятия «специалист по самому себе», «доклад о собственной эрудиции», с выходом в эстетику постструктурализма.

Сенека теперь воспринимается как аналог новому русскому, этакий римский Березовский, со своим богатством (от подарков императора, но не все же!) правящий государством из-за кулис. Только это и занимало современников, а что он еще был философ и хороший писатель, это знал лишь тонкий слой элиты.

Сократ «Господи, прости их, они ведают, что творят» — это ведь вариация Сократа, «кто грамотней: тот, кто делает ошибки нечаянно или нарочно?»

Связь времен Фейхтвангер писал на античные и средневековые темы с современными реалиями — а как бы выглядел роман на современную тему с античными реалиями? Как стихи Поплавского?

Секс Если переходить на сексологические термины, то литература (и наука) есть не что иное, как вуайерство при людях и природе. Мы, читатели, — не собеседники, мы подслушиватели чужих диалогов.

Семантика метра Что, если бы Пушкин не перешел бы в «Руслане» на лирический 4-ст. ямб и остался бы при эпическом 4-ст. хоре «Ильи Муромца» и «Бовы»?

О, дела давно минувшего,
О, старинные предания!..
Князь Владимир Красно Солнышко
Во своей высокой горнице
С сыновьями правил пиршество...

Было бы впечатление погруженности в предмет вместо дистанцированности — по существу, Пушкин в «Руслане» уже играет точкой зрения, как потом будет в сцене смерти Ленского.

Семантический ореол Ремизов, уходя, вешал на дверь записку: «Выхожу один я на дорогу» (Седых, 113).

Синонимы В изд. АН одновременно выходили полные собрания Герцена и Белинского, при либерале Герцене были «комментарии», а при рев. демократе Белинском «примечания».

Синтаксис Мы учимся сути по придаточным предложениям: в них те предпосылки, которые обычно умалчиваются по самоподразумеванию, а в главных предложениях может быть и вздор.

Синтаксис «В отношении таких слов, которые являются нелитературными, грешен, употребляю. Но по отношению к людям никогда, [405] стараюсь не обижать личность. А для того, чтобы связывать различные части предложений, бывает». Ю. Лужков (Ит. 28. 10. 1997).

Склонение «...оказалось совершенной фрустрой», сказал в докладе Г. К.

Слова «Когда последние — это были впостась и вссон — были по сажены на корабль... Это просыпаются слова. Они спят днем, когда вещи бодрствуют, и бодрствуют ночью, когда все спит. Тогда и следует их брать... Если мы не хотим погибнуть, с корабля нужно высадить глаголы движения... Ах, наречия загромаждают трюм и делают наш корабль похожим на барку с кирпичами...» Это не Кржижановский, это Ш. ван Лерберг, «Весы», 1907, 2.

Со Право на сосуществование, борьба за сосуществование.

«Спокойно жить — это когда знаешь, что можешь умереть, когда хочешь».

Смерть «Умру и буду тебя вспоминать», сказал Н. Брагинской ее сын.

Смерть Киплинг: «Кто не дотерпел до смерти, тому нечего было терпеть». — «Равви, долго ли еще? у нас уже нет терпения! — Евреи, не дай бог, чтобы это длилось столько, сколько у нас есть терпения!»

Смерть «Распряжки и вывода из оглобель не трепещу» (Лесков, 11, 494).

Смерть «Идя потом домой, он соображал, что от смерти будет одна только польза: не надо ни есть, ни пить, ни обижать людей — от жизни человеку убыток, а от смерти польза» («Скрипка Ротшильда»).

Сознание и бытие Доклад О. Вайнштейн об одежде западных гуманитариев: кто-то ходила, одетая по-феминистски просто, но в архив одевалась корректно: в фуфайке ей приходилось самой таскать пыльные папки, а когда была в дамском пиджаке, то ей помогали служители.

«Совок?» От лопаты слышу».

Справедливость и милосердие — атрибуты Божьи, школа диалектики. «Проси, говорит, у меня милости, — отца родного съем; а будешь, говорит, по закону требовать, а тем паче по естеству — шабаш» (Щедрин, «Завещание моим детям»). В. Микушевич: «Венцлер, фрейбургский теолог, автор книги «Проблема зла у Вл. Соловьева», сказал мне: Бог Вас простит, потому что без Вас ему было бы скучно». [406]

Сон сына. В библиотеке отыскиались подлинные письма Витрувия в китайское посольство — вложенные в чье-то собрание сочинений машинописные листы капитальным шрифтом, сложенные в гармонику. Почему-то сплошь похабного содержания: «а с таким-то вот что случилось...» — наверное, это у них был та кой фольклорного происхождения код для подрывной информации.

Спираль Г. Френкель открыл, что это была необходимая основа композиции ранней поэзии и прозы, начиная от Гесиода: исполнение устное, назад не перелистнешь, периодически приходится возвращаться и напоминать главное. М. Е. Сергеенко самостоятельно нашла то же в «Земледелии» Катона. Я разобрал с этой точки зрения последний отчетный доклад Ленина в 1922 г.: безукоризненно то же, мысль периодически прерывается и возвращается к «Но гвоздь в...»

Спираль Со слов Е. Г. Эткинда: Эйхенбаум начал однажды оппонирование на защите словами: «Прежде всего я хочу сказать, что диссертация полностью удовлетворяет требованиям и автор заслуживает звания, — прошу это запомнить, потому что по том мне будет очень трудно к этому вернуться».

Способность У меня не то чтоб нет способности учиться языкам — у меня слишком велика способность их забывать. Читаю без словаря, как без очков: понятно, но не ясно, не сбиваешься с пути, но ничего не видишь по сторонам.

Способность к самостоятельности и потребность в несамостоятельности — тяжелое совмещение.

Современность Наше позитивистское «главное для интерпретации произведения — восприятие современников» — по существу, тоталитаризм современничества, исторический презентоцентризм. А деструктивистский протест — это антиисторический презентоцентризм, вот и вся разница.

Современность «Современники вообще любят плохую литературу», сказал А. Панченко.

Специализация Почему, при всех недостатках, классическим стал все же Еврипид Анненского, а не, например, Мережковского? Потому что Мережковский навредил себе, переводя всех трех трагиков подряд и унифицируя их своим стилем: над ними читатель говорил «это Мережковский», а над Анненским «это Еврипид». Вот выгода самоограничения.

Статистика (ФЗ 1997) В 1996-м половина жителей России не прочитала ни одной книги. В. Виноградов говорил: «Мы любим гордиться размахом: нам скажут обидное, а мы в ответ: «Зато у нас одних неграмотных больше, чем все население Дании». [407]

Стиль К. Федин, как все сверстники, формировался на Достоевском, но без влияния стиля Достоевского — потому что это с ним было в Германии, по переводам. Точно потому же ускользнул от русской стилистической моды и Вяч. Иванов.

Стиль «Почему Пушкина не преподавать иностранцам? потому что прозрачен, у него или одно значение, или, сквозь него, бесконечно много. А у Цветаевой четыре или пять, все можно перебрать» (кажется, А. Осповат).

Стилизация «Какой породы была Муму?» — Никто не помнит. Испанской породы, спаниель. А обычно ее представляют более плебейской, стилизуя под Герасима. (Кажется, Р. Лейбов.)

«Столпотворение истины», описка М. Альтмана в заглавии Флоренского, «Разг. с Вяч. Ив.», 117.

Социалистический классицизм Постановление французской Академии о «Сиде» написано совершенно советским языком: так-то так, но требуется вот что.

Смирно Подходить ко всякому человеку по форме «смирно», как для молитвы, — Л. Толстой, 54, 173, 189.

Соборность Вяч. Иванов начинал ее с любви втроем: если двое стали одно, то почему бы им не любить третьего? — Однако, если один чувствует себя раздвоенным, то может ли он любить хотя бы второго?

«Коллективный солипсизм» — писал Шестов о большевизме.

Страдание «Царица страдала убеждением, что ее призвание — спасти Россию», восп. Бьюкенена.

Старость «Как себя чувствуете? — Хуже, чем раньше, но лучше, чем потом». (Слышано от В. Е. Холш.).

Старость Представить себе творчество старого Пушкина легче, чем старого Лермонтова. Первого — по образцу Вяземского и Тютчева, а второго по образцу — Огарева?? — «Как сказано у старика Лермонтова...» — сказал кто-то.

Старуха В «Пиковой даме», гл. 3, графиня, умирая, «покатилась навзничь», а в гл. 4 утром «мертвая старуха сидела окаменев». Помнил ли это Хармс?

Стрекоза и муравей по-папуасски будет попокоруа и кикихи. [408]

Сумма Анненский в разговорах «выработал целую мистическую теорию: мир заключает в себе лишь известную сумму зла, и страдающие должны радоваться, если свалится на них лихая беда или лютая болезнь: они тем облегчат бытие всего человечества» (П. Митрофанов у Венг. П, 287).

А ночью с 1 на 2 сентября приснился неясный мифологический персонаж и сказал:

*Вчера было первое,
А теперь второе.*

*Наше дело нервное,
А мы не герои.*

Тайна Афоризм из АиФ 1997, 23: «Как мы живем — это государственная тайна, а на что живем — коммерческая».

Тайна Священная свадьба Зевса и Геры справлялась на Самосе, длилась 300 лет и была тайной (Сх. к «Ил.», 1, 609. Возможна порча текста).

Такое Была пародия Б. Аннибала на «Дали» Брюсова с примечаниями к каждому слову («Я чтит Христа, равно и Будду, и Маркс был так же мною чтим. Теперь стихи писать не буду, а только примечанья к ним. — Христос — основатель христианской религии; Будда — основатель буддийской религии; Маркс — известный петербургский издатель»). К строчкам «Вошел — и знаком Зодиака был каждый осенен мой шаг» было примечание: «Зодиак — такое слово». Это лучшее примечание, какое я знаю: комментарий так и должен сообщать читателю, что такие-то слова рассчитаны на понимание (такое-то), а такие-то на непонимание. Есть произведения — «Конец хазы» или «Туатамур», — которые разом выцветают, если к ним приложить словарь

Текстология Для Пастернака вдохновение, «сила» были синонимами быстроты, «сейчас же и тут же». А работал он, как ломовая лошадь, и поэтому черновики уничтожал.

Тмесис Сказка Державина начинается: «Царь жила-была девица, Шепчет русска старина...» — отсюда весь тмесисный стиль цветаевской «Царь-девицы». Ср.: «если чего-нибудь ждать настоящего, то только здесь — не у бизнес- же- менов в Америке!» (слова Есенина в письме Зубакина Горькому, Немир. 138). Еще точнее: «Контр твоя революция нам теперь вполне известна...» (Рассказы Синебрюхова).

Толстой Нейгауз говорил: я понимаю, что Гольденвейзер не противится злу, но почему он так противится добру? [409]

В. П. Зубов писал Ф. А. Петровскому письма от лица помещицы Коробочки и других лиц. «Скажите, пожалуйста: от кого ушел Лев Толстой? С. А. пишет, что от Черткова, тот — что от Татьяны Львовны, та — что от Гольденвейзера, тот — что от Гусева, тот — что от Сергеевки, тот — что от Александры Львовны, та — что от Булгакова, а г-н Мейлах пишет, что от всех сразу, кто же прав?»

Тщеславие Аракчеев делал запись на вкладках евангелия каждый раз, когда он отказывался от Андреевского ордена.

«Товарищи!» — обращалась Цветаева к белогвардейцам («...жива еще — Мать — Страсть — Русь!»)

Точка зрения Нумерация мест в зале заседаний — слева направо, но с т. зр. сидящих или президиума? В Академии наук на Лен. проспекте — с т. зр. президиума; сидящие могут обидеться.

Транскрипция По телевидению показывали «Бесов» Вайды, и переводчик произносил фамилию Chatoff — «Чатов». Чего требовать, итд.

Традиция в литературе — это осязаемая ограниченность принятого набора слов: большего или меньшего, чем в уличном разговоре?

*Благотворная денница
Разорвала ночи мрак,*

*И пустынная синица
Пела утро кое-как.
Языков*

Труд Непрочитанный Языков — я бы начал о нем так: «Он был великий труженик: в Дерпте у него писалось столько строк в месяц, что не удивляешься, что он ничему не учился, а удивляешься, когда он успевал пить...»

Труд Тынянову было трудно не открывать новое, а доказывать очевидное — поэтому он и перешел от науки к литературе. Его критические статьи недооценены, а он был лучшим критиком, чем литературоведом: его жанр — эссе, бессильный в русской традиции. А 30-е гг. требовали больших жанров: видимо, Тынянову легче было применить к ним в беллетристике, чем в науке.

Трусость «Есть несколько рецептов устоять перед соблазнами, но лучший — трусость» (М. Твен, «По экватору»).

Турецкий «Отец умер со свойственной его турецкой душе беспечностью» (Ясин., 219).

Увя В Письмовнике Курганова в списке междометий перечисляются: *увы, увя* — видимо, от *oh Weh*. [410]

Узелок У мексиканских индейцев при очищении от грехов женщина сжигает веревочку с узелком на каждого мужчину (Фрезер, 34)

Узелок Узелковое письмо перуанского типа самостоятельно изобрел капитан Головин в японском плену, выщипывая разноцветные нитки из мундира, когда хотел побольше запомнить, а записывать было не на чем. Это тогда японцы будто бы перевели с его голоса оду Державина «Бог» на японский язык, о чем комментаторы поминают с гордостью, хотя этого перевода никто не видел.

Устав На стенке в РФФИ выписка: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальства» — Устав Петра I.

Утилитарность искусства. Глеб Успенский в Колмове страдал запорами, но не давался клизме; а услышав, как санитар Федор напевает литургический стих («ах! вы настоящий христианин!»: он ведь и в письмах обращался: «Святой Иван Иванович...»), дался, и Федор ставил промывание, напевая стихиры (Летоп. ГЛМ, 4, 1940).

Ународовать в знач. популяризировать писал Срезневский: «и десятисложный стих ународовался».

Утка газетная, Ente от N. T., non testatur. ANN значит nomen nescio.

Устрицы Белинский был до них великий охотник (Неведенский, 45).

Управление Тютчев о Грейге сказал: Конногвардейскому офицеру поручают финансы, публика удивлена, но не очень; а попробуйте Рейтерна сделать конногвардейским командиром, все с ума сойдут! (Феокт., 294).

Уровень Л. Пинский о студентах в Ярославле: «Вижу, не понимают, стал понижать уровень, понижал, понижал, но так и не достиг дна» (восп. З. Паперного, ТынСб 10, 741).

Уф Наполеон спросил придворного, что скажут добрые французы, когда он умрет. «Ах, они скажут что же теперь с нами будет» итд. «Вы думаете? Может быть. Но сперва они скажут: Уф!» Мировая культура сказала «уф» после смерти Пикассо, русская после смерти Толстого, но не после смерти Пушкина: Пушкина она похоронила заблаговременно еще в 1830.

Ушко — сон сына о верблюде, которому всю жизнь хотелось пройти в игольное ушко, а

вместо этого он попал в царствие небесное. [411]

А приятелю С. Аверинцева («надо его знать, чтобы оценить», сказал С. А.) приснился говорящий кот. Он счел кота оракулом и спросил, будет ли война. Кот ответил что-то матерное, а про войну — неразборчиво. Другой кот со шкафа пояснил: про войну он говорит только по-китайски.

«Фальшивый купон» — не он ли образец того рассказа Хармса («Связь»), где неведомо взаимосвязанные герои в финале едут в одном трамвае? а заодно и поэтики совпадений в «Докторе Живаго», о которой теперь много пишут?

Feedback Эпиграф в ОГ: «Делая подлость, не ссылайтесь на время. Помните, что время может сослаться на вас».

Festina lente — «не спешите, но делайте быстро».

Физиология Я как тот персонаж из притчи Заяицкого, который забыл, что психология — наука неисчерпаемая, а физиология исчерпаемая, не рассчитал темпа и к 45 годам выучил ее до конца. Очень был недоволен: в старой науке ничего не осталось, а новую начинать поздно. Так и кончил жизнь, занимаясь рыбной ловлей. А я (не умея ловить рыбу) взялся за новую, за лингвистику стиха, и недоволен, что жизни уже не хватит.

Фирс С. Г. Голицын, «длинный Фирс», не сделал карьеры, потому что именины Фирса — 14 декабря.

Хмель Костров трезвый не любил стихов Петрова, а пьяный любил (Вяз. ЛП, 69).

«Хорошее искусство — это то, которое современникам кажется старинным, а потомкам — новым». Плутарх, «Перикл», 13, о Парфеноне.

Хер Ответ А. С. Хвостова на послание А. В. Храповицкого начинался: «От хера умного к посредственному херу Пришло послание. Доволен я чрез меру...» итд. («Раут», III, 155).

Цензура Благоразумный цензор держится системы: угадывать, как могут истолковать статью враги; неблагоразумный и такой системы не держится, а только боится (Никитенко, 22 дек 1852). Цензор Ахматов запретил арифметику, потому что в одном месте между цифрами стоял ряд точек, обнаруживавший тайный умысел (25 февр. 1853).

«...а Царевна-лягушка став красавицей, еще долго чувствовала себя чудовищем» — и наоборот. — «Принц, конечно, к Золушке пришел, но не женился на ней», сказала девочка. [412]

Цареубийца «Оставалось истребить последнего тирана, а таким был он сам». Ремизов о Савинкове, Ив., 266. См. АФИНЫ.

Ценность Психолог сказал: «У Житкова в «Что я видел» самое замечательное и труднодостижимое для взрослого — безоценочность».

Цель «Дядя Филя! Что делается на том свете, ты чувствуешь?» — «Так себе — пустяки и мероприятия. Это несерьезно, Иван Федорович, зря люди помирают» (Платонов, «Четырнадцать красных избушек»).

Центон русский, из малоизвестных (ср. ПОСТМОДЕРНИЗМ): у Вересаева в рец. на «Алкея и Сафо» В. Иванова, по поводу сборки текстов из порознь дошедших фрагментов:

Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Отшельником два года незаметных.
Вот мельница, — она уж развалилась;
Прервали свой голодный рев [колеса?]...

«Человек человеку — черный ящик». «Человек человеку — Розеттский камень».

Человек «Еще в Петербурге я спросил К., как он к человеку относится. Ничему не удивляюсь, ответил К., жду от каждого самой последней подлости, но верю в добро — такая у меня повадка» (Ремизов, «Учитель музыки»), — «Теперь уж приходится спрашивать не «веришь ли в бога», а «веришь ли в человека»» (Вяч. Иванов М. Альтману, 80).

«В человеке еще живет один маленький зритель — он не участвует ни в поступках, ни в страдании, он всегда хладнокровен и одинаков. Его служба — это видеть и быть свидетелем, но он без права голоса в жизни человека, и неизвестно, зачем он одиноко существует. Этот угол сознания человека день и ночь освещен, как комната швейцара в большом доме. Круглые сутки сидит этот бодрствующий швейцар в подъезде человека, знает всех жителей своего дома, но ни один житель не советуется со швейцаром о своих делах. Человек никогда не помнит его, но всегда ему доверяется — так житель, уходя из дома и оставляя жену, никогда не ревнует к ней швейцара. Это евнух души человека. Жители входят и выходят, а зритель-швейцар провожает их глазами. От своей бессильной осведомленности он кажется иногда печальным, но всегда вежлив, уединен и имеет квартиру в другом доме. В случае пожара швейцар звонит пожарным и наблюдает снаружи дальнейшие события». — «Чевенгур».

Четырнадцатый век Островскому сказали, что «Грозу» перевели во Франции, он удивлялся: «Зачем? для них ведь это — четырнадцатый век». Стивен Грэм, английский славянофил, исходивший пешком [413] Россию и по Лондону ходивший в косоворотке, объяснял свое умиление: «Там все — как у нас при Эдуардах!» — т. е. тоже в четырнадцатом веке. Кто удивляется на то, что у нас сейчас происходит, пусть прикинет: прошло сто лет — какой у нас нынче век? Пятнадцатый. То-то. Кстати, тогда тоже поджигали тех, кто выбивался из цеховых уставов обязательного равенства.

Штаны В начале XX в. в петербургском свете это слово было приличнее, чем вульгарное «брюки» (В. Набоков к «Онегину», I, 26). Когда Остап Бендер предпочитает не «Штанов нет», а «Брюк нет» («граждане довольные расходятся по домам») — это уже другая культура. На двусмысленном пограничье стоит трагедия «Владимир Маяковский», где в нарастающем гуле кричат: «Штаны, штаны!», и от этого страшно.

Шиш Дьявол может являться хоть в образе Христа (но не Богородицы), и Тереза Авильская проверяла, показывая шиш: от шиша бежал (В. Злобин, в кн. о Гиппиус). «Чертенята ангелятам шишки показывают» — с осуждением о «Посолони» (Рем, «Крашенные рыла», 99).

Шапка-закидайка — там же, 97

Штопор «Пусть я не микроскоп, а штопор, все равно не стоит мною гвозди забивать!» — Маршак говорил: если человека расстреливают, пусть это делает тот, кто владеет винтовкой.

Эгоцентризм Ахматова говорила: когда на улице кричат «дурак», необязательно оборачиваться («Арион» 1997, 1).

Эволюция Дарвинизм и ламаркизм совместимы: русская литература в советских условиях развивалась как вымиранием слабых, так и приспособлением сильных.

Et quibusdam aliis Какой-то писатель по радио: «Беседовали мы, в частности, о всевозможных вещах...»

Эпикур На него удивительно похож Ленин в «Мат. и эмпириокр.»: пусть материя будет энергией, пусть чем угодно, только бы не проявлением божества.

Юности зеркало Когда стараются сочинить новую российскую идею, это напоминает, как американцы в XIX в. сочиняли себе национальные обычаи, например — есть с ножа.

Второй разбойник: Вот я никогда снов не вижу, а они меня видят.
«Дон Жуан» [414]

Японский рецепт долголетия: раз в неделю ничего не делать. «Синий журнал», 1912, 25.

Я Бердяев, «Самосознание»: «Андрей Белый сам говорил про себя, что у него нет личности, нет Я: иногда казалось, что он этим гордился». Не было личности, а была индивидуальность, категория неморальная.

Я и мир «Ваш круг общения? — Это те, с кем я себя нормально мироощущаю». Интервью с артисткой Л. Зайцевой, КП 18. 04.97.

Язык «Вы думаете, что казенный язык — это разговорник, в котором есть только готовые фразы, а это — словарь, которым можно сказать и любые собственные мысли». См. РИТОРИКА.

Язык Анненский «любил просторечие, произнося его как иностранные слова» (восп. Волошина).

Язык На феррарско-флорентийском соборе, переводя с латинского, «глаголющи тремя языки, гречески, фрязски и философски» (цит. Лотман, Письма, 617). См. КУРГАНОВА ПИСЬМОВНИК.

Язык «Ботать по дерриде» — выражение в НЗ (кажется, Г. Дашевского).

Язык Н. Ав., когда к ней пристают цыганки, говорит им первые вспомнившиеся стихи Вергилия или Горация, и те с бранью отстают. От собственного языка они отшатываются еще скорее: А. А. Белецкий сказал мне, как ответить по-цыгански «пошел прочь», но я забыл.

Язык «Никакой язык». «Тетушкин язык». «Язык утверждает, что ничего не случилось». Выражения Б. Житкова.

Сон на заседании. Берег моря, олеографически голубое небо, пустой пляж, уходящий вдаль. Я иду по темной кромке песка, издали приближается девушка-подросток, босая, подвернутые брюки, клетчатая рубашка. Она смотрит в меня, и я понимаю: она ждет, что я почувствую возжелание, а она поступит, как захочет. Но я не могу почувствовать возжелание, потому что не знаю, какой я? Такой, как есть? как был в давнем возрасте? как представляю себя в фантазиях? И оттого, что я этого не знаю, я медленно исчезаю и перестаю существовать.

Леноре снится страшный сон —
Леноре ничего не снится. [415]

Примечания

Напомню: лингвистические традиции Москвы существовали только для лингвистов. Я учился на литературоведа и поэтому за пять лет ни разу не слышал на лекциях имени Соссюра — только изредка в коридорах. У Пушкина альманашник говорит: *Руссо был человек ученый, а я учился в Московском университете*. Эти слова мне не приходилось забывать ни на минуту.

Все цитаты — по памяти, кроме немногих обозначенных. Прошу прощения у товарищей-филологов.